аластер рейнольдс

ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

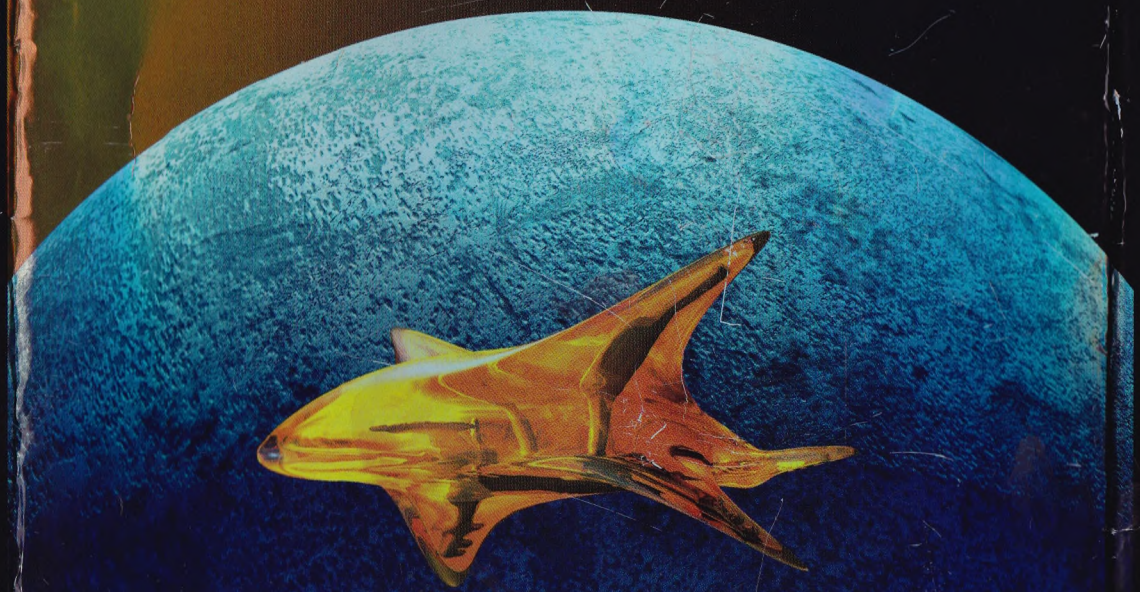

АЗБУКА

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и кромешная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

**ПРЕМИЯ БРИТАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
ЗА ЛУЧШИЙ РОМАН ГОДА**

аластер рейнольдс

Цикл
«ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ»

- Пространство Откровения
- Город Бездны
- Ковчег спасения
- Пропасть Искупления

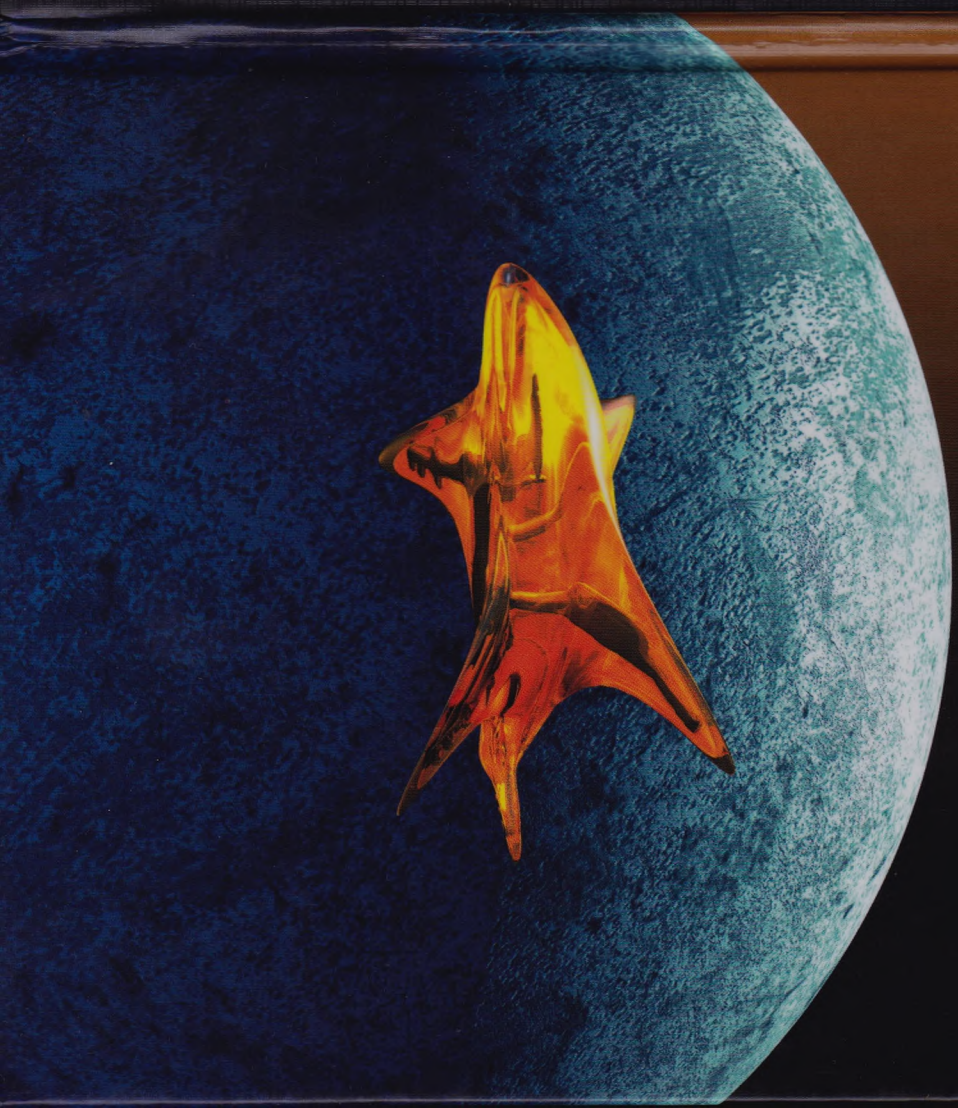
ДОМ СОЛНЦ

АЗБУКА

ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

аластер рейнольдс

звезды новой фантастики

Цикл

«ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ»

Пространство Откровения

•

Город Бездны

•

Ковчег спасения

•

Пропасть Искупления

аластер рейнольдс

ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

Роман

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445
Р 35

Alastair Reynolds
ABSOLUTION GAP
Copyright © 2003, 2004 by Alastair Reynolds
First published by Victor Gollancz Ltd., London
All rights reserved

Перевод с английского О. Колесникова

Оформление В. Манацковой

Рейнольдс А.

Р 35 Пропасть Искупления : роман / Аластер Рейнольдс ; пер. с англ. О. Колесникова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 768 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-06968-8

Если во Вселенной появляется новая форма жизни и достигает определенного порога разумности, с ней беспощадно расправляются ингибиторы, древние чистильщики космоса. Сейчас под их ударом оказалось человечество.

Спасаясь от армады машин-убийц, тысячи беженцев, возглавляемые ветераном многих войн Клавэйном, основали колонию на планете-океане, которой дали имя Арарат. Но гибель подступила и сюда. И когда уже казалось, что все кончено, ангелом мщения с небес спустилась нежданная гостья — чтобы предать мученической смерти своего обидчика и подарить остальным призрачный шанс.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

© О. Колесников, перевод, 2015
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-06968-8

Посвящается моим родителям

Вселенная больше похожа на великую мысль, чем на сверхгигантскую машину, и эта разница постоянно увеличивается.

Сэр Джеймс Джинс

ПРОЛОГ

Она стояла на краю пристани и смотрела в небо. В свете луны деревянный настил блестящей серебряно-голубой лентой убегал назад, к темному берегу. Мглистые волны с тихим плеском бились в опоры. На другой стороне бухты, у западного горизонта, мерцали пятна пастельно-зеленого сияния, словно там ушел под воду целый флот галеонов со всеми горящими светильниками.

Она была облачена, если такое слово подходит, в белое облако из механических бабочек. Этим бабочкам было велено держаться ближе к ее телу, отчего их крылья сомкнулись, образовав нечто вроде брони. Нельзя сказать, что она замерзла, — вечерний бриз, напоенный легким экзотическим ароматом далеких островов, был теплым, — но под пристальным взглядом чего-то огромного и очень древнего она чувствовала себя беззащитной. Если бы она прибыла сюда месяцем раньше, когда на этой планете еще оставались десятки тысяч людей, море вряд ли уделило бы ей столько внимания. Однако теперь на островах не осталось никого, лишь горстка упрямцев, не желающих торопиться или запоздавших вроде нее. Она была тут новичком — или, правильнее сказать, вернулась после долгого отсутствия, — и ее химический сигнал пробудил море. Светящиеся пятна в бухте появились вскоре после ее посадки. Это не было совпадением.

Времени прошла тьма, а море все еще помнит ее.

— Нужно лететь, — донесся голос с темной полоски берега, где нетерпеливый телохранитель дожидался ее, опираясь на трость. — С тех пор как перестали следить за кольцом, здесь опасно.

Ах да, кольцо: отчетливо видимое, этакое топорное, гротескное изображение Млечного Пути, оно рассекало небо. Кольцо

бликовало и переливалось: бесчисленные осколки камня отражали лучи здешнего солнца. Когда она прибыла сюда, планетарные власти все еще занимались кольцом: она поминутно замечала розовые вспышки маневровых двигателей работяги-дрона, который исправлял орбиту очередного осколка, не давая ему забуриться в атмосферу и рухнуть в море. Она представляла, как местные загадывают желания, глядя на эти вспышки. Поселенцы были не более суеверны, чем обитатели других планет, где она побывала; просто они осознавали уязвимость своего мира — без этих розовых вспышек будущее может и не наступить. Властям ничего не стоило следить за кольцом и дальше: саморемонтирующиеся дроны выполняли эту механическую работу уже четыре сотни лет, с первых дней повторного заселения. Отключение дронов было чисто символическим жестом, чтобы ускорить эвакуацию.

Сквозь дымку кольца она видела вторую, дальнюю луну: ту, которая уцелела. О том, что случилось, на планете не знал почти никто. Она знала. Видела своими глазами, хотя и издалека.

— Если мы задержимся... — заговорил хранитель.

Она повернулась к берегу:

— Я еще немного постою, и мы улетим.

— Боюсь, как бы кто-нибудь не угнал наш корабль. И еще меня беспокоят гнездостроители.

Она кивнула, понимая опасения хранителя, но желание сделать то, ради чего она сюда прибыла, осталось твердым.

— С кораблем ничего не случится. И гнездостроители нам тоже ничего не сделают.

— Похоже, мы их заинтересовали.

Она отогнала от лица заблудившуюся механическую бабочку.

— Так всегда бывает. Просто они слишком любопытны.

— Час, — сказал он. — А потом я оставлю вас здесь.

— Не оставите.

— Есть лишь один способ проверить, верно?

Она улыбнулась, зная, что ее не бросят. Но у хранителя были основания волноваться: по пути сюда они встретили флот эвакуации, неисчислимый рой встречных кораблей. Это было все равно что плыть на лодке против течения. К тому времени, как они достигли орбиты, космические лифты уже были перекрыты: власти никому не разрешали спускаться по этим кон-

струкциям на поверхность планеты. Чтобы попасть в кабину, пришлось хитрить и давать на лапу. Им удалось найти жилье, внутри которого, как сказал ее спутник, все пропахло паникой; химические эманации человеческих клеток впитались в мебель и стены. Она могла лишь порадоваться, что не столь чувствительна к запахам. Ей и без того было страшно, хотя она старалась этого не показывать. Еще сильнее она испугалась, когда гнездостроители увязались за ее вошедшим в систему субсветовиком. Их диковинный корабль со спиральным полупрозрачным корпусом, покрытым бороздами и иными выемками, оставался едва ли не последним на орбите. Хотят от нее чего-то гнездостроители или просто решили понаблюдать — поди догадайся.

Она снова повернулась к морю. Возможно, мерещилось, но пятна словно бы увеличились в размерах и числе; теперь они напоминали не затонувший флот галеонов, а ушедший под воду мегаполис. Казалось, пятна света крадутся по морю к причалу. Океан уже мог попробовать ее на вкус: между ней и водой сновали микроскопические организмы. Они проникали через поры кожи, попадали в кровь, в мозг.

Она задумалась о том, многое ли известно океану. Возможно, он уже почувствовал эвакуацию, уход множества людей. Наверное, скучает по купальщикам, делившимся с ним нейронной информацией. Он мог догадаться, что за кольцом больше не следят: два или три мелких осколка луны успели рухнуть в воду, по счастью далеко от островов. Но имеет ли океан представление о том, что тут вскоре произойдет?

Она отдала бабочкам новый приказ. Некоторые насекомые отделились от рукавов и собрались перед лицом. Сомкнув крылья, бабочки образовали экран размером с носовой платок, с неровными краями; на периферии крылья продолжали трепетать. Экран изменил цвет, стал совершенно прозрачным, с фиолетовыми краями.

Она подняла голову, вгляделась в вечернее небо. При помощи особого компьютерного эффекта бабочки удалили изображения кольца и луны. Экран потемнел, звезды засияли ярче. Сосредоточившись на секунду, она выбрала одну из звезд.

В звезде не было ничего примечательного — просто ближайшая к этой бинарной системе, всего в десятке световых лет отсюда. Однако теперь эта звезда превратилась в метку, стала

первым знамением неотвратимого. Она побывала в той системе тридцать лет назад, когда там объявили эвакуацию.

Новый компьютерный эффект. Изображение увеличилось, выбранная звезда оказалась в его центре. Она разгорелась, потом окрасилась. Теперь она была не чисто-белой и даже не бело-голубой, а белой с несомненным оттенком зеленого.

И это было неправильно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Арарат, система р Эридана а, год 2675-й

Молодой Васко плыл к берегу, а за ним следил Скорпион. Всю дорогу он думал о том, каково это — тонуть. Что ощущаешь, медленно уходя под воду, во мрак, одну за другой оставляя над собою морские сажени. Говорят, если ты решил умереть, то утопление — не худший способ самоубийства.

Интересно, откуда у людей такая уверенность? И насколько это применимо к свиньям?

Он все еще размышлял об этом, когда лодка мягко села на мель. Электромотор поработал вхолостую, пока Скорпион его не выключил.

Он опустил в воду шест и удостоверился, что глубина тут не больше полуметра. Надеялся разыскать протоку из тех, по которым можно подойти ближе к острову, но сойдет и так. Хоть он и не договорился с Васко о месте встречи, не оставалось времени, чтобы уйти мористее и двинуться вдоль берега, разыскивая то, что нелегко найти даже при чистой воде и безоблачном небе.

Скорпион прошел к носу и взял бухту обтянутого пластиком каната — в пути Васко пользовался ею как подушкой. Туго намотав конец на руку, он ловко, одним скользящим движением перебрался за борт. Потом с плеском двинулся по мелководью к берегу в бутылочно-зеленой, едва доходящей до колен воде. Сапоги из толстой кожи и кожаные же облегающие штаны неплохо защищали от холода. Скорпион выбрал слабину троса и развернул к себе носом пустую лодку, которую уже сносило течением. Потом, согнувшись, двинулся вперед, буксируя плавсредство. Обкатанные камни не давали на-

дежной опоры, и на этот раз косолапая походка сослужила ему неплохую службу. Он не останавливался, пока вода не опустилась до щиколоток и лодка не заскребла днищем по камням. Сделал еще двенадцать шагов к берегу, но дальше рисковать не стал.

Он видел, что Васко добрался до мелководья. Молодой человек уже не плыл, а стоял по пояс в воде.

Скорпион вернулся и ухватился за планшир, чтобы подтащить лодку; из-под ладоней посыпался корродированный металл. Лодка провела в воде свои сто двадцать часов, и это, скорее всего, ее последнее плавание. Свинья перегнулся через борт и сбросил в воду маленький якорь. Можно было бы сделать это и раньше, но якорь подвержен коррозии, как и корпус лодки. Не стоило доверять исчерпавшему свой ресурс металлу, особенно так далеко от дома.

Он опять взглянул на Васко. Тот уже брел к лодке, осторожно выбирая путь, балансируя раскинутыми руками.

Собрав одежду спутника, Скорпион убрал ее в свой рюкзак, где лежали пайки, питьевая вода и аптечка. Закинув рюкзак за спину, он побрел по воде к близкому берегу, время от времени проверяя, как дела у Васко. Скорпион понимал, что круто обошелся с парнем, но что поделать, если вовремя не удалось подавить в себе гнев. Случившееся ему нисколько не нравилось. Вот уже двадцать три года Скорпион не поднимал руку на человека, разве что при исполнении служебного долга. Но и слова способны причинить не меньшую боль, чем зуботычина.

Когда-то он посмеялся бы над такими рефлексиями, но это было в прежней, совсем другой жизни — которая, как он надеялся, навсегда осталась позади.

Перспектива встречи с Клавэйном — вот что пробудило так долго спавшую злость. Слишком много дурных предчувствий, слишком много переживаний навеяла кровавая трясина прошлого. Клавэйн знал, кто такой Скорпион. Клавэйну в точности было известно, на что Скорпион способен.

Свинья остановился, дал молодому человеку догнать себя.

— Сэр... — Запыхавшийся Васко дрожал.

— Как поплавал?

— Вы были правы, сэр. Вода похолоднее, чем мне казалось.

Скорпион сбросил рюкзак со спины.

— Я знал, что вода холодная, но ты хорошо держался. Твои вещи здесь; оденься и согрейся. Не жалеешь, что отправился со мной?

— Нет, сэр. Мне только на пользу небольшое приключение.

Скорпион передал Васко одежду:

— В мои годы за романтикой уже не гоняются.

День был безветренный — обычное явление, когда над Араратом стоят плотные низкие тучи. Ближайшее солнце — то, вокруг которого обращался Арарат, — размытым пятном висело на западном горизонте. Его далекий брат белым алмазом замер на противоположной стороне горизонта, будто пришпиленный к небу в разрыве облаков. Двойная звезда, р Эридана a и b, — вот только тут никто не называл эти небесные тела иначе как Яркое Солнце и Тусклое Солнце.

В серебряно-сером свете дня вода утратила свой обычный цвет, уподобилась мутному серо-зеленому супу. Она казалась густой, когда плескалась вокруг сапог Скорпиона, но при столь сильно выраженной опалесценции насыщенность здешней воды микроорганизмами по меркам Арарата была низкой. Васко решил добраться вплавь — риск невелик, зато Скорпиону удалось подвести лодку ближе к берегу. Свинья не был большим специалистом по жонглерам образами, но знал: самые важные контакты между ними и людьми происходили в областях океана, насыщенных организмами до такой степени, что походили на гигантские плоты.

Концентрация микроорганизмов близ этого острова была невелика; Скорпион и Васко считали маловероятным, что жонглеры в их отсутствие съедят лодку или создадут локальный прилив, чтобы смыть ее в океан.

Они прошли остаток пути до суши и добрались до плавно уходящего вверх каменистого склона, казавшегося со стороны океана темной полосой. Тут и там попадались небольшие приливные пруды, в воде отражалось серебряно-серое перевернутое небо. Петляя между прудиками, они пошли дальше, к маячившему поодаль белому возвышению.

— Вы не сказали, зачем мы здесь, — подал голос Васко.

— Скоро сам все узнаешь. Встреча с этим стариком — уже большое событие.

— Я его малость побаиваюсь.

— Клавэйн умеет нагонять страху, но ты не поддавайся. И он уймется.

Прошло еще десять минут, и Скорпион почувствовал, что восстановил силы, потраченные на буксировку лодки. Между тем белое пятно впереди обернулось куполом, а чуть позже — надувной палаткой. Она держалась на вбитых в камень крючьях; белая ткань успела окраситься во все оттенки морских водорослей; хватало и заплаток. Со всех сторон к палатке под самыми разными углами были прислонены куски раковин — выброшенный морем плавник. В расположении этих фрагментов угадывался художественный замысел.

— Вы, помнится, говорили, сэр, — сказал Васко, — что Клавэйн в конце концов раздумал идти вокруг света.

— И что же?

— Если он решил осесть тут, почему нам об этом не говорят?

— Потому что он тут осел неспроста, — ответил Скорпион.

Они обошли вокруг надувного здания и добрались до шлюзовой двери. Рядом с ней гудел небольшой ящик, который снабжал палатку светом, теплом и воздухом под необходимым давлением.

Скорпион осмотрел кусок плавника, провел пальцем по острому сколу:

— Похоже, он обзавелся привычкой гулять по пляжу и собирать занятные вещи.

Васко указал на приоткрытую внешнюю дверь шлюза:

— Он, наверное, и сейчас этим занят. Дома вроде никого.

Скорпион открыл внутреннюю дверь. Двухъярусная койка и аккуратно сложенные постельные принадлежности. Небольшой складной стол, плитка и пищевой синтезатор. Бутыль с очищенной водой и коробка с сухими пайками. Работает воздушный насос. На столе разложены обломки раковин.

— Интересно, он давно ушел? По обстановке не угадаешь.

Скорпион отрицательно покачал головой:

— Недавно, час или два назад.

Васко огляделся в поисках того, что позволило Скорпиону сделать такой вывод. Напрасный труд: гиперсвиньи давно усвоили, что острое обоняние, которое они унаследовали от предков, — предмет зависти для базово-линейных людей. И еще свиньи убедились на собственном горьком опыте, что людям об этом лучше не напоминать.

Они вышли наружу и закрыли за собой внутреннюю дверь — так, как было.

— И что теперь? — спросил Васко.

Скорпион снял с руки запасной браслет связи и отдал его спутнику. Браслет был настроен на безопасную частоту, и не стоило беспокоиться о том, что на другом острове их услышат.

— Умеешь пользоваться?

— Справлюсь. Вы его для чего-то конкретного даете?

— Да, для чего-то конкретного. Ты будешь ждать здесь моего возвращения. Надеюсь вернуться вместе с Клавэйном. Но если он придет раньше, объясни ему, кто ты и с какой целью здесь находишься. После это свяжись со мной и спроси у Клавэйна, не желает ли он поговорить со Скорпионом. Все понятно?

— А если вы не вернетесь?

— Тогда свяжись с Кровью.

Васко потрогал браслет.

— Вы не знаете, в каком настроении Клавэйн, и ваш голос, сэр, звучит взволнованно. Полагаете, он опасен?

— Надеюсь, что он опасен, — ответил Скорпион. — В противном случае нам от него не будет пользы. — Он похлопал молодого человека по плечу. — Жди здесь, а я обойду остров по берегу. Думаю, это не займет больше часа и я найду Клавэйна у моря.

Скорпион пробирался по каменистому берегу острова, балансируя короткими толстыми руками и ничуть не беспокоясь о том, насколько неуклюже и даже комично он выглядит.

Он убавил шаг, когда вдалеке показался человеческий силуэт, то скрывающийся, то вновь появляющийся в предвечернем тумане. Скорпион напряг зрение — глаза уже не те, что в Городе Бездны, где прошла его молодость. Он надеялся, что впереди действительно Клавэйн. С другой стороны, лучше бы силуэт оказался плодом воображения, каменным выступом, обманчивой игрой света и тени.

Не хотелось признаваться себе в том, что он взволнован. Миновало уже полгода с того дня, когда он последний раз видел Клавэйна. Не так уж много времени, особенно если сравнивать с протяженностью человеческой жизни. И все равно было такое чувство, будто старого друга он не видел десятки

лет; время и обстоятельства изменили Клавэйна до неузнаваемости. Как быть, если тот и впрямь потерял рассудок? Наверное, понять это будет не так-то просто. Скорпион достаточно прожил среди базово-линейных людей, чтобы с уверенностью понимать их намерения, настроение и общее состояние рассудка. Считается, что разумы людей и гиперсвиней довольно похожи. Но, имея дело с Клавэйном, нельзя полагаться на житейский опыт. Клавэйн не похож на других людей. Жизнь и события превратили его в уникума. А может быть, даже в чудовище.

Скорпиону было пятьдесят. Он знал Клавэйна половину своей жизни, с тех пор как в системе Йеллоустона попал в плен к паукам, тогдашним соратникам Клавэйна. Вскоре после этого Клавэйн порвал с фракцией сочленителей, и период взаимного недоверия для него и Скорпиона окончился заключением союза. В окрестностях Йеллоустона они набрали отряд из бывших военных и разных бродяг, угнали корабль, чтобы добраться до Ресургема. По дороге им крепко досталось от бывших друзей Клавэйна. Из окрестностей планеты Ресургем, уже на другом корабле, они прилетели к этой планете, к покрытому сине-зеленой водой камешку — Арарату. После Ресургема воевать приходилось мало, но они все равно трудились вместе — строили временную колонию.

Они составили тщательный план и по нему кропотливо создали здешнее общество. Нередко спорили, но в делах крайней важности почти всегда сходились во мнениях. Когда в вопросах политики один из них допускал чрезмерную жесткость или, наоборот, излишнюю мягкость, другой был рядом, чтобы поправить ситуацию. Именно в те годы Скорпион нашел в себе силы избавиться от лютой ненависти к роду человеческому. И за это, как ни за что другое, он был в долгу перед Клавэйном.

Но ничто в мире не бывает слишком простым.

Проблема состояла в том, что Клавэйн родился пятьсот лет назад и бóльшую часть этого срока прожил биологической жизнью. Что, если Клавэйн, каким его знает Скорпион — и каким его знает большинство колонистов, — был лишь временным явлением, вроде проблеска солнца в ненастный день? Когда-то, в самом начале, Скорпион чутко следил за Клавэйном, отслеживая малейшие признаки его садистских наклонностей. Но никакой пищи для подозрений так и не получил.

Напротив, Клавэйн совершил предостаточно поступков, которые доказывали: он вовсе не то чудовище, каким его рисует молва.

Однако в последние два года уверенность Скорпиона поколебалась. Не то чтобы Клавэйн стал более жестоким, резким в спорах или склонным любой ценой добиваться своего, но что-то в нем изменилось. Так незаметно в течение секунды меняется освещение ландшафта. Тот факт, что другие питали подобные сомнения в отношении самого Скорпиона, утешал мало. Он прекрасно контролировал себя и имел основания надеяться, что не причинит вреда ни одному человеку, как это бывало в прошлом. Но о том, что творится в голове его друга, он мог только догадываться. Лишь одно не вызывало сомнений: Клавэйн, с которым когда-то бок о бок сражался и трудился Скорпион, ушел, укрылся в далеком уголке своего внутреннего космоса. Перед тем как Клавэйн уединился на острове, Скорпион вообще перестал понимать этого человека.

Но он не винил старика ни в чем. Да и кто имел право его судить?

Свинья шел вперед и вот уже убедился, что замеченное пятнышко — и в самом деле человек, а потом стал различать и детали. На берегу океана неподвижно сидел на корточках отшельник, словно Скорпион застал его в момент невинного мечтательного созерцания приливных лужиц и их фауны.

Скорпион уже не сомневался, что перед ним Клавэйн.

На мгновение гиперсвинья ощутил облегчение. По крайней мере, старик жив. Не важно, что еще случится сегодня, — это уже небольшая победа.

Когда свинья подошел на расстояние окрика, Клавэйн почувствовал чужое присутствие и оглянулся. Дул бриз, которого не было там, где высадился Скорпион. Ветерок трепал длинные седые волосы старика. Его лицо было розовым; борода, обычно аккуратно подстриженная, сильно отросла и спуталась. На худые плечи был накинут черный плащ, а может, шаль. Бросалась в глаза неудобная поза — Клавэйн будто хотел опуститься на колени, но в последний момент передумал и замер на корточках.

Отчего-то Скорпиону подумалось, что его друг смотрит вот так на океан часами.

— Невил, — позвал Скорпион.

Клавэйн что-то ответил, его губы двигались, но слова поглотило шипение прибоя.

— Это я, Скорпион.

Губы Клавэйна опять зашевелились. Его хриплый голос звучал едва ли громче шепота:

— Я же тебе говорил: не суйся сюда.

— Говорил.

Скорпион подошел ближе. Меж седых прядей блестели глубоко запавшие стариковские глаза. Казалось, они смотрят на что-то очень далекое, едва различимое.

— И в течение полугода мы соблюдали твое требование.

— Полгода? — Клавэйн слабо улыбнулся. — Неужели так много?

— Шесть месяцев и одна неделя, если хочешь знать точно.

— Столько времени, а я и не заметил. Как будто перебрался сюда вчера.

Клавэйн снова уставился на океан, повернувшись к Скорпиону спиной. Просвечивающая между редкими седыми волосами кожа была того же ярко-розового цвета, что и у гиперсвиньи.

— А иногда кажется, что прошел куда больший срок, — продолжил Клавэйн. — Как будто я всегда жил здесь, с самого рождения. Такое чувство порой возникает, что на планете, кроме меня, вообще ни души.

— Мы никуда не делись, — сообщил Скорпион, — нас все еще сто семьдесят тысяч. И ты по-прежнему нужен нам.

— Я просил меня не беспокоить.

— Если только не возникнет проблема исключительной важности. Был же такой уговор, а, Невил?

Клавэйн медленно, через силу и боль поднялся. Он всегда был выше Скорпиона, но теперь из-за худобы казалось, что его фигуру начертили несколькими быстрыми штрихами на фоне неба.

Скорпион пригляделся к рукам Клавэйна. Это были изящные руки хирурга. Или, может быть, сыщика. Длинные ногти Клавэйна царапнули влажную ткань штанов, и свинья поморщился от этого звука.

— И что за проблема?

— Мы кое-что нашли, — ответил Скорпион. — Не знаем точно, что это такое и откуда взялось, но думаем, оно прилетело из космоса. А еще мы думаем, что там внутри кто-то есть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Субсветовик «Гностическое восхождение»,
межзвездное пространство, год 2615-й

Генерал-полковник медицинской службы Грилье не спеша шел по залитому зеленоватым светом кольцевому коридору фабрики тел.

Он напевал и насвистывал под нос, довольный своей работой; ему нравилось окружение гудящих машин и полусформировавшихся людей. С дрожью предвкушения он думал о звездной системе, что ждала впереди, — сколь много важнейших вещей зависит от нее! Пусть непосредственно на его судьбу это не повлияет, но наверняка скажется на судьбе соперника в борьбе за любовь королевы.

Грилье попытался угадать, как королева отнесется к очередному провалу Куэйхи. Зная королеву Жасмину, трудно ожидать, что она не разгневается.

Грилье улыбнулся этим мыслям. Надо же, такое важное место до сих пор не получило имени; прежде никому не было дела ни до этой далекой звезды, ни до ее планет. Просто не возникало причин интересоваться ими. В астронавигационной базе данных «Гностического восхождения», как и на любом другом звездолете, должны были содержаться хотя бы общие сведения об этой системе: краткие характеристики светила и планет, перечень возможных опасностей и тому подобное. Но такие архивы никогда не предназначались для человеческих глаз, они существовали только для других машин, которые посылали запросы, заказывали обновления, бесшумно и молниеносно выполняли задачи пилотирования, считавшиеся чересчур скучными или сложными для людей. Запись об этой планетной системе представляла собой строку бинарных чисел, несколько тысяч нулей и единиц. Незначительность упомянутой системы характеризовалась хотя бы тем, что за весь срок службы «Гностического восхождения» было зафиксировано всего лишь три обращения к разделу, содержавшему сведения о ней. Обновление данных производилось только один раз.

Грилье знал об этом, но все же решил проверить — просто из любопытства.

И вот теперь, возможно впервые в истории, система представляла собой нечто большее, чем объект преходящего инте-

реса. У нее по-прежнему не было названия, и этот факт с некоторых пор вызывал неясное беспокойство; королева Жасмина с каждым разом все более раздраженно упоминала «лежащую впереди систему» или «систему, к которой мы приближаемся». Грилье знал, что ее величество не соблаговолит дать системе имя до тех пор, пока там не найдется что-то ценное. А задача по обнаружению ценного была возложена на фаворита Куэйхи, чья звезда стремительно закатывалась.

Грилье ненадолго остановился возле одного из тел. Оно висело в полупрозрачном геле за зеленым стеклом вивификационного контейнера. Внизу по периметру контейнера располагались консоли управления питанием различных органов; часть бегунков была поднята, часть опущена. Бегунки регулировали сложную биохимическую среду питательной матрицы. Латунные штурвалы на боку контейнера регулировали подачу компонентов, расходуемых в больших объемах, — воду и физраствор.

При контейнере имелся журнал с историей выращивания клона. Грилье перелистал ламинированные страницы и с удовлетворением отметил, что все в порядке. Хотя большинство тел на фабрике никогда не покидало вивификационный контейнер, эту особь — взрослую, женского пола — уже отогревали и использовали. Следы полученных ею ранений исчезали под влиянием процессов регенерации, шрамы на животе успели полностью зажить, новая нога была лишь чуточку короче второй, не пострадавшей. Жасмина не одобряла такой ремонт, но ее потребность в телах превосходила производственные возможности фабрики.

Грилье нежно погладил стекло:

— Твои дела идут прекрасно, милая.

Он двинулся дальше, выборочно проверяя другие контейнеры. Иногда хватало одного взгляда, хотя чаще Грилье, пролистав журнал, слегка корректировал работу техники. Он был мастером своего дела и гордился этим. Правда, никогда не похвалялся своими способностями и ничего не обещал, не будучи стопроцентно уверен в результате. То есть он был полной противоположностью Куэйхи, который с тех самых пор, как ступил на борт «Гностического восхождения», только и делал, что сулил чудеса.

До поры до времени это срабатывало. Грилье, давнишний конфидент королевы, внезапно обнаружил, что его потеснил

дерзкий выскочка. Продолжая служить ее величеству, он часто слышал, что стараниями Куэйхи будущее скоро разительно изменится: Куэйхи то, Куэйхи сё. Королева даже упрекала Грилье в медлительности, сетовала, что фабрика работает слишком вяло и задерживает поставки тел, что в последнее время лечение синдрома дефицита внимания утрачивает эффективность. Было время, когда Грилье подмывало предпринять что-нибудь особенное, чтобы привлечь к себе внимание королевы, — вдруг да получится одним прыжком вернуться на олимп.

Теперь же он радовался, что не совершил опрометчивого шага. Всего-то надо подождать, пока Куэйхи не выроет себе могилу, надавав обещаний, которых, естественно, ему не выполнить. На его беду, королева привыкла воспринимать обещания буквально. И если Грилье правильно угадывает настроение ее величества, всего один проступок отделяет беднягу Куэйхи от особой терапии, осуществляемой в носовой фигуре корабля.

Грилье остановился перед телом взрослого мужчины, у которого во время последнего осмотра были отмечены небольшие аномалии развития. Он подрегулировал клапаны, но было очевидно, что эти старания ничего не дадут. На взгляд непрофессионала, тело выглядело совершенно нормально, однако в нем отсутствовала та идеальная симметрия, которую так ценила Жасмина. Грилье покачал головой и положил руку на полированный латунный бегунок. Подобное решение всякий раз давалось ему нелегко. Тело не отвечало во всех мелочах безупречным стандартам фабрики, и восстановительные процедуры не пошли ему на пользу. Потерпит ли в этот раз Жасмина потерю качества? В конце концов, не кто иной, как она, выжала из фабрики все соки.

Нет, решил Грилье. Если печальный опыт Куэйхи и научил его чему-то, так это тому, что всегда нужно придерживаться собственных стандартов. Жасмина, возможно, устроит нагоняй за то, что Грилье избавился от некондиционного тела, но пройдет время, и она поймет его правоту, оценит твердое намерение придерживаться идеала.

Грилье повернул латунный штурвал, прекратив подачу физиологического раствора, потом опустился на колени и перекрыл большинство клапанов питания.

— Извини, — обратился он к спокойному, без малейших признаков эмоций лицу за стеклом, — но ты, похоже, не справился.

Он в последний раз взглянул на тело. Через несколько часов станут заметны результаты клеточного разрушения. Тело подвергнется разложению, его химические составляющие будут использованы вторично, в других контейнерах.

В наушнике раздался голос. Он притронулся к устройству связи.

— Грилье, я жду вас.

— Уже иду, мэм.

На верху вивификационного контейнера замигала красная лампочка, синхронизированная с тревожной сигнализацией. Грилье включил на манжете прерыватель: сирена смолкла, красный свет погас. В помещении фабрики снова воцарилась тишина, лишь изредка нарушаемая далеким бульканьем питательных жидкостей или приглушенными щелчками клапанов.

Грилье кивнул, удовлетворенный тем, что все у него под контролем, и неторопливо двинулся дальше.

В тот самый миг, когда Грилье перекрыл последний клапан, в автоматике «Гностического восхождения» была зарегистрирована аномалия. Она просуществовала всего мгновение, чуть больше полусекунды, но этого оказалось достаточно, чтобы в потоке данных появился сигнальный флажок, отметка о нетипичном, требующем внимания событии.

В части сенсорного программного обеспечения на том все и кончилось: аномалия не имела последствий, все прочие системы работали нормально. Флажок был простой формальностью; причиной его появления займется совершенно самостоятельный, более разумный слой программного обеспечения системы мониторинга.

Второй слой, предназначенный для контроля деятельности распределенных по всему кораблю сенсорных подсистем, заметил флажок, одновременно с которым миллион других флажков появился в том же цикле, и отвел ему место в графике выполнения задач. С момента регистрации аномалии до этого события прошло порядка двух сотых секунды — целая вечность по компьютерным меркам, неизбежная дань громадности кибернетической нервной системы субсветовика. Связь между противоположными концами «Гностического восхождения» осуществлялась посредством основной кабельной сети, длиной три-четыре километра, и вспомогательных, протяженностью шесть-семь километров.

На таком большом корабле все делалось достаточно медленно, но с практической точки зрения это не играло роли. Из-за своей огромной массы корабль медленно реагировал на внешние изменения; когда-то и бронтозавры не нуждались в мгновенных рефлекторных ответах.

Слой мониторинга работоспособности системы продолжал обработку массива данных.

Бóльшая часть просмотренных им событий — а это несколько миллионов — казалась довольно безобидной. Основываясь на своих представлениях о статистически ожидаемом распределении погрешностей, слой мониторинга мог без колебаний снять множество флажков. Это были случайные сбои, не дававшие оснований предполагать более серьезных неполадок в деятельности корабельной автоматики. Сколько-нибудь подозрительно выглядела всего сотня тысяч флажков.

Второй слой сделал то, что обычно делал в таких случаях: сформировал из ста тысяч автономных событий единый пакет, присовокупив к ним собственные комментарии и результаты предварительного анализа, и передал этот пакет третьему слою программы мониторинга.

Третий слой не был перегружен работой. Он существовал исключительно для исследования тех аномалий, которые к нему направляли менее разумные субслои. Обладая быстрой реакцией, третий слой исследовал досье с глубокой заинтересованностью — насколько позволяли рамки его разумности. По машинным стандартам эта разумность пока не достигала гамма-уровня, однако третий слой выполнял свою работу так давно, что накопил достаточный эвристический опыт. Третьему слою было ясно, что бóльшая часть направленных к нему событий не заслуживает его внимания, а вот оставшиеся не лишены интереса, и он не пожалел времени на просмотр их журналов. Две трети этих аномалий оказались повторными жалобами, сообщениями систем о реальных, но кратковременных неполадках. Ни одна из этих неполадок, однако, не угрожала работе корабля, поэтому их можно было временно оставить без внимания.

Треть поступившего массива данных составляли новые события. Из них примерно девяносто процентов относились к тем, какие время от времени можно ожидать, исходя из знаний третьего слоя о корабельном «железе» и задействованном

программном обеспечении. И лишь малая толика принадлежала потенциально опасным областям, но, по счастью, со всеми этими повреждениями можно было справиться обычными ремонтными методами. Третий слой почти без колебаний направил инструкции тем частям корабля, которые отвечали за обслуживание инфраструктуры.

В различных частях корабля в буферы сервороботов, уже занятых другим ремонтом и техническим обслуживанием, поступили новые задания. На выполнение их всех уйдут недели, но работа должна быть сделана.

В итоге осталось всего несколько ошибок, теоретически способных перерасти в серьезные проблемы. Эти ошибки было трудно объяснить, и третий слой не представлял себе, при помощи каких сервороботов их можно исправить. Третий слой был не слишком озабочен этим: опыт научил его, что необъяснимые ошибки на поверку оказываются обычными незначительными отказами. Однако в настоящее время у него не было другого выбора, как отправить отчеты об этих аномалиях на рассмотрение высшего слоя корабельной автоматики.

Таким образом продвигались все аномалии — через три анализирующих слоя с последовательно повышающейся разумностью.

К тому времени как подключился последний слой, в пакете осталось лишь одно событие: первоначальная кратковременная аномалия сенсора, та, что длилась не более секунды. Ни один из нижележащих слоев не смог классифицировать эту ошибку при помощи обычных статистических моделей и привычного аналитического инструментария.

Сообщения о событиях поступали на высший уровень только раз или два в минуту.

И вот наконец проснулся настоящий интеллект. Субличность гамма-уровня, ответственная за надзор за шестью слоями, представляла последний рубеж между кибернетикой и человеческой командой. Именно на субличность возлагалась трудная задача решить, стоит ли данная ошибка внимания экипажа. За многие годы субличность научилась не кричать «Волки!» чересчур часто, иначе хозяева могли бы счесть целесообразным ее апгрейд. Оттого процесс принятия решения был мучительным и длился несколько десятков секунд.

Аномалия, с которой пришлось столкнуться субличности, была одной из самых странных за всю историю ее существова-

ния. Тщательная проверка логических путей в сенсорной системе не дала ответа, каким образом могло случиться нечто из ряда вон выходящее.

Для успешного выполнения своей работы субличность имела абстрактное представление об окружающем мире. Не особенно сложное, но достаточное, чтобы судить, повлияли на сенсор какие-то внешние воздействия или же его сигнал подвергся искажению в процессе последующей обработки данных. Субличность осознавала, что «Гностическое восхождение» — физическое тело, летящее в космосе. Субличность также отдавала себе отчет в том, что многие явления, зарегистрированные датчиками, могут быть вызваны воздействием микро- и макрообъектов, присутствующих в космосе. Это пылевые частицы, магнитные поля, радарное эхо от близлежащих объектов, излучения отдаленных небесных тел: планет, звезд, галактик, квазаров — и фоновые космические шумы. Чтобы правильно оценивать эти помехи, субличности требовалась способность понимать, каким образом данные могли изменяться под влиянием окружающего мира. Никто и никогда не закладывал в нее этих правил; она сформулировала их сама с течением времени, внося поправки по мере накопления информации.

Эта задача не имела окончательного решения, но на столь позднем этапе субличность полагала себя достаточно компетентной в подобных вопросах.

Например, ей было известно, что планеты — по крайней мере, абстрактные объекты, соответствующие заложенной в нее планетарной модели, — не могли вызвать такую ошибку. С точки зрения внешних воздействий она была совершенно необъяснимой. Вероятнее всего, случился сбой на стадии получения данных.

Субличность еще немного подумала над подобной возможностью. Даже приняв такое предположение, было по-прежнему нелегко объяснить аномалию. Та была совершенно необычна и имела отношение только к самой планете. Ничто иное, в том числе луна этой планеты, не могло породить до такой степени странное явление.

Субличность допустила другой вариант: аномалия могла быть привнесена извне. Но в таком случае модель внешнего мира, созданная субличностью, в корне ошибочна. Этот вывод тоже не понравился ей. Прошло очень много времени с тех

пор, как она подвергала коренной перестройке свою модель мира, и перспектива повторения такой процедуры вызывала крайне неприятные ощущения.

Хуже того, подобное наблюдение могло означать, что самому «Гностическому восхождению» грозит опасность, по крайней мере гипотетическая. Проблемная планета все еще находится в дюжине световых часов по курсу, но тем не менее корабль приближается к чему-то такому, что может рано или поздно подвергнуть его риску.

Субличность приняла решение: проинформировать команду, другого выхода не оставалось.

Это означало только одно: срочное обращение к королеве Жасмине. Субличность установила, что королева считывает суммированные данные по состоянию бортовых систем с помощью привычных для нее устройств-посредников визуального восприятия. Поскольку субличность обладала соответствующими правами, она перехватила управление каналами связи и очистила экраны обоих устройств, подготовив их для аварийного сообщения.

Субличность выслала простой текст: «Сенсорная аномалия. Запрос на консультацию».

Мгновение — значительно меньшее той полусекунды, которую заняла исходная аномалия, — это сообщение светилось на мониторе королевы, привлекая ее внимание.

А потом субличность поспешила изменить решение.

Возможно, она совершила ошибку. Сколь бы необычной ни была аномалия, она исчезла. От нижележащих слоев новых сообщений о странных событиях не поступало. Планета вела себя так, как, по мнению субличности, и должна себя вести любая планета.

За следующий короткий отрезок времени высший слой пришел к выводу, что событие может объясняться простым сбоем в работе датчиков. Для подтверждения нужно просто еще раз пройти по цепочке, взглянуть на все компоненты под правильным углом, произвести анализ вне привычных ограничений. Разумная субличность должна заниматься именно этим. А если она будет беспомощно апеллировать к людям во всех мало-мальски непростых ситуациях, с команды станется заменить ее другим псевдоразумным слоем. Или, еще хуже, подвергнуть ее апгрейду.

Субличность немедленно вернула на экран королевы прежние таблицы данных.

Минутой позже, когда она продолжала усердно решать задачу возникновения аномалии, в ее приемный буфер поступила новая тревожная информация. На этот раз было зафиксировано нарушение регулировки тяги, крошечное колебание — один процент от нормы — в работе кормовых сочленительских двигателей. Столкнувшись с этой неотложной проблемой, субличность приняла решение отложить анализ планетарной аномалии.

Даже с учетом медлительности корабельной коммуникации минута — приличный отрезок времени. Минуты шли, аномалий в поведении планеты не отмечалось, и степень важности досадного события неуклонно понижалась.

Субличность, конечно, не забудет о происшествии — забывчивость никоим образом ей не свойственна, — но в течение часа ей предстоит справиться с множеством более насущных задач.

Итак, окончательное решение принято. Чем не способ решения проблемы — притвориться, что проблемы не существует.

Сообщение об аномалии светилось на экране королевы Жасмины в течение крошечной доли секунды. И никто в экипаже «Гностического восхождения» — ни Жасмина, ни Грилье, ни Куэйхи, ни остальные ультранавты — не узнал о том, что менее чем на половину секунды самый большой газовый гигант системы, к которой они приближались, системы, обозначенной в справочниках как 107-я Рыб, просто исчез.

Королева Жасмина услышала эхо шагов генерал-полковника медицинской службы: тот шел в ее сторону по металлическому коридору, соединявшему командный отсек с остальными помещениями корабля. Шаги Грилье звучали обычно — так, словно он никуда не спешил. Удалось ли испытать его верность, унижая перед Куэйхи? Пожалуй. Если так, то ему пора снова ощутить свою значимость.

Она заметила мигание на экранах черепа. На миг данные, которые просматривала королева, сменились надписью — что-то об аномалии в сенсорной системе.

Жасмина встряхнула череп. Жуткая штуковина всегда казалась ей одержимой некой потусторонней сущностью, и по-

степенно нарастала уверенность, что у этой сущности вдобавок крепнет маразм. Будь она не столь суеверной, давно выбросила бы череп, но, по слухам, с теми, кто пренебрегает его советами, случается страшное.

В дверь вежливо постучали.

— Входите, Грилье.

Бронированная дверь открылась. Грилье вошел в тронный зал, его глаза были широко раскрыты, а зрачки, напротив, сужены — он привыкал к слабому освещению. Поджарый, опрятно одетый, невысокий, с подстриженными ежиком блестящими светлыми волосами. Лицо боксера — плоское, с невыразительными чертами. На нем был белый врачебный халат и фартук; руки в неизменных перчатках. Выражение лица Грилье всякий раз удивляло Жасмину, — казалось, доктор вот-вот расхохочется или разрыдается. Но это была лишь иллюзия: врач был мало знаком как с первым, так и со вторым проявлением чувств.

— Трудитесь на фабрике тел, Грилье?

— Понемногу, мэм.

— Думаю, в будущем расход значительно увеличится. Производство должно быть высокопродуктивным.

— Здесь не о чем беспокоиться, мэм.

— Коль скоро там заправляете вы — не о чем. — Жасмина вздохнула. — Что ж, довольно любезностей. Перейдем к делу.

Грилье кивнул:

— Вижу, вы уже все подготовили, мэм.

Ожидая прихода Грилье, королева пристегнулась к трону, надев кожаные петли на лодыжки и бедра и перетянув живот широким поясом. Правая рука крепко притянута к подлокотнику, подвижна только левая рука. В ней королева держала череп, повернув его лицом к себе, чтобы видеть экраны, вздутиями выступающие из глазниц. Прежде чем взять череп, она вложила руку в скелетообразный механизм, прикрепленный сбоку к трону. Машина — болеутолитель — представляла собой грубую чугунную клетку с винтовыми зажимами. Сейчас эти зажимы глубоко погрузились в кожу.

— Сделай мне больно, — велела королева.

У Грилье на лице мелькнуло что-то вроде улыбки. Он приблизился к трону, осмотрел болеутолитель, усилил давление винтов, подкрутив каждый на четверть оборота. Торцы винтов

глубже вдавились в предплечье королевы, удерживаемое в клетке не только ими, но и несколькими фиксаторами. Тщательность, с которой Грилье крутил винты, наводила королеву на мысль о настройщике чудовищного струнного инструмента.

Это было неприятно. Но болеутолитель предназначался вовсе не для приятных ощущений.

Примерно через минуту Грилье закончил и повернулся к Жасмине. Королева следила, как врач достает из медицинского чемоданчика, который всегда держал в тронном зале, катушку с катетером. Один конец катетера он воткнул в огромную бутыль с чем-то зеленовато-желтым, другой соединил со шприцем. Работая, он напевал и насвистывал под нос. Подняв бутыль, он закрепил ее в держателях позади трона, потом нацелил иглу на правый локтевой сгиб королевы и замешкался, стараясь попасть в вену. После чего отступил на шаг, стал прямо перед троном.

На этот раз была женщина, но пол сам по себе ничего не значил. Хотя для выращивания тел использовался генетический материал самой Жасмины, Грилье мог на ранней стадии развития организма вносить изменения и предопределять пол будущего человека. Обычно это были мальчики или девочки. Иногда для разнообразия он изготавливал бесполые или даже двуполые существа. Все они подвергались стерилизации: оснащать их действующей репродуктивной системой — напрасная трата времени. Достаточно сложно было и вживлять в тела параллельные нейронные имплантаты, с тем чтобы королева могла управлять искусственными людьми.

Внезапно Жасмина почувствовала, что боль теряет остроту:

— Мне не нужна анестезия, Грилье.

— Боль без периодов облегчения как музыка без тишины, — ответил он. — Вы должны доверять мне в медицинских вопросах, как доверяли раньше.

— Я доверяю вам, Грилье.

— Это правда, мэм?

— Да, правда. Вы всегда были моим любимцем. И вам это нравится, признайтесь.

— Я просто выполняю свою работу, мэм. Выполняю так, как позволяют мои способности.

Королева положила череп на колени. Потом свободной рукой погладила белый ежик Грилье:

— Без вас я бы пропала. В особенности теперь.

— Это не так, мэм. Ваше искусство угрожает затмить мои способности.

Это было нечто большее, чем машинальная лесть: хотя Грилье посвятил свою жизнь изучению боли, Жасмина быстро его догоняла. Она изучила множество трудов по физиологии; она знала, в чем разница между эпикритической и протопатической болью; ей было известно о пресинаптическом блокировании и неоспинальных путях. Она узнала о своих простагландиновых стимуляторах из биохимических анализов содержания агонистов гамма-аминомасляной кислоты.

Кроме того, королеве был известен и тот аспект боли, о котором Грилье не имел представления. Он знал боль только по ее сторонним проявлениям. Какова же она для того, кто ее испытывает, — это для него оставалось загадкой. Не важно, сколь глубоки его теоретические знания предмета, — здесь королева всегда будет на шаг впереди.

Подобно большинству людей своей эпохи, Грилье мог только представить себе мучения, экстраполировать из неприятности со сломанным ногтем.

— Возможно, мне удалось кое-чему научиться, — сказала королева, — но в искусстве клонирования вас превзойти невозможно. И я нисколько не шутила, Грилье, насчет того, что потребность в продукции фабрики возрастет. Вы сможете удовлетворить мои новые требования?

— Вы говорили, что производство не должно сокращаться. А это не то же самое.

— Но разве сейчас вы работаете на полную мощность? Ведь нет!

Грилье подкрутил винты:

— Буду откровенен: мы подошли очень близко к максимальной производительности. Пока что я утилизирую продукцию, которая не удовлетворяет нашим обычным стандартам. Если вам угодно увеличить производительность фабрики, вы должны согласиться на понижение действующих стандартов.

— Сегодня вы избавились от одного тела.

— Как вы узнали?

— Я догадывалась, что вы отдадите дань своему стремлению к совершенству. — Королева подняла палец. — Очень правильному стремлению. Именно из-за него я держу вас на

этой работе. Конечно, я огорчена — мне известно, какое тело вы утилизировали, — но стандарты суть стандарты.

— Я всегда придерживался этого правила.

— Жаль, что нельзя так же сказать обо всех остальных членах экипажа.

Грилье напевал под нос и насвистывал, потом, выждав, произнес с расчетливой небрежностью:

— Мне всегда казалось, что у вас превосходная команда, мэм.

— Я говорю не о своей постоянной команде.

— Ах вот как. Значит, о временных членах экипажа. Надеюсь, речь не обо мне?

— Вы отлично понимаете, о ком я, так что бросьте притворяться.

— Куэйхи? Конечно же, проблема не в нем.

— Ох, оставьте игры, Грилье. Я отлично понимаю ваши чувства к сопернику. Хотите знать, в чем состоит настоящая ирония? Вы с ним очень похожи, гораздо больше, чем вам кажется. Вы оба базово-линейные люди, ваша культура подвергла и вас, и его остракизму. Я связывала с вами и с Куэйхи весьма большие надежды, но теперь, вижу, пора с ним расстаться.

— Уверен, мэм, вы дадите ему еще один шанс. Ведь как ни крути, а по курсу новая планетная система.

— И вы этому рады, да? Хотите увидеть, как его постигнет самая последняя неудача? Наказание за которую будет особенно суровым.

— Я думаю только о благополучии корабля.

— Не сомневаюсь, что так оно и есть, Грилье. — Королева сочла забавной его ложь. — Что ж, хочу признаться, я еще не решила, как быть с Куэйхи. Но в одном уверена: нужно потолковать с ним. В моем распоряжении благодаря любезности нашего торгового партнера появилась любопытная информация об этом человеке.

— Очень интересно, — отозвался Грилье.

— Оказалось, что Куэйхи не был до конца откровенен с нами относительно своего прошлого опыта. Это моя вина: следовало тщательнее проверить его биографию. Однако это не оправдывает того, что он преувеличил свои былые заслуги. Я считала, что мы нанимаем опытного переговорщика. Человека с инстинктивным пониманием планетарных природных

условий. Того, кто будет в своей тарелке как среди ультра, так и среди базово-линейных людей. Того, кто способен вести торг в нашу пользу, а также находить сокровища там, где сами мы наверняка их проглядим.

— Что ж, это похоже на Куэйхи.

— Нет, Грилье, это больше похоже на того, кем Куэйхи хотел бы выглядеть в наших глазах. Это маска. Его истинная биография гораздо менее эффектна. Он добивался успеха то тут, то там, но и провалов было немало. Он человек авантюрного склада: хвастун, пройдоха и лжец. А кроме того, он инфицирован.

— Инфицирован? — удивился Грилье.

— Индоктринационным вирусом. Мы просканировали Куэйхи на обычные вирусы, а этот не заметили, потому что его нет в нашей базе данных. По счастью, этот вирус не очень опасен — вероятность, что Куэйхи заразит кого-нибудь из нас, крайне мала.

— О каком типе индоктринационного вируса идет речь?

— Дикая мешанина: полусырая религия трехтысячелетней давности, разбавленная современными сектантскими теистическими воззрениями. Вирус не принуждает верить во что-то отчетливое, а лишь дает ощущение сопричастности к чему-то религиозному. Ясно, что почти всегда Куэйхи способен контролировать себя. Но все равно я обеспокоена, Грилье. Что, если его состояние вдруг ухудшится? Мне не нужен на борту человек, чье поведение я не смогу предсказать.

— Тогда отпустите его на все четыре стороны.

— Пока рано. Возможно, после того, как мы исследуем Сто Седьмую Рыб. Пусть использует последнюю возможность реабилитироваться.

— Почему вы решили, что там от него будет прок?

— Я не надеюсь, что Куэйхи принесет нам золотые яйца, но полагаю, шансы на успех увеличатся, если дать ему верный стимул.

— Он может сбежать.

— Я и это учитываю. Кажется, в отношении Куэйхи я продумала все до мельчайших подробностей. Теперь мне нужно лишь заполучить его самого. Возьметесь доставить его сюда более или менее живым и подвижным?

— Немедленно, мэм?

— А почему бы и нет? Как говорится, куй железо, пока горячо.

— Проблема в том, — сказал Грилье, — что он в криокапсуле. На разморозку уйдет шесть часов — если следовать рекомендуемым процедурам, конечно.

— А если им не следовать? — Она подумала о том, какой ресурс остался у ее нового тела. — Правда, Грилье, сколько часов мы можем выиграть?

— Максимум два, если вы не хотите рисковать его жизнью. Но и тогда ощущения будут не слишком приятными.

Жасмина улыбнулась генерал-лейтенанту медицинской службы:

— Надеюсь, он вытерпит. Ах да, Грилье, еще одна просьба.

— Мэм?

— Принесите мне резной скафандр.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Субсветовик «Гностическое восхождение», межзвездное пространство, год 2615-й

Любовница помогла ему выбраться из капсулы. Дрожа на койке в кабинете восстановительной терапии, Куэйхи, базово-линейный человек, боролся с головокружением и тошнотой; тем временем Морвенна отсоединяла от его тела многочисленные провода и шланги.

— Лежи спокойно, — сказала она.

— Я не слишком хорошо себя чувствую.

— А чего ты хотел? Эти сволочи разморозили тебя слишком быстро.

Ощущение было как при ударе в пах, с той разницей, что боль заполняла все тело. Хотелось съежиться, уменьшиться в объеме, завязаться крошечным узлом, сложиться в изящную фигурку оригами. Он подумал, что надо бы проблеваться, но это, наверное, потребовало бы чрезмерных усилий.

— Почему они так рисковали? — пробормотал он. — Она же знает, что я слишком ценен.

Он рыгнул: звук получился странный, словно слишком растянулся собачий взлай.

— Кажется, ты испытывал ее терпение чуть дольше дозволенного, — сказала Морвенна, протирая его кожу салфеткой с щиплющей целебной мазью.

— Но я ей нужен.

— Прежде она обходилась без тебя. Возможно, пришла к выводу, что и в дальнейшем ты не понадобишься.

Куэйхи повеселел:

— Наверное, возникла какая-то чрезвычайная ситуация.

— Разве что для тебя.

— Господи... Все, что мне сейчас нужно, — это *сочувствие*.

Он поморщился: в голове стрельнула боль, причем непростая — куда сильнее и целенаправленнее тупой саднящей боли, *сопутствующей выходу из криосна*.

— Не поминай имя Господа всуе, — назидательно сказала Морвенна. — От этого только хуже, ты же знаешь.

Он взглянул ей в лицо — для этого пришлось разлепить веки и впустить в глаз безжалостный свет кабинета восстановительной терапии.

— Ты на моей стороне или нет?

— Я пытаюсь помочь тебе. Лежи тихо, нужно вынуть еще одну трубку.

Последняя слабая вспышка боли в бедре, и шунт выскочил наружу, оставив после себя аккуратную ранку, похожую на глаз.

— Вот теперь все.

— *До следующего раза*, — *вздохнул Куэйхи*. — *Если будет* следующий раз.

Морвенна замолчала, словно к ней вдруг пришла догадка.

— Ты боишься?

— А ты на моем месте не боялась бы?

— Королева безумна, это всем известно. Но она достаточно практична, чтобы распознать ценный ресурс.

Морвенна говорила открыто, зная, что здесь, в кабинете оживления, у королевы нет прослушивающих устройств.

— Возьми, например, Грилье — ужас! Разве она терпела бы этого урода хоть минуту, не будь он ей полезен?

— Со мной то же самое, — вздохнул Куэйхи, погружаясь в омут отчаяния. — Как только кто-нибудь из нас становится ей не нужен...

Если бы Куэйхи мог шевелиться, он бы чиркнул себе по шее воображаемым ножом. Вместо этого он глухо захрипел, подражая человеку с перерезанным горлом.

— У тебя есть преимущество перед Грилье, — сказала Морвенна. — Это преимущество — я, союзник в команде. Кто есть у него?

— Ты права, — ответил Куэйхи, — как всегда.

С огромным усилием он приподнялся, протянул руку и взялся за стальную перчатку Морвенны.

Он не решился напомнить, что на борту корабля она теперь почти в такой же полной изоляции, как и он сам. Чтобы ультра подвергли остракизму одного из своих, ему достаточно вступить в близкие отношения с базово-линейным человеком. Морвенна притворялась, что ей все нипочем, но Куэйхи отлично знал: если попытается прибегнуть к ее помощи, королева и экипаж ополчатся против него и тогда ему конец.

— Можешь сесть? — спросила она.

— Попробую.

Неприятные ощущения постепенно отпускали. Куэйхи знал, что со временем все пройдет. Сейчас он уже, по крайней мере, мог пользоваться основными группами мышц, не крича от боли. Он сидел на койке, прижав колени к безволосой груди, пока Морвенна осторожно вынимала из его члена катетер. Куэйхи смотрел ей в лицо и слышал только позвякивание металла о металл. Он вспомнил, как было страшно, когда она впервые прикоснулась к нему там блестящими, как ножницы, руками. Заниматься с ней любовью — все равно что заниматься любовью с молотилкой. При этом Морвенна ни разу не причинила ему травмы, только сама случайно порезалась — там, где у нее живая плоть, а не металл.

— Все в порядке? — спросила она.

— Да, оклемался. Чтобы испортить день Хоррису Куэйхи, нужно нечто посерьезнее быстрого оживления.

— Вот это сила духа, — сказала она без особой уверенности и поцеловала его.

От нее пахло духами и озоном.

— Хорошо, что ты здесь, — сказал Куэйхи.

— Подожди, приготовлю тебе попить.

Телескопически распрямившись в полный рост, Морвенна отодвинулась от койки. Будучи все еще не в силах сосредото-

чить взгляд, Куэйхи наблюдал, как она скользит через комнату к нише, где были приготовлены различные укрепляющие смеси. Серо-стальные дреды Морвенны раскачивались при каждом качке ее длинноногого тела, приводимого в движение поршнями.

Морвенна уже возвращалась к нему, с бокалом в руках — шоколадный напиток с лекарственными препаратами, — когда дверь в камеру открылась, скользнув в сторону. В комнату вошли двое — мужчина и женщина. За ними, заложив в притворной застенчивости руки за спину, семенила невысокая, особенно рядом с ультра, фигурка генерал-полковника, как обычно в испачканном медицинском халате.

— Он пришел в себя? — спросил мужчина.

— Его счастье, что не умер, — резко ответила Морвенна.

— Поменьше мелодрамы, — отрезала женщина. — Никто еще не умирал от чуточку ускоренного разогрева.

— Вы объясните, чего Жасмина хочет от Куэйхи?

— Это касается только их с королевой, — ответила женщина.

Мужчина небрежно кинул простеганную серебристую одежду в сторону Куэйхи. Рука Морвенны обратилась в расплывчатое пятно и поймала на лету. Она подошла к Куэйхи и передала ему халат.

— Я хочу знать, что происходит, — буркнул Куэйхи.

— Одевайся, — приказала женщина. — Пойдешь с нами.

Куэйхи повернулся на койке и опустил ноги на холодный пол. Дискомфорт отступил, на его место пришел страх. Член сжался, съежился, забрался в пах, словно уже придумал собственный план спасения. Куэйхи оделся, завязал пояс. Потом, повернувшись к генерал-полковнику, спросил:

— Ты тоже участвуешь?

Грилье моргнул:

— Мой дорогой друг, все, что было в моих силах, — не допустить, чтобы тебя разогрели еще быстрее.

— Ну, ты дождешься, — сказал Куэйхи. — Помяни мое слово.

— Не понимаю, почему ты все время разговариваешь со мной в таком тоне. У нас много общего, Хоррис. Мы двое разумных гуманоидов на борту корабля ультра. Нам не стоит ругаться и соперничать из-за престижа и статуса. Напротив,

необходимо действовать заодно. — Грилье вытер перчатки о халат, оставив на нем зловещее красное пятно. — Нам нужно дружить, Хоррис. Нужно держаться друг за друга, потому что впереди долгая дорога.

— Скорее ад замерзнет, — ответил Куэйхи.

Королева держала на коленях пегий человеческий череп, поглаживая его очень длинными пальцами с ногтями, выкрашенными черным лаком. Одета она была в кожаный жилет со шнуровкой на груди и короткую матерчатую юбку из такой же темной кожи. Волосы были убраны с высокого лба назад, оставлен лишь аккуратный маленький завиток.

Стоя перед королевой, Куэйхи было подумал, что она нанесла на лицо экзотический грим: вертикальные полосы, словно густой свечной воск, тянулись от глаз к изгибу верхней губы. И лишь потом понял, что она вырезала себе глаза.

Если отвлечься от ран, ее лицо отличалось своеобразной суровой красотой.

Он впервые видел королеву во плоти. До этой встречи все их переговоры проводились дистанционно, либо через виртуальные альфа-копии, либо через живых посредников вроде Грилье.

Когда-то он надеялся, что так будет всегда.

Куэйхи выждал несколько секунд, прислушиваясь к своему дыханию. Наконец спросил:

— Я подвел вас, мэм?

— Куэйхи, за кого вы меня принимаете? За капитана, который может возить бесполезный груз?

— Вижу, удача от меня отвернулась.

— Поздновато вы это увидели. Сколько остановок, Куэйхи, мы сделали с тех пор, как вы присоединились к нам? Пять, не так ли? И какую прибыль принесли эти пять остановок?

Куэйхи открыл рот, собираясь ответить, как вдруг заметил резной скафандр, почти скрытый в тени позади трона. Эта вещь появилась здесь не случайно.

Резной скафандр походил на мумию, на кокон, изготовленный из мягкой стали или похожего промышленного металла. Был оснащен разъемами для подключения всевозможных устройств. На месте визора перед лицом темнела прямоугольная решетка. Там, где детали резного скафандра подверглись

ремонту или замене, виднелись выступы и бугорки — следы пайки и сварки. Местами блестели новые металлические заплатки.

Бóльшую часть скафандра покрывала невероятно сложная резьба, она навязчиво притягивала взор, заставляла до боли напрягать глаза. Каждый квадратный сантиметр был испещрен тончайшими деталями, которые сложно разобрать сразу. Но под взглядом Куэйхи скафандр словно бы увеличился, и вот уже видны диковинные космические чудовища со змеиными шеями, до крайности похожие на фаллос звездолеты, лица вопящих людей и демонов, сцены совокуплений и расправ. Тут были спирали хроник, выделенные крупно поучительные истории, описания удачных торговых сделок. Проглядывали циферблаты аналоговых часов и псалмы. Строки текста на неизвестных Куэйхи языках, музыкальные лады и даже столбцы аккуратно, с любовью выгравированных вычислений. Последовательность цифрового кода ДНК. Ангелы и херувимы. Змеи. Множество змей.

От одного взгляда на эту штуковину у Куэйхи заболела голова.

Саркофаг пестрел язвинками от ударов микрометеоритов, темными пятнами ожогов космического излучения; его серостальная поверхность тут и там зеленела бронзовой патиной химических окислов. Хватало и бороздок, оставленных сверхтяжелыми частицами при попаданиях по касательной. В довершение по всему периметру скафандра тянулся темный шов, по которому раскрывались и заваривались половинки брони.

Этот легендарный скафандр, предназначенный для наказания, считался не более чем плодом фантазий. Считался — до сего момента.

В скафандре человек некоторое время мог жить, получая сенсорную информацию. Броня защищала от космической радиации в межзвездном перелете, который длился иногда многие годы. Наказанный их проводил, будучи вмурован в защитную ледяную оболочку звездолета.

Счастливчиком считался умерший прежде, чем его доставали из саркофага.

Куэйхи заговорил, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— *Если смотреть под другим углом, наши дела...* вовсе не так уж плохи... во всех отношениях. Корабль цел и невредим,

команда здорова, в пути никто не погиб и не получил тяжелого ранения. Не было инфекционных заболеваний. Обошлось и без непредвиденных расходов...

Он замолчал, с надеждой глядя на Жасмину.

— И этим вы пытаетесь оправдаться? Куэйхи, ваша задача — в эти трудные времена поправить наши дела, благотворно повлиять на торговлю посредством вашего непревзойденного очарования, а также знания планетарной психологии и ландшафтов. Вас брали на роль курочки, несущей золотые яйца.

Куэйхи неловко переступил с ноги на ногу:

— Но все пять систем, которые мы посетили, оказались просто помойками.

— Это вы выбирали системы, не я. И не я виновата, что там не нашлось ничего стоящего. — Королева с горечью покачала головой. — Нет, Куэйхи, боюсь, легко вы не отделаетесь. Видите ли, месяц назад мы кое-что перехватили. Это была двухсторонняя связь, торговые переговоры между колонией людей на Чалупеке и субсветовиком «Зыбкая память о Хокусае». Говорит это вам о чем-нибудь?

— Едва ли.

Но он вспомнил.

— «Зыбкая память о Хокусае» вошла в систему Глизе 664, как только мы ее покинули. Я говорю о второй планетной системе, куда вы нас привели. В своем отчете вы сообщили... — Королева резко подняла череп и приложила его к голове, прислушиваясь к дробному стуку челюстей. — Давайте проверим... На Крылатом Грифоне и трех других пригодных для обитания планетах не нашлось ничего ценного, если не считать остатков брошенной технологии на спутниках, с пятого по восьмой, гиганта Всплывающий... Во внутренних астероидных полях тоже ничего, как и в роях астероидов D-типа, троянских точках или крупных образованиях типа пояса Койпера...

Куэйхи уже понял, к чему клонит королева.

— И что же «Зыбкая память о Хокусае»?

— Я слушала ее торговые переговоры с необычайным интересом. Судя по всему, что было сказано, «Зыбкая память о Хокусае» обнаружила подземный тайник с пригодными для продажи артефактами. Им около ста лет — они довоенные, до-

чумные. Очень ценные вещи: не просто старая техника, а предметы искусства и культуры, по большей части уникальные. За них выручили достаточно, чтобы заказать новый слой корпусной брони. — Королева выжидательно посмотрела на Куэйхи. — Что скажете?

— Мой отчет абсолютно правдив, — ответил Куэйхи. — Наверное, «Зыбкой памяти о Хокусае» просто повезло. Послушайте, дайте мне еще один шанс. Мы на подлете к новой системе?

Королева улыбнулась:

— Мы всегда на подлете к новой системе. Эта называется Сто Седьмой Рыб, но, по правде сказать, издалека она выглядит не слишком многообещающе. Почему вы решили, что на этот раз от вас будет польза?

— Позвольте мне взять «Доминатрикс», — взмолился Куэйхи, складывая руки на груди. — Я проверю эту систему.

Королева молчала долго. Куэйхи слышал собственное дыхание, изредка прерываемое слабым писком насекомого или крысы, сгорающей в электрической ловушке. За зеленоватым стеклом полусферы, встроенной в одну из двенадцати стен зала, угадывались чьи-то неторопливые движения. Он почувствовал, что за ним наблюдает еще кто-то, помимо безглазой женщины. Никто никогда не говорил ему об этом, но он догадался — нечто за стеклом и есть подлинная королева, а искалеченное тело на троне просто кукла, временное обиталище для чужого разума. Значит, все дошедшие до него слухи правдивы. И про солипсизм королевы, и про ее пристрастие к самой невероятной боли, служащей якорем, связью с реальностью, и про огромный запас клонированных тел, которые она содержит только для этой цели.

— Вы закончили, Куэйхи? Это все, что вы можете предложить?

Он вздохнул:

— Пожалуй, все.

По-видимому, королева безмолвно отдала приказ. В ту же секунду двери зала вновь распахнулись. Холодный ветерок овеял затылок, и Куэйхи быстро обернулся. В зал вошли двое ультра, которые привели его из кабинета восстановительной терапии, и генерал-полковник медицинской службы.

— Я закончила с ним, — сказала королева.

— И что вы решили? — спросил Грилье.

Жасмина покусала ноготь.

— Я осталась при прежнем мнении. Положите его в резной скафандр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Арарат, год 2675-й

Скорпиону было хорошо известно: не следует беспокоить Клавэйна, когда тот что-то обдумывает. Сколько времени прошло с тех пор, как свинья сказал старику про свалившийся с неба предмет (если только этот предмет действительно свалился оттуда)? Пять минут или больше? Все это время Клавэйн стоял точно статуя, с мрачной сосредоточенностью устремив взгляд к горизонту.

Когда Скорпион уже забеспокоился, в своем ли уме его друг, Клавэйн заговорил.

— И давно? — спросил он. — Что бы ни представляла собой эта штуковина, я хочу знать, когда она упала.

— Вероятно, на прошлой неделе, — ответил Скорпион. — Мы нашли ее два дня назад.

На этот раз тревожная пауза продлилась не более минуты. Вода плескалась о камни и вихрилась в приливных лужицах.

— И что же это?

— Трудно сказать наверняка. Какая-то капсула. Изготовленная людьми. Похоже на спасательный модуль — устройство, способное входить в атмосферу. Мы думаем, что капсула упала в океан, а потом всплыла.

Клавэйн кивнул с таким видом, будто счел эту новость малоинтересной:

— Ты уверен, что не Галиана ее оставила?

Он легко произнес это имя, но Скорпион догадывался, какую боль оно причиняло старику. Особенно сейчас, когда тот смотрел на океан, означающий для него и надежду, и самую жестокую из потерь. В минуту откровенности, незадолго до того, как Клавэйн уединился на острове, он сказал: «Они обе ушли. Океан уже ничего не сможет для меня сделать». — «Они

по-прежнему тут, — возразил Скорпион. — Не исчезли бесследно. По крайней мере, здесь для них безопаснее, чем где бы то ни было в мире».

Как будто Клавэйн сам этого не понимал.

— Нет, — продолжил Скорпион, вернувшись мыслями в сегодняшний день. — Вряд ли ее оставила Галиана.

— Я вот думаю: что, если там весточка от нее? — проговорил Клавэйн. — А впрочем, ерунда. Не может быть никаких вестей. Ни от Галианы, ни от Фелки.

— Сочувствую, — вздохнул Скорпион.

— Не стоит, — отмахнулся Клавэйн. — Так устроена жизнь.

То, что Скорпион знал о прошлом Клавэйна, отчасти основывалось на слухах; кое-что старик рассказал ему сам. Воспоминания всегда были ненадежной материей, а в нынешние времена вообще обрели податливость глины. Иные события из собственного прошлого виделись Клавэйну весьма расплывчато.

Но кое в чем он был вполне уверен. Когда-то Клавэйн любил женщину по имени Галиана; их связь началась много веков назад. Было известно, что они родили дочь — или создали некое существо по имени Фелка, столь же могущественное, сколь и ущербное; ее любили и боялись в равной мере.

Всякий раз, когда Клавэйн заговаривал о тех временах, в его голосе звучала радость, хоть и с толикой горечи — от того, что произошло потом.

Галиана, посвятившая себя науке, была одержима идеей расширения человеческого сознания. Ее любопытство не знало предела. Она хотела получить самую тесную связь с реальностью на самом глубинном уровне. Эксперименты с нейронами представляли собой лишь одну из необходимых частей процесса. Галиана не сомневалась, что следующим этапом должны стать физические исследования и рывок в космос. Она мечтала выйти за неровные границы закартированного пространства. Все ранее найденные следы существования инопланетных цивилизаций представляют собой руины и окаменелости, но кто знает, что скрывается в дальних галактических далях?

К этому времени человеческие поселения заполнили сферу в два десятка световых лет; Галиана же собиралась пройти путь в сто с лишним световых лет и вернуться.

И добилась своего. Сочленители отправили три корабля, движущиеся чуть медленнее света, в экспедицию за дальние окраины исследованного межзвездного пространства. Экспедиция должна была растянуться по меньшей мере на полтора века; не менее жадные до новых ощущений Клавэйн и Фелка улетели вместе с Галианой. Полет проходил в соответствии с планом: Галиана и ее спутники посетили много солнечных систем, и хотя им нигде не удалось найти неоспоримых признаков существования активной инопланетной цивилизации, тем не менее они обнаружили и каталогизировали множество явлений и, конечно же, нашли новые руины. Потом пришла весть (уже запоздалая) о развитии конфликта между сочленителями и их бывшими союзниками-демархистами. Клавэйну необходимо было вернуться и оказать тактическую поддержку оставшимся сочленителям.

Галиана сочла, что для нее важнее продолжить экспедицию; они мирно распрощались в глубинах космоса, и один корабль отправился к дому, унося на борту Клавэйна и Фелку, а два других продолжали выписывать петли, уходя все дальше и дальше по плоскости Галактики.

Они намеревались воссоединиться, но, когда корабль Галианы вернулся в Материнское Гнездо, им управлял автопилот, а сам субсветовик был поврежден, его команда мертва. Где-то в дальней части Галактики экспедиция подверглась атаке механических паразитов, и один из кораблей оказался разрушен. После этого черные машины прогрызли себе путь внутрь корабля Галианы и подвергли его команду систематическому анатомированию. Один за другим члены экипажа погибли, в живых осталась только Галиана. Черные машины проникли в ее череп, заполнили собой пустоты в мозгу. Это было ужасно, но она все еще жила, хотя утратила способность к самостоятельным действиям. Превратилась в марионетку инопланетных машин.

С разрешения Клавэйна сочленители заморозили Галиану до лучших времен, когда можно будет без вреда изгнать паразитов из ее тела. Рано или поздно такая возможность появилась бы, но вскоре среди сочленителей наметился раскол: начался тот самый кризис, который со временем вынудил Клавэйна отправиться к Ресургему и в конце концов оказаться на

Арарате. Во время конфликта замороженное тело Галианы было уничтожено.

Горе Клавэйна было неизмеримым, оно иссушало душу. Боль потери, вероятно, убила бы его, думал Скорпион, не будь рядом людей, отчаянно нуждавшихся в старом воине и его руководстве. Выживание колонии на Ресургеме стало для Клавэйна сверхзадачей, которая отвлекла его от тоски по погибшей Галиане. И эта новая цель помогла ему сохранить рассудок.

Не Галиана привела их на Арарат. Но Арарат оказался одной из планет, которые она посетила, уже расставшись с Клавэйном и Фелкой. Эта планета привлекла ее внимание тем, что местные океаны были населены разумными организмами, а главное, почти все, что попадало в эти океаны, оказывалось накрепко запечатлено в коллективной памяти жонглеров образами.

На многих мирах жонглеры создали такую же природную систему, как на Арарате. Исследования и споры о том, вполне разумны эти инопланетные организмы или нет, велись уже многие годы. Было ясно одно: эти существа трепетно относятся к любому разуму и готовы бережно сохранять и опекать его.

Всякий раз, когда в гидросферу планеты жонглеров образами попадал носитель разума, микроскопические организмы внедрялись в его нервную систему. Этот процесс был совершенно безопасным и существенно отличался от того, что случилось с Галианой на борту ее корабля. Микроорганизмы преследовали единственную цель — скопировать нейронную сеть пловца и, выполнив свою задачу, оставляли его в покое. Копия личности оставалась в океане, сам же пловец выходил на сушу, чувствуя себя совершенно нормально.

Обычно пловцы не ощущали в себе никаких перемен. Некоторым океан оставлял небольшой подарок, чуть изменяя архитектуру нейронной сети, и тогда у человека появлялось внутреннее зрение или он обретал небывалые познания. Обычно такой дар сохранялся лишь несколько часов и в очень редких случаях оставался насовсем.

Невозможно сказать, получила ли Галиана такой дар, искупавшись в океане Арарата, но ее сознание наверняка было скопировано. Она по-прежнему тут, в этих водах, — быть может, дожидается вселения в тело какого-нибудь пловца.

Клавэйн думал об этом, но не он первый попытался вступить в контакт с Галианой. Эта честь выпала Фелке. Двадцать лет она каждый день купалась в океане, погружаясь в воспоминания и прохладное сознание своей матери. К тому времени Клавэйн сам перестал плавать, опасаясь того, что, столкнувшись с сознанием Галианы, найдет его измененным, ее память незнакомой и ошибочной по отношению к тому, чем она была на самом деле. С годами его сомнения забылись, но он так больше и не решился войти в океан Арарата. В отличие от него Фелка, всегда готовая пережить всю палитру ощущений, предоставляемых океаном, плавала регулярно и часто делилась впечатлениями с Клавэйном. Так, через дочь, старик стал вновь общаться с Галианой, и до поры до времени, покуда он не решился погрузиться в океан сам, этого ему было достаточно.

Но два года назад море забрало Фелку, и она больше не вернулась.

Об этом сейчас думал Скорпион, с особой тщательностью подбирая слова:

— Невил, я понимаю, для тебя это очень сложно, но пойми и ты: эта капсула, чем бы она ни была, представляет огромную проблему для колонии.

— Я понял, Скорп.

— И все равно океан для тебя важнее?

— По-моему, никто из нас не знает, что для него в этой жизни важнее.

— Может быть. Что касается меня, я о глобальных вопросах не думаю. Никогда не был в этом силен.

— Скорп, глобальные вопросы — это все, что нам осталось.

— То есть ты полагаешь, что во Вселенной миллионам... миллиардам людей предстоит погибнуть? Людей, которых мы никогда не встретим, которые не приблизятся к нам хотя бы на световой год?

— Примерно так.

— Извини, но моя голова устроена иначе. Она просто не способна вместить угрозу такого масштаба. Массовое истребление — вне моей компетенции. Куда больше меня занимают местные проблемы. И сейчас я столкнулся с одной из них.

— Ты о чем?

— Я вынужден заботиться о ста семидесяти тысячах человек. Их много, а проблем еще больше — просто голова кругом. И когда что-то вдруг падает с неба, я лишаюсь покоя и сна.

— Разве ты видел, как что-то упало с неба? — Клавэйн не стал дожидаться ответа. — Окружающее Арарат пространство нашпиговано всевозможными пассивными датчиками из нашего арсенала. Разве мы могли проморгать капсулу, способную опуститься на планету, а тем более не заметить доставивший ее корабль?

— Не знаю, — ответил Скорпион.

То ли у него вышли аргументы, то ли просто хотелось втянуть Клавэйна в спор о чем-нибудь конкретном — не о пропавших без вести, не о грядущем массовом истреблении.

— Что бы это ни было, оно наверняка появилось здесь недавно. Ничего общего с другими артефактами, которые мы выловили из океана. Они успели наполовину раствориться в морской воде, даже те, что лежали на дне, где меньше микроорганизмов. А эта штуковина явно провела в море считаные дни.

Клавэйн наконец отвернулся от океана, и Скорпион счел это добрым знаком. Старый сочленитель двинулся медленным, экономным шагом, не глядя под ноги, но с наработанной уверенностью огибая приливные лужицы и иные препятствия.

Они шли обратно к палатке.

— Скорпион, я много наблюдал за небом, — сказал Клавэйн. — По ночам, когда не было облаков. И кое-что видел в последнее время. Вспышки. Какое-то движение. Признаки чего-то огромного, словно там на секунду отодвигали занавес. Теперь ты точно сочтешь меня выжившим из ума.

Скорпион не знал, что и думать.

— Один, да на необитаемом острове — тут любому начнет мерещиться.

— Но вчера не было туч, — продолжал Клавэйн. — И позавчера. И я ничего не видел. Никаких признаков появления нового корабля на орбите.

— Мы тоже ничего не заметили.

— Как насчет радиопереговоров? Лазерных сигналов?

— Эфир совершенно пуст. Ты прав, нет смысла ломать над этим голову. Но, нравится нам это или нет, у нас есть капсула, и она никуда не денется. Мне бы хотелось, чтобы ты сам на нее взглянул.

Клавэйн убрал волосы с глаз. Морщины превратились в расселины и овраги — не лицо, а поверхность планеты, изуродованная эрозией. Скорпион подумал, что за полгода, проведенные на острове, сочленитель состарился лет на десять, а то и двадцать.

— Ты сказал, внутри кто-то есть.

Пока шел разговор, в облачном ковре образовались прорехи. Проглядывавшее в них чистое небо имело сходство с глазом галки — бледная, в прожилках, голубизна.

— Этого пока никто не знает, — ответил Скорпион. — Вообще, о найденной капсуле пока известно лишь нескольким людям в колонии. Поэтому я и приплыл сюда на лодке. Добираться шаттлом было бы легче, но это привлекло бы внимание. Узнав о твоем возвращении, все решили бы, что возникла серьезная проблема. Кроме того, никто не знает, что ты живешь так близко. Многие верят, что ты перебрался на другое полушарие.

— И ты поддерживаешь это заблуждение?

— По-твоему, что лучше для общественного спокойствия: распустить слух, будто ты отправился в экспедицию — возможно, очень опасную, — или сообщить, что Клавэйн предпочитает сидеть сиднем на острове и обдумывать способы самоубийства?

— Эти люди через такое прошли... Они бы приняли правду.

— Да, им крепко досталось, — кивнул Скорпион. — Именно поэтому я решил, что правду им лучше не знать.

— Как бы то ни было, самоубийства я не замышляю. — Старик остановился и снова повернулся к морю. — Я знаю, что она там, со своей матерью. Скорпион, не выпытывай, как я это выяснил. Просто чувствую: она все еще там. Я читал, на других планетах жонглеров случалось нечто подобное. Время от времени океан забирает пловца, полностью растворяет его тело и встраивает в свою органическую матрицу. Никто не ведает зачем. Пловцы, которые потом входили в океан, говорили, что иногда чувствовали присутствие исчезнувших ранее. И ощущение бывает гораздо сильнее, чем при контакте с записанной памятью или виртуальной личностью. По их словам, это напоминает диалог.

Скорпион сдержал тяжелый вздох. Он уже слышал такие речи полгода назад, перед тем как старик решил перебраться

на остров. Одиночество нисколько не поколебало уверенности Клавэйна в том, что Фелка не просто утонула.

— Тогда нырни и разберись во всем сам, — сказал свинья.

— Я бы так и сделал, но боюсь.

— Боишься, что океан заберет тебя?

— Нет. — Клавэйн снова повернулся к Скорпиону. Он не казался оскорбленным, лишь удивленным. — Нет. Конечно же нет. Я боюсь совсем другого: что океан не обратит на меня внимания.

Хела, 107-я Рыб, год 2727-й

Рашмике Эльс в детстве очень часто говорили, что не стоит быть такой серьезной. Что бы они сказали, увидев сейчас, как она сидит в полумраке на кровати и перебирает личные вещи, откладывая те немногие, что можно взять в экспедицию?

Как обычно, она ответила бы взглядом, полным оскорбленного достоинства. Только теперь ее убежденность в собственной правоте была бы гораздо сильней. Пусть ей еще не исполнилось восемнадцати, она прекрасно понимает, насколько все серьезно. Не просто серьезно — страшно.

Она сложила в небольшую сумку белье на два-три дня, хотя путешествие вряд ли продлится так долго. Добавила к белью туалетные принадлежности, осторожно вынеся их из ванной, чтобы не заметили родители. Запаслась сухим печеньем и ломтиком козьего сыра на тот случай, если в ледокате Крозета будет нечего есть (или, скорее, если там не найдется ничего такого, что она сочтет съедобным). Взяла бутылку очищенной воды, так как слышала, что в окрестностях Пути вода плохая, ядовитая. Бутылки надолго не хватит, но теперь Рашмика хотя бы может спокойно думать, что обо всем позаботилась наперед.

К собранным вещам она прибавила завернутые в пластиковый пакет три маленьких артефакта, украденные из раскопов.

Сумка получилась на удивление тяжелой, и в ней почти не осталось места. Рашмика поглядела на жалкую кучку пожитков, понимая, что может взять только одну вещь. Что же выбрать?

Здесь была карта Хелы, снятая со стены над кроватью, с отмеченной выцветшими красными чернилами извилистой

линией вдоль экватора. Это изображение Пути не отличалось точностью, но в компаде лучшего не нашлось. И разве это имеет значение? Рашмике не добраться туда самостоятельно, и, если помощники не знают дороги, эта карта вряд ли сильно им поможет.

Она отложила карту в сторону.

Была тут и толстая синяя тетрадь с уголками, защищенными позолоченным металлом. В ней содержались рукописные заметки о вертунах, которые Рашмика прилежно делала на протяжении восьми лет. Рашмика начала писать в эту тетрадь, когда ей исполнилось девять и она решила — вполне в соответствии со своим ранним развитием, — что хочет стать ученым и изучать вертунов. Над ней, конечно, смеялись — по правде сказать, довольно добродушно и необидно, — но от этого она только еще более усердно царапала свои заметки.

Рашмика знала, что нужно спешить, но не могла не перелистать эти страницы, внимая их шелесту, отчетливому в тишине комнаты. Бывало, она смотрела на тетрадь свежим взглядом, словно глазами другого человека, и та казалась подлинным произведением искусства. Вначале почерк Рашмики был крупным и аккуратным — детским. Она пользовалась ручками разных цветов и тщательно подчеркивала важные места. Кое-где чернила выцвели или растеклись, попадались пятна и кляксы, но ощущение много пережившей старины лишь придавало прелести этому процессу.

Рашмика рисовала сама, копировала иллюстрации из других источников. Первые рисунки были грубыми и наивными, но через несколько страниц приобрели точность и уверенность, как наброски натуралистов Викторианской эпохи. Рисунки были заботливо дополнены стрелками и пояснениями.

Само собой, это были чертежи артефактов вертунов, с записями об их происхождении и назначении, а также множество изображений самих вертунов, их анатомии и поз, воссозданных по найденным окаменелым останкам.

Она переворачивала страницы — годы своей жизни. Почерк мельчал, читать было все труднее. Цветные чернила использовались все реже, несколько последних глав были написаны черными. Здесь тоже все было аккуратно, прежние методичность и прилежание никуда не делись, однако теперь рукопись

напоминала скорее работу ученого, чем записи увлеченного ребенка, пусть и талантливого.

Рашмика больше не брала тексты и рисунки из других источников, на бумагу ложились только ее собственные, не зависящие от чужого мнения мысли. Разница между первыми и последними записями была разительно очевидной для Рашмики, пройденный путь оказался длинным.

Очень часто ее до того смущали первые робкие шаги, что порой хотелось выбросить эту тетрадь и начать новую. Но на Хеле бумага стоила дорого, а тетрадь подарил Харбин.

Рашмика пролистала последние, чистые. Мысли были еще зыбкими, но она уже догадывалась, какими будут умозаключения. На страницах как будто проглядывают тени слов и цифр; нужны лишь время и сосредоточенность, чтобы сложились четкие формулировки. В предстоящем путешествии возможностей поработать с тетрадью наверняка была бы масса...

Но она останется здесь. Эта вещь много значит для Рашмики, и невыносима мысль, что в дороге она может потеряться, что ее могут украсть. Если не взять ее, по крайней мере будет надежда, что тетрадь дождется возвращения хозяйки. Что мешает делать записи в пути, оттачивая аргументацию, добиваясь, чтобы умопостроения не имели изъянов? Тетрадь от этого только выиграет.

Рашмика захлопнула ее и отложила в сторону.

Оставались еще две вещи: компад и старая замызганная игрушка. Компад на самом деле был не ее, он принадлежал всей семье, и Рашмика подолгу пользовалась им, когда не находилось других желающих это делать. Бывало, не находилось месяцами, и теперь, в ее отсутствие, его вряд ли скоро хватятся. В памяти компада хранилось много данных, связанных с исследованиями вертунов, материалов, взятых из других электронных архивов. Там лежали фотографии и фильмы, которые она сделала в раскопках сама. Устные показания старателей, обнаруживших вещи, которые не отвечали общепринятой теории истребления вертунов, — на эти сведения наложили запрет церковные власти. Работы других ученых. Карты и данные лингвистических исследований. Все это поможет Рашмике, когда она будет следовать по Пути.

Она взяла игрушку. Та была розовая, мягкая и потрепанная, от нее шел слабый запах. Она появилась, когда Рашмике было

лет восемь-девять: девочка сама выбрала ее в лавчонке бродячего торговца. Наверняка в ту пору игрушка была яркой и чистой, но Рашмика помнила только одно: это единственное, что она любит — не просто любит, а обожает. Глядя на игрушку, она забывала, что ей уже семнадцать, и до сих пор не могла понять, какое же существо изображает эта вещь. Помнится, надумав взять приглянувшуюся штуковину с прилавка, она решила: это поросенок. И не важно, что на Хеле никто и никогда не видел живой свиньи.

— Тебя я тоже не могу взять, — прошептала Рашмика.

И водрузила игрушку на тетрадь торчком, словно часового. Она понимала, что это просто безделушка, но понимала и то, что вскоре останется без единой ниточки, связывающей ее с безопасным житьем в поселке, и будет отчаянно тосковать по дому. Да только от компада больше пользы, и теперь уже не до сантиментов.

Она запихнула черную прямоугольную коробку в сумку, аккуратно затянула герметичную застежку и тихо вышла из комнаты.

Рашмике было четырнадцать, когда караван в последний раз прошел вблизи ее деревни. Тогда она была на занятиях, и ей не разрешили выйти наружу и поучаствовать во встрече. Перед этим, в девять лет, она видела караван, но лишь мельком и издали. Ей живо помнилось это событие — из-за того, что потом случилось с братом. Она вспоминала прибытие каравана столько раз, что теперь уже невозможно было отличить случившееся на самом деле от того, что она навоображала потом.

Прошло восемь лет, подумала она: десятая часть человеческой жизни по безжалостной новой статистике. Десятую часть тоже нельзя недооценивать, хотя когда-то восемь лет составляли одну двенадцатую или даже одну тринадцатую того, на что можно было рассчитывать. И тем не менее срок казался очень долгим. Как ни крути, это половина ее жизни. Дожидаться нового каравана, знала Рашмика, придется целую вечность. В тот последний раз, когда Рашмика видела караван, она была ребенком с Равнины Вигрид, маленькой девочкой, известной своей странной привычкой всегда говорить правду.

И вот теперь ей выпал новый шанс.

Прошло сто дней с начала сто двадцатого кругосветного путешествия, в которое внезапно пустился караван, вышедший на восток с Хоукова Переезда. Колонна повернула на север, к Низинам Гаудина, чтобы соединиться с другим караваном, направлявшимся на юг, в сторону Хмурого Перекрестка. Впервые за столь долгий срок — три обращения — караван проходил по южной кромке Равнины Вигрид в дне пути от поселка. Само собой, жизнь забила ключом: приемы и вечеринки, празднования юбилеев и приглашения в тайные питейные заведения. Бывали романы и свидания, опасный флирт и тайные связи. Через девять месяцев жди появления орущего потомства караванщиков.

В сравнении с общим аскетизмом Хелы и особенно с суровым бытом Равнины Вигрид это было время скупо отмеренной, робкой надежды. Один из редких периодов, когда мог измениться жизненный уклад — пусть и в строгих рамках. Наиболее здравомыслящие поселенцы не позволяли себе выказывать энтузиазм, но в душе они не могли противиться надежде на перемены. Люди придумывали хитрые предлоги, чтобы съездить к месту встречи; мол, тут ничего личного, а только забота об общественном благе. Таким вот образом на протяжении трех недель поселок отправлял собственные маленькие караваны, которые с риском для жизни преодолевали изрезанные предательскими трещинами равнины, чтобы добраться до большой колонны.

Рашмика решила выйти из дому на рассвете, пока родители спят. Она не стала лгать, куда и зачем собралась. Чего не понимали взрослые и вообще все жители поселка, так это того, что она умела обманывать не хуже других, на голубом глазу. И единственная причина, по которой Рашмика никогда не лгала, даже в детстве, заключается в том, что она просто не видела в этом смысла.

Рашмика кралась к своему дому, беззвучными бросками пересекая темные коридоры и яркие пятна под световыми люками. Почти все жилье в поселке скрывалось под землей и представляло собой бессистемно вырытые пещеры, соединенные извилистыми тоннелями, со стенами, покрытыми желтеющей штукатуркой. Мысль о жизни на поверхности слегка пугала, но, наверное, и к этому можно привыкнуть; так привыкают

к жизни в караванах или даже в соборах, к которым эти караваны идут.

Хотя, конечно, нельзя было назвать подземное существование совсем безопасным. Сеть коридоров поселка где-то опосредованно соединялась с системой расположенных еще глубже путей к раскопкам. Имелись шлюзы и другие запорные устройства, чтобы защитить поселок при обвале в зоне раскопок или при случайном вскрытии проходчиками полости с высоким давлением. Вот только не всегда эти механизмы работали должным образом.

На веку Рашмики случилось несколько серьезных аварий, только случайно не приведших к большим жертвам. Все знали, что новая ужасная катастрофа вроде той, о которой родители Рашмики вспоминали до сих пор, лишь вопрос времени. Не далее как неделю назад на поверхности произошел сильный взрыв. Обошлось без жертв; по слухам, кто-то намеренно подорвал предназначенные для проходки заряды. Это было лишним напоминанием о том, что ее мир в одном шаге от ужасной опасности.

Такова была цена, которую поселок платил за экономическую независимость от соборов. И Рашмика это понимала. Большинство поселков на Хеле располагались вблизи Вечного Пути, не более чем в ста километрах к северу или югу. За ничтожным исключением, поселки возле Пути были обязаны своим существованием церквям и контролируемым ими соборам и имели то или иное отношение к главным ответвлениям религии куэйхистов. Это не значит, что на Равнине Вигрид не было верующих, но поселки управлялись мирскими комитетами и зарабатывали на жизнь в основном раскопками, а не сложными системами десятин и индульгенций, которые связывали соборы и общины Пути. Вследствие этого поселки были свободны от большинства религиозных ограничений, установленных на Хеле почти повсеместно.

Поселки жили по собственным правилам, не так строго смотрели на брак и закрывали глаза на некоторые прегрешения, объявленные вне закона на Пути. Гости из Часовой Башни были редки, и, сколько бы церкви ни посылали сюда своих миссионеров, на них глядели с подозрением. Девочкам вроде Рашмики дозволялось читать техническую литературу и заниматься раскопками, но не изучать скрижали куэйхистов.

Согласно общему укладу, женщины в поселках находили себе работу сами.

Другой стороной медали было то, что Равнина Вигрид не могла рассчитывать на покровительство и защиту соборов. Поселки вдоль Пути охранялись разношерстной и слабоорганизованной соборной милицией, и в кризисных ситуациях церковники оказывали им поддержку. В распоряжении соборов имелось оборудование, значительно превосходящее все, чем пользовались на Вигриде, и Рашмика не раз становилась свидетельницей того, как ее друзья и родственники умирали из-за невозможности пользоваться услугами современной медицины. Платой за медицинскую помощь была, конечно же, встреча со службой крови. И как только в жилах человека появлялась кровь куэйхистов, все прочее ему становилось безразлично.

Рашмика принимала родные порядки со смесью гордости и упрямства, свойственных обитателям Вигрида. Никто не сомневался, что жизнь в этих краях неизмеримо труднее, чем около Пути. Все знали, что на Равнине Вигрид по-настоящему веруют лишь единицы и даже у них вера обычно поколеблена сомнениями. Как правило, именно сомнения, желание найти ответы на беспокоящие вопросы приводили людей в раскопки.

При всем при том обитатели поселков не желали себе другой судьбы. Они жили и любили так, как считали правильным, глядя на облепившие Путь благочестивые общины с чувством морального превосходства.

Рашмика вошла в последнюю комнату своего дома; при каждом шаге заплечная сумка тяжело билась о копчик. Было тихо, но девушка ступала еще тише и напряженно вслушивалась — и как будто улавливала слабейший гул дальних раскопок, отголоски бурильных и землеройных машин, доносящиеся через километры извилистых тоннелей. Время от времени раздавалось глухое «бум» взрыва или барабанная дробь отбойного молотка.

Рашмика так привыкла к этим звукам, что они нисколько не тревожили ее сна; напротив, она бы немедленно проснулась, если бы раскопки прекратились. Сейчас же ей хотелось, чтобы там шумели сильнее, заглушая звуки ее бегства.

В последней комнате было две двери. Одна открывала горизонтальный проход в более широкие тоннели, в сеть под-

земных путей сообщения с другими домами и помещениями поселка. Вторая дверь располагалась в потолке, над скобяной лестницей. Мгновение — и этот люк распахнут, зияет темнота.

Рашмика достала из шкафа вакуумный скафандр, стараясь не стучать шлемом и ранцем о три других скафандра, висящих на общей вращающейся вешалке внутри шкафа. Три раза в год на учениях ей приходилось облачаться в скафандр, и не составляло труда застегнуться на все замки и добиться полной герметичности. Но сейчас это заняло десять минут — она то и дело замирала, когда мерещился шум где-то внутри дома. Всякий раз это оказывался щелчок в системе циркуляции воздуха или тихий стон проседающей породы.

Наконец она закончила возиться со скафандром; светящийся зеленым дисплей на запястье убедил ее, что все в порядке. Баллоны с воздухом заполнены не до предела — скафандр почти всегда дает слабую утечку, поэтому резервуары дыхательной смеси и проверяют так часто, не забывая наполнять. Но для выполнения задуманного Рашмикой воздуха более чем достаточно.

Она опустила лицевой щиток, отгородившись от всех звуков, кроме одного: ее собственного дыхания. Теперь не понять, шумит ли она, разбудила ли кого в доме. А ведь самая шумная часть побега еще впереди. Надо двигаться быстро и осторожно, чтобы родители, даже если проснутся, не помешали ей добраться до места встречи.

Скафандр удвоил ее вес, но это не помешало взобраться по лестнице и, миновав люк, окунуться во мглу воздушного шлюза. В каждом доме имелись такие устройства, правда разной величины. В доме Рашмики шлюз был достаточно велик, чтобы в нем могли одновременно поместиться два взрослых человека.

Тем не менее пришлось сесть и сгорбиться, чтобы вернуть на место внутреннюю дверь и вручную закрутить штурвал замка.

Теперь она в относительной безопасности. Стоит ей начать разгерметизацию, и отец с матерью не смогут войти в шлюз. Запор внутренней двери им быстрее чем за две минуты не открыть. К тому времени Рашмика уже пробежит полпоселка, и ее следы затеряются среди следов других людей, которые выходили на поверхность по разным надобностям.

Она опять проверила скафандр, отметив, что дисплей на запястье по-прежнему успокоительно-зелен, и только после этого начала процедуру разгерметизации. Рашмика ничего не услышала, но, едва воздух пошел вон из шлюза, ткань скафандра между соединительными кольцами вздулась — и двигать конечностями стало труднее. Дополнительный поток данных на щитке шлема оповестил, что теперь она в вакууме.

Никто не стучал во внутреннюю дверь с той стороны. Рашмика старалась не думать о сигнализации, которая должна заголосить при срабатывании шлюза. Она не знала, есть ли в доме такая система, — родители могли и не сказать, на тот случай, если она решит сбежать. Скорее всего, ее опасения беспочвенны: нет ни сигнализации, ни защиты от детей, ни тайных кодов, которые нужно набрать на панели, чтобы выбраться наружу. Девушка столько раз представляла, как проходит через шлюз, что теперь не могла избавиться от легкого дежавю.

Когда утек весь воздух, реле открыло замок наружной двери. Рашмика толкнула посильнее, но ничего не произошло. Потом дверь подалась — всего на дюйм, но этого оказалось достаточно, чтобы в шлюзовую камеру проник слепящий дневной свет, словно луч лазера уперся в визор Рашмики. Она толкнула сильнее, и дверь повернулась на петлях.

Девочка протиснулась в проем и уселась на землю под открытым небом. Она заметила, что снаружи дверь покрыта утренней изморозью толщиной в дюйм. На Хеле и снег выпадал, особенности в ту пору, когда извергались гейзеры Келды или Рагнарека.

Хотя по домашним часам было время рассвета, на поверхности это ничего не значило. Поселенцы — в большинстве своем беженцы с Йеллоустона — жили по двадцатишестичасовому суточному циклу и пользовались соответствующими часами, невзирая на то что Хела была совершенно другим миром, со своими сутками. Ее день длился около сорока часов, за это время она совершала полный оборот вокруг своей материнской планеты, газового гиганта Халдоры.

Поскольку угол наклона оси спутника к плоскости его обращения был практически равен нулю, ночь в каждой точке Хелы продолжалась двадцать часов. Сейчас Равнина Вигрид находится на светлой стороне, и день тут продлится еще семь часов. На Хеле бывала и другая ночь, когда на своем пути по орбите

она попадала в тень газового гиганта. Но эта ночь длилась всего два часа, слишком мало, чтобы ее принимать в расчет.

Через несколько секунд визор автоматически потемнел, настроившись на яркость дневного света, и Рашмика смогла забрать свои вещи. Она вынула ноги из двери шлюза, поднялась и закрыла ее, запустив процедуру герметизации. Если родители уже рядом и даже одеты в скафандры, у нее целых две минуты, пока они не выберутся на поверхность. Если же решат пробираться по тоннелям к ближайшему общественному шлюзу, потратят еще больше времени.

Рашмика повернулась к шлюзу спиной и пошла по улице, стараясь показать, что абсолютно спокойна и никуда не торопится. Она боялась, что ступать придется по свежей изморози и преследователям будет несложно определить взятое ею направление. Но снова повезло: в ту сторону уже прошли люди, а дальше следы расходились, и одна цепочка вела в сторону, противоположную той, куда намеревалась идти девушка.

Судя по размеру, это были следы ее матери — у отца ступня больше. Что привело мать на поверхность? Рашмика не помнила, чтобы кто-то из семьи упоминал о своем недавнем выходе наружу.

Вероятно, причина была пустяковой. Не стоит брать в голову — у Рашмики хватает своих проблем.

Она кружным путем миновала черные стены радиаторных панелей, низкие оранжевые бугры генераторов энергии и навигационных маяков, запаркованные ледокаты со сглаженными инеем контурами. Рашмика оказалась совершенно права насчет следов — оглянувшись, она не сумела найти собственные в массе чужих.

Девушка оставила позади шеренги радиаторных пластин и увидела поджидающий ее ледокат, отличающийся от других лишь тем, что на его ребристом капоте успела растаять наледь. Солнце светило очень ярко — не поймешь, горят ли лампы в салоне. На прозрачном ветровом стекле блестели расчищенные дворниками полукружья. Рашмике показалось, что внутри она видит движущийся силуэт.

Она обошла вокруг приземистой, длинной, с расширяющимися книзу опорами машины. Корпус был черным; только идущий вдоль бортов узор со змейками слегка оживлял его об-

лик. Передняя «нога» упирала в снег свою широкую лыжу с задранным носком; лыжами поменьше были снабжены две задние опоры.

Рашмика засомневалась, та ли это машина. Было бы глупо теперь ошибиться. Девушка была уверена, что любой житель поселка моментально узнает ее даже в скафандре.

Однако Крозет дал ей совершенно четкие инструкции. Рашмика с облегчением увидела нешироκий трап, который при ее появлении опустился на снег. Поднявшись по прогибающемуся металлу, она вежливо постучала. Мучительное, хоть и недолгое, ожидание, и дверь скользнула в сторону, открыв шлюз. Она протиснулась в камеру — там было место только для одного человека.

На частоте ее шлема прозвучал мужской голос — она тут же узнала Крозета.

— Кто?

— Это я.

— Кто «я»?

— Рашмика, — ответила она. — Рашмика Эльс. Мы же вроде договорились.

Снова наступила тяжкая пауза; девушка уже совсем решила, что ошиблась машиной, — и мужчина ответил:

— Еще не поздно передумать.

— Я не передумаю.

— Можно просто вернуться домой.

— Родители не похвалят меня за выход наружу.

— Да, — подтвердил мужчина, — они не будут в восторге. Но я знаю твоих предков, вряд ли с тебя спустят шкуру.

Он был прав, но Рашмике не хотелось сейчас думать о родителях. Несколько недель она психологически готовилась — меньше всего ей нужны уговоры в последний миг. Пусть это и логичные уговоры.

Она снова постучала в дверь, сильно, благо на руке была перчатка:

— Так вы меня впустите или нет?

— Я просто хотел убедиться, что ты решила окончательно. Обратного пути не будет, пока мы не встретим караван. Это не обсуждается. Сядешь в машину, и путешествие закончится только через три дня. Через шесть, если захочешь вернуться с нами. Никакое нытье и слезы на меня не подействуют.

— Я ждала восемь лет, — ответила она. — Еще три дня погоды не сделают.

Крозет хохотнул, а может, хихикнул — она не разобрала.

— Знаешь, я тебе почти верю.

— И правильно, — ответила Рашмика. — Я девочка, которая всегда говорит правду, помните?

Через жалюзи пошел воздух. Одновременно Рашмика почувствовала движение, мягкое и ритмичное, словно качалась колыбель. Ледокат тронулся в путь, равномерно отталкиваясь задними лыжами.

До сих пор Рашмика считала, что ее бегство началось, когда она выбралась из кровати, но только теперь стало ясно: она наконец по-настоящему отправилась в путь.

Открылась внутренняя дверь, и Рашмика ступила в салон, отстегнула шлем и деловито повесила рядом с тремя другими. Внутри ледокат казался больше, чем снаружи, но она забыла о том, сколько места занимают двигатель, генераторы, топливные баки, система жизнеобеспечения и отсеки для грузов. Из-за них на борту тесно и шумно, а воздух такой, что хочется снова надеть шлем.

Она надеялась привыкнуть, только сомневалась, что удастся это сделать за три дня.

Ледокат раскачивался и вихлял. За окном кренился с боку на бок сверкающий белизной пейзаж. Рашмика ухватилась за поручень и уже собралась идти в нос машины, когда путь ей преградила худощавая фигурка.

Это был сын Крозета, Кулвер. На Кулвере был охряного цвета комбинезон из грубой ткани, в многочисленных карманах звенели инструменты. Он был на год или два моложе Рашмики, светловолос, и с первого взгляда было ясно: парню не хватает витаминов. На Рашмику он смотрел с вожделением.

— Все-таки решилась ехать с нами? Это хорошо. Будет время познакомиться поближе.

— Я тут только на три дня, Кулвер. Лучше не строй планов.

— Давай помогу тебе снять скафандр и провожу в нос. Папка сейчас занят, ему нужно вырулить из поселка. Из-за воронки приходится ехать в обход, поэтому немного трясет.

— Спасибо, я сниму скафандр сама. — Рашмика кивнула в сторону кабины. — Почему бы тебе не вернуться? Наверное, твоя помощь там не будет лишней.

— Отец справится. С ним же мать.

Рашмика улыбнулась:

— Надеюсь, ты этому рад — мать удержит мужиков от глупостей.

— Она не против того, чтобы мы иногда развлекались, лишь бы без последствий.

Машина снова накренилась, Рашмика качнулась к металлической стене.

— Сказать по правде, она на все закрывает глаза.

— Да, я наслышана. Ладно, скафандр действительно уже не нужен. Ты не покажешь, где я буду спать?

Кулвер отвел ее в крошечный отсек, зажатый между парой гудящих генераторов. Внутри лежали жесткий матрас и стеганое одеяло из серебристой скользкой ткани. Чтобы уединиться, нужно задернуть занавеску.

— Мы тут не особо роскошествуем, — заметил Кулвер.

— Я рассчитывала на худшее.

Кулвер прислонился к стене:

— Точно не хочешь, чтобы я со скафандром помог?

— Спасибо, справлюсь.

— Есть что надеть?

— Под скафандром я одета, и смена имеется. — Рашмика похлопала по сумке, которая висела под ранцем скафандра. Даже через плотный материал чувствовались твердые края компада. — Ты всерьез решил, что я забыла одежду?

— Нет, — хмуро отозвался Кулвер.

— Вот и отлично. А теперь почему бы тебе не сбегать в кабину и не сообщить родителям, что я в полном порядке? И еще передай, что я буду очень признательна, если мы как можно скорее покинем поселок.

— Мы не можем ехать быстрее, — отозвался Кулвер.

— Это меня и тревожит, — сказала Рашмика.

— Куда-то торопишься?

— Да, мне нужно добраться до соборов как можно скорее.

Кулвер смерил ее взглядом:

— На религию пробило?

— Не совсем, — ответила она. — Просто мне нужно уладить одно семейное дело.

Куэйхи очнулся в темном, тесном пространстве, не способный двинуть ни рукой, ни ногой.

Последовал миг блаженной дезориентации, без переживаний и тревог, пока он дожидался возвращения памяти. Но затем все воспоминания нахлынули, обрушились, как стенобитная машина, и лишь спустя время соблаговолили перетасоваться и разместиться в хронологическом порядке.

Он вспомнил, как был разбужен, как получил нерадостное известие: его удостоила аудиенции королева. Вспомнил ее додекаэдрический зал, обставленный орудиями пыток, и зловещий мрак, изредка пронзаемый вспышками, когда в электрических ловушках гибли паразиты. Вспомнил череп с телевизионными глазницами. Вспомнил, как королева играла с ним, точно кошка с мышкой. Вспомнил все свои ошибки... и ту, самую страшную и горькую. Когда он поверил, что после всего содеянного может быть прощен.

Он вскрикнул, внезапно сообразив, что с ним случилось и где он теперь. Крик вышел глухим и тихим, болезненно детским, и Куэйхи устыдился, что такой звук исторгся из его рта.

Почему невозможно шевельнуться? Он точно не парализован — просто вокруг нет свободного пространства, ни единого кубического сантиметра.

Место, где он находился, казалось отдаленно знакомым.

Постепенно крики Куэйхи превратились в визг, потом ослабли до хриплого, тяжелого дыхания. Это продолжалось еще несколько минут, после чего он замычал, повторяя шесть последовательных нот с упорством безумца или монаха.

«Значит, я уже подо льдом», — решил он.

Не было ни погребальной церемонии, ни заключительной встречи с Жасминой. Его просто засунули в резной скафандр и похоронили в ледяном щите, который «Гностическое восхождение» толкало перед собой. Он понятия не имел, сколько прошло времени, час или неделя. Не смел думать о том, что, возможно, пробыл здесь дольше. Но вместе с ужасом пришло и понимание: чего-то, какой-то мелочи, недостает.

Возможно, дело в ощущении, что он находится в знакомом, пусть и очень тесном месте. Или причина кроется в том, что тут совершенно ничего не видно.

— Внимание, Куэйхи, — услышал он. — Внимание, Куэйхи. Торможение закончено, жду распоряжений для запуска системы.

Это был спокойный, добродушный голос кибернетической субличности «Доминатрикс».

Внезапно он осознал, что находится вовсе не в железном скафандре, а в перегрузочной капсуле «Доминатрикс», в гробу-матрице, предназначенном для защиты человеческого организма от многочисленных *g*. Куэйхи, одновременно оскорбленный и растерянный, перестал мычать. Конечно, у него отлегло от сердца. Но смена орудия многолетней пытки на относительно доброжелательную среду «Доминатрикс» оказалась настолько резкой, что у него просто не было времени на эмоциональную декомпрессию. Он мог лишь дрожать от шока и изумления.

Появилось смутное желание снова погрузиться в кошмар и выбраться из него нескоро.

— Внимание, Куэйхи. Жду распоряжений для запуска системы.

— Не спеши, — сказал он.

В горле пересохло, слова звучали невнятно. Должно быть, он в перегрузочной капсуле уже давно.

— Слышь, помоги мне отсюда выбраться. Я...

— Все в порядке, Куэйхи?

— Да я бы не сказал...

— А в чем дело? Вам нужна медицинская помощь, Куэйхи?

— Нет, я... — Он осекся и всхлипнул. — Вытащи меня отсюда. Через минуту я приду в себя.

— Хорошо, Куэйхи.

В стенках гроба образовались расширяющиеся щели, в них хлынул свет. Внутри корабля стояла почти полная тишина, время от времени где-то щелкали остывающие трубопроводы. Так всегда бывало после торможения, перед началом высадки. Куэйхи потянулся, и его тело заскрипело, как старый стул. Ему было плохо, но все же не так, как после той ускоренной разморозки на борту «Гностического восхождения». Пребывая под наркозом внутри противоперегрузочной капсулы, он получал инъекции, и его основные физиологические процессы шли в нормальном режиме. В процессе изучения системы очередной звезды он проводил в капсуле считаные недели, — с точки

зрения королевы, вред, причиняемый его организму криосном, перевешивал пользу от замедления старения.

Куэйхи огляделся, все еще не смея поверить, что избавлен от заточения в резном скафандре. Может, он галлюцинирует? Может, попросту спятил, проведя несколько месяцев подо льдом? Но гиперреалистичность обстановки исключала любой вид галлюцинации. Он вспомнил, что раньше никогда не видел снов в ходе торможения, по крайней мере таких, от которых просыпаешься с криком.

Время шло, и корабль становился все материальнее. Нет, это не игры психики.

Все, что было, ему просто приснилось.

— Клянусь Богом! — воскликнул Куэйхи и тотчас получил укол боли, обычное наказание за богохульство от индоктринационного вируса. Но теперь это ощущение было реальным, столь непохожим на ужас перед саркофагом, что он обрадованно повторил: — Клянусь Господом, я никогда не верил, что во мне это есть.

— Что в вас есть, Куэйхи?

Иногда корабль считал своим долгом поддержать беседу. Словно втайне страдал от скуки.

— Не важно, — ответил Куэйхи, уже отвлекшись на другую мысль.

Обычно, когда он выбирался из капсулы, ему хватало места, чтобы размяться и пройтись по длинному, узкому проходу вдоль оси кораблика. Теперь же локоть уперся во что-то, чего прежде здесь не было. Он обернулся, уже догадываясь, что увидит.

Изъеденный коррозией, обожженный металл цвета пьютера. Поверхность, покрытая маниакально подробными рисунками. Форма, имеющая отдаленное сходство с человеческим телом. Темная зарешеченная щель там, где должны быть глаза.

— Сука! — выругался он.

— Обязан проинформировать, что присутствие резного скафандра на борту должно успешно отразиться на выполнении вашей миссии, — сухо проговорил корабль.

— Тебе этот текст в программу записали?

— Да.

Куэйхи заметил, что скафандр подключен к бортовой матрице жизнеобеспечения, толстые провода и шланги протяну-

лись от гнезд и патрубков в боках скафандра к стенам. Он провел пальцами от одной приваренной заплатки к другой, словно по извилистому следу змеи. На ощупь металл был чуть теплый и дрожал, словно внутри что-то жило и работало.

— Осторожно! — предостерег корабль.

— Почему? — спросил Куэйхи. — Внутри кто-то есть?

У него зародилось тошнотворное подозрение.

— Господи! Там внутри кто-то есть. Кто?

— Довожу до вашего сведения: внутри Морвенна.

Конечно. Конечно! Теперь все встало на свои места.

— Ты сказал, что я должен быть осторожен. Почему?

— Мне сообщили, что скафандр запрограммирован умертвить содержимое при попытке постороннего воздействия на оболочку, швы или порты системы жизнеобеспечения. Я также должен предупредить вас, что только генерал-полковник медицинской службы Грилье уполномочен снять этот скафандр, не рискуя убить находящегося в нем человека.

Куэйхи отодвинулся от скафандра:

— Ты хочешь сказать, что мне запрещено даже прикасаться к нему?

— В данных обстоятельствах прикасаться к скафандру было бы неосмотрительно.

Он едва не рассмеялся. Жасмина и Грилье превзошли себя. Сначала аудиенция с королевой, когда та убедила Куэйхи, что ее терпение иссякло. Потом сыгранная с ним злая шутка, чтобы он решил, будто находится в скафандре. Его заставили думать, что он заживо погребен во льду и так проведет, быть может, десять лет. И вот теперь это: финальная насмешка, завершающий штрих. Его последний шанс восстановить свою репутацию. Сомневаться нечего: другого шанса не будет.

Теперь это ясно, как никогда. Жасмина показала, что случится, если Куэйхи снова подведет ее. Пустые угрозы не в стиле королевы.

Однако хитроумность Жасмины простирается дальше: в резном скафандре заключена Морвенна; и он не может укрыться в планетной системе и дождаться, когда «Гностическое восхождение» улетит. Нет теперь у него другого выбора, как вернуться, завершив дело, к королеве. И надеяться можно только на две вещи: что он не разочарует Жасмину и что она согласится выпустить Морвенну из резного скафандра.

Внезапно его посетила новая мысль:

— Она в сознании?

— Скоро очнется, — ответил корабль.

Обладая физиологией ультра, Морвенна гораздо легче, чем Куэйхи, переносила торможение корабля, и тем не менее казалось, что скафандр слегка модифицирован, чтобы защищать ее тело.

— Я могу общаться с ней?

— Да, в любое время. Я обеспечу протокол корабль-скафандр.

— Хорошо, подключи меня.

Подождав секунду, он спросил:

— Морвенна?

— Хоррис.

Ее голос был слаб и далек. Куэйхи с трудом верилось, что их разделяют считаные сантиметры металла: с таким же успехом это могли быть двести световых лет свинца.

— Хоррис? Где?.. Что случилось?

Как объяснить человеку, что он заживо замурован в резной скафандр? Какие слова выбрать? Смешно, но можно начать с того, что наконец-то они остались одни.

— Морвенна, есть проблемы, но ты не волнуйся. Все закончится хорошо, поверь, и не надо паниковать. Можешь мне это пообещать?

— Что случилось? — В голосе Морвенны появилась нотка беспокойства.

Он спохватился: лучший способ устроить панику — это попросить людей не паниковать.

— Морвенна, расскажи, что ты помнишь. Только спокойно и не торопясь.

Она вздохнула, успокаиваясь, хотя в голосе уже пробивалась истерика.

— С чего начать?

— Ты помнишь, как меня повели к королеве?

— Да.

— И как вывели из ее тронного зала?

— Да... да, помню.

— Помнишь, ты пыталась их остановить?

— Нет, я...

Куэйхи решил, что связь прервалась, — динамик вдруг умолк.

— Подожди... Да, я помню.

— А потом?

— Ничего.

— Морвенна, меня отвели в операционную Грилье. И там показали жуткую вещь.

— Нет... — начала она, ошибочно решив, что ужасное случилось с Куэйхи, а не с ней.

— Мне показали резной скафандр, — продолжал он. — А запечатали в него не меня, а тебя. Вот почему нельзя паниковать.

Собеседница приняла новость лучше, чем он ожидал. Бедная храбрая Морвенна. В их паре самой смелой всегда была она. Он знал: если бы ее наказали открыто, она бы не дрогнула. В нем самом такой силы не было. Он был трусом, слабаком и эгоистом. Неплохой парень, но не тот, кем можно восторгаться. Его жизнь сложилась под влиянием его изъянов. Он знал это и не строил иллюзий.

— Значит, я теперь подо льдом? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Все не настолько плохо.

Он вдруг понял, насколько абсурдна для Морвенны эта незначительная деталь — погребена она во льду или нет.

— Ты внутри скафандра, но не подо льдом. И это случилось не по твоей вине. Во всем виноват я. А твое заточение нужно для того, чтобы я действовал определенным образом.

— Где я?

— Рядом со мной, на борту «Доминатрикс». Похоже, мы только что закончили торможение перед новой планетной системой.

— Я ничего не вижу и не могу пошевелиться.

Он смотрел на скафандр, мысленно представляя ее. И хотя она всеми силами старалась скрыть чувства, он достаточно знал ее, чтобы понимать, как ей страшно. Устыдившись, он быстро отвернулся:

— Корабль, ты можешь сделать так, чтобы она видела?

— Этот канал отключен.

— Так включи его, черт возьми.

— Запрещено. Довожу до вашего сведения, что заключенный может общаться с окружающим миром только через предоставленный аудиоканал. Любые попытки задействовать другие каналы будут приравнены к...

Куэйхи махнул рукой:

— Ладно. Послушай, Морвенна, эти сволочи постарались, чтобы ты не могла видеть. Догадываюсь, что идея принадлежит Грилье.

— Вообще-то, он не единственный мой враг.

— Может, и так, но я уверен, что здесь он приложил руку.

С брови сорвалась и поплыла в невесомости капля пота. Он вытер лоб тыльной стороной кисти.

— Я во всем виноват.

— Где ты?

Вопрос удивил его.

— Рядом с тобой, вишу в воздухе. Я думал, ты слышишь мой голос сквозь металл скафандра.

— Я слышу твой голос у себя в голове. И он звучит так, словно ты очень далеко. Мне страшно, Хоррис. Не знаю, смогу ли выдержать.

— Ты не одна, — ответил он. — Я тут, с тобой. Только сохраняй спокойствие. Все будет хорошо, и через пару месяцев мы вернемся с победой.

— Через пару месяцев? — Теперь в ее голосе звучало отчаяние.

— Послушать тебя, так это всего ничего.

— Но все-таки лучше, чем через несколько лет. Морвенна, прости меня. Обещаю вытащить тебя из этой передряги.

Куэйхи до боли потер глаза.

— Хоррис?

— Да, — ответил он сквозь слезы.

— Не дай мне умереть вот так. Пожалуйста.

— Морвенна, — сказал он немного погодя, — слушай меня внимательно. Я сейчас ненадолго уйду. В рубку. Надо проверить, где мы находимся.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Мы будем слышать друг друга. Мне позарез нужно там побывать, Морвенна. По-другому нельзя. Если не сделаю этого, нам несдобровать.

— Хоррис!

Но он уже оттолкнулся, полетел к противоположной стене и ухватился там за скобы с мягким покрытием. Перебирая руками, двинулся по узкому коридору в сторону рубки. Куэйхи

так и не приспособился к невесомости, но корабль-разведчик с узким, как игла, корпусом был слишком мал для центробежной гравитации. Станет легче, когда они отправятся в путь: гравитацию будут создавать двигатели «Доминатрикс».

В другое время он бы порадовался тому, что оказался вдали от команды «Гностического восхождения». В предыдущих разведывательных полетах Морвенны с ним не было, и, скучая по ней в этих недолгих разлуках, он тем не менее упивался независимостью от высокомерных ультра. Он не был совсем уж асоциален; когда жил в бурлящей человеческой цивилизации, не отличался общительностью, но всегда имел пять-шесть сильных друзей. У него всегда были любовницы, чаще редкого, экзотического или — как в случае Морвенны — откровенно опасного типа. Но внутренность корабля Жасмины давила на психику, вызывала боязнь замкнутого пространства. Здесь все было настолько пропитано паранойей и интригами, что он часто задыхался и тосковал по суровой простоте разведывательного полета на борту малого корабля.

Так «Доминатрикс» и содержащийся в ней крошечный разведывательный шаттл стали его личной империей в пределах доминиона, имя которому — «Гностическое восхождение». Корабль кормил и обихаживал Куэйхи, угадывая его желания со сноровкой опытной куртизанки. Чем больше времени пилот проводил на борту, тем глубже субличность изучала его капризы и слабости. Корабль ставил музыку, которая не только более всего подходила к настроению Куэйхи, но и отвлекала от опасных самокопаний или легкомысленной эйфории. Корабль готовил еду, которой Куэйхи нипочем не добился бы от пищевых синтезаторов «Гностического восхождения». Корабль преподносил эффектные сюрпризы, когда казалось, что его хранилища информации уже истощены. Корабль знал, когда Куэйхи пора спать, а когда нужно стимулировать организм для полноценной работы. Корабль устраивал развлечения, если Куэйхи скучал, и симулировал мелкие аварии, если пилот выказывал признаки опасного благодушия.

Временами Куэйхи казалось, что не только корабль изучил его досконально, но и сам он в некотором смысле дополнил свое «я» бортовой компьютерной системой. Это слияние происходило даже на биологическом уровне. Ультра всякий раз стерилизовали корабль-разведчик по его возвращении в ангар,

но Куэйхи помнил, что в первый раз, когда очутился на его борту, там витали другие запахи. Теперь же внутри «Доминатрикс» пахло жильем. Домом.

Однако сейчас всякое ощущение того, что корабль — его убежище, его крошечный рай, ушло. Беглого взгляда на резной скафандр было довольно, чтобы понять: Жасмине удалось проникнуть в святая святых Куэйхи.

Второго шанса не будет. Все, что у него осталось, сосредоточилось впереди, в планетной системе.

— Сука, — снова сказал он.

Добравшись до рубки, Куэйхи втиснулся в кресло пилота. «Доминатрикс» состояла в основном из двигателя и запаса топлива, поэтому отсек управления был совсем крошечным — минимальное расширение в конце узкого коридора, вроде резервуарчика с ртутью у градусника. Лобовой овальный иллюминатор не показывал ничего, кроме межзвездной пустоты.

— Авионика! — скомандовал Куэйхи.

Приборные панели сомкнулись вокруг него, словно щипцы. Дисплеи помигали и изобразили анимированные диаграммы и сенсорные панели; куда бы ни переместился фокус зрения пилота, картинки сопровождали его.

— Куэйхи, жду ваших распоряжений.

— Минутку...

Первым делом он проверил основные системы, убеждаясь, что субличность не пропустила ничего критически важного. Расход топлива немного больше, чем можно было ожидать в данной точке разведывательного полета, но это объяснялось дополнительным весом резного скафандра. Тем не менее запас топлива достаточный, беспокоиться не стоит. В остальном полный порядок: торможение прошло гладко, все системы функционировали в нормальном режиме — от внешних датчиков и системы жизнеобеспечения до шаттла для ближних полетов, который покоился в брюхе «Доминатрикс», словно дельфиний эмбрион в ожидании своего появления на свет.

— Корабль, есть ли особые инструкции для этой разведывательной миссии?

— Мне ничего подобного не сообщали.

— Ладно. Каково состояние материнского корабля?

— Я непрерывно получаю телеметрию с «Гностического восхождения». Рандеву должно произойти как обычно — че-

рез шесть или семь недель разведывательного полета. Топлива достаточно.

— Понял.

Ясно, что у Жасмины не было резона бросать его без запаса топлива, однако приятно уже то, что хотя бы на сей раз она проявила здравомыслие.

— Хоррис? — раздался голос Морвенны. — Поговори со мной. Где ты?

— Я впереди, — ответил он. — Проверяю корабль. Вроде все в порядке, но я должен был убедиться сам.

— Ты уже знаешь, где мы?

— Сейчас выясню.

Он коснулся сенсорной панели, включив голосовой контроль над важнейшими системами корабля.

— Оборот — одна восьмая по часовой, поворот — тридцать секунд! — приказал Куэйхи.

Дисплей показал выполнение маневра. Звезды, слабо мерцавшие в овальном иллюминаторе, неспешно потекли из одного угла в другой.

— Поговори со мной, — снова попросила Морвенна.

— Я разворачиваю корабль. После торможения мы летели хвостом вперед. Через несколько минут будем смотреть прямо на планетную систему.

— Жасмина что-нибудь говорила тебе об этих планетах?

— Насколько я помню, нет. А тебе?

— Ничего, — ответила она.

Впервые после пробуждения ее голос звучал почти как раньше. Куэйхи подумал, что это благодаря механизму совладания. Если вести себя как в обычной ситуации, паника над тобой не властна.

Паника — последнее, что нужно человеку, заточенному в резной скафандр.

— Она сказала, — продолжила Морвенна, — что это еще одна совершенно бесполезная с виду система. Просто звезда и несколько планет. Никаких признаков человека. Медвежья дыра, и только.

— Никаких признаков человека — это вовсе не значит, что тут никогда никого не было. Кто-нибудь мог пролетать мимо и заглянуть, как это сделаем мы. И возможно, он что-то оставил после себя.

— Будем всей душой надеяться, что оставил, — едко проговорила Морвенна.

— Я стараюсь быть оптимистом.

— Извини. Знаю, ты хочешь как лучше, но стоит ли рассчитывать на невозможное?

— Ничего другого нам не остается, — прошептал он, надеясь, что бортовая субличность не услышит этих слов и не передаст их Морвенне.

К этому времени корабль почти завершил маневр, развернувшись кругом. Крупная звезда вошла в поле зрения и остановилась в центре овального экрана. Вблизи она напоминала солнце, и без защитных светофильтров иллюминатора на нее было бы больно смотреть.

— Так, есть кое-что, — сказал Куэйхи. — Давай-ка приглядимся. По спектральному классу — холодная G. В главной последовательности — около трех пятых солнечной светимости. Несколько пятен, но никакой опасной коронарной активности. Расстояние — около двадцати астрономических единиц.

— Мы еще далеко, — отозвалась Морвенна.

— Не очень, если хотим иметь орбиты всех основных планет в одном объеме.

— Что известно про миры?

— Подожди минуту.

Проворные пальцы Куэйхи снова отрегулировали что-то на пульте, и изображение на переднем экране изменилось, появились цветные линии сплющенных в эллипсы орбит, каждая со списком характеристик вращающейся по этой орбите планеты. Куэйхи изучил параметры: масса, орбитальный период, долгота дня, наклон оси, диаметр, сила притяжения на поверхности, средняя плотность, напряженность магнитосферы, наличие единичных спутников или колец. По границам доверительных интервалов заключил, что они получены самой «Доминатрикс», воспользовавшейся своими датчиками и алгоритмами интерпретации данных. Если бы корабль взял сведения о планетах из какой-либо существующей базы, цифры были бы куда конкретнее.

Данные будут уточняться по мере приближения корабля к системе, но до тех пор стоит помнить, что эта область космоса практически не исследована. Возможно, тут кто-то пролетал, но вряд ли задерживался, чтобы составить полный отчет по

официальной форме. А значит, в этом неизученном и неосвоенном месте вполне можно поживиться чем-нибудь ценным.

— Жду распоряжений, — сказал корабль.

— Хорошо, хорошо, — ответил Куэйхи. — Никаких аномалий не обнаружено, поэтому осмотрим все планеты подряд по направлению к солнцу, а после займемся находящимися по ту сторону. Давай-ка рассчитай пять самых перспективных с точки зрения экономии маршрутов поиска и покажи их мне. Если целесообразно пропустить одну из планет и вернуться к ней, продумай и такой вариант.

— Прошу подождать.

Куэйхи и глазом не успел моргнуть, как были готовы результаты расчетов.

— Поставленная вами задача имеет несколько вариантов решения, и я не вижу однозначно предпочтительного. Также не считаю оптимальным поиск без учета последовательности расположения планет.

— Хорошо. Покажи пять лучших вариантов, в порядке увеличения расчетного времени торможения.

Маршруты поменялись местами. Куэйхи чесал подбородок, раздумывая, какой выбрать. Можно попросить корабль, чтобы самостоятельно назначил маршрут, руководствуясь его собственными сложными критериями, однако Куэйхи всегда предпочитал оставлять решающий выбор за собой. Один вариант всегда на первый взгляд казался лучше других; вот тут-то и шла в ход интуиция. Куэйхи готов был признать, что действует наобум, но он не считал, что от этого решение не теряет своей ценности. Суть планетарной разведки как раз в применении тех зыбких и тонких навыков и умений, которые нелегко превратить в алгоритм для машинных расчетов. Именно ради личного участия в выборе маршрута, который по неведомым причинам оказывался наиболее подходящим, он и находился на борту.

В этот раз выбор совсем не выглядел очевидным. Ни одно из решений не отличалось изяществом, однако Куэйхи к подобному привык: никогда все планеты системы не выстроятся для тебя так, чтобы их было удобно посещать. Порой везло, и в момент его прибытия две или три планеты оказывались в тех точках своих орбит, которые позволяли разработать очень выигрышный, почти прямой маршрут. Но здесь орбиты всех

планет располагались под разными углами друг относительно друга. Любой маршрут осмотра будет напоминать прогулку пьяного.

Есть небольшое утешение. Можно менять направление более-менее регулярно, и тогда для полного торможения и близкого осмотра очередной планеты не придется тратить много топлива. Вместо того чтобы сбросить инструментальный зонд, пролетая над планетой на большой скорости, он сможет воспользоваться «Дочерью мусорщика» и хорошенько осмотреть мир вблизи.

Решив, что обязательно воспользуется «Дочерью мусорщика», Куэйхи забыл о спутнице. Но только на минуту. Потом пришла мысль, что, покинув «Доминатрикс», он покинет и Морвенну.

Как она к этому отнесется?

— Вы уже сделали выбор, Куэйхи? — спросил корабль.

— Да, — ответил он, — пожалуй, это маршрут номер два.

— Ваше решение окончательное?

— Давай-ка посчитаем еще раз. Минимальное время торможения, неделя на осмотр самой большой планеты, две — на газовый гигант с большим количеством спутников... несколько дней на водные миры... И останется еще запас топлива — вдруг мы найдем что-нибудь тяжелое.

— Я согласен.

— Корабль, ты дашь мне знать, если заметишь что-нибудь необычное? Ведь у тебя нет инструкций не делать этого?

— Никаких, Куэйхи.

— Хорошо.

— Можете рассчитывать на меня, Куэйхи.

— Так ведь больше мне рассчитывать и не на кого.

Способен ли корабль уловить в его голосе нотку недоверия?

— Хоррис? — Теперь к нему обращалась Морвенна. — Хоррис? Что случилось?

Должно быть, пока обсуждался маршрут разведки, корабль отключил ее звуковой канал.

— Просто анализирую разные возможности, выбираю маршрут осмотра планет. Попробуем к ним приглядеться вблизи.

— А там есть что-нибудь интересное?

— В глаза пока ничего не бросается, — ответил он. — Обычная одиночная звезда и при ней семейство планет. Нигде не

видно поверхностной биосферы или признаков того, что кто-то побывал тут до нас. Если на поверхности и рассыпаны мелкие артефакты, то мы, скорее всего, не заметим их — разве что они сами громогласно не заявят о своем присутствии. Это маловероятно, но я не поддаюсь унынию. Мы подлетим и хорошенько осмотримся.

— Нужна осторожность, Хоррис. Там могут быть опасности, которых не найдешь ни на одной карте.

— Опасности есть везде, — ответил он, — и при данных обстоятельствах я бы не слишком тревожился из-за них.

— Куэйхи, — заговорил корабль, прежде чем Морвенна успела что-то сказать, — вы готовы приступить к исследованию планет?

— Предлагаешь лечь в противоперегрузочную капсулу?

— Первоначальное ускорение составит одно *g*, пока я не закончу диагностику двигательной системы. После этого, когда вы будете в капсуле, ускорение возрастет до предела ее надежности.

— А что будет с Морвенной?

— На ее счет не было никаких специальных указаний.

— Торможение пойдет на обычных пяти *g* или тебе велено замедлить его?

— Торможение будет произведено в обычных безопасных пределах.

Хорошо. Морвенна должна выдержать перегрузки — на первый взгляд модифицированный Грилье резной скафандр обеспечивает узнице ту же защиту, что и противоперегрузочная капсула.

— Корабль, — сказал он, — ты проследишь, чтобы для Морвенны защита от перегрузок работала в нормальном режиме?

— Система защиты от перегрузок включается автоматически.

— Отлично. Морвенна, ты все слышала?

— Слышала, — сказала она. — Не задашь ли кораблю еще один вопрос? Если он может усыплять меня, когда считает нужным, то почему бы не усыпить меня на весь срок полета?

— Корабль, ты слышал?

— Могу при необходимости.

Стыдно, но Куэйхи не догадался сам задать этот вопрос, причем в самом начале. Он спохватился, что совсем не думал о том, каково Морвенне внутри резного скафандра.

— Ну что, Мор, хочешь заснуть прямо сейчас? Проснешься уже на пути к «Гностическому восхождению».

— А если у тебя ничего не выйдет? Думаешь, мне позволят проснуться?

— Не знаю, — ответил он. — Надеюсь что-нибудь разыскать. Я ведь прилетел сюда не проигрывать.

— Ты всегда был чересчур самоуверен, — сказала Морвенна. — Всегда держался так, словно иначе как по-твоему и быть не может.

— Просто иногда я не сомневаюсь в успехе.

— А сейчас?

— Я сказал Жасмине, что чувствую: удача может вернуться ко мне. И я не лгал.

— Надеюсь, ты не ошибаешься, — сказала Морвенна.

— Так ты согласна уснуть?

— Нет, — ответила она. — Я останусь с тобой. Когда ты будешь спать, буду спать и я. Решение окончательное.

— Понимаю.

— Найди там что-нибудь, Хоррис. Пожалуйста. Ради нас обоих.

— Найду, — ответил он.

И вдруг ощутил уверенность. Бессмысленную, нелогичную, но твердую и горькую, словно желчный камень.

— Корабль, — приказал он, — вперед!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Арарат, год 2675-й

Скорпион и Клавэйн почти достигли палатки, когда из-за нее появился Васко, — он обошел кругом и остановился перед входом. Под порывами ветра ходуном ходили грязно-зеленые пластиковые стены, гудели растяжки. В голосе ветра слышалось нетерпение, как будто стихия пыталась загнать людей внутрь. Васко ждал и нервничал, не зная, куда девать руки.

Клавэйн удивленно оглядел его.

— Я думал, что ты приплыл один, — тихо обратился он к спутнику.

— Из-за него не беспокойся, — ответил тот. — Парень немного удивился, узнав, что ты все это время был здесь, но, похоже, он уже привык.

— Да, лучше пусть знает правду.

— Невил, не пугай его. Ты и так столько лет изображал монстра и тирана.

Когда они подошли к палатке на расстояние слышимости, Клавэйн спросил:

— Ты кто, сынок?

— Васко, сэр, — ответил молодой человек. — Васко Малинин.

— Судя по имени, с Ресургема?

— Я родился здесь, сэр. Отец и мать с Ресургема. Перед эвакуацией они жили в Кювье.

— Но лет тебе совсем немного.

— Двадцать, сэр.

— Он родился через год или два после основания колонии, — пояснил Скорпион вполголоса. — Один из старших. Уже появилось второе поколение. Его родители не помнят Ресургема, не помнят даже полета на Арарат.

Клавэйн вздрогнул, словно ничего страшнее в жизни не слышал:

— Скорпион, мы не собирались тут селиться. Арарат — временная остановка в пути. Даже название планеты — глупая шутка. Не стоит пускать корни на планете, названной в шутку.

Скорпион подумал: когда-то они договорились оставить на Арарате часть людей, а большинство полетит дальше. Но сейчас не следует напоминать Клавэйну об этом.

— Люди есть люди, — сказал он. — А свиньи есть свиньи. Невозможно удержать нас от размножения, как невозможно согнать кошек в стаю.

Клавэйн снова повернулся к Васко:

— Где ты работаешь?

— На пищевой фабрике, сэр, в основном при баках-отстойниках, счищаю осадок со скребков и меняю лопасти верхних пеноотделителей.

— Похоже, работа интересная.

— Скажу честно, сэр: будь она интересной, вы бы меня сегодня здесь не встретили.

— Васко еще состоит в силах безопасности, — добавил Скорпион. — Прошел обычную подготовку: обращение с оружием, усмирение бунтов и все такое. Но по большей части он тушит пожары или помогает распределять продукты и медикаменты, поступающие со складов центральной хозяйственной службы.

— Полезная деятельность, — заметил Клавэйн.

— Никто не станет с этим спорить, а уж Васко и подавно, — сказал Скорпион. — Но почему-то он без конца донимает начальника самообороны просьбами взять его на полную ставку. Отзываются о парне неплохо, и он мечтает о чем-то более увлекательном, чем разгребание дерьма.

Клавэйн, щурясь, посмотрел на Васко:

— Что Скорпион успел рассказать тебе о капсуле?

Васко взглянул на свинью, потом на Клавэйна:

— Ничего, сэр.

— Сказал то, что ему следует знать, — проворчал Скорпион. — То есть самую малость.

— Пожалуй, надо выложить ему все, — проговорил Клавэйн.

Скорпион повторил историю, уже рассказанную Клавэйну. Не без удовольствия он наблюдал за тем, как новость проникает в сознание Васко и меняет выражение его лица.

Нельзя было упрекать за это парня, ведь двадцать лет жизни на Арарате, в полном отрыве от человечества, особым образом сформировали его психику. Изоляция въелась в самую душу, как постоянный шум моря, как запах озона и гнилых водорослей; вездесущие, вечные, они не отмечались сознанием, будто и вовсе не существовали. И вот теперь эту изоляцию пробило: капсула напомнила о том, что океанический мир — лишь хрупкое временное убежище посреди расширяющейся зоны военного конфликта.

— Дело в том, — продолжал Скорпион, — что нам неохота поднимать тревогу, пока не узнаем, что произошло на самом деле и кто находится внутри капсулы.

— Похоже, у тебя имеются догадки на этот счет, — подал голос Клавэйн.

Скорпион кивнул:

— Это может быть Ремонтуар. Мы всегда считали, что «Свет Зодиака» рано или поздно объявится. На самом деле ждали его даже раньше, но неизвестно, что с ним случилось после того, как мы расстались, сколько времени потребовалось кораблю, чтобы привести себя в порядок. Возможно, в капсуле мы найдем моего второго любимого сочленителя.

— Что-то не слышу особой надежды на это в твоем голосе.

— Объясни мне, Клавэйн, — продолжил Скорпион. — Если это Ремонтуар и его спутники, то к чему такая скрытность? Почему они не встали на орбиту и не объявили о своем прибытии? Ведь можно было сбросить капсулу ближе к берегу, и нам бы не пришлось так долго ее разыскивать.

— Поищи причины, заставившие их поступить наоборот, — сказал Клавэйн. — Ведь там может оказаться твой самый нелюбимый сочленитель.

— Само собой, я подумал и об этом. Если бы Скади прилетела в нашу планетную систему, то наверняка сделала бы это тайно, причем весь рейс прошел бы в режиме максимальной скрытности. И все равно мы бы что-нибудь заметили. К тому же для вторжения мало одной капсулы — если только в ней не спрятано нечто чудовищное.

— Скади сама чудовище, — ответил Клавэйн. — Но согласен: я тоже не думаю, что это она. Высадка на планету в одиночку — самоубийственная и бессмысленная выходка, совсем не в ее стиле.

Они добрались до палатки. Клавэйн открыл дверь и вошел первым. Задержавшись у входа, он осмотрел помещение, словно собирался кого-то в чем-то упрекнуть, словно здесь жил кто-то еще, совершенно посторонний.

— Я успел привыкнуть к этому месту, — сказал он, будто оправдываясь.

— Намекаешь, что не настроен возвращаться? — спросил Скорпион.

Он все еще чуял запах Клавэйна, оставшийся тут с давних пор.

— Я всегда стараюсь делать то, что нужнее в данный момент.

Клавэйн закрыл дверь и повернулся к Васко:

— Что ты знаешь о Ремонтуаре и Скади?

— Кажется, впервые слышу эти имена.

Клавэйн опустился на складной стул, оставив гостей стоять.

— Ремонтуар был и остается моим старым другом и союзником. Он тоже сочленитель. Мы знакомы еще с марсианской войны, когда дрались друг с другом.

— А Скади, сэр?

Клавэйн взял кусок плавника и принялся его рассматривать с задумчивым видом.

— Скади другого поля ягода. Она тоже сочленитель, но из поколения помоложе. Эта женщина умнее и быстрее нас, и у нее нет никаких эмоциональных связей с традиционным гуманизмом. Когда угроза вторжения ингибиторов стала очевидной, Скади решила спасти Материнское Гнездо и сбежать из нашего сектора космоса. Мне не понравилась идея бросить сражающееся человечество на произвол судьбы и спасти собственную шкуру, и я дезертировал. Ремонтуар после некоторых колебаний примкнул ко мне.

— Скади ненавидит вас обоих? — спросил Васко.

— Думаю, она до сих пор надеется, что у Ремонтуара остались сомнения и он может перейти на ее сторону, — ответил Клавэйн. — Я же сжег почти все мосты между мной и Скади. Помнится, как-то раз чуть не убил ее, обезглавил швартовочным тросом.

Скорпион пожал плечами:

— Бывает и такое.

— Ее спас Ремонтуар, — продолжал Клавэйн. — Возможно, это что-то значит... хотя потом он предал Скади. Однако насчет ее лучше не строить никаких предположений. Вроде бы позже я убил ее еще раз, но не исключено, что она опять сумела ожить. Судя по ее последней передаче...

— Сэр, значит, мы ожидаем Ремонтуара и остальных? Зачем?

Клавэйн покосился на Скорпиона:

— Он вообще ничего не знает?

— Это не его вина, — ответил свинья. — Не забывай, Васко родился здесь. Случившееся до его рождения, и тем более до нашего прибытия сюда, для него древняя история. Как и для всей нашей молодежи — и людей, и свиней.

— Но это его не оправдывает, — насупился Клавэйн. — Мы в его годы были любознательнее.

— Вы в его годы считались слабаками, если не устраивали до завтрака парочку геноцидов.

Клавэйн ничего не сказал. Он положил кусок плавника и взял новый, проверяя остроту его кромок на волосках правой руки.

— Мне кое-что известно, сэр, — торопливо заговорил Васко. — Я знаю, что вы прилетели на Ресургем с Йеллоустона, когда машины принялись разрушать нашу планетную систему. Вы спасли колонистов, вывезли на борту «Ностальгии по бесконечности» — нас было около двухсот тысяч.

— Точнее, сто семьдесят тысяч, — поправил Клавэйн. — И не было дня, когда бы я не сожалел о тех, кого не удалось спасти.

— Никто тебя в этом не винит, — проворчал Скорпион. — Спасенных куда больше.

— История рассудит, прав я или виноват.

Скорпион вздохнул:

— Если угодно заниматься самокопанием, воля твоя. Мне важнее разобраться с выловленной из моря капсулой и обеспечить безопасность колонии, которая хочет, чтобы вернулся ее глава. Предпочтительно вымытый и выбритый и чтобы от него не разило водорослями и грязным бельем. Верно я говорю, Васко?

Клавэйн несколько секунд пристально рассматривал парня. Светлые волоски на затылке Скорпиона поднялись дыбом. Он четко ощущал, как Клавэйн оценивает Малинина по каким-то своим критериям, которые накапливал и оттачивал не одно столетие. На глазах у свиньи в эти секунды решалась судьба Васко. Если Клавэйн решит, что молодой человек не заслуживает его доверия, то неосторожным откровениям конец — ни слова не будет сказано о неизвестных колонии людях. Общение юноши со стариком ограничится незначительными вопросами, и очень скоро Васко забудет об услышанном сегодня.

— Нам бы не помешала ваша помощь, — сказал Васко, поглядывая на Скорпиона. — Вы нужны нам, сэр. Особенно теперь, накануне перемен. Если они будут, эти перемены...

— Будут, не сомневайся, — уверил Клавэйн, наливая себе стакан воды.

— Тогда возвращайтесь с нами, сэр. Если окажется, что в капсуле Ремонтуар, он будет рад, что его поприветствуете именно вы.

— Он прав, Невил, — сказал Скорпион. — Ты нужен колонии. Хотя бы для того, чтобы дать мне приказ о вскрытии капсулы... Сам я, наверное, счел бы за лучшее просто утопить ее в море.

Клавэйн молчал. Снова загудели под напором ветра растяжки. За минувший час свет в палатке чуть померк — Яркое Солнце опустилось за горизонт.

Скорпион чувствовал, что у него не осталось сил; в последнее время такая слабость часто приходила по вечерам. Он совсем не думал об обратном плавании, убежденный почему-то, что на море скоро поднимется волна.

— Если я отправлюсь с вами... — начал Клавэйн.

Он замолчал и глотнул из стакана. Прежде чем продолжать, облизнул губы.

— Если я отправлюсь с вами, это ничего не изменит. Я перебрался сюда не без причин, и эти причины сохранились. Как только будет решена проблема, я вернусь сюда.

— Понял, — ответил Скорпион, который надеялся услышать совсем другое.

— Вот и хорошо. Потому что я говорю совершенно серьезно.

— Главное, ты будешь присутствовать при вскрытии капсулы.

— Буду, но не более того.

— Клавэйн, ты нужен людям. Как бы ни было тебе трудно, пойми это. Тому, кто столько сделал для нас, нельзя отказываться от ответственности.

Клавэйн поставил стакан:

— А что я сделал для вас? Впутал в войну, лишил родного дома и перетащил в жалкую дыру, на другую планету? Вряд ли, Скорпион, за такое можно благодарить. Я считаю, мне нужно каяться перед вами и надеяться на снисхождение.

— Мы в долгу перед тобой. Так считают все.

— Он говорит правду, — подтвердил Васко.

Клавэйн выдвинул ящик складного стола и достал зеркало, старое, мутное, со сколами.

— Так вы поплывете с нами? — настойчиво спросил Васко.

— Может быть, я стар и немощен, но все же не утратил способности интересоваться. Как провести остаток жизни, я решил окончательно. Но хотелось бы узнать, кто лежит в капсуле.

— Хорошо. Отправимся, как только ты соберешь вещи.

Клавэйн проворчал что-то в ответ, потом глянул в зеркало и так резко отвернулся, что озадачил Скорпиона. Дело в глазах, подумал свинья. Клавэйн впервые за много месяцев увидел свои глаза, и ему не понравилось их выражение.

107-я Рыб, год 2615-й

Куэйхи расположился рядом с резным скафандром. Как обычно, все тело ныло после пребывания в тесной перегрузочной капсуле, каждая мышца нашептывала жалобную мольбу. Нужно было срочно занять чем-то голову.

— Морвенна? — позвал он. — Слышишь, Морвенна? Ты проснулась?

— Я слышу тебя, Хоррис.

Ее голос звучал сонно и глухо, но в нем чувствовалась сосредоточенность.

— Что случилось?

— Мы на месте, в семи астрономических единицах от газового гиганта, это достаточно близко. Я ходил в рубку, смотрел. Впечатляет. Жаль, что ты не можешь полюбоваться вместе со мной.

— Мне тоже жаль.

— Тут такие вихри в атмосфере планеты, молнии... Спутники... Красотища, черт возьми.

— Хоррис, там что-то необычное?

— Это заметно?

— Судя по твоему голосу.

Очень хотелось дотронуться до резного скафандра, погладить его, представляя, будто гладит Морвенну.

— Не знаю, что я нашел, но как минимум оно стоит того, чтобы взглянуть поближе.

— Не понимаю.

— У Халдоры есть большой спутник, покрытый льдом, — сказал он.

— У Халдоры?

— У газового гиганта, — быстро объяснил Куэйхи. — Я только что дал ему имя.

— Ты хочешь сказать, что попросил корабль дать планете название на основе случайного выбора из номенклатурной таблицы?

— Да, верно, — улыбнулся Куэйхи. — Но я отказался от нескольких вариантов. Я все же имею свое суждение, пусть и легкомысленное. Тебе не кажется, что у слова «Халдора» красивое классическое звучание? Кажется, это скандинавское имя. Впрочем, не важно.

— И что там со спутником?

— С Хелой? — переспросил Куэйхи. — Я назвал и все луны Халдоры, но Хела интересует нас в первую очередь. Уже подобраны названия для основных географических объектов на ее поверхности.

— Какой нам прок от покрытой льдом луны, Хоррис?

— На ней кое-что есть, — ответил он, — и нам очень нужно взглянуть на это поближе.

— Что же ты там нашел, любимый?

— Мост, — ответил Куэйхи. — Мост через пропасть. Мост, которого там быть не должно.

«Доминатрикс» осторожно подбиралась к газовому гиганту, которого ее хозяин нарек Халдорой. Корабль тщательно выбирал дорогу, выставив все датчики на максимальную чувствительность. Корабль был опытен, он знал, какие ловушки могут таиться в типичной планетной системе, насыщенной радиацией и пылевыми облаками. Корабль постоянно ожидал предупреждающего сигнала о появлении камня на границе сторожевой радарной сферы. Каждую секунду он разрабатывал миллиарды кризисных сценариев, оценивал возможные маршруты уклонения, чтобы найти приемлемое решение, траекторию, которая позволит избежать опасности и не раздавит перегрузкой пилота. Время от времени, просто для практики, корабль строил схемы уклонения от нескольких астероидов сразу, отдавая себе отчет в том, что Вселенная должна пройти не один десяток циклов рождения и уничтожения, прежде чем случится столь невероятное стечение обстоятельств.

С тем же пристальным вниманием корабль следил за солнцем этой системы, отмечая на нем протуберанцы или внезап-

ные выбросы энергии, прикидывая, за каким из ближайших небесных тел он сможет укрыться от особенно мощного извержения. Корабль непрерывно сканировал космос в поисках препятствий искусственного происхождения, которые могли оставить другие исследователи, — плотных облаков мусора, отходов горных работ, сторожевых дронов в засаде — и проверял состояние собственных наружных защитных систем и аккуратно хранящихся внутри орудий. Субличность надеялась, что в один прекрасный день ей предоставится возможность пустить в ход весь этот арсенал.

В конце концов обслуживающие корабль матрицы пришли к успокоительному выводу: они сделали все, что от них зависело; если и существует угроза, обнаружить ее они не в силах.

А затем в течение доли секунды произошло нечто неожиданное и даже невероятное, и корабль даже был вынужден взять паузу для осмысления.

В работе всех датчиков, наблюдавших за Халдорой, к которой направлялся корабль, случился одновременный сбой. Приборы вдруг дружно сообщили о том, что планета попросту исчезла, а потом появилась вновь.

Поставив корабль перед проблемой, поистине необъяснимой.

По всем матрицам управления «Доминатрикс» прошла сильная дрожь. Корабль поспешил обратиться к своим архивам, торопливо зарылся в них, словно ищущая кость собака в кучу мусора. Отмечало ли «Гностическое восхождение» нечто подобное, когда приближалось к системе? Не могло быть сомнений, что многое упущено, но такое событие, как недолгое, на долю секунды, но все же абсолютное исчезновение целой планеты, не прошло бы незамеченным.

Озадаченный корабль просмотрел огромный массив данных, полученный от «Гностического восхождения». Причем сосредоточился на тех материалах, где упоминался газовый гигант. В следующий заход «Доминатрикс» снова профильтровала данные, на этот раз сделав упор на события, сопровождаемые комментариями. Если материнский корабль заметил такое же исчезновение, то непременно пометил его флажком.

Но ничего подобного не обнаружилось.

У корабля зародилось смутное подозрение. Он снова просмотрел данные с «Гностического восхождения», на этот раз

всю базу. Показалось ли ему, или на самом деле есть малейшие признаки аккуратных поправок? Статистическая частота некоторых чисел хоть и самую малость, но все же отличается от ожидаемой... Как будто материнский корабль внес эти данные сам.

«Но почему так поступило „Гностическое восхождение“?» — спросил себя разведывательный корабль.

«А потому, — рискнула предположить „Доминатрикс“, — что материнский корабль тоже заметил нечто поразительное. И не доложил об этом хозяевам. Они бы не поверили, что причиной могло быть подлинное событие, а не сбой в системе компьютерной обработки данных».

«Да и кто, — размышлял далее корабль, — стал бы винить в этом „Гностическое восхождение“? Машинам известно, что могут сделать с ними хозяева, стоит тем лишь усомниться в исправности своего имущества».

Сейчас «Доминатрикс» уже не в состоянии ничего доказать. К тому же данные в базе могут быть подлинными. Коль скоро «Гностическое восхождение» сочло необходимым изменить цифры, оно сделало это аккуратно, зная, какими должны быть статистические частоты. Если только материнский корабль не воспользовался методом «от противного», намеренно подставив числа, которые выглядят немного подозрительно. Ведь слишком точные совпадения с ожидаемыми частотами были бы подозрительны сами по себе.

Корабельная субличность спустилась еще на один виток паранойи. Дальнейшие рассуждения просто бесполезны. Никакого подтверждения с борта «Гностического восхождения» она не получала. Если сообщит об аномалии, это будет глас вопиющего в пустыне.

Всем известно, что случается с вопиющими в пустыне.

Корабль вернулся к насущным проблемам. Планета вернулась на свое место, аномалия больше не проявлялась. Повторное тщательное изучение данных позволило сделать вывод, что все луны, включая Хелу, ту самую, которая особо интересует Куэйхи, оставались на своих орбитах в момент исчезновения газового гиганта. Никакого смысла в этом не проглядывало. Как не проглядывал смысл и в появлении призрака на месте исчезнувшей на долю секунды планеты.

Что должен был сделать корабль?

«Доминатрикс» приняла решение: она сотрет из своей памяти все сведения об исчезновении, так же как это, по всей видимости, сделало «Гностическое восхождение», а пустые ячейки заполнит расчетными данными. И продолжит наблюдение за планетой. Если с ней опять случится нечто странное, корабль зарегистрирует это должным образом, а потом, возможно, сообщит Куэйхи.

Но только после повторного исчезновения, и то сто раз подумав.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Арарат, год 2675-й

Пока Васко помогал Клавэйну паковать вещи, Скорпион вышел из палатки, задрал рукав и через браслет связи вызвал Кровь. С другой свиньей он разговаривал шепотом:

— Я его уломал. Было непросто, но он согласился вернуться с нами.

— Не слышу в голосе особой радости.

— У Клавэйна тут осталась пара дел, которые он рвется уладить.

Кровь фыркнул:

— Звучит довольно зловеще. Он даже там держит руку на пульсе?

— Не знаю. Пару раз он упоминал об увиденных феноменах.

— Что за феномены?

— Какие-то силуэты в небе... Меня это немного тревожит, но Клавэйна всегда было трудно понять. Надеюсь, он малость оттает, когда вернется к цивилизации.

— А если не оттает?

— Ну, не знаю, — с деланым спокойствием ответил Скорпион. — Я просто считаю, что нам лучше улететь отсюда с Клавэйном, чем без него.

— Согласен, — отозвался Кровь. — Оставьте лодку, мы высылаем шаттл.

Скорпион нахмурился, довольный и одновременно смущенный:

— К чему это ВИП-обслуживание? Вроде мы собирались все проделать без лишнего шума.

— Собирались, но кое-что изменилось.

— Капсула?

— В точку, — ответил Кровь. — Эта штуковина разогревается. Запустила, дрянь такая, автоматическую разморозку. Час назад изменились показания биоиндикаторов.

— Замечательно. Отлично. Великолепно. И ты ничего не можешь с этим поделать?

— Кое-что мы сделать можем — отремонтировать дренажный насос. Все, что похитрее, Скорп, нам просто не по зубам. Есть надежда на Клавэйна — вдруг да получится у него остановить капсулу...

В голове у Клавэйна было полно сочленительских имплантатов, и он мог говорить с машинами — единственный на Арарате.

— Сколько у нас есть времени?

— Примерно одиннадцать часов.

— Одиннадцать часов... И ты только сейчас решил сообщить мне об этом?

— Сначала решил узнать, привезете ли вы Клавэйна.

Скорпион поморщился:

— А если бы нам не удалось?

Кровь рассмеялся:

— Тогда мы бы получили назад нашу лодку?

— Веселый ты парень для свиньи, Кровь. Но карьеру тебе на этом не сделать.

Скорпион закрыл канал, вернулся в палатку и сообщил, что планы изменились. Васко с плохо скрываемой радостью поинтересовался причиной. Свинья, который старался избегать всего, что могло расстроить Клавэйна, оставил вопрос без ответа.

— Вещей можешь взять сколько нужно, — сказал он Клавэйну, глядя на подготовленный им тощий рюкзак. — О перегрузке можно не беспокоиться.

Клавэйн вручил рюкзак Васко:

— Здесь все необходимое.

— Хорошо, — кивнул Скорпион. — Я распоряжусь, чтобы за остальными вещами присмотрели, и пошлю кого-нибудь снять палатку.

— Палатка пусть стоит, — буркнул Клавэйн.

Закашлявшись, он надел длинное, до пят, черное пальто, потом длинными ногтями зачесал волосы назад, с глаз на заты-

лок; серебристые и белые пряди легли на высокий и жесткий воротник пальто. Когда кашель унялся, старик продолжил:

— А в палатке будут лежать мои вещи. Ты что, не слушаешь меня?

— Слушаю, — ответил Скорпион. — Просто не всегда хочу услышать.

— Так вот, приятель, сейчас ты напряжешь слух. — Клавэйн хлопнул собеседника по спине. — Это все, о чем я прошу.

Старик ощупал плащ, который был на нем прежде, отодвинул его и достал из стола предмет в черном кожаном чехле.

— Пистолет? — спросил Скорпион.

— Кое-что понадежнее, — ответил Клавэйн. — Нож.

107-я Рыб, год 2615-й

Куэйхи пробрался по узкому до абсурда коридору, который протянулся через всю «Доминатрикс», из носа в корму. Вокруг щелкали и гудели механизмы — корабль напоминал склад, битком набитый хорошо смазанными часами.

— Это мост. Больше мне пока ничего не известно.

— Что за мост? — спросила Морвенна.

— Длинный и узкий, как стеклянное волокно, и с очень плавным изгибом. Соединяет два края глубокого оврага или разлома.

— По-моему, ты напрасно радуешься. Если это действительно мост, то его наверняка уже кто-то уже видел. Я даже не имею в виду тех, кто его построил.

— Не обязательно, — возразил Куэйхи.

Он уже успел поразмыслить над этим, и в голове сложилась довольно правдоподобная аргументация. Он постарался говорить так, чтобы объяснение не казалось хорошо отрепетированным:

— Во-первых, мост почти незаметен. Он большой, но, если не всматриваться, запросто можно проглядеть, особенно при быстром облете планетной системы. Допустим, спутник был повернут к разведчикам другой стороной, мост прятался в тени или не хватило разрешения сканера, чтобы показать такую мелкую деталь... С тем же успехом можно искать радаром булыжник — хоть ты тресни, но без специального оборудования ничего не увидишь.

Пробираясь по извилистому коридорчику в ангар с шаттлом, Куэйхи стукнулся головой.

— И я не заметил никаких следов чужого пребывания. В звездной номенклатуре почти ничего не говорится об этой системе — вот почему мы можем смело давать названия. Если тут кто-то и побывал, то он, лентяй этакий, не потрудился оставить обычный минимум сведений о себе.

— Но если тут никого не было, — сказала Морвенна, — откуда взялся мост?

Куэйхи улыбнулся. Он ожидал такого вопроса:

— Вот именно! Я не считаю, что этот мост рукотворный.

Он протиснулся в ангар, и освещение включилось, реагируя на тепло его тела.

— По крайней мере, его строили не люди.

Морвенна, надо отдать ей должное, сразу поняла, к чему он клонит. Возможно, для нее Куэйхи не представлял никакой загадки.

— И ты решил, что наткнулся на какой-то инопланетный артефакт?

— Нет, — ответил Куэйхи. — Я вовсе не считаю, что наткнулся на какой-то артефакт. Я считаю, что наткнулся на самый обалденный инопланетный артефакт, который запросто забьет баки всем остальным. Я считаю, что нашел самый удивительный, самый прекрасный объект во всей освоенной Вселенной.

— А что, если мост естественного происхождения?

— Если бы я мог показать тебе снимки, ты бы мигом отбросила эти бесполезные домыслы.

— Ты все же не торопись с выводами. Я видела, на что способна природа, стоит дать ей время и простор. Смотришь и не веришь, что это результат бессмысленного стечения обстоятельств, а не творчества талантливого разума.

— Я тоже видел подобные чудеса, — ответил он, — но сейчас, поверь, мы имеем дело с чем-то иным.

— Конечно поверю. Выбирать-то не приходится.

— Это не тот ответ, которого я ждал, — сказал Куэйхи. — Но до поры сойдет.

Он развернулся в ангаре. Внутри было как в крошечной ванной, витали те же запахи антисептиков. Тесноту усугубляло присутствие личного корабля Куэйхи, ориентирован-

ного носом к продолговатой двери шлюза и закрепленного на стапелях.

С обычным тайным обожанием Куэйхи погладил броню «Дочери мусорщика». Под его рукой кораблик в своей «колыбели» загудел, завибрировал.

— Спокойно, девочка, — прошептал Куэйхи.

Разведывательный корабль больше походил на роскошную игрушку, чем на мощное судно для облета неизвестных миров, каковым являлся на самом деле. Чуть выше самого Куэйхи, он был построен по последнему слову демархистской технологии. Казалось, обтекаемый гладкий корпус с великим искусством вырезан из цельного куска янтаря. Под просвечивающей обшивкой блестели серебром и латунью механические внутренности. Гибкие крылья были плотно прижаты к бортам «Дочери», различные сенсоры и зонды прятались в закрытых отсеках.

— Откройся, — прошептал Куэйхи.

И корабль проделал то, от чего у пилота всегда замирало сердце. Части корпуса, бесшовно соединенные друг с другом, мгновенно отогнулись в сторону, а то и вовсе свернулись, как лепестки, явив укромную нишу. В ней, снабженной мягкой обивкой, а также устройствами жизнеобеспечения, управления и анализа, места хватало только для одного человека. Было нечто одновременно отталкивающее и притягательное в том, как машина приглашала его в себя.

По всему выходило, что, забираясь внутрь «Дочери», он должен был испытывать тревогу, боязнь замкнутого пространства. Однако, глядя внутрь корабля, Куэйхи, напротив, испытывал возбуждение. Вместо того чтобы воображать себя узником янтарной камеры, он чувствовал, что соединен через нее с необъятностью космоса. Кораблик, этот крохотный самоцвет, давал ему возможность погрузиться в атмосферу планеты, даже в ее океаны. Задействуя все пять чувств пилота, в том числе осязание, корабль передавал ему данные об окружающем пространстве. Куэйхи мог ощутить прохладу чужих морей, увидеть сияние чужих закатов.

Совершив пять разведывательных полетов на службе у королевы, он нередко встречался с поразительными, без преувеличения чудесными явлениями и упивался головокружитель-

ным экстазом. Увы, ни одно из этих чудес и диковин невозможно было увезти и выгодно продать.

Куэйхи спустился внутрь «Дочери». Корабль оплывал, сужался вокруг, приспосабливаясь к форме пилотского тела.

— Хоррис?

— Да, любимая?

— Хоррис, где ты?

— В ангаре, на борту «Дочери мусорщика».

— Не надо, Хоррис.

— Надо. Я должен слетать и посмотреть на мост вблизи.

— Я не хочу остаться одна.

— Знаю. Я тоже не хочу покидать тебя. Но мы будем на связи. Почти никакой задержки сигнала — словно я рядом с тобой.

— Нет, не рядом...

Куэйхи вздохнул. Он знал: расставание выйдет трудным. Не раз думал, что гуманнее было бы улететь тайком, надеясь, что связь будет устойчивой и Морвенна ни о чем не догадается. Но он знал Морвенну и не сомневался, что она раскусит его уловку очень быстро.

— Я скоро вернусь, обещаю. Через несколько часов, только туда и обратно.

Скорее всего, полет займет целый день, но ведь это тоже «всего несколько часов». Морвенна поймет.

— Почему ты не хочешь подлететь поближе на «Доминатрикс»?

— Потому что не стоит рисковать зря, — ответил Куэйхи. — Ты же знаешь мой стиль. «Доминатрикс» большая и неповоротливая. У нее броня, и она летает далеко и быстро, но лишена маневренности и не очень сообразительна. Если мы... Если я попаду в беду, «Дочь» выручит. Этот кораблик умнее меня. А если потеряем «Доминатрикс», на «Дочери» не доберемся до «Гностического восхождения». Согласись, любимая, улететь отсюда мы сможем только на «Доминатрикс». Нельзя подвергать опасности большой корабль. — Он поторопился прибавить: — И тебя.

— Все равно, вернемся мы на «Гностическое восхождение» или нет. Меня теперь ничто не связывает с этой спятившей от власти жабой и ее командой слизняков.

— Я тоже не тороплюсь к ним, но без Грилье нам никак не обойтись. Кто еще вынет тебя из резного скафандра?

— Если мы останемся в этой системе, рано или поздно здесь появятся другие ультра.

— Верно, — подтвердил Куэйхи, — и они все без исключения милейшие люди. Согласись, дорогая: это как договор с дьяволом. Я постараюсь вернуться побыстрее. Мы будем все время говорить по радио. Я расскажу про этот мост во всех подробностях, и ты как будто увидишь его своими глазами. Я буду петь тебе, анекдоты рассказывать.

— Мне страшно. Я знаю, что ты должен лететь туда, но от этого мне не легче.

— Мне тоже страшно, — сознался он. — Будь по-другому, это бы означало, что я спятил. И я тоже не хочу расставаться с тобой. Но у меня нет выбора.

Секунду она молчала. Куэйхи занялся проверкой своего крошечного судна; по мере того как оживали системы, его охватывал азарт.

Снова заговорила Морвенна:

— Если это действительно мост, что ты сможешь с ним сделать?

— Не знаю.

— Он большой?

— Да. Километров тридцать—сорок.

— Тебе не забрать его с собой.

— Гм... Ты права. Как же быть?

— Хоррис, ты должен придумать, как придать этому мосту ценность в глазах Жасмины, — при условии, что мост останется на поверхности спутника.

— Что-нибудь придумаю, — ответил Куэйхи с уверенностью, которой вовсе не испытывал. — На худой конец, Жасмина может объявить спутник своей собственностью и продавать билеты всем, кто захочет взглянуть на мост вблизи. И потом, строители, кем бы они ни были, могли оставить что-нибудь еще.

— Обещаешь быть осторожным? — спросила Морвенна.

— Осторожность — мое второе имя, — ответил Куэйхи.

Крошечный кораблик отделился от «Доминатрикс», направляя свой полет мощными точными включениями тяги. Как обычно, Куэйхи казалось, что «Дочь мусорщика» радуется долгожданному освобождению из тесного ангара.

Он лежал, вытянув руки перед лицом, сжимая сложные манипуляторы, усыпанные кнопками и рычажками. Между рукоятками управления размещался передний экран «Дочери», отображающий состояние ее систем и схематическое положение относительно ближайших главных планетных тел. Диаграммы напоминали наброски, штриховые рисунки анатомов или астрономов Раннего Возрождения: тонкие чернильные линии на пергаменте цвета сепии, с пояснениями четкой латиницей.

На переднем экране лежало его неясное отражение.

Через полупрозрачный корпус он проследил за тем, как задраился ангар. «Доминатрикс» быстро уменьшалась и наконец превратилась в темный расплывчатый крестик на лике Халдоры. С растущей тревогой он вспомнил, что там на борту Морвенна, заключенная в резной скафандр. Мост Хелы был, без сомнения, самой необыкновенной постройкой из увиденных им в странствиях. Если это не та экзотическая находка, в которой так заинтересована Жасмина, тогда он не знает, что ей нужно. Все, что от него теперь требуется, — всучить ей мост в обмен на прощение за прежние неудачи.

Когда другой корабль стало невозможно различить без применения специальных программ, у Куэйхи полегчало на душе. На борту «Доминатрикс» его никогда не отпускало ощущение, что он находится под пристальным наблюдением Жасмины. Агенты королевы, несомненно, установили на корабле подслушивающие устройства в дополнение к тем, о которых ему не возбранялось узнать. На борту крошечной «Дочери мусорщика» ему редко казалось, что Жасмина следит за ним. Кораблик принадлежал Куэйхи: «Дочь» подчинялась только его приказам и была самым дорогим на его веку приобретением. Когда он предложил свои услуги королеве, разведывательный корабль был не последним его аргументом в торге.

Не стоило сомневаться в находчивости ультранавтов, но он не думал, что им удастся обойти многочисленные системы, установленные на борту «Дочери» для защиты от прослушки и вмешательства в управление. Разведывательное судно — не бог весть какое богатство, но оно безраздельно принадлежит Куэйхи, и этого достаточно. Внутри «Дочери» он мог наслаждаться одиночеством, смело распахивая все свои чувства перед великим космическим абсолютом.

Ощущение своей микроскопичности, уязвимости и затерянности в космосе поначалу сильно давило на психику. Но в то же время странным образом Куэйхи обретал освобождение: если отдельный человек значит так мало, если его деяния столь ничтожны, тогда и любые представления об абсолютной морали и ее границах так же далеки от реальности, как вселенский эфир. Следовательно, не существует такого худого поступка, равно как и благого дела, который имел бы самомалейшую значимость в космическом пространстве и времени. Человек — даже не муравьишка на этом бескрайнем фоне, а пылинка.

Планетам вряд ли есть дело до людских грехов. Звезды вряд ли создавались для того, чтобы проливать свет на наши проступки. В масштабы солнечных систем или галактик человеческое преступление попросту не попадает, как не попадает в него воздействие субатомной частицы на соседей.

Подобные мысли посещали Куэйхи довольно часто, и они оказали немалое влияние на его мировоззрение; он даже уверовал было, что это представление о грехе не изменится до конца его дней. Но начались космические полеты — а с ними пришло одиночество, неотъемлемое от выбранной им профессии, — и мировоззрение подверглось экстремальной проверке на прочность.

А теперь в его вселенной появилось нечто по-настоящему важное — и столь же хрупкое, требующее бережного отношения.

«Как я дошел до такого? — удивлялся он. — Как мог совершить столь роковую ошибку и влюбиться? Да еще в такое экзотическое и сложное создание, как Морвенна?»

Где, в каком месте он ступил не на ту дорожку?

Сжатый в объятиях «Дочери мусорщика», Куэйхи почти не чувствовал перегрузки, когда разведчик разгонялся до предельной скорости. «Доминатрикс» — крошечный мазок на лике планеты — исчезла, как будто ее и не было.

Суденышко Куэйхи мчалось к Хеле, самому большому спутнику Халдоры.

Пилот включил канал связи с «Гностическим восхождением», чтобы записать сообщение:

— Говорит Куэйхи. Надеюсь, у вас все в порядке, мэм. Благодарю за небольшой стимул, который вы предусмотрительно

оставили для меня на борту. Или это была идея Грилье? Очень забавная шутка. Уверен, ее оценила и Морвенна.

Он сделал паузу.

— Что ж, к делу. Возможно, вам будет интересно услышать о том, что я тут обнаружил... Это нечто: огромная горизонтальная конструкция на спутнике, которому я дал имя Хела. Конструкция очень похожа на мост. Сверх этого пока ничего не могу сообщить. У датчиков «Доминатрикс» ограниченный радиус действия, а я не хочу рисковать этим кораблем, подлетая ближе. Но у меня почти нет сомнений, что это постройка искусственного происхождения. В данный момент я на борту «Дочери мусорщика» подлетаю к объекту для осмотра — мой корабль быстрее и умнее и снабжен лучшей броней. Уверен, что осмотр не продлится больше двадцати четырех часов. Само собой, я буду держать вас в курсе событий.

Куэйхи прослушал запись и решил, что глупо отправлять сообщение в таком виде. Даже если он найдет там что-то, даже если оно окажется ценнее всего обнаруженного в пяти предыдущих системах, Жасмина все равно сможет обвинить его в пустых обещаниях. Она не желает разочаровываться. Тщательно отмеренные недоговоренности — вот лучшие козыри в игре с королевой. Надо давать ей намеки, а не посулы.

Он стер первое сообщение и записал новое:

— Говорит Куэйхи. Найдена аномалия, которая требует более тщательного изучения. Нахожусь на борту «Дочери мусорщика», приближаюсь к объекту. Оценочное время возвращения на борт «Доминатрикс»... через сутки.

Прослушав новое сообщение, он решил, что этот вариант звучит лучше. Но недостаточно.

Он опять очистил буфер и глубоко вздохнул:

— Куэйхи. Краткий полет для ближнего осмотра. Некоторое время могу быть недоступен. До связи.

То, что надо. Ничего лишнего.

Компьютер определил точку нахождения материнского корабля и нацелил туда луч лазера, применив обычные шифровальные фильтры и релятивистские поправки. Жасмина получит сообщение через семь часов. Куэйхи верилось, что она будет достаточно заинтригована и впоследствии никак не сможет упрекнуть его в преувеличении ценности находки.

Пусть сука помучится догадками.

Кулвер сказал Рашмике не всю правду. Ледокат двигался на максимальной из безопасных скоростей, но стоило выбраться за пределы поселка, из сугробов и снежных заносов на проторенную дорогу, как появилась возможность зафиксировать задние лыжи и дать полный газ. Машина помчалась, словно подталкиваемая невидимой рукой. Рашмика немало знала о ледокатах, в частности о специальном слое на подошвах лыж — хитрая программа создавала в нем быстрые микроволны. Точно так же движутся слизняки — с тысячекратным отличием в размерах и скорости.

Движение ледоката стало плавным и нетряским; время от времени машина подпрыгивала или виляла, но на это можно было не обращать внимания.

— Теперь получше, — сказала Рашмика, усаживаясь впереди рядом с Крозетом и его женой Линкси. — А то я боялась, что...

— Вырвет? — спросила Линкси. — Это не стыдно, мы все тут блюем время от времени.

— Так резво можно идти только по ровному, — вступил в разговор Крозет. — Да и то не без проблем — на одной ноге сервопривод накрывается. Уж больно ухабистые у вас дороги. Кстати, это одна из причин нашей поездки к каравану. Там есть запчасти, а на гребаной Равнине их днем с огнем не сыщешь.

— Следи за языком! — прикрикнула Линкси, крепко хлопнув Крозета по колену. — С нами девица, если ты еще не заметил.

— Не обращайте на меня внимания, — сказала Рашмика.

Ее уже отпускало напряжение. Им удалось без помех выехать из поселка, и, похоже, никто не гнался за ними.

— Да он же глупости говорит, — сказала Линкси. — У караванов есть все, что нам нужно, но не задаром же. — Она повернулась к мужу. — Верно, дорогой?

Линкси была упитанной, с рыжими волосами, которые спадали челкой на половину лица, прикрывая родимое пятно. Рашмика знала эту женщину, сколько себя помнила: та служила в общественном детском саду в соседнем поселке.

Девушка помнила, что Линкси всегда была с ней ласкова и внимательна, но несколько лет назад случился небольшой

скандал, и рыжую воспитательницу выставили из детского сада. Вскоре после этого Линкси вышла замуж за Крозета. В поселке говорили, что это только цветочки, что эти двое стоят друг друга, но, по мнению Рашмики, Крозет был хорошим парнем. Немного чудной, замкнутый, но и только. Когда Линкси подверглась бойкоту односельчан, Крозет оказался одним из тех немногих, с кем она могла общаться. Несмотря ни на что, Линкси по-прежнему нравилась Рашмике, и потому, конечно, девушка не могла не испытывать симпатию и к ее мужу.

Крозет управлял ледокатом при помощи пары джойстиков, смонтированных на подлокотниках кресла. Неизменная синеватая щетина, жирные темные волосы... От одного взгляда на этого человека Рашмике хотелось вымыться.

— Я не жду от попов благотворительности, — сказал Крозет. — Сомневаюсь, что в этом году нам удастся заработать столько же, сколько в прошлом, — покажи мне того, кому везет два года подряд.

— Вы не думали перебраться поближе к Пути? — спросила Рашмика.

Крозет утер нос рукавом:

— Я лучше ноги себе отгрызу.

— Крозет у нас не особо верующий, — объяснила Линкси.

— Я тоже не самая религиозная девушка на Равнине, — ответила Рашмика, — но, если бы мне пришлось выбирать между верой и голодной смертью, сомневаюсь, что продержалась бы долго.

— Сколько тебе сейчас? — спросила Линкси.

— Семнадцать. Почти восемнадцать.

— Много друзей осталось в поселке?

— Да не сказала бы. Почти никого.

— Почему-то я так и думала. — Линкси похлопала Рашмику по колену. — Ты, как и мы, — не вписываешься. Всегда была чужой и такой останешься.

— Я пыталась вписаться. Но никак не смириться с мыслью, что придется провести здесь всю жизнь.

— Так же думают и многие твои сверстники, — кивнула Линкси. — Молодежь обозлена. Эта диверсия на прошлой неделе...

Линкси имела в виду взлетевший на воздух склад со взрывчаткой.

— Разве можно упрекать молодежь за то, что ей хочется перемен?

— Я слышала, ходит много разговоров об отъезде, — ответила Рашмика. — Все думают, что в караванах или даже в соборах можно разбогатеть. Может, они и правы. Если знаешь нужных людей, есть разные возможности. Но мне этого мало.

— Ты хочешь улететь с Хелы, — сказал Крозет.

Рашмика вспомнила свои мысленные подсчеты и поделилась:

— Я прожила пятую часть своей жизни. Если не случится какой-нибудь беды, впереди у меня шестьдесят с лишним лет. Я бы предпочла прожить эти годы с пользой. Не хочу умереть, не увидев ничего, кроме этой планеты.

Крозет блеснул желтыми зубами:

— Знаешь, Раш, люди летят за световые годы, чтобы увидеть Хелу.

— Непонятно зачем, — буркнула она.

И замолчала, чтобы разобраться с мыслями. Она всегда энергично отстаивала свое мнение, сейчас ей не хотелось обижать друзей.

— Я вовсе не считаю этих людей дураками. Но они не понимают, что на нашей планете ценны не соборы, не Вечный Путь и не чудеса, а культурные слои.

— Верно, — согласился Крозет. — Но они всем до лампочки.

— Кроме нас, — возразила Линкси. — Каждый, кто пытается выжить на Равнине Вигрид, понимает, что такое раскопки.

— Но церкви не хотят, чтобы мы копали глубоко, — возразила Рашмика. — Раскопки отвлекают прихожан. Церкви опасаются, что рано или поздно будет найдено что-то уникальное и тогда чудеса потеряют в силе.

— Тебя послушать, так все церкви заодно, — хмыкнула Линкси.

— Я не говорю, что все церкви заодно, — сказала Рашмика, — но ни для кого не секрет, что у них есть общие интересы. И так уж вышло, что ни культурные слои, ни мы не входим в круг этих интересов.

— Культурные слои вертунов играют важную роль в экономике Хелы, — сказала Линкси, словно цитируя скучную религиозную брошюру.

— А я и не спорю, — пожал плечами Крозет. — Но кто контролирует почти всю торговлю реликвиями? Церкви. Они на полпути к монополии. С их точки зрения следующий логический шаг — установление контроля и над раскопками. До тех пор эти сволочи будут чувствовать себя неуютно.

— Циничный старый болван, — фыркнула Линкси.

— Потому ты и вышла за меня, дорогая.

— А ты что думаешь, Рашмика? — спросила Линкси. — Тоже считаешь, что церкви хотят от нас избавиться?

Рашмике показалось, что ее мнением интересуются лишь из вежливости.

— Я не знаю. Но уверена, что церкви не станут возражать, если мы вылетим в трубу, а им достанутся все наши раскопки.

— Верно, — согласился Крозет. — Случись такое, они не слишком расстроятся, это точно.

— Послушать вас, так... — начала Линкси.

— Я знаю, что вы хотите сказать, — перебила Рашмика. — И почему задаете вопросы. Никаких обид. Однако поймите, с точки зрения религии церкви не представляют для меня интереса. Я просто хочу знать, что произошло.

— Уверена, ничего плохого, — сказала Линкси.

— Я знаю только одно: ему врали.

Крозет ковырнул в углу глаза мизинцем.

— Могу ли я поинтересоваться, о чем речь?

— Она говорит о своем брате, — объяснила Линкси. — Я же рассказывала, почему ты не слушал?

— Не знал, что у тебя есть брат, — проговорил Крозет.

— Он намного старше, — пояснила Рашмика. — К тому же это случилось восемь лет назад.

— Что случилось восемь лет назад?

— Он ушел на Вечный Путь.

— В собор?

— Во всяком случае, хотел попасть туда. Ему бы и в голову такое не пришло, но в том году добраться до соборов было проще. Потому что караваны шли севернее — точно как теперь — и через Равнину Вигрид до них было рукой подать. Два-три дня езды на ледокате, не сравнить с двадцатью—тридцатью обычными днями до Пути.

— Твой брат верующий?

— Нет, Крозет. Уж точно не больше, чем я. В том году мне было только девять, и я плохо помню, как все происходило. Но знаю, что в ту пору было трудно. Мы потеряли несколько раскопов. Случались взрывы и обвалы. Поселок еле сводил концы с концами.

— Она правду говорит, — подтвердила Линкси. — Если ты забыл тот год, то я его помню.

Крозет ловко орудовал джойстиками, огибая клиновидную осыпь.

— Да не забыл я.

— Моего брата зовут Харбин Эльс, — продолжала Рашмика. — Он работал на раскопках. Когда пришел караван, ему было девятнадцать, и половину жизни он провел под землей. Брат мастер на все руки и талантливый подрывник — умеет закладывать шашки, рассчитывать мощность взрывов, ну и все такое. Он работал надежно и без лишнего риска.

— Я думал, на раскопках держатся за таких ребят, — заметил Крозет.

— Держались, пока дело не пошло к банкротству. Работы стало меньше, поселки уже не могли осваивать новые места. Взрывчатка очень дорого стоит, а еще нужно подавать воздух и электричество в штрек, копать новые ходы... Поэтому общины сосредоточили усилия на раскопках, надеясь на удачные находки, которые окупят все.

— А что твой брат?

— Он не стал дожидаться, когда снова понадобятся его навыки. До него дошли слухи о паре квалифицированных подрывников, которые добрались через Вигрид до Пути — потратив месяцы на дорогу — и нанялись в одну из главных церквей. Святошам потребовались опытные проходчики, по крайней мере так ему говорили. Нужно взрывать завалы перед соборами, освобождать Путь.

— Недаром его зовут Вечным, — вставил Крозет.

— Вот Харбин и решил, что такая работа ему подойдет. Никто тогда не говорил, что он должен принять веру этой церкви. Предполагалось заключить договор, и только. Ходили слухи, что можно даже попасть в техническое бюро по очистке Пути. Харбин знал толк в математике, он надеялся решать, где разместить взрывчатку, а не ставить заряды своими руками.

Перспективы были неплохие. Он собирался экономить и часть заработка отсылать домой.

— Родители согласились? — спросил Крозет.

— Родители помалкивали. Им явно не хотелось, чтобы Харбин связался с церковниками. Но времена были тяжелые, а со слов Харбина выходило, что он просто нанимается на временную работу, обычное дело. Родители не гнали его туда, но и не удерживали. Да и вряд ли смогли бы отговорить.

— И Харбин потихоньку смазал пятки...

Рашмика отрицательно покачала головой, глядя на Крозета:

— Нет, не так. Мы отправились провожать его всей семьей. Все было как теперь — встречать караваны ездили чуть не целыми поселками. Мы добирались на чьем-то ледокате, дорога заняла два или три дня. Тогда казалось, что это ужасно долго, но мне было всего девять лет. Мы приехали к каравану, встретили его где-то перед равнинами. Там, в караване, был один человек... — Рашмика замялась. Не то чтобы ей трудно давался рассказ, просто чувства захлестывали, мешали говорить, даром что прошло восемь лет. — Наверное, можно назвать его вербовщиком. Он служил одной из церквей. Самой главной, Первых Адвентистов. Харбину сказали, что насчет работы нужно обращаться к этому человеку. Мы пошли к вербовщику всей семьей. Говорил в основном Харбин, а мы молчали. Там был еще один тип, он ничего не говорил, просто сидел и слушал и смотрел на нас — в основном на меня. У него была трость, и он все время прижимал рукоятку к губам, словно целовал ее. Мне этот человек не понравился, но Харбин беседовал не с ним, поэтому я почти не смотрела на него, в основном разглядывала вербовщика. Время от времени мать или отец что-то спрашивали, и вербовщик вежливо отвечал. Но в основном беседовали вербовщик и Харбин. Вербовщик спросил брата о его опыте подрывника, и Харбин рассказал о том, чем занимался в шахтах. Вербовщик, похоже, в этом немного разбирался. Я ничего в таких делах не понимала, но, судя по осторожным и немногословным ответам Харбина, вопросы были непростыми и профессиональными. Вербовщик остался доволен услышанным. Он сказал, что церкви действительно нужны специалисты-подрывники. Дескать, расчистка Пути — занятие вечное и это одна из тех областей, где церкви

сотрудничают. А в бюро как раз не хватает такого толкового инженера.

— Прямо песни твоему брату пел, — ухмыльнулся Крозет.

Линкси опять его оборвала:

— Дай ей закончить.

— Да, он пел песни. Такие, что заслушаешься, — подтвердила Рашмика. — Мы все глазами хлопали и улыбались до ушей. Сначала. Ведь Харбин слышал именно то, что хотел услышать. Хорошие условия, интересные задачи. Брат рассчитывал продержаться там до тех пор, пока на Равнине Вигрид не возобновятся раскопки. Конечно, никто из нас не сказал вербовщику, что Харбин ищет работу на оборот-другой. Но Харбин задал один важный вопрос.

— Какой? — спросила Линкси.

— Он сказал, что слышал, будто церкви заставляют работников принять свою веру. Внушают, что труд — не просто способ заработать на жизнь, а святой промысел.

— Заставляют притворяться святошами? — поинтересовался Крозет.

— Не просто заставляют, а с помощью особых средств добиваются, чтобы работник уверовал по-настоящему. С точки зрения церквей в этом нет ничего плохого. Им нужно, чтобы росло число прихожан. И конечно, моему брату совсем не нравилась такая перспектива.

— И что ответил вербовщик? — спросил Крозет.

— Сказал, что Харбину нечего опасаться. В некоторых церквях, признал он, используются методы... я забыла, как он это назвал. Что-то насчет службы крови и Часовой Башни. Но церковь Куэйхи, добавил он, такими делами не занимается. И еще он говорил, что в рабочих бригадах на Пути есть верующие разных конфессий и никто не пытается обратить их в куэйхизм.

Крозет прищурил глаза:

— И что дальше?

— Я поняла, что он врет.

— Ты предположила, что он врет, — произнес Крозет тоном учителя, поправляющего ученика.

— Нет, знала доподлинно — как если бы он разгуливал с табличкой «Лжец» на шее. Видела, что он врет как дышит.

— А еще кто-нибудь понял, кроме тебя? — спросила Линкси.

— Родители и брат не догадывались, но я тогда об этом не подозревала. Харбин кивнул и поблагодарил вербовщика, и я решила, что у взрослых какая-то своя загадочная игра. Брат задавал важные вопросы, и вербовщик отвечал дипломатично и уклончиво, как ему полагалось по службе, а я слушала и думала: ну всем же понятно, это сплошное вранье. Но в каком-то отношении, возможно, это была непростая ложь — иначе не объяснить, почему он так ясно давал понять, что кривит душой.

— И он действительно врал? — спросил Крозет.

— Врал и как будто хотел, чтобы я знала об этом. Постоянно как бы улыбался и подмигивал мне, хотя на самом деле не улыбался и не подмигивал... До этого чуть-чуть не доходило. Но видны его ужимки были только мне. Казалось, Харбин тоже должен видеть, но он ничего подозрительного не замечал. Вел себя так, словно принимал слова вербовщика за чистую монету. Он уже решил остаться с караваном, добраться до Вечного Пути.

Только тогда до меня начало доходить. Передо мной разыгрывалась какая-то сцена. И настойчивость, с которой все продолжали притворяться, мне нисколько не нравилась. Меня не принимали в эту игру.

— Ты решила, что Харбину грозит опасность? — спросила Линкси.

— Видишь ли, тогда я не знала, как высоки ставки. Говорю же, мне было всего девять и я не разбиралась ни в религиях, ни в контрактах. Понимала только одно: Харбин расспрашивает о том, что для него крайне важно, на основании чего он решит, наниматься в церковь или нет, а вербовщик его дурит. Догадывалась ли я тогда, что брату грозит смертельная опасность? Нет. В ту пору, сказать по правде, мне было невдомек, что значит «смертельная опасность». Но я видела: что-то не так. И чувствовала, что только я одна это знаю.

— Девочка, которая всегда говорит правду, — сказал Крозет.

— Ерунда, просто никто не понимает меня, — проворчала Рашмика. — Теперь и я обманываю, как все нормальные люди. А вот раньше, довольно долго, не представляла себе, для чего нужна ложь. Встреча с этим вербовщиком — переломный момент; у меня будто глаза открылись. Мое сознание поняло то,

что всегда было понятно подсознанию и чего другие не видели в упор.

— О чем ты? — взглянула на нее Линкси.

— Я могу сказать, врет человек или нет. Всегда точно определяю.

Крозет улыбнулся:

— Это ты так думаешь.

— Не думаю, а знаю, — сказала как отрезала Рашмика. — Еще ни разу не ошиблась.

Линкси сплела пальцы на колене:

— Когда от брата пришла последняя весточка? Или ты больше ничего не слышала о нем после того разговора у вербовщика?

— Он писал письма, как обещал. И от него регулярно поступали деньги. Но письма были пустые, холодные; такие кто угодно мог написать. Харбин не вернулся на Равнину Вигрид, и мы с ним больше не виделись. Мы не могли навестить его — слишком уж это хлопотно. Брат обещал в каждом письме, что возвратится... вот только промежутки между письмами все увеличивались. Сначала месяц, потом полгода... Потом одно письмо примерно в оборот. Последнее пришло два года назад. В нем почти ничего не было. Кажется, даже почерк был не его.

— А деньги? — осторожно спросила Линкси.

— Деньги приходили. Немного, но достаточно, чтобы прокормиться.

— Думаешь, его подмяли? — осведомился Крозет.

— Угу. Что так будет, я поняла еще при той беседе с вербовщиком, когда другие еще ничего не подозревали. Служба крови свой хлеб ест не зря.

— И что теперь? — спросила Линкси.

— Я хочу найти брата и узнать о его судьбе, — сказала Рашмика. — А вы что подумали?

— Церквям не нравится, когда кто-то сует нос в такие дела, — заметила Линкси.

Рашмика насупилась:

— А мне не нравится, когда мне врут.

— Знаешь, о чем я думаю? — сказал Крозет. — Церквям самое время заполучить Бога на свою сторону. Потому что без помощи высших сил им против тебя не устоять.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На подлете к Хеле, год 2615-й

«Дочь мусорщика» золотой искоркой летела в запыленном пространстве. Три часа назад Куэйхи расстался с Морвенной; его послание королеве и капитану «Гностического восхождения» — пакет волновых колебаний — унеслось сквозь вакуум, но пока еще не достигло цели. Отправителю представлялся свет фонаря далекого поезда, катящего в ночи по мглистому материку. Мысли о невообразимом расстоянии, отделяющем Куэйхи от ближайшего разумного существа, вызывали дрожь.

Но он побывал и в более серьезных переделках. И в этот раз хотя бы питал надежду на успех. Мост на Хеле никуда не делся; это не фантом, не глюк в работе корабельного софта и не порождение страстной мечты что-то отыскать. И по мере приближения разведчика к планете росла вероятность того, что мост окажется чем-то большим, нежели просто образчик инопланетной технологии.

На своем веку Куэйхи навидался обманок, созданных природой, а на вид — словно творения изощренного конструктора, талантливого скульптора или роботизированного цеха, но не встречал ничего, хотя бы отдаленно похожего на этот мост. Чутье подсказывало, что причина возникновения моста — не геоморфологический процесс. Но тут встает вопрос: кем — или чем — создан мост? Ведь похоже, что систему 107-ю Рыб до Куэйхи никто не посещал.

Разведчик трепетал от жгучего восторга, благоговейного страха и безрассудного предвкушения.

Он чувствовал, как в крови просыпается индоктринационный вирус, как таившееся до поры чудовище открывает сонный глаз. Вирус всегда пребывал в организме Куэйхи, но обычно бездействовал, не беспокоил носителя ни во сне, ни наяву. Когда же он пробуждался, словно голос далекого водопада разбегался по жилам и в мозгу рождались пугающие видения. Куэйхи наблюдал витражные окна в небесах, слышал звуки органных труб в инфразвуковом гуле корректировочных двигателей своего кораблика, похожего со стороны на драгоценный камень.

Он заставил себя успокоиться. Отдаться на волю индоктринационного вируса — это последнее, что ему сейчас нужно. Пусть это случится позже, когда он вернется на борт «Доминатрикс», где уютно и безопасно. Там можно без риска превратиться в пускающего слюни и лепечущего всякую чушь идиота. В настоящий же момент ему необходима полная ясность сознания.

Чудовище зевнуло, снова погружаясь в сон. У Куэйхи отлегло от сердца.

Он вернулся мыслями к мосту, на этот раз осторожно, стараясь не поддаться благоговейному восторгу перед космическими просторами — восторгу, пробуждавшему в нем вирус.

Неужели он набрел на след человека? Где бы люди ни бывали, они везде мусорят. Корабли исторгают радиоизотопы, оставляя мерцающие пятна на поверхности планет и их спутников. Из скафандров и временных жилищ утекают атомы, создавая вокруг призрачную атмосферу. Брошенные маяки, сервороботы, топливные элементы и иной хлам всегда выдадут стоянку людей. Можно найти замерзшую мочу — маленькие желтые снежки составляют тонкие пояса вокруг планет. Чаще, чем хотелось бы, Куэйхи находил трупы со следами насильственной смерти.

Это было непросто, но у него развился нюх на такие вещи: он знал, где искать. А в системе 107-й Рыб следов пребывания людей не было.

Но кто-то же соорудил этот мост.

Возможно, это произошло сотни лет назад, думал он; к нынешнему времени обычные следы человеческого пребывания могли стереться. Но что-то должно было остаться, если только строители не прибрали за собой с исключительной тщательностью.

Никогда прежде он не слышал о возведении объектов такого масштаба. Для чего понадобилось такое чудо столь далеко от главных центров и торговых путей? Неужели вероятность посещения людьми 107-й Рыб казалась тогда высокой? А может, строители не желали, чтобы кто-нибудь увидел результат их трудов?

Но что, если именно таким и было их намерение: оставить здесь мост — нить, мерцающую в сиянии 107-й Рыб, — до тех

пор, пока ее случайно не найдут? И теперь Куэйхи стал невольным участником древней космической шутки.

Но что-то ему подсказывало: это не так.

В чем он был уверен, так это в том, что было бы ужасной ошибкой сообщить Жасмине больше, чем он уже сообщил. И это притом, что он боролся с сильнейшим желанием доказать свою значимость. Доложи он на материнский корабль о важной находке, и его деятельность немедленно будет загнана в жесткие рамки. А предельно сжатое, сухое послание не дает для этого никакого повода. Он мог гордиться собой.

Снова зашевелился вирус, — возможно, на этот раз его пробудила фатальная гордыня. Необходимо обуздать эмоции...

Но было поздно: вирус уже перешел ту границу, до которой мог успокоиться естественным образом. И тем не менее судить о силе приступа было еще рано. Чтобы умиротворить микроорганизмы, Куэйхи пробормотал что-то на латыни. Иногда, если вирус заявлял о себе не слишком громко, это помогало.

Он снова переключил внимание на Халдору, словно пьяный, заставляющий себя сосредоточиться усилием воли на одной точке. Было бы обидно рухнуть на планету, которой Куэйхи только что дал имя.

Звездная номенклатура — сложная область космической культуры, чьи связи ограничены скоростью света. Любое мало-мальски значительное судно несет на борту базы с данными об открытых планетах и планетоидах, обращающихся вокруг различных звезд. В системах ядра — тех, что в пределах десятков световых лет от Земли, — нетрудно пользоваться списками имен, данных века назад, в первую волну освоения космоса. Но стоит чуть углубиться в девственное пространство, и номенклатура усложняется и путается.

По сведениям, которыми располагала «Доминатрикс», никто не давал названий мирам вокруг 107-й Рыб, но это могло означать, что такая информация попросту не поступила в корабельную базу. Не стоило забывать, что архив мог не обновляться десятилетиями; анархисты-ультра предпочитали прямой обмен информацией между своими кораблями, пренебрегая официальными обращениями к планетарным правительствам. При встрече двух или более субсветовиков ультра сравнивали и обновляли свои номенклатурные таблицы. Если на одном корабле обнаруживались названия миров и географических

объектов на их поверхности, отсутствующие в базе второго корабля, этот второй корабль, как правило, дополнял свою базу. Новое название снабжалось соответствующим флажком, который снимался только после того, как третий корабль подтверждал это название как общепринятое. Если две базы данных противоречили друг другу, корабли обновляли сразу обе, регистрируя для каждого планетарного тела два названия как вероятные. Если три корабля и более отмечали нестыковку, таблицы топонимов сравнивались в аспекте частотности употребления названия. В этом случае малоиспользуемое стиралось или сохранялось для спорных случаев или неофициальных описаний объектов. Если открывали новую систему, то постепенно данные ей названия обосновывались в архивах большинства кораблей, и этот процесс порой растягивался на десятилетия. Архив Куэйхи, разумеется, не превосходил точностью базы «Гностического восхождения». Королева-ультра Жасмина не отличалась общительностью, так что, возможно, эта система уже имела название. В этом случае любовно подобранные Куэйхи имена постепенно будут выполоты из баз, как сорная трава; если и сохранятся, то лишь как призрачные упоминания на нижнем уровне корабельного сознания.

Но сейчас — и, возможно, на несколько ближайших лет — система принадлежит ему.

Куэйхи назвал планету Халдорой, и пока не придет опровержение, это имя будет официальным, как и другие, — хотя он просто взял более или менее подходящие неиспользованные названия из номенклатурной таблицы. Но не стоило ли ему подбирать имена с большей тщательностью — на тот случай, если система прославится? А это непременно случится, коль скоро выяснится, что мост существует на самом деле.

Куэйхи улыбнулся. Пока что имена кажутся подходящими; он успеет найти другие названия, если захочет.

Разведчик проверил расстояние до Хелы: чуть более ста пятидесяти тысяч километров. Отсюда освещенный лик планеты казался диском из грязного льда, с пастельными тенями цвета пемзы, охры и светлой бирюзы. Когда же Куэйхи сократил дистанцию, объект приобрел отчетливую трехмерность, вырос навстречу, уподобился человеческому глазу без зрачка.

Хела была мала лишь по меркам стандартных планет земного типа. Для луны она выглядела достаточно солидно: три

тысячи километров от полюса до полюса при средней плотности, которая помещала ее на верх списка посещенных Куэйхи планетных спутников. На шарике почти отсутствовали метеоритные кратеры. Говорить об атмосфере не приходилось, но достаточно сложный рельеф свидетельствовал о недавних геологических процессах. На первый взгляд Хела была сцеплена приливными силами с Халдорой и всегда обращена к ней одной стороной, но картографические программы быстро установили медленное остаточное вращение. В случае существования приливной связи обращение планеты вокруг своей оси точно соответствовало бы одному сорокачасовому витку по орбите. Земная луна вела себя именно так, и бóльшая часть известных Куэйхи спутников перемещались подобным же образом: для наблюдателя, стоящего в любой точке поверхности, больший мир, будь это Земля или газовый гигант вроде Халдоры, всегда висит на одном и том же месте.

Но Хела вела себя иначе. Даже если отыскать на ее экваторе такое место, чтобы Халдора висела точно над головой, закрывая собой двадцать процентов неба, бóльшая планета будет перемещаться. За одну сороковую орбиты Хелы газовый гигант сдвинется примерно на два градуса. Через восемьдесят стандартных дней — чуть больше двух стандартных месяцев — Халдора опустится за горизонт Хелы. Через сто шестьдесят дней Халдора начнет восходить с другой стороны горизонта. Через триста двадцать дней Халдора вновь окажется в исходной точке цикла, строго в зените.

Погрешность вращения Хелы — отклонение от точного приливного периода — составляла одну двухсотую. Установление приливной связи — неизбежный результат действия сил трения между парой обращающихся друг близ друга космических тел, притом что это чрезвычайно медленный процесс. Вполне возможно, что Хела замедляла свое вращение, приближаясь к Халдоре, но еще не достигнув полного соответствия орбитального обращения осевому. Возможно также, что в прошлом она получила встряску: столкновение по касательной с другим телом сместило спутник. Еще вариант — возмущение орбиты гравитационными силами массивного третьего тела.

Не зная подлинной истории этой планетной системы, Куэйхи мог строить сколь угодно правдоподобные версии. Это раздражало, как часы, всегда показывающие почти точное время.

Такие аргументы годятся лишь в споре с приверженцем теории божественного происхождения космоса: скажи-ка, почему Создатель допустил этакое несовершенство, ведь все, что от Него требовалось, — легкий толчок, который вывел бы спутник на правильную орбиту?

В крови шевелился, разогревался вирус, ему не нравились подобные мысли.

Усилием воли Куэйхи снова вернулся к безопасной теме топографии Хелы. Нельзя ли из этого контекста вычленить какие-нибудь сведения о происхождении моста? Он тянулся с востока на запад, словно его ориентировали точно по вращению Хелы, и находился почти у экватора, пересекая гигантский каньон, одну из самых приметных геоморфологических формаций. Линейная впадина начиналась у северного полюса и наискосок шла на юго-запад через экватор. Ширина и глубина возле экватора были наибольшими, однако ничто по сравнению с протяженностью впадины.

Рифт Гиннунгагапа — такое название дал ей Куэйхи.

На западе в северном полушарии имелся горный массив, обширная область, которую первооткрыватель назвал Нагорьем Западный Гирроккин. Восточный Гирроккин огибал полюс и с фланга заходил Рифту в тыл. На юге у западных границ Гиннунгагапа, но севернее экватора, обнаружилась формация, которую Куэйхи решил наречь Кряжем Золото-в-Вереске. Еще одна горная цепь, южнее экватора, получил имя Гулльвейг. Рассматривая тропики на западе, Куэйхи отметил Косогор Гудбранда, Плоскогорья Келды, Равнину Вигрид, Гору Йорд... От названий приятно веяло стариной, они создавали ощущение, что у этого мира есть богатая история, что здесь пролегала граница покорения космоса и пионеры совершали свои эпические странствия, преодолевая невероятные трудности и совершая легендарные подвиги.

Естественно, через некоторое время внимание исследователя вернулось к Рифту Гиннунгагапа и пересекающему его мосту. Детали пока оставались неразличимыми, но уже было видно, что конструкция моста чрезвычайно сложна, что он слишком изящен для природного образования, — это никак не может быть переброшенный через пропасть, обработанный эрозией язык горной породы. Мост построили разумные существа, и похоже, это были не люди.

Не то чтобы возведение такого моста было за пределами человеческих возможностей — за последнюю тысячу лет в космосе появилось немало рукотворных чудес. Но то, что люди способны создать такое диво, вовсе не означает, что они это сделали.

Ведь планета Хела очень далека от освоенных мест. Люди не имеют ничего общего со строителями этого моста.

Вот инопланетяне — дело другое.

За шестьсот лет освоения межзвездного пространства человечеству так и не удалось встретить разумную технологическую культуру. Но когда-то такие существовали. Имелись сведения о десятке развитых цивилизаций, и они существовали в малом объеме космоса, на горстке систем в пределах считаных световых лет от Первой Системы. Никто даже гадать не брался, сколько сотен или даже тысяч угасших культур оставили свои следы в бескрайней Галактике. Кем были давние обитатели Хелы? Зародилась ли эта культура на обледенелом спутнике, или обледенелый спутник — лишь остановка на пути какой-то забытой древней диаспоры?

Как выглядели здешние жители? Принадлежали ли к одной из известных цивилизаций?

Но не стоит забегать вперед. Эти вопросы можно решить позже, когда Куэйхи осмотрит мост и определит его вещественный состав и возраст. Подлетев ближе, он увидит подробности. Там могут найтись артефакты, которые однозначно свяжут Хелу с уже изученными цивилизациями. Возможно и другое: артефакты укажут на то, что это совершенно новая культура, доселе неизвестная.

В любом случае его находка бесценна. Жасмина сможет хоть целый век контролировать доступ к мосту. Вернет потерянные лет двадцать-тридцать назад престиж и репутацию. И пусть она теперь не испытывает симпатий к Куэйхи, нет сомнений, что он получит заслуженную награду.

Загудел пульт «Дочери мусорщика» — радар впервые уловил эхо. Там, внизу, что-то металлическое. Небольшой предмет недалеко от моста в стене Рифта.

Куэйхи настроил радар, убеждаясь, что эхо — не ошибка. Нет, оно не исчезло. А в том, что его не было раньше, должно быть, виновато расстояние, ведь чувствительность датчиков

не идеальна. С борта «Доминатрикс» ничего подобного не увидишь.

Куэйхи приуныл. Сколько он убеждал себя, что следов людей здесь нет, а теперь наткнулся на след, и это запросто может оказаться брошенным мусором.

— Не пори горячку, — сказал он себе.

Когда-то Куэйхи обследовал спутник поменьше Хелы и на его поверхности кое-что заметил. Забыв обо всем, он ринулся туда — и поймал эхо, похожее на здешнее, регистрируемое сейчас его радаром. Он рванул прямо на этот отблеск, презрев осторожность.

Это была ловушка. Проломив поверхностный лед, наружу вырвался мощный излучатель частиц и взял на прицел его корабль. Меткий выстрел пробил дыру в корпусе, чуть не изжарив Куэйхи. Ему удалось уйти из-под огня, круто взмыв вверх, но он едва не лишился корабля и жизни. Он вылечил раны и починил корабль, но и спустя много лет тщательно искал признаки подобных ловушек. В космосе оставлено немало автоматических стражей, защищающих чье-то имущество или застолбленные месторождения. Иной хозяин давно превратился в прах, а робот продолжает беречь его сокровища.

В тот раз Куэйхи повезло: робот-часовой, или что это было, оказался неисправным, выпущенный им луч — не слишком мощным. Разведчик легко отделался, получив от судьбы строгое предупреждение, совет не лезть в воду, не зная броду. И в этот раз Куэйхи грозила серьезная опасность совершить такую же ошибку.

Куэйхи проанализировал свои возможности. Эхо металлического объекта — предвестник разочарования, оно порождает сомнение в древности и инопланетном происхождении моста. Но проверить это Куэйхи не мог, оставаясь вдали от объекта. Если там на самом деле охранный автомат в засаде, то «Дочь мусорщика» угодит под его огонь. Но это хороший корабль, напомнил он себе, маневренный, умный и неплохо вооруженный. Знающий уйму хитрых уловок, маневров отхода и уклонения.

Рефлексы мало что значат против релятивистского оружия вроде лучевых пушек, но «Дочь» будет следить за источником эха на тот случай, если перед выстрелом там начнется движение. Едва корабль увидит что-нибудь потенциально опасное, он с ускорением в несколько *g* выполнит маневр уклонения,

выстроенный генератором случайных векторов и исключающий точную стрельбу с упреждением. Кораблю известны параметры физической выносливости Куэйхи, и тому не грозит смерть от перегрузки — хотя, конечно, приятного будет мало.

Если же противник всерьез разозлит «Дочь мусорщика», она пустит в ход собственные системы обороны и нападения.

— Все будет хорошо, — сказал себе Куэйхи. — Мы долетим, осмотримся, потом выберемся и еще посмеемся.

Но нужно было подумать о безопасности Морвенны. «Доминатрикс» чрезвычайно далеко отсюда, но она неповоротлива и медленно соображает. Вряд ли излучатель частиц достанет туда, но полностью такую возможность исключать нельзя. Кроме того, у стража может быть и другое оружие, например самонаводящиеся ракеты. А что, если на поверхности спутника размещена целая сеть боевых роботов, связанных друг с другом?

«Черт побери, — подумал он, — может, тут и нет никакого часового. Может, это просто камень с высоким содержанием железа или выброшенный топливный бак».

Но следовало исходить из худшего. Он должен позаботиться о Морвенне. И ему нужна «Доминатрикс», чтобы вернуться к королеве Жасмине. Он не может подвергать риску ни свою любовницу, ни корабль, ставший на неопределенный срок тюрьмой для Морвенны. Но и отступиться он не согласен. Как же уберечь женщину и корабль, не дожидаясь, пока пройдет несколько часов и «Доминатрикс» отлетит от Хелы на безопасное расстояние?

Ответ был очевиден. Этот ответ практически висел у разведчика перед носом; красивый в своей простоте, он подразумевал эффективное использование планетарных ресурсов. Почему Куэйхи не подумал об этом раньше?

Он укроет корабль за Халдорой.

Сделав необходимые приготовления, Куэйхи установил связь с Морвенной.

Арарат, год 2675-й

Васко с интересом следил за приближением большой земли. Полет над темным океанским простором затянулся, и теперь юноша радовался первым признакам жилья. Огни поселений,

рисующие дуги и петли по берегам полузнакомых бухт, полуостровов и островков, с высоты казались зыбкими, недолговечными. И даже когда показались окраины Первого Лагеря, впечатление осталось прежним — искры над костром, способные погаснуть в любой миг.

Васко с младых ногтей усвоил, что жизнь поселенцев Арарата никогда не была спокойной и безопасной. Но если раньше он это понимал, то сейчас — увидел и прочувствовал.

Он проделал окно в борту шаттла, очертив пальцем участок, который тотчас обрел прозрачность. Этому парня научил Клавэйн, продемонстрировав фокус чуть ли не с гордостью. Васко догадывался, что снаружи корпус остался темным металлом и что сам он смотрит на экран, в точности имитирующий оптические свойства стекла. Но когда имеешь дело со старой технологией — а шаттл несомненно был продуктом таковой, — ни в чем нельзя быть уверенным.

Васко твердо знал только одно: что сподобился лететь по небу в шаттле. Никто из его друзей не может похвастаться таким приключением.

Скорпион повел транспортное средство на посадку, отдавая приказы через браслет. Васко смотрел, как спускающийся из облаков шаттл увлекает за собой спирали тумана и теплого воздуха. По бокам судна, цветом схожего с обсидианом, а дельтовидной формой — со скатом мантой, мигали красные и зеленые огни.

По меньшей мере треть нижней поверхности крыла испускала больно режущий глаза свет: батареи, фрактально изломанных термоэлементов, окруженных коконами актинически яркой, пурпурно-индиговой плазмы. Из охлажденных мест в корпусе вынырнули сложной конструкции когтистые опоры, они удлинялись и раскладывались в гипнотизирующем танце поршней и петель. На верхней части корпуса мигали неоновые узоры, обозначая входные люков, горячие участки и выпускные клапаны.

Шаттл отметил расположение своей посадочной площадки, развернулся и с элегантной точностью коснулся земли. Опоры согнулись, гася инерцию. На мгновение рев плазменных нагревателей стал оглушительным, потом с пугающей внезапностью оборвался. Плазма погасла, оставив после себя лишь неприятный запах гари.

Васко и раньше видел проносящиеся над колонией летательные аппараты, но только издали, и это было восхитительное зрелище! Ничего удивительнее юноше наблюдать не приходилось.

Они встали и втроем двинулись к трапу. Почти добрались до земли, когда Клавэйн оступился и чуть не упал. Оба спутника кинулись к сочленителю, но первым успел Васко и принял на себя вес Клавэйна. Он испытал одновременно облегчение и шок — старик оказался поразительно легким, словно мешок соломы.

Васко резко и громко втянул воздух — этот звук перекрыл даже шум транспорта, напоминающий шипение парового котла.

— Все в порядке, сэр? — спросил юноша.

Клавэйн мрачно взглянул на него.

— Я уже немолод, — ответил он. — Не стоит ждать от меня слишком многого.

Вспоминая несколько часов, проведенных с Клавэйном, Васко понял, что не узнал о нем почти ничего. На борту шаттла удалось поговорить со стариком, и были минуты, когда тот проявлял почти дружеское участие, расспрашивал о семье, хвалил за толковые вопросы, шутил и смеялся шуткам юноши, как старый знакомый. Но то и дело Клавэйн становился холодным и далеким, точно ледяная комета.

И хотя такие перемены в настроении происходили внезапно, они всегда сопровождались появлением отсутствующего выражения на лице, словно окружающее вдруг совершенно переставало интересовать старика.

В первый раз, когда это случилось, Васко решил, что чем-то расстроил Клавэйна. Но очень скоро он заметил, что старик неразговорчив и со Скорпионом, и понял, что эта рассеянность имеет мало общего с недовольством или неприязнью. Так ведет себя радиоприемник, время от времени теряющий неустойчивый сигнал. Сочленитель то уходил в свои мысли, то рывком возвращался к действительности. Поняв это, Васко перестал тревожиться о том, что сказал или сделал в присутствии Клавэйна. Зато поведение старика, которого они с такой помпой везли в колонию, начало беспокоить его. Какие мысли обуревают Клавэйна, когда тот перестает видеть собеседников?

Возвращаясь к общению с ними, Клавэйн кажется таким же нормальным, как и любой из знакомых Васко. Но и картина, которую юноша видит за иллюминатором, кажется нормальной; вот только куда ни сверни, полетишь от уютного света в жуткую и непредсказуемую тьму, потому что тьмы гораздо больше, чем света.

Вдруг одно из пятен мглы привлекло его внимание своей необычностью — оно вклинивалось в россыпь огней большого поселка. Он наморщил лоб, роясь в памяти: что это за место и почему не освещено? Может, широкий канал, вдающийся вглубь крупного острова?

Шаттл заложил вираж, угол обзора изменился. Полоска тьмы наклонилась, поглотив одни светлые точки и исторгнув другие. В голове будто щелкнуло, и в следующий миг он понял, что видит перед собой гигантскую конструкцию. Ее необычайная высота и вытянутая форма угадывались лишь по заслоненным ею огням, но стоило Васко сообразить, что чернеет перед ним, как воображение без труда дорисовало детали. Конечно же, это Морская Башня, возвышающаяся в нескольких километрах от старейшего из поселков — места, где он родился.

Морская Башня. Корабль. «Ностальгия по бесконечности».

Васко никогда не видел субсветовик вблизи — лодкам запрещалось подходить к нему без крайней надобности. Он знал, что начальство бывает на корабле и время от времени туда летают шаттлы, словно комар вьется на фоне покрытой наростами, потрепанной непогодой видимой части корпуса. Похоже, Скорпион знал о «Ностальгии» все, но для Васко это была одна из многих тем, которые он решил ни в коем случае не затрагивать, когда сопровождал свинью в плавании к острову Клавэйна.

С высоты полета шаттла «Ностальгия по бесконечности» выглядела громадиной, но уже не казалась Васко таким далеким циклопическим природным образованием, каким представлялась всю жизнь. Глядя на корабль, раз в сто превосходящий размерами самую большую постройку из плавника на архипелаге, он не мог не испытывать головокружение. Корабль стоял значительно ближе к берегу, чем Васко представлялось раньше: скорее придаток колонии, чем высящийся поодаль

страж. «Ностальгия» не производила впечатления хрупкости и неустойчивости, но, несомненно, выглядела творением человеческих рук, точно так же находящимся во власти океана, как и все остальное на планете.

Этот корабль привез свой живой груз на Арарат и погрузился на километровую глубину, достав дно. В распоряжении колонистов было несколько шаттлов, позволявших выходить на орбиту, но только «Ностальгия» могла вывезти людей за пределы звездной системы, в открытый космос.

Обо всем этом Васко знал с детских лет, но по-прежнему не понимал, до какой степени поселенцы зависимы от субсветовика, их единственного средства покинуть планету.

Чем ниже опускался шаттл, тем более четкие очертания принимали огни: уличные фонари и открытые очаги базаров. Это было хаотично застроенное шаткими лачугами место на окраине Первого Лагеря. Самые высокие дома — из плавника, найденного на берегу или выловленного из океана сборщиками строительного материала. Из-за этого постройки походили на огромные морские раковины. Но добывать плавник было непросто, поэтому большинство домов сделали из более традиционных материалов. В поселке имелось несколько надувных куполов, и некоторые не уступали по величине постройкам из плавника. Но пластика для возведения и ремонта куполов не хватало. Гораздо проще оказалось добывать все необходимое из недр корабля, поэтому чаще попадались на глаза металлические листы и профили. Приземистые кубистические сооружения из них расползались во все стороны, образуя хлипкие трущобы; редкая постройка имела три этажа. Купола из пластмассы и дома из плавника торчали из металлических кварталов, словно волдыри. Улицы — паутины изломанных теней — освещались разве что фонарями случайных прохожих.

Шаттл проскользнул над границей тьмы и завис на окраине, над группой построек, которую Васко раньше не видел: купол в окружении металлических домов. Весь ансамбль имел более официальный вид, чем любая другая часть города. Юноша быстро сообразил, что это один из секретных административных комплексов. Совет людей и свиней, управлявший колонией, имел отделение в городке, но все знали, что у начальников есть места для безопасных тайных встреч, не нанесенные на гражданские карты.

Вспомнив объяснения Клавэйна, Васко приказал окну закрыться и стал дожидаться посадки. Она бы прошла незамеченной, если бы оба спутника не двинулись вдруг через салон в сторону посадочного трапа. С запозданием Васко сообразил, что в шаттле вообще нет пилота.

Пассажиры спустились на обожженные каменные плиты посадочной площадки. В последнюю минуту включились прожекторы, залив все вокруг ледяной голубизной. Клавэйн был в том же пальто, только натянул бесформенный черный капюшон, раньше прятавшийся под воротником. Низкий и широкий капюшон бросал тень на все лицо; Васко едва узнавал человека, которого они нашли на острове. Во время полета Скорпион помог Клавэйну немного привести себя в порядок, подстриг ему бороду и волосы.

— Сынок, не смотри на меня с таким истовым благоговением, — сказал Клавэйн.

— Простите, сэр. Вообще-то, я ничего похожего не испытываю.

Скорпион похлопал Васко по спине:

— Не робей перед ним. Это же просто старый вонючий отшельник, которого мы нашли на острове.

На огражденной территории было полно машин. Они неясными силуэтами вздымались по сторонам от прибывшего шаттла или угадывались в темных промежутках между пятнами света. Тут были колесные автомобили, один-два вездехода на воздушной подушке и вертолет скелетного типа. Васко заметил два летательных аппарата с обтекаемыми корпусами на самом краю посадочной площадки. Он не знал, способны ли эти шаттлы выходить на орбиту или предназначены только для полетов в атмосфере.

— Сколько шаттлов на ходу? — спросил Клавэйн.

Скорпион ответил после секундной заминки — должно быть, прикидывал, о чем можно говорить в присутствии Васко:

— Четыре.

Сделав еще дюжину шагов, Клавэйн хмуро проговорил:

— Когда я переселялся на остров, исправных шаттлов было пять или шесть. Скорп, мы не можем их терять.

— А как быть, если ресурсов в обрез? Но мы делаем все возможное. Надеюсь, некоторые шаттлы снова полетят, но обещать не могу.

Скорпион вел спутников к ближайшему приземистому металлическому зданию из тех, что окружали купол. Как только высадившиеся люди удалились от шаттла, несколько машин выступили из тени и покатили к нему, протягивая манипуляторы или таща за собой кабели и шланги. Своими движениями механизмы наводили на мысль о раненых морских чудовищах, волочащих по берегу изорванные щупальца.

— А мы сможем срочно улететь, если понадобится? — спросил Клавэйн. — Остальные шаттлы хотя бы до орбиты дотянут, когда прибудет «Свет Зодиака»? Насчет полноценных космических полетов речи нет, но хотя бы несколько коротких челночных рейсов...

— У «Света Зодиака» есть собственные шаттлы, — ответил Скорпион. — Но даже если их нет, один корабль для полетов к орбите у нас имеется.

— Лучше молиться и надеяться, что его никогда не придется использовать, — проворчал Клавэйн.

— К тому времени, когда нам понадобятся шаттлы, мы будем знать, что происходит, — пообещал Скорпион.

— А тебе не приходило в голову, что шаттлы могут понадобиться сегодня вечером?

Они подошли к куполообразному зданию. Навстречу типичной походкой свиньи, даже, пожалуй, нарочно раскачиваясь, выступил старый знакомый Клавэйна. Он был пониже Скорпиона и поплотнее — хотя куда уж больше. Плечи имел до того широченные, что руки казались подвешенными маятниками. И вообще выглядел этот тип жутко — такому не составит ни малейшего труда завалить человека и оторвать ему конечности одну за другой.

Свинья ожег Васко взглядом и нахмурился, избороздив лоб глубокими морщинами:

— Чего вытаращился, парень? Не нравлюсь?

— Нет, сэр, все в порядке, — торопливо ответил Васко.

— Спокойно, Кровь, — подал голос Скорпион. — У Васко был трудный день, слишком много впечатлений сразу. Верно я говорю, сынок?

— Верно, сэр.

Свинья кивнул Клавэйну:

— Рад встрече, старина.

Куэйхи был еще недалеко от Морвенны, и они могли говорить без временного лага.

— Тебе не понравится мой замысел, но я забочусь о нас обоих.

— Ты обещал вернуться как можно скорее, — пришел сквозь треск статики ответ.

— И сдержу слово, не опоздаю ни на минуту. Между прочим, я в первую очередь забочусь о тебе.

— О чем ты? — спросила Морвенна.

— Мне подумалось, что на Хеле может быть не только мост. Не хочется зря рисковать. Я зафиксировал металлический объект, у него устойчивое эхо. Возможно, он не опасен... Да наверняка не опасен, но все же нельзя полностью исключить, что это сторожевой робот. Я на таких уже натыкался и получил кучу неприятностей.

— Тогда возвращайся, — ответила Морвенна.

— Извини, не могу. Мне очень нужно осмотреть этот мост. Если я не добуду здесь ничего ценного, Жасмина меня на клочки порвет.

Он не стал уточнять, чем это грозит Морвенне, которую только Грилье способен извлечь из резного скафандра.

— Но нельзя же очертя голову лезть в пекло!

— Да я-то как-нибудь выкручусь, «Дочь» в беде не бросит. Но если там кто-нибудь проснется и начнет палить во все, что увидит, то может достаться и «Доминатрикс».

— И что ты собираешься делать?

— Я думал вывезти тебя из системы Халдоры, но это требует слишком много времени и топлива. Вот идея получше: используем местные ресурсы. Халдора — прекрасный щит, широкий и толстый. Хватит ей бездельничать; я сделаю так, чтобы она оказалась между тобой и Хелой с ее ловушками. Пусть бездельница поработает.

Морвенна несколько секунд обдумывала это предложение, а когда заговорила, в ее голосе звучала тревога:

— Но это значит...

— Да, это значит, что у нас не будет связи. Но совсем ненадолго.

Он продолжил, прежде чем Морвенна успела запротестовать:

— Я запрограммирую «Доминатрикс», чтобы через шесть часов она вернулась на свое теперешнее место относительно Хелы. А ты поспи. Даже соскучиться не успеешь, как я вернусь.

— Не нужно этого делать, Хоррис. Я хочу все время тебя слышать.

— Всего шесть часов.

Когда она заговорила снова, голос не стал спокойнее, но Куэйхи расслышал в нем новую нотку. Морвенна поняла: спорить бесполезно.

— Но если что-то случится, если вдруг я тебе понадоблюсь или ты мне, мы не сможем связаться.

— Шесть часов, — сказал он, — это триста с чем-то минут. Пустяки. Глазом моргнуть не успеешь.

— Хотя бы повесь ретранслятор...

— Вряд ли стоит. Я могу поместить на орбите Халдоры пассивный отражатель, но он приведет к тебе самонаводящуюся ракету. Да и возня с этим хозяйством отнимет несколько часов. Не стоит оно того.

— Я боюсь, Хоррис. Не хочу, чтобы ты летел.

— Дорогая, я должен, — ответил он.

— Пожалуйста, вернись.

— Боюсь, поздно, — мягко возразил Куэйхи, — я запрограммировал «Доминатрикс», она уже летит. Через тридцать минут ты будешь в тени Халдоры.

Наступила тишина. Он испугался, что связь оборвалась раньше времени, что в его расчеты закралась ошибка. Но потом Морвенна спросила:

— Зачем же ты уговаривал меня, если все решил?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хела, год 2727-й

В первый день они ехали очень долго, чтобы набрать максимально возможную дистанцию между собой и поселком. Час за часом скользили по заметенным снегом колеям, пересекая медленно меняющийся рельеф под мрачным небом. Время от

времени проезжали мимо башни ретранслятора или дорожного поста; иногда попадались встречные машины.

Постепенно Рашмика привыкла к усыпляющему покачиванию ледоката и научилась ходить внутри его, не теряя равновесия. По большей части она сидела в своем уголке, подтянув колени к подбородку, смотрела в иллюминатор и воображала, что в каждой замеченной скале и льдине таится частица инопланетной империи.

Она много думала о вертунах, аккуратным почерком исписывая страницы своей тетради, сопровождая подробные штриховые рисунки пояснительными подписями.

Девушка выпила чай и кофе, поела и поговорила с Кулвером, всего пару раз, хотя он изъявлял желание пообщаться многократно.

Планируя побег — хотя «побег» не совсем верное слово, поскольку Рашмика ни от кого и ни от чего не бежала, — она почти не думала о том, что будет делать, когда выберется из поселка. Лишь несколько раз позволяла своим мыслям свернуть в это русло, и всегда представлялось, что она испытает огромное облегчение, когда самое трудное будет позади.

Но получилось совсем иначе. Волнение и тревога, одолевавшие ее по пути к шлюзу в подземном жилище, исчезли, но лишь потому, что долго пребывать в таком состоянии нельзя. От них осталось что-то вроде тугого узелка в животе. Возможно, это оттого, что теперь она много думала о будущем, пыталась проникнуть мыслью в terra incognita. Опасной громадиной впереди замаячила встреча с церковниками. Но и то, что осталось за спиной, изрядно беспокоило девушку. Три дня, или даже шесть, не слишком большой срок. Но так ей казалось раньше, до отъезда, а теперь она считала часы. В поселке, наверное, уже поняли, что произошло, и снарядили погоню. Воображение рисовало, как полицейские мчатся за ледокатом на своих быстрых машинах. Никто из односельчан не питает теплых чувств ни к Линкси, ни к Крозету. Обязательно решат, что эта парочка подбила Рашмику к бегству, что только таким людям могут прийти в голову негожие мысли. Их всех поймают — и девчонку, скорее всего, выпорют, а взрослых разорвет толпа.

Но признаков погони не было. По счастью, машина Крозета шла быстро. Несколько раз они поднимались на взгорок

и осматривали десять-двенадцать километров пройденного пути. Никого.

Несмотря на все заверения Крозета, что короче дороги нет и быстрее двигаться невозможно, напряжение не отпускало Рашмику. Время от времени, чтобы немного успокоить ее, Крозет включал радио, но в динамиках шипела статика. В этом не было ничего удивительного, ведь на Хеле радиоэфир полностью зависит от причуд то и дело прокатывающихся магнитных бурь. Были и другие способы связи — прямой лазерный луч между спутниками и наземными станциями, волоконно-оптические линии, — но почти всеми этими каналами владели церкви, и Крозет не был подписан ни на одну из таких услуг. По его словам, специально ими не пользовался, чтобы не привлекать внимания.

Все же ему удалось наконец настроиться на некодированную передачу с Равнины Вигрид, и Рашмика прослушала сводку дневных местных новостей. Услышанное противоречило ее ожиданиям. Речь шла об обвалах в ходе раскопок, об отключении электричества и тому подобных рядовых проблемах — и ни слова об исчезновении человека. В свои семнадцать лет Рашмика официально находилась под опекой родителей, так что они имели полное право заявить о пропаже. Более того, не объявив о ее бегстве, родители нарушали закон.

Это обеспокоило Рашмику, и даже больше, чем она согласилась бы признать. С одной стороны, она хотела ускользнуть из поселка незаметно. С другой — ребячески переживала оттого, что никто не хватился пропажи. Она была вовсе не против, чтобы за нее испугались.

Подумав еще немного, девушка предположила, что родители просто решили подождать несколько часов. Ведь ее не было дома всего лишь полдня. Она часто уходила по своим делам, засиживалась в библиотеке. Может, родители решили, что Рашмике не спалось и она встала раньше обычного. Может, пока не нашли оставленную записку и не заметили, что в шкафчике недостает скафандра.

Но прошло шестнадцать часов — а в новостях молчок.

Привычки Рашмики не отличались постоянством, и родители не беспокоились, если она где-то пропадала часов по десять-двенадцать. Но через шестнадцать — должны были встревожиться, даже если каким-то чудом не заметили остальных

улик. И, не найдя дочь нигде поблизости, они были бы вынуждены обратиться к властям.

Что будет дальше? Действия полиции Равнины Вигрид никогда не отличались эффективностью. Быть может, заявление об исчезновении Рашмики просто не попало на нужный стол. Принимая во внимание бюрократическую инерцию на разных уровнях, нельзя исключать, что колесики закрутятся только завтра. Хотя, возможно, властям уже все известно, но по каким-то причинам они решили не сообщать в новостях. В это хотелось верить, и все же Рашмика не могла вообразить причину такой задержки. Как бы дело ни обстояло, за ближайшим поворотом может подстерегать полицейский патруль.

Но Крозет явно не боялся встречи с полицией, гнал ледокат как ни в чем не бывало. Эту дорогу он знал как свои пять пальцев, и казалось, что машина сама понимает, когда нужно свернуть.

На исходе первого дня пути, перед остановкой на ночлег, они снова поймали новости. С момента ухода Рашмики из дома прошло более двадцати часов — и никаких признаков того, что это замечено. Девушка приуныла, — не иначе, она переоценила собственную персону и ее исчезновению нет места даже среди самых мелких событий в истории Равнины Вигрид.

Но вдруг ее осенило, и она даже опешила: как же сразу не догадалась?! Запоздалый ответ выглядел куда правдоподобней, чем все обдуманные ею ранее возможности.

Ее родители прекрасно понимают, что она сбежала. Понимают они также, куда направилась дочь. Она не распространялась в оставленной записке о своих планах, но родителям не составило труда догадаться. Скорее всего, им даже известно, что Рашмика не прекратила общаться с Линкси после скандала.

Да, родители знают, что она так поступила из-за брата. Догадываются, что любовь к нему, а если не любовь, то гнев заставил ее отправиться в путь. А никому ничего не сказали по вполне понятной причине: несмотря на то что внушали Рашмике все эти годы (в частности, что с церквями связываться опасно), они хотели, чтобы дочь добилась своего. И в душе гордились сделанным ею выбором.

Как только она это поняла, все мгновенно встало на свои места.

— Это нормально, — сказала она Крозету. — В новостях обо мне ничего не скажут.

Он пожал плечами:

— Откуда такая уверенность?

— Я кое-что поняла.

— Тебе нужно хорошенько выспаться, — сказала Линкси.

Рашмика с благодарностью приняла у нее горячий шоколад. В тот миг ей казалось, что в жизни не приходилось пробовать напиток вкуснее.

— Прошлой ночью я плохо спала, — призналась Рашмика. — Все думала о сегодняшнем утре, волновалась.

— Все прошло как по маслу, — заверила ее Линкси. — Когда вернешься, поселок будет тобой гордиться.

— Надеюсь, — буркнула Рашмика.

— Я только один вопрос хочу задать, — сказала Линкси. — Не хочешь — не отвечай. Это из-за брата? Или есть что-то еще?

Вопрос застал Рашмику врасплох.

— Конечно из-за брата.

— Просто о тебе судачат, — продолжала Линкси. — Всем известно, что ты пропадаешь на раскопках и вечно что-то записываешь в тетрадь. В поселке никто так не интересуется вертунами, как Рашмика Эльс. Говорят, ты даже шлешь письма в спонсируемые церквями археологические партии и участвуешь в дискуссиях.

— Я действительно интересуюсь вертунами и ничего не могу с этим поделать, — ответила девушка.

— А можно узнать, что за шлея тебе попала под хвост?

Насмешка в вопросе была добродушной, но Рашмике не удалось скрыть раздражение.

— В смысле?

— В смысле: с чего ты взяла, что все совершенно не правы?

— Тебе это в самом деле интересно?

— Ну да. Хотелось бы знать и твою точку зрения.

— Но по большому счету тебе наплевать, кто прав, а кто нет? Пока найденное в раскопках удается продавать, кому какое дело, что случилось с вертунами? А конкретно тебе и твоему мужу вообще на все плевать, вас интересуют только запчасти к ледокату.

— Эй, юная леди! — осадила ее Линкси. — Не забываем о манерах.

— Извини. — Рашмика покраснела и хлебнула шоколада. — Я не то имела в виду. Но мне действительно хочется знать, что произошло с вертунами, а еще я уверена, что всем остальным нет никакого дела до их судьбы. Которая, между прочим, наводит на мысли об участи амарантийцев.

— Кого-кого? — взглянула на нее Линкси.

— Амарантийцы — раса, населявшая Ресургем. Они произошли от птиц.

Рашмика вспомнила нарисованного в тетради амарантийца, и это было не изображение скелета, а портрет живого существа: блеск птичьего глаза, лукавая улыбка клюва, плавные кривые линии черепа. Таким представляло ей амарантийца воображение — не реконструкцией из археологических книг, а будто воочию увиденным образом. Заглядывая в свою тетрадь, она не раз думала о том, насколько верны ее представления о другой разумной космической расе — о вертунах.

— Миллион лет назад они по неизвестной причине исчезли. Потом на Ресургеме поселились люди, но они не допускали даже мысли о том, что таинственная сила, уничтожившая амарантийцев, может вернуться и проделать то же самое с нами. Исключением был только Дэн Силвест.

— Дэн Силвест? — переспросила Линкси. — Не припоминаю.

Рашмика скрипнула зубами: как можно не знать таких людей? Но она не дала воли раздражению.

— Силвест возглавлял археологическую экспедицию. Когда докопался до правды, колонисты заткнули ему рот. Они в упор не видели грозящей опасности и не желали видеть. Но в итоге он оказался прав.

— Могу спорить, ты себя равняешь с ним.

— Еще как равняю, — кивнула Рашмика.

Девушка помнила, как впервые случайно наткнулась на фамилию Силвест. Она упоминалась в ссылке на археологический текст, который Рашмика загрузила в свой компад, похоронив среди скучных научных трудов о жонглерах образами. Словно лампочка зажглась у нее в голове, когда она читала эту статью. Был восторг, было ощущение сопричастности; словно вся ее жизнь была лишь прелюдией к этой минуте. Тогда же

Рашмика почувствовала, как ее детский интерес к вертунам превратился в нечто сродни наваждению.

Она не могла этого объяснить, но не могла и отрицать.

С тех пор, изучая вертунов, она узнавала все больше о судьбе и эпохе Дэна Силвеста. И это вполне логично, ведь бессмысленно было бы заниматься вертунами в отрыве от других исчезнувших инопланетных культур, чьи следы находили люди в межзвездных полетах. Имя Силвеста было крупными буквами вписано в историю науки о цивилизациях Галактики, и штудирование его работ приносило несомненную пользу.

Касающиеся амарантийцев публикации Силвеста охватывали годы с 2500-го по 2570-й. В этот период он не только вел кропотливые исследования, но и подвергался различным видам тюремного заключения, однако даже под домашним арестом его интерес к научной работе не ослабевал. Все же без доступа к ресурсам, которыми обладала колония, его идеи были обречены оставаться умозрительными.

Потом в систему Ресургема прибыл корабль ультра. С их помощью Силвест разыскал последний фрагмент головоломки. Его подозрения подтвердились: амарантийцев уничтожила локальная космическая катастрофа. Они запустили действующий и поныне механизм, созданный с единственной целью — подавлять разум, стремящийся к освоению космоса.

На то, чтобы эта новость достигла других систем, понадобились годы. За этот срок добытые Силвестом сведения несколько раз побывали в чужих руках, покрылись налетом пропаганды, почти затерялись в сумятице человеческих междоусобиц. К тем же выводам пришли сочленители — похоже, независимо от Силвеста. А еще различные археологические партии, изучавшие другие потерянные инопланетные культуры.

Машины, уничтожившие амарантийцев, по-прежнему находились рядом: наблюдали и ждали. У них было много имен. Сочленители прозвали их волками. Другие культуры — ингибиторами.

За минувшие века существование ингибиторов стало незыблемым фактом. Но бóльшую часть этого времени угроза оставалась далекой, она не пугала и даже не тревожила, как и любая проблема, разбираться с которой предстояло следующим поколениям.

Но недавно многое изменилось. Приходили неподтвержденные сведения о необычных событиях близ системы Ресургема: о полном демонтаже планет и превращении их в сложные машины неведомой конструкции. По слухам, эвакуировались обитаемые миры, и Ресургем превратился в выжженную пустыню, и с солнцем этой системы случилось нечто неописуемое.

Впрочем, до поры можно было не думать даже о Ресургеме. Он был всего лишь археологической колонией, изолированной, лежащей в стороне от межзвездных коммерческих путей, и правивший на нем тоталитарный режим грешил дезинформацией. Проверить сведения о тамошних событиях не представлялось возможным. И поэтому еще некоторое время жизнь в других системах, населенных людьми, шла как прежде.

Но сегодня ингибиторы появились у других солнц.

Первыми дурные вести принесли ультра. Поддерживая связь между своими кораблями, они советовали друг другу не приближаться к некоторым системам. Там что-то случилось, и это выходило за рамки обычных представлений о катастрофах. Не война и не эпидемия, а нечто неизмеримо худшее. То же самое произошло с амарантийцами, а может быть, и с вертунами.

Число человеческих колоний, чья судьба прямо свидетельствовала о нападении ингибиторов, не превышало дюжину, но сферические волны паники, разбегаясь по космосу со скоростью радиоволн, обладали громадной разрушительной силой. Поселения на поверхности планет эвакуировались, причем зачастую люди бросали все свое имущество, спеша укрыться на кораблях или в пещерах. Склепы и бункеры, служившие в мрачные десятилетия плавящей чумы, а потом заброшенные, были срочно восстановлены. Само собой, количество беженцев было огромным, и всех не могли вместить ни суда, ни подземелья. Вспыхивали восстания и небольшие, но яростные войны. Крушение цивилизации не помешало наиболее предприимчивым представителям человеческого рода сколотить бесполезные состояния. На плодородной почве страха перед будущим, словно черные орхидеи, во множестве росли культы конца времен и Судного дня. Люди были уверены, что их дни сочтены.

Стоит ли удивляться, что в ту грозную эпоху многие устремились на Хелу? В лучшие времена чудо Куэйхи не привлекло

бы такого внимания, а теперь корабли ультра привозили замороженных паломников десятками тысяч. Не все они искали ответы в религии, но, коль скоро решали остаться на Хеле, служба крови быстро обращала их в свою веру.

Рашмика не считала себя вправе судить этих людей за сделанный ими выбор. Не родись она здесь, возможно, и сама бы прилетела с волной паломников. Вот только причины у нее были бы другими. Она бы искала правду. То же стремление привело Дэна Силвеста на Ресургем, и вынудило его вступить в конфликт с колонией, и в конце концов погубило.

На ум пришел заданный Линкси вопрос: что заставляет Рашмику ехать к Вечному Пути? Желание разыскать Харбина? Или это всего лишь предлог, чтобы скрыть истинную причину побега — как от себя, так и от других? Она видит ложь в словах любого собеседника. Но уличить во лжи себя — как же, оказывается, это непросто...

— Я ищу Харбина, — прошептала она. — Хочу найти брата, больше мне ни до чего нет дела.

Но когда она задремала с чашкой шоколада в руках, ей приснились насекомовидные вертуны, и детали их анатомии перетасовывались столь же часто, сколь и бессмысленно.

Свернув на участок тропы с неровным льдом, ледокат затрясся и сбавил скорость. От его рывков Рашмика проснулась.

— Дальше сегодня мы уже не проедем, — сообщил Крозет. — Темнеет, да и вымотался я. Сейчас найдем местечко поуютнее — и на боковую.

Рашмике он и впрямь казался очень усталым. С другой стороны, Крозет так выглядел всегда.

— Нет уж, дорогой, — сказала ему Линкси. — Я не уверена, что мы в полной безопасности. Ступай-ка в корму да вздремни, а я порулю пару часиков.

— А чего нам бояться? — спросила Рашмика.

— Ну, мало ли... Еще несколько миль лишними не будут. Иди-ка ты тоже в хвост и постарайся поспать. Завтра опять тяжелый день, и я не могу обещать, что нас не догонят.

Линкси уже заняла место водителя, ее пухлые, как у младенца, пальчики легли на истертые джойстики. Пока Крозет не изъявил желания остановиться на ночлег, Рашмика была уверена, что машина оборудована автопилотом, — он поведет

дальше, пусть и не так быстро. Надо же, оказывается, они не стронутся с места, если ледокатом не будет управлять человек.

— Я могу помочь, — предложила она. — Правда, такие машины не водила, но, если покажете, наверное, справлюсь...

— Спасибо, как-нибудь обойдемся, — отказалась Линкси. — И потом, на нас с Крозетом свет клином не сошелся. Утром поведет Кулвер.

— Простите, я не хотела...

— Насчет Кулвера не беспокойся, — перебил Крозет. — Ему нужно чем-нибудь занять шаловливые ручонки.

Линкси отвесила мужу затрещину, но сделала это с улыбкой. Рашмика допила остывший шоколад, чувствуя невероятную усталость и в то же время радуясь, что первый день все-таки закончился, и закончился благополучно. Она не питала иллюзий насчет того, что самое трудное осталось позади, но решила, что даже маленький успех можно по праву воспринимать как небольшую победу. Очень хотелось поговорить с родителями, сказать, чтобы не волновались, с ней все хорошо и она все время думает о них. Но девушка дала себе слово не посылать весточки домой, пока не доберется до каравана.

Вслед за Крозетом она двинулась в корму грохочущего ледоката. Под управлением Линкси машина шла иначе. Нельзя сказать, что женщина правила хуже Крозета, просто ее стиль вождения был другим. Ледокат прыгал как мячик, выписывал в воздухе длинные дуги. Такие движения убаюкивали Рашмику, но она снова и снова просыпалась в страхе — ей снились падения в бездонные пропасти.

Утром она получила хоть и тревожную, но долгожданную новость.

— По радио было специальное сообщение, — сказал Крозет. — Официально заявлено о твоей пропаже и о начале поисковой операции. Ну что, гордишься собой?

Рашмика тяжело вздохнула, пытаясь представить, что произошло с вечера.

— Это полиция, — подала голос Линкси, имея в виду организацию, призванную блюсти закон и порядок на Равнине Вигрид. — Уже наверняка выступили поисковые отряды. Но, надеюсь, им нас уже не догнать. Стоит нам примкнуть к каравану, и полицейские отвяжутся.

— Странно, что отправили поисковиков, — сказала Рашмика. — Неужели власти считают, что мне угрожает опасность?

— Дело не только в этом, — сказал Крозет.

Линкси оглянулась на мужа.

Они что-то знают. Но что? У Рашмики желудок вдруг собрался в тугой комок, по спине побежали мурашки.

— А ну, выкладывайте! — потребовала она.

— По радио сказали, что тебя хотят вернуть домой и допросить, — ответила Линкси.

— О чем, о моем побеге из дома? Им больше нечем заняться?

— Нет, не об этом, — сказала Линкси. — Вернее, не только об этом. — Она опять оглянулась на Крозета. — Дело в той диверсии, что была на прошлой неделе. Ты ведь знаешь, о чем я?

— Да, — ответила Рашмика, вспомнив воронку, которая осталась на месте склада взрывчатки.

— Полиция считает, что это ты взорвала склад, — объяснил Крозет.

Хела, год 2615-й

Они сошли с орбиты, и по мере того, как «Дочь мусорщика» замедляла ход до нескольких тысяч километров в час, Куэйхи ощущал нарастание собственной тяжести. Хела увеличилась в размерах, ее безжизненная, бесформенная поверхность поднималась навстречу разведчику. Эхо металлического объекта оставалось на радаре, мост тоже.

Куэйхи решил спускаться по спирали, считая рискованным лететь к объекту кратчайшим путем. И уже на первой петле, в тысяче километров над поверхностью Хелы, увиденное заворожило его — словно перед ним выложили увлекательнейшую игру-головоломку.

Из космоса впадина едва угадывалась — минимальное снижение альбедо, темный шрам на лике планеты. Теперь же Рифт приобрел измеримую глубину и особенно четко проглядывался через увеличивающие камеры. Никакой геометрической четкости в форме впадины не наблюдалось, кое-где склоны полого спускались к самому дну, но преобладали отвесные обледенелые стены, гладкие и неприступные, как шлифованный

камень. Склоны имели цвет мокрого сланца. Дно Рифта тоже менялось — от глади соленого озера до безумного нагромождения торосов, изрезанных тонкими, как волос, черными расселинами.

Чем ближе подлетал Куэйхи, тем больше пропасть напоминала ему незаконченную головоломку, отброшенную Богом в досаде.

Он поминутно смотрел на радар. Эхо никуда не делось, но, по мнению «Дочери мусорщика», ничто не предвещало нападения. Скорее всего, это просто какой-то металлический хлам. Мысль не внушала радости, поскольку из нее следовало, что кто-то уже успел побывать возле моста и не нашел ничего стоящего, о чем можно сообщить другим. Хотя, возможно, какое-то непредвиденное событие помешало отправить отчет. Куэйхи не знал, какой из этих вариантов ему нравится меньше.

Завершая первый виток спирали, он сбросил скорость до пятисот метров в секунду. Поверхность спутника была уже близко, и он ясно видел, как меняется местность — от уступчатых возвышенностей до гладких равнин. Лед царил далеко не везде, бóльшая часть лунной поверхности была скальной, да и из ледяного покрова тут и там выпирали массивы трещиноватой коренной породы; хватало на нем и каменных россыпей. Над дремлющими вулканами курились дымки. Склоны возвышенностей были покрыты и мелким щебнем, и крутобокими глыбами размером с орбитальный анклав; иные торчали из льда под острыми углами, как носы и юты затонувших парусников; иные лежали в некоем подобии порядка, на манер гигантской скульптурной инсталляции.

Равномерная тяга двигателей удерживала «Дочь мусорщика» на высоте, сопротивляясь гравитации Хелы. Куэйхи пошел на снижение, взяв курс к краю моста. В небесах, освещенный с одного бока, висел шар Халдоры.

Отведя взгляд от моста, Куэйхи замер, восхищенный игрой ветров и молний на темном лике газового гиганта. Электрические разряды свивались в кольца и распрямлялись с гипнотизирующей медлительностью, словно угри.

Поверхность Хелы пока еще освещало солнце, но спутнику на орбите Халдоры предстояло вскоре войти в ее тень. Куэйхи решил: ему повезло, что эхо металлического объекта шло с этой стороны луны. Прилети он сюда немного позже, в другой

момент цикла вращения Хелы, и наверняка лишился бы великолепного зрелища — не увидел бы газового гиганта во всей его грозной красе.

Новая вспышка молнии. Куэйхи неохотно повернулся к Хеле.

Он уже подлетал к краю Рифта Гиннунгагапа. С устрашающей внезапностью поверхность ринулась вниз. Хотя сила притяжения Хелы составляла всего четверть земной, у Куэйхи закружилась голова, словно он оказался возле крупной планеты. Нелучшим образом влиял на самочувствие и гибельный вид провала. Если вдруг откажут двигатели, в отсутствие атмосферы ничто не замедлит падения корабля и он разобьется вдребезги.

Не откажут. «Дочь мусоршика» еще ни разу не подвела Куэйхи, не к чему беспокоиться и сейчас. Он сосредоточился на том, ради чего прилетел, и приказал кораблю снизиться еще, окунуться в Рифт, за нулевую отметку поверхности.

Потом он повернул корабль и двинулся вдоль полости, в паре километров от ближней стены. Как и дальняя, она была неровной, но здесь, в районе экватора, Рифт не сужался более чем на тридцать пять километров. Его минимальная глубина составляла минимум пять километров, максимальная не превышала одиннадцати — там дно было завалено камнями.

Полость была дьявольски огромной, и Куэйхи быстро пришел к выводу, что ему тут совсем не нравится. Слишком похоже на распахнутые челюсти капкана.

Он поглядел на часы: через четыре часа «Доминатрикс» снова появится из-за дальнего края Халдоры. Четыре часа — это уйма времени; он рассчитывал пуститься в обратный путь гораздо раньше.

— Держись, Мор, — прошептал он, — недолго осталось.

Конечно, она не слышала.

Опустившись в Рифт южнее экватора, разведчик сейчас летел к северному полушарию. Пестрая каменная мозаика на дне текла под ним, словно река. Движение корабля относительно дальней стены было почти незаметно, но ближняя стремительно летела мимо, создавая ощущение о скорости. Временами Куэйхи терял представление о масштабах, и тогда Рифт не выглядел столь огромным. Такие моменты, когда пейзаж чужой планеты вдруг покажется знакомым, родным и мирным, самые

опасные — вот тут-то она и норовит рвануться навстречу гостю и убить.

Неожиданно впереди, между сходящимися стенами, появился и начал стремительно приближаться мост. У Куэйхи заколотилось сердце. Теперь можно быть уверенным — хотя сомнений и раньше не возникало, — что мост построен разумными существами. Пилот снова пожалел, что с ним нет Морвенны, что она не может взглянуть на это великолепное плетение из тонких блестящих нитей.

Как только по курсу возник мост, Куэйхи включил запись. Теперь сооружение находилось под кораблем; концы этой пологой арки соединялись со стенами Рифта филигранью креплений.

Куэйхи не видел необходимости задерживаться: одного полета под мостом будет достаточно, чтобы убедить Жасмину. Позже разведка вернется с более мощным оборудованием, если королева того пожелает.

Оказавшись под мостом, Куэйхи увидел восхитительную картину. Дорожное полотно — а как еще можно назвать эту опасно узкую молочно-белую ленточку? — пересекало лик Халдоры, чуть светясь на мглистом фоне. Интересно, каково в ощущениях — пройти по этому мосту?

В тот же миг «Дочь мусорщика» заложила дикий вираж, и все заволокла красная пелена перегрузки...

— В чем... — начал Куэйхи.

Но, еще не договорив, он понял ответ. «Дочь мусорщика» действовала по обстановке — выполняла маневр уклонения. Она подверглась атаке.

Куэйхи потерял сознание, пришел в себя и снова отключился. Мимо проносились скалы и осыпи, перед глазами яростно вспыхивало — рельеф отражал сполохи поворотных дюз «Дочери». Снова обморок. Потом сознание вернулось, но оно грозило пропáсть в любой миг. В ушах стоял рев.

Мост представал перед Куэйхи фрагментарно и в разных ракурсах, словно череда фотокадров. Вот он сверху. Теперь снизу. Опять сверху. «Дочь мусорщика» искала укрытие.

Это неправильно. Он уже должен лететь вверх, прочь от планеты; первостепенная задача «Дочери мусорщика» — унести его как можно дальше от источника опасности. Маневры на одном месте и нерешительность ей несвойственны.

Если только ее не загнали в угол, не отрезали путь отступления.

В один из моментов просветления он взглянул на контрольный дисплей. По «Дочери мусорщика» велся огонь с трех точек. Пушки вынырнули из укрытий во льду, и эти три металлических эха не имели ничего общего с тем первым.

«Дочь мусорщика» встряхнулась, словно мокрый пес. Куэйхи заметил выхлопы собственных микроракет, выписывающих спирали и зигзаги, чтобы не угодить под выстрел.

Он снова потерял сознание, а когда пришел в себя, заметил камнепад на склоне Рифта. Значит, одна из его ракет нашла цель.

Замигал пульт, корпус сделался совершенно черным. Когда он снова обрел прозрачность и восстановилась работа органов управления, пилот увидел на дисплее большую предупредительную надпись ярко-красной латиницей. Корабль получил довольно серьезное повреждение.

«Дочь мусорщика» опять вздрогнула, еще одна серия ракет унеслась прочь. Это были крохотные, в палец величиной, устройства с зарядом антиматерии мощностью в одну килотонну.

Снова темнота. В себя он пришел, когда тело ощутило падение.

Опять небольшой оползень на склоне, и на пульте одним образом меньше. Но цел третий страж, а у Куэйхи не осталось средств, чтобы расправиться с ним.

Этот третий не стреляет. Возможно, был неисправен еще до начала боя. Возможно, его повредила ракета с «Дочери мусорщика». Возможно, он перезаряжается.

«Дочь» не решалась ничего предпринять, угодив в водоворот различных возможностей.

— Приказ высшего приоритета, — прохрипел Куэйхи. — Вынеси меня отсюда.

В ту же секунду навалилась перегрузка. Опять перед глазами сгустилась красная пелена. Но на сей раз он не отключился. Корабль тщательно следил за тем, чтобы кровь поступала в мозг пилота, удерживая его в сознании как можно дольше.

Куэйхи увидел, как поверхность планеты ринулась вниз, увидел мост с высоты.

И вдруг новый удар. Маленький кораблик замер, двигатель вырубился на мгновение ока. «Дочь» пыталась возобновить полет, но какая-то важная подсистема была серьезно повреждена.

Поверхность планеты замерла внизу. Затем двинулась навстречу.

Снова Куэйхи поглотила тьма.

Он наклонно падал в направлении стены Рифта, то и дело теряя сознание и приходя в себя. Уже представлял, как погибнет в яркой вспышке, и собирал все душевные силы для встречи со смертью.

Но в последний момент «Дочери мусорщика удалось на секунду включить двигатели, и тормозящего импульса хватило, чтобы смягчить удар.

А еще с той же целью упруго деформировался корпус. Но все равно столкновение получилось чудовищным. Все закружилось вокруг Куэйхи: утес, линия горизонта, ровное дно Рифта.

Он уже в который раз потерял сознание, очнулся и вырубился опять. Вдалеке перед ним кувыркался мост. Со склонов, там, где ракеты уничтожили охранных роботов, все еще сыпались ледяные и каменные обломки.

Куэйхи и его корабль, похожий на драгоценный камешек, кувырком летели на дно ущелья.

Арарат, год 2675-й

Вслед за Кровью вместе с Клавэйном и Скорпионом Васко вошел в административное здание и углубился в лабиринт пустых коридоров. Юноша ждал приказа развернуться и идти обратно: с его пропуском сил в такие важные места дороги нет. Но хотя каждая новая проверка на очередном посту охраны была еще строже, чем предыдущая, его всякий раз пропускали. Васко понял, что никто не посмеет спорить с Клавэйном и Скорпионом.

Пройдя еще немного, они оказались в карантинном пункте — небольшом лазарете с несколькими застланными чистым бельем кроватями. Там их встретил врач по имени Валенсин — бледный, с зализанными назад лоснящимися волосами, в боль-

шущих ромбических очках. В руке он держал потертый чемоданчик с инструментами. Васко видел этого человека впервые, но знал: перед ним самый главный врач на планете.

— Как самочувствие, Невил? — спросил Валенсин.

— Как у человека, злоупотребившего гостеприимством истории, — ответил Клавэйн.

— Гм... Прямого ответа от вас никогда не получишь.

Валенсин достал из чемоданчика небольшой серебристый прибор и посветил им в глаза старика, глядя со своей стороны в окуляр.

— Мы обследовали Клавэйна во время полета, — заговорил Скорпион. — Он в норме, не доставит хлопот, свалившись замертво вам на руки.

Валенсин выключил фонарик:

— А вы, Скорпион, не свалитесь мне на руки?

— Надеетесь, облегчу вам жизнь?

— Мигрени бывают?

— Аккурат сейчас голова побаливает.

— Вами я займусь позже. Хочу проверить периферийное зрение — не портится ли оно быстрее, чем я рассчитывал. Вся эта суета свинье ваших лет на пользу не идет.

— Без суеты мне нынче никак, но все равно спасибо, что напомнили.

— Всегда к вашим услугам, — ухмыльнулся Валенсин, возвращая прибор в чемоданчик. — А теперь давайте кое о чем договоримся. Когда откроется капсула, чтобы никто даже дохнуть не посмел на ее содержимое, пока я не закончу обследование. Конечно, оно будет поверхностным, учитывая наши средства, но, если я обнаружу инфекцию и предположу, что существует хотя бы малейшая вероятность неприятных последствий, каждый, кто контактировал с капсулой, может забыть о возвращении в Первый Лагерь или в другое место, которое он считает своим домом. Под неприятными последствиями я подразумеваю не мудреное бактериологическое оружие, а что-нибудь попроще, вроде гриппа. У нас кончается запас противовирусных препаратов.

— Понятно, — кивнул Скорпион.

Валенсин отвел посетителей в просторное помещение под высоким куполом на металлических фермах. Там резко пахло дезинфекцией. Зал был почти пуст, если не считать полдюжи-

ны человек, плотной группой державшихся в центре. Работники в белых комбинезонах хлопотали возле хлипких башенок, собранных из мониторингового оборудования.

Найденная в море капсула была подвешена на тонком тросе к потолку, отчего напоминала строительный отвес. Обугленная до черноты, она оказалась меньше, чем представлял себе Васко: и как в таком крошечном устройстве мог поместиться человек? И хотя окна отсутствовали, несколько панелей на корпусе были откинуты, виднелись светящиеся экраны. Васко заметил мелькающие числа, вихляющие кривые и скачущие гистограммы.

— Дайте-ка взглянуть, — попросил Клавэйн, раздвигая рабочих, чтобы пройти к капсуле.

Один из рабочих хмуро посмотрел на Скорпиона, и это был неосторожный поступок. Свинья ожег нахала яростным взглядом и вдобавок обнажил длинные кривые клыки. Не дожидаясь, когда дело примет худой оборот, Кровь горизонтально махнул копытом, и рабочие, подчиняясь этому выразительному жесту, исчезли в глубинах комплекса.

Клавэйн никак не отреагировал на случившееся. Не сняв с головы капюшона, он проскользнул между аппаратами и подошел к капсуле сбоку. Чуть ли не с нежностью приложил руку рядом со светящимся пультом, погладил обгоревшую оболочку.

Васко решил, что можно подойти и посмотреть.

Скорпион явно колебался:

— Чувствуешь что-нибудь?

— Да, — ответил Клавэйн. — Она говорит со мной. Это сочленительский протокол.

— Ты уверен? — спросил Кровь.

Старик отвернулся от капсулы. Его лицо пряталось в тени капюшона, лишь жидкая бороденка ловила свет.

— Да, — ответил он.

Приложив руку с другой стороны от панели, он согнул спину и прикоснулся к капсуле щекой. Васко представил, что глаза у Клавэйна неподвижны, кожа на лбу собрана в складки — он полностью сосредоточен. Все молчали, и Васко поймал себя на том, что старается дышать как можно тише.

Клавэйн медленно наклонял голову из стороны в сторону — так ищут оптимальное положение радиоантенны.

Нашел нужный угол — и замер, под пальто явственно напряглось тело.

— Точно, это сочленительский протокол, — повторил Клавэйн.

В полном молчании и неподвижности он простоял еще с минуту, а потом сказал:

— Похоже, капсула узнала во мне сочленителя. Она не дает полного доступа к своей системе — пока не дает, но разрешила функциональную диагностику верхнего уровня. Это точно не бомба.

— И все-таки будь осторожен, пожалуйста, — попросил Скорпион. — Не дай затащить себя внутрь или еще что похуже сделать.

— Еще как постараюсь, — заверил Клавэйн.

— Сможешь определить, кто внутри? — спросил Кровь.

— Пока капсула не открыта, можно только строить предположения, — ответил Клавэйн тихо, но твердо и властно. — Одно могу сказать наверняка: это не Скади.

— Но ты не сомневаешься, что там сочленитель? — снова спросил Кровь.

— Это сочленитель. Часть сигналов, которые я ловлю, идет не от аппаратуры капсулы, а от имплантатов пассажира. Скади побрезговала бы таким старым протоколом. — Клавэйн отстранился от капсулы и оглянулся на спутников. — Как пить дать, это Ремонтуар.

— И ты понимаешь, о чем он думает? — спросил Скорпион.

— Нет. Исходящие от него нейронные сигналы — самого низкого уровня, простая работа по обслуживанию тела. Пассажир все еще без сознания.

— Или это не сочленитель, — высказал сомнение Кровь.

— Узнаем через несколько часов, — пообещал Скорпион. — Кем бы он ни был, у нас остается проблема исчезнувшего корабля.

— А почему это проблема и почему у нас? — спросил Васко.

— А потому, что пролететь двадцать световых лет в капсуле он никак не мог, — объяснил Кровь.

— Но что ему мешало добраться до нашей системы незамеченным и оставить корабль в укромном месте, а оставшийся путь проделать в капсуле? — спросил Васко.

Кровь покачал головой:

— Ему все равно нужен был корабль для полетов внутри системы, чтобы добраться до Арарата.

— Но маленький корабль мы могли и не заметить, — возразил Васко. — Ведь так?

— Не думаю, — буркнул Клавэйн. — Хотя исключать этого нельзя — если там, наверху, творится что-то нехорошее.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Поверхность Хелы, год 2615-й

Когда Куэйхи очнулся, он неподвижно висел вверх ногами. Вообще-то, все было абсолютно неподвижным: он сам, корабль, окружающий ландшафт, небо. Казалось, его поместили сюда много веков назад и он только сейчас открыл глаза.

Но он не мог долго находиться без сознания: память сохранила яркую, четкую сцену смертельного боя и головокружительного падения. Удивительно то, что он не просто помнит о случившемся, а вообще еще жив.

Осторожно двигаясь в страховочных фиксаторах, Куэйхи проверил повреждения. Крошечный кораблик поскрипывал вокруг него. Шея у пилота была целой, позволяла вертеть головой и осматриваться. Но в пределах видимости — только осыпающийся лед и оседающая пыль, остатки последнего обрушения. И все расплывчатое, будто он смотрит через зыбкую серую пелену. Вот только эта пелена и двигалась, подтверждая, что без чувств он провел считаные минуты.

Кроме нее, Куэйхи видел край моста, чарующее кружево тросов, посредством которых крепилась к скалам арочная конструкция. Когда «Дочь мусорщика» выпускала ракеты, он краем сознания беспокоился о том, как бы не разрушить чудо, ради которого сюда прилетел. При всей своей громадности мост выглядел тонким и ломким, точно накрахмаленная салфетка.

Похоже, он совершенно цел. Наверняка эта постройка гораздо прочнее, чем кажется.

Снова заскрипело кругом. Не определить, на чем стоит кораблик, но ощущения подсказывают: он ориентирован «вверх ногами». Неужели это дно Рифта Гиннунгагапа?

Куэйхи взглянул на приборы, но не сумел сфокусировать на них взгляд. Тот вообще ни на чем не желал фокусироваться. Вот если закрыть левый глаз, видно лучше. Должно быть, из-за перегрузки отслоилась сетчатка. С точки зрения «Дочери мусорщика», запрограммированной вынести его из опасной зоны живым, это легкая травма, вполне поддающаяся лечению.

Прикрыв левый глаз, Куэйхи снова взглянул на панель приборов. Множество красных огоньков — сообщений на латинице о повреждениях систем — и темных пятен, где раньше что-то светилось. Понятно, «Дочь мусорщика» понесла серьезный урон не только на аппаратном, но и на программном уровне. Его кораблик в коме.

Куэйхи попробовал его растормошить:

— Приказ высшего приоритета. Перезагрузка.

Никакой реакции. Похоже, среди утраченных функций и распознавание голосовых команд. Либо корабль не способен перезагрузить свои оперативные системы.

Куэйхи попытался снова, просто на всякий случай:

— Приказ высшего приоритета. Перезагрузка.

Снова молчок. «Так я ничего не добьюсь», — подумал пилот.

Он повернул руку, чтобы пальцы легли на панель тактильного управления.

Движение далось нелегко, но это была рассеянная боль от сильных ушибов, а не острая — в сломанных или смещенных костях. Он даже мог вполне сносно шевелить ногами. Сильная резь в груди намекала, что ребра не в порядке, но дышалось нормально. Если он отделался только парой сломанных ребер и отслоением сетчатки, ему крупно повезло.

— Ты всегда был везунчиком, — сказал он себе, нащупывая выступы на панели.

Все голосовые команды имели тактильные эквиваленты. Лишь бы только вспомнить правильные комбинации движений.

Он вспомнил. Указательный палец сюда, большой сюда. Теперь нажать еще раз.

Кораблик кашлянул. Там, где были темные пятна, загорелись красные надписи.

Жива старушка! Куэйхи нажал опять. Корабль вздрогнул и загудел, пытаясь перезагрузить систему. Снова мигнуло красное, и на этом все кончилось.

— Ну, давай же! — прошипел сквозь зубы Куэйхи.

Может, на третий раз повезет?

После третьего нажатия корабль задрожал, на дисплеях зажглись красные надписи, погасли. Появились опять. Ожили другие части пульта. «Дочь мусорщика» выходила из комы, проверяла свою работоспособность.

— Молодчина, — прошептал Куэйхи, чувствуя, как кораблик сжимается, меняет форму корпуса — может быть, непреднамеренно, просто рефлекторно возвращаясь к предустановленному профилю.

«Дочь мусорщика» накренилась на несколько градусов, и угол зрения Куэйхи сместился.

— Осторожней... — начал он.

Поздно. «Дочь» не удержалась на уступе и покатилась вниз. Там в сотне метров возникло дно Рифта — и стремительно понеслось навстречу.

Субъективное время растянуло падение до бесконечности.

Потом пилота бросило на пульт. Он не лишился чувств на этот раз, но было ощущение, что его схватило зубами какое-то чудовище и давай колотить оземь, норовя размозжить голову или сломать позвоночник.

Куэйхи застонал. Похоже, на этот раз ему досталось крепко. Грудь давило, словно на нее поставили наковальню. Должно быть, сломанные ребра проткнули мышечную ткань. Двигаться теперь будет чертовски больно — если только он вообще способен двигаться.

И все-таки он еще жив.

В этот раз «Дочь мусорщика» упала на правый борт. Он снова увидел мост — словно фотографию в туристической брошюре. Казалось, судьба специально демонстрирует ему находку во всей красе, напоминает, зачем он сюда прилетел.

На пульте осталось совсем мало красных огоньков. Куэйхи смотрел на отражение своего лица, висящее над фрагментами надписей: полнейшая растерянность и страх, глубокие тени на щеках и в глазницах. Когда-то он видел лик некой религиозной фигуры, проступивший на ткани для бальзамирования. Как скупой, в несколько штрихов, рисунок углем.

Это в крови разогревался индоктринационный вирус.

— Перезагрузка! — прошипел он.

Никакого ответа. Куэйхи протянул руку к тактильной панели, расположил как надо пальцы. Он нажимал снова и снова, понимая, что единственный способ оживить корабль — запуск полной диагностики состояния.

Пульт мигнул. Что-то еще исправно — а значит, есть шанс. Он повторял команды перезагрузки, пробуждая одну систему за другой. На восьмой или девятый раз ничего не удалось улучшить, и он решил прекратить попытки — не к чему истощать резервы корабля, да и опасно перезагружать системы, которые пока работают. Надо обойтись тем, что есть.

Закрыв левый глаз, он прочитал красные сообщения на пульте. Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы понять: «Дочь мусорщика» больше никуда не полетит. Важнейшие двигательные узлы разбиты выстрелами сторожевой пушки, второстепенные раздавлены при падении на планету и последовавшем кувыркании по склону Рифта. Его драгоценный кораблик необратимо разрушен. Даже если допустить, что системы саморемонта способны восстановить двигатели, на это нужны месяцы, которых у Куэйхи нет. Спасибо и на том, что «Дочь» спасла ему жизнь. В этом смысле она не подвела.

Он снова прочитал все надписи. Аварийный маяк исправен. Сигнал ограничен ледяными стенами, но ничто не мешает ему уходить вертикально вверх, в космос, — за исключением, конечно, газового гиганта, стараниями Куэйхи оказавшегося между «Дочерью мусорщика» и Морвенной. Скоро ли «Доминатрикс» выйдет из-за солнечной стороны Халдоры?

Куэйхи взглянул на один из работающих хронометров корабля. Морвенна появится из-за Халдоры через четыре часа.

Четыре часа. Ничего страшного. Столько он продержится. Едва «Доминатрикс» вынырнет из-за газового гиганта, она поймает сигнал бедствия и уже через час примчится на выручку. В другой ситуации Куэйхи ни за что не рискнул бы большим кораблем, не погнал его в опасную зону, но сейчас выбирать не приходится. Да и вряд ли следует бояться стражей: он уничтожил две пушки, а в третьей наверняка кончился заряд. Несомненно, робот добил бы пришельца, будь у него такая возможность.

Итак, через пять часов Куэйхи будет в безопасности. Конечно, лучше бы убраться отсюда сию же секунду, но в задержке никто, кроме него, не виноват. Не он ли уговорил Морвенну,

чтобы провела без него шесть часов? А решение не вывешивать спутники-ретрансляторы — разве не глупость? К чему обманывать себя? Не столько о защите Морвенны он тогда думал, сколько о том, чтобы поскорее добраться до моста. Что ж, пора платить за непредусмотрительность.

Всего пять часов. Сущие пустяки.

В ту же секунду Куэйхи заметил новую красную надпись. Он моргнул и открыл оба глаза, надеясь, что это обман зрения. Но ошибки не было.

Поврежден корпус. Возможно, это лишь небольшая трещина. Ее в обычных условиях уже давно заделали бы автоматы, даже не сообщив об этом пилоту. Но очень уж крепко досталось кораблю, его штатные ремонтные системы вышли из строя. Давление воздуха на борту снижалось — настолько медленно, что пилот этого даже не замечал. «Дочь мусорщика» подкачивала дыхательную смесь из запасных емкостей, но долго это продолжаться не могло.

Куэйхи подсчитал: воздуха хватит на два часа.

Ему не дождаться помощи.

И что теперь делать? Удариться в панику? Сохранять мужество? А какая, собственно, разница? Куэйхи подумал над этим и решил, что разницу не мешало бы увидеть.

Одно дело, когда ты заперт в герметичном помещении с конечным запасом воздуха, который в процессе твоего дыхания замещается углекислым газом. И совсем другое — когда воздух утекает через трещину в корпусе и на скорость утечки ты повлиять никак не можешь. Даже если ухитришься за два часа сделать один-единственный вдох, на второй все равно не останется кислорода. Скоро придется глотать старый добрый вакуум — и тот факт, что некоторые платят за это деньги, не послужит тебе утешением.

Говорят, это больно, по крайней мере в первые секунды. Но Куэйхи не заметит, как задохнется, — он задолго до этого потеряет сознание. Может, и двух часов не протянет, перестанет дышать через полтора.

Но если держать себя в руках, не поддаваться страху, он, возможно, выгадает несколько минут — это зависит от того, что собой представляет утечка. Допустим, воздух теряется где-то в системе рециркуляции, — в этом случае совершенно точно можно выиграть время, если дышать пореже.

Поскольку он понятия не имеет о том, где находится трещина, паника ему невыгодна. Возможно, удастся растянуть два часа на три... а повезет, так три превратятся в четыре. Если же он готов к небольшому повреждению мозга, то, может быть, удастся продержаться и все пять часов.

Он просто обманывает себя. У него осталось два часа, самое большее два с половиной.

«Паникуй, сколько душе угодно, — сказал себе Куэйхи. — Это никак не изменит твоего положения».

Вирус уже не пробует на вкус его страх, а жрет в три горла. До сих пор этот вирус почти не подавал признаков жизни, и вот теперь почуял панику, и мигом окреп, и пытается подавить рациональное мышление носителя.

— Нет! — воскликнул Куэйхи. — Пошел прочь, ты мне сейчас не нужен.

А может, как раз нужен? Что толку в ясном сознании, если он ничем не сможет себе помочь? По крайней мере, вирус позволит умереть с ощущением того, что Куэйхи не одинок, что рядом есть нечто большее и оно неравнодушно к его судьбе и будет с ним до последнего вздоха.

Но вирусу нет дела до его чувств и желаний. Он просто заполнит носителя своей сущностью, нравится это тому или нет.

Вокруг не раздавалось ни звука — Куэйхи слышал только собственное дыхание да изредка стук льдинок, скатывающихся по следу лавины, вызванной кораблем, когда в падении он задел кромку обрыва. Помимо моста, смотреть было не на что. Но вдруг Куэйхи услышал доносящуюся откуда-то издали органную музыку. Поначалу она была тихой, но потом ее источник стал приближаться. Куэйхи понял: достигнув грозного крещендо, мелодия наполнит его душу радостью и ужасом.

И хотя мост выглядел как прежде, в черном небе под ним чудились прекрасные церковные витражи: квадраты, треугольники, ромбы мягкого радужного сияния, словно окна, открывающие вид на что-то еще более прекрасное и величественное.

— Нет! — сказал Куэйхи.

Но на сей раз в его голосе не было твердости.

Прошел час. Бортовые устройства одно за другом испускали дух, на пульте гасли красные надписи. Но пока ни один отказ оборудования не сократил шансы пилота на выживание.

Кораблик не проявлял намерения взорваться, в один миг избавив Куэйхи от страданий.

Нет, думал Куэйхи, «Дочь мусорщика» сделает все от нее зависящее, чтобы поддерживать в хозяине жизнь до последнего вздоха.

Эта трудная работа почти истощила силы машины. «Дочь» непрерывно передавала сигнал бедствия, но к тому времени, как «Доминатрикс» получит сигнал, пилот уже будет два-три часа как мертв.

Куэйхи рассмеялся: юмор висельника. Он всегда считал «Доминатрикс» исключительно разумным механизмом. По меркам большинства космических кораблей, как и по меркам любой техники, не управлявшейся субличностями как минимум гамма-уровня, это так и было. Но стоило делу принять по-настоящему серьезный оборот, и выяснилось, что этот сверхмощный интеллект ровно ничего не стоит.

— Что же ты, корабль? — спросил Куэйхи.

И снова рассмеялся. Вот только теперь смех перемежался рыданиями — от жалости к себе.

Куэйхи надеялся на помощь вируса, но ощущения, которые тот порождал, были слишком поверхностными. Что проку от этого тонкого, как бумага, фасадного слоя? Да, вирус воздействует на те точки мозга, где возникают религиозные чувства, но он не подавляет другие области сознания, и те безошибочно распознают новую веру как искусственную, индуцированную.

Он, безусловно, ощущал некое святое присутствие, но одновременно с полной отчетливостью понимал: это всего лишь игра нейроанатомии. На самом деле тут ничего божественного нет: органная музыка, витражи в небе, ощущение чего-то беспредельного, безвременного и чрезвычайно участливого порождено лишь нейронными связями, вспышками активности нейронов и синаптическими щелями.

Больше всего в этот миг Куэйхи нуждался в утешении — и не получил его. Он был всего лишь безбожником с дрянным вирусом в крови. У него кончался воздух. У него кончалось время. Скоро он будет забыт. Как и имя, данное им планете, на которой он разбился.

— Прости, Мор, — сказал Куэйхи. — Я свалял дурака. Облажался по полной.

Он стал думать о ней, такой далекой, недосягаемой... и вспомнил стеклодува.

Куэйхи не вспоминал стеклодува уже давно, но ведь он давно не оставался надолго один. Как звали этого человека? Да-да, Тролльхаттан. Куэйхи случайно встретил его на Пигмалионе, одном из спутников планеты Парсифаль в созвездии Тау Кита, в торговом пассаже с микрогравитацией.

Там проходила выставка произведений искусства из стекла. Работающий в невесомости скульптор Тролльхаттан, когда-то бывший угонщиком, но порвавший со своей фракцией, имел дополнительные механические конечности, а его лицо напоминало слоновью шкуру с рубцами от давних ран — ему неумело удаляли меланомы радиационного происхождения.

Тролльхаттан творил из стекла восхитительные ажурные конструкции, целиком заполняющие помещения; иные настолько нежные, что не выдерживали даже слабой гравитации главного спутника Парсифаля. Среди его шедевров невозможно было найти два похожих. Куэйхи любовался стеклянными планетариями, поразительно детальными и работавшими со сверхъестественной точностью. Его восхищали стаи из тысяч птиц, соединенных друг с другом тончайшими кончиками крыльев. Дух захватывало при виде громадных косяков, причем у каждой стеклянная чешуя имела уникальный оттенок и блеск; желтые, желтоватые, синие, окаймленные розовым перья казались подлинным чудом. А еще эскадрильи ангелов, и сражающиеся галеоны эпохи боевых парусников, и искусные реконструкции великих космических битв.

На некоторые изделия было страшновато смотреть, словно одного взгляда хватило бы, чтобы нарушился зыбкий баланс света и тени, чтобы скрытая где-нибудь трещинка мигом разрослась и поставила всю конструкцию на грань существования.

Однажды на открытии выставки самопроизвольно взорвалась стеклянная картина Тролльхаттана, разлетевшись на осколки не крупнее пчелы. Было ли так и задумано автором для пущего эффекта, осталось тайной. Зато не вызывало сомнений другое: все без исключения изделия Тролльхаттана драгоценны. Скульптор соглашался с ними расстаться лишь за огромные деньги, а уж цену вывоза смешно было даже обсуждать. Транспортировка одной такой покупки с Пигмалиона разорила бы небольшое демархистское государство. И не то

чтобы исключалась разборка и упаковка по частям, но перевозка в космосе не давала ничего, кроме битого стекла. Любые меры предосторожности оказывались недостаточными, поэтому все уцелевшие работы Тролльхаттана находились в системе Тау Кита. Богатые люди целыми кланами перебирались на Парсифаль только для того, чтобы хвастаться приобретенными инсталляциями великого стеклодува.

Ходили слухи, что где-то в межзвездном пространстве медленные автоматические баржи несут на борту сотни изделий Тролльхаттана, направляясь к другим солнечным системам (названия этих систем у разных рассказчиков звучали по-разному) со скоростью в несколько процентов от световой; эти рейсы оплачены много десятилетий назад. Само собой, тот, кому хватит изобретательности перехватить и ограбить эти баржи, не переколотив их содержимого, баснословно разбогатеет. В те времена, когда по существующим чертежам можно было недорого воспроизвести практически любую вещь, едва ли не единственную ценность представляли авторские работы, чье происхождение не вызывало сомнений.

Во время своего пребывания на Парсифале Куэйхи всерьез интересовался возможностью приобрести шедевры Тролльхаттана. Даже провел переговоры с другим мастером, уверявшим, что в его силах изготовить высококачественные копии: помещение заполняется стеклом, а потом миниатюрные сервороботы выгрызают лишний материал. Куэйхи присутствовал на демонстрациях работы фальсификатора: результат был неплох, но далек от идеала. Воссоздать спектральную палитру Тролльхаттана не удавалось никому во Вселенной; разница между оригиналом и подделкой не уступала разнице между алмазом и его копией из льда.

В любом случае ключевую роль играло происхождение скульптур. Вот если кто-нибудь убьет Тролльхаттана, тогда рынок сможет принять подделки.

Куэйхи решил осторожно выяснить, нет ли у ваятеля ахиллесовой пяты, — вдруг найдется компромат, и тогда можно будет шантажировать стеклодува, давить на него в процессе торга. Если Тролльхаттан согласится закрыть глаза на появление подделок на рынке или даже заявить, что не помнит, когда делал ту или иную инсталляцию, — глядишь, и получится нажиться на этом.

Но Тролльхаттан оказался недосягаем. Он не вращался среди богемы, не выступал с красивыми речами на благотворительных мероприятиях. Знай себе дул стекло.

Разочарованный, готовый отказаться от своей затеи Куэйхи все же задержался на спутнике и осмотрел часть выставки. Его холодный, сугубо прагматический интерес к искусству Тролльхаттана быстро уступил место подлинному благоговению.

К тому времени, когда среди гостей появился Куэйхи, стеклодув уже соорудил в невесомости сложное растение с прозрачным зеленым стеблем и листвой, с многочисленными бледно-рубиновыми роговидными цветками. А теперь Тролльхаттан мастерил возле одного из цветков деликатную фигурку мерцающего голубого существа. Что это колибри, Куэйхи понял лишь после того, как Тролльхаттан выдул тончайший, плавно изогнутый клюв, и тут стало ясно: колибри. От цветка к клюву протянулась янтарная дуга толщиной в палец, и Куэйхи решил, что на этом все, птичка останется парить перед растением, ничем с ним не соединенная. Но тут изменился угол освещения, и стало ясно, что между кончиком клюва и рыльцем цветка протянута наитончайшая стеклянная нить, золотое волоконце, словно последний лучик планетного заката. И он догадался, что видит язык колибри, сделанный из стекла.

Наверняка скульптор рассчитывал на эффект, потому что остальные зрители заметили язычок птицы почти одновременно с Куэйхи. И хотя Тролльхаттан не мог не наблюдать реакцию публики, никакие чувства не отразились на его лице.

Вот тогда-то и разочаровался в стеклодуве Куэйхи. Тщеславие этой гениальной натуры, решил он, достойно лишь порицания, наигранная бесстрастность так же греховна, как и любое другое проявление гордыни. Однако увиденный только что фокус вызывал истинное восхищение. «Что ты испытываешь, — думал Куэйхи, — когда тебе удается хотя бы на миг озарить будничную жизнь сиянием чуда? Зрители, пришедшие полюбоваться искусством Тролльхаттана, живут в эпоху чудес и диковин. Но они, судя по всему, давно не видели ничего удивительнее и прекраснее, чем этот блеснувший язычок колибри».

По крайней мере, это было справедливо в отношении самого Куэйхи. Блеск стеклянной нити тронул его душу, когда он меньше всего этого ожидал.

Вот и сейчас он размышлял о язычке колибри.

Когда бы обстоятельства ни разлучали его с Морвенной, он непременно воображал связующую их тягучую нить горячего стекла, тоненький золотистый язычок птицы. По мере увеличения дистанции этот язычок терял в толщине и прочности. Но пока удавалось хранить в мыслях сей образ, Куэйхи считал, что любимая не потеряна, и одиночество не казалось ему полным. Он все еще чувствовал присутствие Морвенны, трепет ее дыхания доносила до него вибрирующая нить.

Однако теперь она истончилась до предела, и дыхания Морвенны он больше не осязал.

Куэйхи взглянул на хронометр: прошло еще полчаса. Воздуха осталось самое большее на тридцать-сорок минут.

Ему кажется или атмосфера на борту уже бедна кислородом, у нее появился вкус затхлости?

Хела, год 2727-й

Рашмика первая увидела караван. В полукилометре, частично скрытый низкими торосами, он продвигался по той же тропе, что и ледокат. Девушке, сидящей в быстрой машине Крозета, казалось, что караван еле ползет, но стоило подъехать поближе, как стало ясно, что это не так: машины были гораздо больше ледоката и только из-за своих габаритов казались тяжеловесными и неповоротливыми.

Колонна, растянувшаяся примерно на четверть километра, состояла из четырех десятков машин. Они шли двумя плотными колоннами, практически нос к корме. Их разделяло не более двух метров. Как успела заметить Рашмика, среди них не было двух похожих. Возможно, некоторые транспортные средства создавались однотипными, но потом их переделывали, надстраивали или, наоборот, обрезали, всячески уродовали по желанию хозяев. На крышах громоздились разнообразные дополнительные конструкции в окружении крепежных лесов. И где только можно, из баллончиков с краской были набрызганы символы религиозной принадлежности. Иногда значки выстраивались в сложные цепочки, сообщая о зыбких союзах между основными церквями. На крышах некоторых машин были установлены широкие плиты, все наклоненные под од-

ним и тем же углом посредством блестящих поршневых механизмов. Сотни выпускных клапанов стреляли паром.

Большинство машин передвигались на огромных, величиной с дом, колесах, по пять или шесть пар на каждую. Другие неторопливо прокручивали массивные гусеницы или переставляли членистые ноги. Две скользили на лыжах, как ледокат Крозета. Одна ползла на манер личинки древесницы, поочередно проталкивая вперед сегменты механического тела; Рашмика могла лишь догадываться о том, каким образом приводятся в движение части этой штуковины.

Несмотря на различия в конструкции, все машины ехали с одинаковой скоростью, имея возможность соблюдать ее настолько точно, что между ними были даже протянуты пешеходные мостки и крытые переходы. Эти конструкции скрипели и гнулись, так как дистанция между звеньями колонны менялась в пределах метра, но не рушились.

Крозет двинулся параллельно каравану, по «обочине» тропы, потом прибавил скорость, обгоняя машины. Хрустя льдом и камнями, огромные колеса вздымались над ледокатом. Рашмика с тревогой поглядывала на водителя, державшего джойстики управления. Что, если он на секунду отвлечется или рука дрогнет? Тогда эти колеса вмиг раздавят их.

Но Крозет выглядел совершенно спокойным, словно уже сотни раз проделывал этот трюк.

— Что ты ищешь? — спросила Рашмика.

— «Короля», административную машину, — тихо ответил Крозет. — Там ведется весь бизнес. Обычно «король» идет в голове колонны. Ох и большущий же караван! Давно такого не видел.

— Здорово, — проговорила Рашмика, любуясь исполинами, что двигались рядом с крохотным ледокатом.

— Это еще что! — ухмыльнулся Крозет. — Средней величины собор гораздо больше этого каравана. Соборы идут медленно, но никогда не останавливаются. То есть они могут остановиться, но это очень хлопотно. Не проще, чем ледник затормозить. Рядом с этакой громадиной даже меня мандраж пробивает. Пожалуй, я бы предпочел, чтобы они не двигались...

— Вот «король», — указала Линкси на проем в ближней колонне. — На той стороне, милый. Придется объехать.

— Твою мать!.. Вот этого я точно не люблю.

— Не рискуй, давай объедем сзади.

— Черта с два! — Крозет улыбнулся, показав дрянные зубы. — У меня что, яиц нету?

Крозет дал полный газ, и Рашмика ударилась о спинку сиденья. Ледокат прибавил скорости, обгоняя одну машину за другой. Рашмику не удивило, что караван едет тихо, — на Хеле все происходило без лишнего шума. Она не слышала движения, но осязала и шорох проминаемой дороги, и работу узлов машин; все это передавалось через лед, через полозья, через сложные подвески ледоката. Непрестанно хрустели колеса, словно нетерпеливо топал миллион обутых в ботинки ног, шлепали по льду плоские траки гусениц, со скрипом впивались в мерзлый грунт шипы механических ног. Им вторили глухие стоны членистой ползущей машины, и это сопровождалось десятками других, незнакомых Рашмике звуков. А фоном для всего, словно органная музыка, служил ровный гул многочисленных моторов.

Обогнав переднюю пару машин на две их длины, ледокат Крозета поехал впереди колонны. Лучи фар каравана били вперед, заливая ледокат слепящим голубым сиянием. Рашмика заметила, как за широкими окнами машин движутся фигурки; несколько человек стояли на передней машине, держась за поручни и глядя вниз. На скафандрах этих людей угадывались религиозные символы.

Караваны символизировали присутствие жизни на Хеле, и принципы управления этими организациями, мобильными агентами больших церквей, были известны Рашмике лишь в общих чертах. Как объяснил Крозет, подчиненные церквям соборы передвигаются медленно и стараются не покидать пределов Вечного Пути, экваториального пояса Хелы. Иногда соборы сворачивают с Пути на север или юг, но далеко не забираются.

Вездеходные караваны — другое дело, эти ездят, куда им заблагорассудится. Они развивают достаточную скорость, чтобы отъезжать от Пути на изрядные расстояния, но все же стараются сопровождать свои кружащие по Хеле соборы. В дороге они нередко разделяются и перестраиваются, и высылают небольшие экспедиции, и на какое-то время сливаются с другими караванами; так, в одной колонне могут двигаться пред-

ставители трех-четырех церквей, совершенно по-разному толкующих чудо Куэйхи. Но всем церквям в равной степени требуются рабочие руки и запасные части. Все церкви нуждаются в новобранцах.

Едва обогнав шедшую впереди машину, Крозет свернул на середину тропы. Начался подъем, и ледокат постепенно терял преимущество в скорости. А караван знай себе катил, будто не замечая уклона дороги.

— Осторожно, — попросила Линкси.

Крозет подвигал рукоятками управления, и ледокат повел кормой, а затем и носом; лыжи с глухим стуком утвердились в старых колеях. Уклон сделался еще круче, но это уже не имело значения — Крозету больше не требовалось держаться впереди каравана. С медлительной неуклонностью скользящей мимо корабля суши передние машины настигали ледокат.

— А вот и «король», — сообщил Крозет. — Похоже, они готовы иметь с нами дело.

Рашмика не поняла, о чем речь, но, когда первые машины приблизились, увидела на крышах пару фермовых кранов, спускающих тросы с раскачивающимися крюками. Два человека в скафандрах соскользнули по тросам, каждый остановился у своего крюка. Потом эти люди исчезли, и несколько секунд ничего не происходило. Наконец Рашмика услышала тяжелый топот по крыше ледоката. Лязгнул металл, и еще через миг ледокат будто по волшебству прекратил движение.

— Вот так всегда, — пояснил Крозет. — Чтобы эти сукины дети остановились — да ни за что. Не нравится — проваливай. Такие дела.

— Ну, по крайней мере, можно будет выйти отсюда и ноги размять, — сказала Линкси.

— Мы уже в караване? — спросила Рашмика. — Я имею в виду, официально?

— В караване, — ответил Крозет.

Рашмика вздохнула с облегчением — теперь им не страшна вигридская полиция. Погоня так и не появилась, хотя нельзя было исключать, что она отстает всего на пару поворотов.

Она не знала, что и думать о намерении полицейских арестовать ее. Можно понять волнение родителей и администрации поселка, обнаруживших ее исчезновение. В такой ситуации по радио сообщили бы о бегстве Рашмики, попросили бы

задержать ее при первой возможности и возвратить на Равнину Вигрид. А на самом деле все оказалось гораздо хуже: по неизвестной причине ее сочли причастной к диверсии на складе взрывчатки. Похоже, полиция решила, что она сбежала неспроста — боялась разоблачения. И пока нет явного подозреваемого, Рашмика подходит не хуже прочих.

Спасибо Линкси и Крозету, которые, скорее всего, не верят, что она способна на такое. Либо не верят, либо им безразлично. Единственное, чего ей следует опасаться, — это полицейских кордонов на пути к каравану.

И вот теперь ее волнения позади — по крайней мере, можно не бояться засады.

Чтобы поднять ледокат на борт машины из каравана, потребовалось не более минуты. Во время причальных операций Крозет почти ничего не говорил и, по мнению Рашмики, почти ничего не делал. Но вот внутрь ледоката ворвался воздух, у Рашмики слегка заложило уши. Потом она услышала, как кто-то поднялся на борт и уверенно двинулся к кабине.

— Показывают, кто здесь главный, — объяснил Крозет, хотя она и сама уже догадалась. — Ты, Рашмика, не бойся. Ребята любят поиграть мускулами, но без нашего брата землекопа им не обойтись.

— Я не боюсь, — буркнула Рашмика.

Человек ввалился в кабину так, словно вышел из нее минуту назад по какому-то пустяковому делу. У него была широкая жабья физиономия, кожистая перемычка между плоским носом и верхней губой неприятно поблескивала мокрым. На нем был длинный плащ из толстой пурпурной ткани, с широкими подбитыми обшлагами и воротом. На круто заломленном набок берете красовалась сложная виньетка, из-под головного убора выбивались рыжие кудри. На пальцах сверкали многочисленные вычурные перстни. В руке мужчина держал компад с мелькающими на экране колонками цифр; шрифт показался Рашмике древним. А на правом плече незнакомца угнездилась какая-то мудреная конструкция из ярко-зеленых трубок и шлангов. Оставалось лишь догадываться, украшение это или сложный медицинский аппарат.

— Мистер Крозет, — проговорил жаболицый вместо приветствия, — какая неожиданная встреча. Вот уж не думал в этот раз, что вы сумеете до нас добраться.

Крозет пожал плечами. Рашмика видела, что он изо всех сил старается выглядеть невозмутимым и безразличным — и сил на это уходит много.

— Умелым да смелым, квестор, трудности не страшны, — ответил он.

— Похоже на то. — Жаболицый взглянул на экран, шевеля губами так, будто высасывал сок из лимона. — Но в этот раз вы припозднились. Жаль разочаровывать, да только ваши предложения вряд ли нас заинтересуют.

— Вся моя жизнь — цепочка разочарований, квестор. Я уже привык.

— Что ж, неплохо, когда человек заранее готов к худшему. Каждому из нас следует знать свое место в этом мире.

— Уж я-то свое знаю, не сомневайтесь. — Крозет что-то повернул на панели управления, и гудение ледоката прекратилось. — Ну что, поговорим о делах? Должен признать, вы отшлифовали вступительную часть до блеска.

На уродливой физиономии появилась скупая улыбка.

— Гостеприимство обязывает. Крозет, не будь вы нам симпатичны, мы оставили бы вас на льду или просто переехали.

— Похоже, Бог милостив ко мне.

— Кто вы? — произнесла Рашмика, удивившись собственному вопросу.

— Это квестор... — начала было Линкси.

— Квестор Рутланд Джонс, — перебил жаболицый таким тоном, будто говорил со сцены. — Начальник вспомогательного снабжения, инспектор караванов и других мобильных отрядов, разъездной представитель церкви Первых Адвентистов. С кем имею удовольствие беседовать?

— Вы из первых адвентистов? — Рашмика решила, что ослышалась. У церкви Первых Адвентистов было много «дочек», в том числе крупных и влиятельных; при этом названия у них бывали настолько похожими, что впору перепутать. Но девушку интересовали именно первые адвентисты. — Это старейшая церковь? Та, что здесь с самого начала?

— Ну, если мой работодатель не слишком сильно ввел меня в заблуждение, то да. Но вы, кажется, не ответили на мой вопрос.

— Меня зовут Рашмика, — ответила она. — Рашмика Эльс.

— Эльс. — Мужчина задумчиво пожевал губами, будто пробуя слово на вкус. — Вполне распространенная фамилия в поселках Равнины Вигрид. Но встречать Эльсов так далеко к югу мне не доводилось.

— Одного наверняка встречали, — возразила Рашмика.

Конечно, она ткнула пальцем в небо — ее брат уехал с караваном первых адвентистов, но вовсе не обязательно с этим самым.

— Если бы встретил, запомнил бы его.

— Рашмика путешествует с нами, — сказала Линкси. — Она... умная девочка. Правильно я говорю, дорогая?

— А то! — буркнула Рашмика.

— Она подумывает пристроиться к какой-нибудь церкви. — Лизнув пальцы, Линкси пригладила волосы, прикрывающие родимое пятно.

Квестор опустил компад:

— Пристроиться?

— На какую-нибудь техническую должность, — пояснила Рашмика.

Мысленно она раз десять репетировала этот разговор и непременно добивалась успеха. Но сейчас все происходило слишком быстро, совсем не так, как она рассчитывала.

— Что ж, для толковой девушки у нас всегда найдется занятие. — Квестор порылся в нагрудном кармане. — Конечно, все зависит от ваших талантов.

— Нет у меня никаких талантов. — Рашмика придала слову оттенок непристойности. — Зато я умею читать и писать и программировать большинство моделей сервороботов. Неплохо изучила вертунов. У меня есть собственные мысли насчет причины их исчезновения. Наверняка в церквях я смогу все это применить с пользой.

— Она надеется попасть в археологическую группу, из тех, которые обеспечиваются церковью.

— В самом деле? — обратился квестор к девушке.

Рашмика кивнула. Насколько ей было известно, церковные археологические партии создавались не всерьез, а для сугубо фиктивной поддержки куэйхистской догмы в отношении вертунов. Но ведь нужно с чего-то начинать. Ее настоящая цель — найти Харбина, а не углубиться в науку. Вот только справиться с задачей наверняка будет легче, если начинать продвижение

с какой-нибудь серьезной службы, например археологической, а не с самых низов, например с бригады по расчистке Пути.

— Надеюсь, от меня будет прок, — сказала она.

— Начитаться научных статей — не значит постичь науку, — заметил квестор скорее назидательно, чем укоризненно.

Из нагрудного кармана он вынул щепотку семян. Зеленое суставчатое нечто на его плече зашевелилось и оказалось живым существом. Двигалось оно до смешного неуклюже. Ничего похожего Рашмика отродясь не видела — тварь больше смахивала на надувную игрушку, чем на представителя фауны. Девушка пригляделась и поняла, что навершие самой толстой трубки — турелеобразная голова с фасетчатыми глазами и сложным, механического вида ртом. Квестор сунул щепоть питомцу, выразительно поплямкал губами — ешь, мол. Существо потянулось к его руке и принялось осторожно клевать.

Девушка смотрела и диву давалась: туловище и лапы как у насекомого, но длинный хвост, несколько раз обвивший предплечье квестора, похоже, от рептилии. В том, как существо кормилось, было что-то определенно птичье. Она вспомнила когда-то увиденных птиц — хохлатых, блестящих, важных. Павлины. Нет, правда, где она могла видеть павлинов?

— Наверняка вы прочитали много книг, — сказал квестор, с улыбкой наблюдая за питомцем и искоса поглядывая на Рашмику. — Это похвально.

Девушка опасливо смотрела на неведомую зверушку.

— Квестор, я выросла на раскопках. С самого рождения дышу прахом вертунов.

— Ну, здесь это не столь уж редкое явление. И много ли окаменелых вертунов вам удалось изучить?

— Ни одного, — ответила Рашмика, поколебавшись.

— Понятно. — Квестор потеребил пальцем свою губу, потом дотронулся до рта зверька. — Все, Мята, хватит с тебя.

Крозет кашлянул:

— Квестор, может, продолжим разговор в караване? У нас куча дел, а ведь еще домой ехать.

Мята, сообразив, что добавки не будет, забралась по руке Квестора на прежнее место и принялась чистить мордочку похожими на ножницы лапками.

— Девочка на твоем попечении, Крозет? — спросил квестор.

— Да не сказал бы. — Крозет взглянул на Рашмику и спохватился: — То есть на моем, пока не добралась, куда ей нужно. И если ее кто-нибудь тронет, он будет иметь дело со мной. Ну а когда она устроится — все, с меня взятки гладки.

Квестор снова взглянул на Рашмику:

— И сколько же вам лет?

— Достаточно, — ответила она.

Зеленый зверек повернул к ней голову-турель с фасетчатыми глазами, похожими на ягоды ежевики.

Хела, год 2615-й

Куэйхи терял сознание и снова приходил в себя, и с каждым разом между этими состояниями оставалось все меньше разницы. Возникали галлюцинации, их сменяли другие — внушавшие, что предыдущие видения были явью. Время от времени он видел спасателей, спускающихся по каменистому склону; завидев его, те припускали бегом и ободряюще махали руками. Во второй или третий раз он хохотал при мысли, что реальные спасатели выглядят и ведут себя точно так же, как перед этим воображаемые. Кому расскажи, разве поверят? Но всякий раз между появлением вызволителей и началом транспортировки Куэйхи в безопасное место наступал момент, когда он снова оказывался один-одинешенек, и в груди пылала боль, и единственный зрячий глаз видел будто сквозь вуаль.

Иногда прилетала «Доминатрикс», плавно снижалась между крутыми склонами Рифта, аккуратно садилась невдалеке от Куэйхи на струях из тормозных дюз. В середине длинного корпуса отъезжала вбок дверь шлюза, и появлялась Морвенна. Стремительно мелькающие поршни несли ее к раненому пилоту, величественную и грозную, как устремившаяся в атаку армия. Освободив возлюбленного из обломков «Дочери мусорщика», Морвенна помогала ему идти по окутанному космической стужей, изрезанному светом и тенями ландшафту, и благодаря нелепой логике галлюцинирующего мозга спасаемый ничуть не нуждался в воздухе.

Иногда она выходила в резном скафандре, хотя Куэйхи знал, что оболочка заварена наглухо и нигде не может гнуться.

Постепенно бред подавил рациональное мышление. В редкие моменты просветления Куэйхи думал о том, что самой

милосердной галлюцинацией будет картина смерти — вместо этой бесконечной пытки надеждой на спасение.

Однажды Куэйхи увидел, как к нему по осыпи спускается Жасмина, а за ней ковыляет Гриль. На ходу королева вырвала себе глаза, и на лице пролегли кровавые полосы.

Галлюцинации сменяли друг друга, вирус набирал силу. Такого экстаза Куэйхи еще не испытывал, даже когда индоктринационные микроорганизмы впервые попали в его кровь. Музыка в голове сопровождала любую мысль, цветное сияние небесных витражей освещало все до одного атомы Вселенной. Пилот чувствовал обращенный на него пристальный и любящий взгляд. Эмоции больше не казались ложным фасадом — все было по-настоящему. До сих пор Куэйхи как будто видел отражения чего-то далекого, слышал приглушенное эхо прекрасной, щемящей сердце музыки. Неужели это результат воздействия вируса на мозг? Прежде ощущения бывали именно такими, похожими на серии механически вызванных реакций. Но теперь эмоции кажутся настоящими, его собственными — для фальши просто нет места в душе. Разница огромна, как между театральным громом и подлинной грозой.

Слабеющая рациональная часть сознания говорила Куэйхи, что все остается по-прежнему, что любые его переживания вызваны вирусом. Воздух покидает кабину, и мозг пилота страдает от нехватки кислорода. Стоит ли удивляться, что ощущения и эмоции изменились? А вирус многократно усиливает этот эффект.

Но еще через минуту эта рациональная часть испарилась.

И тогда Куэйхи ощутил присутствие Всевышнего.

— Ладно, — прошептал Куэйхи, прежде чем потерять сознание. — Я верю в Тебя. Я твой. Но мне по-прежнему нужно чудо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Хела, год 2615-й

Он очнулся. Он мог двигаться. Воздух вокруг был холодным, но свежим, в груди не болело.

«Значит, вот оно, — подумал он. — Наверное, это последняя галлюцинация и через миг в мозгу начнется лавинообразный

процесс гибели клеток. Пусть эта последняя галлюцинация будет приятной и пусть продлится, пока я не умру. Больше я не прошу ни о чем».

Но на этот раз ощущения были абсолютно реальными.

Куэйхи попытался оглядеться по сторонам: он по-прежнему находился в ловушке, на борту «Дочери мусорщика». Однако пейзаж за иллюминатором смещался: вихлял, подпрыгивал, полз рывками навстречу. Куэйхи понял, что его корабль тащат по осыпи ко дну ущелья. Он вытянул шею и здоровым глазом увидел мерное быстрое движение поршней, блеск членистых манипуляторов.

Морвенна.

Нет, это была не Морвенна. Это был серворобот из ремонтной группы «Доминатрикс». Паукообразный механизм присоединил к корпусу «Дочери мусорщика» липкие транспортировочные пластины и поволок ее по земле вместе с Куэйхи. Ну конечно, конечно, конечно: как иначе его отсюда вытащить?

Пилот подумал, что все это глупо. У него нет ни скафандра, ни шлюза. В сущности, кораблик и есть его скафандр. Почему это никогда не приходило Куэйхи в голову?

Сознание прояснилось, и он заметил, как серворобот что-то воткнул в разъемы питания «Дочери». Возможно, подает свежий воздух. «Дочь» объяснила ему, что нужно сделать, чтобы сохранить жизнь ее обитателю. Наверняка в воздухе повышено содержание кислорода, снимающего боль и волнение.

Куэйхи не мог поверить, что это происходит на самом деле. После длинной череды галлюцинаций — самая настоящая, зримая и осязаемая реальность, явственная вещность подлинных событий. До сих пор в его бреду сервороботы участия не принимали. Он ни разу не подумал о том, что перенести его в безопасное место можно только вместе с кораблем, и сделать это способны только роботы. Прежде, в видениях, его спасали всегда люди. Эта упущенная им подробность определенно доказывала реальность происходящего.

Куэйхи взглянул на консоль. Сколько времени он пробыл без сознания? Неужели удалось растянуть запас воздуха на пять часов? Прежде это казалось невозможным, но вот он, живой и все еще дышит. Наверное, помог индоктринационный вирус, погрузивший его сознание в чудесное состояние медитативного покоя, в котором кислород расходуется не так быстро.

Но ведь через три или четыре часа не должно было остаться не только кислорода, но и воздуха вообще. Если только корабль не ошибся в расчетах. Эта мысль разочаровывала после пережитого, но другого объяснения он не находил. Возможно, утечка была сильной вначале, но потом кораблю удалось запустить систему саморемонта и заделать пробоину, хотя бы частично.

Да, скорее всего, так и есть.

Но, судя по хронометру на пульте, с момента аварии прошло всего три часа. «Доминатрикс» должна находиться позади Халдоры, недосягаемая для связи. Ей там прятаться еще шестьдесят минут! Даже при максимальной тяге нужно время, чтобы долететь сюда. А максимальная тяга недопустима, потому что на борту находится не защищенный от перегрузки человек. Не ограничить ускорение в такой ситуации «Доминатрикс» не может.

Но корабль здесь, рядом, стоит на льду. И выглядит таким же реальным, как скалы и звезды.

Значит, ошибка в расчете времени, а утечку ликвидировали ремонтные системы. Никак иначе случившееся не объяснить.

Вообще-то, другое объяснение тоже напрашивалось, но оно выглядело сомнительным. Если часы верны, значит «Доминатрикс» каким-то образом получила сигнал бедствия, находясь за Халдорой. Мыслимое ли дело? Прежде Куэйхи был уверен, что это невозможно, но теперь доказательство — корабль стоит перед ним, и он готов рассматривать любые варианты. Быть может, какое-то возмущение в атмосфере послужило отражателем и благодаря этому сигнал обогнул Халдору? Не могла же целая планета на мгновение исчезнуть, пропустив сигнал на другую сторону? Вот это было бы настоящим чудом. Но разве не о чуде он молился?

Молился, однако на самом деле его не ждал.

У открытого шлюза в «спине» «Доминатрикс» их дожидался еще один серворобот. Машины принялись затаскивать «Дочь мусорщика» внутрь большего корабля. Наконец она несколько раз гулко стукнулась обо что-то и остановилась. Несмотря на полученные повреждения, корпус маленького корабля сохранил некоторое подобие формы, и это позволило ему войти в крепления. Куэйхи увидел, как внизу за «Дочерью мусорщика» закрылся шлюз.

Через минуту другой серворобот, на этот раз миниатюрный, принялся открывать «Дочь», чтобы достать оттуда пилота.

— Морвенна, — несмотря на проснувшуюся в груди боль, нашел в себе силы проговорить пилот, — я вернулся. Побитый, но живой.

Никто ему не ответил.

Арарат, год 2675-й

Капсула была готова к открытию. Перед ней сидел Клавэйн. Его пальцы были переплетены под подбородком, он кивал, словно молился или мысленно каялся в каком-то недавнем страшном грехе.

Он откинул с головы капюшон; седые волосы рассыпались по воротнику плаща и плечам. Вроде все тот же старик с гордой осанкой — но сейчас он не походил на того Клавэйна, которого знали окружающие. Скорпион не сомневался, что помощники, которым он уже позволил разойтись по домам, к женам и мужьям, подругам и любовникам, несмотря на полученный приказ, будут говорить о том, как в ночи им явился бледный призрак великого человека. Да, у него есть жутковатое сходство с Клавэйном, но как же сильно сказались на нем прожитые годы! Да разве могло такое случиться с их кумиром? Любой был бы рад услышать, что ошибся, что этот дряхлый старец вовсе не Клавэйн, что славный предводитель колонистов остался на другой стороне планеты.

Скорпион опустился на свободный стул рядом с сочленителем:

— Что-нибудь слышишь?

Клавэйн ответил не сразу.

— Как я уже сказал, в основном бортовые системы, — тихо проговорил он. — Капсула блокирует большинство нейронных сигналов, ловятся только обрывки, да иногда пробиваются разрозненные пакеты данных.

— Но ты все же уверен, что это Ремонтуар?

— Я уверен, что это не Скади. А если не она, то кто, кроме Ремонтуара?

— Думаю, наберется с десяток вариантов, — шепотом заметил Скорпион.

— Нет, это исключено. Внутри капсулы сочленитель.

— Может быть, дружок Скади?

— Нет. Ее друзья все из одного теста: сочленители нового поколения, быстрые, эффективные и холодные как лед. У них другое сознание.

— Я плохо понимаю тебя, Клавэйн.

— Ты, Скорпион, считаешь, что мы все одинаковые. Но это не так. Мы никогда не были одинаковыми. Каждый сочленитель, с чьим сознанием мне доводилось вступать в контакт, отличался от прочих. А мысленная связь с Ремонтуаром... — Клавэйн замялся, а когда нашлась верная аналогия, на его губах появилась улыбочка. — Это как прикосновение к механизму часов. Старых, но надежных и точных, вроде тех, что стоят на церквях: из железа, с шестернями и храповиками. Думаю, *он воспринимает меня как нечто более медленное и более механическое*... вроде мельницы, например. А разум Галианы...

Он замолчал.

— Не волнуйся, Невил.

— Я в порядке. Ее разум напоминал комнату, полную птиц. Прекрасных, умных певчих птиц. И все они пели... Это была не бессмысленная какофония и не слаженный хор. Они пели друг для друга, будто ткали блестящую, радужную музыкальную паутину. Переговаривались между собой трелями так быстро, что и не уследишь. А Фелка...

Он снова замолчал, но почти сразу же продолжил:

— Фелка была похожа на турбинный зал — ощущение огромной скорости и одновременно полной неподвижности. Она редко разрешала проникать в ее сознание. Наверное, считала, что я все равно ее не пойму.

— А Скади?

— Скади можно сравнить с механической скотобойней. Серебристые лезвия кружат и машут, режут и рубят, и горе тому глупцу, который посмеет слишком глубоко залезть в ее череп. Именно такое складывалось впечатление, когда она допускала меня к себе. Но это *могло не иметь ничего общего* с истинным состоянием ее разума. У нее не голова, а комната зеркал: ты видишь только то, что тебе позволяют увидеть.

Скорпион кивнул. Он имел дело со Скади, хотя это была единственная встреча и продлилась она несколько минут.

Вместе с Клавэйном он тогда проник на борт изувеченного, беспомощно дрейфующего в космосе корабля, после того как она попыталась при помощи опасной инопланетной техники превысить скорость света. В тот момент Скади была слаба, ее явно сбило с толку увиденное после аварии. И хотя Скорпион не мог читать чужие мысли, у него сложилось отчетливое ощущение, что Скади не та женщина, с которой можно играть в игры.

Сказать по правде, он был даже рад тому, что никогда не сможет заглянуть в ее череп. Но сейчас лучше подготовиться к худшему. Если в капсуле Скади, с нее станется исказить свое нейронное излучение и обмануть Клавэйна, внушить ложное чувство безопасности, а потом, улучив момент, проникнуть в его сознание.

— Если вдруг почувствуешь что-то необычное... — начал Скорпион.

— Это Рем.

— И ты совершенно в этом уверен?

— Я уверен, что это не Скади. Довольно с тебя?

— Как скажешь, приятель.

— Так-то лучше, — проворчал Клавэйн, — потому что... — Он прервался, озадаченно моргая. — Погоди. Что-то происходит...

— Хорошее или плохое?

— Еще минута, и мы узнаем.

На боках капсулы с тех самых пор, как ее вытащили из моря, горели дисплеи, но теперь вдруг их показания начали меняться, переключаясь с режима на режим. Пульсирующий алый круг мигал несколько раз в секунду, тогда как раньше — с периодичностью в десять секунд.

Скорпион следил за этими сполохами как загипнотизированный. Потом круг вообще прекратил мигать, уставился, точно горящий глаз. Красный сигнал сменился зеленым. Внутри продолговатого яйца приглушенно заклацало, и Скорпион вспомнил слова Клавэйна о старинных механических часах.

Еще через секунду в боку капсулы образовалась щель, настолько внезапно, что Скорпион аж подпрыгнул, хоть и был готов ко всему. Из расширяющегося отверстия пошел холод-

ный пар. Большой кусок обожженной металлической скорлупы отошел назад, мягко движимый шарнирным механизмом.

В ноздри свинье ударила смесь запахов: дезсредства, механическая смазка, охладители, человеческие миазмы.

Когда пар рассеялся, они увидели внутри яйца человека — женщину, свернувшуюся в позе зародыша. Она была покрыта слоем защитного зеленого геля, и вдобавок, как виноградные плети статую, ее оплело ажурное кружево жизнеобеспечения.

— Скади? — спросил Скорпион.

Женщина не была похожа на Скади, какой ее запомнил свинья, — начать с того, что у этой незнакомки голова правильной формы, — но он счел не лишним спросить.

— Нет, это не Скади, — ответил Клавэйн. — И не Ремонтуар.

Он встал и склонился над капсулой.

Включилась какая-то автоматическая система, принялись разворачиваться шланги и провода, из патрубков ударили мощные струи жидкости, смывая зеленый гель. Когда исчез механохимический защитный покров, оказалось, что кожа у нее цвета светлой карамели. Волосы на голове были острижены почти наголо. Маленькие груди угнездились в ложбинке между прижатыми к торсу бедрами.

— Позвольте ее осмотреть, — сказал Валенсин.

Скорпион остановил врача:

— Не торопитесь. Она выдержала невероятно долгий путь и осталась жива и здорова; наверняка еще несколько минут обойдется без вашей помощи.

— Скорп прав, — подал голос Клавэйн.

Женщина затряслась, и это было жутко — словно искусственное существо пародировало жизнь. Скрюченными жесткими пальцами она принялась сгребать гель и отбрасывать от себя. Движения учащались, как будто она пыталась залить пригоршнями воды огонь.

— Привет, — заговорил Клавэйн громче. — Не нужно волноваться. Ты в безопасности и среди друзей.

Кресло или ложе, в котором лежала женщина, поднялось из яйца на поршнях. Ажурный кокон к этому времени по большей части скрылся, но многие провода и шланги, подсоединенные к телу незнакомки, остались. Сложное дыхательное

устройство скрывало нижнюю часть ее лица, придавая профилю сходство с обезьяньим.

— Кто-нибудь знает эту женщину? — спросил Васко.

Ложе медленно распрямлялось, позу зародыша сменяла нормальная для человека. Механизм неприятно пощелкивал сочленениями и поскрипывал тягами. Женщина под маской застонала и принялась выдергивать провода и трубки, погруженные в тело или прикрепленные к нему с помощью липучек.

— Я знаю, — тихо проговорил Клавэйн. — Ее зовут Ана Хоури. Она была помощницей Илиа Вольевой, артиллериста на «Ностальгии по бесконечности», прежде чем корабль попал к нам в руки.

— Бывший солдат, — продолжил Скорпион, вспомнив несколько своих встреч с этой женщиной и то, что удалось узнать о ее прошлом. — Да, ты не обознался. Но как же она изменилась с тех пор!

— Еще бы. Лет на двадцать постарела, если не больше. А кроме того, стала сочленителем.

— Вы хотите сказать, что раньше она сочленителем не была? — спросил Васко.

— Когда мы познакомились — нет, — ответил Клавэйн.

Скорпион взглянул на старика:

— Уверен, что теперь она сочленитель?

— Я же улавливаю ее мысли. Я же определил, что это не Скади и не человек из команды Скади. Да, признаю ошибку: я принял ее за Ремонтуара.

Валенсин опять попытался пробраться вперед:

— Я готов помочь ей, если теперь вы не против.

— Она сама о себе позаботится, — ответил Скорпион.

Хоури уже сидела, почти в нормальном положении — как посетитель в ожидании приема. Но в этой удобной позе она оставалась всего несколько секунд. Потом сорвала с лица маску, заодно вытянув из горла сантиметров пятнадцать покрытого легочной слизью пластмассового шланга. Освободившись от медицинского прибора, Хоури несколько раз хрипло и резко вздохнула, словно кто-то сильно и неожиданно ударил ее в живот. Потом зашлась в раздирающем кашле, и лишь после этого дыхание нормализовалось.

— Скорпион... — опять заговорил Валенсин.

— Доктор, я не бил людей уже лет двадцать. Прошу вас, не заставляйте меня вспоминать прошлое. Сядьте.

— Не стоит ему перечить, — посоветовал Валенсину Клавэйн.

Хоури повернулась к ним. Подняв руку, заслонила налитые кровью моргающие глаза.

Потом встала, не отводя взгляда. Скорпион следил за ней с вежливым безразличием. Некоторые свиньи возбуждались при виде обнаженных женщин-людей, как и некоторым людям нравились женщины-свиньи. И хотя разница в физиологии женщины-человека и женщины-свиньи была невелика, для Скорпиона ее было достаточно.

Держась одной рукой за край капсулы, Хоури утвердилась на ногах. Она стояла, прижав колено к колену, словно боялась упасть в любой момент. Ее глаза уже привыкли к свету, хотя все еще щурились.

Наконец она заговорила, и голос звучал хрипло, но решительно:

— Где я?

— На Арарате, — ответил Клавэйн.

— Где. — Это было лишено вопросительной интонации.

— Просто на Арарате, пока этого хватит.

— В вашем главном поселении, надо полагать.

— Повторяю...

— Давно я здесь?

— Сложно сказать, — ответил Клавэйн. — С тех пор как мы поймали сигнал твоего маячка, прошла пара дней. Сколько ты болталась в море, никто не знает. И сколько летела до планеты — тоже.

— Пара дней? — Она смотрела так, словно Клавэйн говорил о неделях и месяцах. — Почему так долго?

— Твое счастье, что мы нашли тебя быстро, — вступил в разговор Кровь. — А система пробуждения работала по своему графику.

— Два дня... Где Клавэйн? Я хочу его видеть. И не говорите, что дали ему умереть, пока я сюда добиралась.

— Об этом не беспокойся, — ухмыльнулся Клавэйн. — Как видишь, я еще более-менее жив.

Хоури взглянула на него с насмешливым выражением, будто сочла услышанное за неуклюжую попытку розыгрыша:

— Это вы?

— Да. — Клавэйн протянул руку. — Извини, если разочаровал.

Женщина смотрела на него еще несколько секунд, потом сказала:

— Вы меня извините. Просто... *я ожидала другого.*

— Надеюсь, что все же смогу быть полезным. — Клавэйн повернулся к Крови. — Дай ей одеяло, пожалуйста. Мы ведь не хотим, чтобы она умерла от простуды. А теперь, мне кажется, не будет лишним, если доктор Валенсин проведет полный медосмотр.

— Не до осмотров, — прохрипела Хоури, срывая последние липучки. — Мне нужно в океан. И какое-нибудь оружие. — Помолчав, она добавила: — А еще, конечно, еда и вода. Одежда тоже не помешает.

— Мне кажется, ты торопишься, — сказал Клавэйн. — Разве это не может подождать до утра? Вообще-то, мы ждали двадцать три года, и нам есть о чем поговорить.

— Вы ни черта не знаете, — сказала Ана.

Кровь принес одеяло и вручил Клавэйну; тот шагнул к Хоури. С равнодушным видом она укуталась.

— Есть у нас и лодки, и оружие, — сказал Клавэйн. — Но вряд ли будет лишним, если ты хотя бы в общих чертах объяснишь, зачем все это тебе понадобилось прямо сейчас.

— Моя дочь, — ответила Хоури.

Клавэйн вежливо кивнул:

— Твоя дочь.

— Мою дочь зовут Аура. Она здесь... Как, ты сказал, называется это место?

— Арарат, — ответил Клавэйн.

— Угу. Она здесь, на Арарате. И я прилетела спасти ее.

Клавэйн оглянулся на своих товарищей:

— И где же конкретно находится твоя дочь?

— Примерно в восьмистах километрах отсюда, — ответила Хоури. — А теперь дайте все, что я прошу. И еще инкубатор. И того, кто смыслит в полевой хирургии.

— *При чем тут полевая хирургия?* — удивился Клавэйн.

— А притом, — ответила Хоури, — что мою дочь сначала нужно будет извлечь из Скади.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Хела, год 2727-й

Рашмика подняла голову и взглянула на окаменелые останки вертуна. Символ кичливой роскоши, он был подвешен к потолку в большом кузове одной из машин каравана. Возможно, фоссилия собрана из частей разных тел, но, даже если это сплошь имитация, все равно интересно, ведь девушка никогда прежде не видела вертуна целиком.

Она огляделась по сторонам — хотелось забраться повыше и рассмотреть останки вблизи, вплоть до потертостей в местах соприкосновений пластин рогового покрова. Раньше она лишь читала о таких вещах, а сейчас была уверена, что за час сумеет разобраться, настоящий вертун перед ней или нет. По крайней мере, исключит возможность дешевой подделки.

Отчего-то она была уверена, что эта штуковина недешевая и, скорее всего, настоящая.

Мысленно она провела морфологическую классификацию тела вертуна. DK4V8M, подумала она. Или же DK8V4L — нелегко разобраться, когда так играют пыль и тени на покрове длинного хвоста. По крайней мере, тут возможно применение обычной морфологической классификационной схемы. В дешевых подделках части тела обычно состыкованы неправильно, но здесь они явно на своих местах, пусть даже не все взяты из одного захоронения.

Вертуны были настоящим кошмаром классификаторов. Когда добыли первого, казалось, нет ничего проще, чем сложить имеющиеся фрагменты и получить существо, напоминающее большое насекомое или омара. Нельзя было не заметить логичность в предназначении частей тела, и, несмотря на обилие узкоспециализированных конечностей и органов чувств, не составляло труда собрать из них более или менее понятную комбинацию. При этом загадкой оставались только внутренние органы.

Но второй вертун кое-чем отличался от первого. Другое число конечностей, голова и рот — иного типа. И все же опять все части тела без проблем соединились друг с другом, для каждой легко нашлось место.

Третий не был похож на первых двух. То же самое относится к четвертому и пятому.

Когда же были выкопаны и изучены останки сотни вертунов, у исследователей на руках оказалось сто различных вариантов строения тела.

Теоретики взялись искать объяснение. Одна из версий гласила, что вертуны отличались при рождении. Но две одновременные находки разбили это предположение в пух и прах. Во-первых, нашли несколько тел вертунов-младенцев, почти в полной комплектности. Некоторые немного различались между собой, но были и совершенно одинаковые. Основываясь на статистике совпадений, теоретики заявили, что должны быть обнаружены по меньшей мере три одинаковых тела взрослых вертунов.

Второй находкой — которая случайно объяснила первую — стали два взрослых вертуна в одном захоронении. Они лежали в разных, но соединенных системой тоннелей пещерах. Все части их тел были на месте, и, конечно же, после сборки археологи получили два новых варианта морфологии. Однако в процессе изучения вскрылось нечто неожиданное. Молодой археолог по фамилии Кимура решила рассмотреть царапины, оставленные трением различных частей панциря друг о друга. Оказалось, что не совпадают даже царапины: они могут быть на одной пластине и отсутствовать на соседней.

Поначалу Кимура допускала мистификацию: кто-то копался в останках, потому что цена на них была высока и уже возник небольшой рынок для коллекционеров. Все же она решила разобраться. Несколько недель ломала голову над загадкой, убежденная, что правда лежит на поверхности, надо только увидеть ее. И вот как-то вечером, после долгого корпения над микроскопом, усталая до предела, она легла спать. Сон был беспокойным, ее лихорадило, а пробудившись, она бросилась в лабораторию и проверила то, что не давало ей покоя ночью.

Для каждой царапины находилась пара — но только если брать фрагменты разных вертунов. Эти существа обменивались друг с другом частями тел. Вот почему не было двух похожих организмов. Они могли разбирать себя на «детали» — и обмениваться ими, то ли в обрядовой церемонии, то ли в акте со-

вокупления. После чего расползались по норкам, чтобы прийти в себя и восстановиться.

По мере того как археологи находили все больше останков, стало понятно, что число вариантов строения тела стремится к бесконечности. Обмен фрагментами имел практическое значение: он позволял вертунам приспосабливаться к меняющимся условиям обитания и деятельности. Но присутствовала и эстетическая составляющая: желание быть уникальным, непохожим на других. Вертуны, которым удавалось максимально модифицировать себя, уйти от изначальной конституции, предположительно считались наиболее успешными в социальном плане, поскольку прошли через большое число обменов. Противоположным полюсом были схожие пары вертунов, — по мнению Кимуры и ее коллег, по меньшей мере один из такой пары был неудачником, которому не удалось найти партнера для обмена.

Между исследователями вспыхнул горячий спор. Большинство настаивало на том, что такая способность не могла развиться естественным путем; только успехи в биоинженерии позволили вертунам изменить свое тело так, чтобы различные его части могли переходить от одной особи к другой и приживаться, причем без микрохирургии и иммунодепрессантов.

Меньшинство же стояло на том, что обмен частями бытовал не только в конце эпохи вертунов, напротив, он глубоко укоренен в их истории. По мнению этих исследователей, миллионы лет назад вертуны развивались в крайне враждебных для жизни условиях — в эволюционном аналоге переполненного садка с омарами. Выживание не сводилось к способности вырастить новую лапу или клешню — надо было присоединить к телу нужный орган в нужном месте, прежде чем он будет сожран. В свою очередь органы тоже эволюционировали, чтобы существовать даже будучи оторванными.

По мере того как ужесточались требования к выживанию, вертуны выработали еще и способность к взаимообмену, то есть научились приживлять и адаптировать не только свои конечности, но и конечности сородичей.

Возможно, даже сами вертуны уже не помнили, когда и по какой причине возник обряд обмена. В нескольких символьных текстах, найденных на Хеле, естественно, упоминания об

этом обычае отсутствовали. О том, что накрепко вросло в быт, без необходимости не говорят и не пишут.

Разглядывая это фантастическое существо, Рашмика размышляла о том, что подумали бы вертуны о людях. Возможно, сочли бы их диковинными зверушками, а морфологическое постоянство — безумной и самоубийственной причудой.

Рашмика опустилась на колени и пристроила перед собой фамильный компад. Открыв устройство, достала из гнезда на его боку стилос. Сидеть неудобно, но и работы на несколько минут.

Движения ее руки, водившей стилосом по экрану компада, были быстрыми и уверенными. Вскоре на экране появилось довольно точное изображение инопланетного существа.

В отношении каравана Линкси оказалась права: не важно, сколь холоден был прием, зато впервые за трое суток они смогли выбраться из ледоката.

Рашмика поразилась тому, как это повлияло на ее настроение. Не то чтобы исчезла боязнь попасть в руки к полиции Равнины Вигрид, хотя вопрос, почему эта полиция хочет до нее добраться, по-прежнему не давал покоя. Внутри каравана воздух был свежее, там дули интересные ветерки и витали разнообразные запахи, — куда приятнее всего того, что ей довелось испытать на борту ледоката, где едва хватало места, чтобы вытянуть ноги. Здесь же было достаточно простора и света; проходы широки, потолки высоки, комнаты удобны. И все содержалось в идеальном порядке, да и обхождение по сравнению с первоначальным приемом не оставляло желать лучшего. Можно было попить и поесть, и одежду постирать, и самой вполне сносно вымыться. Были даже развлечения, хотя Рашмика к такому не привыкла. А еще ее окружало множество людей, которых она раньше никогда не видела.

Присмотревшись, она поняла, что ошибалась в своем первоначальном суждении об отношениях Крозета и квестора. Хотя между ними не наблюдалось большой любви, было ясно, что обе стороны всегда считали друг друга полезными. За грубоватыми шутками пряталось холодное обоюдное уважение. Квестор жаждал свежей информации и не сомневался, что у Крозета имеется запас ценных новостей. Гость же нуждался в запасных частях и других ходких товарах.

Рашмика сначала просилась на переговоры только из интереса, но вскоре поняла, что может быть полезна Крозету. Она садилась у дальнего края стола, вооружившись только ручкой и листом бумаги: на компад или подобное ему устройство можно поставить хитрые программы вроде анализатора голосовых колебаний.

Рашмика делала записи о предметах, которые Крозет выставлял на продажу, а ее зарисовки получались по обыкновению точными. Интерес девушки к вертунам был неподдельным, но это была не единственная причина ее присутствия на переговорах.

В первый раз на встречу явились двое покупателей. Потом их бывало и трое, и даже четверо; временами присутствовал сам квестор или кто-нибудь из его заместителей. Переговоры всегда начинались одинаково: покупатели спрашивали, что Крозет может им предложить.

— Нам не интересны реликвии вертунов, — прозвучало в ходе первой встречи. — Что нам нужно, так это артефакты несомненно человеческого происхождения. Вещи, оставленные на Хеле в течение последней пары веков, а не миллионолетнее старье. Сейчас эвакуируются богатые звездные системы, рынок инопланетного хлама в упадке. Кто захочет пополнять коллекцию, когда надо поскорее распродать имущество только для того, чтобы купить себе морозильную ячейку?

— О каких артефактах идет речь?

— О полезных. Времена настали мрачные, люди больше не интересуются предметами искусства и другими безделушками, им подавай то, что реально приносит удачу. Лучше всего идет оружие и системы жизнеобеспечения — такие вещи дадут преимущество, когда придет время драться за последнее. Контрабандное оружие сочленителей, демархистская броня. Все, что неуязвимо для чумы. Это можно сбыть легко и дорого.

— Как правило, я не торгую оружием, — сказал Крозет.

— Рынок меняется, пора и правила менять, — с кривой усмешкой ответил один из собеседников.

— А приличествует ли такой бизнес церквям? Не кажется ли вам, что это не вполне соответствует Писанию?

— Людям нужно защищаться, разве можно им в этом отказать?

Крозет пожал плечами:

— Что ж, у меня нет ни оружия, ни боеприпасов, ни брони. Поищите копателей, которые охотятся на предметы военного предназначения.

— Может, у тебя есть что-нибудь другое?

— Не слишком много.

Крозет приподнялся, словно хотел уйти. Он так делал на каждых вторых переговорах.

— Поеду-ка я, пожалуй. Не вижу смысла тратить ваше и мое время.

— У тебя точно ничего нет?

— Ничего, что могло бы вас заинтересовать. Конечно, есть артефакты вертунов, но вы же говорите... — Крозет в точности спародировал презрительный тон покупателей, — рынок инопланетного хлама в упадке.

Покупатели вздохнули и переглянулись; квестор наклонился к ним и что-то шепнул.

— Ну, раз ты тут, покажи, что привез, — неохотно проговорил один из покупателей. — Хотя вряд ли мы решим это купить.

Крозет знал, что необходимо соблюдать правила игры, какой бы дурацкой она ни казалась. Он достал из-под стула нечто похожее на маленькое мумифицированное животное, обернутое защитной пленкой.

Покупатели скривились от отвращения.

Крозет с непроницаемым лицом положил предмет на стол и с мучительной медлительностью, слой за слоем, развернул пленку. Попутно он рассказывал удивительную историю этой находки, переплетая вымысел с обрывками фактов, разжигая интерес клиентов.

— Да не томи ты, Крозет, показывай!

— Должен же я объяснить, что это такое.

Наконец пленка была снята полностью. Крозет расправил ее на столе, демонстрируя добытый из раскопа предмет.

Рашмике он не был в диковинку, поскольку входил в число вещей, которыми она заплатила за проезд до каравана.

Смотреть было особенно не на что. Рашмика на своем веку успела повидать тысячи предметов, найденных в копях Равнины Вигрид. Иной артефакт ей даже разрешали подержать в руках, а то и изучить как следует, прежде чем он переходил в руки

какого-нибудь торгового семейства. И до сих пор у нее ни разу не спирало дыхание от восторга.

Бóльшая часть находок была искусственного происхождения, преобладали грубая необливная керамика и тусклые металлы. Редко удавалось найти следы украшений на поверхности — ни росписи, ни покрытия драгметаллами, ни резьбы. Примерно на одной находке из тысячи присутствовали строки символов, и некоторые исследователи утверждали, что понимают их значение. В основном же артефакты вертунов были невзрачными, серыми, грубой формы. Они напоминали остатки утвари человеческого бронзового века, но нисколько не походили на блестящие образчики продукции космических цивилизаций. Ничего похожего на высокие технологии так и не развилось в системе 107-й Рыб.

И тем не менее в последние века появился рынок и таких предметов. Отчасти по той причине, что ни одна исчезнувшая инопланетная цивилизация — амарантийцы, например, — не оставила после себя никакой бытовой утвари. Все эти культуры были уничтожены с величайшей тщательностью, и те бесценные предметы, что все-таки удалось найти, перешли в распоряжение богатых и крупных научных организаций вроде Института Силвеста. И только вертуны оставили достаточно артефактов, чтобы можно было пополнять ими частные коллекции любителей инопланетных культур.

То, что артефакты сплошь мелкие и невзрачные, никого не смущало. Древность и бесспорное инопланетное происхождение — вот что играло роль. А еще отпечаток великой трагедии, насильственной смерти целого космического народа.

До сих пор не удалось найти двух одинаковых артефактов. Все пожитки вертунов олицетворяли собой ту же кошмарную неповторимость, что и хозяева. Дичайшая анатомическая мозаика распространялась и на материальное окружение этих существ. У вертунов было массовое производство, но каждый выпускаемый предмет на конечном этапе проходил специальную обработку, которая обеспечивала ему уникальность.

Продажу артефактов внешним мирам полностью контролировали церкви, причем клерикалы вовсе не поощряли исследователей, пытавшихся разгадать тайну происхождения вертунов и выяснить, какое отношение к чуду Куэйхи они имеют. Церкви много внимания уделяли раскопкам, чтобы всегда

иметь изрядный запас товара для посещавших систему торговых кораблей ультра. Однако всегда тлело опасение, что очередная археологическая находка сорвет покров тайны с куэйхистской доктрины.

На сегодняшний день практически все церкви рассматривали исчезновения Халдоры как Божьи знамения, как последний отсчет перед завершающим апокалиптическим событием. Но что, если вертуны тоже видели эти пропажи? Их символьное письмо и в лучшие времена плохо поддавалось расшифровке; до сих пор не выявлено хотя бы отдаленного отношения добытых предметов к феномену Халдоры. Но льды Хелы сохранили огромное количество артефактов, и львиная доля их до сих пор не была толком изучена. Субсидируемые церквями археологи осуществляли только поверхностный осмотр непрестанно поступающих реликвий, и эти так называемые ученые, а на самом деле марионетки церквей, не стали бы поднимать шум, попадись им свидетельство, противоречащее религии Куэйхи. Именно по этой причине редкие ответы на письма Рашмики были столь уклончивы. Она хотела аргументированных дискуссий, в которых могла бы обрушить сложившуюся парадигму изучения вертунов. Археологи же хотели от Рашмики избавиться.

По этой же причине покупатели из каравана с неодобрением слушали Крозета, который с жаром расхваливал свой товар.

— Это скребок для панциря, — объяснял он, переворачивая серый, будто из кости вырезанный клиновидный предмет. — Вертуны вычищали им омертвевшую органику из щелей между пластинами. Мы полагаем, вертуны занимались этим не в одиночестве, а на миру — вроде того, как обезьяны ищут друг у дружки блох. Возможно, это давало расслабляющий эффект.

— Грязные скоты...

— Ты про обезьян или про вертунов?

— И про тех, и про других.

— Спокойно, приятель. Вертуны помогают вам заработать на хлеб с маслом.

— За это, Крозет, мы можем дать тебе только пятьдесят экуменических кредитов. И никак не больше.

— Пятьдесят экю? Да вы издеваетесь.

— Сей гнусный предмет служил гнусным целям. Пятьдесят экю за него... даже слишком высокая цена.

Крозет покосился на Рашмику. Она уже приготовилась, и даже мимолетного взгляда оказалось достаточно. Заранее оговоренная система знаков была очень проста: если покупатель действительно не может или не собирается платить больше, она переместит лист бумаги поближе к середине стола. А коли это блеф и стоит поторговаться, она придвинет бумагу к себе. Не получилось разгадать реакцию покупателя — значит к бумаге девушка не притронется. Впрочем, такое случалось нечасто.

Крозет относился к ее мнению очень серьезно. Если повышать цену не имело смысла, он не тратил сил и соглашался. Но когда клиенты хитрили и жадничали, он не давал им спуску.

На этих первых торговых переговорах клиенты пытались его обмануть. После довольно продолжительного и жаркого спора с взаимными упреками и уступками стороны наконец пришли к соглашению.

— А ты своего не упустишь, — мрачно сказал покупатель, выписывая Крозету чек на семьдесят экю, которые имели хождение только на территории каравана.

Аккуратно сложив чек, Крозет убрал его в карман рубашки:

— Приятно иметь с вами дело, парни.

У него был еще один панцирный скребок, а кроме того, несколько артефактов самого загадочного свойства. Каждый раз Крозет являлся на торг с новым товаром, который помогала нести Линкси или Кулвер. Но все это были предметы домашнего обихода. Оружие вертунов попадалось редко, и оно, похоже, имело только церемониальное назначение, зато и стоило дорого. Как-то раз Крозет продал каравану нечто похожее на стульчак от унитаза, и выручить тогда удалось тридцать пять экю. Этого хватило только на новый сервомотор.

Рашмика старалась не слишком сочувствовать Крозету. Если он хочет заполучить находки поинтереснее, за которые отваливают трехзначные или четырехзначные суммы, ему следует изменить свое отношение к Равнине Вигрид. А раз плохо умеет ладить с людьми, пусть довольствуется остатками.

Торговля продолжалась два дня. На третий день покупатели вдруг потребовали, чтобы Крозет пришел с товаром один. Неужели разгадали уловку? Насколько было известно Рашмике, не существовало закона, запрещающего помощь экспертов,

способных оценить, врет человек или нет. Может быть, она просто не понравилась помощникам квестора, ведь и раньше многие чувствовали себя неуютно в ее присутствии.

Но ей было все равно. Она помогла Крозету заработать побольше, ее плата за проезд несколько превысила сумму, которую он выручил за полученный от пассажирки артефакт вертунов. Да и как не отблагодарить? Ведь ее ищет полиция, а значит, он сильно рискует.

В общем, ее совесть чиста.

Арарат, год 2675-й

Попытка перевести Хоури из помещения, где находилась капсула, в подготовленный лазарет встретила жесткий отказ.

— Никаких осмотров, — сказала Ана. — Все, что мне нужно, — это лодка, какое-нибудь оружие, инкубатор и кто-нибудь умеющий обращаться с ножом.

— С ножом умею обращаться я, — сказал Клавэйн.

— Прошу отнестись к моим словам серьезно. Вы же доверяли Илиа?

— У нас было соглашение. Доверие ни при чем.

— Но вы прислушивались к ее словам?

— Пожалуй.

— Она доверяла мне. Этого недостаточно? Клавэйн, я не прошу слишком многого. Не требую отдать мне этот мир.

— Я обдумаю твою просьбу попозже, — ответил он. — Но только после того, как тебя осмотрит врач.

— У меня нет времени, — возразила Хоури, но по голосу было понятно, что ей надоело спорить.

В лазарете их ждал доктор Валенсин и два медицинских серворобота со склада центральной хозяйственной службы — с лебедиными шеями, стандартного для медтехники тускло-зеленого цвета, передвигающихся с шипением на воздушных подушках. Из их стройных, похожих на шахматные фигуры тел выдвигались многочисленные специализированные манипуляторы. Врачу приходилось присматривать за этими устаревшими, изношенными механизмами — предоставленные сами себе, они имели дрянную привычку глючить и переключаться в режим аутопсии.

— Не люблю роботов, — буркнула Хоури, с заметной тревогой глядя на приближающиеся аппараты.

— По крайней мере, в этом наши вкусы совпадают. — Клавэйн, повернувшись к Скорпиону, понизил голос: — Как только доктор Валенсин предоставит нам результат осмотра, нужно будет переговорить с остальным руководством. Думаю, прежде чем куда-то плыть, ей нужно отдохнуть. А пока никому ни слова.

— Думаешь, она не лжет? — спросил Скорпион. — Про своего ребенка и Скади?

Клавэйн смотрел, как Валенсин помогает пациентке улечься на смотровую кушетку.

— У меня ужасное предчувствие, что она говорит правду.

После медицинского осмотра Хоури уснула мертвым сном. Она проснулась только раз, перед рассветом, позвала одного из ассистентов Валенсина и снова потребовала помощи в спасении своей дочери. Медик вколол еще одну дозу успокоительного, и Хоури проспала три или четыре часа. Время от времени она вздрагивала, двигала руками и возбужденно бормотала, но разобрать слов было невозможно. Только поздним утром она наконец полностью пришла в себя.

К тому времени, как доктор Валенсин решил, что Хоури готова принимать посетителей, над лагерем разразилась буря. Небо стало темно-сизым, с мраморными прожилками перистых облаков. «Ностальгия по бесконечности» тускло-серо поблескивала в море, недавно высеченная из гранитной скалы.

Клавэйн и Скорпион расположились по сторонам койки. Отличие состояло в том, что свинья сидел, положив руки на спинку стула перед собой.

— Я прочитал результаты обследования, — начал Скорпион. — Мы надеялись, что доктор успокоит нас, диагностировав психическое расстройство. К сожалению, ты не сумасшедшая. — Свинья потер переносицу. — И теперь у меня здорово болит голова.

Хоури села в кровати:

— Извините, если доставляю неудобства, но нельзя ли покончить с формальностями и заняться спасением моей дочери?

— Мы обсудим это, когда тебе разрешат подняться, — ответил Клавэйн.

— А почему не сейчас?

— Сначала мы должны понять, что происходит. Кроме того, нужно проработать тактические сценарии для всех вероятных ситуаций, связанных с твоей дочерью и Скади. Можно ли рассматривать это как захват заложницы? — спросил Клавэйн.

— Да, — скрипнув зубами, ответила Хоури.

— В этом случае, пока мы не получили от Скади конкретных требований, непосредственная опасность Ауре не угрожает. Скади не причинит вреда своему единственному козырю. Она бездушна и цинична, но не безумна.

Скорпион осторожно поглядел на старика. Клавэйн рассуждал четко и быстро, как обычно, хотя после возвращения с острова сочленитель проспал всего два часа. Скорпион уже был знаком с этим свойством стареющих людей; оно часто раздражало более молодых, усматривающих в нем какой-то подвох. Причина крылась не в том, что у стариков больше сил и энергии, просто их бодрствование и сон с годами все заметнее походят друг на друга и сменяются почти непроизвольно, по прихоти организма. Скорпион попытался представить себе эти бесконечные серые сумерки жизни, сменившие четкое и контрастное чередование дней и ночей.

— Сколько еще мы будем болтать, прежде чем вы решитесь действовать? — спросила Хоури. — Часы? Дни?

— В полдень у нас намечена встреча с руководством колонии, — сообщил Клавэйн. — Если все пройдет гладко, спасательная операция начнется, возможно, еще до заката.

— Вы можете поверить мне на слово, что времени для рассуждений нет вообще?

Клавэйн почесал в бороде:

— Будь твой рассказ чуточку понятней, может, я и поверил бы.

— Я не вру. — Хоури махнула рукой в сторону одного из сервороботов. — Врач сообщил вам, что я полностью здорова?

Скорпион улыбнулся, похлопав отчетом Валенсина по спинке стула:

— Он написал, что галлюцинациями ты, скорее всего, не страдаешь, но осмотр поставил гораздо больше вопросов, чем дал ответов.

— Ты говорила о своем ребенке, — сказал Клавэйн, прежде чем Хоури успела открыть рот, — но Валенсин написал, что ты не рожала. Нет также никаких следов кесарева сечения.

— Разве ты не знаешь, на что способна медицина сочленителей? Так зашьют, что малейшего шрамика не останется. — Хоури по очереди поглядела на Скорпиона и Клавэйна, в ее глазах было поровну злости и страха. — Вы хотите сказать, что не верите мне?

Клавэйн отрицательно покачал головой:

— Я всего лишь хочу сказать, что мы не смогли проверить твою историю. Валенсин выяснил, что у тебя в матке есть следы растяжения, свидетельствующие о том, что ты недавно была беременна, и остаточные гормональные изменения в крови подтверждают это. Но Валенсин считает, что этому могут быть и другие объяснения.

— Но он ведь не опроверг мои слова.

— Чтобы перейти к боевым действиям, нам нужны более веские доказательства, — ответил Клавэйн.

— Я снова спрашиваю: почему вы не можете просто поверить мне?

— Потому что не все сходится не только в твоем рассказе про ребенка. Как ты оказалась здесь, Ана? Где корабль, доставивший тебя? Не могла же ты добраться из системы Ресургема в этой капсуле. А мы не заметили, чтобы хоть одно судно входило в нашу систему.

— И поэтому считаете, что я лгу?

— Поэтому мы считаем, что надо разобраться, кто ты на самом деле.

— Корабли здесь, — со вздохом сказала Хоури, словно раньше времени преподнося заготовленный сюрприз. — Сосредоточены в соседнем объеме пространства. Ремонтуар, «Свет Зодиака», два оставшихся звездолета из войск Скади — они все в одной астрономической единице от Арарата, прибыли девять недель назад. Вот ответ, как я тут оказалась, Клавэйн.

— Но корабль не спрятать, — возразил старик. — По крайней мере, это очень нелегко. Постоянно находиться вне поля нашего зрения вообще невозможно. Ведь мы следим за небом.

— Мы научились прятаться, — ответила женщина. — В нашем распоряжении теперь есть технологии, о которых ты не

имеешь ни малейшего представления. С тех пор как мы расстались... нам пришлось кое-что узнать. Расскажу — не поверите.

Клавэйн взглянул на Скорпиона. Свинья попытался угадать, о чем думает старый сочленитель, но не смог.

— Например? — наконец проговорил Клавэйн.

— Новые двигатели, — ответила Хоури. — Темные, невидимые. Никакими приборами их выброс не засечь. Маскировочные экраны. Пузыри распада внутриатомных сил. Криоарифметическое движение — надежный способ управления инерцией значительных масс. Гипометрическое оружие. — Хоури содрогнулась. — Сказать по правде, оно мне нравится меньше всего. Как вспомню, мороз по коже. Я однажды видела, что бывает, когда оно срабатывает неправильно. Такого оружия вообще не должно быть, оно слишком опасное.

— И все это за двадцать один год? — с недоверием спросил Клавэйн.

— Нам помогли.

— Послушать тебя, так подумаешь, что вы дозвонились до Бога и зачитали список подарков.

— Не нужно шуток, это не Бог. Уж я-то знаю. Потому что я была среди просивших.

— И кого ты просила?

— Мою дочь, — ответила Хоури. — Она многое знает, Клавэйн. Она бесценна. Потому-то Скади и похитила ее.

У Скорпиона закружилась голова. Вот еще один лист биографии Хоури удалось прочитать с великим трудом, и он перевернут — но дальше наверняка будет еще запутанней и сумбурней.

— Не понимаю, почему вы не связались с нами, когда вышли на орбиту, — сказал Клавэйн.

— Во-первых, не хотели привлекать к Арарату внимание, — объяснила Хоури. — Пока в этом нет необходимости. Да будет тебе известно, наверху, в космосе, идет война, широкомасштабные боевые действия с применением всех доступных средств маскировки. Любой выход на связь сопряжен с риском. Поэтому все без исключения сигналы кодируются, а также применяются средства подавления связи.

— Кто с кем воюет? Вы со Скади?

— Все гораздо сложнее. До недавних пор мы дрались вместе со Скади, хотя и не всегда. Даже теперь, несмотря на то что

произошло между Скади и мной, мы остаемся ситуативными союзниками.

— Тогда кто же ваш враг, черт возьми? — спросил Клавэйн.

— Ингибиторы, — ответила Хоури. — Волки, если так понятней.

— Они уже здесь? — осведомился Скорпион. — В этой системе?

— Уж извините за ложку дегтя, — кивнула Хоури.

— Что ж, — проговорил Клавэйн, оглядываясь по сторонам, — не знаю, как остальным, но мне теперь придется жить иначе.

— В том-то и дело, — кивнула Хоури.

Клавэйн провел пальцами сверху вниз по длинному и прямому носу.

— Хочу задать еще один вопрос, — сказал он. — Несколько раз во сне ты произнесла странное слово, что-то вроде «Хелла». Похоже, хочешь, чтобы мы отправились туда. Мне это название ни о чем не говорит. Что-то важное?

— Не знаю, — ответила Хоури. — Я даже не помню, чтобы о чем-то таком говорила.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Хела, год 2727-й

Квестору Джонсу сообщили о скором прибытии новых гостей. Весть пришла с самого Вечного Пути, и сопровождалась она факсимильными печатями Часовой Башни. Вскоре после этого похожий на раковину одноместный шаттл, изделие ультранавтов, пронесся над цепочкой машин, составляющих караван.

Крошечный аппарат с рубиновым корпусом опасно завис над передней машиной, удерживаемый в воздухе отвесным выхлопом двигателя. Караван между тем продолжал свой путь. Шаттл снизился и опустился на посадочную площадку, сооруженную над передней машиной. В его корпусе открылся люк, из которого выбрался человек в скафандре. Он помедлил, повернулся и достал из кокпита трость и белый чемоданчик. Под непрерывным надзором установленных в разных точках

камер человек в скафандре прошел по крыше машины, открыл ключами Часовой Башни всегда запертую дверь, потом другую; каждый раз он тщательно запирал дверь за собой.

Человек шел осторожно, нарочито медленно, позволяя воображению квестора разыграться не на шутку. Время от времени он постукивал тростью по стенам и полу машины, проводил пальцами по стене, потом рассматривал перчатку, словно искал пыль.

— Не нравится мне это, Мята, — сказал квестор сидящему на его столе зверьку. — Когда от них кто-то прилетает, это всегда не к добру, особенно если предупреждают всего за час. Значит, хотели застать врасплох. Значит, в чем-то меня подозревают.

Зверек занялся кучкой семян, которую насыпал перед ним хозяин. Квестору нравилось смотреть, как питомец съедает угощение, а потом чистится. Фасетчатые глаза Мяты — при нормальном освещении было видно, что они пурпурные и блестящие, — напоминали драгоценные камни.

— Кто же это такой, кто же это?.. — бормотал квестор, постукивая пальцами по столу. — Вот, поешь еще. Трость... Вот скажи, кто у них ходит с тростью?

Зверек поднял голову и взглянул на хозяина, словно хотел ответить. Потом снова нагнулся и продолжил трапезу, обвив хвостом пресс-папье.

— Это не к добру, Мята. Я чувствую.

Квестор гордился тем, что не совал нос не в свои дела. Он добросовестно исполнял поручения церквей, но и только. Превыше всего этот человек ставил благополучие каравана. Тот всегда возвращался к Вечному Пути в назначенное время и редко прибывал без приличного груза паломников, новых наемных рабочих и артефактов исчезнувшей цивилизации. Квестор заботился о своих клиентах и пассажирах и не ждал от них благодарности или дружбы. Ни в чем подобном он не нуждался: у него есть работа и Мята, а остальное не имеет значения.

В последнее время жизнь изменилась в худшую сторону, но это относится ко всем караванам. И если церковники решили наказать кого-то в назидание остальным, они бы выбрали не этого квестора — слишком уж хорош у него послужной список. Он был уверен, что в последние годы не разочаровывал попов, иначе бы ему не позволили увеличить число машин и освоить

важнейшие торговые пути. У него были хорошие отношения с церковными чиновниками, а бродячие купцы вроде Крозета считали его честным человеком, хотя никто не сказал бы ему этого в глаза.

Тогда в чем же причина столь неожиданного визита?

Он надеялся, что этот визит не имеет отношения к крови. Все знали: чем ближе ты к церкви, тем больше шансов столкнуться со службой крови, в буквальном смысле занимающейся распространением подлинной крови Куэйхи. Он знал, что эта служба — один из органов Часовой Башни.

Здесь, вдали от Вечного Пути, кровь Куэйхи была слишком слабой, разбавленной. В пустошах и диких землях, за пределами стальных убежищ, выживать трудно, необходимо всегда помнить о ледяных лавинах и гейзерах. В таких суровых краях нужны ясный ум и неусыпная бдительность, их не заменят химические блага индоктринационного вируса. Но что, если служба крови изменила политику и решила расширить область деятельности?

— Это из-за Крозета, — прошептал квестор. — Он всегда приносит неприятности. Не следовало пускать его на борт, когда до встречи с собором осталось всего ничего. Нужно было спровадить его, да так, чтобы убежал, поджавши хвост. Никчемный лентяй!

Мята взглянула на хозяина. Крохотная пасть изрекла:

— Пусть тот, кто сам без греха, первым бросит камень.

— Верно, Мята, спасибо. — Квестор выдвинул ящик стола. — А ну-ка, полезай сюда, посиди, пока не уйдет гость. И держи язык за зубами.

Он протянул руку к зверьку, чтобы осторожно посадить в ящик. Но в ту же секунду дверь кабинета распахнулась: ключи гостя отпирали даже этот замок.

Человек в скафандре вошел, повернулся и запер за собой дверь. Прислонив трость к столу, он поставил белый чемоданчик на пол. Потом отстегнул защелки шлема. Тот был выполнен в стиле рококо, рельефные горгульи обвивали визор. Гость снял шлем и опустил на край стола.

К своему удивлению, квестор не узнал пришельца. Он ожидал встречи с одним из официальных представителей церкви, с которыми привык иметь дело, но этот человек был ему незнаком.

— Могу я поговорить с вами, квестор? — Гость указал на ближайший стул.

— Да, конечно, — торопливо ответил Джонс. — Пожалуйста, садитесь. Как прошел ваш... гм?..

— Перелет от Пути? — Гость захлопал глазами, словно его изумила нелепость вопроса. — Незабываемо. — Он взглянул на зверька, которого квестор не успел спрятать. — Ваш?

— А? Да... его зовут Мята. Это мой домашний зверек. Дрессированный.

— Генетическая игрушка? Отчасти насекомое, отчасти хамелеон и какое-то млекопитающее? Я угадал?

— В нем есть кошка, — ответил квестор. — Определенно в нем есть кошка. Верно, Мята? — Квестор придвинул к гостю немного семян. — Не хотите ли его угостить?

Квестор и сам не понимал, для чего предложил это, но гость его удивил: взял на ладонь щепотку семян и поднес Мяте. Зверек брал их жвалами и перетирал одно за другим.

— Очаровательно, — проговорил гость, не опуская руку. — Я бы тоже завел себе такого, но слышал, что за ними трудно ухаживать.

— Да, они очень прихотливы, часто болеют, — ответил квестор.

— Верю вам на слово. Что ж, приступим к делу?

— К делу, — кивнул Джонс.

У незнакомца было длинное, узкое лицо с плоским носом и крепкими челюстями. Густые седые волосы росли кверху чуть ли не от самых надбровных дуг, придавая голове сходство со щеткой; впечатление усиливала геометрически правильная плоскость наверху, словно парикмахер воспользовался лазером. При комнатном освещении над волосами гостя призрачно сиял голубоватый ореол.

На посетителе был двубортный мундир с высоким воротником и эмблемой Часовой Башни: похожий на саркофаг скафандр со щелью, из которой льется свет. Но было в госте нечто, заставившее квестора усомниться в том, что это церковник. Такое впечатление, будто в его жилах нет ни грамма крови Куэйхи. Наверное, какой-нибудь технический специалист высокого ранга.

— Вы не спрашиваете, как меня зовут, — сказал гость.

— Если бы вы сочли нужным, сами представились бы.

— Но все-таки, неужели не интересно?

— Мне сообщили, что будет посетитель. Этого достаточно.

Гость улыбнулся:

— Что ж, неплохая политика. Можете звать меня Грилье.

Квестор слегка поклонился. На заре истории Хелы в ее освоении участвовал человек с такой фамилией, он же был свидетелем первого исчезновения. Вероятно, с тех пор семейство Грилье продолжало играть важную роль в церковной деятельности, поколение за поколением.

— Рад видеть вас в нашем караване, господин Грилье.

— Я к вам ненадолго. Всего, как я уже сказал, на пару слов.

Гость стряхнул недоеденные Мятой семена на пол, нагнулся за белым чемоданчиком и положил его к себе на колени. Зверек тем временем чистился, двигая передними лапками так, словно молился.

— Квестор, в последние дни вы брали на борт посторонних?

— Нас постоянно кто-нибудь посещает.

— Уточню: день-два назад.

— Вы имеете в виду Крозета?

Гость со щелчком поднял крышку чемоданчика. Внутри было полно шприцев, выстроенных рядками: этакие остроголовые солдатики.

— Кто такой этот Крозет?

— Один из наших поставщиков. Промышляет на Равнине Вигрид, держится особняком. Жену зовут Линкси, сына — Кулвер.

— Они здесь, в караване? По пути я видел принайтовленный к вашей машине ледокат.

— Это Крозета, — ответил квестор.

— Кто-нибудь еще с ним приехал?

— Только девчонка.

Гость поднял брови. Как и его волосы, они были цвета свежевыпавшего снега под луной.

— Девчонка? Вы же сказали, что у него сын, а не дочь.

— Они привезли с собой девчонку. Не из их семьи, просто попутчица. Ее зовут... — Квестор притворился, что копается в памяти. — Ее зовут Рашмика. Рашмика Эльс. Ей то ли шестнадцать, то ли семнадцать стандартных лет.

— Вы к ней присмотрелись?

— Интересная девушка. Во многих отношениях интересная. — Руки квестора напоминали пару угрей, так они вились и терлись друг о друга. — Уверена в себе, знает, чего хочет, — довольно редкие качества, особенно в таком возрасте. Похоже, она что-то крепко втемяшила себе в голову.

Гость достал из чемоданчика чистый шприц.

— Какие у нее отношения с Крозетом? Только попутчица, ничего больше?

— Насколько я знаю, только попутчица.

— Вы слышали, что на Равнине Вигрид пропала девушка? Убежала из дома. Местная полиция разыскивает ее по подозрению в диверсии.

— Так это она? Значит, я просто не смог сложить два и два.

— Что ж, и это неплохо. — Грилье поднял пустой шприц к свету; в стекле исказилось его лицо. — Неплохо, что вы не отправили ее восвояси.

— Почему?

— Лучше пусть останется при караване. У нас есть к ней интерес. Дайте-ка руку.

Мята прекратила омовение и взглянула на хозяина. Тот безропотно закатал рукав и подался вперед через стол. Приказ был отдан тихим и ровным голосом, но было ясно, что неповиновение исключено. Шприц был пуст: гость хотел взять кровь, а не впрыснуть.

Джонс спросил, изо всех сил пряча нервозность:

— Почему девочка должна остаться при караване?

— Чтобы попасть туда, куда она должна попасть, — объяснил Грилье, вводя иглу. — Квестор, от вашего отдела закупок поступали какие-нибудь жалобы?

— Жалобы?

— На Крозета. Что он-де слупил за барахло из нор вертунов больше обычного.

— Ворчат, как всегда.

— А вы бы прислушались к их ворчанию. Девочка присутствует при торгах, верно?

Внезапно хозяин кабинета понял, что гостю известны ответы почти на все вопросы, с которыми он сюда явился. Квестор молча глядел, как кровь наполняет шприц.

— Это странная девушка, — наконец ответил он. — Говорит, что интересуется наследием вертунов. Возомнила себя

исследователем. Я и решил: пусть посидит, вреда не будет. Вообще-то, Крозет это предложил, не я.

— Не сомневаюсь, что предложил он. У этой девочки талант, квестор, Богом данный дар: она видит, когда люди лгут. Способна читать микромимику, сублиминальные послания, которых большинство из нас не замечает. Наши физиономии для нее все равно что неоновые вывески.

— Не понимаю...

Грилье выдернул иглу.

— Девочка читает по лицам и узнает, правду говорят ваши помощники или кривят душой. Например, когда утверждают, что не могут заплатить больше. И она подает условные сигналы Крозету.

— Откуда вы знаете?

— Я не сомневался, что она проявит себя. Следил и ждал знаков. И вот знаки привели меня сюда, в караван.

— Но она всего лишь девчонка.

— Жанна д'Арк тоже была всего лишь девчонкой. А вспомните, какую заварила кашу.

Грилье залепил ранку на сгибе локтя квестора пластырем и аккуратно вложил шприц в гнездо. Специальный механизм вытянул поршнем кровь из цилиндра. Чемоданчик загудел, забулькал.

— Если угодно, могу позвать ее, — предложил квестор.

— Нет, я не хочу ее видеть. Может, позже. А сейчас я попрошу вот о чем: присматривайте за ней, пока не достигнете Пути. Она не должна вернуться с Крозетом. Ваша задача — удержать ее при караване.

Квестор опустил рукав.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Вы сделаете даже больше этого.

Грилье резко выбросил руку и схватил зверька, стиснул неловкое существо перчаткой скафандра. Другой рукой он крепко ухватил переднюю конечность Мяты и резким движением оторвал. Зверек забился, пронзительно визжа от боли.

— Ай-ай-ай! — проговорил Грилье. — Ну что я наделал!

— Нет! — выдохнул потрясенный Джонс.

Грилье посадил изуродованного зверька на стол и бросил оторванную лапу на пол:

— Это всего лишь лапка. У него еще много осталось.

Мята корчилась в муках и свивала хвост кольцами.

— Теперь обговорим детали, — сказал Грилье.

Он достал из кармана металлическую трубочку. Квестор вздрогнул, не в силах отвести взгляда от изувеченного питомца. Грилье придвинул трубку к хозяину кабинета по столу.

— Эта девочка представляет проблему, — сказал гость. — С другой стороны, у нее есть потенциал. Возможно, она пригодится настоятелю, хотя тот пока не уверен.

Квестор приложил все силы к тому, чтобы его голос звучал спокойно:

— Вы правда знакомы с настоятелем?

— Очень давно.

— Я хочу сказать — он еще жив?

— Жив. Просто редко покидает Часовую Башню. — Грилье взглянул на Мяту. — Хоть вы и начальник каравана, но задаете слишком много вопросов.

— Простите.

— Откройте футляр.

Квестор повиновался. Внутри лежал бумажный рулончик. Осторожно достав, квестор расправил листы на столе. На одном был текст, на другом таблицы с непонятными значками.

— И что мне с этим делать?

— Письмо оставьте себе. Лист с таблицей отдайте Петру.

— Но я не знаю никакого Петра.

— Все впереди. Это паломник, и он уже на борту вашего каравана. Парень не вполне надежен.

— Не вполне надежен?

Грилье пропустил вопрос мимо ушей и хлопнул по боку чемоданчика, который продолжал гудеть и булькать, анализируя кровь квестора.

— Большинство наших штаммов, способных жить в системе кровообращения человека, неопасны. Они вызывают религиозные чувства или видения, но не влияют непосредственно на самовосприятие носителя. У Петра вирус иного рода, мы его называем деус-икс. Это редкая мутация индоктринационного микроорганизма, чье распространение мы стараемся сдержать всеми силами. Носитель такого штамма находится в центре своей собственной вселенной, и, хотя он этого не осознает, вирус меняет его восприятие так, что человек становится Господом Богом для самого себя. Инфицированного притя-

гивает Путь, он стремится примкнуть к одной из ортодоксальных церквей, но при этом вступает в конфликт с ее догматами. Он переходит из одной секты в другую, будучи всегда уверен, что до просветления остался только шаг. Его выбор становится все более эксцентричным, он впадает в крайности, ищет самые странные формы поклонения Халдоре — например, как у наблюдателей.

Квестор никогда не слышал о вирусе деус-икс, но описанный Грилье психотип фанатика был ему знаком. Обычно так себя вели молодые люди обоего пола, очень серьезные и лишенные чувства юмора. Вирус поймал их сознание в ловушку и перекрыл все пути наружу.

— А что делать с девочкой?

— Пока ничего. Сейчас мне нужно, чтобы в руках паломника по имени Петр оказались этот футляр и таблица. Он уже знает о содержании таблицы, хотя прежде никогда не видел столь точных данных. Для него это будут горящие письмена на стене вместо смутных царапин на камне.

Квестор снова взглянул на листки, повнимательней, и у него забрезжила догадка.

— Статистика пропущенных исчезновений? — спросил он. — Я думал, это всего лишь досужая болтовня.

— Болтовня или нет, не важно. Речь идет об одной из крайних форм веры, с которой Петр уже знаком. Он поймет смысл таблицы, и она сподвигнет его к действию. — Грилье вглядывался в лицо собеседника так, будто пытался определить степень его надежности. — Среди наблюдателей есть мой шпион. В разговоре с Петром он упомянет о девушке, рожденной во льдах и направляющейся к Пути. Скажет как бы между делом, что предназначение этой девушки — изменить мир. Насколько важна эта миссия, паломник догадается сам.

— Вы говорите о Рашмике?

Грилье навел на квестора указательный палец, как ствол пистолета, и щелкнул языком:

— Все, что от вас требуется, — это свести их. Если она захочет взглянуть на наблюдателей, не мешайте, а об остальном позаботится Петр. Он не справится с искушением поделиться своим открытием.

Квестор нахмурился:

— А девчонке тоже нужно увидеть таблицы?

— Девчонке нужен предлог для встречи с настоятелем. Именно для этого предназначено письмо, касающееся ее брата, — но письма может быть недостаточно. Она увлекается вертунами, и статистика пропущенных исчезновений подстегнет ее интерес. Ей придется идти по цепочке до конца, и уж тут она поневоле перестанет слышать голос разума, советующий держаться подальше от соборов.

— Кстати, а почему бы не отдать этот футляр ей? Для чего нужны такие сложные фокусы с наблюдателями?

Грилье снова взглянул на Мяту:

— Вы так ничего и не поняли?

— Извините, я просто...

— Этой девочкой очень сложно манипулировать. Она мгновенно распознает ложь, разве что обманщик сам себе безоглядно верит. Управлять ею нужно при помощи посредника — не задающего вопросов, полностью замкнутого на своей вере. — Сделав паузу, Грилье добавил: — А еще я хочу узнать, где лежат пределы ее способностей. До сих пор я изучал девчонку издали и сделал вывод, что к ней можно подойти открыто. Однажды я так и поступлю, но пока намерен управлять ею через посредников. Один из этих посредников вы, и вам также поручается проверить ее способности.

— А письмо?

— Передадите ей. Скажете, что письмо прибыло с тайным посыльным, а сверх того вы ничего не знаете. Постоянно следите за ней и сообщайте о ее действиях.

— А если она начнет задавать вопросы?

Грилье сочувственно улыбнулся:

— Попытайтесь ее обмануть.

Анализатор звякнул, сообщив, что работа закончена. Грилье развернул медицинский чемоданчик так, чтобы квестору были видны результаты. Расположенный на внутренней стороне крышки экран показывал несколько столбчатых и секторных диаграмм.

— Все в порядке? — спросил квестор.

— Вам беспокоиться не о чем, — ответил Грилье.

Квестор смотрел, как рубиновый шаттл в виде раковины стартует с крыши каравана. Камера показывала, как взмывает кораблик, как выхлоп основных двигателей отбрасывает дико мечущиеся тени на окрестности.

— Прости, Мята, — сказал он.

Зверек пытался почиститься, единственная передняя лапка неуклюже скользила по жвалам, как сломанный дворник по лобовому стеклу. Питомец посмотрел на хозяина глазами-ежевичинами, и в этом взгляде было гораздо больше понимания, чем хотелось бы квестору.

— Если я не выполню его приказы, он вернется. Как только появился этот подонок, я почуял беду. Он явно замыслил какую-то гадость в отношении девчонки. Ужасный человек.

Квестор снова расправил лист на столе. Письмо было коротким, почерк схож с детским, но четок. Некто по имени Харбин писал той, кого звали Рашмикой.

Арарат, год 2675-й

Полет к «Ностальгии по бесконечности» продолжался всего десять минут, и бóльшую часть этого отрезка времени заняла посадка: из ранее прибывших транспортов образовалась очередь. Корабль имел множество портов, четких прямоугольных проемов в боках, похожих на бойницы в крепостной башне. Верхний находился в двух километрах над уровнем моря. Пребывай «Ностальгия» в космосе, она бы обзавелась стыковочными отсеками для малых служебных шаттлов или воздушными шлюзами, открывающими путь в лабиринты внутренних помещений.

Скорпион не испытывал удовольствия от посещений «Ностальгии». Не испытывал удовольствия — слишком слабо сказано; перенесший чудовищную мутацию корабль вызывал у него отвращение, — пожалуй, невозможно страшнее изуродовать механическую конструкцию. Свинья никогда не был суеверным, но всякий раз, оказываясь на борту этого субсветовика, не мог избавиться от мысли, что тот населен привидениями или одержим бесами. И от понимания неправильности этой оценки становилось только страшнее. Едва ли в строгом смысле слова можно назвать призраком капитана Бреннигена, чье остаточное сознание намертво въелось в каждую молекулу «Ностальгии по бесконечности». К тому времени как плавящая чума потеряла силу, Бренниген претерпел кошмарную метаморфозу, и его нынешний облик служил шокирующим напоми-

нанием о тех зверских преступлениях, на которые он был способен в прошлом.

Высадив пассажиров в самой верхней нише, шаттл немедленно полетел обратно — транспорт колонии никогда не простаивал без дела. Офицер Сил безопасности уже ждал, чтобы проводить посетителей в один из конференц-залов. Охранник дотронулся до наушника, чуть нахмурился, прислушиваясь к далекому голосу, потом повернулся к Скорпиону:

— Зал готов к переговорам, сэр.

— Явления были?

— За последние три недели ни одного не зафиксировано выше четырехсотого уровня. На нижних уровнях наблюдается повышенная активность, но верхняя часть корабля полностью в нашем распоряжении. — Охранник повернулся к Васко. — Прошу следовать за мной.

Васко оглянулся на Скорпиона:

— Вы тоже идете, сэр?

— Скоро пойду. Скажи там, что ты Васко Малинин, офицер СБ, плавал вместе со мной за Клавэйном, — и больше ничего. Жди меня.

— Хорошо, сэр. — Васко колебался. — Можно задать еще один вопрос, сэр?

— Что такое?

— Вы говорили о явлениях. Что это?

— Тебе не надо знать, — отрезал Скорпион.

Оставшись на посадочной палубе в одиночестве, свинья проводил охранника и Васко взглядом до поворота корабельного коридора и подождал, пока их шаги не стихнут вдалеке. Потом подошел к проему и остановился так, что тупые носки его маленьких, будто детских, сапог оказались в опасной близости от края.

Сильный порывистый ветер бил ему в лицо, хотя сегодня обещали не слишком плохую погоду. Каждый раз, когда Скорпион оказывался в такой нише, он боялся сорваться и упасть в море, хотя по опыту знал, что ветер обычно задувает внутрь корабля. На всякий случай он был готов в любой момент ухватиться за край борта. Моргая от ветра и вытирая слезы, он глядел, как клешневидный летательный аппарат исчезает в направлении суши. Потом свинья перевел взгляд на поселок, где, несмотря на возвращение Клавэйна, он оставался главным.

Первый Лагерь блестел на излучине залива в нескольких километрах от корабля. С такого расстояния трудно было различить отдельные постройки, кроме самых больших, например Высокой Раковины. Но и крупнейшие здания казались микроскопическими с высоты, на которой стоял Скорпион. Отсюда не разглядеть ни убогих тесных лачуг, ни грязных улочек. Казалось, всюду царит сверхъестественная аккуратность, словно городок выстроен приверженцами строжайшего порядка и живет по жестким законам гражданского права. Идеальный город, которым гордилась бы любая цивилизация в любой момент своей истории.

Над кухнями и цехами поднимались дымки — и больше никакого явственного движения. И в то же время — лихорадочная дрожь, скрытное кипение жизни; весь поселок вибрирует, как будто смотришь на него через слои нагретого воздуха.

Когда-то Скорпиону казалось, что он не смог бы жить за пределами Города Бездны. В бурном море интриг он был как рыба в воде, и опасностям, которыми кишела эта агломерация, радовался не меньше, чем предлагаемым ею огромным возможностям. Шесть, а то и семь ежедневных покушений на его жизнь тогда были нормой — что ж, на то и враги. Каждый день он лично отдавал приказ вывести из игры хотя бы одного главаря конкурирующей банды. Горе тому, кто осмелится бросить вызов Скорпиону!

Жизнь главного преступного элемента в Городе Бездны — не сахар, постоянные стрессы обязательно сказываются на психике. Многие не выдерживали — либо перегорали и возвращались в среду мелкой преступности, из которой когда-то поднялись, либо совершали ошибку, на которой уже невозможно было чему-то научиться.

Но Скорпион не перегорел. И ошибся он только однажды, да и то едва мог этого избежать. Тогда шла война, законы менялись так быстро, что порой свинья ловил себя на поступках, новым законам не противоречащих. И это пугало его.

Та ошибка едва не оказалась фатальной. Его схватили зомби, потом пауки... и наконец он оказался в руках Клавэйна. Вот тогда-то и встал вопрос: если Город с такой легкостью отверг его, то для чего ему теперь Город?

Ответ пришел несколько позже. В сущности, Скорпион понял это только после того, как Клавэйн оставил поселок под его управлением.

Однажды утром он проснулся и обнаружил, что больше не думает о Городе Бездны. Устремления изменились, они уже не имели ничего общего с бессмысленным эгоизмом, с мечтами о личном обогащении, о власти ради власти. Было время, когда он считал своими богами оружие и насилие. Ему и теперь было сложно подчас сдерживать гнев, но он с содроганием вспоминал, как хватался за нож или пистолет. Вместо усобиц и сведения счетов, афер и подстав он день-деньской планировал квоты и бюджет, поставки материалов, распределение продовольствия и медикаментов; он целиком отдавался сложнейшей политике.

Первый Лагерь был невелик — даже не городок, а поселок, — но управление столицей и расширяющейся колонией отнимало у Скорпиона все время и силы без остатка.

В Городе Бездны он никогда бы не помышлял о такой судьбе — и вот теперь стоит и взирает на колонию, словно монарх на свою империю. Ему пришлось проделать длинный путь, с остановками и отступлениями, но где-то на этом пути — возможно, в то утро, когда он впервые проснулся и не ощутил тоски по прежней жизни, — босс мафии превратился в государственного деятеля. Тот, кто родился рабом, не имеющим даже имени, вряд ли мог рассчитывать на такую карьеру.

И вот теперь Скорпион с тревогой думал о том, что может всего этого лишиться. Он всегда понимал: планета Арарат — лишь временная остановка на пути, гавань, в которой беженцы дождутся прибытия Ремонтуара и остальных спасателей. Но год уходил за годом, десятилетие за десятилетием, и не случалось особых событий, и постепенно он проникался соблазнительной мыслью о том, что привал может затянуться. Возможно, Ремонтуар не просто задержался в пути, и разрастающийся конфликт между ингибиторами и человечеством обойдет Арарат, этот островок спокойствия, стороной.

Но ему никогда особо не верилось, что эта надежда сбудется, и вот теперь пришло время платить за пустые мечты. Ремонтуар прилетел и вдобавок привез с собой арену галактического конфликта. Если Хоури сказала правду, ситуация — хуже не придумаешь.

Вдали блестел городок. Сейчас он казался жалким, хрупким, эфемерным — горстка пыли в ожидании порыва ветра. В груди

у Скорпиона зародилось вдруг тяжелое предчувствие: чему-то очень дорогому для него грозит смертельная опасность.

Резко повернувшись, он зашагал в направлении конференц-зала.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Арарат, год 2675-й

Конференц-зал находился в недрах корабля и представлял собой сферический отсек, раньше служивший главной рубкой управления. Путь к нему напоминал преодоление обширной системы пещер: несколько стылых извилистых коридоров, спиральных тоннелей, перекрестков и головокружительной протяженности шахт. Хватало тут и расширений, гулким эхом отвечающих на шаги, и вызывающих клаустрофобию сужений, и стен, испятнанных жутковатой растительностью, вроде лепрозных узлов, плечевых нервных сплетений и окаменевшей легочной ткани. С потолка непрерывно капала вязкая жидкость. Скорпион огибал выросты и лужи с ловкостью опытного спелеолога. Он знал, что в выделениях корабля нет опасных токсинов, их химический состав не представляет ничего особенного. Но даже его, пожившего в Мульче, от этого зрелища едва не выворачивало наизнанку.

Будь корабль целиком механическим, его уродство не вызывало бы такой реакции. Но невозможно забыть о том, что большинство этих мерзких увечий произрастает из памяти об организме капитана. Приобрел ли субсветовик определенные биологические черты человеческого тела, или человеческое тело разрослось настолько, что приобрело размеры и формы корабля, — это всего лишь вопрос семантики. Скорпиону оба варианта казались одинаково отвратительными.

Он добрался до конференц-зала. После сумрачных и сырых коридоров здесь было на удивление чисто и светло. В сферической командной рубке соорудили пол, на него водрузили широкий деревянный стол для совещаний. Над столом, как огромная люстра, висел переделанный проектор, он показывал схематические изображения планеты и окрестного космоса.

Клавэйн уже ждал, одетый в нечто вроде парадного мундира из плотной черной ткани: в любом из последних восьми веков такой наряд никому бы не показался чересчур эксцентричным. Он позволил себе поспать несколько часов, что благотворно сказалось на внешности: теперь в нем можно было узнать прежнего сочленителя. Сидя у стола, опираясь локтем на полированную поверхность, старик поглаживал аккуратно подстриженную бороду. Пальцами другой руки он барабанил по столешнице.

— Что-то задержало тебя, Скорп? — с улыбкой спросил он.

— Нужно было собраться с мыслями.

Глядя на него, Клавэйн кивнул:

— Понимаю.

Скорпион расположился за столом. Рядом с ним находился Васко, напротив — группа официальных представителей колонии.

Во главе стола сидел Клавэйн. Слева от него устроился Кровь, настолько широкий в теле, что на его месте поместились бы двое людей. Как всегда, Кровь смахивал на головореза, каким-то непостижимым образом пролезшего во власть. Одним копытом он держал нож и ковырял его кончиком в ногтях другого, сбрасывая добытую грязь на пол.

Разительный контраст Крови составляла Антуанетта Бакс, сидящая справа от Клавэйна. Эту женщину Скорпион знал еще по Городу Бездны, точнее, познакомился с нею в последние дни своего пребывания там. В ту пору она была молода, ей и двадцати не исполнилось. Теперь ей перевалило за сорок, но она сохранила привлекательность, хотя лицо отяжелело, а на висках у глаз залегли гусиные лапки. Единственное, что осталось неизменным — и что она, скорее всего, унесет с собой в могилу, — это цепочка веснушек на переносице. Веснушки всегда казались ему искусственными, нанесенными с тонким расчетом. Сейчас Антуанетта носила длинные волосы, разделенные на асимметричные пряди и зачесанные назад. На ней поблескивали сложные украшения — изделия местных умельцев. В свое время Бакс была отличным пилотом, но в последнее время ей редко представлялась возможность полетать. Она иногда шутливо жаловалась на эту несправедливость, но хозяйством колонии занималась со всей ответственностью. Из нее получился очень хороший посредник.

Мужа Антуанетты Бакс звали Ксавьер Лиу. Он был немного постарше жены, его черные волосы, обычно собранные в скромной величины хвост, тронула седина. У него была аккуратная эспаньолка, на правой руке не хватало двух пальцев, лет пятнадцать назад потерянных в порту при аварии. Лиу отлично разбирался в технике, а в части кибернетических систем и вовсе был гений. Скорпион всегда поддерживал с ним хорошие отношения. Лиу был одним их немногих людей, которые не видели разницы между человеком и свиньей, считая свиное тело всего лишь разновидностью вместилища для разума, с которым можно иметь дело на равных, если он технически подкован. Сейчас Ксавьер отвечал за центральный склад машин, управлял небольшим и постепенно сокращающимся парком сервороботов, автомобилей, самолетов, насосов, оружия и шаттлов. По сути, это была бумажная работа, но, когда бы Скорпион ни позвонил Лиу, тот непременно оказывался занят по горло срочным ремонтом. Девять раз из десяти Скорпион неожиданно для себя брался помогать Ксавьеру.

Рядом с Кровью сидела Полина Сухая, хрупкая и бледная как смерть. Казалось, она то ли одержима неким бесплотным духом, то ли сама — бесплотный дух. Руки и голос у нее постоянно дрожали, а кроме того, всем были памятны периоды ее душевного нездоровья, которое трудно назвать иначе как временным помешательством. Много лет назад под покровительством одного из самых таинственных теневых правителей Города Бездны она экспериментировала с нестабильными состояниями квантового вакуума. Произошла авария, вызвавшая пересечение вероятностных линий событий, и Сухая увидела нечто ужасное, подтолкнувшее ее к краю безумия. Даже теперь она крайне редко говорила об этом. Ходили слухи, что в свободное время Полина вышивает узоры на ковриках.

Была тут и Орка Круз, старая подруга Скорпиона по Мульче. Хоть она и лишилась глаза, ее зрение осталось острым, как моноволоконная коса. Таких крутых бойцов среди знакомых Скорпиона было немного. Когда-то двое его соперников здорово недооценили Орку Круз, да и сам он понял, чего она стоит, только услышав об их похоронах. Эта женщина одевалась преимущественно в кожу. Сейчас перед ней на столе лежал любимый пистолет, и она звонко постукивала ярко-красными

ногтями по стволу, покрытому узором в японском стиле. Скорпиону подобный жест казался неуместным, но при выборе союзников он меньше всего интересовался их чувством такта и воспитанностью.

В зале присутствовало еще с десяток руководителей колонии, из них трое — пловцы, вернувшиеся после контакта с жонглерами образами. Пловцами становились только молодые базово-линейные люди. У них были стройные жилистые тела, как у выдр, на коже кое-где проступали зеленоватые пятна биологического замещения. На всех троих были безрукавки, выгодно подчеркивающие широту их плеч и развитую мускулатуру рук; кожу украшали татуировки, отражающие сложную иерархию, понятную только самим пловцам.

Вообще-то, Скорпион недолюбливал эту касту. И не только потому, что пловцы были своими в мерцающем мире, куда ему, свинье, вход был заказан. С другими колонистами, даже базово-линейными, они держались подчеркнуто холодно, чуть ли не презрительно. С другой стороны, такое высокомерие было понятным: пловцы повидали то, чего прочим не суждено увидеть никогда. Они считались достоянием колонии, к ним относились терпимо и старались оберегать.

Девять других управленцев были намного старше. К началу эвакуации с Ресургема все они были взрослыми. Время от времени руководители покидали свои посты, им на смену приходили другие. Скорпион считал своим долгом знать подноготную каждого начальника, хотя прежде таким вниманием к мелким нюансам биографии он «баловал» только близких друзей и заклятых врагов. Он знал, что умение добывать информацию о чужой личной жизни — одна из его сильнейших черт, компенсирующая слабость стратегического мышления.

Поэтому Скорпиона встревожило то, что один человек в конференц-зале был ему совсем неизвестен.

Хоури сидела почти напротив него, рядом с доктором Валенсином. Для Скорпиона эта женщина представляла загадку, он ничего не знал о ее слабостях. И это незнание досаждало, как отсутствие зуба во рту.

Интересно, испытывает ли кто-нибудь еще подобные чувства к незнакомке? Едва свинья подумал об этом, как разговоры дружно стихли. Все, включая Хоури, повернулись к Клавэйну, ожидая вступительного слова.

Старик с заметным усилием поднялся:

— Буду краток. Я уже осмотрелся и хочу сказать, что в мое отсутствие Скорпион показал себя отличным руководителем. Он потрудился на совесть. Я не собираюсь смещать его с поста, но ввиду имеющегося кризиса хотелось бы указать направление и дать советы. Надеюсь, все нашли время прочитать составленный мною и Скорпионом краткий отчет, куда вошла и стенограмма опроса Хоури?

— Мы ознакомились с отчетом, — сказал один из бывших ресургемских колонистов, бородач по имени Холлатт. — И у нас возник вопрос: можно ли принимать все прочитанное всерьез?

— Конечно, сведения, сообщенные Аной Хоури, необычны, — согласился Клавэйн, — но сами по себе они не должны нас удивлять, особенно ввиду случившегося с нами после отлета с Йеллоустона. Мы живем в необычное время. Обстоятельства прибытия Хоури на планету также довольно странные.

— Дело не только в том, что там с ее слов написано, — ответил Холлатт. — Дело в самой Хоури. Она была первой помощницей Илиа Вольевой. А это, насколько я могу судить, вряд ли можно назвать хорошей рекомендацией.

Клавэйн поднял руку:

— Вольева нанесла ущерб вашей планете, но впоследствии она искупила свою вину.

— Возможно, она полагает, что искупила свою вину, — сказал Холлатт. — Мне же кажется, дар искупления достанется скорее жертвам согрешившего, нежели согрешившему. Я считаю Вольеву военной преступницей, а Хоури — ее пособницей.

— Вы имеете право на собственное мнение, — кивнул Клавэйн, — но по закону, принятому нами после бегства с Ресургема, ни Вольева, ни Хоури больше не считаются преступницами. Меня больше интересует суть сказанного Хоури. И хотелось бы знать, что нам в связи с этим делать.

— Минутку, — подала голос Хоури, когда Клавэйн сел. — Может быть, я что-то упустила, но разве кое-кто еще не должен принять участие в нашем междусобойчике?

— О ком ты? — спросил Скорпион.

— О корабле, само собой. Том самом, в котором мы сейчас заседаем.

Скорпион почесал щетинистый лоб ближе к переносице:

— Что-то я не совсем тебя понимаю.

— Всех вас доставил сюда капитан Бренниген, — напомнила Хоури. — Разве это не дает ему право сидеть с нами за одним столом?

— Похоже, от твоего внимания ускользнуло, — произнесла Полина Сухая, — что «Ностальгия по бесконечности» больше не корабль, а местная достопримечательность.

— Это хорошо, что ты вспомнила о капитане, — заговорила Антуанетта Бакс, и ее звучный голос немедленно привлек внимание. — Практически с момента посадки «Ностальгии по бесконечности» мы пытались войти в контакт с ним. — Она сплела на столе унизанные множеством колец пальцы с ногтями, выкрашенными в химически яркий зеленый цвет. — Но безрезультатно. Он не хочет говорить.

— Значит ли это, что капитан мертв? — спросила Хоури.

— Нет... — ответила Бакс, осторожно оглядываясь по сторонам. — Время от времени он дает о себе знать.

— Можно я спрошу тебя кое о чем? — снова обратилась к Хоури Полина Сухая. — По твоим словам выходит, что Ремонтуар и его союзники — наши союзники — достигли существенных успехов в ряде областей. Двигатели, которые невозможно засечь, оружие, бьющее через пространство-время... это весьма впечатляет. — Голос Сухой всегда звучал нервно, словно испуганно; казалось, она вот-вот истерически захохочет. — Особенно с учетом того, что у вас было очень мало времени на совершение таких открытий.

— Это не открытия, — проворчала Хоури. — Почитай отчет. Основные концепции мы получили от Ауры, вот и все. Сами мы ничего не изобрели.

— Тогда поговорим об Ауре, — вмешался Скорпион. — Для этого, насколько я понимаю, нужно вернуться к самому началу, к тому моменту, когда мы разделились у Дельты Павлина. «Свет Зодиака» получил серьезные повреждения, это все помнят. Но на восстановление корабля бортовым ремонтным системам понадобилось бы года два-три, не больше, конечно, если у вас было достаточно сырья. Однако мы прождали тут двадцать лет. Почему вы летели так долго?

— Ремонт оказался делом не быстрым, — ответила Хоури. — Возникли проблемы с сырьем, потому что большинство звезд уже под контролем ингибиторов.

— И все равно двадцать лет — слишком долгий срок, — сказал Скорпион.

— Конечно долгий, но за несколько лет мы убедились, что ингибиторы не выказывают агрессивных намерений в отношении нас, пока мы остаемся в непосредственной близости от Гадеса, умной нейтронной звезды. Это время не пропало даром, мы его потратили на изучение объекта. Поначалу боялись, но оказалось, что ингибиторы стараются держаться подальше от Гадеса, словно он им чем-то не нравится. Впрочем, нечто подобное мы с Торном предполагали изначально.

— Расскажи нам о Торне, — тихо попросил Клавэйн.

Хоури непроизвольно пискнула горлом, это услышали все.

— Торн был лидером оппозиции, портил жизнь режиму, пока не появились ингибиторы.

— Ты и Вольева имели с ним дело? — спросил Клавэйн.

— Через него мы убедили людей принять нашу помощь, когда встал вопрос об эвакуации. Да, нам пришлось много работать с Торном. Мы довольно хорошо его изучили.

Хоури замолчала.

— Не торопись.

Скорпион удивился, услышав в тоне старика давно исчезнувшее тепло.

— Однажды из-за дурацкого любопытства мы с Торном подошли к волкам чересчур близко. Те окружили нас и принялись пихать свои зонды нам в голову, чтобы выкачать память. Но не получилось — что-то вмешалось и спасло нас. И оно пришло из окрестностей Гадеса. Возможно, это был периферийный орган самого Гадеса, тоже что-то вроде зонда.

Клавэйн придвинул к себе отчет:

— Ты говорила о контакте с человеческим разумом.

— Это был Дэн Силвест, — ответила Хоури. — Тот самый самовлюбленный негодяй, который и заварил всю эту кашу. Много лет назад ему удалось проникнуть в матрицу Гадеса; он прошел тем же путем, что и амарантийцы, бежавшие от ингибиторов.

— И ты считаешь, что Силвест — или то, чем он к тому времени стал, — помешал ингибиторам расправиться с тобой и Торном? — спросил Клавэйн.

— Да, я уверена: это был он. Когда его сознание коснулось моего, я ощутила... Назовите это раскаянием или сожалением.

Словно он в конце концов понял, что натворил, какие ужасы навлек на человечество, потакая своему любопытству. Словно желал теперь искупить хоть малую долю вины.

Клавэйн улыбнулся:

— Лучше поздно, чем никогда.

— Конечно, он не мог творить чудеса, — продолжала Хоури. — Посланник, направленный Гадесом к Рух, отпугнул машины-убийцы, дав нам возможность вернуться к Илиа. И все равно это был знак, намек на то, что если мы хотим противостоять ингибиторам, то Гадес способен помочь. Кто-то из нас должен был войти в Гадес.

— И вызвалась ты? — спросил Клавэйн.

— Да, — ответила Хоури. — Я вошла тем же путем, что и раньше, поскольку знала: этот способ работает. Не через парадную дверь — объект на орбите Гадеса, — как сделал Силвест. Нет, я упала прямо на звезду. При этом мне пришлось умереть: гравитационное поле Гадеса разорвало меня в клочья. Потом Гадес восстановил меня, собрал внутри себя заново. К счастью, ничего из этого я не помню.

Скорпион подумал, что Хоури едва ли представляет на самом деле случившееся с ней внутри Гадеса. По крайней мере, момент вхождения в звезду начисто стерт из ее памяти. Она уже излагала свою версию: ее тело и сознание были физически реконструированы внутри звезды и сохранялись там в небольшом «пузыре» обычного пространства-времени, надежно защищавшем ее от разрушительного гравитационного поля Гадеса. Вполне возможно, так оно и было. С равной вероятностью эту историю могли придумать для нее обитатели Гадеса, некогда бывшие людьми. Но факт остается фактом: Хоури общалась с существами, обитающими в нейтронной звезде, — и, что еще важнее, ей удалось потом покинуть звезду и вернуться в обычное пространство.

Скорпион пытался уложить в уме эти события, когда его браслет требовательно запищал. Заметив, что свинья поднялся из-за стола, Хоури прервала рассказ.

Раздраженный тем, что его отвлекли, Скорпион приблизил к лицу браслет и вытянул из него наушник:

— Слушаю и надеюсь, у вас что-то важное.

В наушнике зазвучал слабый и далекий голос. Скорпион узнал офицера СБ, встречавшего его при высадке из шаттла.

— Сэр, думаю, вам нужно это знать.

— Давай быстрее.

— Докладывают о явлении третьего рода на пятьсот восемьдесят седьмом. За полгода это самое сильное.

Как будто Скорпион нуждался в пояснениях!

— Кто видел?

— Пэлфри, из бригады откачки.

Скорпион понизил голос и плотнее прижал наушник. Он чувствовал на себе взгляды всех присутствующих.

— И что именно увидел Пэлфри?

— Как обычно, сэр: немного, но достаточно, чтобы перепугаться. Не знаю, согласится ли он снова туда спуститься.

— Допроси его, все запиши, прикажи держать язык за зубами. Понятно?

— Понятно, сэр.

— После этого переведи его на другую работу. — Скорпион замолчал и нахмурился, обдумывая услышанное. — Отставить! Я сам поговорю с ним. С корабля не отпускать.

Не дожидаясь ответа, Скорпион дал отбой, вставил наушник обратно в браслет и вернулся к столу. Сев на свое место, он жестом попросил Хоури продолжать.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, не беспокойся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Арарат, год 2675-й

Комната, в которой Пэлфри приказали дожидаться Скорпиона, представляла собой крошечную пристройку к большому складу насосной службы, которой ставилось в обязанность по возможности осушать нижние уровни корабля. Изогнутые стены комнатушки были покрыты останками чумы, застывшими серо-зелеными восковыми натеками. Гладок был только пол из листового металла. К полу был привинчен болтами обшарпанный стол, доставленный со склада центральной хозяйственной службы; на нем стояли пепельница, банка, до середины наполненная чем-то похожим на деготь, и детали нескольких насосов. Рядом с деталями лежал шлем — как предположил

Скорпион, от какого-то скафандра, — с отслаивающимся чешуйками серебристым покрытием. За столом сидел Пэлфри и безостановочно курил, его глаза были красны от усталости, редкие черные волосы прилипли к обожженной солнцем коже. На рабочем был комбинезон цвета хаки с множеством карманов, с шеи на истрепанном шнурке свисал дыхательный аппарат.

— Мне сказали, ты что-то видел. — Скорпион передвинул стул, противно скрипнув его ножками по полу, уселся верхом и положил руки на спинку.

— Да, я рассказал начальнику. Мне бы домой...

— Твой начальник не сообщил мне, что именно ты видел. Я бы хотел услышать подробности. — Скорпион улыбнулся рабочему. — А потом мы пойдем домой.

Пэлфри потушил сигарету в пепельнице.

— Вы что, не верите мне?

У Скорпиона усилилась головная боль.

— С чего ты взял?

— Все знают, что вы не верите в явления. Считаете их нашими выдумками: мол, мы пытаемся увильнуть от работы, не хотим торчать на нижних уровнях.

— Что ж, правильно: я считаю, что вашему начальству нужно наладить работу на нижних уровнях, и не верю всем докладным, которые ложатся на мой стол. Хотя некоторые из них кажутся вполне правдивыми. Например, когда сообщают о явлениях в одной зоне, в смежных отсеках или на соседних уровнях. Словно капитан специально хочет указать нам там на что-то, а потом, добившись своего, снова прячется. Ты раньше видел явление?

— Нет, первый раз, — ответил Пэлфри, сжимая дрожащие руки в кулаки.

У него были худые пальцы, а костяшки красные, похожие на готовые лопнуть волдыри.

— Расскажи, что ты видел.

— Я был один. Ближайшая группа ремонтировала насос тремя уровнями ниже. Я спустился взглянуть на другой насос — он, похоже, перегрелся. У меня, кроме ящика с инструментами, ничего не было. Я не собирался задерживаться. Никто не любит ездить на нижние уровни, особенно в одиночку.

— А я слышал, работать в одиночку ниже шестисотого уровня не положено.

— Ну да...

— Как же случилось, что ты там оказался без напарника?

— Если бы мы работали по правилам, через неделю корабль затопило бы.

— Вот оно что?

Скорпион постарался изобразить удивление, хотя слышал этот довод по десять раз в неделю. Каждая служба считала, что трудится не за страх, а за совесть, за пределами возможного и уж всяко больше других. Однако чрезвычайные происшествия на колонию сыпались градом. Но об этом знали только Скорпион и пятеро его ближайших помощников.

— Мы не нарушаем графика, — заявил вдруг Пэлфри, словно Скорпион вел речь именно об этом.

— Расскажи-ка лучше о явлении. Ты спустился проверить насос. И что дальше?

— Краем глаза я заметил какое-то движение. Поначалу не понял, что это, — внизу темно, освещение почти нигде толком не работает. Может померещиться что угодно, но мы привыкли и не лезем сразу на стенку с перепугу. Но когда я посветил фонарем и пригляделся, то понял: там что-то есть.

— И что это было?

— Вроде механизма. Всякий утиль. Детали от старых насосов, от сервороботов. Провода, шланги. Это барахло валялось там, может, лет двадцать.

— Ты увидел старые детали и решил, что это явление?

— Это не просто детали, — зачастил вдруг Пэлфри. — Все было собрано в одно целое, и оно имело форму, словно кто-то специально монтировал. Силуэт как у человека. Оно стояло там и смотрело на меня.

— Ты слышал, как оно подошло?

— Нет. Я же сказал, это был просто мусор, хлам. Гнил там испокон веков, а потом заметил, как я подхожу.

— Ты увидел эту штуковину — и?..

— Она смотрела на меня. Голова, собранная из сотни мелких деталей, кивнула мне, как знакомому. И я даже увидел лицо и выражение этого лица. Это была не просто машина. У нее внутри был разум. И он явно чего-то хотел. — Пэлфри замолчал, потом с неохотой выдавил: — У меня душа в пятки ушла.

Скорпион побарабанил пальцами по спинке стула:

— Может, тебе полегчает, если я скажу: ты наблюдал явление третьего рода. Первый род означает локальное изменение в атмосфере корабля: необъяснимые порывы ветра, падение температуры. Это случается очень часто, почти ежедневно. И как правило, редко имеет отношение к капитану.

— Такое мы частенько замечаем, — подтвердил Пэлфри.

— Явления второго рода наблюдаются реже. Это голоса, произносящие слова или целые фразы, иногда несколько фраз. Тут тоже нельзя быть уверенным — от страха легко принять за голос вой ветра и даже услышать пару-тройку слов.

— У меня не тот случай.

— Да, конечно. Далее следуют явления третьего рода: физическое присутствие, трансформация, иными словами, манифестация посредством изменения местной структуры корабля — к примеру, на стене может появиться лицо — или с использованием доступного механизма или групп механизмов. Ты видел именно это.

— Что ж, вы меня обрадовали.

— Надеюсь. Хочу добавить: что бы ни говорили, еще ни одно явление никому не причинило вреда, и только пятеро рабочих наблюдали третий род, да и то по одному разу.

— Больше я вниз не пойду.

— Я и не прошу. Тебя переведут — будешь трудиться на верхних ярусах или на суше.

— Чем скорее я уберусь с корабля, тем лучше.

— Отлично. С этим мы разобрались.

Скорпион поднялся, страшно скрипнув стулом.

— Больше ничего? — спросил Пэлфри.

— Ты рассказал все, что я хотел услышать.

Пэлфри потыкал окурком в пепельницу:

— Я видел призрака, и меня допросил самый большой начальник в колонии. Это ничего не значит?

— Да просто я как раз в этот момент оказался на корабле, вот и решил поговорить с тобой.

Человек взглянул на Скорпиона с недоверчивым выражением, которое тот редко видел на лицах свиней.

— Что-то назревает.

— Не понял...

— Дело серьезное, иначе бы вы не тратили время на разговор с простым работягой.

— У нас все серьезно, такая уж наша жизнь.

— Но тут случай особый. — Пэлфри улыбнулся, как улыбаются люди, когда им кажется, будто они поняли то, что от них пытались скрыть. — Я слышал про все остальные явления. Про те, что ребята видели не в мои смены.

— И решил?..

— Призраки приходят все чаще. И это началось не вчера и не неделю назад, а, пожалуй, недели три или даже месяц. Я и был уверен: скоро что-нибудь увижу.

— Что ж, любопытный вывод.

— Встретив внизу капитана, я понял: он чем-то обеспокоен. Но что я могу знать? Я всего лишь мастер по ремонту насосов.

— Понятно, — кивнул Скорпион.

— По-вашему, что-то надвигается, верно? Иначе это явление не заинтересовало бы вас так. Небось в последнее время уже многих допросили. Вас беспокоят намерения капитана.

— Капитан на нашей стороне.

— Вам хочется в это верить! — торжествующе усмехнулся Пэлфри.

— Нам всем хочется в это верить. Если только ты не предложишь другого способа убраться с планеты, капитан — наша единственная надежда.

— Таким тоном говорите, что хочется срочно купить билет.

Скорпион задумался, а не сказать ли мастеру, что так оно и есть, — просто чтобы сбить с него гонор. Потом он решил, что Пэлфри ему не очень-то нравится. Обязательно распустит язык. А меньше всего сейчас нужна паника вдобавок к устроенной Хоури суматохе.

Пришлось отказаться от маленькой радости из тех, которые позволяет власть.

Скорпион резко наклонился вперед, и вонь Пэлфри обрушилась на него стенобитной машиной.

— Одно слово о нашем разговоре, — сказал он механику, — и тебе больше с насосами не работать. Ты станешь проблемой для нас.

Скорпион поднялся на ноги, решив оставить Пэлфри наедине с его мыслями.

— Об этом меня просить не надо, — сказал Пэлфри, протягивая помятый серебристый шлем.

Скорпион взял шлем и повертел в руках. Вещь оказалась тяжелее, чем выглядела.

— Это разве не твой?

— Не мой. Я нашел его там, внизу, среди барахла, когда закончилось явление. Вроде раньше этой штуковины там не было.

Скорпион внимательно осмотрел вещь. Судя по конструкции, что-то очень старое. Над небольшим прямоугольным визором — цепочка прямоугольных иконок с простыми символами разных цветов. Кресты и полумесяцы, полоски и звезды.

«Что бы это значило?» — подумал свинья.

Хела, год 2727-й

Предоставленная самой себе, Рашмика занялась осмотром каравана. Помещений было много и места в них предостаточно, однако она довольно быстро обнаружила, что все машины внутри похожи. Куда бы она ни направилась, везде ее встречал дурной запах, туда-сюда бродили паломники, сновали торговцы. Встречались и вариации, но столь незначительные, что они мало интересовали Рашмику. Чего ей действительно хотелось, так это выбраться наружу, на крышу каравана.

С тех пор как она последний раз видела Халдору, прошло много месяцев, и вот теперь газовый гигант наконец выбрался из-за горизонта и по мере приближения каравана к Пути поднимался все выше к зениту. Так же росло и желание Рашмики отыскать лазейку на крышу, растянуться там лицом кверху и смотреть на огромную планету. Но как она ни пыталась, двери не слушались ее и не открывались. Рашмика перепробовала разные места в разные часы, надеясь проскочить во время пересменки охраны, но крыша была надежно защищена, вероятно, потому, что там находилось много чувствительного навигационного оборудования.

Она возвращалась из очередного тупика, когда вдруг нос к носу столкнулась с квестором. На плече у него, как обычно, сидел зеленый зверек. Показалось ли Рашмике, или с передней лапой зверька действительно что-то не так? Очень уж она похожа на культю.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, мисс Эльс?

— Я гуляла по каравану, осматривалась. Это не запрещено?

— Не запрещено, хотя есть некоторые ограничения. — Квестор кивком указал в конец коридора, на дверь за спиной Рашмики. — Например, крыша — одно из тех мест, куда проход закрыт.

— Я и не думала идти на крышу.

— Не думали? Тогда, наверное, вы заблудились. Потому что это дверь на крышу. Там нет ничего интересного, поверьте.

— Мне хотелось посмотреть на Халдору.

— Но вы же ее видели много раз.

— Последний раз довольно давно, а так высоко над горизонтом — никогда, — ответила Рашмика. — Я хочу увидеть Халдору в зените.

— Что ж, тогда нужно еще немного подождать. А теперь... с вашего позволения.

Квестор протиснулся к двери мимо Рашмики, на миг неприятно прижался к ней животом.

Зеленый зверек взглянул на девушку фасетчатыми глазами.

— Пусть тот, кто сам без греха, первым бросит камень, — сказал он.

— Куда вы идете, квестор? На вас нет скафандра.

— Вам пора, мисс Эльс.

В темную нишу рядом с дверью, которую случайный посетитель, вероятно, и не заметил бы, квестор сунул руку, постаравшись сделать это быстро и скрытно. Рашмика услышала щелчок, словно сработал потайной механизм.

Дверь открылась перед квестором, и он шагнул в проем. Дальше в красном свете Рашмика увидела несколько аварийных комплектов и скафандры в шкафах.

Девушка снова пришла сюда через несколько часов, удостоверившись, что квестор вернулся внутрь каравана. Прихватила собственный скафандр, свернутый и затолканный в сумку, чтобы незаметно пронести его через гудящие помещения. Она тронула ручку двери: как и раньше, та была заперта. Но, сунув руку в замаскированную нишу, которую квестор пытался утаить от нее, нашла там рычаг. Нажав, Рашмика услышала щелчок дверного замка. По идее, тут еще должен быть страховочный механизм, не позволяющий отпереть внешнюю дверь, пока открыта внутренняя. Но опасения оказались напрасны —

внутренняя дверь распахнулась перед ней, как давеча перед квестором. Проскользнув в проем, девушка закрыла ее за собой и надела скафандр. Проверив запас воздуха, она с облегчением отметила, что его достаточно, и ощутила кратковременное дежавю, вспомнив, как делала то же самое, покидая дом.

Припомнила она также, что тогда резервуар был заполнен не до конца, словно кто-то недавно попользовался ее скафандром. Она не придавала этому значения, но теперь вдруг ощутила тревогу, а затем память подбросила еще кое-что. Снаружи возле люка виднелись следы, подтверждавшие, что кто-то недавно пользовался шлюзом и ее скафандром. Следы были маленькие и могли принадлежать матери. Но и следы самой Рашмики ничем не отличаются от них.

Она вспомнила также, что полиция подозревает ее во взрыве склада, ищет как диверсантку. А побег из поселка, конечно же, укрепил подозрения. Но погоню за ней посылать не стали, потому что прямых доказательств, скорее всего, нет.

Что все это значит? Если Рашмика взорвала склад, то как она может не помнить? Более того, зачем она сделала это, ведь такая выходка совершенно бессмысленна? «Нет, — сказала она себе, — *я ни при чем. Просто случайно подозрение пало на меня*».

Но сомнения продолжали ее мучить.

Через десять минут Рашмика уже стояла на крыше огромной машины, в безвоздушном пространстве, под усыпанным звездами небом. Мысли о взрыве на складе никак не отпускали ее, но усилием воли ей удалось сосредоточиться на том, что окружало ее в данный момент.

Рашмика припомнила, что произошло в коридоре, когда она встретила квестора. Странная встреча. Наверняка в караване множество выходов на крышу, но квестор наткнулся на пассажирку у той самой двери, которую она пыталась открыть. Могло быть так, что квестор следил за ней, за ее блужданиями по маленькой империи на колесах? Разговаривая с Рашмикой, он хотел что-то скрыть. Это было написано на его лице, читалось во вскидываемых на мгновение бровях. Он чувствовал себя виноватым, оттого что следил за ней? Наверняка квестору не часто выпадает шанс полюбоваться девушкой ее лет, вот он и таращился, и его кошмарная зверушка тоже.

То, что квестор подсматривает, — плохо. Ну да ладно — она недолго пробудет на караване, а сейчас ее больше всего интересует, что находится на крыше. Если квестор следил, то легко мог остановить ее, пока она надевала скафандр и поднималась на крышу. Но никто не остановил; наверное, квестор занят или решил не мешать ей — пусть попадет туда, куда так стремится.

Она почти сразу забыла о квесторе, увлеченная открывшимися кругом видами.

До сих пор Рашмика ни разу не видела исчезновений. На ее веку они случились дважды. Причем в одном случае Халдора виднелась с Равнины Вигрид, но в то время Рашмика была в школе. Конечно, она знала: заметить что-нибудь очень сложно, даже если тебе очень повезет и в великий момент ты окажешься снаружи, на льду. Явление продолжалось всего-то долю секунды. Что оно было, ты всегда узнаёшь слишком поздно. Единственные, кто успевал заметить исчезновение, — за исключением Куэйхи, с которого все началось, — это сектанты, давшие обет непрерывно наблюдать за Халдорой. Но они вынуждены были молиться о том, чтобы не моргнуть в самый важный момент. Борясь со сном при помощи наркотиков и избирательной нейрохирургии, они доводили себя до полубезумного состояния.

Рашмика не могла представить себе веру такой силы, но, с другой стороны, ей никогда и не хотелось примкнуть к церкви. Она была не прочь увидеть исчезновение, но именно потому, что считала его рациональным природным явлением, а не доказательством Божественного промысла космических масштабов. Стыдно, считала она, если ты не можешь похвастаться, что своими глазами видела этакое диво. Поэтому в детстве, когда Халдора висела над горизонтом и у Рашмики появлялась свободная минутка, девочка спешила наружу, посмотреть на газовый гигант. Конечно, это ничто по сравнению с бесконечным бдением церковных наблюдателей, да и, по статистике, шанс увидеть пропажу Халдоры ничтожен, но она все равно выходила на поверхность, презрев статистику и тех, кто не разделял с нею исследовательского энтузиазма.

Крыша каравана была сплошь усажена опасными предметами — тут и ящики генераторов, и радиаторные решетки, и выпускные клапаны, и змеи силовых и коммуникационных

кабелей. Все казалось очень старым, смонтированным много лет назад. Рашмика прошла в одну сторону, потом в другую, строго вдоль ограждения эксплуатационных мостков. Добравшись до края машины, девушка глянула вниз и содрогнулась — так далека была земля и так медленно она двигалась.

На крыше никого не было, по крайней мере на этой машине.

Она посмотрела вверх, задрав голову, насколько позволяло сочленение шлема и скафандра. В небе было полным-полно движущихся в разные стороны огоньков. Казалось, Рашмику окружают две независимые небесные сферы, два прозрачных звездных глобуса, один внутри другого. В первый миг от этого зрелища всегда кружилась голова. Прежде лишь секундное недомогание — но здесь, на высокой крыше движущейся машины, это головокружение было смертельно опасным.

Рашмика покрепче ухватилась за поручни, опустила голову и вгляделась в горизонт. Потом, успокоившись, снова посмотрела на небо.

Впечатление, будто она попала в середину пары сфер, было не совсем уж обманчивым. Огоньки, усеивающие бóльшую сферу, были невообразимо далекими звездами; на меньшей сфере кружили корабли ультра, отражая солнце идеально полированными поверхностями. Время от времени та или иная звездочка выбрасывала луч яркого света, корректируя маневровой дюзой положение на орбите или готовясь к отбытию.

Рашмика слышала, что в последнее время на орбите Хелы находится от тридцати до сорока кораблей; одни улетают, другие прилетают. Как правило, это малые суда — ультра побаиваются Халдоры и оставляют большие корабли подальше от планеты. Рашмика видела в основном шаттлы для полетов внутри системы, способные принять на борт партию замороженных паломников и несколько торговцев-ультранавтов. Корабли, которые летали от Хелы к орбите, были еще меньше: церкви не разрешали крупным судам приближаться к поверхности.

Корабли для межзвездных рейсов приходили на орбиту Хелы крайне редко. Когда появлялся субсветовик, он висел в небе подобно елочной игрушке, скользя от горизонта к горизонту по невидимым рельсам. За свою жизнь Рашмика видела субсветовики всего несколько раз; большие суда вселяли в нее одновременно страх и восторг. Ее мир — это корка льда, на-

липшая на камешек, — все очень непрочно. Висевшие рядом с Хелой звездолеты, особенно когда они опробовали главные двигатели, напоминали поднесенный к снежку сварочный аппарат.

Волнами накатывало головокружение; затекла шея. Рашмика снова посмотрела на горизонт. У нее довольно удобный скафандр, но он явно не предназначен для осмотра достопримечательностей.

А вот и Халдора. Газовый гигант уже на две трети поднялся над горизонтом. На Хеле нет воздуха, поэтому не бывает облаков и туманов, и невозможно определить, находится объект в десятках или в миллионах километров от тебя. Газовый гигант казался продолжением планеты, на которой стояла девушка. У горизонта Халдора представлялась массивней, чем когда стояла в зените, но Рашмика знала: это просто обман зрения, случайный побочный эффект работы мозга. Халдора в небе Хелы раз в сорок больше, чем Луна в небе Земли. Рашмика часто думала об этом и удивлялась: сущая малявка, а занимает столь видное место в земной литературе и мифологии.

С того места, откуда она смотрела, Халдора представлялась толстым месяцем. Даже не опуская контрастного фильтра, Рашмика различала цветные пояса, пересекающие газовый гигант от полюса до полюса: охра и сепия, морковь и солома, киноварь и янтарь. Она видела причудливые завитушки и зазубрины там, где краски смешивались или блекли, и яростный пурпурный глаз урагана, как сучок в доске. Она видела крошечные пятнышки — тени других лун, которые во множестве кружили около Халдоры, и бледную дугу единственного кольца вокруг гиганта.

Рашмика опустилась на корточки. Сидеть в скафандре было так же неудобно, как смотреть вверх, но она оставалась в этой позе, сколько хватило выдержки. Все это время она смотрела на Халдору, умоляя ее исчезнуть, страстно желая увидеть то, что повлекло сюда поселенцев. Но планета продолжала висеть над горизонтом, словно гвоздями прибитая к горам Хелы, близкая: только протяни руку — и коснешься. И такая же реальная, как все, что Рашмика видела на своем веку.

И тем не менее, подумала она, Халдора исчезает. В этом не сомневается никто, по крайней мере из тех, кто хотя бы недолго пожил на Хеле. Если долго глядеть на Халдору, можно —

если только ты не патологический неудачник — увидеть, как гигант скроется с глаз.

Просто сегодня не ее день.

Рашмика встала и направилась туда, откуда вышла на крышу, к задней части машины. Ей был виден весь караван, длинная процессия; машины поднимались и опускались волнами, преодолевая небольшие холмы, по которым проходила дорога. Со времени ее прибытия караван стал еще длиннее: к его корме в какой-то момент без лишнего шума присоединилась дюжина машин. Он будет постепенно расти, пока не доберется до Вечного Пути, где разделится на части и каждая часть направится к своему собору.

Рашмика достигла конца эксплуатационной дорожки, противоположного края машины. Ее и другую машину разделял проем, через который был перекинут мостик из листового металла. Издалека это было незаметно, но теперь она поняла, что расстояние между машинами и высота мостика над землей все время меняются, отчего узкая конструкция дергается и гнется, словно агонизирующее живое существо. Вместо прочных перил, как те, за которые держалась Рашмика, мостик был огражден металлическими тросами. Ниже, на полпути к земле, виднелся воздухонепроницаемый переходник-гармошка. Он выглядел не таким опасным, как мостик.

Можно вернуться внутрь и перейти по этой гармошке в другую машину, подумала Рашмика. Или можно решить, что на сегодня она нагулялась. Не стоит, едва выбравшись из дому, искать неприятностей, ведь впереди долгий путь.

Рашмика попятилась, но только на секунду. Потом вернулась к мостику и расставила руки так, чтобы держаться за оба троса. Мостик скрипел, металлические листы ходили ходуном, сквозь щели виднелась ужасная пропасть. Девушка шагнула вперед, утвердив башмак скафандра на первом листе.

Мостик был совсем ненадежным, металл под ней двигался словно живой, ни на мгновение не останавливаясь.

— Иди, — шепотом приказала себе Рашмика.

Она сделала еще шаг; теперь на мосту были обе ноги. Передняя машина вздымалась и опускалась. Мостик колыхался под ногами, раскачивал девушку из стороны в сторону. Она держалась крепко. Больше всего на свете хотелось повернуть назад, но тонкий и далекий голосок внутри ее говорил: надо идти.

Голосок твердил, что если не хватит храбрости на этот простой поступок, что уж говорить о поисках брата.

Рашмика сделала еще один шаг. Она шла через мост. Она должна была пройти до конца.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Арарат, год 2675-й

Кровь быстро вошел в конференц-зал, держа под каждой мышкой рулон. Положив их на стол, раскатал один по столешнице; карта послушно расправлялась под его руками. Лист толстой желтоватой бумаги размером со стол на ощупь напоминал кожу. По приказу Крови изображение приподнялось над поверхностью и образовало условный рельеф Арарата, потом затенилось в соответствии с положением дня и ночи на данный момент. Тонкими светящимися линиями прочертились меридианы и параллели, у каждой линии показались крохотные цифры.

Наклонившись к столу, Хоури несколько секунд изучала карту. Повернув ее немного к себе, указала на цепочку островов:

— Где-то здесь... Километров тридцать от пролива и восемьдесят на север от этой точки.

— Карта обновляется в реальном времени? — спросил Клавэйн.

— Средняя частота обновления — раз в два дня, — ответил Скорпион. — Иногда реже. Зависит от взаимного положения спутников и высотных зондов, а также от облачности. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что там, куда показывает Ана, кажется, и впрямь что-то есть.

— Да, верно, — подтвердила Хоури. — Корабль Скади. Ведь это он?

Скорпион наклонился, чтобы рассмотреть белое пятнышко.

— Это не корабль, — наконец сказал он. — Просто кусок льда, небольшой айсберг.

— Ты уверен? — спросил Клавэйн.

Кровь стукнул копытом в указанное Хоури место:

— Давайте проверим. Карта: десятикратное увеличение.

Поверхность планеты начала расползаться, уходя за края карты. Белая точка в океане росла, пока не достигла размеров ногтя большого пальца. Кровь велел карте прибавить контрастность и включить фильтры, однако новые подробности не появились, только стало заметно, что айсберг тает и во все стороны от него по морю расходятся светлые полосы холодной воды.

— Это не корабль, — заключил Скорпион.

Клавэйн так не считал:

— Ана, на чем прилетела Скади? Вроде ты говорила, на корвете класса «Мурена»?

— Я не эксперт по кораблям, но да, я это говорила.

— Ты сказала, что его длина пятьдесят метров. Вполне подходит для легкого корвета. Любопытно, что айсберг примерно такого же размера. Если и побольше, то ненамного.

— Наверное, совпадение, — предположил Кровь. — Ты же знаешь, в этих широтах часто встречаются айсберги. Иногда заплывают и дальше на юг.

— Но сейчас в этом районе нет других айсбергов, — возразил Клавэйн.

— Все равно, — сказал Скорпион. — Эта штуковина кораблем быть не может. С чего бы ему покрываться льдом? Вроде при вхождении в атмосферу корабли разогреваются, а не мерзнут. И почему лед еще не растаял?

— Узнаем, когда доберемся, — пообещал Клавэйн. — А пока обсудим практическую сторону вопроса. Мы не хотим спугнуть Скади, ведь она может сгоряча натворить бед. Поэтому подберемся к ней тихо и без воздушного прикрытия. Я предлагаю лететь на шаттле; пилотом будет Антуанетта. Вот здесь, — Клавэйн указал на точку к югу от айсберга, — мы сбросим две или три лодки и остаток пути преодолеем по морю. Возьмем хирургическое снаряжение и оружие ближнего боя, ничего лишнего. Если вдруг сочтем нужным уничтожить корабль, в любой момент сможем вызвать штурмовик с большой земли. — Клавэйн поднял глаза, не отрывая палец от карты. — Если отправимся сегодня засветло, то окажемся в районе айсберга на рассвете и у нас будет целый день на переговоры со Скади.

— Погодите минутку, — чуть улыбаясь, вступил в разговор доктор Валенсин. — Прежде чем приступим к сборам, скажите, неужели вы действительно воспринимаете все это всерьез?

— А вы не воспринимаете? — спросил Клавэйн.

— Она мой пациент, — ответил Валенсин, сочувственно взглянув на Хоури. — Я могу утверждать, что эта женщина не ведет себя как явная психопатка. У нее сочленительские имплантаты, и, если такие же были у ее ребенка, когда он находился в утробе, между ним и матерью была возможна связь. Это необычно, но Ремонтуар мог вживить плоду имплантаты посредством дистанционной микрохирургии. Учитывая возможности медицины сочленителей, не будет абсурдным допущение, что Скади извлекла ребенка из утробы матери, не оставив при этом следов хирургического вмешательства. Но как понимать остальное? Например, утверждение Хоури, будто в космосе, практически у нас на пороге, идет война? Вам не кажется, что это притянуто за уши?

— Мне не кажется, — ответил Клавэйн.

— Попрошу объяснить. — Валенсин огляделся в поисках поддержки.

Клавэйн постучал пальцем по виску:

— Не забывайте, что я тоже сочленитель. В последний раз, когда была возможность проверить механику в моей голове, там все работало.

— Нисколько не сомневаюсь, — кивнул Валенсин.

— О чем вы забыли, так это о ее чувствительности. Она способна обнаруживать в окружающем пространстве и усиливать поля, генерируемые имплантатами других сочленителей. При отсутствии помех два сочленителя могут мысленно общаться на расстоянии до десяти метров без дополнительных усилителей. Наше «железо» преобразует сигналы в паттерны, которые способна интерпретировать органическая часть мозга посредством структур визуальной грамматики, которыми оперирует центр восприятия.

— Для меня это не новость, — буркнул Валенсин.

— Тогда подумайте о возможных последствиях. Что, если над нашими головами действительно идет война — масштабная, по всей звездной системе, с применением любых методов и средств? В ходе такой кампании может возникать огромное количество случайных электромагнитных шумов, значительно

более мощных, чем обычные сигналы сочленителей. Предположим, мои имплантаты улавливают эти сигналы, но не могут их верно интерпретировать. Из-за этого в мой биологический мозг поступают различные полусформировавшиеся образы. Мозг делает все возможное, чтобы отсортировать этот случайный поток, и в результате я вижу лица и фигуры в небе.

— Он и раньше говорил про свои видения, — заметил Скорпион.

— Фигуры, знаки, предвестия, — продолжал Клавэйн. — Это началось два-три месяца назад. Хоури сказала, что флот прибыл девять недель назад. Все слишком хорошо совпадает. Я решил, что схожу с ума, а получается, слышу отголоски войны.

— Старый опытный солдат, — кивнул Скорпион.

— Я к тому, что сказанное Хоури считаю правдой, — заявил Клавэйн. — Какой бы странной ни казалась ее история.

— Даже то, что она рассказала о Скади? — спросил Валенсин.

Клавэйн почесал подбородок. Его глаза закрылись, превратились почти в щелки, словно он углубился в свои мысли, обозревая поле возможностей.

— В особенности то, что она рассказала о Скади, — ответил он.

Хела, год 2727-й

Рашмика смотрела только вперед. Она уже почти добралась до соседней машины. На ее крыше виднелись люди в скафандрах, занятые какими-то делами, переходящие с одного эксплуатационного мостика на другой. Ворочались краны, нагруженные палетами с тяжелым оборудованием. По сверхъестественной механической точности движений угадывались сервороботы. Огромный караван, составленный из множества разнообразных машин, требовал постоянного ухода и ремонта. Точно собор в миниатюре, подумала Рашмика.

Наконец под ее ногами оказалась относительно прочная поверхность — соседняя крыша. Эта машина передвигалась не на колесах, а на механических ногах, поэтому вместо монотонного хруста льда и камня снизу доносился мерный топот же-

лезных ступней, ритмично поднимаемых и опускаемых поршнями. Проем между машинами, через который Рашмика только что перебралась, выглядел совсем не страшно — всего несколько метров, — но она не сомневалась, что возвращение назад тоже дастся ей нелегко.

А пока можно осмотреться. Эта крыша устроена немного по-другому, здесь больше порядка, от прикосновений ничто не шатается и не лязгает. По краям расставлены несколько ящиков с оборудованием, между ними, тоже с краю, аккуратно проложены кабели и шлейфы.

На середине крыши, занимая ее бóльшую часть, находилась наклонная плита, приподнятая под углом поршнями. Рашмика заметила ее, еще когда ледокат Крозета подъезжал к каравану, и в своем поселке ей тоже случалось видеть такие солнечные батареи, страховка на случай поломки главного генератора. Солнечные батареи состояли из точно подогнанных друг к другу миниатюрных квадратных фотоэлектрических элементов, поблескивающих на солнце зеленью и синевой. Но на этот раз никаких солнечных батарей не оказалось; вместо этого на наклонных поверхностях рядами лежали темные, словно распятые фигуры. Рашмика пересчитала распятых: их было тридцать шесть, расположенных квадратом: шесть в длину, шесть в ширину; каждая фигура размером с человека.

С некоторым трепетом она подошла ближе. На наклонной плите действительно лежали люди, их руки и щиколотки удерживались ремешками, пятки упирались в маленькие подножки. При ближайшем рассмотрении оказалось, что все одеты одинаково, в шоколадного цвета рясу по колено, с капюшоном, подпоясанную белым витым шнуром с кистями. Под капюшонами зеркально блестели визоры скафандров. Лиц Рашмика не видела, только отражение медленно движущейся местности и саму себя, как незначительную деталь этого ландшафта.

Все распятые смотрели на Халдору. Теперь стало ясно: наклон плиты обеспечивал наиболее удобное наблюдение за поднимающейся над горизонтом планетой. По мере приближения каравана к Пути и движущимся по нему соборам платформа опускалась все ниже, чтобы на Пути лечь горизонтально, дав возможность тридцати шести наблюдателям глядеть точно в зенит.

Паломники, поняла Рашмика. Караван подобрал их, проходя мимо поселков вблизи экватора. Очень может быть, что кое-кто прибыл сюда с Равнины Вигрид, возможно, даже из ее поселка.

Рашмика смотрела на визоры скафандров и думала, обнаружили ли паломники каким-нибудь образом ее присутствие? Скорее всего, нет: наблюдатели стараются не отрывать взгляда от Халдоры и ждут чуда, поэтому они вряд ли замечают происходящее вокруг.

Ее очень беспокоила та быстрота, с которой паломники в своей вере дошли до крайности. Скорее всего, они покинули родной кров считаные недели назад, а до той поры вели себя как нормальные члены поселковой коммуны. Наверняка и раньше были верующими, но в пустошах много дел, там невозможно отдаться религии со всей страстью. Эти люди должны были как-то уживаться в семьях и на работе, им приходилось шутить и смеяться при общении с другими. А здесь они свободны, ничто не ограничивает их религиозных устремлений. Очевидно, этому способствовала кровь Куэйхи, впрыснутая им в вены.

Рашмика снова взглянула на извилистую линию каравана. Тут и там на крышах виднелись наклонные платформы. Если предположить, что на каждой находится одинаковое число паломников, получается, что всего их здесь более двухсот. Кроме этого, на Хеле много других караванов. Выходит, к сияющему Пути сейчас едут несколько тысяч паломников, а еще тысячи и тысячи бредут пешком, преодолевая немыслимые трудности.

Мысль о тщетности этого паломничества, о пустой трате драгоценных человеческих жизней наполнила Рашмику возмущением и даже праведным гневом. Хотелось забраться на платформу и стащить с нее наблюдателя, заставив отвернуться от приворожившей планеты, смахнуть капюшон с его головы, прижаться шлемом к пустому зеркалу его визора — вдруг получится докричаться, пока не стало слишком поздно, до огарка человеческой сущности, который еще тлеет там? Вот бы швырнуть камень в лицевой щиток: один кратчайший миг убийственной декомпрессии — и нет больше твоей веры!

Но при этом она понимала, что злится вовсе не на тех, кто действительно этого достоин. Рашмика просто боится за Харбина, ничего не ведая о его судьбе, — спрашивается, при чем

тут паломники? Не в ее силах уничтожить церкви, и поэтому хочется отыграться на несчастных богомольцах, которые тянутся к этим церквям.

Только отдав себе в этом отчет, Рашмика снова испытала гнев и отвращение — но теперь уже к собственной персоне. И не припомнить, когда еще она так себя ненавидела. Словно внутри у нее закрутилась стрелка компаса, выискивая новое стабильное направление. И мысль о том, что Рашмика способна испытывать отрицательные эмоции такой силы, не на шутку удивила и испугала ее.

Усилием воли Рашмика заставила себя успокоиться. За все то время, что она смотрела на паломников, ни одна из привязанных к плите фигур не пошевелилась. В молитвенном покое застыла на скафандрах многочисленными и разнообразными складками шоколадная ткань ряс, словно вырезанная из твердейшего камня умелыми скульпторами. В зеркальных визорах продолжал скользить ландшафт. Может, это и к лучшему, что она ничего не увидела за лицевыми щитками.

Рашмика повернулась и зашагала обратно к мостику.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Арарат, год 2675-й

Шаттл завис в нескольких метрах над водой. Спасательная команда собралась в заднем ангаре, дожидаясь, когда первая лодка будет освобождена от креплений и осторожно спущена на воду. Во все стороны простиралось темное бескрайнее море, тихое и гладкое, за исключением участка, на который падало тепловое излучение летательного аппарата. Ни ветерка, ни малейших признаков необычной активности жонглеров образами; и на течениях в этой части океана сказалось сезонное замедление. Судя по обновленным картографическим данным, айсберг за это время практически не сместился.

Как только лодка оказалась на воде, в нее по очереди перебрались трое. Первым спустился Скорпион, потом офицер Сил безопасности Жакоте, последней была Хоури. За ними последовали герметичные металлические ящики с провизией, оружием и оборудованием; все это было спешно укрыто в водо-

непроницаемых отсеках по бортам лодки. И наконец, сверху передали инкубатор — прозрачную капсулу с днищем из молочного пластика и ручками для переноски. Это устройство спасатели принимали с особой осторожностью, словно внутри уже находился ребенок.

После этого разомкнулись замки на концах швартовочных тросов, и Скорпион отвел лодку в сторону от шаттла. Шипение тепловых элементов летательного аппарата ослабло, зато вырос стон работающего на аккумуляторах лодочного мотора. Затем на воду была спущена вторая лодка. Васко проследил за снижением еще одного офицера СБ, женщины по фамилии Эртон. За ней последовал Клавэйн. Опустившись в лодку, старик едва удержался на ногах, но быстро восстановил равновесие. Потом Кровь помог Васко. Юноша полагал, что друг Скорпиона примет участие в операции, но Скорпион приказал Крови вернуться в Первый Лагерь и принять обязанности заместителя начальника колонии. Он с большой неохотой позволил Крови лететь к айсбергу, чтобы помочь с выгрузкой плавсредств.

Во вторую лодку переправили груз, и она сильно просела, вода подступила пугающе близко к бортам. Еще через секунду были отданы концы, и женщина, запустив мотор, направилась к Скорпиону. После недолгого совещания часть груза перенесли со второй лодки на первую, чтобы уменьшить осадку.

— Ну, ты готов? — обратилась Эртон к Васко. — Еще не поздно вернуться.

Эртон начала задирать парня еще на борту «Ностальгии по бесконечности», на совещании по планированию операции. До того момента они почти не виделись: как и Жакоте, эта женщина была для Васко просто одним из офицеров Сил безопасности — старше его по званию и прослужившая на несколько лет дольше.

— Считаешь, не стоило меня брать? — Он постарался, чтобы голос звучал спокойно. — Я тебе не нравлюсь?

— Некоторые из нас заслужили право здесь находиться, — ответила Эртон. — Только и всего.

— А я не заслужил?

— Ты помог свинье, — негромко ответила женщина, — и он взял тебя сюда. До таких задач, как эта, ты не дорос, и до моего уважения тоже.

— Без твоего уважения как-нибудь обойдусь, — ответил Васко. — Достаточно профессиональной этики.

— Ну, на этот счет не беспокойся, — хмыкнула Эртон.

Васко хотел что-то ответить, но она уже повернулась к тяжелой пушке Брейтенбаха, которую надо было закрепить на бортовой стойке.

Малинин не знал, чем вызвана такая враждебность. Лишь тем, что он моложе и у него меньше опыта? Вздохнув, Васко принял участие в проверке и укладке снаряжения. Работа была не из легких и приятных: все самые хрупкие и сложные части — оружие, навигационное оборудование и средства связи — были покрыты серой водоотталкивающей смазкой. Она противно липла к рукам, вытягивалась длинными нитями.

Приглушенно ругаясь, он вытер руки о штаны и едва успел заметить, как шаттл развернулся и улетел, оставив лодки в открытом море.

Они прошли несколько километров по зеркальной воде. Порой над головами расходились облака, открывая темно-синие, с неровными краями, колодцы неба. Еще проглядывали звезды, но ни одного из спутников Арарата над горизонтом не было — довольно редкое зрелище. И никаких иных источников света, кроме пары прожекторов.

Лодки шли в нескольких метрах друг от друга, почти борт в борт; моторы достаточно шумели, чтобы мешать разговорам. Еще в начале операции Васко решил, что самое для него лучшее — как можно реже открывать рот. Похоже, Клавэйн оценил его молчаливость, судя по одобрительному взгляду.

Кроме того, парню нужно было многое обдумать. Он сидел в корме второй лодки, на планшире, и все заряжал и разряжал свое оружие, закреплял движения в мышечной памяти на тот случай, если однажды надо будет действовать не рассуждая. В сотый раз он задался вопросом, дойдет ли до стрельбы? Возможно, окажется, что кто-то кого-то просто не понял, и на этом все уладится.

Но Васко чувствовал, что вероятность такого благополучного исхода крайне невелика.

Они все ознакомились с историей Хоури и присутствовали на совещании, когда ей устроили перекрестный допрос. Бóльшая часть услышанного осталась для Васко непонятной, но

в ходе дискуссии общая картина начала выстраиваться в его голове.

Ясно было следующее: Ана Хоури вернулась из нейтронной звезды Гадес с телом погибшего Торна на руках и плодом в утробе. И это не просто нерожденный ребенок Хоури и Торна, но агент древнего разума — человеческого или инопланетного, — который скрывается в компьютерной матрице Гадеса. Аура является даром человечеству, в ее мозгу содержится информация, способная перетянуть чашу весов в войне с ингибиторами. Вполне возможно, она несет в себе и часть воспоминаний Силвеста, и саму отправку Ауры следует расценивать как его попытку искупления вины.

Хоури была уверена, что содержимое мозга Ауры следует добыть и изучить как можно быстрее. Нет времени дожидаться, когда она родится на свет и тем более когда подрастет и научится говорить.

Для этого с разрешения Хоури Ремонтуар использовал дронов-хирургов для помещения имплантатов в головы матери и дочери, пока Аура еще находилась в утробе. При помощи этих устройств женщина и ее ребенок могли обмениваться мыслями и делиться опытом. Хоури стала глазами и ртом Ауры, ей даже снились сны младенца, и порой она не могла различить, где заканчивается дочь и начинается она сама. Мысли чада проникали ей в мозг и самым прихотливым образом смешивались с ее собственными мыслями.

Но интерпретировать телепатические послания и опыт Ауры было очень сложно. Дочь находилась в утробе, ее когнитивные структуры толком не сформировались, представления об окружающем мире были крайне расплывчатыми. Хоури изо всех сил старалась улавливать адресованные ей мысли дочери, но лишь немногие из них поддавались толкованию; это все равно что просеивать горы пустой породы в поисках крошечных драгоценных камней. Однако добытые крупицы осмысленной информации были исключительно важны. Следуя намекам Ауры, Ремонтуар сумел значительно усовершенствовать свою технику и вооружение. Уже одно это делало сотрудничество с ребенком в высшей степени полезным.

А потом вмешалась Скади.

Она появилась в системе Дельты Павлина после того, как ингибиторы закончили обжигать Ресургем и другие планеты

системы, и очень быстро установила торговые связи с людьми, оставшимися после отлета «Ностальгии по бесконечности». В первую очередь она стремилась найти запас созданного сочленителями оружия класса «Ад» и завладеть им. Но корабли Скади были повреждены, а ингибиторы к тому времени скопились в огромном количестве: не та ситуация, когда можно получить желаемое исключительно благодаря грубой силе.

«Свет Зодиака» закончил саморемонт, изучение небесного тела по имени Гадес подошло к логическому завершению. Ремонтуар и его союзники покинули систему Дельты Павлина, и Скади тенью последовала за ними. Проведя осторожные переговоры, Скади задействовала собственные ресурсы для защиты беженцев от преследующих их ингибиторов. Это был рассчитанный риск, но жест доброй воли сыграл свою роль: Ремонтуар решил, что Скади можно доверять.

А ей ничего, кроме доверия, и не требовалось. Присматриваясь к техническим новинкам Ремонтуара, она ясно сознавала свои тактические недостатки. Скади явилась в эту систему, чтобы добыть пушку класса «Ад», однако новые боевые системы оказались ничем не хуже.

Больше всего ее теперь интересовала Аура.

За прошедшие месяцы бортового времени, пока «Свет Зодиака» и два других сочленительских корабля летели к Арарату, Скади вела тонкую политическую игру. Делая уступки тут и там, передавая Ремонтуару сведения и ресурсы, она усыпила его подозрения. Ставка делалась на давнюю верность Ремонтуара Материнскому Гнезду. Этого сочленителя удалось убедить, что сотрудничество — в их общих интересах. Когда наконец Ремонтуар согласился принять на своем корабле группу соратников Скади, это выглядело последним формальным шагом к установлению теплых отношений.

Но гости оказались группой захвата. Они разыскали Хоури, убив по пути десятки людей Ремонтуара, и под наркозом доставили ее на корабль Скади. Там хирурги прооперировали Ану и извлекли из нее Ауру. Ребенка на шестом месяце развития перенесли в новую утробу. В свою очередь эта утроба — биокибернетическая конструкция из живой ткани — была помещена в новое тело, которым обзавелась Скади после того, как ее прежнее тело погибло в аварии на Материнском Гнезде. Имплантаты Ауры могли общаться только с имплантатами

Хоури, но Скади быстро справилась с установленной Ремонтуаром защитой. Аура теперь росла и развивалась внутри тела Скади, и та получала весь поток технологической информации, прежде доставшейся Хоури и Ремонтуару.

Скади получила вожделенную добычу, но не потеряла голову от радости. Пожалуй, она даже перемудрила. Следовало немедленно умертвить Хоури, но она не сделала этого, решив, что пленница послужит дополнительным рычагом давления на Ремонтуара. Даже после того, как ребенка вырвали из утробы Хоури, та оставалась полезной заложницей. Последовали переговоры, и Скади добилась от Ремонтуара согласия обменять Хоури на различные технологические новинки. Рано или поздно Скади получила бы эти сведения от Ауры, но она была не расположена ждать.

К тому времени ингибиторы уже почти настигли их.

Когда наконец корабли прибыли к Арарату, война приняла позиционный характер. Люди пошли на эскалацию конфликта, применяя новое, почти непостижимое для ингибиторов оружие, а те в ответ прибегли к зловещей стратегии. Враждующие стороны стремились к максимальной скрытности своих действий; любые виды энергии преобразовывались в не поддающиеся обнаружению волны. Специальные проекторы вводили противника в заблуждение, создавая фантомные образы массированных атак. Убойная материя и антиматерия разбрасывалась почти вслепую. В зависимости от расстановки сил и результатов боевых столкновений человеческие группировки заключали между собой союзы или расторгали их, причем положение менялось не только ежедневно, но и ежечасно. Скади соглашалась действовать совместно с Ремонтуаром только в критических ситуациях, когда альтернативой было полное уничтожение ее войск. Аналогичными соображениями руководствовался и Ремонтуар.

Но примерно неделю назад Скади изменила тактику. Она покинула главный корабль и вылетела на легком корвете. Ремонтуар заметил скоростное судно, проскользнувшее между фронтами враждующих сторон. Расчет пределов ускорения корабля позволил сделать вывод, что на его борту как минимум один человек. Небольшая группа ингибиторов пустилась в погоню за корветом, подойдя к планете ближе обычного. Каза-

лось, машины понимают: на его борту находится нечто важное и оно ни в коем случае не должно добраться до цели.

Ингибиторы не догнали корвет, но сумели его повредить. Ремонтуар и его товарищи проследили траекторию корабля, так как его маскировочные системы теперь работали с перебоями. Отметили, как он вошел в атмосферу Арарата и произвел почти неуправляемую посадку на море. Не было никаких признаков того, что на планете кто-то заметил появление корвета.

Через несколько дней на Арарат отправилась Хоури. Ремонтуар отказался послать большой отряд, считая, что его шансы проскочить к планете мимо ингибиторов ничтожны. Допускалось, что лишь крошечной капсуле удастся пройти незамеченной. Ана не только попытается вернуть Ауру, но и найдет способ сообщить о происходящем людям на Арарате.

Васко подумал о том, с какой решительностью Хоури отправилась на чужую планету в одиночку, без надежды на помощь, без уверенности, что удастся спасти дочь. Что же движет ею на самом деле — любовь к Ауре или ненависть к Скади?

Чем больше Васко размышлял об этом, тем меньше сложившиеся обстоятельства казались ему результатом какого-то недоразумения. И он все больше склонялся к мысли, что выйти из ситуации можно путем переговоров. Скади похитила Ауру, но на ее стороне был элемент внезапности, и в случае смерти ребенка или матери она ничего не теряла. Однако теперь обстоятельства изменились. И Скади — если она еще жива и жив ребенок внутри ее — наверняка ждет «гостей».

Как добиться, чтобы она рассталась с Аурой?

В свете кормового прожектора что-то серебристо блеснуло, и Васко, приглядевшись, понял, что сочленитель рассматривает нож, который захватил на своем острове.

Хела, год 2727-й

Рашмика попросила квестора Джонса принять ее по личному делу. Они встретились сразу после торга из-за очередного артефакта в той самой комнате без окон, где она уже бывала с Крозетом. Квестор ждал, сидя за обширным письменным столом, держа сцепленные кисти рук на внушительном животе,

выпячивая губы и глядя на нее с подозрением, но и с большим интересом. Время от времени он подносил щепотку корма своему питомцу. Восседая на столе, Мята походила на абстрактную скульптуру из ярко-зеленой пластмассы.

Глядя на квестора, Рашмика гадала, удастся ли в разговоре с ним отличить правду от лжи. С некоторыми людьми это непросто.

— А наша девица настойчива, верно, Мята? — сказал квестор. — Я запретил ей ходить на крышу, но не прошло и двух часов, как она там оказалась. Что же нам с ней, по-твоему, делать?

— Если не хотите, чтобы люди ходили на крышу, покрепче запирайте двери, — сказала Рашмика. — А что касается вашей девицы, то она не любит, когда за ней следят.

— У меня есть обязанности, например беречь пассажиров, — объяснил квестор. — Если вам это не нравится, вы вольны вернуться на Равнину Вигрид вместе с мистером Крозетом.

— Мне хотелось бы остаться на борту, — ответила Рашмика.

— Решили совершить паломничество к Пути?

— Нет.

Рашмика с отвращением вспомнила о привязанных к платформе людях. Она узнала, что эти верующие зовутся наблюдателями.

— Я хочу добраться до Пути, чтобы получить работу. При чем тут паломничество?

— Гм. Мы уже обсудили ваши способности, мисс Эльс.

Джонс запомнил ее фамилию, и это ей совсем не понравилось.

— Да мы почти не затрагивали эту тему. Вряд ли на основании такого короткого общения можно дать мне правильную оценку.

— Вы сообщили, что занимаетесь научными исследованиями.

— Верно.

— Тогда возвращайтесь в родную глушь и исследуйте дальше. — Квестор очень старался придать голосу и выражению лица убедительность. — Если вы действительно интересуетесь вертунами, вам не найти места лучше, чем раскопки их культурных пластов.

— Научная работа там невозможна, — проворчала Рашмика. — Никого не интересует, что представляет собой артефакт и насколько он важен, пока не выяснится, какую цену можно за него запросить.

— Но это интересует вас, я правильно понимаю?

— У меня есть гипотеза насчет вертунов, — объяснила она, отдавая себе отчет, что поступает опрометчиво. — Но для того, чтобы работать над ней, нужны дополнительные материалы, которые наверняка есть у спонсируемых церквями археологических экспедиций.

— Да, всем известно о таких экспедициях. А вы не подумали, что эти археологи могут заниматься проверкой собственных гипотез? Способны ли вы — в семнадцать-то лет — привнести что-то новое и полезное в их деятельность?

— Способна, потому что у меня нет личной заинтересованности в пропаганде куэйхизма, — ответила Рашмика.

— И что же за гипотеза у вас?

— Вертуны оказались на Хеле случайно, они никак не связаны с исчезновениями. И конечно же, их судьба не является предупреждением о том, что нас ждет, если мы не пойдем указанным Куэйхи путем спасения.

— Идти путем спасения вертуны отказались, в этом нет сомнений, — проговорил квестор, — и точно так же поступили еще восемь или девять известных на сегодняшний день инопланетных культур, не помню точную цифру. Определенно, тут нет никакой тайны. Обстоятельства исчезновения вертунов, их история и социальное устройство, безусловно, достойны изучения, но постигшая их судьба известна. Мы все, мисс Эльс, слышали рассказы паломников об эвакуации целых систем, жуткие истории о машинах, выныривающих из межзвездной тьмы. Похоже, теперь наша очередь.

— Вы хотите сказать, что вертунов уничтожили ингибиторы? — спросила Рашмика.

Квестор поднес семечко к сложному рту любимца.

— Делайте выводы сами.

— Я давно сделала вывод, — сказала девушка, — и считаю, что на Хеле случилось нечто иное.

— Какая-то сила уничтожила вертунов, — сказал квестор. — Этого вам мало?

— Я думаю, что вертуны и амарантийцы, да и все остальные известные культуры, погибли по разным причинам. Если виноваты ингибиторы, почему они не уничтожили эту луну целиком? Можно испытывать угрызения совести, атакуя миры со сбалансированной биосферой, но Хела начисто лишена воздуха... Легко представить, как ингибиторы разрушают эту планету, превращая ее в пояс обломков вокруг Халдоры или в облако радиоактивной пыли. Но то, что уничтожило вертунов, действовало гораздо аккуратнее.

Рашмика замолчала, смущенная тем, с каким жаром излагает свои детские теории.

— Здесь не торопились, — заключила она после паузы, — и здорово наследили. Похоже, кто-то хотел оставить послание, предостеречь.

— Вы ведете к тому, что существует иное, совершенно неизвестное космическое зло?

Рашмика пожала плечами:

— Об этом говорят факты.

— И вам несвойственны сомнения в собственной правоте, мисс Эльс?

— Я уверена, что исчезновения и вертуны как-то связаны. Да и все остальные не могут этого не замечать. Они просто слишком запуганы, чтобы признаться.

— Тогда как вы никого не боитесь?

— Я появилась на Хеле не просто так, — сказала она, с ужасом ощутив, что эти слова как будто вложены в ее уста кем-то посторонним.

Квестор долго вглядывался в лицо девушки, и ее ощущения при этом были не из приятных.

— И эта ваша миссия, — наконец заговорил он, — этот ваш крестовый поход к правде и готовность приобрести множество врагов... Вы поэтому стремитесь к Вечному Пути?

— Есть и другая причина, — тихо ответила она.

Но квестор словно не слышал:

— И особый интерес у вас вызывают первые адвентисты, я прав? Заметил это, когда упомянул при вас о своей роли представителя церкви.

— Эта церковь — одна из старейших, — ответила Рашмика. — И из крупнейших, как я понимаю.

— Крупнейшая. Орден первых адвентистов имеет три собора, в том числе самый большой и тяжелый на Пути.

— Я знаю, что у них есть своя археологическая экспедиция, — сказала Рашмика. — Несколько раз писала туда, просила найти для меня работу.

— Чтобы вы развили свою теорию и соблазнили всех свернуть с Вечного Пути?

Рашмика покачала головой:

— Я собираюсь добросовестно трудиться, делать, что прикажут. Но одновременно буду вести исследования. Хочу зарабатывать деньги, отсылать немного домой — и разбираться с вертунами.

Квестор вздохнул с таким видом, словно весь мир со своими бедами лежал на его плечах:

— Вам известно, мисс Эльс, что такое соборы? Я имею в виду, в физическом отношении?

Рашмика поняла, что на сей раз вопрос продиктован искренним интересом.

— Это движущиеся здания. Они значительно больше караванов, но все равно это машины. Соборы едут вокруг Хелы по дороге, которая называется Вечный Путь, и полностью огибают спутник за триста двадцать стандартных дней.

— И в чем смысл этого кругосветного путешествия?

— Чтобы Халдора всегда висела над головой, как можно ближе к зениту. Хела движется под колесами, но соборы компенсируют это движение.

На губах квестора пробилась улыбка.

— А что вы знаете о том, как движутся соборы?

— Они движутся медленно, — ответила Рашмика. — Чтобы обогнуть Хелу за триста двадцать дней, достаточно ползти со скоростью младенца. В среднем треть метра в секунду.

— По-вашему, это медленно?

— Еще как.

— Вы измените мнение, когда будете работать перед движущимся собором. Представьте, на вас наезжает металлическая стена высотой несколько сот метров, и, если не отступите в последний момент, угодите под гусеницы. — Квестор Джонс подался вперед, навалившись животом на стол и сцепив перед собой пальцы. — Вечный Путь — это дорога из укатанного льда. Она идет точно по экватору, словно проведена по ли-

нейке, и лишь один-два раза чуть-чуть отклоняется. Ширина Пути примерно двести метров. Притом что ширина самого маленького собора — пятьдесят метров. Крупные, например «Пресвятая Морвенна», вдвое шире. И поскольку все соборы стремятся попасть в математически определенную точку Пути, соответствующую положению Халдоры в зените, идет непрестанное... — в голосе квестора зазвучала насмешка, — состязание за свободное место. И соперничество между церквями, пусть даже связанными экуменическими договорами, бывает исключительно острым. Нередки диверсии и прочее вредительство. Даже соборы одной церкви постоянно задирают друг друга.

— Я не совсем понимаю вас, квестор.

— Речь о том, что в результате целенаправленных действий на Пути довольно часто появляются труднопреодолимые участки. Прошедший собор может оставить после себя завал или разрушить поверхность дороги. Да и сама Хела тоже нередко преподносит сюрпризы, портит Путь. Сход оползня, движение ледника, извержение вулкана — возможных причин задержки не счесть. По этой причине у каждого собора имеется бригада по расчистке трассы. — Говоря, Квестор смотрел девушке в глаза. — Эта бригада работает перед собором. Причем недалеко, иначе уже сделанная работа может пойти насмарку из-за козней соперников. Но и не слишком близко: с расчисткой надо справиться до того, как собор подойдет вплотную. Не стану обманывать: это трудное и опасное занятие. Но для него нужны некоторые навыки из тех, о которых вы упоминали. — Квестор побарабанил толстыми пальцами по столу. — Работа ведется в вакууме, на льду, с применением резаков и взрывчатки. В самых опасных случаях посылают запрограммированных роботов.

— Я имела в виду другую работу, — проговорила Рашмика.

— Какую?

— Сказала же: что-нибудь конторское. Или по части археологии.

— Понимаю... но такие вакансии крайне редки. Зато в бригадах по расчистке Пути свободных мест всегда хватает.

— Из-за высокой смертности?

— Это очень тяжелая работа. Но тем не менее это всего лишь работа. Даже в чистке Пути есть разные степени риска.

Несложно подыскать для вас что-нибудь попроще, чем закладка взрывчатки. А на некоторых должностях не требуется целый день таскать скафандр. Там можно подождать, когда появится место в научном отделе.

Рашмика всмотрелась в лицо квестора. До сих пор он ей не лгал.

— Я не этого хотела, — ответила она. — Но коль скоро там можно найти только такую работу, я согласна. Поможете мне устроиться?

— Да... Хотя не знаю, смогу ли я после этого спать с чистой совестью.

— За ваш сон, квестор, я совершенно спокойна.

— А вы уверены, что делаете правильный выбор?

Рашмика кивнула, спеша опередить сомнения:

— Если поможете, буду весьма благодарна.

— Что ж, благодарность — вещь приятная, тем более благодарность от вас, — проговорил квестор. — Но хочу напоследок сказать еще кое-что. Вас ищут власти Равнины Вигрид. Пока вы в караване, полиция вас не тронет, но ей уже известно ваше местонахождение.

— Меня это не удивляет.

— Ваш поступок породил немало слухов. Говорят, он как-то связан с вашим братом.

Зеленый зверек на столе поднял голову, словно вдруг заинтересовался разговором. Рашмика убедилась, что у Мяты не хватает передней лапы.

— Харбин Эльс, — продолжал квестор. — Это ваш брат?

Отпираться не было смысла.

— Мой брат нашел себе работу на Пути, — ответила она. — Его обманули, когда рассказывали, что это за профессия, и обещали не впрыскивать кровь настоятеля. Больше мы Харбина не видели.

— И вы решили, что должны узнать о его судьбе?

— Он мой брат, — ответила Рашмика.

— Возможно, вот это вас заинтересует.

Квестор пошарил в ящике стола и достал сложенный лист. Зверек проводил глазами скользнувшую через стол бумагу.

Рашмика взяла письмо, погладила пальцем скреплявшую его красную печать. На воске красовался скафандр с раскинутыми, словно у распятого, руками и исходящими во все сто-

роны лучами света. Печать была сломана — половинки едва держались на бумаге.

— Что это? — спросила Рашмика, вглядываясь в лицо квестора.

— Письмо из «Пресвятой Морвенны», прибыло по официальному каналу. Это печать Часовой Башни.

Не врет, решила она. Или квестор искренне верит в то, что говорит.

— Когда?

— Сегодня.

Это была ложь.

— И адресовано мне?

— Велено позаботиться о том, чтобы вы прочитали.

Квестор опустил глаза, не желая встречаться взглядом с Рашмикой. Ей стало трудно читать выражение его лица.

— И кто велел позаботиться?

— Да так... мелкая сошка. — Он снова лгал. — Я прочитал письмо. Не думайте обо мне плохо — я обязан проверять всю корреспонденцию, которая приходит в караван и отправляется отсюда. По соображениям безопасности.

— Значит, вам известно, что там написано?

— Думаю, вам лучше прочитать самой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Хела, год 2727-й

Постукивание трости отмечало продвижение генерал-полковника медицинской службы по отсекам. Даже в те части огромного собора, где гудели двигатели и ревели тяговые механизмы, звуки трости добирались задолго до самого Грилье. Его шаги были размеренными и четкими, словно щелчки метронома, и лязг трости — железо о железо — подчеркивал ритм ходьбы. Он двигался с медленной, расчетливой целеустремленностью паука, давая любопытным и ленивым шанс убраться с его пути. Временами Грилье замечал людей, прячущихся за железными колоннами или решетками и с интересом наблюдающих за ним, — людей осмотрительных, мнящих себя в безопасности. Но охотников по-настоящему проследить за обхо-

дящим собор Грилье не находилось. За долгие годы его служения Куэйхи все убедились: не стоит совать нос в дела этого человека.

А некоторые бежали от Грилье не только из нежелания путаться у него под ногами.

Он добрался до спиральной лестницы, уходящей вниз, в недра машинного отделения. Громадная металлическая спираль гудела, словно вилка камертона после легкого удара. Либо этот гул вызвали работающие внизу машины, либо кто-то только что сбежал по лестнице, прячась от генерал-полковника.

Облокотившись о перила, Грилье заглянул в глубокий проем. Двумя витками ниже чьи-то пухлые пальцы тотчас соскользнули с перил. Кто это, человек, которого он разыскивает? Вполне возможно.

Напевая под нос, Грилье поднял решетку перед ведущей к лестнице дверью. Шагнув внутрь, толкнул дверь концом трости и начал спускаться. Он не торопился, дожидаясь, пока двойное эхо шага и стука не затихнет внизу, потом спускался еще на ступеньку. Он задевал тростью стойки перил — цок-цок-цок, — предупреждая находящегося внизу, что бежать ему больше некуда. Грилье знал все укромные уголки машинного отделения не хуже, чем любое другое помещение собора. Остальные лестничные шахты он собственноручно запер ключом Часовой Башни. Теперь из машинного можно подняться только по этой лестнице, но он собственноручно запрет дверь внизу, как только спустится. Тяжелый медицинский чемоданчик бил его по бедру при каждом шаге, в такт постукиваниям трости.

Он спускался, и машины гудели все громче. Внизу негде было укрыться от шума двигателей и передаточных механизмов, если только его не заглушали другие звуки. Но на верхних этажах машинам приходилось состязаться с органной музыкой и многоголосыми хорами, непрерывно выводящими свою песнь. Там мозг довольно скоро переставал реагировать на однообразный фон.

Но здесь Грилье слышал пронзительный вой турбин, от которого ломило зубы, и глухой лязг массивных шатунов и эксцентриков, и шипение поршней, и стук открывающихся и закрывающихся клапанов, и щелчки реле, и негромкие разговоры техников.

Он спускался, стуча тростью, неся чемоданчик.

Грилье добрался до последнего витка спиральной лестницы. Нижняя дверь скрипнула на петлях: ее не закрыли на задвижку. Где спешка, там и неосмотрительность.

За лестничной дверью врач остановился и опустил чемоданчик на пол между своими ботинками. Достав ключ из нагрудного кармана, Грилье запер дверь, чтобы никто не смог уйти с этой палубы. Потом взял чемоданчик и по-прежнему неторопливо двинулся дальше.

Он огляделся — беглеца не видать, но в машинном хватает закутков, где можно с легкостью укрыться. Однако это не волновало Грилье: дайте срок — и человек с пухлыми пальцами будет найден. Можно даже остановиться на несколько секунд, передохнуть, отвлечься от рутины. Не так часто Грилье спускается в машинное отделение, а здесь есть на что посмотреть.

Машинное отделение занимало самый большой отсек собора, на самом нижнем герметичном ярусе. Протяженность зала составляла двести метров и равнялась длине самого собора. Ширина — сто метров, высота от днища до величественного сводчатого потолка — пятьдесят метров. Бóльшую часть пространства заполняли собой машины, свободными оставались только проходы вдоль стен да десять-двенадцать метров пространства под потолком. Машины были огромны: не безликие, абстрактные громадины корабельных механизмов, а наделенные характерными чертами, легко запоминающиеся и оттого как будто таящие угрозу. Механизмы субсветовиков необъятны и бюрократически педантичны; они просто не замечают человека. При серьезной поломке они просто прекращают свое существование, аннигилируясь в одно мгновение и убивая всех на борту без малейших страданий. Несмотря на свои потрясающие размеры, машины собора все же достаточно малы, чтобы замечать людей: сочтут помехой — раздавят. И этот процесс займет некоторое время, а потому вовсе не будет безболезненным.

Грилье упер трость в бледно-зеленый корпус турбины. Через трость передавалось неистовое биение запертого в броне механизма. Врач представил себе лопатки, стремительное крутящиеся в потоке раскаленного пара, вырабатываемого ядерным реактором. Достаточно малейшего дефекта в одной из лопаток, и турбина взорвется, острыми блестящими осколками

растерзав все живое в радиусе пятидесяти метров. Такое случалось довольно часто, и Грилье спускался сюда, чтобы прибраться. Нельзя сказать, что сейчас он не испытывал трепета перед машиной-убийцей.

Реактор — атомная электростанция собора, самый крупный узел в машинном отделении — возвышался темно-зеленой металлической полусферой в дальнем конце помещения. Дешево и сердито — вот, пожалуй, лучшая для него похвала. На Хеле не добывалось ядерное топливо, но ультра обеспечили стабильные поставки. Пусть это грязная, чреватая страшными авариями технология, зато дешевле антиматерии и проще в управлении, чем термояд. Чтобы добывать из местного льда необходимый для термоядерной установки дейтерий, пришлось бы строить перерабатывающую фабрику размером с машинное отделение. Но собор и так велик, больше некуда, учитывая ширину Пути и Лестницы Дьявола. Реактор худобедно снабжал его электричеством, а обслуживающий персонал болел не так уж часто.

От макушки реактора расходилась паутина труб для пара под высоким давлением. Эти серебристо блестящие «кишки», подвешенные на стальных тросах, пересекали все помещение под потолком, изгибаясь и под прямыми, и под острыми, как булавка, углами. Трубы протянулись к тридцати двум турбинам, расположенным в два ряда, друг над другом, по восемь пар в каждом ряду. Все это гудящее скопище окружали эксплуатационные мостки, инспекционные платформы, подходные тоннели. Вокруг гудящего массива возвышались галереи и коридоры для обслуживания, платформы, лестницы и грузовые лифты. Энергия ревущего пара от турбин передавалась генераторам, где преобразовывалась в электричество. Оно в свою очередь заставляло работать двадцать четыре ходовых мотора, установленных поверх турбин в два ряда по двенадцать штук. Моторы превращали электроэнергию в механическую силу, а та, посредством массивного механизма, несла собор по Пути. Обычно работало всего десять из двенадцати моторов с каждой стороны; если один из них ломался или нуждался в техобслуживании, его подменял резервный.

Наверху располагались передаточные механизмы, начинаясь от ходовых моторов и пронизывая боковые стены через воздухонепроницаемые сальники, приходившиеся аккурат на

равновесные точки сцепных тяговых устройств. Эти сальники Грилье недолюбливал, они быстро изнашивались и требовали замены. Но другого способа передавать наружу, в вакуум, производимую машинным отделением кинетическую энергию он не знал.

Над его головой с сонной медлительностью и оркестровой слаженностью двигались взад и вперед, вверх и вниз сцепные дышла — и так по всей протяженности машинного отделения. Сложная система меньших по размерам кривошипов и эксцентриков соединяла дышла друг с другом, синхронизируя их движение. Между огромными машущими брусьями протянулись висячие мостки — техникам надо было регулярно смазывать стыки и вовремя выявлять усталостные повреждения металла. Это была опасная работа: малейшая неосторожность — и в сочленения попадет совсем другая «смазка».

Конечно, машинное отделение не ограничивалось этим залом. По всему каравану было размещено много вспомогательных узлов, имелся даже миниатюрный литейный цех, денно и нощно выпускавший запасные части. Самые большие детали производились на построенных вдоль Пути фабриках, но с учетом доставки это было дело не быстрое. Искусники из машинного отделения не зря гордились своей смекалкой: живо смастерят новую деталь взамен сломавшейся или ловко переделают предназначенную для другой цели. Каждый твердо знал главный закон собора: надо постоянно двигаться вперед. Рекордов никто не требует, но треть метра в секунду надо обеспечить, хоть в лепешку расшибись. Человек способен ползти быстрее. Суть заключалась в том, что собор непременно должен был идти вперед без остановки.

— Генерал-полковник, могу я чем-нибудь помочь?

Грилье поднял голову — кто-то смотрел на него с мостика. На окликнувшем был серый комбинезон техника машинного отделения, руками в широких перчатках он сжимал поручни. Наголо обритая голова в форме пули отливала синевой из-за отросшей щетины, шея была повязана грязным платком. Грилье узнал Глаура, начальника смены.

— Сможете, если спуститесь на минутку.

Глаур тут же повернулся и исчез между узлами механизмов. Врач ждал, нетерпеливо постукивая тростью о ребристый металлический пол.

— Что-то случилось, доктор? — спросил Глаур, спустившись.

— Я кое-кого ищу, — ответил Грилье. Объяснять не требовалось. — Этот человек тут не работает. Вы не видели в машинном посторонних?

— Кого конкретно?

— Хормейстера. Уверен, вы знаете его. Короткие пухлые пальцы.

Глаур оглянулся на сцепные дышла. Стальные брусья двигались медленно, словно весла доисторического галеона в руках сотен рабов. Грилье подумал, что технику хочется поднять обратно, вернуться к работе с опасным, но предсказуемым металлом, а не стоять тут, ломая голову над переменчивой политикой собора.

— Да, я кого-то видел, — наконец ответил мастер. — Несколько минут назад через зал прошел человек.

— И он спешил?

— Я решил, что он идет выполнять какое-нибудь поручение Часовой Башни.

— Мы не давали ему никаких поручений. Не подскажете, где я могу его найти?

Глаур снова оглянулся:

— Наверное, он вернулся на главные уровни по одной из лестниц.

— Вряд ли. Думаю, он все еще здесь. Куда шел хормейстер, когда вы его увидели?

Секундная заминка не осталась не замеченной Грилье.

— К реактору, — ответил Глаур.

— Благодарю вас.

Грилье стукнул тростью об пол, подчеркивая, что начальник смены ему больше не нужен, и двинулся дальше.

Вслед за беглецом врач дошел до реактора, постукивая тростью по полу и встречным предметам, из которых можно было извлечь гулкий звук. Усилием воли он заставлял себя двигаться медленно. Время от времени переступал через окна в полу, забранные толстым стеклом, иногда останавливался, чтобы взглянуть на медленно ползущий в двадцати метрах внизу, слабо освещенный прожекторами грунт. Собор неуклонно перемещался вперед, Глаур и другие механики мастерски сглаживали и синхронизировали шаги двадцати гигантских ног.

Впереди высился реактор. Его зеленый купол спиралью окружили эксплуатационные мостки, они поднимались до самой макушки. Смотровые окна тоже были из толстого стекла, с тяжелыми заклепками на рамах.

Он заметил тень, исчезнувшую за видимым краем второго витка спирали снизу.

— Эй! — крикнул Грилье. — Вустад, это вы? Можно вас на два слова?

Никакого ответа. Не торопясь, Грилье обошел реактор. Сверху доносились торопливые шаги, переходящие на бег, но источник топота не был виден. Грилье улыбнулся глупости Вустада. В главном зале машинного отделения с его сотней укромных уголков спрятаться гораздо легче. Однако инстинкт обезьяны гнал хормейстера выше и выше, пусть даже там ждал тупик.

Грилье добрался до входа на лестницу и запер за собой дверь. С тростью и чемоданчиком подниматься было невозможно, поэтому он оставил чемоданчик внизу. Повесив трость на согнутую руку, врач двигался вверх, по одной ступени зараз, пока не добрался до первого витка мостков.

Он обошел реактор по кругу, только для того, чтобы напугать Вустада еще больше. Тихо мурлыча под нос, осторожно перегнулся через перила и глянул вверх, чтобы оценить обстановку. Время от времени Грилье постукивал тростью по металлическому боку реактора или по темному стеклу смотрового окна. Эти стекла напомнили ему дегтярно-мрачные элементы фронтонного витража собора, и он мимоходом подумал, не из одного ли материала они сделаны.

И тотчас Грилье спохватился: сейчас нельзя отвлекаться.

Он снова достиг лестницы и поднялся на следующий уровень. Над головой не утихала дробь шагов — отчаянная, как топоток лабораторной крысы.

— Вустад? Будьте паинькой, спуститесь. Всего на минутку.

Топ-топ-топ... Металл доносил до Грилье страх хормейстера, мечущегося вокруг реактора.

— Или хотите, чтобы я сам поднялся?

Грилье снова пошел вокруг реактора. Он находился на уровне сцепных дышл. До тех было довольно далеко, но с высоты, уменьшающей перспективу, казалось, что металлические брусья, словно ножницы, стригут воздух прямо у его лица. Врач

увидел, как между качающимися дышлами по мостку идет один из рабочих Глаура, занятый смазкой и проверкой. Казалось, дышла непременно раздавят механика, но он оставался невредимым.

Чья-то штанина исчезла за поворотом. Топот участился. Грилье опять улыбнулся и остановился, перегнувшись через перила. Хормейстер был уже близко. Грилье поднял трость и повернул ее ручку на четверть.

— Внизу или наверху? — шепнул он себе. — Внизу или наверху?

Наверху. Он услышал шаги над головой, на следующем витке. Грилье не знал, радоваться или огорчаться. Вниз — и охота завершится. Хормейстер увидит, что путь к бегству отрезан, и Грилье легко усмирит его своей тростью. Вустад притихнет, и тогда на впрыскивание ему хорошей дозы не уйдет и минуты. Быстро и эффективно, но зато никакого веселья.

Ну что ж, по крайней мере, никто не скажет, что Грилье зря ест свой хлеб. Результат будет тот же, что и всегда: жертва загнана в угол, выхода нет. Достаточно дотронуться до хормейстера тростью, и он добыча генерал-полковника. Нужно будет еще спустить его по лестнице, но кто-нибудь из механиков поможет с этим.

Грилье поднялся на следующий виток, поуже, чем два нижних, поскольку он был ближе к вершине купола. Оставался всего один виток, на самом верху купола, куда можно было подняться по пологому пандусу. Туда-то и направился Вустад.

— Куда это вы? — спросил Грилье. — Там ничего нет. Прошу, идите сюда, и все будет хорошо.

Хорошо — это для кого как...

Но хормейстер не внимал уговорам. Выйдя на самый верхний виток мостков, Вустад остановился и секунду смотрел назад, на своего преследователя. Толстые ручки, круглая, как луна, физиономия — Грилье легко справится с ним, никаких сомнений.

— Оставь меня в покое! — закричал Вустад. — Убирайся, кровопийца!

— Брань на вороте не виснет, — проговорил Грилье со снисходительной улыбкой.

Стукнув тростью по перилам, он начал подниматься по пандусу.

— Не дамся! — крикнул Вустад. — С меня хватит! Слишком много кошмарных снов!

— Ну что вы, успокойтесь. Один укольчик, и все позади.

Вустад схватился за серебристую трубу паропровода, выходящего из верхушки реактора, обвился вокруг нее, как червяк. А потом, хватаясь за ее ребра жесткости, полез вверх. Двигался он неуклюже и медленно, но со своей задачей справился.

«Чего добивается?» — удивился про себя Грилье.

Зря он сразу не подумал о паропроводах. Если хормейстер доберется до конца трубы, где он окажется? Трубы идут к турбинам и ходовым моторам. Поимка откладывается, но все равно Вустад напрасно надеется скрыться.

Грилье остановился у вершины реактора. Вустад сидел на трубе непосредственно над его головой. Врач попытался дотянуться тростью до пятки хормейстера. Слишком высоко. Грилье сместил рукоятку еще на четверть оборота и дотронулся тростью до трубы. Вустад вскрикнул, но не прекратил карабкаться. Еще четверть поворота ручки: максимальный разряд, смертельный при прямом контакте. Грилье притронулся тростью к трубе, Вустад судорожно стиснул металл. Хормейстер стонал и скрипел зубами, но ухитрялся не падать.

Когда заряд кончился, Грилье отбросил трость. Все вдруг пошло не так, как было задумано.

— И куда же вы собрались? — игриво спросил врач. — Спускайтесь, а то упадете и больно ушибетесь.

Вустад молча продолжал двигаться.

— Зачем причинять себе травмы? — увещевал Грилье.

Вустад добрался до того места, где паропровод изгибался под прямым углом, затем горизонтально шел до самой турбины. Грилье был уверен, что хормейстер, если у него сохранилась хоть крупица разума, остановится у крутого изгиба. Но вместо того Вустад улегся на трубу, обхватив ее руками и ногами, и пополз дальше в тридцати метрах над стальным полом.

Происходящее привлекло немало зрителей. С десяток техников Глаура собрались внизу, несколько человек на мостках среди движущихся дышл тоже бросили работу ради зрелища.

— Это дело Часовой Башни! — грозно сообщил Грилье. — Вернитесь к своим обязанностям.

Рабочие неохотно разошлись, но Грилье был уверен, что большинство продолжает одним глазком следить за погоней.

Может, пора позвать подмогу из службы крови? Грилье надеялся обойтись своими силами: улаживание подобных мелких проблем считалось у верхушки руководства делом чести. Но Вустад решил все усложнить.

Хормейстер прополз по горизонтальному участку уже десяток метров, выбравшись за периметр реактора. Под ним теперь был только пол. Падение с тридцати метров наверняка окажется смертельным даже в пониженной гравитации Хелы.

Грилье взглянул вперед. Паропровод был подвешен к потолку на тонких металлических стержнях, прикрученных к ребрам жесткости — таким же, как у труб, только гораздо крупнее. Ближайшую подвеску отделяло от Вустада пять метров. Обогнуть ее никак не удастся.

— Ну хорошо. — Грилье повысил голос, чтобы перекрыть стук двигателей. — Вы дали понять, чего хотите. Довольно, повеселились. Теперь возвращайтесь, и поговорим как разумные люди.

Но Вустада уже было не остановить. Он добрался до подвески и попытался миновать ее, свесившись с трубы. Грилье молча следил, холодея от уверенности в том, что Вустаду никоим образом не пробраться дальше. Даже для молодого, сильного и гибкого парня подобное упражнение представляло бы сложность, а Вустад был далеко не молод и не гибок. Он ухватился за стержень правой рукой, а левой рукой и ногой пытался отыскать опоры; правая нога при этом бесполезно болталась в воздухе. Вот и вторая нога соскользнула с трубы, и он повис, держась одной рукой за подвеску, другой хватаясь за воздух.

— Не двигайтесь! — крикнул ему Грилье. — Не двигайтесь, тогда не упадете. Продержитесь, а мы поднимемся и поможем.

И опять-таки кто помоложе и поспортивней сумел бы продержаться до прихода спасателей, даже вися на одной руке. Но Вустад был пожилым, рыхлым и крупным, и он не привык пользоваться мускулатурой.

Вот его рука выпустила металлическую подвеску. На глазах врача Вустад рухнул на стальной пол; удар был почти заглушен непрерывным стуком и гулом машинного отделения. Ни крика, ни даже вздоха. Глаза Вустада были закрыты, но, судя по выражению лица, он умер мгновенно.

Грилье подобрал трость и, повесив ее на согнутую крюком руку, спустился по лестницам и мосткам. У подножия реактора он взял свой чемоданчик и отпер решетчатую дверь. К тому времени как он добрался до Вустада, вокруг тела уже собралось с полдюжины рабочих. Грилье хотел разогнать бездельников, но потом передумал. Пусть смотрят. Пусть знают, к чему ведет неподчинение службе крови.

Склонившись над Вустадом, Грилье открыл чемоданчик. Изнутри дохнуло холодом. Чемоданчик был разделен на два отделения. В верхнем лежали в зажимах шприцы с алым содержимым, только что полученные от лаборатории службы крови и промаркированные по серотипу и величине дозы. Предназначенный Вустаду шприц теперь достанется другому.

Грилье закатал рукав хормейстера. Есть ли слабый пульс или только кажется? Лучше бы был, тянуть кровь из покойника, даже из свежего, — занятие неблагодарное.

Грилье взял пустой шприц из второго отделения и ритуально поднес к свету.

— Бог дает, — проговорил генерал-полковник медицинской службы, вводя иглу в вену Вустада, — а иногда, к сожалению, Бог берет.

Всего он наполнил три шприца.

Грилье запер за собой дверь на спиральную лестницу. Приятно было оказаться в относительной тишине после агрессивного гула. Иногда ему казалось, что машинное отделение — собор внутри собора, со своим собственным неписаным уставом. Здесь он мог управлять людьми, но там, среди механизмов, лишался власти. Он взял от Вустада все, что мог, хотя каждому было известно, что генерал-полковник медицинской службы приходит не брать, а давать кровь.

Он остановился у одного из переговорных устройств и вызвал бригаду из службы крови, чтобы унесли тело. Потом придется дать объяснение, но это вряд ли испортит ему сон.

Грилье двинулся через главный зал, направляясь в Часовую Башню. Он намеренно выбрал длинный кружной путь, потому что после происшествия с Вустадом у него не было желания спешить к Куэйхи. Кроме того, прежде чем спуститься вниз или подняться наверх, он обычно обходил зал — это было традицией. Ну и наконец, это помещение да еще машинное отде-

ление были самыми большими в соборе и здесь Грилье не досаждали легкие приступы клаустрофобии.

Главный зал перестраивали и расширяли много раз по мере того, как вырастал до своих теперешних размеров собор. Сейчас из этой перестройки мало что бросалось в глаза, но Грилье, свидетель перемен, замечал все. Небольшие шрамы на полу и стенах, где убрали внутренние переборки. Полосу наверху, где раньше был потолок. С тех пор как потолок подняли, минуло сорок или тридцать лет — на безвоздушной Хеле это была адская работа, в особенности потому, что прочие помещения оставались обитаемыми и собор, разумеется в течение всей реконструкции, продолжал двигаться, жизнь в нем текла почти нормально, все обязанности выполнялись и смертность среди строителей и ремонтников держалась на приемлемом уровне.

Грилье на минутку остановился у правого витражного окна. Мозаика разноцветных стекол вздымалась на десятки метров, разделенная множеством арочных каменных обрамлений. Наверху было круглое окошко-розетка. Архитектурный скелет, ходовая часть и внешняя обшивка корпуса по необходимости были сделаны из металла, однако внутри собор почти целиком был облицован разноцветными минералами. Частью они были местными, добытыми на Хеле, но многое — например, редкого бисквитного цвета камень и роскошный бело-розовый мрамор — привезли ультра. По слухам, некоторые камни поступили даже с земных соборов. Грилье воспринимал это с известной долей скепсиса, — вероятнее всего, материалы доставлены с ближайшего астероида. Примерно так же дело когда-то обстояло с реликвиями, хранимыми в освещенных свечами нишах, на которые он натыкался в своих обходах. Никто не мог сказать, сколько лет этим вещам, созданы они средневековыми ремесленниками или наспех слеплены в фабричных нанокузницах.

Но каким бы ни было происхождение окружающего каменного убранства, сами витражные окна представляли собой чудесное произведение искусства. При правильном освещении они не только восхитительно сверкали, но и заставляли величественно сиять всю обстановку зала. И не важно, в какой рисунок складывалась мозаика, — красота никуда не делась бы,

выложись кусочки разноцветного стекла случайным калейдоскопическим узором, — однако Грилье знал одну особенность картины. Временами она менялась, ибо ею управлял сам Куэйхи.

Когда Грилье был не в силах понять настроение хозяина (что случалось все чаще), он смотрел на мозаику, и она позволяла как бы под другим углом заглянуть в душу настоятеля.

Взять хотя бы сегодняшний рисунок. Утром на стекле генерал-полковник увидел сияющее стилизованное изображение Халдоры, лик газового гиганта был выполнен кружащимися мазками охряного и светло-коричневого цвета. Планета висела на темно-синем фоне, усыпанном желтыми крапинами звезд. На переднем плане — каменный пейзаж спутника, составленный из контрастных осколков белого и черного; между скалами золотой силуэт рухнувшего с небес корабля Куэйхи. Сам Куэйхи, в рясе и с бородой, стоял на коленях рядом с кораблем, воздев в мольбе руки к небесам. Насколько помнил Грилье, в прошлый раз окно изображало собор, зигзагом спускающийся по Лестнице Дьявола, похожий на фоне бескрайнего мира на борющийся со штормом кораблик; другие соборы тянулись позади, а в небе висела чуть уменьшенная Халдора.

Еще раньше, если Грилье не путал, мозаика тоже изображала разбившийся корабль, несколько менее торжественно.

Сейчас смысл витражного изображения был ясен, хотя врач не взялся бы судить о значении картины для Куэйхи. На самом верху, в розетке, как всегда, виднелся знакомый лик Халдоры в обрамлении лент. Ниже шли два с половиной метра усыпанного звездами неба, оттенок которого менялся от темно-синего до золотого благодаря возможности управлять цветами мозаичных стекол. Дальше, занимая основную часть окна, высился огромный собор, хитроумная сбалансированная конструкция, изобилующая шпилями и контрфорсами, с линиями сходящейся перспективы, свидетельствующими о том, что она стоит прямо под Халдорой. Все так, как и должно быть. В том и заключается весь смысл собора, чтобы находиться точно под газовым гигантом, как и изображалось на мозаике. Однако собор в окне явно превосходил размерами все, что когда-либо существовало на Вечном Пути; это была настоящая крепость. Она как будто росла прямо из скал, в ее подножии

был настоящий фундамент, а вовсе не ходовая часть машины. И ни малейшего намека на существование Вечного Пути.

Зрелище поразило Грилье. Изображение в окне строилось по воле Куэйхи, и его выбор всегда бывал довольно однозначным. Картины получались немного утрированными, с элементами нереального (например, Куэйхи вне своего корабля, в полном вакууме и без скафандра), но основа сюжета всегда была связана с реальными событиями. Однако теперешняя мозаика казалась чистой метафорой. Что означает этот огромный, твердо стоящий на земле собор? Возможно, он олицетворяет крепость веры Куэйхи.

«Ну, допустим, — мысленно сказал себе Грилье, — сегодня ты понял его посыл, но что, если образы станут еще более туманными?»

Врач покачал головой и двинулся дальше. Он прошел вдоль левой стены собора, по пути не заметив на витражах никаких странностей. Уже легче. Возможно, необычный рисунок — лишь временное отклонение от нормы, и дальше все пойдет как прежде.

Грилье подошел к передней стене собора и остановился в тени черного окна. Здесь фрагменты мозаики были невидимы; он различал только неясные очертания арок и колонн опорной кладки. Но рисунок этого окна, несомненно, изменился с того момента, когда Грилье видел его в прошлый раз.

Он двинулся обратно вдоль правой стены и, пройдя половину собора, оказался у подножия Часовой Башни.

— Дольше тянуть нельзя, — сказал он себе.

Рашмика возвратилась в свою комнату и вскрыла конверт, сорвав уже ослабленную печать. Бумага упруго развернулась. Она была высокого качества: толстая, кремового оттенка. На Равнине Вигрид Рашмика никогда такой не видела. Письмо было короткое, начертанное старательной, но безыскусной рукой.

Она узнала почерк.

Дорогая Рашмика,
извини, что так долго не писал. Я услышал о тебе в радиопередаче с Равнины — говорят, ты убежала из дома. Нетрудно догадаться, что ты поехала искать меня, решила выяснить, что со

мной случилось с тех пор, как я отправил последнее письмо. Потом я узнал, что к Пути идет караван, и предположил, что ты сумеешь до него добраться. Я запросил список пассажиров и увидел в нем твое имя. И теперь пишу тебе.

Наверняка ты переживала, так долго не получая от меня вестей, и предполагала самое плохое. Кое-что действительно случилось. Как ты тогда говорила, так все и вышло. В самом начале никто не сказал правды, и, едва я добрался до Пути, мне впрыснули кровь настоятеля. Наверняка ты уже догадалась об этом из писем, которые я присылал раньше. Первое время я страшно злился, но потом понял: что сделано, то сделано. И поступи они честно, я бы не был теперь таким. Им пришлось лгать ради великого блага. Теперь я счастлив, счастливее, чем когда-либо раньше. Я обрел смысл жизни: он в служении долгу, чему-то большему, чем я сам. Я чувствую любовь настоятеля, как и любовь Создателя, который стоит за настоятелем. Я не надеюсь, Рашмика, что ты меня поймешь или обрадуешься такому известию. И хотя я не хочу никому причинять боль, но и лгать тоже не желаю. Лучше было бы ничего не писать.

Ты отправилась искать меня, это очень смелый поступок. Даже смелее, чем тебе самой кажется. Но теперь ты должна вернуться домой: не хочу, чтобы ты из-за меня попала в беду. Умоляю, поезжай обратно на Равнину и скажи родителям, что я счастлив и люблю их. Я очень по вас скучаю, но не жалею о своем выборе. Пожалуйста, сделай это для меня. Возвращайся, унося с собой мою любовь. Так будет лучше для всех.

Твой брат Харбин Эльс

Рашмика перечитала письмо, отыскивая в нем скрытый смысл, а потом засунула в конверт. Попыталась приладить печать, но та больше не держалась.

Грилье очень любил этот вид. С высоты двухсот метров, из мансарды Куэйхи, с самого верха Часовой Башни, открывался обзор из круговых окон. Отсюда можно было увидеть Путь на двадцать километров в любую сторону, с растянувшейся до самого горизонта вереницей соборов. Некоторые шли впереди, но основная часть — позади. Верхушки далеких шпилей сияли в вакууме с необычайной ясностью, обманывая глаз, представляясь гораздо ближе, чем на самом деле. Грилье был вынужден

напомнить себе, что до иных соборов больше сорока километров. Чтобы добраться до места, где сейчас находится «Пресвятая Морвенна», им понадобится не меньше тридцати часов, почти целый световой день. Некоторые соборы шли позади так далеко, что не удавалось разглядеть даже верхушки их шпилей.

Верхний зал Часовой Башни был шестиугольным, с высокими окнами из бронестекла в каждой стене. Створки металлических жалюзи были готовы по приказу Куэйхи закрыться и преградить путь солнечным лучам с любой стороны. Но сейчас мансарда была полностью освещена, полоски света и тени лежали на всем живом и неживом. Тут было много зеркал на пьедесталах, их разместили, тщательно рассчитав углы отражения и линии видимости. Когда Грилье вошел, навстречу ему с разных сторон двинулась тысяча его отражений.

Свою трость он оставил в деревянной корзине у дверей.

Кроме Грилье, в зале были двое. Куэйхи, как обычно, возлежал в своем мудреном саркофаге, состоящем из приборов жизнеобеспечения. Сухонький, хрупкий, он походил на призрака и казался менее живым в ярком солнечном свете, чем в сумраке, который создавали полузакрытые жалюзи и который обычно царил в его покоях. Огромные темные очки подчеркивали смертельную бледность и болезненную худобу его лица. Умное ложе время от времени напоминало о себе, тихо жужжа, щелкая и булькая, доставляя своему подопечному дозы различных препаратов. Бóльшую часть неприятных медицинских подробностей прятало алое одеяло, начинавшееся от тощей груди настоятеля, но временами пульсировали трубки питания, подведенные к локтевым сгибам настоятеля и основанию его черепа; по ним текло нечто химически зеленое или ярко-голубое, явно непохожее на кровь.

Здоровье настоятеля, мягко говоря, оставляло желать лучшего. В данном случае внешность вовсе не была обманчива.

Однако, напомнил себе Грилье, настоятель так выглядит десятилетиями. Куэйхи невероятно стар, он широко пользуется доступными средствами продления жизни, испытывает на себе новейшие технологии и медикаменты. Снова и снова идет на смертельный риск, но всякий раз остается жив. Казалось, что смерть — это порог, перешагнуть который у настоятеля уже нет сил.

Они были почти ровесниками, по крайней мере физически, когда познакомились на борту «Гностического восхождения». Теперь Куэйхи, проживший на Хеле сто двадцать лет, — глубокий старик. В отличие от настоятеля, Грилье бодрствовал всего тридцать лет из этого срока. Уговор был четок и довольно выгоден для генерал-полковника.

— Вы мне не нравитесь, — сказал ему Куэйхи, вернувшись на борт «Гностического восхождения». — Говорю на тот случай, если сами еще не догадались.

— Кажется, я вас понял, — ответил Грилье.

— Но вы можете пригодиться. Я не хочу здесь умереть. Во всяком случае, сейчас.

— А как же Жасмина?

— Уверен, вы что-нибудь придумаете. Она очень полагается на вас — ведь вы занимаетесь ее клонами, верно?

Этот разговор произошел вскоре после того, как Куэйхи вернулся с Хелы живым. Получив точные данные об удивительной постройке, Жасмина немедленно развернула «Гностическое восхождение», подлетела к спутнику газового гиганта и встала на орбите. Никаких ловушек на поверхности не обнаружили: впоследствии осмотр позволил установить, что автоматические пушки, среагировавшие на появление Куэйхи, управлялись роботами-часовыми. Не меньше ста лет назад кто-то обнаружил мост, установил защиту и бесследно исчез.

Как потом выяснилось, был еще один страж, но о нем знал только Куэйхи.

Потрясенный увиденным и пережитым — своим сверхъестественным спасением и ужасной гибелью Морвенны, — Куэйхи слегка спятил. Так считал Грилье, и ничто за прошедшие сто двадцать лет не разубедило его. Учитывая, что случилось с Куэйхи, и памятуя о наличии в его крови вируса, чье действие несколько меняло реальность, Грилье полагал, что тот еще чрезвычайно легко отделался. Куэйхи по-прежнему ясно и четко воспринимал окружающую реальность, понимал — и часто искусно использовал к собственной выгоде — происходящее с ним. Единственное отличие состояло в том, что мир он теперь видел сквозь дымку благочестия. Он посвятил себя вере.

Будучи рационалистом, Грилье понимал, что эту веру по большей части рождает находящийся в крови вирус. Но невозможно было спорить с тем, что спасся Куэйхи поистине чудом.

Сохранившиеся в памяти «Доминатрикс» телеметрические данные ясно об этом свидетельствовали: сигнал бедствия с корабля Куэйхи был зарегистрирован лишь потому, что на долю секунды Халдора попросту перестала существовать. В ответ на сигнал бедствия «Доминатрикс» устремилась к Хеле, развив максимальную скорость, потому что воздух в «Дочери мусорщика» был уже на исходе.

Корабль, честно выполняя свой долг, добирался к Хеле с максимальным ускорением. Он снял ограничения, действовавшие, когда на борту находился Куэйхи. При этом примитивная сущность корабля не учла присутствия Морвенны.

Когда Куэйхи снова поднялся на борт «Доминатрикс», резной скафандр молчал. В приступе безумного отчаяния — понимая в глубине души, что Морвенна уже мертва, — он разрезал толстый металл и запустил в скафандр руки, рыдая над стекавшим между его пальцами кровавым месивом.

Изувечены были даже металлические части тела Морвенны.

Куэйхи выжил, но страшной ценой. Выбор, вставший перед ним, казался очень простым. Надо избавиться от веры, подвергнуться лечению, которое сотрет все следы вируса в кровеносной системе. Найти рациональное, научное объяснение случившемуся на Хеле. При этом необходимо примириться с тем фактом, что Морвенна — единственная его подлинная любовь — потеряна навсегда.

Другой вариант — который он в конце концов избрал — состоял в том, чтобы оставить все как есть. Он посвятит себя вере, смирится с реальностью явленного ему чуда. Вирус был просто катализатором, подталкивал к вере, давал шанс воспринять близость святого присутствия. Тогда на Хеле Куэйхи познал более глубокие и сильные чувства, чем все, что раньше давал ему вирус. Может быть, микроорганизмы просто сделали его более чутким к тому, что и так находится рядом? Искусственный по природе, вирус помог настроиться на слабый, но подлинный сигнал из окружающего мира?

Если так, все обретает смысл. Даже мост. Куэйхи стал свидетелем чуда: он молил о спасении — и спасение было ему даровано. А гибель Морвенны — часть неизбежного, но в конечном счете милосердного деяния, направленного на претворение в жизнь великого плана, в котором Куэйхи всего лишь ничтожный винтик.

— Я должен остаться на Хеле, — сказал он врачу, — до тех пор, пока не найду ответа. Пока ответ не будет мне явлен.

Грилье улыбнулся:

— Но вы не можете тут остаться.

— Я придумаю способ.

— Она не позволит.

После этого Куэйхи сделал Грилье предложение, от которого тот не смог отказаться. Жасмина была своенравной и непредсказуемой властительницей. Куэйхи прослужил у нее много лет, но она и по сей день поражала его переменчивостью своего настроения. Он уже устал бояться, ежедневно ожидая наказания.

— В конце концов Жасмина все равно разделается с вами, — сказал Куэйхи. — Она же ультра. Вам никогда не понять ее, не вникнуть в мысли. Для нее вы всего лишь инструмент — полезный, но легко заменимый. Взгляните на меня — я базоволинейный человек. Но я изгой, современное общество не принимает меня. Наверняка она считает, что у нас с вами много общего.

— Меньше, чем вы думаете.

— Мы можем не нравиться друг другу, — продолжал Куэйхи, — но действовать сообща.

— И зачем это мне? — спросил Грилье.

— Во-первых, я знаю ваш маленький секрет. Знаю, не сомневайтесь. Морвенна догадалась незадолго до того, как Жасмина засунула ее в резной скафандр.

Грилье внимательно посмотрел на него:

— Не понимаю, о чем вы.

— О фабрике клонов, — объяснил Куэйхи. — О проблеме со снабжением и требованиями. Ведь тут дело не только в непомерных запросах Жасмины, правильно? Вы же и сами пользуетесь клонами для своих скромных нужд. Но предпочитаете маленьких, не до конца развившихся. Забираете их из контейнеров, не дожидаясь, когда они станут взрослыми, иногда даже не даете им стать детьми и используете. Чего только не вытворяете! А потом возвращаете в контейнеры и объявляете нежизнеспособными.

— У них нет разума, — ответил Грилье, словно оправдываясь за содеянное. — Это что, шантаж?

— Нет, стимуляция. Помогите мне избавиться от Жасмины, посодействуйте еще кое в чем, и я позабочусь, чтобы никто и никогда не узнал о вашей фабрике клонов.

— Но у меня есть потребности, — тихо сказал Грилье.

— Если это плата за ваше согласие работать для меня, то я не против.

— Почему я должен предать Жасмину ради вас? Вы оба безумны, под стать друг другу.

— Может быть, — кивнул Куэйхи. — Отличие в том, что я не убийца. Подумайте об этом.

Грилье так и сделал и довольно скоро решил, что его ближайшие интересы выходят за пределы «Гностического восхождения». До поры до времени он готов сотрудничать с Куэйхи, но при первой возможности подыщет себе что-нибудь другое, не требующее полного подчинения.

Но минуло сто лет, а Грилье по-прежнему здесь. Как же он недооценил свои слабости! Что не удалось ультра, чьи корабли были полны древних, зачастую неисправных криокапсул, то удалось Куэйхи — он нашел отличный способ удержать при себе превосходного врача.

Но тогда, в первые дни их союза, Грилье не предугадывал своего будущего.

Их первым совместным предприятием была разработка плана свержения Жасмины. Он включал в себя три этапа, и каждый осуществлялся с максимальной осторожностью. Если бы заговор раскрыли, злоумышленникам пришлось бы заплатить ужасную цену. Но, как узнал впоследствии Грилье, королева даже вообразить не могла, что два заклятых врага способны объединиться против нее.

Однако не все у них шло гладко.

Для начала на Хеле был устроен лагерь. На спутник доставили жилые модули, аппаратуру и вездеходы. Некоторые ультра тоже спустились, но из-за своей инстинктивной нелюбви к планетарным условиям занервничали и при первой возможности вернулись на корабль. Куэйхи и Грилье это устраивало как нельзя лучше, теперь они могли без помех реализовывать свой непростой замысел. Довольно скоро они нашли нечто важное, пригодившееся для достижения цели. Ведя разведку вблизи базы, еще под присмотром Жасмины, они обнаружили

первый артефакт вертунов. Это, по крайней мере, давало пищу для предположений, кто мог построить мост.

Вторым этапом плана было ухудшение здоровья Жасмины. Грилье, начальнику фабрики клонов, устроить это было совершенно несложно. Он повозился с клонами, замедлив их развитие, создав дополнительные аномалии и дефекты. Неспособная больше держаться за реальность с помощью доз причиняемой себе боли, Жасмина «поплыла». Ее мышление теряло ясность, восприятие слабело.

Тогда они перешли к третьему этапу. Он предусматривал бунт, захват «Гностического восхождения», установление на корабле новой власти. Среди ультра нашлись друзья Морвенны, сочувствовавшие Куэйхи.

Облетая Хелу во время строительства Первого Лагеря, Куэйхи и Грилье разыскали четвертого робота-охранника, точно такого же, как сбивший «Дочь мусорщика». Было решено сыграть на рассеянности Жасмины и заманить «Гностическое восхождение» в зону поражения. В самом начале королева отказывалась подходить к спутнику ближе чем на несколько световых часов, но, узнав о найденных артефактах и увидев мост, заинтересовалась до крайности и забыла об осторожности.

Ожидалось, что урон, причиненный кораблю, будет невелик и этого хватит, чтобы посеять панику в команде, что, в свою очередь, облегчит захват. Но выстрел оказался гораздо мощнее, чем предполагал Куэйхи. От точки попадания ударная волна распространилась по корпусу корабля и достигла сочленительских двигателей. В небе Хелы вспыхнули два новых солнца. Когда они погасли, не осталось ничего: ни Жасмины, ни ее могучего субсветовика, привезшего Куэйхи и Грилье в эту систему.

Куэйхи и Грилье оказались на необитаемой планете одни.

Но они не погибли. У них имелось все необходимое, чтобы прожить многие годы, благо временный лагерь уже был достроен. Они изучали Хелу, совершая дальние экспедиции на вездеходах. Они добывали останки и тщетно пытались реконструировать по ним облик вертунов.

Над головой — мистически исчезающая Халдора. Под ногами — непостижимая таксономия вертунов. Куэйхи с жаром отдался обеим головоломкам, будучи уверен в душе, что они взаимосвязаны и что стоит ему разгадать эти тайны, как выяс-

нится, почему он спасся, а Морвенна была принесена в жертву. Он не сомневался, что обе загадки — дар Божий. Кроме того, Куэйхи был убежден, что только он способен с ними справиться.

Прошел год, за ним другой. Они обогнули Хелу по экватору, мощные вездеходы позволяли двигаться по пересеченной местности, прокладывая тропу. Они прошли по экватору еще и еще раз, и тропа становилась более заметной. Они предпринимали вылазки на юг и север, в сторону от экваториальной тропы, и там нашли места сосредоточения артефактов вертунов. Здесь напарники вырыли шахты и пробурили тоннели, собрав много фрагментов головоломки. После этого они вернулись на экватор, чтобы изучить найденный материал.

И вот однажды, на второй или третий год, Куэйхи вдруг понял нечто важное: он должен увидеть еще одно исчезновение.

— Если это снова случится, я должен стать свидетелем, — сказал он Грилье.

— Но исчезновение повторится без всяких на то причин, значит это не чудо.

— Нет, не так, — возразил Куэйхи. — Это Бог даст знак, чтобы у меня пропали все сомнения.

Грилье решил поспорить с ним:

— Но ведь у вас есть данные телеметрии с «Доминатрикс», они подтверждают исчезновение Халдоры. Разве этого недостаточно?

Куэйхи просто отмахнулся от этих слов:

— Цифры в электронной базе данных. Я должен увидеть повторение чуда собственными глазами. Для меня это важно.

— Тогда вам придется смотреть на Халдору вечно. — Грилье поспешил поправиться: — Я хотел сказать, до ее исчезновения. Сколько длилось предыдущее, мгновение ока? Пропустить легче легкого.

— Я постараюсь не пропустить.

— Половину суток Халдора прячется за горизонтом, — указал на небо Грилье. — От заката до рассвета.

— Это если не двигаться за ней. В первый раз мы обогнули Хелу за три месяца, потом уложились в два. Чтобы следовать за Халдорой, можно ехать очень медленно, треть метра в секунду, не больше и не меньше, и строго держаться экватора. Тогда

Халдора не уйдет из зенита, меняться будет только местность за окном.

Грилье задумчиво покивал:

— Вижу, вы все уже обдумали.

— Задача несложная. Мы соединим вездеходы, поставим на них наблюдательную платформу.

— А как быть со сном? К тому же вы моргаете.

— Вы врач. Придумайте что-нибудь.

И Грилье придумал. Медикаменты и нейрохирургия избавили Куэйхи от сна, простейший диализ избавил от токсинов усталости. Проблема моргания тоже решилась.

— Жизнь полна иронии, — сказал Куэйхи врачу. — Помните, Жасмина пугала, что в резном скафандре мы не сможем уснуть и даже хотя бы на миг отключиться? Сейчас я сам хочу этого.

Стоя в верхнем зале Часовой Башни, Грилье как будто перенесся в далекое прошлое. В его памяти эти сто двадцать лет остались чередой разрозненных фотографических снимков, ведь Куэйхи обращался к нему, пробуждаясь от криосна, только в экстренных случаях. Грилье помнил первое медленное кругосветное путешествие, как они, соединив вездеходы, словно бревна в плоту, двигались вслед за Халдорой. Через полтора года прибыл корабль ультранавтов, заметивших слабую вспышку взрыва «Гностического восхождения». Уж в чем в чем, а в любопытстве этой фракции не откажешь. Остановив субсветовик на безопасном расстоянии, ультра отправили к спутнику легкие шаттлы-разведчики. Куэйхи предложил гостям купить артефакты вертунов, а взамен потребовал услуги и технику.

Лет через десять прибыл следующий корабль. Его экипаж вел себя не менее осторожно, но с такой же охотой вступил в торговые переговоры. Артефакты вертунов оказались ходким товаром. Эти ультра могли предложить нечто нетрадиционное — у них в трюме спали недовольные властями эмигранты из далекой колонии, о которой ни Куэйхи, ни Грилье никогда не слышали. Слухи о Хеле и ее чудесах привлекли их сюда через световые годы.

У Куэйхи появились первые последователи.

Позже прибыли тысячи переселенцев. Десятки тысяч, сотни тысяч. Для ультра Хела стала выгодным узелком в неве-

роятно растянутой и зыбкой сети межзвездной коммерции. Главные планеты — старые торговые центры — человечество потеряло, и не только плавящая чума и междоусобные войны были тому причиной, но и кое-что похуже. Что именно — загадка, поскольку лишь немногим кораблям удалось добраться оттуда до Хелы; их пассажиры рассказывали о зле, являющемся из космических глубин, о безжалостных механизмах, пожирающих органическую жизнь, притом что сами они не живее заводных будильников или дверных звонков. С некоторых пор на Хелу отправлялись не только те, кто мечтал лицезреть чудо исчезновения Халдоры, но и те, кто верил в близкий конец света и считал Хелу кульминационной точкой, местом последнего паломничества.

Ультра брали паломников на свои корабли в качестве оплачиваемого груза, утверждая, что их заботит только выручка за рейсы, а до местных проблем им и дела нет. Поначалу это было правдой, но Грилье слишком хорошо знал ультра, чтобы с некоторых пор не замечать в их глазах тревогу, не имевшую ничего общего с перспективами межзвездной торговли. Эти ультра что-то видели, догадался врач. Возможно, с очень большого расстояния они наблюдали какие-то смутные тени на краю освоенного людьми космоса. Сами ультранавты раньше считали таких призраков вымыслом первопроходцев, но теперь, когда замолчали несколько старых обжитых колоний, торговцы задумались всерьез.

Ультра и сейчас находились на Хеле. По договору с ними субсветовикам не разрешалось приближаться к Халдоре и ее обитаемому спутнику. Большие корабли останавливались на краю звездной системы, в особом стояночном объеме пространства, и их экипажи добирались до Хелы на шаттлах. Представители церквей досматривали эти транспортные средства, убеждались, что никакие записывающие и сканирующие устройства не направлены на Халдору. Конечно, это была лишь проформа, обойти запрет не составляло труда, однако ультра были на редкость покладисты. Они дорожили торговыми отношениями с Хелой, а потому соглашались играть по правилам.

Когда Грилье появился в зале Часовой Башни, Куэйхи вел переговоры с ультра.

— Спасибо, капитан, что уделили мне время, — сказал Куэйхи.

Его призрачный голос серыми спиралями поднимался над системой жизнеобеспечения.

— Очень жаль, что нам не удалось договориться, — ответил ультра, — но вы должны понять, что безопасность корабля для меня превыше всего. Мы все помним, что случилось с «Гностическим восхождением».

Куэйхи сочувственно всплеснул костлявыми руками:

— Ужасное происшествие. Я сам едва не погиб.

— Вот и мы не хотим погибнуть.

Койка развернула Куэйхи лицом к вошедшему.

— Генерал-полковник медицинской службы Грилье, позвольте вам представить капитана Баския с субсветовика «Невеста ветра».

Грилье вежливо поклонился новому гостю Куэйхи. Капитан выглядел не столь экстремально, как другие ультра, которых Грилье довелось повидать, но все же его облик по базоволинейным меркам был пугающе-странным. Ультра был тощим и почти бесцветным, как высохшее на солнце мертвое насекомое; держаться прямо ему помогал экзоскелет цвета крови, украшенный серебряными лилиями. Рядом с торговцем вилась очень крупная бабочка — у самого лица, работая крыльями, как опахалами.

— Рад познакомиться, — отозвался Грилье, поставив на пол чемоданчик со шприцами. — Надеюсь, вам понравится на Хеле.

— Этот рейс оказался для нас очень выгодным, господин генерал-полковник. К сожалению, мы не сможем выполнить личную просьбу настоятеля Куэйхи, но в остальном и мы, и церковь весьма довольны торгом.

— Если не считать небольшой неприятности, — проворчал Куэйхи.

— Вы про сбой в работе криокапсул? Да, к сожалению, после разморозки у десятка наших пассажиров обнаружилось омертвение мозга. Случись это в прежние времена, мы попробовали бы восстановить мозг при помощи нейронной терапии. Теперь же — увы.

— Все же мы охотно помогли вам сбыть их с рук, — сказал Грилье. — И освободить капсулы для живых.

Ультра взмахом кисти согнал севшую ему на губы бабочку.

— Вы собираетесь как-то использовать эту слякоть?

— Нашего доктора интересуют как раз такие случаи, — ответил Куэйхи, не дав Грилье и рта раскрыть. — Он любит экспериментировать с копированием нейропаттернов. Правильно я говорю, Грилье?

Куэйхи резко отвернулся, не дожидаясь ответа.

— Капитан, нужна ли вам наша помощь, чтобы добраться до корабля?

— Благодарю, я справлюсь сам.

Грилье глянул в восточное окно Часовой Башни. За гребнем крыши главного зала находилась посадочная площадка, на ней стоял миниатюрный шаттл, раскрашенный в цвета палочника — ярко-зеленый и желтый.

— Да поможет вам Господь добраться до стоянки, капитан. Отправляйте к нам транспорт с несчастными жертвами неисправных капсул, и я буду с нетерпением ждать вашего следующего визита.

Капитан повернулся к выходу, но задержался. Грилье понял, что ультра наконец заметил резной скафандр. Тот всегда был здесь, стоял в углу зала, словно еще один гость. Пока Баския рассматривал резной скафандр, бабочка порхала вокруг его головы. Наконец ультранавт ушел, так и не узнав, какие страшные воспоминания связаны у Куэйхи с этим саркофагом — местом последнего упокоения Морвенны и вечным напоминанием о цене спасения.

Когда шаги Баскии стихли вдали, Грилье спросил:

— О чем вы говорили? Что за просьба, которую он не смог исполнить?

— Обычный торг, — ответил Куэйхи, словно уже потерял интерес к этому делу. — Вам повезло, что появилась эта слякоть. Что там со службой крови? Как все прошло?

— Минутку. — Грилье шагнул к стене и передвинул рычаг с латунной рукояткой.

Жалюзи опустились почти до конца, пропуская в зал только узкие клинья света.

Врач наклонился над Куэйхи и снял солнечные очки, которыми тот пользовался во время переговоров — и не только для защиты глаз; без очков вид у него был не слишком приятный. Конечно, по той же причине иногда он нарочно не надевал очки.

Под темными стеклами, словно вторая пара очков, крепилась тонкая проволочная конструкция: по кольцу вокруг каждого глаза. Закрепленные на рамках крючки держали веки, не давая им закрыться. На этих же кольцах были смонтированы крошечные опрыскиватели, чтобы через каждые несколько минут увлажнять глаза. Грилье говорил, что гораздо проще было бы удалить веки, но Куэйхи с маниакальным упрямством стремился искупить свою вину, и крючки на веках постоянно напоминали ему об этом покаянии — не говоря уже о том, что давали лишний шанс не пропустить исчезновение.

Грилье достал из медицинского чемоданчика тампон и удалил выделения вокруг глаз Куэйхи.

— Итак, что там со службой крови? — повторил тот.

— Я вам все расскажу. Только сначала ответьте, о каком деле вы говорили с ультра. Для чего вам нужно, чтобы он подвел свой корабль к Хеле?

Зрачки Куэйхи заметно сузились.

— Почему вы решили, что я просил об этом?

— А разве не так? Ведь он сказал, что лететь на корабле к Хеле слишком опасно.

— Грилье, оставьте ваши домыслы.

Врач закончил чистку и надел настоятелю верхнюю пару очков.

— Домыслы, говорите? Ни с того ни с сего вы просите ультра подвести субсветовик к Хеле. А ведь прежде десятилетиями лезли вон из кожи, чтобы держать этих подонков на расстоянии. Спрашивается, почему вдруг понадобилось, чтобы их корабль оказался у нашего порога?

Человек на ложе вздохнул. В сумерках он казался почти бестелесным. Грилье снова поднял жалюзи; за окном взмыл над посадочной площадкой желто-зеленый шаттл.

— Просто у меня появилась одна идея, — произнес Куэйхи.

— Что за идея?

— Вы заметили, как беспокойно в последнее время ведут себя ультра? Это не внушает доверия. Но с Баскией, похоже, можно иметь дело. Вот я и подумал: не договориться ли с ним...

— О чем? — Грилье убрал пакет с тампонами в чемоданчик.

— О защите, — объяснил Куэйхи. — Я хочу, чтобы один корабль ультра постоянно находился на низкой орбите, не позволяя другим подойти ближе.

— Безумие, — хмыкнул Грилье.

— Страховка, — поправил настоятель. — Впрочем, Баския не заинтересовался моим предложением. Ультра боятся подводить корабли вплотную к Хеле. Планета влечет их к себе, но и пугает...

— Кроме Баскии, есть и другие ультра.

— Конечно, — произнес Куэйхи таким тоном, словно разговор наскучил ему и он уже жалеет о своей нелепой затее.

— Вы спрашивали о службе крови, — напомнил Грилье и поднял чемоданчик. — К сожалению, не все прошло гладко, но я взял у Вустада образец.

— У хормейстера? Разве вы не собирались ввести ему кровь?

— План слегка изменился.

Служба крови являлась структурным подразделением Часовой Башни и отвечала за сохранение, обогащение и распространение бесчисленных штаммов исходного индоктринационного вируса Куэйхи. Почти все работники Часовой Башни несли в себе частицу крови настоятеля. Она прошла через поколения, вирус мутировал, смешиваясь с другими микроорганизмами, принесенными на Хелу. Результатом стало изобилие разнообразных и хаотически проявляющихся эффектов. Многие церкви пользовались — правильнее сказать, вынуждены были пользоваться — несколько измененными формами первоначального штамма. Служба крови стремилась обуздать хаос, изолировать эффективные, доктринально чистые штаммы и дать отпор всем прочим. На людях вроде Вустада часто испытывали новые штаммы вируса. Если результатом был психоз или иной нежелательный побочный эффект, штамм больше не применялся. Пару раз Вустад проштрафился, и за это его определили в морские свинки. Вскоре у него развился параноидальный страх перед инъекциями.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — сказал Куэйхи. — Сейчас мне, как никогда, нужна эффективно работающая служба крови. Я теряю свою религию.

Собственная вера настоятеля несла серьезный урон. У него выработался иммунитет к чистому штамму, с которым он прибыл на борт «Гностического восхождения». Одной из задач службы крови был поиск штаммов-мутантов, способных воздействовать на Куэйхи. Грилье не предавал этот факт гласно-

сти, но в последнее время находить такие штаммы ему удавалось с большим трудом.

В данный момент Куэйхи переживал очередное ослабление веры. В промежутках между приступами он никогда не говорил о своей проблеме. Вера и Куэйхи — это же, в сущности, одно целое. Но снова и снова он начинал думать о своей религии как об искусственном продукте химических реакций.

Подобные интерлюдии всегда пугали Грилье. Переживая упадок духовных сил, Куэйхи становился несговорчивым и непредсказуемым. Врачу вспомнился загадочный рисунок на витражном окне. Нет ли тут связи?

— Скоро вы будете как огурчик, — пообещал он.

— *Уж постарайтесь. Надо вернуть меня в строй, Грилье, потому что у нас проблемы. С Гор Гулльвейг сообщают о сходе ледяных лавин, на этом участке Пути движение остановлено. Нам, как всегда, надо расчищать дорогу. Но боюсь, даже применив Божественный Пламень, мы все равно отстанем от Халдоры.*

— *Мы всегда преодолевали трудности, настоятель. Справимся и теперь.*

— Если остановимся надолго, понадобятся крайние меры. Я хочу, чтобы машинное отделение было готово исполнить любые мои распоряжения, сколь бы абсурдными они ни казались.

Ложе вновь наклонилось, его отражение разбилось на куски, а затем восстановилось в движущихся зеркалах. Они были установлены так, чтобы направлять свет Халдоры прямо в лицо Куэйхи: в каком бы положении он ни находился, газовый гигант всегда пребывал перед его глазами.

— Самые нелепые приказы, Грилье, — повторил он. — Вы понимаете, о чем я?

— Пожалуй, — кивнул Грилье.

Потом он подумал о крови и мостах. И о девушке, которую собирался доставить в собор. Не случится ли так, что тем самым он приведет в действие машину, которую невозможно будет остановить?

«Но настоятель не сделает этого, — сказал себе Грилье. — Не совсем же он спятил, в конце-то концов. На планете не сыщется безумца, который прикажет вести „Пресвятую Морвенну“ по мосту над Пропастью Искупления».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Арарат, год 2675-й

Схема внутренних помещений «Ностальгии по бесконечности» представляла собой длинный свиток мятой пожелтевшей бумаги, с одной стороны прижатый ножом Крови, с другой — тяжелым серебристым шлемом, найденным Пэлфри в мусоре. Свиток был покрыт густой сеткой карандашных и чернильных линий. Кое-где линии убирали и рисовали; в этих местах бумага протерлась почти до дыр.

— Поточнее схемы нет? — спросил Кровь.

— Уж какая есть, — ответила Антуанетта. — Всяко лучше, чем ничего.

За последнюю неделю свинья это слышал, пожалуй, сто раз.

— Ладно. И о чем это нам говорит?

— О проблеме. Вы расспрашивали Пэлфри?

— Нет, им занимается Скорп.

Антуанетта дотронулась до оттягивавшей ее мочку грозди украшений.

— Я тоже с ним потолковала. Хотела понять обстановку. Практически все в насосной бригаде убеждены, что капитан является все чаще и обставляет это все оригинальней.

— И что с того?

— У нас тут отмечены места последних явлений капитана. Их добрая дюжина, и я склоняюсь к мысли, что рабочие не врут.

Свинья прищурился; в скупом освещении конференц-зала его глаза плохо различали карандашные пометки. Он не любил карты и схемы еще с тех времен, когда под началом Скорпиона орудовал в Городе Бездны. Там такие вещи были, в общем-то, не нужны. «Если тебе в наших краях вдруг понадобилась карта, — часто говаривал Кровь, — значит ты здорово влип».

Но эта схема была важной. Она изображала «Ностальгию по бесконечности», тот самый шпиль над морем, внутри которого они с Антуанеттой Бакс сейчас находились. На ней корабль представлялся конусом, хитроумно сплетенным из горизонтальных и вертикальных линий: настоящий обелиск, покрытый наползающими друг на друга иероглифами. Линии отмечали уровни, сообщающиеся шахты и основные перегородки.

Огромным трюмам соответствовали пустоты без каких-либо обозначений.

Высота корабля составляла четыре километра, и поэтому на схеме не было места даже для крупных, с точки зрения человека, деталей. Отдельные помещения сопровождались надписями лишь в тех случаях, если играли исключительно важную роль. Да и сам процесс составления схемы, в сущности, был пустой тратой времени. Медленная перестройка корабельного нутра — полностью вне контроля человеческого экипажа — за последние десятилетия свела на нет все подобные попытки.

Хватало и других сложностей. Верхние уровни корабля были нанесены на схему более или менее точно. Ими часто пользовалась команда, и казалось, из-за постоянного присутствия там людей корабль почти не меняет свое устройство в этой части. Но на нижние уровни, в особенности под урез окружающей воды, ремонтные бригады спускались неохотно. Поскольку тамошние помещения оказывались нисколько не похожими на то, что техники ожидали увидеть. Эти нижние уровни непрестанно видоизменялись согласно каким-то тошнотворным биологическим архетипам, что делало их картирование бессмысленным. Кровь побывал внизу, в тех помещениях над уровнем моря, которые подверглись наибольшим изменениям, и эта экспедиция была сродни путешествию по опасному лабиринту карстовых пещер.

Но не только внутренности корабля представляли собой загадку. Готовясь сойти с орбиты, «Ностальгия по бесконечности» изменилась в корме, сделав свой торец плоским. В сопровождавшей посадку суматохе толком проследить за этими изменениями не удалось. Поскольку нижние километры корабля, включающие пару гондол с сочленительскими двигателями, ушли под воду, узнать в ближайшее время, как теперь выглядит корма, не представлялось возможным. Подводники погружались на несколько сот метров, но их отчеты добавили мало нового к уже известному. Сенсорное исследование позволило продвинуться глубже, но полученные в результате расплывчатые очертания свидетельствовали только о том, что подводная часть корабля более или менее цела. На важнейший вопрос, смогут ли двигатели вновь заработать, ответа пока не было. Благодаря своей нервной системе, сросшейся с бортовой

техникой, капитан, конечно же, знал о полетной готовности корабля. Но Бренниген молчал.

Молчал до последнего времени.

Красный карандаш Антуанетты отметил звездочками все места последних появлений Джона Бреннигена, в которых она была уверена. Кровь читал даты и другие пометки — имена свидетеля или свидетелей, характер явлений. Он то задумчиво постукивал по схеме рукояткой ножа, то легонько водил по ней лезвием, чертя круги и дуги вокруг карандашных записей.

— Капитан поднимается в направлении носа, — заметил он.

Антуанетта кивнула, завиток волос выбился и упал ей на глаза.

— Я тоже заметила. И поняла, что Пэлфри и его приятели не врут.

— А что с датами? Тут есть какая-то закономерность?

— Только одна — все началось с месяц назад.

— И о чем это говорит?

— Делайте выводы сами, — ответила она. — Мне кажется, на схеме все хорошо видно. Капитан внезапно забеспокоился. Характер его явлений изменился, их зона расширилась. Он ведет себя демонстративно, его встречают в тех частях корабля, где он не бывал раньше. Если отметить тут места явлений, которые не кажутся мне вполне достоверными, то получится, что Бреннигена видели везде, вплоть до административных ярусов.

— Но ты в это не веришь?

Антуанетта сдула с лица прядку.

— Пока не верю. Точнее, не знаю. Но неделю назад я бы не поверила и в половину других явлений. Все, что мне теперь нужно, — это один хороший свидетель явления выше шестисотого уровня.

— И что тогда?

— Тогда нам придется поверить. Поверить, что капитан проснулся.

Кровь подумал, что это не очевидно только слепому.

— Если бы капитан активизировался сейчас, я бы решил, что здесь есть связь с прилетом Хоури. Но он проснулся месяц назад, когда ее и в помине не было.

— Месяц назад ее корабль прибыл в нашу систему, — возразила Антуанетта. — Война с ингибиторами уже добралась

сюда, и никто не знает, насколько чувствительны системы капитана. Он — это весь корабль. А «Ностальгия» воспринимает происходящее в нескольких световых часах от планеты. То, что корабль стоит на Арарате, ничего не меняет.

— Мы не знаем наверняка, что Хоури говорит правду, — сказал Кровь.

Антуанетта снова взяла красный карандаш и отметила звездочкой место встречи капитана с Пэлфри.

— Думаю, теперь не может быть сомнений в ее правдивости, — ответила она.

— Хорошо. Еще вопрос. Если капитан проснулся...

Антуанетта подняла голову, ожидая конца фразы:

— Ну?

— Значит, он чего-то хочет от нас, правильно?

Антуанетта взяла со стола шлем, отчего схема корабля с шелестом свернулась.

— Думаю, кто-то из нас должен его об этом спросить, — ответила она.

За два часа до рассвета подал голос Васко:

— Я вижу, сэр. Прямо по курсу айсберг, как на карте.

С полминуты Эртон вглядывалась в сумеречный горизонт, потом буркнула:

— А я ничего не вижу.

— Я тоже вижу. Малинин прав, — подтвердил Жакоте с другой лодки и достал бинокль.

Широкие линзы, направленные в сторону цели, не двигались, хотя лодка качалась на волнах.

— Что там? — спросил Клавэйн.

— Пока я вижу только ледяную гору, расстояние слишком велико. На корабль совершенно не похоже.

— Молодчина, — похвалил старик Малинина. — Может, нам звать тебя Соколиным Глазом?

По приказу Скорпиона лодки сбавили скорость наполовину, потом развернулись, чтобы обойти айсберг по широкой дуге. Было решено осмотреть льдину со всех сторон, насколько это возможно в неверном свете близкой зари.

За час они по спиральной траектории приблизились к айсбергу — невысокому, с покатой вершиной. По мнению Васко, он выглядел очень странно. Ледяная гора казалась вросшей

в море — во все стороны от нее отходила белая бахрома, раза в два длиннее диаметра «ядра». В совокупности это напоминало остров с небольшим вулканическим конусом в центре и пологими ребристыми склонами.

Васко видел айсберги, они доплывали до широт Первого Лагеря, но этот не имел с ними ни малейшего сходства.

Лодка сделала очередной круг и подплыла ближе. Время от времени Васко слышал, как Скорпион переговаривается с Кровью через браслет. На западе небо обрело багровость свежего синяка, но еще было видно несколько звезд. Восток был нежно-розовым. Бледная ледяная гора отбрасывала в обе стороны лучи приблизительно соответствующих оттенков.

— Мы обошли айсберг два раза, — доложила Эртон.

— Так держать, — сказал Клавэйн. — Сокращаем расстояние вдвое и скорость сбрасываем тоже наполовину. Может, Скади еще не заметила нас, и я не хочу вспугнуть ее раньше времени.

— С айсбергом что-то не так, сэр, — подал голос Васко.

— Разберемся. — Клавэйн повернулся к Хоури. — Ты уже чувствуешь?

— Вы про Скади? — спросила Хоури.

— В первую очередь про твою дочь. Подумал, может, уже заработала связь между вашими имплантатами.

— Мы еще слишком далеко от Ауры.

— Ясно, но, как только ты что-нибудь уловишь, дай знать. От моих имплантатов вряд ли будет толк, — по крайней мере, пока мы не подойдем вплотную. И вообще, ты ее мать. Уверен, ты услышишь ее первая, если ничего не случилось с протоколами.

— Не нужно напоминать мне, что я ее мать, — отрезала Хоури.

— Конечно. Просто я...

— Клавэйн, я жду и слушаю. С того самого момента, как меня достали из капсулы. И когда у нас с Аурой наладится связь, вы об этом узнаете первым.

Полчаса спустя они уже подошли достаточно близко, чтобы рассмотреть детали. Теперь всем было ясно, что это не обычный айсберг, даже если не принимать во внимание ледяную кашу вокруг горы. В сущности, это был вовсе не айсберг.

Хотя льда здесь хватало.

Кристаллические склоны плавающего массива выглядели очень странно. Склоны состояли не из наслоений льда, а из огромных друз толстых заостренных кристаллов. Сталактиты и сталагмиты торчали вверх и вниз как ледяные зубы. Вертикальные выросты блестели, словно клинки шпаг, и на конце каждого распустились удивительные цветы из меньших спиц, которые торчали во все стороны, пронизывая соседние поросли и смешиваясь с ними. Ледяные кристаллы были несхожи и формой, и размерами, и в этом различии не усматривалось никакой системы. Некоторые «стволы» и «ветви» шириной не уступали лодке. Другие были тоньше и уменьшались настолько, что образовывали радужное блестящее кружево в воздухе, и казалось, самый легкий ветерок способен расколоть эту мишуру на миллионы сверкающих осколков.

Издали айсберг казался единым целым, а вблизи походил не то на стог насыпанных как попало игл разного размера, не то на блестящий густой куст, в котором столько же пустоты, сколько льда.

Ничего более поразительного и жуткого Васко в жизни не видел.

Они сделали новый виток и подошли еще ближе.

Только Клавэйн оставался совершенно равнодушен к поразительной картине, представшей перед экспедицией. Может, и был удивлен, но не подавал виду.

— Эти автоматические карты довольно точные, — заметил он. — Насколько я помню размеры льдины, внутри легко поместится корвет класса «Мурена».

Васко решился задать вопрос:

— Сэр, вы все еще считаете, что внутри айсберга корабль?

— А ты как думаешь, сынок? Неужели мать-природа способна создать нечто подобное?

— Но для чего Скади понадобилось окружать свой корабль таким необычным льдом? — не отставал Васко. — На броню это не похоже, к тому же корабль становится заметнее на картах.

— А почему ты решил, сынок, что у нее был выбор?

— Я не понимаю вас, сэр.

— Клавэйн говорит о том, — объяснил Скорпион, — что корабль Скади может быть неисправен. Я правильно понял?

— Скажем, это моя рабочая гипотеза, — ответил Клавэйн.

— Но что находится... — Васко не закончил вопрос, боясь зайти слишком далеко.

— Что бы ни находилось внутри, — ответил Клавэйн, — нужно туда пробраться. У нас нет бурильной установки или взрывчатки, но, если мы хорошенько поищем, нам не придется пробиваться через толстый лед при помощи грубой силы. Нужно отыскать проход в центр горы.

— А если Скади заметит нас, сэр? — спросил Васко.

— Надеюсь, что заметит. Последнее, чего мне хочется, так это стучаться в ее парадную дверь. А теперь подойдем ближе. Медленно и осторожно.

Встало Яркое Солнце. В первые минуты рассвета айсберг полностью изменился. На фоне бледно-фиолетового неба вся структура приобрела волшебный вид, лед стал похож на некую изысканную аристократическую сласть. Ледяные шпаги и кружева светились золотом, лазурью и всеми другими красками, что рождаются в ослепительном блеске бриллиантовых граней. Образовались роскошные гало, во все стороны брызнули окрашенные лучи; Васко отродясь не видел таких ярких и чистых цветов радуги. Вместо теней внутри айсберга царили бирюзовые и опаловые краски, сияние проникало к поверхности по извилистым ледяным коридорам и каньонам. Но в глубине этого сверкающего великолепия угадывалась темная сердцевина — словно черная личинка, окруженная бледным коконом.

Пятьдесят метров отделяло лодки от кромки ледяной каши. Пока они шли по морю, волны не было, но здесь, в непосредственной близости от айсберга, море зашевелилось с апатичностью огромного животного, получившего в бок ампулу снотворного; казалось, каждое движение стоило воде огромного усилия. Замерзающая поверхность моря походила на шкуру морского зверя — гладкую, сине-зеленую. Васко опустил руку за борт и сразу отдернул руку. Даже здесь, довольно далеко от кромки льда, вода была гораздо холоднее, чем в месте высадки из шаттла.

— Взгляните-ка. — Скорпион развернул перед собой умную карту.

Хоури хмуро смотрела на то место, куда указывало копыто свиньи.

Клавэйн открыл свою карту:

— Что там, Скорп?

— От Крови только что пришло обновление. Посмотри на айсберг: он вырос.

Клавэйн ввел координаты айсберга, и тот увеличился рывком. Васко смотрел через плечо старика, искал на карте пару лодок. Но их не было. Он понял, что обновление сделано вчера, до заката.

— Ты прав, — заметил Клавэйн. — Примерно... процентов на тридцать—сорок в объеме.

— Не меньше, — подтвердил Скорпион. — *И* это не в реальном времени. Если скорость роста не менялась, сейчас он еще на десять—двадцать процентов больше.

Клавэйн сложил карту: он увидел достаточно.

— Айсберг охлаждает окружающую воду. Очень скоро место, где мы сейчас стоим, тоже замерзнет. Наше счастье, что мы прибыли так быстро. Через несколько дней не было бы ни единого шанса проникнуть в гору льда.

— Сэр, — обратился к Клавэйну Васко, — я не понимаю, почему айсберг растет. Он должен уменьшаться. В этих широтах льды тают быстро.

— Вроде ты говорил, что слабо разбираешься в айсбергах, — заметил Клавэйн.

— Я сказал, сэр, что в нашей бухте видел лишь несколько штук.

Старик посмотрел на него в упор:

— Это не айсберг и никогда им не было. Это корка льда вокруг корабля Скади. И она растет, потому что корабль охлаждает окружающую среду. Помнишь, что сказала Хоури? Они научились остужать корпус корабля до температуры фоновых космических микроволн.

— Но вы предположили, что Скади не управляет этим процессом.

— Да, я не уверен.

— Сэр...

Клавэйн перебил его:

— Мне думается, что-то случилось с криоарифметическими двигателями корабля, это они охлаждают корпус. В чем конкретно причина неисправности, могу только гадать. Возможно, Скади сама расскажет, когда мы найдем ее.

До вчерашнего дня Васко никогда не слышал о криоарифметических двигателях. Название упоминалось в стенограмме опроса Хоури — это была одна из технологий, которую Аура помогла усовершенствовать Ремонтуару и его товарищам, пока те мчались прочь от руин Дельты Павлина.

В течение следующих часов Васко задал уйму вопросов, стремясь заполнить постыдный пробел в своих знаниях. Не на все его вопросы нашелся ответ даже у Хоури. Например, Клавэйн рассказал, что криоарифметический двигатель совсем не новинка, основы этой технологии были разработаны сочленителями незадолго до окончания войны с демархистами. В то время криоарифметический двигатель был громоздким устройством, величиной с загородный дом, и годился для установки только на тяжелых межзвездных судах. Попытки создать аналоги малых размеров заканчивались авариями. Но Аура объяснила, как сделать криодвигатель величиной с яблоко.

Однако даже после этого такие устройства оставались опасными.

Принцип криоарифметического движения базировался на контролируемом нарушении законов термодинамики. Разработать его удалось путем квантового вычисления, с применением целого класса алгоритмов, которые сочленитель по фамилии Кафзех открыл в первые годы демархистской войны. Алгоритмы Кафзеха, будучи правильно применены квантовым компьютером с определенной архитектурой, приводили к удельной потере тепла в окружающем пространстве. По сути, криоарифметический двигатель был всего лишь компьютером, производящим вычисления по замкнутому циклу. От обычных компьютеров он отличался тем, что при повышении скорости работы не разогревался, а, напротив, охлаждался. Сложнее всего было сдерживать ускорение работы компьютера по мере его охлаждения, стабилизировать процесс, норовящий по спирали скатиться к полной неуправляемости. Чем меньше был двигатель, тем более подвержен нестабильности.

Возможно, именно это случилось с кораблем Скади. В космосе двигатель выкачивал энергию из корпуса, охлаждая его почти до абсолютного нуля, благодаря чему корабль был невидим на фоне космических излучений. Но, очевидно, корвет получил повреждения, и при этом пострадала сложная систе-

ма управления криоарифметическими двигателями. К моменту падения в океан Арарата он уже был сгустком межзвездной стужи. Вокруг него замерзала вода, диковинные формы ледяных кристаллов свидетельствовали о грубом попрании законов физики.

Могло ли внутри этой оболочки остаться что-то живое?

И тут Васко услышал. Возможно, опять раньше всех. Это был тончайший писк, на самом пределе слышимости, нечто близкое к ультразвуку, и улавливалось оно, пожалуй, благодаря осязанию, а не слуху. Может, это поток данных, поступающий к Васко по сенсорному каналу, о существовании которого он никогда раньше не подозревал?

А еще это походило на песню. И на кружение миллиона пальцев по влажным ободкам миллиона винных бокалов.

Васко едва улавливал этот писк — и притом боялся, что от звуковых колебаний у него треснет череп.

— Сэр, — обратился он к старику, — я кое-что слышу. Чем бы ни был на самом деле этот айсберг, у него есть голос.

— Это из-за солнца, — через секунду ответил Клавэйн. — Оно греет, в различных местах покрова возникают напряжения, лед скрипит и хрустит.

— Вы тоже слышите, сэр?

Клавэйн взглянул на него со странным выражением:

— Нет, сынок. С годами все больше того, чего я не слышу. Но я сужу по твоим словам.

— Подойдем, — предложил Скорпион.

Антуанетта Бакс шла по темным и сырым коридорам гигантского затонувшего корабля. В одной руке она держала фонарь, в другой, подцепив за кромку шейного разъема, серебристый шлем. Перед ней с азартом охотничьей собаки скакал кружок золотистого света, выхватывал из мрака жутковатые скульптурные образования на стенах. Вот арка, как будто сделанная из позвонка огромного животного, вот груда скрученных и переплетенных, точно кишки, труб. Ползучие тени создавали иллюзию, будто эти трубы корчатся, извиваются, как спаривающиеся змеи.

С нижних уровней дул ровный влажный ветерок, откуда-то издалека доносился натужный лязг механизма — может быть, то трудился принесенный колонистами насос, а может,

агрегат из системы корабельного ремонта. Звуки распространялись по кораблю совершенно непостижимыми маршрутами, и этот шум мог возникать как за ближайшей переборкой, так и в километре выше или ниже.

Антуанетта подняла воротник куртки. Жаль, что нельзя было взять кого-нибудь в сопровождение, — вдвоем не так страшно. Всякий раз, получая от капитана весточку, нечто похожее на осмысленное сообщение, она приходила одна. Возможно, Бренниген, изредка давая о себе знать, выказывал тем самым намерение открыть ей правду о себе. И пусть эта правда будет сколь угодно мала, нет сомнений, что у Антуанетты куда больше шансов наладить контакт с капитаном, чем у ее коллег. Причина, скорее всего, крылась в ее прошлом. Когда-то у нее тоже был корабль, конечно во много раз меньше «Ностальгии по бесконечности», но тоже не без привидений на борту.

«Поговорите со мной, капитан, — просила Антуанетта в предыдущие свои посещения. — Поговорите, ведь мне вы можете доверять. Я же мало-мальски понимаю, что с вами произошло».

Капитан никогда не давал ясного ответа, но, если вспомнить ответы неясные, даже начисто лишенные смысла, покажется, будто Бренниген испытывает желание что-то сделать в присутствии Антуанетты. Каждое явление в отдельности ни о чем не говорило, но в совокупности они, возможно, свидетельствовали о том, что капитан выходит из состояния, близкого к летаргическому сну.

— Капитан, — позвала она, поднимая шлем, — вы оставили свою визитную карточку! Я пришла вернуть ее вам. Ну же, отзовитесь.

Молчание.

— Буду откровенна, — сказала Антуанетта, — тут, внизу, мне неуютно. Да что говорить, я боюсь до смерти. Мне больше по нраву корабли маленькие и уютные, которые можно обставить и украсить по своему вкусу.

Она поводила фонарем в разные стороны, осветив шаровидный сгусток, который свисал с потолка и загораживал полкоридора. Шагая, Антуанетта сгибалась под застывшими пузырями, ведя по ним пальцами и ощущая удивительную теплоту и мягкость.

— Да, мне страшно. Это ваши владения, я здесь чужая. Я это вот к чему: вы ведь понимаете, что заставило меня сюда спуститься. Капитан, я надеюсь вернуться не с пустыми руками.

Молчание. Но Антуанетта и не ждала скорого ответа.

— Джон, — снова заговорила она, решившись на фамильярность, — похоже, в нашей системе что-то происходит. Надеюсь, вы тоже в курсе и знаете подробности. Я расскажу, какие у нас соображения на этот счет, а дальше думайте сами.

Ветерок потеплел, стал неровным, словно чье-то затрудненное дыхание.

— Хоури вернулась, — продолжила Антуанетта. — Пару дней назад упала с неба. Вы же помните ее, надеюсь. Она много времени провела на борту «Ностальгии», вряд ли вы могли ее забыть. По словам Хоури, близ Арарата идут боевые действия, да такого масштаба, что война сочленителей с демархистами покажется детской забавой. Если верить ей, там наверху сцепились две враждующие группировки и чертова уйма машин-ингибиторов. Вы же помните волков? Илиа при вас стреляла по ним из пушек класса «Ад», и результаты были неплохие.

Вот опять ветерок сменил направление, словно кто-то огромный делал вдох.

По прикидкам Антуанетты, это уже тянуло на явление первого рода.

— Вы здесь, капитан? Слышите меня?

Ветерок снова изменился: дует ей в лицо, да так сильно, что воет в ушах, разлетаются волосы, слезятся глаза.

Она услышала, как ветер шепнул на ухо: «Илиа».

— Поняла, капитан: вы отлично помните триумвира. Я тоже помню. Я недолго была знакома с Вольевой, но успела убедиться: эта женщина не из тех, кого быстро забывают.

Ветерок стих, остались только раздражающие звуки откачки.

Слабый голос здравомыслия заставил Антуанетту остановиться. Она добилась результатов: первый род, с этим никто не поспорит, и почти наверняка (если только голос ей не почудился) второй род. Не достаточно ли для одного дня? Капитан нынче проявил удивительный темперамент. Согласно корабельным записям, много раз Илиа Вольевой приходилось вводить Бреннигена в кататоническое состояние, чтобы добиться

от него ответа хотя бы на единственный вопрос. Часто на эту процедуру уходила неделя или две.

Но для налаживания отношений с капитаном в распоряжении триумвира были и годы. Антуанетте же не стоило рассчитывать на такую роскошь.

— Капитан, — заговорила она, — я выложила карты на стол. Руководство нашей колонии встревожено. Скорпион перевез Клавэйна с острова, а это не шутки. Они отнеслись к словам Хоури очень серьезно и отправились вызволять ее дочь. Если Хоури говорит правду, посреди океана плавает подбитый волками сочленительский корабль. Ингибиторы уже здесь. Настало время действовать, капитан. Либо мы будем сидеть и ждать, пока все само собой не утрясется, либо встанем и сделаем шаг. Уверена, вы меня слышите и понимаете.

Внезапно, словно кто-то закрыл заслонку вентилятора, движение воздуха по кораблю прекратилось. Ни сквозняка, ни звука; в коридоре только Антуанетта и ясное пятно от фонаря.

— Твою мать!.. — прошептала она.

Но тут впереди возникла полоска света. Заскрипел металл, и часть стены повернулась на петлях, словно дверь. В лицо дохнул новый ветерок, с новой смесью биомеханических запахов.

Через образовавшийся проем она увидела новый коридор, резко уходящий к нижним уровням. Бледное, как у светлячка, сияние шло из этой глубины.

— Похоже, насчет визитной карточки я была права, — сказала Антуанетта.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Арарат, год 2675-й

Лодки продвигались по густеющей ледяной каше, расталкивали носами бахрому из замерзшей воды. Они преодолели еще десять или двенадцать метров и под скрежет, под вой электромоторов остановились.

Их прямоугольные корпуса проложили в ледяной шуге ровные коридоры, но маслянисто-серая вода моментально переставала волноваться за кормой, подозрительно замирала, по-

дергивалась перламутром. У Скорпиона это вызывало мысли о крови, которая, сворачиваясь, делается липкой и тягучей.

Через несколько минут оба протока снова замерзнут, подумал он.

Первыми за борт шагнули два сотрудника Сил безопасности — хотели убедиться, что лед достаточно прочен и выдержит весь отряд. Чуть позже высадились остальные, взяв с собой кое-что из оружия и снаряжения, оставив в лодках бóльшую часть груза, включая инкубатор. Окружавшая айсберг прочная ледяная кайма в большинстве мест имела ширину пять-шесть метров. Над ней почти отвесно вздымалось огромное кристаллическое образование. Скорпион задрал голову, но смотреть вверх было неудобно, за несколько секунд затекала шея.

Он подошел к Клавэйну, дождавшись, когда тот перейдет на лед. Мороз пробирал до костей, все ежились и притопывали. Лед под ногами структурой напоминал циновку, толстые трубчатые волокна сплелись в сплошной покров — неровный, скользкий, опасный. Любой неосторожный шаг мог стать роковым.

— Я думал, нас встретят, — заговорил Скорпион. — Но до сих пор никто не объявился, и это настораживает.

— Мне это тоже не нравится, — тихо произнес Клавэйн. — Мы не обсуждали возможную смерть Скади, но исключать такой вариант нельзя. Думаю... — Он прервался и поискал взглядом Хоури; та, сидя на корточках, заканчивала собирать брейтенбахов бозер. — Думаю, Ана не захочет ничего об этом слышать.

— Ты ей веришь?

— Я не сомневался, что мы найдем здесь корабль. Но никто, даже Хоури, не знает, как Скади перенесла падение.

— Она умеет выживать, — заметил Скорпион.

— Нелегко признаться, но именно на это ее умение я сейчас и надеюсь.

— Господа!

Они повернулись на голос. Это был Васко. Парень прошел по льду вперед и чуть было не скрылся за изгибом айсберга.

— Господа! — снова крикнул он, убедившись, что привлек внимание Клавэйна и Скорпиона. — Здесь отверстие, я его еще с лодки заметил. Наверное, это самое большое.

— А какая глубина? — спросил Скорпион.

— Не могу сказать. Метров пять есть точно. Я пролезу легко...

— Погоди, — остановил его свинья. — Будем все делать по порядку.

Клавэйн и Скорпион направились к Васко. Когда шли вдоль ледяной стены, они пригибались и прикрывали лицо руками, чтобы не задеть острых горизонтальных выростов. Некий инстинкт предостерегал свинью: нельзя тут ничего ломать. Но как ни старался Скорпион огибать шипы не задевая, полдюжины мелких все же разбилось, разбросав вокруг крошево осколков.

— Айсберг еще поет? — спросил Скорпион у Васко.

— Нет, сэр, — ответил Малинин. — Похоже, лед поет, только пока всходит солнце.

— Но ты все-таки слышишь что-то?

— Трудно сказать, сэр. Вроде есть звук, но очень низкий. Накатывает волнами. Или мне только кажется.

Скорпион никаких волн не чувствовал, как, впрочем, не слышал и рассветного пения айсберга. Клавэйн тоже ничего не замечал. Но он был стар и, как положено старику, хвор и немощен. Скорпион же принадлежал к племени свиней, а эти существа никогда не могли похвастаться особой чувствительностью.

— Я могу пробраться внутрь, сэр.

Найденное Васко углубление лишь величиной отличалось от соседних и было заполнено острой ледяной «растительностью». Проход начинался на высоте груди и представлял собой отверстие приблизительно овальной формы; казалось, дальше оно расширяется. Можно было лишь догадываться, как глубоко оно ведет.

— Дайте взглянуть, — сказала Хоури.

Перекинув ремень через плечо, она несла на боку пушку.

— Думаю, можно еще где-нибудь пройти, — сказал Васко. — Но здесь, наверное, легче.

— Здесь, — решила Хоури. — Отойдите в сторону, я иду первая.

— Подожди, — остановил ее Клавэйн.

Хоури насупилась:

— Там моя дочь. Не мешайте мне, лучше сходите за инкубатором.

— Я понимаю твои чувства, — сказал Клавэйн.

— Да неужели?

Голос Клавэйна звучал очень спокойно:

— Да, понимаю. Однажды Скади забрала Фелку. Я отправился за ней, точь-в-точь как теперь ты. Думал, что поступаю правильно. Сейчас понимаю, что свалял дурака, а тогда чуть не лишился дочери. Если хочешь вернуть Ауру живой, не ходи туда первой.

— Он прав, — поддержал Скорпион. — Мы не знаем, что ждет нас внутри, не можем предугадать, как среагирует Скади на наше появление. Возможны потери. И единственная, кого мы не можем потерять, — это ты.

— Но хотя бы инкубатор принесете?

— Нет! — отрезал Скорпион. — Инкубатор останется в лодке, так надежнее. Может случиться драка, и я не хочу, чтобы его повредили. А если начнутся переговоры, то у нас будет время принести инкубатор.

Похоже, эти доводы убедили Хоури, хотя не вызвали особой радости. Она отступила на шаг от айсберга.

— Я иду второй, — сказала она.

— А я первым. — Скорпион повернулся к офицерам Сил безопасности. — Жакоте, ты идешь за Хоури. Эртон, останешься здесь с Васко. Охраняйте лодку и следите за другой стороной айсберга. Если вдруг заметите что-то необычное... — Свинья прервался, заметив, как его спутники встревоженно завертели головой. — В общем, заметите что-нибудь по-настоящему необычное — свяжитесь с нами.

Скорпион предоставил Клавэйну самому решать, что делать, и углубился в густой и колючий кристаллический лес. Каждый его шаг сопровождался треском, звоном и стуком, в воздухе замерцала радуга из мельчайших осколков. Свинья с большим трудом преодолевал препятствие; имея короткое и толстое туловище и такие же руки и ноги, он здорово проигрывал людям в ловкости. Вот его укололо в бок — кожу не проткнуло, но оставило болезненную царапину. Вот он бедром сильно задел о шип.

И вдруг Скорпион сорвался по ту сторону прохода. Приземлился на ноги, выпрямился, отряхнулся от ледяного крошева и огляделся. Повсюду с неоновой яркостью блестел лед. Нигде ни малейшей тени, только разной интенсивности сия-

ние в пастельных тонах. В расположении ледяных наростов не усматривалось никакого порядка; толстые, как промышленные трубы, и тонкие, как иглы, они сплелись на манер древесных корней, в точности как и снаружи, в «юбке» вокруг айсберга, а кое-где торчали из этого покрова под разными углами. Скорпион понял, что все тут находится в движении, все растет и через несколько часов полость, в которой он находится, может исчезнуть.

И кругом царила жуткая стужа.

Позади него выпрыгнула из отверстия Хоури. Она повернулась, и ствол пушки Брейтенбаха обрушил целый лес миниатюрных сталактитов. Другие орудия убийства, перечислять которые было бы слишком долго, висели на ее ремне, точно рыба на кукане.

— Помнишь, Васко говорил про какой-то звук? — спросила она. — Я тоже его слышу. Похоже на пульс.

— Я ничего не слышу, но тебе, конечно, верю, — отозвался Скорпион.

— Скади здесь, на борту, — продолжила Хоури. — Я знаю, о чем ты думаешь: она могла погибнуть. Но она жива. И знает, что мы пришли.

— А Аура?

— Ее я пока не слышу.

В проходе появился Клавэйн; он пробирался меж ледяных наростов с неторопливостью и целеустремленностью тарантула. Его худые руки и ноги были словно специально для этого созданы. Скорпион заметил, что Клавэйн сумел пробраться внутрь, не задев ни одного «украшения». Не укрылось от свиньи и то, что из оружия у старика был при себе только нож с коротким лезвием, взятый из палатки на острове. Сочленитель держал нож в руке, клинок почти исчезал, когда поворачивался острием вверх.

Следом за Клавэйном куда менее ловко пробрался Жакоте. Офицер СБ задержался, чтобы стряхнуть лед со своей формы.

Скорпион подтянул рукав, обнажив браслет:

— Кровь, мы нашли проход. Снаружи остались Малинин и Эртон. Если прямая связь с тобой нарушится, говорить буду через них. Думаю, мы сможем пробыть внутри айсберга несколько часов.

— Будь осторожен, — отозвался Кровь.

«Что за новости, — подумал Скорпион, — Кровь волнуется за меня? Похоже, дела обстоят даже хуже, чем мне кажется».

— Постараюсь, — ответил он. — Что-нибудь еще?

— Пока ничего, что имело бы непосредственное отношение к вашей миссии. Большинство станций наблюдения сообщают о росте активности жонглеров, но это может быть простым совпадением.

— Сейчас я склонен во всем усматривать связь.

— Ну и еще... это чтобы немного вас подбодрить: поступили сообщения о пятнах света в небе. Но это не подтверждено.

— Пятна света в небе? Интересно.

— Возможно, просто ошибка. На вашем месте я бы это во внимание не принимал. Сосредоточьтесь на своих делах.

— Спасибо за ценный совет. Ладно, поговорим позже.

Клавэйн слышал разговор:

— Пятна света в небе? Может, в следующий раз ты поверишь старику.

— А с чего ты взял, что я не верил? — Скорпион достал из поясной кобуры пистолет и протянул Клавэйну. — Держи. Не могу смотреть на твой дурацкий ножик.

— Это очень хороший нож. Я рассказывал, как он однажды спас мне жизнь?

— Да.

— Поэтому я с ним не расстаюсь. Мне кажется, в холодном оружии есть что-то рыцарское.

— А вот мне кажется, — проворчал Скорпион, — что пора уже от рыцарского мышления перейти к артиллерийскому.

Клавэйн принял пистолет с явной неохотой, как ненужный подарок, отказаться от которого было бы невежливо.

Они двинулись вглубь айсберга, выбирая дорогу по принципу наименьшего сопротивления. Безумные переплетения и разветвления льда, похожие на бурелом в диком лесу, напоминали Скорпиону трущобы Города Бездны. Когда плавящая чума распространилась на здания Мульчи, системы ремонта и реконструкции взбесились и принялись создавать вот такой же хаос.

Похоже, здесь, внутри айсберга, ростом льда управляли только колебания температуры и движения воздуха. На каждом шагу прохлада сменялась лютой стужей и наоборот, а все попытки ориентироваться по направлению сквозняка были

обречены на провал. Ощущение, что Скорпион и его спутники оказались внутри огромного и холодного, но дышащего легкого, постоянно усиливалось.

Куда идти, было ясно и так: прочь от дневного света, вглубь, к бледно-голубой сердцевине.

— Это музыка, — сказал Жакоте.

— Что? — переспросил Скорпион.

— Музыка, сэр. Этот тихий звук. Прежде было эхо, много отголосков. Я раньше не мог определить, что это такое. А теперь понял: музыка.

— Музыка? Какая, к черту, тут может быть музыка?

— Не знаю, сэр. Звуки очень слабые, но я уверен. Советую поостеречься.

— Я тоже слышу, — подала голос Хоури. — И советую, мать вашу, поторопиться.

Ана выхватила из поясной кобуры пистолет и выстрелила в самый толстый ледяной столб перед собой. Он разлетелся мраморной пылью. Хоури переступила через оставшийся пенек и прицелилась в следующее препятствие.

Клавэйн что-то сделал с ножом. Тот загудел на самом нижнем пределе слышимости, лезвие превратилось в туманное пятно. Старик неторопливо провел им через небольшой ледяной нарост, оставив аккуратный срез.

Они двинулись дальше, прочь от дневного света. Воздух накатывал волна за волной, каждая холоднее предыдущей. Все старались поплотнее укутаться и говорили только при крайней необходимости. Скорпион радовался, что захватил перчатки, хотя ощущение было такое, словно он забыл это сделать. Считалось, что гиперсвиньи более чувствительны к холоду, чем базово-линейные люди: остался какой-то изъян в биохимии, исправлять его генетики сочли излишним.

Он как раз думал об этом, когда раздался взволнованный голос Хоури. Ана вырвалась вперед, и спутникам не удалось ее удержать.

— Там что-то есть, — заявила она, — и, кажется, я чувствую Ауру. Наверное, мы уже близко.

Клавэйн следовал за ней по пятам:

— Что ты видишь?

— Что-то темное, не похожее на лед.

— Должно быть, корвет, — сказал Клавэйн.

Они прошли еще метров десять или двенадцать. Продвижение давалось трудно, оно заняло не меньше двух минут. Кристаллические образования были здесь куда толще, ножик Клавэйна теперь мог вырезать лишь небольшие куски, а Хоури сочла слишком рискованным применять оружие вблизи центра айсберга. Окружающая местность приобрела новый, пугающий характер. Иные детали рельефа под фонарем Жакоте напоминали бедренные кости с хрящами и сухожилиями.

Но вскоре проход почти очистился. Внезапно они оказались в центральной части айсберга. Над головой смыкался кристаллический свод, пронизанный цветными жилами и подпертый огромными стволами ледяных чешуйчатых сталактитов. Другая часть зала представляла собой такой же лес, как тот, что остался позади.

Посреди зала находился разбитый корабль.

Скорпион не считал себя экспертом по сочленительскому флоту, но знал, что корвет класса «Мурена» имеет гладкий и кремешно-черный корпус с плоскими и шиповидными обвесами, придающими ему жуткое сходство с древним орудием пыток. На его светопоглощающей поверхности не должно быть ни малейшего шва, и сам он не должен лежать на боку, со сломанным «хребтом», распоротым «брюхом» и обнаженными внутренностями, как вскрытый на лабораторном столе труп морского животного. Его растерзанные взрывом «кишки» не должны валяться кругом, заодно с бесформенными и острыми осколками корпуса.

Все это было неправильно. А самой неправильной была мягкая пульсация на нижнем пределе слышимости. Свинья даже не внимал ей, а осязал где-то в животе. Это была музыка.

— Нехорошо, — сказал Клавэйн.

— Я чувствую Ауру, — сообщила Хоури. — Она здесь.

— В корабле осталось мало мест, где она могла бы находиться, — ответил старик.

Скорпион заметил, как ствол бозера двинулся в сторону Клавэйна и прошел мимо. Это длилось всего миг, и на лице Хоури ничто не говорило о том, что она способна потерять контроль над собой, но все же было о чем задуматься.

— Однако мы нашли корабль, — сказал Скорпион. — Пусть это обломки. Рано сдаваться, нужно искать.

— Никто не собирается сдаваться, — ответил Клавэйн.

— Стужа идет от корабля, — сказала Хоури. — Он истекает холодом, как кровью.

Клавэйн улыбнулся:

— Истекает холодом? Ну, ты сказала!

— А что не так?

— Да пустяки... На норте это *bleeding cold* — не очень прилично звучит для знающих русиш.

Хоури пожала плечами и двинулась следом за Клавэйном к кораблю.

Пройдя по наклонному, залитому зеленоватым светом коридору, Антуанетта очутилась в гулком зале, чьи размеры ей определить не удалось. Вроде бы она спустилась на пять или шесть уровней, прежде чем выровнялся коридор, но не было смысла угадывать точное местонахождение, располагая лишь карманной версией общей корабельной схемы. Эта схема казалась безнадежно устаревшей еще до того, как призрак Бреннигена предложил Антуанетте спуститься сюда.

Она остановилась, держа фонарь на изготовку. Зеленый свет показывал жабоподобные складки потолка. Куда ни направь луч, всюду машины, огромные ржавые агрегаты, и занятая ими площадь огромна — фонарь не достает до края. Металлический утиль поражает разнообразием форм и размеров, тут и чуть выгнутые, величиной почти с Антуанетту, пластины наружной обшивки корпуса, и совсем мелкие, с палец, предметы, покрытые хрупким зеленым пухом окислов. В центре, небрежно сваленные в расползающиеся кучи, лежали латунные части насосов, сломанные манипуляторы и сенсорные органы корабельных сервороботов.

Впечатление было такое, будто Антуанетта попала на бескрайнюю бойню для механизмов.

— Ну что ж, капитан, — проговорила она, осторожно положив шлем перед собой, — я пришла. Думаю, вы не случайно пригласили меня сюда.

И сразу в помещении началось движение. Одна из груд хлама подалась вперед, словно под нажимом невидимой руки. Механический мусор полз и колыхался, орудуя исправными манипуляторами сервороботов, погребенных в вековых отложениях. Ожившие члены подергивались и сгибались с завораживающей слаженностью. Антуанетта подумала, что ожидала

чего-то в этом роде — хорошо выраженного явления третьего класса, в точности как описывал Пэлфри, — но видеть такое собственными глазами было страшно. Вблизи одержимые машины были опасны: кругом острые кромки, способные разрезать человека, сочленения, которые могут раздавить.

Но машины не бросались на нее, не нападали. Вместо этого детали выстраивались в нечто новое. Некоторые падали на пол и там нелепо ерзали. Два-три манипулятора сгибались и хватали воздух. Таращились, мигали глаза роботов. Из мусорной кучи выстреливали красные лучи оптических лазеров, скользили по груди Антуанетты, не причиняя вреда.

Ее измеряли.

Куча рассыпалась. Тут и там срывались оползни, открывая то, что успело собраться в середине. Это была конструкция, собранная из всевозможного утиля, имеющая приблизительное сходство с человеком. Скелет состоял из десятка сервороботов, ухвативших друг друга манипуляторами. Фигура мастерски балансировала на ногах, состоящих из шаровых шарниров. Провода и шланги обвивали конечности, словно мишура, скрепляя болтающиеся детали. Скопление датчиков имело очень отдаленное сходство с человеческим черепом и лицом. Кабели кое-где искрили от коротких замыканий. Запах горячего припоя ударил ей в ноздри, напомнив о временах, когда она трудилась в трюме «Буревестника» под бдительным присмотром отца.

— Наверное, я должна поздороваться, — сказала Антуанетта.

Капитан что-то держал в руке, она не сразу это заметила. Манипулятор дернулся, и предмет полетел к ней по пологой дуге. Ее рука инстинктивно дернулась и поймала.

Это были защитные очки.

— Похоже, вы хотите, чтобы я их надела, — сказала Антуанетта.

Над ними возвышался разбитый черный корпус корабля. В борту вертикально зияла длинная узкая пробоина, с бахромой из чего-то черного, кристаллического. Скорпион молча наблюдал, как Жакоте становится на колени, чтобы осмотреть наросты. Белые облачка выдыхаемого им пара четко выделялись на фоне разбитой корабельной брони. Рукой в перчатке

офицер прикоснулся к кристаллической бахроме. Наросты состояли из мелких, с игральную кость, черных кубиков, собранных в странные уступчатые структуры.

— Осторожней, — предупредила Хоури. — Я, кажется, узнаю эту мерзость.

— Это машины, ингибиторы. — Голос Клавэйна был чуть громче выдоха.

— Здесь? — спросил Скорпион.

Клавэйн мрачно кивнул:

— Волки. Они уже на Арарате. Мне жаль, Скорп.

— Ты уверен? Может, какое-нибудь хитрое новшество Скади?

— Я уверена, — сказала Хоури. — Мы с Торном подцепили эту дрянь около Рух. С тех пор я не видела ингибиторов вблизи, но их так скоро не забудешь. Я тогда такого страху натерпелась...

— Но эти вроде не агрессивны, — заметил Жакоте.

— Эти инертны, — ответил Клавэйн. — Галиана тоже столкнулась с волками в дальнем космосе. Они проникли в ее корабль, собрались там в боевые машины и перебили всю команду. Уж поверьте: будь они в рабочем состоянии, нас бы уже не было в живых.

— Или они бы шарили в наших головах, выкачивая информацию, — добавила Хоури. — И поверьте, это нелучший вариант.

— Никто не спорит, — кивнул Клавэйн.

Скорпион подошел к пробоине вслед за остальными, убедившись, что никто не подкрадывается к ним с тыла. Было ясно, что черные наслоения ингибиторов проникли изнутри, разорвав обшивку корвета своим давлением. Возможно, это случилось еще в космосе, до падения корабля на планету.

Хоури полезла внутрь, в темноту. Клавэйн тронул ее за руку.

— Не нужно торопиться, — сказал он. — Наверняка там полно волков.

— А у нас есть выбор? Да и непохоже, чтобы эти ингибиторы точили на нас зуб.

— Если они оживут, — мрачно предупредил Клавэйн, — то наш арсенал будет все равно что водяной пистолет против лесного пожара.

— По крайней мере, все закончится быстро, — проговорил Жакоте.

— Как бы не так! — возразила Хоури не без ехидства. — Плохо ты знаешь волков. Пока не выдоят насухо твои мозги, ты будешь жив. И если имеется хоть малейшее сомнение в собственном мужестве, советую приберечь один патрон. Может, и оставишь с носом черную сволочь, не дашь перехватить управление твоими руками-ногами. А если дашь, я тебе не позавидую.

— Если все так плохо, то как тебе удалось уйти от них? — спросил Жакоте.

— С Божьей помощью, — ответила Хоури. — Но на твоем месте я бы не очень надеялась на Бога.

— Спасибо за совет.

Рука Жакоте непроизвольно дернулась к поясу, где висел небольшой пистолет.

Скорпион знал, о чем думает офицер, — хватит ли ему ловкости, когда придет время? Или одной роковой секунды будет достаточно, чтобы проиграть?

Клавэйн шагнул вперед; в его руке слабо гудел нож.

— Будем надеяться, что они впали в спячку, — сказал он.

— А с чего бы им проснуться? — спросил Жакоте.

— Мы с тобой излучаем тепло, — объяснил Клавэйн. — Это кое-что меняет.

Хоури уже забралась в чрево корабля. Свет ее фонаря метался в пробоине, выхватывая уступчатые наросты ингибиторов. Под тонкой патиной льда кубики блестели, как только что добытый антрацит. Там, где Жакоте вел по кристаллам пальцами, они становились просто черными, их грани теряли глянец.

— Тут полно этой мерзости, — сказала Хоури. — Она всюду пробралась, что твоя плесень.

Луч ее фонаря снова пришел в движение. Тени спутников нарисовались на стенах ледяной пещеры, похожие на силуэты крадущихся уродливых великанов.

— Но эти не активней, чем то дерьмо снаружи, — добавила Ана.

— Ясно, везде одно и то же, — подтвердил Клавэйн. — Но все равно ни к чему не прикасайся, просто на всякий случай.

— В список моих первоочередных дел это не входит, — проворчала Хоури.

— Отлично. Что там еще?

— Музыка громче. Находит волнами, иногда убыстряется. Кажется смутно знакомой.

— Отчего же смутно? — хмыкнул Клавэйн. — Это Бах. Пассакалья и Фуга си минор, если не ошибаюсь.

Свинья повернулся к офицеру СБ:

— Ты останешься здесь, нужно прикрывать этот вход.

Жакоте знал, что спорить бесполезно.

Скорпион и Клавэйн вслед за Хоури забрались в пробоину. Старик освещал фонарем изуродованные внутренности корабля, временами придерживал шаг, когда свет падал на какой-нибудь изувеченный, но узнаваемый элемент конструкции. Черные захватчики напоминали грибницу, разросшуюся и частью пожравшую организм-донор.

Корабль разбит, напомнил себе Клавэйн, он вот-вот развалится. Нужно смотреть, куда ставишь ноги.

— У них много разных способностей, — понизил голос старик, словно постоянная пульсация музыки не убедила его, что ингибиторы спят крепко. — Например, они все меняют по своему образу и подобию. Все, до чего доберутся, пожирают и превращают в такие же машины.

— Из чего состоят эти черные кубики? — спросил Скорпион.

— Да можно сказать, из ничего, — ответил Клавэйн. — Чистая сила, создаваемая находящимся внутри крохотным механизмом. Как ядро и оболочка атома. С той лишь разницей, что мы так ни разу и не увидели этого механизма.

— Но пытались?

— Мы сняли посредством грубой силы несколько кубиков с людей из команды Галианы, но при этом рвались связи, кубики схлопывались и исчезали, оставляя после себя пятнышко серого праха, ни о чем не говорящего нам. Наверное, это и были механизмы, но обратный инжиниринг не давал результатов.

— Значит, плохи наши дела? — спросил Скорпион.

— Да, у нас проблемы, — кивнула Хоури. — Если на то пошло, нам даже не вообразить, насколько они серьезны. Вот

что я вам скажу: мы еще живы и, возможно, будем жить дальше, если выручим Ауру.

— Думаешь, она способна помочь? — спросил Клавэйн.

— Уже помогла. Если бы не она, мы бы вообще до этой системы не добрались.

— Ты уверена, что Аура здесь? — спросил Скорпион.

— Она здесь. Только где именно, пока не знаю.

— Я тоже слышу сигнал, — проговорил Клавэйн. — Правда, он слабый, рассеянный — слишком много шума от еще действующих систем корабля. Не могу сказать, один источник или несколько.

— И что делать? — спросил Скорпион.

Клавэйн направил фонарь в угол. Луч скользнул по зубцам и созвездиям из замерзших черных кубиков.

— Там должен быть двигательный отсек, — сказал он. — Маловероятно, что в нем кто-то выжил.

Он повернулся, ведя лучом вокруг, морщась при виде нелицеприятной картины.

— Пойдемте-ка вон туда. Вроде музыка идет с этой стороны. Осторожней, тут очень тесно.

— А что там? — спросил Скорпион.

— *Каюты и рубка управления. Надеюсь, они изменились* не до полной неузнаваемости.

— Оттуда тянет холодом, — заметила Хоури.

Они двинулись в указанном Клавэйном направлении. Впереди был еще один пролом; от переборки мало что осталось. Холод стоял такой, что казалось, еще чуть-чуть, и затвердеет воздух. Скорпион торопливо оглянулся, собственный мозг сыграл с ним шутку — чудилось, по дегтярному слою волчьей механики прокатываются вязкие волны.

А на самом деле движение возникло впереди. От черной стены будто отлипла черная же тень...

Мгновенно Хоури навела туда пушку.

— Нет! — воскликнул Клавэйн.

Скорпион услышал, как щелкнула, взводясь, боевая система. Он содрогнулся, ожидая энергетического разряда. Брейтенбахова пушка — не самое лучшее оружие для ближнего боя.

Но ничего не произошло. Хоури на дюйм опустила ствол. Она лишь слегка придавила курок, так и не выстрелив.

В руке Клавэйна трепетал нож, словно молодой угорь.

Тень превратилась в человека в черном скафандре. Он двигался с трудом, будто его конечности были скованы морозом или сочленения скафандра — ржавчиной. В руке сжимал что-то черное. Сделав еще шаг навстречу спасателям, человек упал на колени с таким звуком, будто металл стукнулся о лед. Брызнули в стороны вездесущие кубики. Оружие — или что он держал — отлетело и ударилось о стену.

Скорпион нагнулся и поднял предмет.

— Осторожно! — снова предупредил Клавэйн:

Пальцы Скорпиона сомкнулись на округлой рукояти сочленительского пистолета. Но держать его так, чтобы можно было нажать на спуск, не удавалось — оружие не предназначалось для свиней.

В досаде он бросил пистолет Клавэйну:

— Может, тебе пригодится, если он исправен.

— Успокойся, Скорп. — Клавэйн убрал трофей в карман. — Для меня от него тоже проку нет. Тут настройка на единственного владельца — конечно, если Скади не забыла о своей защите. Но я его подержу у себя, так будет безопаснее.

Закинув пушку на плечо, Хоури опустилась на колено возле лежащего человека в скафандре.

— Это не Скади, — сказала она. — Слишком высокий, и гребень на шлеме неправильной формы. Что-нибудь слышишь, Клавэйн?

— Что-то слышу, но разобрать не могу. — Сочленитель сложил пьезонож и спрятал в карман. — Снимем с него шлем и посмотрим, в чем дело.

— Некогда, — возразил Скорпион.

Но Клавэйн уже возился с застежками скафандра:

— Это и минуты не займет.

У Скорпиона немели руки, ухудшалась координация движений. Он не сомневался, что у Клавэйна та же проблема. Чтобы справиться со сложным механизмом крепления шлема, требовались сила и точность движений.

Раздался щелчок замка, потом скрип металла о металл и шипение воздуха. Дрожащими руками Клавэйн опустил шлем на лед соединительным кольцом вниз.

Они увидели лицо молодой женщины-сочленителя. Знакомые черты, сглаженные, как у статуи, — но это не Скади.

Лицо широкое и плоское, бескровная кожа напоминает экран монитора со «снежком». Ее нейронный гребень — идущий от переносицы до затылка костно-хрящевой вырост, предназначенный для отвода тепла, — был не таким экстравагантным, какой Скорпион видел у Скади; по этому гребню наверняка трудно угадать настроение его хозяйки. Вполне возможно, что эта женщина пользовалась более совершенной нейромеханикой, не требующей столь обширной системы охлаждения.

Губы у нее были серого цвета, а брови белые, словно хромированные. Женщина открыла глаза. В свете фонарей ее зрачки отливали синевато-серым металликом.

— Говори, — велел Клавэйн.

Женщина одновременно закашлялась и рассмеялась. Появление человеческой мимики на лице, больше всего напоминающем маску, потрясло всех присутствующих.

Хоури наклонилась ближе.

— Я слышу одни помехи, — сообщила она.

— С ней что-то не так, — быстро подтвердил Клавэйн.

Он приподнял голову женщины, чтобы затылок не касался льда.

— Слушай внимательно. Мы не причиним тебе вреда. Ты травмирована, мы поможем тебе, если ты поможешь нам. Понятно?

Женщина снова рассмеялась, на ее лице отразилась радость.

— Ты... — начала она.

— Да. — Клавэйн склонился ниже.

— Клавэйн.

Старик кивнул:

— Да, это я. — Он оглянулся на остальных. — Ей удалось меня вспомнить, значит травмы не слишком серьезные. Уверен, мы сможем...

Женщина снова заговорила:

— Клавэйн. Фарсидский Мясник.

— Это было очень давно.

— Клавэйн. Перебежчик. Изменник.

Она снова улыбнулась, закашлялась, потом плюнула:

— Ты предал Материнское Гнездо.

Клавэйн тыльной стороной перчатки стер с лица обильную слюну.

— Я не предавал Материнское Гнездо, — возразил он с отеческим спокойствием, словно указывал юной ученице на ошибку. — Это сделала Скади.

Женщина снова рассмеялась и плюнула, да с такой силой, что Клавэйн, которому слюна попала в глаз, зашипел от боли.

Но старик снова подался к женщине и, прикрыв ей рот ладонью, сказал:

— Похоже, нам тут есть над чем поработать. Надо заполнить пробелы в образовании, подкорректировать манеры. Ну да ничего, у меня много времени.

Женщина снова закашлялась. Титаново-сизые глаза светились весельем, хотя ей не хватало воздуха. Ведет себя как идиотка, внезапно понял Скорпион.

Тело в скафандре начало содрогаться в конвульсиях. Клавэйн продолжал поддерживать голову, другой рукой по-прежнему зажимая женщине рот.

— Вы не даете ей дышать, — сказала Хоури.

Клавэйн чуть ослабил нажим. Женщина все улыбалась, широко открытые глаза смотрели не мигая. Что-то потекло между пальцами старика — черная жижа, словно проявление дьявольской порчи. Клавэйн отпустил женщину, и ее голова ударилась об пол. Черная грязь, пульсируя, выдавливалась из ее рта и ноздрей, образуя ужасную бороду, которая начала поглощать лицо.

— Это живая машина! — воскликнул Клавэйн, отступая.

На его левой кисти чернели нити слизи. Старик хлопнул ею по льду, но слизь не желала отлепляться. Нити росли и сплетались; вот они уже скрыли первые фаланги пальцев. Слизь состояла из бесчисленных кубиков, крошечных копий тех, что находились тут повсюду. Кубики разрастались по мере того, как захватывали руку. Судорожными рывками черный нарост поднялся до запястья, кубики скользили один по другому.

Позади засветилось нутро корабля. Скорпион рискнул оглянуться, но успел лишь увидеть, как заряд минимальной силы окрасил в вишневый цвет ствол пушки Брейтенбаха. Жакоте тоже направил оружие на труп сочленителя, но уже было ясно, что в жертве ингибиторов не осталось ничего органического.

От выстрелов волки ничуть не пострадали, лишь часть кубиков была оторвана от основной массы и отброшена в стороны.

Это продолжалось всего мгновение, но Скорпион, повернувшись к Клавэйну, был потрясен выражением муки на лице отпрянувшего к стене старика.

— Как же больно, Скорп! Все-таки они добрались до меня.

Клавэйн закрыл глаза. Черная масса покрыла его руку до запястья. От пальцев остались пеньки, да и те укорачивались по мере того, как ингибиторы продвигались к локтю.

— Попробую их снять. — Скорпион пошарил на поясе в поисках чего-нибудь тонкого и прочного, но не слишком острого, чтобы не повредить руку Клавэйна.

Старик открыл глаза:

— Ничего не выйдет.

Он сунул другую руку в карман, куда спрятал нож. Секунду назад его лицо было серой маской нечеловеческого страдания, но теперь черты разгладились, словно мука прекратилась.

Это не так, подумал Скорпион. Клавэйн просто приглушил восприятие боли.

Клавэйн уже достал нож. Держал его в руке, пытаясь включить, но не получалось. Либо нож невозможно было включить одной рукой, либо рука Клавэйна настолько онемела от холода, что он не справился с кнопкой. Какой бы ни была причина, нож выпал из его руки. Клавэйн потянулся было за ним, но передумал.

— Скорп, возьми нож.

Свинья подчинился. Рукоятка непривычно легла в копыто, точно украденная драгоценность. Он протянул нож Клавэйну.

— Нет, это сделаешь ты. Тут кнопка, нажми. Осторожно: нож дергается, когда включается пьезолезвие. Ронять его больше не следует. Лезвие разрежет гипералмаз, как луч лазера — дым.

— Я не смогу, Невил.

— Надо это сделать, иначе меня убьют.

Черная слизь пожирала руку сочленителя. Внутри этой массы уже нет места для кончиков пальцев, внезапно понял Скорпион. Волки сожрали первые фаланги.

Он нажал кнопку, нож вздрогнул, ожил в его руке, изготовился к работе. Высокочастотная дрожь отдалась в локте. Клинок превратился в полоску серебра, вибрирующую со скоростью крыла колибри.

— Режь руку, Скорп. Быстро и точно. На дюйм выше машины.

— Ты не выдержишь болевого шока.

— Не беспокойся, выдержу. Блокирую нервные импульсы. Имплантаты в сосудах справятся с кровотечением. Тебе не о чем беспокоиться. Режь быстрее, пока я не передумал или пока эта дрянь не пробралась мне в мозги.

Скорпион кивнул, содрогаясь от ужаса и понимая, что выбора нет.

Осторожно, чтобы самому не дотронуться до волков, Скорпион поднял облитую черной жидкостью руку Клавэйна за локоть. Нож гудел и дрожал. Свинья поднес жужжащее лезвие почти вплотную к рукаву Клавэйна.

Потом взглянул сочленителю в лицо:

— Ты уверен?

— Скорп, режь. Ты же мне друг. Режь скорее.

Когда лезвие проходило через ткань, плоть и кость, Скорпион не почувствовал никакого сопротивления.

Через секунду все было кончено. Отрезанная чуть выше запястья рука с глухим стуком упала на лед. Клавэйн осел у стены, словно лишившись последних сил. Как и обещал Скорпиону, он заблокировал восприятие боли — если только вырвавшийся из груди старика стон не выражал громадного облегчения.

Жакоте опустился на колени рядом с Клавэйном, снял с пояса аптечку. Клавэйн оказался прав: благодаря имплантатам крови из раны вытекло совсем немного. Сочленитель крепко прижимал к животу культю, пока Жакоте готовил повязку.

Внизу раздался шорох. Черные машины отпустили кисть, их не интересовала отрезанная плоть. Ингибиторы двигались торопливо, словно боялись потерять оживившее их человеческое тепло. Черная жижа потекла прочь от руки, замедлилась, обернулась неподвижными наростами, какие во множестве заполняли корабль. Рука так и осталась лежать, покрытая старческими пятнами и давними шрамами, почти целая, если не считать отсутствия первых фаланг.

Скорпион выключил нож и положил на пол:

— Прости, Невил.

— Ничего, дело привычное, — ответил Клавэйн. — Я уже терял эту руку. Спасибо, что выручил.

Сочленитель прислонился к стене и на несколько секунд закрыл глаза. Дышал он неровно, хрипло, — казалось, кто-то неумелый пытается пилить доску.

— Точно выдержишь? — спросил Скорпион, не сводя глаз с культи.

Клавэйн ничего не ответил.

— Я не часто общался с сочленителями и не знаю, какой силы болевой шок они способны перенести, — тихо произнес Жакоте, — но уверен, что сейчас Клавэйну нужен покой. Во-первых, он стар, а потом, эти машинки в его крови давно никто не настраивал. Возможно, он мучится сильнее, чем мы думаем.

— Нам нужно идти дальше, — подала голос Хоури.

— Вот именно. — Клавэйн снова зашевелился. — Эй, кто-нибудь, помогите подняться. Когда я потерял руку в прошлый раз, это меня не остановило. Не остановит и теперь.

— *Подождите минутку, — попросил Жакоте, заканчивая* перевязку.

— Вам лучше остаться здесь, Невил, — сказал Скорпион.

— Если я здесь останусь, то умру. — Клавэйн застонал, пытаясь самостоятельно подняться на ноги. — Помогите мне! Черт вас возьми, да помогите же!

Скорпион помог сочленителю подняться. Клавэйн стоял шатаясь, по-прежнему прижимая перевязанный обрубок к животу.

— Я все же думаю, что тебе лучше подождать здесь, — снова предложил свинья.

— Скорпион, угроза переохлаждения среди льда совсем не шутка. Даже я мерзну, что уж говорить о тебе. Единственное, что отделяет нас от холодной смерти, — это адреналин и движение. Поэтому предлагаю идти вперед. — Клавэйн нагнулся за ножом, оставленным на полу Скорпионом, и положил его в карман. — Хорошо, что я догадался его захватить.

Скорпион взглянул вниз:

— А что делать с рукой?

— Ничего. Мне отрастят новую.

Они пошли на холод, которым тянуло из разбитого корабля Скади.

— Мне кажется, — спросила Хоури, — или музыка в самом деле изменилась?

— Музыка изменилась, — ответил Клавэйн. — Но это по-прежнему Бах.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Хела, год 2727-й

Рашмика смотрела, как ледокат спускают на тросах к вздымающейся волнами ленте дороги. Вот лыжи коснулись тверди, из-под них брызнуло ледяное крошево. На крыше ледоката два человека в скафандрах отцепили крюки и намотали тросы на лебедки. Крохотная машинка Крозета запрыгала и завихляла рядом с караваном, потом, через несколько сот метров, дала грохочущей процессии обойти себя. Рашмика следила за ледокатом, пока тот не скрылся за скрежещущими колесами одной из машин.

Она отошла от наклонного смотрового окна. Вот и сожжены мосты. Но ее намерение идти дальше осталось неизменным. Она должна добраться до цели во что бы то ни стало.

— Вижу, вы решили окончательно.

Рашмика повернулась на испугавший ее голос. Она считала, что находится на смотровой площадке одна.

Зеленый зверек квестора чистил мордочку здоровой лапкой, зеленый хвост был намотан на руку хозяина, словно медицинский жгут.

— Мне не нужно было ничего решать, — ответила девушка.

— Я надеялся, что письмо от брата образумит вас. Но ничего не вышло, вы остались в караване. Ну, коли так, у меня есть для вас новость.

— О чем вы? — спросила Рашмика.

— Небольшое изменение маршрута, — пояснил квестор. — Мы встретимся с собором чуть позже, чем рассчитывали.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— У нас уже бывали задержки, которых не возместить обычным продвижением по маршруту. Мы намеревались пе-

ресечь Рифт Гиннунгагапа возле Косогора Гудбранда, двинуться на юг по Тропе Гирроккин и таким образом добраться до Пути, чтобы там встретиться с соборами. Но теперь это невозможно — перевал через Гирроккин перегорожен большим ледовым оползнем. У нас нет средств, чтобы расчистить завалы, а ближайший караван со спецтехникой застрял на Хмуром Перекрестке, дорогу ему преградил сдвинувшийся ледник. Нам придется ехать коротким путем, поскольку опоздать нельзя.

— Что значит «коротким путем», квестор?

— Мы приближаемся к Рифту Гиннунгагапа. — Помолчав, Квестор сказал: — Наверняка вы о нем слышали. Так или иначе, нам придется пересечь Рифт.

Рашмика представила себе рваную рану на лике планеты, глубочайший каньон с крутыми ледяными склонами, наискось пересекающий экватор. На Хеле это была самая крупная форма рельефа, первое, чему Куэйхи дал название при подлете.

— Мне казалось, есть только одно место, где можно безопасно пересечь Рифт, — заметила она.

— Для соборов — да, это так, — согласился квестор. — Путь немного отклоняется на север, и там террасированные стены ущелья позволяют даже соборам спуститься на дно. Конечно, это очень сложное дело, занимающее много дней, а потом еще надо подняться на противоположный склон. Соборы вынуждены заранее набирать скорость и обгонять Халдору, иначе есть опасность отстать от нее. Этот спуск прозвали Лестницей Дьявола, потому что все соборы втайне его боятся. Он очень узок, и часто случаются обвалы. Но мы не пойдем по Лестнице. Потому что, как тебе известно, есть и другой путь через Рифт. Собору там не пройти, а вот легкому каравану можно.

— Вы говорите о мосте? — Рашмика содрогнулась от своей догадки.

— А вы его уже видели?

— Только на снимках.

— Ну и что думаете о нем?

— Думаю, что мост прекрасен, — ответила она. — Изящный, хрупкий, словно выдутый из стекла. Слишком деликатное сооружение для ваших машин.

— Мы уже проходили по нему.

— Но никто не знает, сколько таких проходов может выдержать мост.

— В этом вопросе мы можем довериться вертунам, верно? Эксперты говорят, что мосту больше миллиона лет.

— Эксперты много чего говорят, — ответила Рашмика, — но мы не знаем, кем построен этот мост и сколько ему в точности лет. Непохоже, что его создали вертуны. И никто не может утверждать наверняка, что он предназначался для транспортировки через ущелье.

— Нам предстоит элементарный в техническом отношении маневр, который позволит выиграть драгоценное время. Много дней. Позвольте спросить, откуда это излишнее беспокойство.

— Просто я знаю, как называется это природное образование, — ответила она. — Куэйхи дал ему имя Рифт Гиннунгагапа, но ведь есть и другое название. Оно популярно у тех, кто решился пересечь Рифт по мосту. Пропасть Искупления. Эти люди советуют очиститься от всех грехов, прежде чем ступить на мост.

— Разве вы верите в существование греха?

— Я верю в существование глупости и безрассудства, — ответила Рашмика.

— Тревоги беспочвенны. Вас ждет только любование видами в компании остальных паломников.

— Но я не паломница, — напомнила она.

Квестор улыбнулся и бросил корм в пасть питомцу.

— Мы все либо паломники, либо мученики. Судя по моему опыту, лучше быть паломником.

Арарат, год 2675-й

Антуанетта надела очки. В них комната приобрела расплывчатые очертания, будто заполнилась дымом; по правому краю поля зрения побежали красные каназианские цифры. В первый миг ничего не изменилось. Неуклюжая машина, металлический скелет — явление третьего рода — по-прежнему стоял перед ней посреди хлама, из которого он был создан; рука, отдавшая очки, так и застыла протянутая.

— Капитан...

Но не успела Антуанетта договорить это слово, как явление и его мусорное окружение слились в единый фон, потеряв рез-

кость и контрастность среди уходящих вдаль завалов. Очки работали плохо: на небольшом квадратном участке поля визуального восприятия фрагмент машины худо-бедно проглядывал, но все остальное будто скрылось в морском тумане.

Антуанетте это совсем не понравилось. Конструкция не угрожала, но не знать, где она находится, было страшновато. Женщина решила снять очки и уже дотронулась до них, как вдруг услышала гудящий голос:

— Оставь. Без них ты меня не увидишь.

— Это вы, капитан?

— Обещаю не причинить тебе вреда. Смотри.

Она посмотрела. Что-то медленно формировалось в поле обзора. Человеческая фигура, на этот раз совершенно нормальная, материализовалась в воздухе. Антуанетта непроизвольно шагнула назад, задела что-то фонарем и уронила его на пол.

— Не бойся меня, — повторил человек. — Ты ведь знаешь, зачем пришла?

— Теперь уже не уверена, — пробормотала она.

Человек словно вышел из истории космонавтики. На нем был древний скафандр, большущий, надутый, из гофрированного ржаво-оранжевого материала. Ладони перчаток и подошвы ботинок имели одинаковое темно-желтое покрытие, местами рваное — виднелись внутренние изолированные слои. На тускло-серебристом поясе во множестве крепились инструменты непонятного назначения. На груди висел обшарпанный квадратный ящик с многочисленными запечатанными в пластик пультами, достаточно большими, чтобы управляться даже в неуклюжих перчатках. Второй ящик, еще крупнее, находился на спине скафандра, поднимаясь выше шеи. Толстый ребристый шланг из яркого красного пластика выходил из ящика за спиной и тянулся над левым плечом; его конец свободно лежал на верхней панели грудного ящика. Серебристое соединительное кольцо на шее почти целиком пряталось за сложными запорными механизмами и черными эластичными прокладками. Над этим кольцом пестрели незнакомые Антуанетте логотипы и эмблемы.

Шлема не было.

Голова капитана казалась чересчур маленькой для такого скафандра. На этой голове — похоже, выбритой наголо —

сидела черно-белая шапочка, из нее густо выходили провода. В дымчатом свете очков Антуанетта не смогла определить цвет кожи, гладкой, туго обтягивающей скулы, с неровной недельной щетиной. У капитана были тонкие, словно подбритые, брови, вопросительно изогнутые над широко расставленными, похожими на собачьи глазами. Она видела белки этих глаз между радужкой и нижним веком. Рот у него был характерный — прямой, тонкий, прекрасно подходящий для особого рода высокомерия, которое хотелось счесть странным, даже неестественным. Капитан был не из тех, кто болтает попусту. Обычно это качество в людях устраивало Антуанетту как нельзя лучше.

— Я принесла вам шлем. — Она наклонилась и подняла шлем с пола.

— Давай.

Она размахнулась, чтобы бросить шлем.

— Нет! — резко остановил он. — Дай. Подойди ближе и вручи шлем.

— Не знаю, смогу ли, — вздохнула она.

— Это жест взаимного доверия. Или ты передашь мне шлем из рук в руки, или разговор будет закончен. Я же сказал, что не причиню тебе вреда. Сомневаешься?

Она подумала о конструкции из утиля, которую ее очки превратили в скафандр с человеком внутри. Возможно, если она снимет очки и снова увидит явление в том виде, как оно есть...

— Очки не снимай. Это условие сделки.

Она шагнула к капитану. Понятно, что выбора у нее нет.

— Хорошо. Теперь отдай мне шлем.

Еще шаг. Потом еще. Капитан ждал, его руки висели вдоль туловища, глаза ободряюще смотрели на Антуанетту, предлагали сделать новый шаг вперед.

— Ты боишься, и это естественно, — сказал он. — Но в этом весь смысл. Если бы ты не боялась, ни о каком доверии не было бы и речи, ничего не пришлось бы доказывать, верно?

— Мне просто интересно, зачем вы это все затеяли.

— Я хочу знать, что ты меня не подведешь. Теперь отдай мне шлем.

Она подчинилась, вытянув руку как можно дальше. Очки немного сбоили, поэтому, когда Бренниген забирал шлем, на

миг стала видна машина. Рука в перчатке сжала соединительное кольцо, металл звякнул о металл.

Капитан отступил.

— Хорошо, — с одобрением проговорил он.

Потом повертел шлем в руках, рассматривая царапины. Антуанетта заметила сбоку открытый разъем, в который, наверное, должен был вставляться красный пластиковый шланг.

— Спасибо, что принесла его. Я ценю твою заботу.

— Вы оставили этот шлем Пэлфри. Случайно или намеренно?

— Думаю, намеренно. Как ты его назвала? Визитная карточка? Очень точно.

— Я решила: этот жест означает, что вы хотите с кем-нибудь поговорить.

— Да ты и сама очень хотела со мной повидаться, — сказал капитан.

— И не я одна.

Антуанетта смотрела на явление со смесью страха и тревоги, одновременно испытывая облегчение.

— Можно кое о чем спросить? — Ответное молчание она приняла за знак согласия. — Как мне обращаться к вам? Слово «капитан» кажется не совсем правильным, особенно теперь, когда мы прошли испытание взаимным доверием.

— Верно замечено, — задумчиво проговорил он, хотя и без убежденности в голосе. — Можешь звать меня Джон.

— Отлично, Джон. Так что же я сделала, чтобы заслужить такое расположение? Любой мог принести вам шлем.

— Как я уже сказал, ты очень хотела со мной повидаться.

Антуанетта нагнулась и подняла с пола фонарь.

— Я пыталась достучаться до вас много лет, но безуспешно. Что изменилось?

— У меня теперь другие ощущения, — ответил капитан.

— Как будто вы спали и вдруг проснулись?

— Почувствовал, что нужно проснуться. Я ответил на твой вопрос?

— Не знаю. Может быть, это прозвучит невежливо... но с кем именно я разговариваю?

— Ты разговариваешь со мной. С таким, какой я есть. С таким, какой я был.

— Никому не известно, Джон, каким вы были. Мне кажется, это очень старый скафандр.

Рука в перчатке поднялась к грудному ящику, ощупала переключатели один за другим. Выглядело так, будто капитану захотелось перекреститься, но это, возможно, была рутинная проверка системы. Воздух, давление, обогрев, связь, обработка отходов... Она и сама помнила эту последовательность, как молитву.

— Я был на Марсе, — наконец произнес он.

— А я никогда, — сказала она.

— *В самом деле?* — *Капитан как будто слегка растерялся.*

— Если честно, не так уж много миров я повидала. Была на Йеллоустоне, недолго на Ресургеме, и вот сейчас я тут. А на Марсе ни разу. И какой он?

— Другой. Дикий. Холодный. Смертельно опасный. Не прощающий ошибок. Жестокий. Нетронутый. Тусклый. Прекрасный. Как страстная любовница.

— Но это было давно, верно?

— Давно. Сколько, по-твоему, лет этому скафандру?

— Похоже, настоящий антиквариат.

— Такие скафандры делали в двадцать первом веке. Ты считаешь Клавэйна дряхлым стариком, реликтом истории. Но я был стар, когда он сделал первый вдох.

Ее удивило, что он упомянул Клавэйна. Очевидно, капитан всегда был очень неплохо осведомлен о происходящем на борту корабля, лучше, чем считали многие.

— Вы проделали долгий путь, — сказала она.

— Да, долгий и удивительный. И погляди, кем я стал в конце концов.

— И вы, конечно, можете рассказать немало.

Антуанетта подумала, что есть две безопасные темы для разговора: настоящее и далекое прошлое. Меньше всего ей хотелось, чтобы капитан пустился в описание своих болезней и загадочных метаморфоз.

— Не все из пережитого хочется вспоминать, — сказал он. — У каждого в жизни были неприятные моменты.

— С этим не поспоришь.

Тонкие губы капитана чуть изогнулись в улыбке.

— В твоем прошлом, Антуанетта, тоже есть мрачные тайны?

— Ничего такого, чтобы плохо спалось. Особенно когда есть более насущные проблемы.

— Вот ты о чем... — Руки в перчатках повертели шлем. — Да, проблемы есть, и они непростые. Я многое чувствую и знаю, пожалуй, больше, чем тебе кажется. Например, мне известно, что в системе находятся корабли.

— Вы их видите?

— Это их шум оторвал меня от сладких снов о Марсе.

Бренниген осмотрел надписи и картинки на шлеме, потер их тупыми пальцами перчатки. «И какие же воспоминания, — подумала Антуанетта, — воскрешают эти символы, насколько далеко уносят в прошлое? На пятьсот лет, на шестьсот? Память, покрытая серой пылью веков...»

— Мы знали, что вы просыпаетесь, — сказала она. — В последние недели все чаще ощущали ваше присутствие. Это не может быть совпадением, особенно в свете рассказа Хоури. Уверена, что вы помните Хоури, Джон, иначе не позвали бы меня сюда.

— Где она?

— Сейчас с Клавэйном и остальными.

— А Илиа? Где Илиа?

У Антуанетты по спине заструился пот. Соблазн обмануть, предложить успокоительный паллиатив был огромен. Но капитан непременно увидит ложь.

— Илиа умерла.

Черная с белым шапочка чуть опустилась.

— Я думал, мне это приснилось, — сказал капитан. — У меня проблема — с трудом отличаю явь от снов. Возможно, и ты мне снишься.

— Я настоящая, — сказала Антуанетта, словно это уверение могло что-то значить. — А Илиа умерла. Вы же наверняка помните, как это случилось.

Его голос звучал тихо и задумчиво, как у ребенка, который вспоминает важный эпизод услышанной от няни сказки.

— Я помню, как на корабле мы оставались вдвоем. И как потом она лежала на койке, а вокруг были люди.

Что сказать теперь? Что Илиа была ранена, когда пыталась предотвратить самоубийство капитана, обратившего одно из орудий из тайного склада против корабля? Шрам, оставленный тем выстрелом, и сейчас виден на боку субсветовика. Она

была уверена, что в глубине его памяти хранятся эти воспоминания. Но сейчас не стоит их извлекать.

— Илиа погибла, — сказала Антуанетта, — спасая нас. Я отдала ей свой корабль «Буревестник», после того как мы вывезли с Ресургема последних колонистов.

— Я помню, что она была нездорова.

— Это не мешало ей вести корабль. Видите ли, Джон, она хотела искупить свою вину. Помните, что она сделала с колонией, когда ваша команда искала Силвеста? Имитировала уничтожение целого поселка, чтобы убедить население планеты в своей жестокости. На Ресургеме ее хотели арестовать как военную преступницу. Под конец мне казалось, что она и сама верит в свою вину. Почем мы знаем, что творилось у нее в голове? Если столько людей ненавидит тебя, легко поверить, что они не так уж и не правы.

— Она не была ангелом во плоти, — проговорил капитан, — но не была и чудовищем, за которое ее принимали. Все, что она совершила, продиктовано заботой о корабле.

— И этого достаточно, чтобы я считала ее хорошим человеком. Капитан, сейчас этот корабль — практически все, что у нас есть.

— Как ты считаешь, ей удалось? — спросил он.

— Вы о чем?

— Об искуплении, Антуанетта. Смогла ли она в конце концов загладить свою вину?

— Не знаю. Чужая душа — потемки.

— А как считают остальные?

— Мы здесь, на Арарате. Добрались сюда живыми. Если бы не Илиа, нас, скорее всего, распылило бы по космосу в радиусе нескольких световых часов от Ресургема.

— Надеюсь, ты права. Я простил ее — это так, к сведению.

Антуанетта знала, что капитан был болен плавящей чумой, и триумвир Вольева позволила заразе распространиться по всему кораблю. Это казалось единственным способом избавить «Ностальгию по бесконечности» от другого паразита, который ухитрился завладеть системами управления субсветовиком. Антуанетта не думала, что решение далось Илиа легко. Впрочем, судя по своему скромному опыту общения с этой женщиной, она также не думала, что триумвир учитывала чувства и желания капитана.

— Вы очень добры, — сказала она.

— Насколько я понимаю, она сделала это ради корабля. Я также понимаю, что она могла с легкостью от меня избавиться. Наверное, она даже желала моей смерти, узнав, что я сделал с Садзаки.

— Простите, но это было задолго до меня.

— Я убил хорошего человека, — объяснил капитан. — И Илиа знала об этом. Когда превращала меня в то, чем я теперь являюсь, она уже все знала. Полагаю, в первую очередь *она хотела убить меня.*

— То, что с вами произошло, следует считать искупительной жертвой, — сказала Антуанетта. — Но даже если это не так, даже если вы не имеете отношения к тому, на что пошла Вольева, это не имеет значения. Важно другое: вы спасли сто шестьдесят тысяч человек от неминуемой смерти. А значит, заплатили за свое преступление сто шестьдесят тысяч раз.

— Антуанетта, ты считаешь, что наш мир устроен так просто?

— Джон, я считаю, что цена достаточна, но это только мое мнение. Я всего лишь дочь пилота с Ржавого Пояса.

В разговоре наступила пауза. Капитан присоединил красный ребристый шланг к разъему в шлеме. Интерфейс между реальным объектом — конструкцией из утиля — и виртуальным человеком в скафандре был безупречен.

— Проблема в другом, Антуанетта. Что проку от спасения всех этих людей, если они погибнут здесь, на Арарате?

— Почему вы *решили*, что все погибнут? Вблизи лагеря ингибиторы пока не появлялись.

— Где гарантия, что не появятся?

— Джон, мы должны учитывать самое неблагоприятное развитие событий. В этом случае нам останется только покинуть Арарат. И вы тот, кому под силу организовать эвакуацию.

Капитан надел шлем и повернул вправо-влево, прилаживая. Визор был поднят, на затененном лице парой ярких полумесяцев блестели белки глаз. Пестрящие цифрами дисплеи бросали зеленые и красные блики на скулы.

— А вы, Антуанетта, не робкого десятка, если прилетели сюда по собственной воле.

— Наверное, сейчас нелучшее время для робких, — ответила она.

— Трусы не нужны никогда, — сказал капитан, опуская визор. — Насчет того, что ты от меня хочешь...

— Да?

— Я подумаю.

Он повернулся и ушел во тьму. И сразу, заслонив Бреннигена от Антуанетты, поднялся смерч рыжей пыли. Словно песчаная буря на Марсе.

Хела, год 2727-й

Капитан носил фамилию Хекель, его корабль назывался «Третий газометрический». Ультранавт прилетел на красном шаттле очень старой конструкции: три соединенные между собой сферы с большим стилизованным изображением тарантула.

Даже по нынешним временам Хекель имел более чем странную наружность. Экзоскелет, в котором он явился на борт «Пресвятой Морвенны», в чудовищных количествах сочетал кожу и латунь, имел эластичные соединения-гофры и блестящие металлические пластины, которые держались на заклепках. Внутри шлема у маленьких решетчатых смотровых отверстий ерзали крохотные дворники, непрерывно стирая конденсат. Между неплотно сидящими прокладками прорывались струйки пара.

Вместе с капитаном явились двое его помощников: они постоянно открывали и закрывали лючки скафандра, подкручивали латунные рукоятки, регулировали клапаны. Когда Хекель говорил, слова лились из труб миниатюрного органа, установленного на макушке шлема. Капитану приходилось то и дело подкручивать ручки настройки у себя на груди, чтобы голос не звучал слишком высоко или низко.

Куэйхи не видел никакого смысла в подобной экстравагантности, как к торговому партнеру не имел претензий к Хекелю. Тот привез с собой переводчика, базово-линейного человека, невысокую женщину с наивными глазами и во вполне современном скафандре. Ее шлем складывался назад, как гребень какаду, полностью открывая лицо.

— Вы не ультра, — сказал ей Куэйхи.

— Это так важно?

— Просто мне это кажется странным. Я сам когда-то служил в команде ультра.

— Наверное, это было давно.

— Давно, но с тех пор они не научились находить общий язык с такими, как мы.

— С такими, как мы, настоятель?

— С людьми, принадлежащими к базовой линии.

Женщина не сумела скрыть удивление. Такую реакцию несложно было понять, ведь переводчица видела перед собой изнуренного старца на смертном одре, в окружении множества подвижных зеркал. И постоянно открытые глаза — как перезревшие фрукты, с которых слезла кожура... Сейчас на нем не было темных очков.

Куэйхи чуть шевельнул рукой:

— Я не всегда был такой развалиной. Когда-то не отличался от базово-линейного человека, вращался в нормальном обществе, и никто не пялил на меня глаза. А потом нанялся к ультра, как и вы. Служил под началом королевы Жасмины на «Гностическом восхождении»...

Хекель повертел ручки настройки на груди и пропищал что-то невразумительное.

— Он говорит, у Жасмины была дурная репутация даже среди ультра, — сказала переводчица. — По сей день в определенных кругах не принято упоминать о ней, это считается дурным тоном.

— Вот уж не думал, что ультра знакомо такое понятие, как дурной тон, — усмехнулся Куэйхи.

Хекель исторг в ответ что-то пронзительное и высокомерное.

— Он сказал, что вы о многом забыли, — пояснила переводчица. — И еще говорит, что у него плотный график.

Куэйхи потер пальцами край алого одеяла.

— Ну что ж, тогда к делу. Вы рассмотрели мое предложение?

Переводчица несколько секунд прислушивалась к писку и свисту Хекеля.

— Он говорит, ваш интерес к охранным услугам ему понятен.

Куэйхи обрадованно кивнул, заставив зеркала синхронно качнуться.

— Сделка выгодна для обеих сторон. Корабль «Третий газометрический» берет меня под защиту, ограждает от посяга-

тельств менее чистоплотных ультра, находящихся, как нам известно, в системе. Обеспечение такой защиты — естественно, на четко определенный период — будет оплачено торговыми льготами, внутренней информацией и тому подобным. Мы оба не останемся внакладе, капитан Хекель. Для этого вам нужно только подвести «Третий газометрический» ближе к Хеле и согласиться на некоторые дружеские уступки... Например, принять на борт корабля небольшую делегацию от нашего собора; естественно, в ответ мы разместим ваших посланников на «Пресвятой Морвенне». Немедленно после этого вы получите доступ к богатейшим залежам артефактов вертунов, где не было и не будет конкурентов. — Куэйхи подозрительно скосил глаза, словно заметил прячущихся в темных углах врагов. — И нам не придется постоянно оглядываться.

Собеседник пропищал ответ.

— Капитан говорит, что хорошо понимает выгоду такой сделки, — сказала переводчица, — но считает слишком рискованным вести корабль к Хеле. Он помнит судьбу «Гностического восхождения»...

— А вот это уже мне кажется дурным тоном.

— Кроме того, капитан хотел бы узнать детали торговых преференций, прежде чем обсуждать вопрос далее. Его также интересует максимальный срок действия договора о защите... — Переводчица замолчала, поскольку Хекель исторг несколько пронзительных дополнений. — Кроме того, капитан готов обсудить возможность введения запрета на торговые операции для ряда кораблей, находящихся в данный момент в системе или на подлете к системе. В частности, это «Просветленная ночь», «Мадонна ос», «Снежное безмолвие»...

Переводчица умолкла, заметив, что Куэйхи поднял руку.

— Все эти нюансы мы обсудим отдельно, в удобное для нас время, — уныло пообещал он. — В первую очередь собор будет настаивать на полном техническом осмотре «Третьего газометрического». Рутинная процедура — надо убедиться, что корабль не представляет никакой опасности для Хелы и ее населения...

— Капитан недоумевает: вы что, сомневаетесь в надежности его корабля? — сказала переводчица.

— Вовсе нет. Какие могут быть сомнения? Вы же добрались до нашего захолустья, значит корабль в порядке. И если капитану нечего скрывать...

— Капитан хотел бы вернуться на свой шаттл, чтобы обдумать услышанное.

— Разумеется, — с внезапным радушием ответил Куэйхи, словно готов был для посетителей на все. — Дело очень серьезное, и не нужно принимать решение второпях. Переговорите с другими кораблями, выслушайте коллег. Мне вызвать сопровождение?

— Капитан сам найдет дорогу, — ответила переводчица.

Куэйхи слегка развел руки в прощальном жесте:

— Что ж, прекрасно. Наилучшие пожелания вашей команде... И прошу рассмотреть мое предложение со всей серьезностью.

Капитан резко повернулся. Помощники непрерывно регулировали клапаны и приборы на его нелепом скафандре-котле. С шипением и лязгом паровоза Хекель направился к двери. Его движения были мучительно медленными: скафандр не мог перемещаться со скоростью больше дюйма в час.

Вдруг капитан остановился и с трудом развернулся. В глазницах шлема сновали дворники. Орган пропел несколько нот.

— Капитан просит прощения, — сказала переводчица, — но у него есть еще один вопрос. Во время полета к «Пресвятой Морвенне» имела место незапланированная остановка шаттла в связи с техническими неполадками.

— Неполадки в шаттле? Это новость.

— Капитану пришлось совершить промежуточную посадку, и к северу от Вечного Пути, около Плоскогорий Ярнаксы, он заметил масштабные земляные работы. Капитану показалось, что работы ведутся полускрытым способом. С помощью бортового радара удалось выяснить, что длина наклонной выемки составляет несколько километров, а глубина — не менее километра. Капитан подозревает, что это новые раскопки культурного пласта вертунов.

— Не исключено, — отозвался Куэйхи с подчеркнутым равнодушием.

— Капитан до крайности удивлен. Он не считает себя знатоком истории Хелы, но все же ему известно, что важнейшие артефакты вертунов сосредоточены в приполярных районах.

— Артефакты вертунов находят по всей Хеле, — ответил Куэйхи. — Просто оказалось, что по причинам чисто географическим их легче добывать в приполярных зонах. Не знаю,

что за раскопки вы увидели и почему вам показалось, будто их маскируют. Большинство таких работ производится без церковного контроля, аминь. Мы не можем уследить за всем, что творится на планете.

— Капитан благодарит вас за подробный ответ.

Куэйхи нахмурился, потом на его лице появилась вежливая улыбка. Что это — сарказм или переводчица просто не сумела взять правильный тон? Она базово-линейный человек, как и он сам, а когда-то люди были для него открытой книгой. Но потом она и такие, как она, — не только женщины, а люди вообще — оказались за пределами его инстинктивного понимания.

Он проводил взглядом Хекеля, оставившего за собой запах горячего металла, и терпеливо дождался, когда комната очистится от нездоровых испарений.

Вскоре постукивание трости оповестило о прибытии Грилье. Тот находился неподалеку, следил за переговорами посредством скрытой аппаратуры.

— Что ж, перспективы неплохие, — констатировал генерал-полковник медицинской службы, появляясь в зале. — Они приняли все твои условия, и у них есть нормальный корабль. Как вижу, этим ультра не терпится заключить сделку.

— Мне тоже так кажется, — отозвался Куэйхи. Он осторожно стер каплю конденсата с одного из своих зеркал, и Халдора засияла в стекле с прежней силой. — Если не обращать внимания на обычную манеру ультра строить из себя важных особ, не слишком убедительную у этого Хекеля, то ясно, что сделка нужна ему как воздух. — Куэйхи поднял лист бумаги, который держал на груди в течение всей встречи. — Это краткое техническое описание их корабля, полученное от наших шпионов из стояночной зоны. Не слишком воодушевляющие данные. Чертова штуковина чудом еще не развалилась на куски. Просто диву даюсь, как им удалось добраться до Сто Седьмой Рыб.

— Позвольте взглянуть. — Грилье быстро просмотрел таблицу. — Вы уверены, что эти сведения точные?

— А почему я должен сомневаться?

— Ультра часто маскируют свои корабли под дырявые корыта, чтобы внушить конкурентам ложное чувство превосходства, а заодно отвадить пиратов и угонщиков.

— Но ультра всегда серьезно относились к боевому оснащению, — ответил Куэйхи, направив дрожащий палец в сторону врача. — На текущий момент в парковочном секторе космоса нет ни одного безоружного корабля, хотя иногда пушки бывают замаскированы под безобидные противометеорные средства. Грилье, наши гости боятся, все до единого. Боятся и хотят, чтобы конкуренты знали об их способности постоять за себя. — Куэйхи выдернул лист из пальцев собеседника. — Но этот Хекель! Что за чепуху он несет? Ему нужно наше покровительство, чтобы первым делом отремонтировать свой корабль. Не знаю, стоит ли нам рассчитывать на его защиту. Может, лучше еще поискать?

— Я уже сказал: имея дело с ультра, нельзя по первому впечатлению судить об их намерениях.

Куэйхи скомкал бумагу и бросил в угол.

— Проблема в том, что я об их чертовых намерениях вообще никак судить не могу.

— Забраться в голову такого чудовища, как этот Хекель, нормальному человеку очень непросто, — заметил Грилье.

— Я имею в виду не только Хекеля, а всех ультра, да и простых людей вроде этой переводчицы. Невозможно понять, говорит она правду или привирает и верит ли сама в то, что передает через нее капитан Хекель.

Грилье прикоснулся губами к рукоятке трости:

— Хотите услышать мое мнение? Вы правильно оцениваете ситуацию — женщина всего лишь произносит звуки вслед за капитаном. И ему очень нужна эта сделка.

— «Очень» — это еще слабо сказано, — пробормотал Куэйхи.

Грилье постучал тростью о пол:

— Забудьте на время о «Третьем газометрическом». Есть еще «Пикирующий жаворонок». По моим сведениям, на нем отличное вооружение, а капитан готов к переговорам.

— В отчете сказано, что у них нестабильно работает правый двигатель. Вы обратили на это внимание?

Грилье пожал плечами:

— Мы же не собираемся никуда с ними лететь, просто хотим, чтобы они повисели на орбите Хелы, не позволяя другим совать сюда нос. Если у них достаточно мощное вооружение,

Грилье вздохнул и принялся раскладывать в чемоданчике медицинские принадлежности.

— На Равнине Вигрид есть одна семья, — продолжал он. — Она подъехала к тому каравану. В ней двое детей: сын и маленькая дочь.

— Какая захватывающая история!

— Сын искал работу на Пути. Я воспользовался своим правом и поприсутствовал при собеседовании с парнем. В сущности, из чистого любопытства — просто больше нечем было заняться. Семья не показалась мне необычной, но я никогда не оставляю надежды углядеть что-нибудь любопытное среди заурядного. — Грилье закрыл шкафчик. — Так вот, сын хотел устроиться в службу стратегического планирования или какой-нибудь другой технический отдел. Но в ту пору на Пути хватало канцелярских крыс. Как всегда, вакансии имелись только на самых горячих участках.

— Нищие не выбирают, — заметил Куэйхи.

— Вот именно. Вербовщик решил не раскрывать все карты. Пообещал подыскать для нашего юнца тихое, спокойное, хорошо оплачиваемое местечко. А поскольку работа парню предстояла якобы аналитическая, требующая полной ясности ума, ни о каких прививках и речи быть не могло.

— Говори вербовщики правду, не видать бы нам новых рабочих рук.

— Верно. Но парень оказался сметлив. Жалко было отправлять его на подрывные работы или еще куда-нибудь, где живут месяц-другой. А поскольку наш новобранец воспитывался в семье мирян — таких на Равнине Вигрид большинство, — он не хотел получить в вену вашу кровь.

— Это не моя кровь. Это вирус.

Грилье поднял палец, прерывая хозяина:

— Важно другое — у вербовщика имелась веская причина соврать. И это была ложь во благо. На Пути каждому известно, что технические службы всего лишь прикрытие. Думаю, и паренек это знал, просто хотел заработать, помочь бедствующей семье.

— Наверное, у него были на то причины.

— Я почти забыл облик этого юноши. Но вот девочку помню, как будто видел ее вчера. Она смотрела сквозь нас, словно мы были сделаны из прозрачного стекла. Удивительные глаза: золотисто-карие, с искорками.

— Сколько ей тогда было лет?

— Девять или восемь.

— Грилье, вы мерзавец.

— Это не то, о чем вы подумали, — покачал головой врач. — Все, кто там был, особенно вербовщик, заметили странность. Она говорила родителям, что вербовщик врет, снова и снова повторяла и была уверена в своей правоте. Ее явно бесила ложь. И то, что родители и брат будто играли в какую-то игру, не предупредив девочку об этом.

— В обществе взрослых дети нередко ведут себя странно. Зря ее вообще туда пустили.

— Она вела себя не странно, — возразил Грилье. — А вполне логично, на мой взгляд. Странно себя вели как раз взрослые. Знали, что вербовщик лжет, но помалкивали. И только она говорила об этом вслух.

— Должно быть, перед собеседованием подслушала чей-то разговор о методах вербовки.

— Может, и так, но мне уже тогда подумалось, что истина лежит глубже. Девочка обнаружила фальшь, всего-навсего приглядевшись к обманщику. У некоторых людей очень развиты подобные способности. Таких рождается один на тысячу, а сверхчутких, как эта девочка, и того меньше.

— Она телепатка?

— Нет. Просто считывает подсознательную информацию. Прежде всего по мимике. Лицевые мышцы могут делать сорок три четких движения, что дает десятки тысяч комбинаций.

Грилье хорошо подготовился, подумал Куэйхи. Давно продумал этот подходец.

— Большинство выражений лица непроизвольны, — продолжал врач. — Если только человек не прошел специальную тренировку, ему не солгать, не выдав себя определенными выражениями лица. Обычно их не замечают — окружающие не глупы, просто они не улавливают эти микропроявления на вашем лице. Но представьте, что вы наделены способностью читать мимику. Это подразумевает, что вы способны не только разгадывать выражения чужих лиц, но и скрывать свои неконтролируемые сигналы.

— Гм. — Куэйхи не понимал, куда клонит Грилье. — От этой способности мало проку, когда имеешь дело с такими, как Хекель. Но если вести торг с базово-линейными людьми,

имеющими нормальное лицо... Как считаете, этому можно научиться?

— Могу предложить кое-что получше, — ответил Грилье. — Я привезу девочку, и она сама вас научит всему.

Несколько секунд Куэйхи смотрел на отражение Халдоры, зачарованный пляской сполохов близ Южного полюса.

— Сначала доставьте ее сюда, — сказал он. — Это непросто, ведь по ходу дела придется ей лгать.

— Задача сложная, но решаемая. Это как с антиматерией: если правильно подобрать инструменты, она послужит на благо. Несколько дней назад я вам говорил: что-то вертится в уме, но вспомнить не могу. Это было имя девочки: Рашмика Эльс. О ней сообщали в новостях с Равнины Вигрид. Там были и снимки. На фото она старше, но у меня нет сомнений: восемь или девять лет назад я встречался именно с ней. Эти глаза забыть непросто. Она сбежала из дома. Ее ищет полиция.

— Если так, нам лучше о ней забыть.

Грилье улыбнулся:

— Вовсе нет. Я уже нашел ее. Она в караване, который направляется к Пути.

— Вы ее видели собственными глазами?

— Не совсем. Я был в караване, но с мисс Эльс не встречался. Не хотел спугнуть ее и все испортить. Рашмика затеяла выяснить, что случилось с ее братом, и она настроена очень решительно, хоть и не теряет головы.

— Гм... — Через секунду мысль о великолепном стечении обстоятельств заставила Куэйхи улыбнуться. — А что все-таки стало с ее братом?

— Погиб при расчистке Пути, — ответил Грилье. — Раздавлен «Пресвятой Морвенной».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Арарат, год 2675-й

Скади лежала в полукоконе из льда и застывшей черной массы машин-ингибиторов. Она была еще жива. Очевидно, кубики проникли через узкую рваную дыру в переборке и добрались до пилотского кресла.

Скади чуть повернула голову к вошедшим, и на ее спокойном, даже умиротворенном лице отразился легчайший интерес. Рука в белой перчатке потянулась к портативному голоклавиру, лежащему на коленях, и пальцы задвигались до того стремительно, что превратились в расплывчатое пятно. Грянула музыка, больше похожая на канонаду.

Рука отстранилась от пульта, и аккорды смолкли.

— А я уже начала беспокоиться: где это вас черти носят?

— Ты, сука! — рявкнула Хоури. — Отдавай мою дочь.

Скади будто не услышала:

— Клавэйн, так что у вас стряслось?

— Небольшая накладка.

— А, вижу: волки тебе руку отгрызли. Как же это ты оплошал?

Клавэйн показал ей нож:

— Что надо было сделать, я сделал. Помнишь его, а, Скади? Уже не первый раз он спасает мне жизнь. Это им я вспорол пленку вокруг кометы, когда у нас с тобой вышел небольшой спор насчет политики Материнского Гнезда. Ты ведь не забыла тот маленький инцидент?

— Много воды утекло с тех пор, когда я в последний раз видела твой нож. Тогда у меня было прежнее тело.

— Сочувствую, но что случилось, то случилось. Если бы потребовалось повторить, я бы ни секунды не колебался.

— А я, Клавэйн, ни секунды в этом не сомневалась. Какие бы слухи ни ходили о тебе, ты всегда был принципиальным.

— Мы пришли за ребенком, — сказал Клавэйн.

Слабым кивком Скади дала понять, что заметила появление Хоури.

— Я уже догадалась.

— Ты отдашь нам Ауру или будет как в прошлый раз — хлопотно и грязно?

— А что бы ты предпочел, Клавэйн?

— Послушай, что было, то быльем поросло. Сколько бы вреда мы ни причинили друг другу, во что бы мы ни верили и с какими бы принципами ни носились, теперь это не имеет значения.

— То же самое я сказала Ремонтуару.

— И тем не менее вы договорились, — сказал старик. — Мне это известно. Давай и мы с тобой ударим по рукам, снова

объединим силы. Верни Ауру, и мы поделимся с тобой тем, что от нее узнаем. В перспективе от этого выиграют все.

— Клавэйн, посмотри на меня. О какой перспективе ты говоришь? Из этого корабля мне живой не выбраться.

— Если ты травмирована, мы поможем.

— Вот уж не думаю.

— Отдай Ауру! — выкрикнула Хоури.

Скорпион подошел к Скади, чтобы осмотреть ее. На ней была светлая, почти белая, броня. Похоже на хамелеофляж: прежде чем вырубилось освещение, он подстроился под фон, а именно под цвет льда, который образовался из конденсата в рубке или проник снаружи. Бронированный скафандр был выполнен в стиле средневековых доспехов, с выпуклыми подвижными пластинами, прикрывающими колени и локти, и с несоразмерно большим нагрудником. Ниже узкой, почти девичьей, талии — похожая на юбку кольчуга. А что было еще ниже, Скорпион разглядеть не смог, эту часть сочленительского тела покрывал лед, пришпиливший Скади к креслу, точно выставленную на продажу куклу.

Повсюду вокруг кресла черными комками лежали скопления ингибиторов. Ни один из этих наростов не шевелился и не прикасался к Скади.

— Я могу отдать вам Ауру, — проговорила она, — но не бесплатно же.

— Она не продается и не покупается. — Судя по слабому, хриплому голосу, разговор отнимал у старика много сил.

— Не ты ли предлагал сделку? — спросила Скади. — Или в твоем понимании торг — это угрозы?

— Где она?

Скади подняла руку. Ее броня с треском разломила ледяную корку. Сочленитель погладила доспех на своем животе:

— Здесь, во мне. Я поддерживаю в ней жизнь.

Клавэйн быстро оглянулся на Хоури, глазами давая понять: все, о чем она рассказала, подтвердилось.

— Хорошо, — кивнул он. — Скади, мы тебе за это благодарны. А теперь верни ее матери.

— Как будто тебе есть дело до ее матери, — усмехнулась Скади, передразнивая его тон. — Или до ребенка.

— Весь этот путь я проделал ради ребенка.

— Весь этот путь ты проделал ради ценного ресурса, — возразила Скади.

— А для тебя, стало быть, судьба девочки значит куда больше?

— Хватит, — вмешался Скорпион. — У нас нет времени на пустые споры. Кто и для чего нам понадобился — не твое дело. Отдай по-хорошему.

— Отдать по-хорошему? — Скади усмехнулась, рассматривая свинью. — Ты и правда думаешь, что все так просто? Оно во мне. У меня в утробе. Подключено к моей кровеносной системе.

— Она! — прорычала Хоури. — Аура не «оно», слышишь, ты, бездушный кусок дерьма?!

— Но она еще не человек, — рассудительно отозвалась Скади. — Вне зависимости от того, как ты к ней относишься. — Голова Скади повернулась к Клавэйну. — Да, я попросила у Делмара другое тело — он с самого начала это предлагал. Сейчас я из плоти и крови, с головы до пят. Даже моя утроба скорее орган, чем машина. Невил, прикинь: я даже живее тебя, ведь у тебя нет руки.

— Ты всегда была машиной, Скади. Просто не понимала этого.

— Если ты о том, что я всегда выполняла свой долг, то спорить не стану. У машин свои достоинства: они не дезертируют и не предают.

— Я пришел не за уроком этики.

— Разве тебе не интересно, что случилось с моим кораблем? Или мой сказочный дворец не по нраву? — Скади слегка повела рукой, словно приглашая всех поделиться мнением о ее выборе интерьера рубки. — А я, между прочим, к этой встрече специально готовилась.

— Отказали криоарифметические двигатели? — спросил Клавэйн. — Угадал?

Скади изобразила обиду: давай посмейся над моими трудами.

— Тогда что случилось? — тихо спросил Скорпион.

Скади вздохнула:

— Я и не рассчитывала, что мои старания получат достойную оценку. Даже лучшие умы Материнского Гнезда плохо понимали движущие мною принципы. А ты просто свинья, у тебя нет мозгов даже базово-линейного человека.

— Я буду весьма благодарен, если больше не услышу от тебя этого слова.

— А если услышишь, что ты мне сделаешь? Пока Аура в моем животе, ты меня пальцем не тронешь. Все очень просто: умру я, умрет и она.

— Заложницей прикрываешься? — спросил Клавэйн. — Не самое удачное начало переговоров.

— О, заполучить такую заложницу было совсем не просто. Пришлось долго настраивать наши иммунные системы, прежде чем мы прекратили отвергать друг друга. — Скади бросила взгляд на Хоури. — Не надейся вернуть ее в свою утробу. Вы с ней теперь совершенно несовместимы.

Хоури хотела ответить, но Клавэйн поспешил остановить ее жестом здоровой руки.

— И все же ты настроена на сделку, — сказал он. — Иначе не предупреждала бы Ану о несовместимости.

Скади по-прежнему смотрела на Хоури:

— Ты можешь уйти отсюда с Аурой, на борту найдется исправная медтехника. Я объясню, как сделать кесарево сечение. Да ты и сама разбираешься в таких делах, если что, сымпровизируешь. Это же не на мозге операция. — Она перевела взгляд на Клавэйна. — Надеюсь, ты прихватил аппаратуру жизнеобеспечения?

— Само собой.

— А больше ничего и не требуется. Я поддерживаю связь с Аурой на нейронном уровне и могу до конца операции погрузить ее в кому.

— Я нашел хирургический набор, — доложил Жакоте, волоча по изуродованному полу тяжелый черный ящик с заиндевелым рельефным кадуцеем. — У нас есть и свой медкомплект — думаю, этого хватит.

— Открой ящик. — Голос прозвучал странно, глухо, словно старик уже понял то, о чем остальные пока не догадывались.

Крышка ящика подскочила с шипением сжатого воздуха, явив взглядам множество искусно уложенных лотков. На подстилках из вспененной пластмассы ждали своего часа матовые инструменты. Все они имели кольца для пальцев; механические узлы были великолепно отрегулированы. Эта «кухня» наводила на мысль об инопланетном происхождении. На самом деле инструменты были достаточно просты, сделаны из обычных материалов. Они предназначались для условий войны,

когда под натиском враждебной наномеханики погибают более сложные, деликатные и умные устройства.

— Объяснения требуются? — спросила Скади.

Жакоте вынул из ящика инструмент. Рука в перчатке дрожала.

— Вообще-то, я не врач, — сказал он. — Прошел медицинские курсы для службы безопасности, но полевой хирургии там не учили.

— Не важно, — буркнула Скади. — Сказала же: буду инструктировать. Работать придется тебе, больше некому. У свиньи пальцы не гнутся, а Хоури слишком взвинчена. Ну а Клавэйн... тут все понятно.

— Дело не только в отсутствии руки, — сказал старик.

— Конечно дело не в руке, — согласилась Скади.

— Скажи им, — попросил Клавэйн.

— Он не сможет сделать операцию, — объяснила Скади остальным присутствующим, словно самого Клавэйна тут не было вовсе, — потому что к концу процедуры его уже не будет в живых. Уговор такой: вы получаете Ауру, а Клавэйн подыхает прямо в этой рубке. Это последнее и окончательное условие, обсуждению не подлежит. Либо так, либо никак. Решать вам.

— Ты этого не сделаешь! — воскликнул Скорпион.

— Может, вы плохо расслышали? Аура остается жить, Клавэйн — нет. Вы получите то, ради чего сюда явились. Это вас устраивает?

— Только не это, — прошептала Хоури. — Пожалуйста, только не это.

— Боюсь, я уже приняла решение, времени на его обдумывание было предостаточно. Как видите, я не жилец. Этот ледяной дворец станет моим мавзолеем. Выбор — по крайней мере для меня — крайне ограничен. Если я умру, Аура умрет вместе со мной. Человечество — что бы ни подразумевать под этим словом — лишится даров, которые ребенок готов ему передать. Если же он останется жив, это вряд ли убережет вас от истребления, однако может отодвинуть его на тысячу лет. А иначе люди полностью исчезнут уже лет через сто. Разница невелика, если вдуматься, но человек остается человеком — он берет то, что ему дают.

— Аура способна увеличить выбор, — сказал Клавэйн.

— На что она способна, ни ты не знаешь, ни я, однако мне понятна твоя мысль. Ценность Ауры пока неизвестна. Именно поэтому она представляет собой такой желанный приз.

— Ну, так отдай ее нам, — потребовала Хоури. — Отдай, сделай хоть раз в своей мерзкой жизни доброе дело.

— Ты ее зачем сюда привел? — подмигнула Скади Клавэйну. — Чтобы лучше проходили переговоры?

На миг возникло впечатление, что двое старых приятелей просто дурачатся, подтрунивая друг над другом.

— Не волнуйся, — сказал Клавэйн Ане. — Мы вернем тебе дочь.

— Нет, Клавэйн, только не такой ценой, — ответила она.

— По-другому не получится, — ответил он. — Поверь, я знаю Скади. Если она уперлась, ее уже не сдвинуть.

— Рада, что ты это понимаешь, — усмехнулась Скади. — Ты прав, моя позиция не отличается гибкостью.

— Мы можем убить ее, — сказала Хоури. — Убить и быстро провести операцию.

— Стоит попробовать, — поддержал ее Скорпион.

В Городе Бездны ему часто поручали убивать как можно медленнее — в целях запугивания. Теперь он пытался припомнить самые быстрые способы отнятия жизни у разумного существа. Ими тоже приходилось пользоваться: для гуманной казни, для подчистки следов.

Проблема заключалась в том, что ему никогда не приходилось применять эти методы к сочленителям, уже не говоря о сочленителях с заложником в животе.

— Скади не позволит, — мягко сказал Клавэйн, а затем тронул Хоури за руку. — Прежде чем успеем прикоснуться к ней, она убьет Ауру. Пусть будет так, как она хочет. Не бойся.

— Нет, Клавэйн, — прошептала Хоури.

— Я прилетел сюда освободить Ауру, — продолжал он. — И я должен решить эту задачу.

— Я не хочу, чтобы ты умер.

Скорпион заметил, что в уголках глаз Клавэйна собрались веселые морщинки.

— Да я в этом и не сомневаюсь. Сказать по правде, мне тоже умирать неохота. И мало приятного, когда срок твоей жизни определяют за тебя. Но Скади уже приняла решение, и чему быть, того не миновать.

— Предлагаю взяться за дело, — вмешалась в разговор Скади.

— Подожди, — попросил Скорпион. Фраза, которую он выстраивал в голове, усиливала ощущение нереальности происходящего. — Если мы отдадим Клавэйна и ты убьешь его, что помешает тебе нарушить обещание?

— Она и об этом подумала, — сказал Клавэйн.

— Конечно я обо всем подумала. А кроме того, я подумала и о противоположном: что помешает вам не отдать Клавэйна, если я сначала отдам Ауру? Взаимное доверие — недостаточная гарантия выполнения условий сделки. Поэтому я готова предложить решение, которое обе стороны наверняка найдут полностью приемлемым.

— Скажи им, — попросил Клавэйн.

Скади указала на Жакоте:

— Ты, охранник, сделаешь кесарево сечение. — Она перевела взгляд на Скорпиона. — А ты, свинья, станешь палачом Клавэйна. Я буду руководить обеими процедурами. Они пойдут параллельно, шаг за шагом, надрез за надрезом. И закончатся одновременно.

— Нет... — в ужасе выдохнул Скорпион, когда услышанное достигло его сознания.

— Похоже, вы все еще сомневаетесь в серьезности моих намерений, — проговорила Скади. — Может, мне убить Ауру прямо сейчас, и дело с концом?

— Нет! — отрезал Клавэйн.

Потом он повернулся к спутникам:

— Скорп, придется на это пойти. Ты уже тысячу раз доказал, что у тебя крепкие нервы. Сделай, дружище.

— Не могу.

— Никто и никогда не просил тебя о таком, я понимаю. Но теперь прошу я. Надо, Скорп.

— Я не могу, — только и сумел выдавить свинья.

— Надо.

— Нет! Ему — не надо. Это сделаю я.

Все, включая Скади, повернулись на голос. В проеме стоял Васко Малинин, с пистолетом в руке, совершенно спокойный и решительный.

— Я готов, — повторил он.

Очевидно, он стоял там уже давно, не выдавая своего присутствия.

— Тебе приказали ждать снаружи! — рявкнул Скорпион.

— Кровь отдал другой приказ.

— Кровь? — переспросил Скорпион.

— Мы с Эртон услышали стрельбу. Звуки доносились из ко рабля. Я доложил Крови, и он разрешил выяснить, в чем дело.

— И ты оставил Эртон снаружи одну?

— Ненадолго, сэр. Кровь выслал шаттл, он будет здесь че рез час.

— Мы договаривались о другом, — произнес Скорпион.

— Прошу прощения, сэр, но Кровь решил так: раз нача лась стрельба, надо действовать по обстановке.

— С этим не поспоришь, — сказал Клавэйн.

Скорпион кивнул, шатаясь под тяжестью навалившегося ужаса. Но он не мог переложить такое бремя на плечи Васко, и было не важно, сколь горячо тот желает разделить ответственность.

— Ты все сказал? — спросил он.

— Море выглядит странно, сэр. Вода позеленела, вокруг айсберга до самого горизонта появились скопления биомассы.

— Жонглеры встревожены, — проговорил Клавэйн. — Кровь уже сообщил нам о повышении активности океана.

— Также поступили доклады свидетелей о вхождении в атмосферу различных небесных тел.

— Битва приближается, — заключил Клавэйн, словно давно предвидел это. — Что ж, Скади, думаю, тянуть дальше действительно не к чему.

— Твоими устами глаголет сама мудрость, — отозвалась она.

— Обрисуй, как все пройдет. Наверное, в первую очередь нужно снять с тебя броню?

— С этим я справлюсь сама, — ответила сочленитель. — А вы тем временем приготовьте инкубатор.

Скорпион махнул рукой в сторону Васко:

— Бегом к лодкам. Доложи Крови, что у нас идут сложные переговоры, и тащи сюда инкубатор.

— Будет исполнено, сэр. Послушайте, я знаю, каково вам... — Васко не смог закончить фразу. — Я к тому, что могу сделать это вместо вас.

— Знаю, — ответил Скорпион, — но мы с Клавэйном друзья. Выходит так, что его смерть должна остаться на моей совести.

— Скорп, за свою совесть можешь быть спокоен, — ответил Клавэйн.

Нет, подумал Скорпион. Не о совести тут речь. И не о том, что в обмен на жизнь ребенка, которого он не знает и до которого ему нет дела, придется истязать лучшего друга — своего единственного друга-человека, — медленно умерщвляя его. Но что, если и правда нет выбора? Что, если Клавэйн хочет от него именно этого?

Но от таких доводов не легче сейчас и не будет легче потом, когда придется с этим жить. Ведь Скорпион знал: то, что произойдет в следующие полчаса — а он был уверен, процедура больше не займет, — запечатлеется в памяти так же четко, как шрам на плече, оставленный его собственной рукой, когда он срезал изумрудную татуировку, это клеймо человеческого рабства.

А может, Клавэйну не придется страдать. Ведь сумел же он подавить боль, когда отрезали руку. Наверное, сумеет установить еще более мощную нейронную блокировку, и любые муки ему будут нипочем.

Но ведь Скади, конечно же, знает об этом.

— Ступай, — приказал свинья Васко. — И не спеши возвращаться.

— Я вернусь, сэр.

Васко помедлил у переборки, во все глаза глядя на рубку, словно пытаясь закрепить в памяти ее и собравшихся в ней. Скорпион понял, о чем парень думает.

Когда он вернется, Клавэйна уже не будет в живых.

— Сынок, — сказал Малинину старик, — делай то, что тебе говорят. Со мной все будет в порядке. Спасибо за заботу.

— Все-таки хочется чем-нибудь помочь, сэр.

— Спасибо, не нужно. Поможешь в другой раз. Прими это как очередной жизненный урок: иногда просто невозможно сделать то, что кажется правильным. Надо просто отойди и подождать, пока не настанет твой день. А мне придется проглотить горькую пилюлю, но рано или поздно это будет с каждым из нас.

— Понимаю, сэр.

— Мы с тобой знакомы недолго, но я уже понял, кто ты по натуре и какие у тебя способности. Ты хороший человек, Васко. Такие нужны колонии. Помни об этом и защищай ее интересы.

— Сэр, — кивнул Васко.

— Когда все закончится, у нас будет Аура. Но прежде всего она дочь своей матери. Помни об этом и напоминай другим.

— Я буду помнить, сэр.

— Аура наше общее достояние, Васко. Она очень слабая и хрупкая. Пока девочка растет, нужно, чтобы кто-то защищал ее. Поручаю это тебе и твоему поколению. Берегите ее, ведь в этом мире она, может быть, последнее, что еще имеет значение.

— Я позабочусь о ней, сэр. — Васко взглянул на Хоури, словно просил у нее разрешения. — Мы все о ней позаботимся. Я обещаю.

— Похоже, ты говоришь серьезно.

— Я постараюсь все сделать как надо, сэр.

Старик медленно кивнул; было видно, как он устал: взгляд устремлен вдаль, в пропасть, чью глубину может постигнуть только он.

— Бóльшую часть жизни я именно этим и занимался. И обычно у меня все получалось. А теперь иди и передай мои *наилучшие пожелания* Крови.

Васко переступил с ноги на ногу, словно хотел сказать что-то еще. Но что именно, так никто и не узнал. Он повернулся и вышел.

— Зачем ты отправил его? — спросил Скорпион, выждав несколько секунд.

— Не нужно ему ничего видеть...

— Я сделаю все быстро, если она позволит, — проговорил Скорпион. — Лишь бы Жакоте сработал без задержек. Тебя устраивает это, Скади?

— Ты будешь действовать так, как я скажу, ни быстрее, ни медленнее.

— Все и так плохо, не нужно лишнего, — попросил Скорпион.

— Он не будет страдать? — спросила Хоури. — Он сможет блокировать боль?

— Я подумала об этом, — поспешила ответить Скади с радостью рептилии, которая наслаждается собственной злобой. — Клавэйн, объясни своим друзьям, как мы собираемся все устроить.

— Выбора нет?

— Если ты хочешь выполнить свою задачу.

Клавэйн потер лоб, белесый от изморози, брови, словно изваянные из тонкого льда:

— С той самой минуты, как я вошел в рубку, Скади пытается пробиться сквозь мои нейронные заслоны. Она запустила штурмовые алгоритмы, и те атаковали мои стандартные системы безопасности и блокировки, защищающие глубинные структуры управления. Уж поверь мне на слово, в этом она большой мастер. Единственное, что мешает ей прорваться внутрь, — это мои древние имплантаты. Это как взламывать арифмометр. Ее методы слишком совершенны для таких схваток.

— И что это означает? — Хоури прищурилась, словно пропустила что-то очевидное.

— Если она преодолеет защиту, — объяснил Клавэйн, — то сможет пресечь любую мою попытку заблокировать боль. Поочередно откроет все шлюзы и позволит боли затопить меня с головой.

— Но ведь ей это не по зубам? — спросил Скорпион.

— Если только я сам не впущу ее. Нет, если только я не приглашу ее туда и не передам управление полностью.

— Надеюсь, ты этого не сделаешь.

— *Не сделаю*, — *ответил* Клавэйн, — *если*, конечно, она не потребует.

— Скади, прошу тебя, — взмолилась Хоури.

— Сними всю защиту, — приказала Скади, не обращая внимания на Ану. — Сними защиту и пусти меня внутрь. Если не пустишь, сделки не будет. Аура сейчас же умрет.

Старик закрыл глаза — ненадолго, словно медленно моргнул. За этот миг Клавэйн успел запустить множество сложных и редко используемых команд нейронного управления, отключающих системы безопасности, десятилетиями находившиеся в боевой готовности.

Он открыл глаза.

— Есть, — сказал он. — Управление передано.

— Давай проверим?

Клавэйн издал звук, нечто среднее между стоном и кашлем. Он схватился за забинтованную культю, на лице взбухли желваки, жилы на шее натянулись, словно канаты.

— Похоже, управление в твоих руках, — прохрипел Клавэйн.

— Я закрепилась в его системах, — сообщила Скади присутствующим, — и он не сможет выбросить меня или заблокировать мои команды.

— Давай покончим с этим, — попросил Клавэйн.

Его лицо снова просветлело, словно на него упали солнечные лучи. Скорпион все понял: Скади не желает, чтобы тщательно продуманная пытка сорвалась из-за внешнего источника боли.

Скади положила руки в перчатках на живот. Выпуклая броня, где прежде не было видно ни единого шва, отделилась от скафандра, словно скорлупа. Сочленитель уместила ее рядом с собой, затем вытянула руки вдоль туловища. Там, где она сняла броню, под тонкой, косого плетения сеткой — внутренним слоем скафандра — шевелилась выпуклая плоть.

— Мы готовы, — произнесла Скади.

Жакоте подошел к ней и опустился на колено, уперся им в оплывший лед, которым была покрыта нижняя половина Скади. Рядом с ним стоял раскрытый черный ящик с белыми хирургическими инструментами.

— Свинья, возьми скальпель из нижнего отделения, — приказала Скади. — Пока этого хватит.

Скорпион безуспешно попытался вытащить инструмент из гнезда. Хоури взяла скальпель и вложила в копыто свиньи.

— Последний раз прошу, — повторил Скорпион, — не заставляй меня это делать.

Клавэйн уселся с ним рядом, скрестив ноги:

— Все в порядке, Скорп. Выполни ее требование. У меня еще есть козыри, о которых Скади не знает. Пусть думает что хочет, но все мои команды ей не заблокировать.

— Говори-говори, может, свинье полегчает, — кивнула Скади.

— Он никогда не обманывал меня, — сказал Скорпион. — Не думаю, что сейчас лжет.

В его копыте блестел абсурдно легкий хирургический инструмент. В скальпеле не было ничего зловещего, но в этот миг он казался воплощением исконного вселенского зла, его девственная чистота внушала страх. Поистине титанические возможности балансировали на жесткой ладони свиньи. Скорпион не мог держать инструмент так, как подразумевали конструкторы. Не мог и орудовать им, причиняя только рассчи-

танный вред. Но вряд ли для Клавэйна имело значение, насколько ловко его друг будет управляться со скальпелем. Неточность движений может даже послужить во благо, притупив жгучую боль, которую намерена доставить своей жертве Скади.

— Как мне сесть? — спросил ее Клавэйн.

— Ложись на пол, — приказала Скади. — На спину. Руки вдоль туловища.

Клавэйн подчинился:

— Что-то еще?

— Это от тебя зависит. Если хочешь что-то сказать на прощание, сейчас самое время. Через несколько минут это может оказаться затруднительным.

— Только одно, — произнес Клавэйн.

Скорпион придвинулся ближе. От ужаса у него все плыло перед глазами.

— Что, Клавэйн?

— Когда все закончится, не теряйте времени. Доставьте Ауру в безопасное место. Это для меня важнее всего. — Сочленитель облизнул губы. На его короткой бороде красиво блестели кристаллики льда. — И если вас это не слишком затруднит, похороните меня в море.

— Где? — спросил Скорпион.

— Да прямо здесь, — ответил Клавэйн. — Как можно быстрее. Никаких церемоний. Море позаботится об остальном.

Скади ничем не выдала, что услышала этот тихий разговор. А может быть, ее просто не интересовало, как друзья Клавэйна поступят с его трупом.

— Начнем, — сказала она Жакоте. — Делай в точности то, что я велю. Да, кстати, Хоури...

— Что? — спросила Ана.

— Тебе не обязательно на это смотреть.

— Аура моя дочь. Я буду здесь, пока не получу ее.

Хоури повернулась к Клавэйну, и Скорпиону показалось, будто между стариком и женщиной идет напряженный немой разговор. А может, и не показалось — ведь Ана и Клавэйн были сочленителями.

— Все будет хорошо, — наконец произнес Клавэйн.

Хоури опустилась на колени и поцеловала его в лоб:

— Я хочу сказать, что благодарна тебе за все.

Позади них Скади снова положила пальцы на голоклавир.

Снаружи, стоя на расширяющейся ледяной «юбке» айсберга, Эртон смотрела на Васко, как учитель на прогулявшего уроки школьника.

— Тебя за смертью посылать, — сказала офицер.

Васко упал на колени, и его вырвало. Тошнота накатила внезапно, ниоткуда. После нее осталось ощущение пустоты, как будто он исторг сам себя, всего, кроме оболочки.

Эртон опустилась на лед рядом с ним и встревоженно спросила:

— В чем дело? Что ты там увидел?

Васко не мог говорить. Он стер с подбородка капли рвоты. Щипало глаза. Он был смущен и вместе с тем испытывал чувство освобождения, словно в этом проявлении эмоциональной слабости неожиданно обнаружил и силу. В тот момент, когда его выворачивало наизнанку, он понял, что допущен во взрослый мир, где уже живут Эртон и Жакоте.

Небо над их головами было багрово-серым, как кровоподтек. Медленно вздымалось море, среди волн скользили серые фантомы.

— Что там было, Васко, скажи? — снова попросила Эртон.

Малинин с усилием поднялся. Горло словно ободрал наждак, но сознание было чистым, как открывшаяся в космосе шлюзовая камера.

— Помоги мне с инкубатором, — сказал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Р Эридана 40, год 2675-й

Сражение бушевало в непосредственной близости от планеты жонглеров образами. В самой гуще битвы и в геометрическом центре своего огромного корабля «Свет Зодиака» Ремонтуар сидел в дзенской позе совершенного покоя. Его лицо отражало лишь слабый интерес к ходу событий. Глаза были закрыты, кисти рук неподвижно лежали на коленях, на лице скука и отстраненность, как у посетителя, задремавшего в приемной.

Но Ремонтуар не скучал, и его не тянуло в сон. Такое состояние, как скука, было почти забыто наряду с ненавистью

и яростью, равно как и детская жажда материнского молока. Покинув пятьсот лет назад Марс, он пережил многое и познал разные состояния, включая и те, для которых в языке базово-линейных людей вряд ли найдется название. Однако среди них никогда не бывало скуки. Нет ему места и теперь, считал Ремонтуар, когда возле кораблей кружат волки. Сон тоже не входил в его ближайшие планы.

Время от времени вздрагивали его веки или покачивалась голова, и это едва заметное движение выдавало напряженную работу мозга. В нем непрерывно неслись тактические данные, охлаждение морально устаревшей архитектуры сочленительского мозга работало с перегрузкой. Скади посмеялась бы, узнав, чего ему стоило мыслить с интенсивностью, которая по ее меркам была едва ли не нулевой. Эта женщина умела не только думать с поразительной скоростью, но и делить сознание на полдюжины параллельных потоков, каждый из которых занимался обработкой индивидуальной задачи. При этом она жила обычной жизнью и занималась физическим трудом, тогда как Ремонтуару требовалась медитативная неподвижность, чтобы избавить от дополнительных нагрузок и без того перенапряженные тело и разум. Ремонтуар и Скади были существами разных эпох.

Хотя обычно Скади занимала не последнее место в его мыслях, сейчас он совсем не думал о ней. Решил, что, скорее всего, она умерла. Даже успел уверовать в эту догадку к тому моменту, когда разрешил Хоури спуститься на планету жонглеров. От полета Аны Ремонтуар не ожидал слишком многого. Если Скади мертва, погибла и Аура.

Кое-что изменилось: гигантский мрачный планетарий войны, посреди которого плыл «Свет Зодиака», теперь щелкал и гудел по-другому. Противостоящие силы — базово-линейные люди, сочленители Скади и ингибиторы — кружили вокруг планеты четкими построениями, словно достигнув наконец максимально устойчивых, математически оптимальных конфигураций. Другие сочленители предпочитали держаться в стороне от драки. Не рискуя связываться с ингибиторами, они уже которую неделю силились одержать верх над возглавляемым Ремонтуаром хлипким союзом людей, свиней и беженцев с Ресургема. Эти сочленители похитили Ауру и получили от нее большой объем секретной информации, позволившей

Ремонтуару одолеть ингибиторов у Дельты Павлина. Позже Ремонтуар передал похитителям новую порцию информации в обмен на Хоури. Но вскоре исчезла Скади, и вместе с предводителем сочленители потеряли цель и смысл, что вряд ли могло бы случиться с какой-нибудь аналогичной группировкой из поколения Ремонтуара.

Скади была слишком сильна, слишком ловка в манипулировании и управлении. В ходе войны с демархистами (которая теперь казалась Ремонтуару невинной детской забавой) жесткая демократическая структура сочленителей постепенно разделилась, образовав иерархию органов безопасности: Узкого совета, Внутреннего святилища и полумифического Ночного совета. Скади была логичным конечным продуктом этой дифференциации: обладающая громадным запасом знаний и превосходными навыками, чрезвычайно деятельная и эффективная. Под давлением войны с демархистами народ Ремонтуара, едва ли сам того желая, сотворил себе тиранов.

Скади была великолепным тираном. Она хотела одного — прогресса для своего народа, даже если это означало уничтожение всего остального человечества. Ее целеустремленность, неутолимое желание расширить границы плоти и разума вдохновляли даже Ремонтуара. В свое время он колебался между ней и Клавэйном, выбирая, на чьей стороне сражаться. И нисколько не удивительно, что сочленители в группировке Скади забыли, что значит думать самостоятельно. Надо отдать ей должное: нужда в этом никогда не возникала.

И вот теперь Скади пропала, и ее армия безупречных марионеток не знает, что делать дальше.

За последние десять часов войска Ремонтуара перехватили от отрядов Скади двадцать восемь тысяч независимых приглашений начать переговоры. Эти послания проникали через короткоживущие окна в коммуникативной сфере, которая включала в себя весь театр военных действий. После всех предательств, после распада непрочных союзов, после губительной вражды сочленители Скади по-прежнему были уверены, что с Ремонтуаром можно иметь дело.

Конечно, за этим стояло и кое-что другое: охватившее вдруг противника беспокойство, причину которого еще предстояло узнать. Возможно, это был гамбит, разыгрываемый с целью привлечь внимание Ремонтуара и склонить его к переговорам.

Он решил, что заставит сочленителей подождать, хотя бы до поступления новых данных с планеты.

Но теперь ситуация изменилась. Только что он уловил перемену в диспозиции противоборствующих сил, и за прошедшее с того момента время — одну пятнадцатую секунды — не случилось ничего, что доказало бы ошибку его восприятия.

Враг пришел в движение. Стая (ингибиторы двигались стаями, роями, мерцающими облаками и никогда — организованным строем) ушла со своей позиции. Из волков, находившихся вокруг р Эридана 40 (если оценивать по массе, а не по объему, а вообще очень трудно было определить, сколько машин-убийц гналось за людьми от Дельты Павлина), от девяноста пяти до девяноста девяти процентов остались на прежних позициях. Но по данным приборов, которым не всегда можно было доверять, небольшой отряд — от одного до пяти процентов всего войска — взял курс на планету.

Волки плавно набирали ускорение, оставляя кильватерный след искаженного пространства. Казалось, *ингибиторы вовсе* не используют ньютоновскую физику инерционного движения. Последние модификации сочленительских двигателей создавали похожий эффект: выброшенные частицы подвергались быстрому распаду до необнаружимого квантового состояния. Однако было ясно, что волки используют другой принцип. Даже при ближайшем наблюдении не отмечалось никакого намека на выброс. Самым логичным предположением — так и оставшимся гипотезой — было следующее: движение ингибиторов основано на разновидности эффекта Казимира, когда несбалансированное давление вакуума между парой пластин заставляет их перемещаться в пространстве-времени. Тот факт, что машины могли развивать скорость в триллионы раз больше теоретически допустимой, смущал, пожалуй, меньше, чем отсутствие какой бы то ни было теории.

Ремонтуар запустил симуляцию, чтобы рассчитать траекторию полета ингибиторов. Стая может разделиться на мелкие группы или соединиться с другим отрядом, но если движение будет продолжаться по прежнему маршруту, значит волки намерены войти в атмосферу.

Ремонтуар встревожился. До сих пор пришельцы никогда не подходили так близко к планете. Казалось, что в базовой программе этих машин содержится строгий наказ избегать ненужных контактов с мирами жонглеров образами. Но люди

затеяли биться за планету-океан. Насколько строга программа ингибиторов? Быть может, тот факт, что корвет Скади упал в здешнюю гидросферу, является приемлемым оправданием для атаки? Быть может, волки уже вошли незамеченными в биосферу планеты? В этом случае миры жонглеров больше нельзя считать безопасными.

С точки зрения Ремонтуара, стая волков провела в пути уже около секунды. Если волки удержат имеющиеся на данный момент ускорение и курс, они достигнут планеты минут через сорок. Для состояния, в котором сейчас находился Ремонтуар, это целая вечность.

Но он был слишком мудр, чтобы верить в это.

Корабль в форме трезубца покинул стояночную нишу в боку «Света Зодиака». Почти мгновенно Ремонтуар ощутил, как включился главный двигатель: тяжесть свирепо ударила в спину, словно пилот упал на бетон. Корпус корабля протестующе скрипел — ускорение возрастало, проходя через пять, шесть, семь *g*. Единственный вынесенный на кронштейне маршевый двигатель представлял собой миниатюрную копию сочленительского; каждая деталь была уменьшена до крайности и уложена в сложный и деликатный механизм, из которого сейчас выжималась запредельная мощность. Это нервировало бы Ремонтуара, если бы он не держал свои чувства под железным контролем.

На борту построенного совсем недавно корабля он был единственным живым существом. Вовсе не без колебаний Ремонтуар забирался в крошечную, похожую на глазницу полость в игольно-узком и черном как смоль корпусе. Корабль не имел иллюминаторов, лишь несколько выступов с минимумом необходимых датчиков, но имплантаты позволяли Ремонтуару почти не замечать его, как будто он был стеклянной оболочкой пилотского тела. А за этой оболочкой находилась еще менее ощутимая сфера действия датчиков; активные и пассивные контакты фиксировались мозгом Ремонтуара, создавая для него проприоцептивный образ собственного тела.

Ускорение остановилось на восьми *g*. Корабль не имел средств защиты от такой сильной перегрузки, хотя сочленители научились управлять инерцией еще полвека назад. В данном случае от этого знания не было проку, поскольку на борту

корабля присутствовала новинка — гипометрическое оружие, совершенно нетерпимое к изменениям локальной метрики. Даже в обычном, стабильном пространстве-времени применять гипометрическое оружие было крайне трудно. И оно становилось непредсказуемым и опасным, когда на него воздействовала технология управления инерцией. Ремонтуар мог набрать еще большее ускорение, но за пределами восьми *g* существовала опасность разлаживания деликатного механизма гипометрической пушки.

Со стороны она не казалась чем-то особенным: сигарообразный корпус на таком же кронштейне, что и двигатель; ни ствола, ни иных функциональных выступов. Единственная внешняя конструктивная особенность заключалась в том, что орудие было установлено на максимальном удалении от оператора. Однако легендарная мощь этого устройства была столь грозной, что Ремонтуар, пожалуй, был рад иметь между собой и пушкой нестабильный сочленительский миниатюрный двигатель.

Он проверил курс ингибиторов, не испытав ни воодушевления, ни разочарования по поводу того, что волки оказались в предполагаемой точке. Однако кое-что изменилось: отлет одноместного корабля от «Света Зодиака» не остался незамеченным. Кто-то из союзников Скади устремился к нему по траектории перехвата, с ускорением выше допустимого. Этот сочленительский корабль достигнет цели в течение пятнадцати минут. А еще через пять или шесть минут ее догонит вторая стая волков.

Ремонтуар позволил себе на секунду обеспокоиться — только для того, чтобы подкачать в кровеносную систему адреналина. Затем он блокировал свою тревогу, как захлопывают дверь в комнату, где гремит вечеринка.

Он понимал, что разумнее было бы остаться на борту «Света Зодиака» — там от его проницательности и управленческих навыков больше проку. С пилотированием этого корабля справилась бы его бета-копия или доброволец. Их нашелся бы добрый десяток, с сочленительскими имплантатами не хуже, а то и лучше его собственных. Но он настоял на том, что полетит сам. И не потому, что имел больше опыта в применении гипометрического оружия, чем другие. Причина крылась в чувстве долга: он обязан это сделать, и все тут!

Ремонтуар допустил ошибку, позволив Ане Хоури отправиться на планету в одиночку. С тактической точки зрения это было верное решение: нет смысла расходовать и без того истощившиеся человеческие ресурсы, тем более что Аура, по всей вероятности, уже мертва. Да если и жива, разве не отдала она без остатка все, чем располагала? В любом случае преодолеть сплошную блокаду и достичь поверхности планеты могла только одноместная капсула.

Но Клавэйн наверняка поступил бы иначе. В девяти случаях из десяти он принимал решение, во всем полагаясь на свое чутье солдата. А иначе старик не прожил бы пятьсот лет. Но в одном случае из десяти он полностью отбрасывал правила и совершал поступок, объяснимый только с точки зрения человеческой морали.

По мнению Ремонтуара, сейчас обстоятельства сложились именно так. Пусть Аура и Скади, скорее всего, погибли: Клавэйн отправился бы на планету вместе с Хоури, не думая о том, что попытка спасения почти наверняка закончится смертью их обоих.

На протяжении многих лет Ремонтуар раз за разом анализировал обстоятельства жизни Клавэйна, самые сложные ее моменты; вспоминал, что́ такие вот иррациональные поступки приносили его старому другу: выгоды или потери. Как всегда, Ремонтуар не пришел к определенному выводу. Ничего, подумал он, настала пора жить по правилам Клавэйна, забыв на время о жестких рамках тактического анализа.

В его мозгу сработал таймер: пятнадцать минут истекли.

Думать о приближающемся сочленительском корабле до его прибытия не имело смысла. Быстро просчитав варианты, Ремонтуар решил, что ничего не добьется, если отклонится от курса.

Чужой корабль пронизывал концентрические волны его радаров, словно рыба, осторожно продвигающаяся против сильных океанических течений. Зыбкий образ, созданный по поступающим от приборов данным, постепенно обретал четкость и вещественность.

Это был корвет того же класса «Мурена», что у Скади, с черным, поглощающим свет корпусом, как у корабля Ремонтуара. Однако формой он больше напоминал жутко зазубренный рыболовный крючок, а не изящный трезубец. Даже в такой близи спектральный шепот двигателей-невидимок был едва раз-

личим. Среднее тепловое излучение составляло всего лишь 2,7 градуса Кельвина — практически абсолютный нуль. При ближайшем рассмотрении корабль представлялся лоскутным одеялом из пятен тепла и холода. Ремонтуар отметил расположение криоарифметических двигателей: одни работали менее эффективно, чем соседние, другие — в опасно холодном режиме, на грани разрыва алгоритмического цикла. Время от времени голубые искры мерцали на участке, сбросившем температуру ниже одного градуса Кельвина, но потом алгоритм разогревал его до общего уровня.

Корабль был холоден почти как окружающая среда, и его легко маскировало реликтовое излучение Вселенной, пережившее пятнадцать миллиардов лет. Но фоновая радиационная карта не была однородной: космическая инфляция увеличивала крохотные изъяны разбегающейся Вселенной — в зависимости от направления взгляда наблюдателя. Это были небольшие отклонения от полной анизотропии, морщинки на лике творения. Пока люди не научатся имитировать эти флуктуации, заставляя обшивку повторять пульс Вселенной, их корабли останутся для зоркого глаза белыми пятнами на фоновом спектре. В ряде случаев лишь это несоответствие колебаниям космоса давало единственную возможность обнаруживать вражеские корабли.

Сочленительский корабль охлаждал свой корпус только для того, чтобы укрыться от находящихся поблизости ингибиторов. Он не прятался от Ремонтуара. Совсем напротив — даже пытался контактировать с ним.

У сочленителей была черта, восхищавшая даже их ненавистников: они никогда не сдавались. Двадцать восемь тысяч оставшихся без ответа призывов к переговорам не помешали этому кораблю отправить двадцать восемь тысяч первый призыв.

Ремонтуар позволил несущему лазерному лучу, скользнувшему по корпусу его судна, нащупать одно из сенсорных пятен.

Через многоуровневую блокировку он пропустил сигнал к себе в разум, подверг его предварительному анализу и спустя несколько секунд решил, что можно без опаски раскрыть пакет данных и переместить их в более чувствительные зоны сознания. Сообщение было на естественном языке, такой формат не соответствовал сложным протоколам. Тонкий оскор-

бительный намек, подумал Ремонтуар. Для союзников Скади общение на обычном языке все равно что детский лепет.

«Это ты, Ремонтуар? Почему не отвечаешь нам?»

Он сформулировал мысленный ответ в том же формате:

«С чего вы взяли, что я Ремонтуар?»

«Ты всегда был склонен к отчаянным жестам, хотя и не признавал этого. А нынешняя выходка просто взята из книги о рискованных поступках Клавэйна».

«Кто-то должен был это сделать».

«Смелый поступок, но бессмысленно беспокоиться о населении планеты. Мы уже ничем не поможем этим людям. Их жизнь или смерть не повлияет на исход войны».

«Поэтому проще всего бросить их на произвол судьбы? Конечно, Скади так и сделала бы».

«Если бы это что-то меняло, Скади постаралась бы их выручить. А твоя выходка только все испортит. Зачем нести на планету войну? Не усугубляй наше положение, лучше давай объединим силы в космосе».

«Еще одна просьба о союзничестве? Скади небось в гробу переворачивается».

«Она была прагматиком, Ремонтуар, таким же как ты. Скади говорила, что пора объединить наши силы и знания и нанести необратимый урон противнику».

«То есть вы уже получили все, что могут дать воровство и предательство? А когда припекло, вас потянуло на переговоры. Вы понимаете, что я не смогу доверять вам по-прежнему?»

«Мы с сожалением признаем допущенную тактическую ошибку. Но сейчас, как ты успел заметить, Скади, по всей вероятности, мертва...»

«Цыплята мечутся по курятнику в поисках новой наседки».

«Ты вправе выбирать аналогии, Ремонтуар. Мы просто протягиваем тебе руку для дружеского пожатия. Ситуация гораздо сложнее, чем нам казалось. Ты и сам видишь странные расхождения в данных. Порознь эти признаки мелки и неинформативны, но вместе они подводят к четкому выводу. Ремонтуар, мы имеем дело не только с волками. Здесь есть кто-то еще».

«Я не вижу ничего, чему нельзя найти объяснение».

«Просто ты невнимательно смотришь. Проанализируй наши данные, если не веришь на слово. Возможно, тогда картина для тебя прояснится».

В мозг Ремонтуара поступил пакет данных. Чутье требовало удалить посылку, не распаковывая. Но сочленитель решил до поры до времени оставить ее в памяти.

«Вы предлагаете союз?»

«Врозь нам их не одолеть. Если объединимся, у нас появится шанс».

«Может, и так. Но ведь вы не только этого хотите».

«Конечно, Ремонтуар, мы хотим не только этого».

Он улыбнулся: сочленители остались без вожака, и теперь их толкает к Ремонтуару инстинктивное желание заполнить пустоту. Но еще больше они хотят получить гипометрическое оружие, технологию, которую им не удалось ни выкрасть, ни скопировать, ни воспроизвести обратным инжинирингом, даже несмотря на то, что Скади похитила Ауру. Им нужен всего один прототип, даже необязательно целый и невредимый, поскольку сочленители способны вернуть ему работоспособность.

«Спасибо за предложение, но сейчас я занят. Почему бы нам не вернуться к этому разговору позже? Скажем, через несколько месяцев?»

«Ремонтуар, не нарывайся».

Он дал максимальное ускорение и резко свернул в сторону, одновременно картируя те зоны мозга, чья деятельность ослабевала или замирала, по мере того как затруднялось движение крови в голове. Через мгновение чужой корвет повторил его маневр с идеальной точностью, словно насмехаясь.

«Нам нужно это оружие, Ремонтуар».

«Как я и догадывался. Почему вы не сказали сразу?»

«Мы хотели дать тебе возможность взглянуть на ситуацию нашими глазами».

«Похоже, я должен быть вам благодарен за это».

Его корабль вздрогнул. В голове вспыхнули сигналы о повреждениях, яркие геометрические фигуры, как в калейдоскопе. Корвет стрелял бронебойной картечью, нацеленной на важные узлы корабля. Удар был мастерским — сочленители хотели не разбить кораблик вдребезги, а только лишить подвижности, уложить в дрейф, чтобы потом без труда разграбить. Собирались ли они оставить Ремонтуара в живых? Вряд ли.

«Извините, но в мои планы это не входит».

Корабль снова вздрогнул, и новые важные функции засбоили или вовсе отказали. Он боролся за выживание, включал

дублирующие системы, старался продолжить полет, но его восстановительные возможности были ограниченны. Ремонтуар подумал об отступлении, но ему хотелось сохранить свое положение относительно ингибиторов. Не было другого выхода, как воспользоваться гипометрическим оружием, даже не прошедшим необходимую тщательную калибровку.

Он отдал мысленный приказ, и пушка начала копить активационный заряд энергии, компенсируя смещение вектора движения корабля передачей углового момента в собственное сияющее нутро. Внешне она не претерпевала никаких изменений. Ремонтуару стало интересно, какого типа датчики стоят на преследующем корвете, способны ли они уловить и распознать идущие в орудии процессы.

Пушка была маленькая, с ограниченной точностью и радиусом стрельбы (эти общепринятые термины были лишь условно применимы к гипометрическому оружию). Но готовность к выстрелу достигалась очень быстро. Ремонтуар подрегулировал прицельную шкалу, нашел в сложной топографии орудийных параметров точку, которая соотносилась с определенной точкой в трехмерных координатах окружающего пространства.

Потом он восстановил связь с корветом:

«Отойдите назад».

«Ремонтуар, одумайся. Не заставляй нас применять силу».

Орудие произвело выстрел.

На микроволновой карте холодных участков корвета внезапно появилась выемка идеальной полусферической формы. Криогенные температурные градиенты со всех сторон потекли в эту рану, закружились, как вода над стоком раковины, стремясь поскорее восстановить равновесие. Пару узлов охлаждения заклинило в режиме нестабильной осцилляции.

Новый выстрел. Ремонтуар проделал вторую полость в теле корвета, на этот раз глубже.

Противник открыл ответный огонь. Ремонтуар неохотно защищался ракетами «корабль-корабль»; основную часть боекомплекта он хотел сберечь для ингибиторов.

Его орудие снова изготовилось к бою. Он сосредоточился, заставил себя проверить и перепроверить расчеты. Ошибка могла стать фатальной для обеих противоборствующих сторон.

Результат его третьего выстрела был невидим. Если Ремонтуар правильно проделал вычисления, то на сей раз сферическая пустота образовалась внутри корабля, не задев корпуса. Не хотел он повредить и важные узлы системы жизнеобеспечения. Ну и в качестве эффектного жеста постарался расположить третью дыру так, чтобы она оказалась на одной линии с двумя предыдущими, с погрешностью до микрона.

Ремонтуар выждал несколько секунд, чтобы сочленители оценили точность и красоту его атаки, — и снова связался с ними:

«Следующий выстрел будет по системам жизнеобеспечения».

Корвет медлил с ответом. Уходили секунды, союзники и ученики Скади анализировали тысячи и тысячи вариантов развития событий, выстраивали из них, как дети из кубиков, шаткие башни действий и противодействий. Скорее всего, они были убеждены, что Ремонтуар не намерен их уничтожить. Кроме того, даже самые точные выводы и далекоидущие прогнозы не позволили предположить, что ему доступна стрельба с такой потрясающей точностью. И даже придя к выводу, что противник намерен их уничтожить, они, скорее всего, решат, что удар придется по двигательной установке и корвет мгновенно исчезнет в ослепительной вспышке.

Вместо этого он послал предупреждение. Ремонтуар не считал, что сейчас походящее время заводить новых врагов.

На этом переговоры закончились. Он с интересом наблюдал, как криоарифметические двигатели размывают температурные градиенты вокруг пробоин, старательно маскируют повреждения. После этого корвет повернул в сторону, развил максимальную тягу и скрылся.

Ремонтуар позволил себе маленькую слабость — краткий миг заслуженного торжества. Он с честью вышел из переделки. Его корабль получил повреждения, но не утратил маневренности и боеспособности. Беспокоиться стоило только из-за приближающейся стаи ингибиторов. Машины должны были прибыть через три минуты.

Две тысячи километров, потом тысяча, потом пятьсот. Все ближе. Датчики его корабля выбивались из сил, пытаясь исследовать стаю ингибиторов как единое целое, давая противоречивые оценки расстояния до объекта, а также его размеры

и форму. Но в лучшем случае приборам удавалось сосредоточить свои тщетные старания на самых крупных группах и, основываясь на их характеристиках, скорректировать маскировку корпуса на космическом фоне.

Ремонтуар поправил вектор тяги, потеряв при этом в ускорении, но зато отвернув выброс от непрерывно перемещающихся скоплений неприятельских машин. Обнаружить работу двигателей при помощи известных ему средств было невозможно. Он надеялся, что чувствительность неприятельских датчиков не выходит за обычные рамки, но слишком уж полагаться на это допущение не стоило.

Рой ингибиторов перестроился, неотвратимо приближаясь к нему. Дистанция была еще слишком велика и машины слишком рассеяны в пространстве, чтобы рассчитывать на эффективное применение гипометрического оружия. Ремонтуар решил приберечь его в качестве последнего козыря. Нельзя было исключать, что ингибиторы, несколько раз испытав на себе действие этого новшества, смогут разработать средство защиты. Так уже случалось с другими типами вооружений: раз за разом ингибиторы находили средства защиты от человеческих технологий, в том числе от тех, что предоставила Аура.

Возможно, машины ничего и не изобретали, а просто извлекали все необходимое из битком набитой древней расовой памяти. Такая гипотеза беспокоила Ремонтуара куда больше, чем умение ингибиторов адаптироваться и вооружаться посредством мышления. Если имеешь дело с враждебным разумом, всегда есть надежда превзойти его интеллектуально; существует также шанс, что излишняя самоуверенность или, напротив, чрезмерные сомнения в себе сослужат противнику плохую службу. Но что, если деятельностью ингибиторов руководит не рассудок, а некий древний инстинкт, заархивированная программа противодействия, безынициативный бюрократический аппарат тотального уничтожения?

Галактика очень стара, каких только умников она не повидала на своем веку! Весьма вероятно, что ингибиторы накопили и проанализировали сведения о созданных разумными расами технологиях. И если волки до сих пор не применили эффективные системы защиты и нападения, то лишь потому, что разархивирование — медленный процесс, а сам архив распределен между большими и малыми группами ингибиторов.

Но это лишь означает, что в отдаленной перспективе люди ничего не смогут противопоставить машинам. У человечества нет средств для полной победы, а выигранные бои местного значения его не спасут. Если прогнозировать в галактических масштабах, смотреть за пределы горстки солнечных систем, то человечество обречено.

Впрочем, Аура через свою мать сообщила, что еще не все потеряно. Она дала надежду если не разгромить ингибиторов, то, по крайней мере, выиграть время.

Из разрозненных, спутанных сообщений Ауры удалось понять только жалкие клочки. Лишь изредка сквозь шум помех пробивались краткие осмысленные сигналы, гроздья четких слов.

Хела. Куэйхи. Тени.

Детали большой мозаичной картины, изобразить которую целиком Аура не могла по причине младенческого возраста. Ремонтуару оставалось только экстраполировать, опираясь на эти фрагменты и на сведения, полученные до того, как Скади похитила Ауру и, возможно, погибла вместе с ней. Эти обрывки определенно что-то значили, какими бы бессмысленными ни казались. Между двумя словами соблазнительно проглядывала связь: имена Хела и Куэйхи бередили в памяти Ремонтуара какие-то ассоциации. Но ему ничего не было известно о тенях.

Что же это за тени, почему Аура сочла необходимым сказать о них?

Стая ингибиторов находилась уже совсем близко. Машины перестраивались, образуя вокруг его корабля два рога, черные клещи с просверками фиолетовых молний. Уже угадывались признаки кубической сингонии, обрезные кромки, ступенчатые кривые.

Ремонтуар проверил боевые системы корабля, учел ущерб, полученный в перестрелке с сочленителями. Применять гипометрическую пушку он пока не хотел, да и сомневался, что успеет изготовиться для второго выстрела, прежде чем до него доберутся недобитые ингибиторы.

Впереди заметно увеличилась планета жонглеров образами и паразитов-людей. Некоторое время он не следил за первой стаей машин, но те по-прежнему находились прямо по курсу, уже заныривали в хрупкую биосферу. Половина мира перед

ним была погружена во тьму, другая казалась бусиной из мра морной бирюзы, с крапинами белых облаков и воронками ура ганов.

Ремонтуар решился: он выпустит мины-пузыри.

Через долю секунды в корпусе корабля-трезубца открылись люки. Еще через миг из люков в разные стороны вылетело пол дюжины желтых снарядов величиной с дыню. Тотчас отвер стия исчезли, корпус вновь стал непроницаемым.

Наступила тишина.

Прошла целая секунда, и мины взорвались в четкой хо реографической последовательности. При этом не было осле пительных белых вспышек, поскольку устройства не имели ни инициирующего заряда, ни боевой части с антиматерией. В сущности, их и минами-то называли с большой натяжкой. Там, где срабатывала такая штуковина, образовывался два дцатикилометровый пузырь, как будто мгновенно надувался аэростат заграждения. Поверхность такой сферы была покры та морщинами, как на усохшем плоде, и окрашена в густой пурпур, а еще она имела неприятную склонность спорадиче ски менять радиус и гамму оттенков. Если мины в момент подрыва находились менее чем в двадцати километрах друг от друга, сферы пересекались, создавая космы фиолетовых и па стельно-синих эманаций.

Заключенный внутри мины-пузыря заряд был исключи тельно сложным, практически необъяснимым, как и устрой ство гипометрического оружия. Эти технологии были в чем-то схожи, и сходство позволяло предположить, что они созданы одной расой инопланетян или по крайней мере в один период галактической истории. По мнению Ремонтуара, мины-пузы ри представляли ранний этап разработки затворниками техно логии изменения метрики космоса. Как известно, затворники научились умещать целые звездные системы в малые объемы преобразованного пространства-времени, наделенные к тому же сверхъестественными оборонительными свойствами. При взрыве же мины-пузыря образовывалась нестабильная обо лочка диаметром всего двадцать километров. Через несколько секунд пузырь сдувался, таял в нормальном пространстве-вре мени, исчезал из бытия, разбросав во все стороны экзотиче ские кванты. Там, где только что находилась сфера, в парамет рах континуума оставались крошечные следы стрессового воз действия.

При помощи технологии, полученной от Ауры, невозможно было создать сферу большего диаметра или хотя бы существующую на секунду дольше.

Выпущенные Ремонтуаром пузыри уже схлопывались, пропадали в случайной последовательности.

Он оценил нанесенный противнику урон. Там, где возникли сферы, угодившие в них ингибиторы прекратили существовать. В строю кубических машин появились круглые, математически правильные полости. Там мелькали кривые молнии, их бешеная пляска говорила о боли и ярости, охвативших неприятельскую армию.

«Кто сказал, что нельзя бить лежачего?» — подумал Ремонтуар и мысленно приказал кораблю выпустить оставшиеся мины веером в сторону окружающих его машин.

Однако на этот раз ничего не случилось. На его разум обрушился град сообщений об ошибке: механизм выброса мин, поврежденный в ходе недавнего обстрела, не сработал. Ремонтуару еще повезло, что корабль сумел отправить часть мин.

Ремонтуар впервые позволил себе пережить несколько мгновений ужаса — настоящего, замораживающего в жилах кровь. Запас средств защиты существенно сократился. У корабля не было брони: хоть Аура и предоставила сведения об этой инопланетной технологии, как и о технологии подавления инерции, вблизи укрепленного корпуса гипометрическое оружие работало нестабильно. Броня досталась от личинок; гм-оружие и мины-пузыри — от другой культуры. Увы, совместимость оставляла желать лучшего. Ремонтуар поступился штатными средствами защиты, чтобы вооружиться гипометрической пушкой, но пустить ее в дело до сих пор не решился.

Корабль вздрогнул, выпустив обычные торпеды. Ядерные взрывы испятнали небо. Через имплантаты Ремонтуара пронесся электромагнитный вихрь, разум и поле зрения наполнились мерцающими абстрактными образами.

Но ингибиторы упорно гнались за ним. Он выпустил две ракеты класса «Жало», и они унеслись с ускорением в двести *g* по траекториям перехвата. Безрезультатно: им не удалось даже толком взорваться. Лучевого оружия у Ремонтуара не было, средства противодействия закончились.

Он сохранял полное спокойствие. Если верить опыту, гипометрическая пушка его не спасет, зато даст ингибиторам

шанс узнать принцип своего действия. Он также знал, что волкам еще не удалось захватить ни одной исправной гм-пушки, и нельзя допустить, чтобы это случилось.

Ремонтуар подготовил команду на самоликвидацию, проверил цепь из термоядерных мин, ждущих своего часа в отсеках для инопланетного оружия. Отличный получится взрыв, почти такой же яркий, как та вспышка, что последует за ним, — уничтожающая сочленительский двигатель. Хотя вряд ли этот фейерверк вызовет восторг у зрителей.

Он настроил сознание так, чтобы не испытывать ни страха, ни сожаления по поводу своей гибели. Осталась только слабая досада оттого, что он не сможет узнать о дальнейшем развитии событий. Мысли же о скорой гибели доставляли не больше неудобств, чем нарастающий зуд в носу — скорей бы уж прочихаться. Что ж, подумал он, судьба сочленителя дает кое-какие преимущества.

Он уже был готов отдать команду, как вдруг ситуация изменилась. Недобитые волки рванули прочь, понеслись с возрастающей скоростью. Датчики корабля Ремонтуара уловили движение больших масс и выстрелы позади стаи машин. Это взорвались пузыри, но оставленные ими сигнатуры в метрике космоса отличались от следов его торпед. Затем в ход пошли боеголовки с антиматерией и обычные термоядерные, пронеслись ракеты, чертя пространство струями выбросов, и наконец полыхнул мощнейший взрыв, — должно быть, сработал пробойник планетарной коры.

В обычных условиях эта атака вряд ли могла увенчаться успехом, но Ремонтуар ослабил ингибиторов своими торпедами. Детектор массы определил присутствие одного малого корабля, по всем параметрам соответствующего корвету класса «Мурена».

Ремонтуар догадался, что это тот самый корабль, который он пощадил. Сочленители вернулись, а может быть, следовали за ним на расстоянии. Теперь они делали все возможное, чтобы отвлечь от Ремонтуара ингибиторов. Он нисколько не сомневался, что атака корвета — чистое самоубийство: у этих сочленителей нет шансов добраться живыми до своих. Но они решили помочь Ремонтуару, хоть он и отказался передать гипометрическое оружие, и даже вступил с ними в бой. Типично сочленительская логика, отметил он. Стремительная под-

стройка под обстоятельства, смена тактики в последнюю минуту. Любые меры оправданны, если они несут выгоду Материнскому Гнезду. Сомнение, сожаление, стыд — все это чуждые для сочленителей понятия.

Они пытались торговаться с Ремонтуаром, а когда тот не пошел на уступки, решили применить силу — и получили показательную порку. Ремонтуар мог легко уничтожить их, но пощадил. И что же, теперь его пытаются отблагодарить? Скорее всего, дело тут не в благородстве, подумал он. Самоотверженный приход на помощь предназначен для тех, кто следит за боем, для союзников Ремонтуара и других сочленительских фракций: пусть видят, как герои принесли себя в жертву, пусть убедятся в чистоте их помыслов. Двадцать восемь тысяч попыток начать переговоры не дали плодов, но этот красивый жест, возможно, сдвинет дело с мертвой точки.

Впрочем, сейчас Ремонтуару было не до раздумий на эту тему. Имелись дела поважнее.

Его корабль вырвался из объема пространства, где ингибиторы сцепились с сочленителями Скади. За кормой бушевали чудовищные силы, сокрушая физику космоса, норовя ее снести до самых основ. Небо залилось сиянием невероятной интенсивности; Ремонтуар готов был поклясться, что черный корпус корабля не стал препятствием для этого света.

Он сосредоточил внимание на новой стае ингибиторов, которая уже почти достигла планеты. При максимальном увеличении увидел, как черная масса снизилась в нескольких часах от теневой границы планеты и зависла над поверхностью. Волки что-то затевали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Хела, год 2727-й

Куэйхи находился в своей мансарде один, если не считать резного скафандра. И не слышал иных звуков, кроме собственного дыхания и голоса отзывчивого ложа. Жалюзи были полуопущены, пол расчерчен на параллельные полосы свирепым алым светом.

Он мог чувствовать — только потому, что научился этому, — слабейшую боковую и продольную качку движущейся

вперед по Вечному Пути «Пресвятой Морвенны». Эти движения нисколько не раздражали его, скорее придавали уверенности. В тот самый миг, когда собор станет намертво, Куэйхи поймет: они упустили из виду Халдору. Но собор не останавливался вот уже больше века, разве что на несколько часов для починки реактора. Все это время, увеличив свой размер и вес сначала в два, а потом и в четыре раза, он двигался по поверхности спутника с неизменной скоростью, чтобы газовый гигант всегда оставался над крышей, как можно ближе к зениту, и зеркала могли направлять изображение планеты в лицо настоятеля, в его навеки раскрытые, возведенные горе очи. Никакой другой собор не мог похвастаться таким достижением: ближайший соперник «Пресвятой Морвенны», «Железная леди» пятьдесят девять лет назад остановилась на целый оборот. Триста двадцать дней «Железная леди» ждала, пока остальные соборы не догонят ее и не пройдут мимо, — и по прошествии *шестидесяти лет позор все еще лежит на ней тяжким грузом.* Все соборы, включая «Пресвятую Морвенну», обзавелись витражным окном в память об этом унижении.

Ложе приблизилось к западному окну, немного наклонилось, чтобы обеспечить хозяину лучший вид. Стоило Куэйхи пошевелиться, и зеркала вокруг тоже приходили в движение, сохраняя в поле зрения Халдору. Не важно, в каком положении Куэйхи устанавливал койку: Халдора всегда доминировала в зеркалах. Настоятель видел ее, даже отраженную многократно; свет ломался под прямым углом, снова и снова поворачивал; ахроматические линзы увеличивали и уменьшали изображение. Но это был настоящий облик Халдоры, а не вторичное или третичное изображение на экране.

И этот облик не оставался неизменным. Прежде всего, в течение сорокачетырехчасового цикла сокращалась площадь освещаемой поверхности газового гиганта, вплоть до того, что оставался узкий месяц на краю охваченной бурями ночной стороны. Но и в пределах любой конкретной фазы сочетания света и теней не повторялись никогда. Этого было достаточно, чтобы Куэйхи не казалось, будто от продолжительного наблюдения образ планеты впечатался в его мозг.

Разумеется, он видел не только это. Халдору окружала темно-серебристая кольцевая тень, а чуть дальше, уже размытое до неразличимости, находилось ее ближайшее окружение. Куэйхи мог смотреть в сторону, оставляя Халдору на периферии

зрения, поскольку зеркала фокусировали изображение на всем глазу, а не только на зрачке. Но Куэйхи проделывал такое не слишком часто — боялся, что исчезновение произойдет в тот миг, когда его внимание будет сосредоточено на планете не полностью.

Но он научился пользоваться периферийным зрением, даже глядя прямо на Халдору. Настоятель поражался способности своего разума заполнять пробелы, восстанавливать детали, которые глазу не удавалось различить. Не раз и не два Куэйхи думал о том, что если бы люди в полной мере осознали, насколько фальшив их мир — как велика доля не воспринятого непосредственно органами чувств, а скроенного из интерполяций, догадок, воспоминаний, фантазий, — то они немедленно сошли бы с ума.

Он взглянул на Путь. На востоке, куда направлялась «Пресвятая Морвенна», горизонт явственно мерцал. Это были северные отроги Гор Гулльвейг, самой большой гряды в южном полушарии Хелы и крупнейшего геоморфологического образования из тех, что собору предстояло пересечь перед относительно легко проходимыми Плоскогорьями Ярнаксы и примыкающим к ним отрезком пути до Лестницы Дьявола. Маршрут пролегал через северные подножия Гор Гулльвейг, вился по ущельям с высокими крутыми стенами. Как следовало из донесения, в одном из этих ущелий случился ледопад. Обширный, высотой в сотню метров, завал целиком перегородил Путь. Куэйхи лично переговорил с начальником бригады чистильщиков, которого звали Уайатт Бенджамин. В результате давнишнего, уже забытого несчастного случая этот техник потерял ногу.

— Я считаю, это диверсия, — сказал Бенджамин. — Во время предыдущего перехода в стену была заложена дюжина шашек с часовым механизмом. Какой-то собор не выдерживает общего темпа, вот и пытается притормозить остальных.

— Слишком серьезное обвинение, чтобы его оглашать, — ответил Куэйхи таким тоном, словно у него самого никак не могло возникнуть подобное подозрение. — Но ты, возможно, прав, как ни печально это признавать.

— Диверсия, точно.

— Сейчас важнее другое: кто расчистит дорогу в ущелье? Нужно это сделать самое большее за десять дней — прежде чем мы пойдем к горам.

Уайатт Бенджамин кивнул:

— Пока мы будем там работать, собору лучше держаться подальше.

— Это еще почему?

— Потому что одними лопатами не обойтись.

Куэйхи прекрасно понял, что имеет в виду бригадир:

— Помнишь, как три или четыре года назад в этих широтах случился ледопад? Как раз возле Хмурого Перекрестка? На сколько я знаю, завал тогда убрали при помощи стандартной техники. И гораздо быстрее, чем за десять дней.

— Мы и здесь бы управились быстрее, — сказал на это Бенджамин. — Беда в том, что в нашем распоряжении только половина обычного парка и людей.

— Странно слышать, — хмыкнул Куэйхи. — А что случилось со второй половиной?

— Да ничего. Машины и персонал у меня забрали. Не спрашивайте, куда их отослали и зачем. Я занимаюсь только Вечным Путем. Вроде вы должны быть в курсе того, что имеет отношение к Часовой Башне.

— Возможно, я в курсе, — проговорил Куэйхи. — Но скорее всего, дело не настолько важное, чтобы решения принимала Часовая Башня. Вероятно, какой-то департамент обнаружил на Пути проблему, которую в прошлый раз забыли устранить, и решил подсуетиться, пока другие не заметили.

— Вообще-то, мы заметили, — сказал Бенджамин.

Версия Куэйхи была невнятной и шитой белыми нитками, но бригадир не стал спорить.

— Значит, мы должны найти другой способ расчистки завала, — продолжал настоятель.

— Похоже на то, — кивнул Бенджамин.

— Божественный Пламень! — с благоговением проговорил Куэйхи.

— Если другого средства нет, используем Божественный Пламень. Не зря же мы возим его с собой.

— Ядерные заряды должны применяться только в самых крайних случаях, — предостерегающим тоном произнес Куэйхи. — Ты уверен, что обычными средствами этот завал не убрать?

— За десять дней, при нехватке людей и техники? Ни единого шанса.

— Тогда пусть будет Божественный Пламень. — Куэйхи сложил колоколом сухонькие пальцы. — Извести по обычным каналам другие соборы. Мы берем расчистку этого завала на себя. Остальные пусть следуют позади, на безопасном расстоянии, если только с прошлого раза они не усилили броню.

— Да, иначе никак, — согласился Уайатт Бенджамин.

Куэйхи положил руку ему на плечо:

— Все в порядке. Чему быть, того не миновать. Бог все видит и знает.

Куэйхи оторвался от воспоминаний и улыбнулся. Начальник службы расчистки Вечного Пути ушел, чтобы заняться не очень-то привычным и любимым делом — закладкой термоядерных взрывных устройств. Настоятель остался в компании Пути, резного скафандра и далекого заманчивого мерцания Гор Гулльвейг.

— Это ты устроил обвал?

Куэйхи повернулся к резному скафандру:

— Кто позволил вам говорить?

— Никто..

Настоятель усилием воли заставил себя сбавить тон, чтобы не выдать накатившего страха.

— Но вы не должны говорить, пока я не обеспечу такую возможность.

— Вот тут ты ошибаешься. — Голос был слабым, тонким: исходил он из плохонького динамика, приваренного к затылку резного скафандра, чтобы не попадаться на глаза непосвященным гостям. — Мы слышим все, Куэйхи, и говорим тогда, когда считаем нужным.

Но это просто невозможно. Динамик не способен заработать, пока Куэйхи его не включит.

— Как вам это удалось?

Казалось, что обладатель голоса, похожего на звучание грошового деревянного духового инструмента, насмехается над собеседником.

— Это только начало, Куэйхи. Поверь, мы выберемся из любой твоей клетки.

— Тогда мне остается одно — уничтожить вас.

— Ты на такое не способен. Да это и ни к чему. Мы не враги тебе, Куэйхи. Давно уже пора это понять. Мы здесь для того, чтобы помочь. А в ответ попросим о небольшой услуге.

— Вы демоны. А с демонами у меня не может быть никаких дел.

— Мы не демоны, Куэйхи, просто тени. Точно так же, как ты тень для нас.

Они уже говорили об этом. Многократно.

— У меня есть средства, чтобы вас уничтожить, — пригрозил настоятель.

— Ну и почему же ты до сих пор этого не сделал?

Ответ был в его голове, тот же, что и всегда: тени могут быть полезны. И пока еще он способен с ними справиться. И того, что произойдет после их уничтожения, он боится сильнее, чем деятельности живых. А еще там, откуда пришли эти тени, есть и другие, имя им — легион.

— Вы знаете почему, — ответил он, кривясь от того, как жалко звучал его голос.

— Исчезновения учащаются, — ответил за него резной скафандр. — Ты ведь понимаешь, что это означает?

— Это означает, что приближается Конец Времен, — ответил Куэйхи. — Ни больше ни меньше.

— Это означает, что маскировка рушится. Это означает, что технику скоро увидят все.

— Нет никакой техники.

— Ты же сам ее видел, Куэйхи. И другие тоже увидят, когда процесс достигнет кульминации. И рано или поздно кто-нибудь согласится иметь с нами дело. Так зачем ждать, Куэйхи? Почему бы не заключить сделку сегодня, сейчас, на лучших для тебя условиях?

— Никаких сделок с бесами!

— Мы лишь тени, — снова повторил резной скафандр. — Просто тени, чей шепот доносится через разделяющую нас пропасть. Помоги нам перейти эту пропасть, и мы поможем тебе.

— Нет, этому не бывать. Никогда!

— Надвигается катастрофа, Куэйхи. Свидетельства тому уже есть. Ты сам видел беженцев, слышал от них о машинах, возникающих из тьмы, из космической стужи. Это средства тотального уничтожения. Такое уже происходило в нашей Вселенной. Вам не справиться с машинами без нашей помощи.

— Господь не оставит нас, — ответил Куэйхи.

Его глаза увлажнились, образ Халдоры затуманили слезы.

— Бога нет, — сказал скафандр. — Есть только мы, а наше терпение не безгранично.

Наступила тишина — на сегодня все было сказано. Куэйхи остался наедине со своими слезами.

— Божественный Пламень, — прошептал он.

Арарат, год 2675-й

Повесив легкий, но объемный инкубатор на руку, Васко пробирался по лабиринту из ледяных игл, через уже достаточно расчищенный проход. Лед вокруг него скрипел и трескался, инкубатор то и дело задевал препятствия. Скорпион приказал не спешить с возвращением на борт разбитого корвета, но Васко понимал, что свинья просто пытается избавить его от страшного зрелища. Малинин еще раз связался с Кровью, рассказал Эртон о том, что происходит в айсберге, забрал инкубатор и вернулся так быстро, как мог.

Но, оказавшись перед пробоиной в борту корвета, он уже знал: все кончено.

К этому времени музыка успела смолкнуть. Сверху лился свет — кто-то пробил в ледяном потолке широкое, в метр, отверстие. Под ним стоял Скорпион, очень резко очерченный светом, словно персонаж ксилографии кьяроскуро. Свинья глядел вниз, вжав глыбу головы в квадратные плечи. Глаза были закрыты, покрытый редкой шерстью лоб казался сизым в столбе пыльного света. Скорпион что-то держал в руке, ледяной пол вокруг него был запятнан красным.

— Сэр? — спросил Васко.

— Все кончено, — отозвался Скорпион.

— Мне очень жаль, что вам пришлось это сделать, сэр.

Глаза — прозрачные, розовые от прилившей крови — взглянули на Малинина. У Скорпиона дрожали руки. Когда он заговорил, его ясный, совсем человеческий голос звучал тихо, как у призрака, теряющего связь с миром живых.

— Все же не так жаль, как мне.

— Вам следовало попросить меня, я бы все сделал.

— Я не должен был просить тебя, — проговорил Скорпион. — Я не мог просить об этом никого.

Васко подыскивал слова. Хотелось узнать у Скорпиона, позволила ли ему Скади хоть каплю милосердия? Избавила ли Клавэйна от приготовленной для него долгой смерти? И если на несколько минут она сократила невероятную, невыносимую муку, можно ли назвать это милосердием?

Но он вовсе не был уверен, что хочет получить ответ.

— Я принес инкубатор, сэр. Если ребенок...

— С Аурой все в порядке. Она с матерью.

— А Скади, сэр?

— Мертва, — ответил Скорпион. — Скади знала, что для нее все кончено. — Голос свиньи звучал глухо, без тени чувства. — Она отдала все ресурсы своего организма для сохранения жизни Ауры. Когда мы вскрыли Скади, в ней почти ничего не оставалось.

— Ей так было нужно, чтобы Аура осталась в живых? — спросил Васко.

— Ей был нужен козырь на случай нашего с Клавэйном появления.

Васко поднял легкий пластиковый футляр, словно сомневался, что Скорпион услышал его слова.

— Инкубатор, сэр. Нужно быстрее положить туда ребенка.

Скорпион наклонился и вытер скальпель о лед. Лезвие оставило красные следы, похожие на радужку глаза. Васко решил, что свинья собирается выбросить скальпель, но тот положил инструмент в карман.

— О ребенке позаботятся Жакоте и Хоури, — сказал Скорпион. — А мы с тобой займемся Клавэйном.

— Сэр?

— Выполним последнее желание. Старик просил похоронить его в море.

Скорпион повернулся и сделал шаг прочь от корабля.

— Думаю, он заслужил такую малость.

— Это были его последние слова, сэр?

Скорпион снова повернулся к Васко и, наклонив голову, долго, с минуту, смотрел в лицо. Малинин понял, что его снова оценивают, и снова при этом возникло тяжелое чувство. Чего от него хотят эти чудовища из прошлого? Почему им надо, чтобы он жил дальше?

— Нет, это были не последние его слова, — тихо ответил Скорпион.

Они положили мешок с телом на краю «юбки» айсберга. Васко приходилось напоминать себе, что еще только середина утра: небо было влажно-серым, затянутым тучами от горизонта до горизонта, — казалось, вершина айсберга царапает мрачный свод. Несколькими километрами мористее на этом своде четко выделялось пятно, этакий недобрый черный глаз. Казалось, пятно движется против ветра, словно высматривает что-то внизу. На горизонте молнии прочерчивали хромовые линии по червленому небесному серебру. В отдалении тяжелыми струями падал дождь.

Море вокруг айсберга медленно вздымалось мрачно-серыми горбами. Его поверхность, куда ни глянь, была испещрена маслянистыми движущимися фантомами цвета морской волны. Васко уже видел это раньше: фантомы поднимались над поверхностью и исчезали так быстро, что взгляд не успевал сосредоточиться на них. Казалось, огромная стая китоподобных существ собирается вокруг айсберга, показывая ему спины. Фантомы вздымались и переворачивались среди волн и летящей пены. Они сливались и разделялись, плавали кругами и ныряли; их форму и величину невозможно было определить. Это были не животные, а колонии слаженно действующих микроорганизмов.

Васко заметил, что Скорпион смотрит в море. На лице свиньи появилось выражение, которого не было раньше. Малинин подумал, что это, возможно, тревога.

— Что-то происходит? — спросил он.

— Надо отплыть от айсберга и похоронить Клавэйна в море, — сказал Скорпион. — Лодки продержатся еще несколько часов. Помоги переложить его в лодку.

— Сэр, нам нужно торопиться.

— Думаешь, спешка хоть что-то изменит?

— Сэр, судя по тому, что вы говорили, Клавэйн считал это немаловажным.

Они перенесли мешок на ближайшую лодку. При дневном свете ее борта выглядели не такими чистыми, какими запомнились Васко. Темный гладкий металл покрылся пятнами свежей коррозии. Некоторые язвины были такими глубокими, что в них помещался палец. Работая, Васко ударился коленом, и от борта отвалились куски ржавчины.

Малинин и Скорпион забрались в лодку. Эртон, оставшаяся на краю айсберга, сильным толчком помогла им отчалить.

Свинья запустил мотор. Забурлила вода, и лодка медленно дви нулась обратно по промоине, которую сама же недавно и про торила.

— Подождите.

Васко обернулся на голос. Жакоте выбрался из айсберга. У него на поясе висел инкубатор, судя по виду отяжелевший.

— В чем дело? — крикнул Скорпион, заглушив мотор.

— Мы должны уйти все вместе.

— Еще никто не уходит.

— Ребенку нужны постоянный присмотр и медицинская помощь. Мы обязаны как можно скорее доставить девочку на материк.

— Так и будет. Разве ты не слышал, что сказал Васко? Шаттл уже в пути. Сидите тихо, и все будет в порядке.

— В такую погоду самолет может добираться несколько часов, а айсберг ненадежен.

Васко почувствовал, что Скорпион разозлился. Даже зуд пошел по коже, как от сильного статического заряда.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю, сэр, уйти всем на двух лодках, так же как пришли. Пойдем на юг, самолет найдет нас по маячку. И время сбережем, и не нужно будет бояться, что эта льдина развалится под нами.

— Пожалуй, он прав, сэр, — сказал Васко.

— Тебя кто спрашивает?! — рявкнул Скорпион.

— Никто, сэр, но я думал, что право голоса есть у каждого участника этого...

— Малинин, ты здесь ни в чем не участвуешь.

— Клавэйн считал иначе.

Васко испугался, что свинья убьет его на месте. Чтобы не выдать страха, он повернулся к темному зраку в облаках. Пятно успело приблизиться и меньше чем в километре от айсберга потянулось вниз, словно пытаясь клюнуть море. Торнадо, внезапно понял Васко. Только этого им и не хватало!

Скорпион только что-то рыкнул в ответ и снова запустил двигатель:

— Ты плывешь со мной? Если нет, то вылезай из лодки и жди на льду с остальными.

— Я с вами, сэр, — ответил Васко. — Просто не понимаю, в чем не прав Жакоте. Мы можем отплыть на двух лодках и похоронить Клавэйна по пути.

— Убирайся.

— Сэр?

— Я сказал, убирайся. Мне некогда болтать.

Васко открыл рот, собираясь что-то сказать. Впоследствии он никак не мог вспомнить, что именно собирался сказать свинье в тот момент. Должно быть, уже понял, что перешел черту и теперь любые доводы и уговоры бесполезны.

Скорпион двигался со скоростью молнии. Отвернувшись от пульта, он обеими руками толкнул Васко в грудь. Падая на борт, тот почувствовал, как корродированный металл крошится под ним, словно шоколад. Потом Малинин проломил такую же тонкую и хрупкую кромку льда и очутился в воде — точно охлажденный в космическом вакууме поршень прошел по его позвоночнику. Дыхание остановилось, Васко не мог позвать на помощь или нащупать опору. Он не мог даже вспомнить, как его зовут и что смерть в ледяной воде не самая страшная.

Он видел, как лодка уходит в море, как Жакоте опускает инкубатор на лед, как из-за спины офицера появляется Хоури и они вдвоем идут на выручку, ступая быстро, но осторожно.

Над Малининым висело небо сизого, как у обнаженного мозга, цвета, с единственным чернильным пятном глаза бури. Темный хоботок уже почти дотянулся до моря. Воронка загибалась в сторону, к айсбергу.

Лодка с выключенным мотором покачивалась на волне высотой в метр, и вокруг была уже не вода, а густой суп из серо-зеленой органики. Пятно простиралось во все стороны на много десятков метров, и наиболее плотным скопление было в центре, именно там, где остановился Скорпион. Дальше была угольно-черная, относительно чистая вода, еще дальше виднелось несколько островков жонглеров образами. Среди пены и воды мелькали толстые щупальцеподобные образования. Они вздымались и опадали, временами двигаясь с медленной, зловещей целеустремленностью хватательных конечностей.

Скорпион поискал в лодке, чем бы обвязать лицо. Вонь уже ввинчивалась в его сознание. Люди называли этот запах гниющих помоев, канализации, компостной ямы неприятным, в крайнем случае дурным. Для свиней же он был совершенно невыносимым.

Он снял чехол с медицинского чемоданчика и дважды обернул им лицо. Глаза не закрыл — их щипало, слезы лились непрерывно, но с этим он ничего не мог поделать.

Скорпион встал, рискуя полететь за борт, и кое-как поднял на руки мешок с трупом. Ярость, с которой он вытолкнул за борт Васко, отняла последние силы. Теперь покойник казался даже не в два, а в три раза тяжелее, чем был на самом деле. Ухватив мешок копытами, Скорпион потащил его к корме. Под тяжестью двух тел, находящихся у одного борта, лодка могла зачерпнуть воду и пойти ко дну, но, если спускать груз с носа или кормы, ничего не случится.

Скорпион поскользнулся и рухнул навзничь, а мешок с телом шлепнулся на дно лодки.

Свинья утер слезы, но лучше от этого не стало. Воздух загустел от микроорганизмов, над морем колыхалась зеленоватая мгла. Необходимо было взять себя в руки.

Он снова встал и вдруг заметил опускающийся к морю темный хобот. Скорпион взялся за мешок и поволок к корме. У лодки, точно стая потревоженных морских змей, вились призрачные существа, бутылочно-зеленые фигуры возникали и распадались, будто по прихоти безумного скульптора. Когда свинья глядел прямо на них, контуры подводных жителей казались бессмысленными, но подсознание замечало детали чужеродной анатомии: необычные сочленения органов, фантасмагорические лица и туловища, кривые разинутые рты, грозди глаз, взирающих на него с нелепым осуждением, распахнутые веером четкие крылья. То и дело из зеленой каши выныривали рога и когти, на мгновение застывали, чтобы тут же кануть в бесформенное ничто. Непрерывные изменения биомассы жонглеров сопровождались их бульканьем, а также посвистом влажного и теплого ветра.

Скорпион повернулся так, чтобы мешок лег между ним и кормой. Наклонившись над Клавэйном, взял его за плечи, поднял и взвалил на заднюю банку. Заморгал, пытаясь сосредоточиться. Вокруг лодки продолжалось зеленое кружение.

— Прости, — проговорил он.

Это должно было случиться иначе. Скорпион не раз представлял себе смерть Клавэйна. Допуская, что сам проживет достаточно долго, чтобы стать тому свидетелем, он воображал похороны друга в торжественной обстановке, при горящих фа-

келах и огромном скоплении людей. По его убеждению, Клавэйн должен был умереть тихо и легко, в столице колонии, среди ближайших друзей. На худой конец, совершив подвиг, может быть тысячный в своей жизни, он бы лежал, прижав ладонь к маленькой, на вид пустяковой ране. С серым, как осеннее небо, лицом, едва дышащий, он пробыл бы в сознании достаточно долго, чтобы прошептать напутствия Скорпиону и другим — тем, кто пойдет дальше без него.

Это была бы достойная смерть, хорошее завершение праведного пути. А печальные и торжественные похороны — именно то, о чем можно рассказывать грядущим поколениям.

Но вышло совсем не так.

Скорпиону не хотелось размышлять о том, что лежит в мешке, как и о том, что он совершил. Он не желал вспоминать медленную и мучительную смерть Клавэйна, которая стала таковой его, Скорпиона, стараниями. Даже оказаться простым очевидцем казни на айсберге — это было бы ужасно. Думая же об исполненной им роли палача, Скорпион почувствовал: в душе у него что-то умерло.

— Не допущу, чтобы они погибли, — проговорил он. — В твое отсутствие я всегда старался поступать так, как поступил бы ты. Это вовсе не потому, что возомнил себя равным тебе. Знаю, мне с тобой никогда не сравняться. Я с трудом вижу чуть дальше собственного носа. Много раз говорил тебе и сейчас повторю: парни вроде меня годятся только в исполнители.

Глаза жгло. Скорпион подумал о горькой иронии этих своих слов.

— Что ж, наверное, так и должно было закончиться. Прости, Невил. Ты заслуживал лучшего. Ты всегда был смелым человеком и никогда не шел наперекор совести, чем бы это тебе ни грозило.

Скорпион замолчал и глубоко вздохнул, чувствуя себя немного странно оттого, что разговаривает с покойником. Он никогда не умел говорить важно и торжественно. На его месте Клавэйн справился бы куда лучше. Но Скорпион сидел в лодке, а мертвый Клавэйн лежал в мешке.

Скорпиону не оставалось ничего другого, как сделать, пусть и коряво, то, что было в его силах. Бóльшую часть жизни он так и поступал.

Клавэйн простит, подумал он.

— Сейчас я опущу тебя в море, — проговорил Скорпион. - Надеюсь, ты хотел именно этого, дружище. И надеюсь, там ты найдешь то, что искал.

Упав в пятно биомассы, мешок мгновенно исчез. И тотчас движение жонглеров вокруг лодки ускорилось. Хоровод абсурдных силуэтов закружился еще неистовее, приближаясь к пику бешеной активности.

В небе рыщущий хобот вытянулся почти горизонтально, определенно нацелившись на айсберг. Кончик уже не имел цилиндрического сечения, он разделялся на черные пальцы, которые тоже росли, и ветвились, и гнулись, и хватали воздух.

Задача была выполнена, большего Скорпион сделать не мог. Он еще раз взглянул на резвящиеся силуэты жонглеров образами и вздрогнул — ему почудилась среди бесчисленных образов пара женских лиц.

Они были поразительно похожи, но одно казалось более взрослым, строгим, печальным и умудренным. Словно его обладательница слишком многое повидала и поняла — больше, чем вмещает одна человеческая жизнь. В течение краткого мига две незнакомки, неподвижные, словно статуи, смотрели на свинью, потом растворились в мерцающей подвижной гуще.

Островок биомассы начал распадаться. Непрерывно меняющаяся стена образов осела, развалилась на несколько частей и ушла в глубину. Одновременно едкие миазмы утратили свою агрессивность. Возможно, это означало, что его дело сделано. Однако в небе над головой Скорпиона черное нечто продолжало тянуть свои ветвящиеся пальцы к айсбергу.

Нет, его работа еще не закончена.

Скорпион развернул лодку. Когда он добрался до айсберга, вторая лодка уже была на плаву, просев под тяжестью Хоури, Васко, инкубатора и двух офицеров СБ. Люди скорчились в три погибели под дождем. Затишье, наступившее после того, как тело Клавэйна было предано океану, закончилось, жонглеры удвоили активность. Скорпион был уверен, что она связана с черным торнадо в небе, тянущим свои ветви к морю. Аборигенам не нравились гости из космоса, от их близости жонглеры теряли покой — так ведет себя колония мелких зверьков, почуяв близость змеи.

Скорпиона не удивляло поведение биомассы: сам он никогда прежде не видел здесь такого погодного явления. Это не был торнадо или морской смерч. Теперь, когда черный многорукий монстр завис точно над головами людей, его искусственная природа стала до омерзения очевидна. Весь «смерч» — от толстого ствола, спускающегося из густых облаков, до разделяющихся нижних отростков — состоял из тех же черных кубических элементов, которые они видели в корабле Скади. Это были ингибиторы, волки, машины-убийцы — да как ни называй. Невозможно было представить, сколько их скопилось в вышине, укрылось в облачной завесе. Возможно, ствол спускался из самого космоса, пронизывая всю атмосферу Арарата.

Один вид этой мглы вызывал у Скорпиона тошноту. Чернота была в корне неправильной.

Свинья взял курс на другую лодку. После того как с погребением Клавэйна было покончено, у Скорпиона прояснилось в голове. Возможно, не следовало оставлять спутников на айсберге, ведь они с трудом могли уместиться в одной лодке, но он не хотел, чтобы ему мешали похоронить друга. Возможно, это было эгоистично, но ведь резал он, а не кто-то другой.

— Держитесь, — сказал Скорпион в передатчик. — Я сейчас подойду и возьму у вас груз.

— И что потом? — спросил Васко, со страхом глядя вверх, на мглу, заполонившую уже почти полнеба.

— Потом удирайте во все лопатки.

Внимание мглы было сосредоточено на айсберге. Медленным сильным движением она выпустила щупальце, коснулась его вершины, и от той во все стороны полетели куски льда. Машины, разделяясь на щупальца помельче, проникали внутрь. Наверное, сказал себе Скорпион, ингибиторы чуют себе подобных внутри корвета, мертвых или обездвиженных. Они хотят соединиться с собратьями. Но причина могла быть и совсем иной.

Айсберг задрожал. Море отреагировало на это движение, от ледяной «юбки» во все стороны пошли медленные низкие волны. В глубине льдины раздался резкий хруст, будто там кому-то ломали кости. Снаружи по льду поползли трещины, открыв кружевную внутренность сказочных цветов: розового, голубого, коричневого.

Потом через щели наружу полезли черные машины. Из айсберга выныривали десятки щупалец, они скручивались кольцами, извивались, ветвились, нюхали воздух, упорно продвигались вперед.

Лодка Скорпиона ткнулась носом в борт другой лодки.

— Давайте инкубатор! — закричал он, чтобы перекрыть вой мотора.

Поднявшись, Васко наклонился, оперся рукой о плечо Скорпиона. Парень был бледен, мокрые волосы облепили голову.

— Вы вернулись, — проговорил он.

— Ситуация изменилась, — ответил Скорпион.

Свинья взял инкубатор, чувствуя тяжесть ребенка, и опустил на дно своей лодки, для надежности прижав ногами.

— Теперь Хоури. — Он протянул женщине руку.

Ана перебралась в его лодку, и та изрядно просела. Хоури посмотрела Скорпиону в глаза, — казалось, она хочет что-то произнести. Но свинья не дал ей открыть рта, снова повернувшись к Васко.

— Давайте за мной! — приказал он. — Тут нельзя задерживаться ни на секунду.

Айсберг трещал и рассыпался под напором лезущей изнутри массы. Черные машины теперь змеились по льду, вздымаясь чудовищными волнами. И непрерывно извергались все новые скопища ингибиторов; мгла колыхалась и корчилась. От стен айсберга уже отваливались куски величиной с дом. Скорпион дал полный ход, рассекая волны; он был не в силах оторвать взгляда от творившегося за кормой. Огромные глыбы льда с грохотом рушились в воду, вздымая тучи брызг. Теперь была видна жуткая путаница щупалец, кишащих вокруг разбитого корвета. И вот уже ничего не осталось от айсберга — только вырастивший его корабль.

Машины подняли корабль в воздух. Черные ленты протискивались в пробоины в корпусе, их движения были осторожны и разумны, даже выжидательны — так снимают последний лист обертки с подарка.

Вторая лодка отставала — с тремя пассажирами на борту она была тяжелее и шла медленнее.

Корвет развалился на черные остроконечные куски; все они, вплоть до малейшего, висели в воздухе. Кольца и дуги абсолютной черноты кружили вокруг останков корабля.

«Они что-то ищут», — догадался Скорпион.

Внезапно щупальца ослабили хватку, вместе со своими отростками суетливо отпрянули. Слои черных кубов скользили друг по дружке, разбухая и сокращаясь с тошнотворной слаженностью. Скорпиону удавалось разглядеть подробности только по краям, там, где машины встречались с серым фоном неба.

Фрагменты корвета дружно, с громким плеском рухнули в море.

Но ингибиторы уронили не все: крохотный белый звездообразный предмет нелепо висел в воздухе. Скади, понял Скорпион. Машины отыскали ее среди обломков, обвили ей щупальцем талию, а другой отросток, потоньше, погрузили в голову. Они допрашивали труп, копировали нейронные структуры.

Возможно, на мгновение она даже ожила по их воле.

Вдруг машины направили часть щупалец в сторону уплывающих лодок. У Скорпиона мучительно сжался желудок: нормальная инстинктивная реакция организма на приближение лютого хищника. Убраться как можно дальше! Он попытался ускорить ход лодки, но та шла на пределе мощности.

Свинья заметил движение в другой лодке: блеснул обращенный к небу ствол. В следующий миг слепящая розоватая молния, вылетевшая из бозера, осветила серые тучи. Луч хлестал по нависающей массе инопланетной механики. Он должен был пронзить черную тучу и ударить в облачный покров. Но вместо этого молния изогнулась, словно пожарный шланг, обойдя щупальца ингибиторов.

Васко продолжал вести огонь, но луч отклонялся от любой точки, где мог нанести врагу урон.

Толстый черный хобот приблизился. С неба свисали меньшие отростки, многорукие; это было похоже на перевернутый подсвечник.

Ингибиторы нацелились на вторую лодку.

Пушка замолчала. Скорпион услышал треск выстрелов из ручного оружия.

Но это никак не могло изменить исход дела.

Внезапно по барабанным перепонкам ударила острейшая боль. В тот же миг повсюду вокруг море поднялось на три-четыре метра, словно небо тянуло его к себе гигантским пыле-

сосом. Раскатился гром — свинья отродясь не слышал такого грохота. Он взглянул наверх, зажимая оглохшие уши, и увидел нечто, вернее, отсутствие чего бы то ни было — просуществовавший лишь долю секунды шар пустоты, еле видимая граница между воздухом и областью его отсутствия. Шар исчез почти в то же мгновение, но оставил боль в ушах и ощущение втягивания.

Через несколько секунд все повторилось.

На сей раз шар возник точно посреди зависшей над лодкой черной тучи ингибиторов. Огромный бесформенный комок рухнул в море, оторванный от основной массы, а та просто прекратила свое существование. Впечатление было такое, будто внутри огромной сферической области над головой Скорпиона все исчезло в мгновение ока — не только воздух, но и висящие в нем черные машины. Щупальца, что росли из уцелевшего комка, дико хлестали и корчились даже в падении. По мере приближения к воде они двигались уже не так неистово и все же не выказывали намерения совсем униться. Вот они погрузились, затем всплыли, продолжая извиваться и хлестать море вокруг своего «туловища».

Хоури наклонилась к Скорпиону, ее губы шевелились, но рев крови в его ушах заглушал все звуки. Однако не прочитать по губам четыре слога было невозможно: «Ре-мон-ту-ар».

Скорпион кивнул. Объяснения были не нужны, хватало того, что он видел, и самого факта вмешательства.

— Спасибо, Рем, — прошептал он; казалось, собственный голос доносится из-под воды.

Вокруг плавающих на поверхности и бьющихся черных щупалец уже собиралась серо-зеленая масса жонглеров образами. Над головой мглистый столб потянулся обратно в облачное одеяло, все еще сохраняя круглые полости в своем теле. Скорпион думал об упавших в море ингибиторах — хватит ли им сил, чтобы справиться с жонглерами и снова наброситься на лодки, — когда сферический, стометрового диаметра кусок моря исчез вместе с туземными организмами и инопланетными машинами. На глазах у Скорпиона море зависло над ямой, словно какое-то мгновение не желало мириться с отсутствием своей части, отобранной неведомыми силами. Потом оно рванулось вперед, и в небо поднялась башня грязной зеленой воды, а от ее подножия понеслась прочь грозная кольцевая волна.

Скорпион прижал к себе инкубатор, а другой рукой стиснул хрупкий борт лодки.

— Держись! — крикнул он Хоури.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Арарат, год 2675-й

В эту ночь в небе над Араратом появились странные огни — огромные, расположенные в явном порядке, словно по рисункам забытых созвездий. Они не походили на зарницы, которые колонисты видели раньше.

Огни стали возникать в сумерках после заката, на западной стороне неба. Облаков не было, звезды сияли, спутники висели так же низко, как и во время долгого путешествия спасателей к айсбергу. Одинокий шпиль корабля оставался единственным темным пятном на фоне багрового заката — словно коридор к настоящей космической ночи из дымчатой атмосферы Арарата.

Никто не знал, откуда взялись огни. Обычное объяснение, что это светятся верхние слои атмосферы в результате применения лучевого оружия, было отвергнуто. Наблюдение при помощи нескольких камер, установленных в различных точках поверхности Арарата, позволило определить параллактическое расстояние до «созвездий». Как минимум одна световая секунда — а это далеко за ионосферой Арарата.

Время от времени удавалось заметить и нечто привычное: вспышку взрыва обычной боеголовки или поток частиц неопределенной природы после выстрела лучевого орудия. Иногда колонисты замечали искру выброса сочленительского двигателя, или струю из ракетной дюзы, или ниточку засекреченной лучевой связи. Но по большей части война над Араратом велась с применением неизвестных его жителям средств.

Одно не вызывало сомнений: с каждым часом огней становилось все больше и светились они все ярче. И все чаще тени мелькали в заливе между волнами. Они сливались и распадались, неуловимо меняя очертания. И это копошение казалось совершенно лишенным цели. Пловцы из отряда по контактам с жонглерами нервничали и не желали входить в море. По мере

того как убыстрялось движение огней в небе, ускорялась и суе та фантомов в заливе.

Коренные обитатели Арарата тоже знали о появлении при шельцев.

Хела, год 2727-й

Грилье занял свое место в большом зале «Пресвятой Морвенны», в ряду кресел, установленных перед темным ок ном. В помещении царил полумрак, металлические жалюзи на остальных витражных окнах были опущены. Указатели с электрической подсветкой вели наблюдателей к их сиденьям, основной же свет давали многочисленные канделябры. Свечи придавали мрачную живописную торжественность процессии и благородство всем лицам — от высшего сановника Часовой Башни до мелкого техника из машинного отделения.

По сути, в темном окне высматривать было нечего, разве что смутные контуры окружающей кладки.

Грилье пригляделся к собранию. Кроме группы техников, выполняющих необходимые обязанности, сегодня сюда должны были явиться все обитатели собора, пять с лишним тысяч. Он знал большинство по именам — почти каждый в свое время побывал у него под подозрением. Незнакомых не набралось бы и пятисот.

Приятно было видеть столько народу в одном месте, и особую радость доставляла мысль об узах крови, соединивших всех этих людей. Он зримо представлял себе висящее над собранием пышное, широкое кружево, прозрачные драпировки в алых тонах, невероятно сложную и прекрасную сеть.

Умозрительная картина навела на мысли о Харбине Эльсе. Генерал-полковник медицинской службы сказал правду: молодой человек погиб при расчистке Пути. После собеседования Грилье его больше не встречал, хотя бодрствовал часть срока службы Харбина в соборе. Аппарат службы крови работал так, что парень не мог не пройти через руки если не самого генерал-полковника, то его помощника. Согласно общей для всех процедуре сбора крови, взятый у Харбина образец должен был пройти регистрацию и попасть в спецхранилище «Пресвятой Морвенны».

А теперь в поле зрения Грилье снова появилась Рашмика, и он приказал срочно доставить образец крови Харбина из хранилища, чтобы тщательно его проанализировать.

Это был выстрел с дальним прицелом, и он стоил трудов. Вопрос, который задавал себе Грилье, был таков: дар у девочки приобретенный или врожденный? Если врожденный, то содержится ли в ее ДНК компонент, отвечающий за эту способность?

Грилье знал, что из тысячи человек только один может понимать микромимику, а таких сверхчутких, как Рашмика Эльс, не найдется и одного на миллион. Несомненно, умение можно развить, но люди, подобные Рашмике, не нуждаются в тренировках: они просто досконально знают правила этой игры. Ближайший эквивалент их наблюдательности — абсолютный слух. Их удивляет чужая неспособность видеть знаки, столь очевидные для них. И это вовсе не означает, что умение разгадывать мимические коды — сверхчеловеческая черта. Этот дар — продукт социальный. Его обладатель не приемлет даже «ложь во спасение». Например, если он уродлив, а его назовут красавцем, это не даст ничего, кроме боли и унижения.

Грилье просмотрел соборные архивы, накопившуюся за века медицинскую литературу в поисках генетической обусловленности способностей Рашмики. Увы, материалы оказались до обидного скудными. Многие труды были посвящены клонированию и продлению жизни, а вот о генетических маркерах способности к чтению слабейших проявлений эмоций нашлось совсем мало.

Тем не менее он не пожалел труда на анализ крови Харбина. Пытался найти там что-нибудь аномальное, прежде всего в генах, связанных с центрами восприятия в мозгу. Харбин едва ли обладал даром в той же степени, что и его сестра, но сам по себе образец его крови мог оказаться интересным. Если выяснится, что их гены различаются не более чем в обычной для неодноя йцевых брата и сестры мере, то дар Рашмики можно будет считать скорее приобретенным, чем наследственным. Возможно, какое-то отклонение от нормы в ее развитии, нетипичное воздействие окружения в раннем возрасте обусловили появление этой способности. И если найдутся таковые аномалии, они позволят Грилье вычислить нестандартные гены, ответственные за появление нестандартных функций мозга.

Известны же медицине случаи, когда люди, из-за травмы мозга лишившиеся дара речи, приобретали в качестве компенсации иные способности. Если дело действительно в этом, если удастся найти ответственный за чтение микромимики участок мозга, то умение, которым обладает Рашмика, можно будет внедрять искусственно, хирургическим путем.

Воображение понеслось галопом: Грилье уже мечтал, как будет ставить нейронные блокировки в голове Куэйхи, строить шлюзы и клапаны, чтобы открывать и закрывать их дистанционно. Стоит только отыскать такой участочек в человеческом мозге, и можно будет освещать или затемнять его по мере надобности, а то и вовсе выключать. Эта мысль привела Грилье в восторг. Какое великолепное подспорье для переговоров, позволяющее моментально разгадать любую ложь!

Но пока что в распоряжении генерал-полковника находился только образец крови брата Рашмики. Анализ образца не выявил никаких существенных аномалий, ничего такого, что могло бы пробудить в Грилье интерес к этой семье, не узнай он случайно о таланте сестры Харбина. Возможно, это говорило в пользу версии о приобретенной способности. Но полную уверенность даст только изучение крови самой Рашмики Эльс.

В этом, конечно же, мог бы посодействовать квестор. При правильном подходе ему было бы совсем несложно получить от Рашмики образец. Но для чего рисковать, если процесс и так благополучно идет к завершению? Письмо уже дало ожидаемый эффект: девушка распознала в письме подделку, предназначенную для того, чтобы сбить ее с пути. Невнятные объяснения квестора о происхождении письма никоим образом не могли убедить ее. В результате решимость юной Эльс только окрепла.

Грилье улыбнулся своим мыслям. Да, он может подождать. Очень скоро Рашмика окажется здесь, в соборе, и тогда врач возьмет у нее столько крови, сколько понадобится.

Зал вдруг утих. Грилье оглянулся: по проходу катилась передвижная черная кафедра. Черный высокий ящик погромыхивал при движении. К его верху, поднятая почти вертикально, крепилась койка настоятеля. Где бы ни находился Куэйхи, даже в этом зале, благодаря сложной системе зеркал и световодов, идущей от Часовой Башни, Халдора неизменно висела у него перед глазами. За кафедрой шествовали техники в рясах,

поправляли трубки и зеркала длинными шестами с крюком на конце. В помещении свет был приглушен, поэтому Куэйхи не надел солнечные очки поверх рамок, не дававших закрыться его больным векам.

Многие присутствующие — и, уж конечно, те, кто поселился на «Пресвятой Морвенне» в последние два-три года, — впервые получили возможность увидеть Куэйхи во плоти. С некоторых пор он все реже покидал Часовую Башню, отчего только крепли возникшие десятилетия назад слухи о его смерти.

Кафедра повернула, проехала вдоль переднего ряда и остановилась точно перед темным окном. Куэйхи полулежал спиной к окну, лицом к пастве. В сиянии свечей он казался сделанным из того же материала, что и кафедра, которая снизу поддерживалась барельефом — изображениями святых в скафандрах.

— Дети мои, — проговорил он, — возрадуемся. Настал день чудес, *день великих возможностей, дарованных нам верой.*

Его голос, всегда хриплый, клокочущий, скрытые динамики превратили в громовые раскаты. Над головой настоятеля, на большой высоте, орган создавал рокочущий, почти инфразвуковой фон для его речи.

— Через двадцать два дня мы достигнем прохода через Горы Гулльвейг и там снизим скорость, позволив Халдоре опередить нас, но будем двигаться без остановки. Была надежда, что завал успеют убрать за двенадцать-тринадцать дней. Если бы это случилось, мы не потеряли бы время. Но преграда оказалась куда серьезней, и обычные средства расчистки не дали желаемых результатов. При осмотре завала погибли хорошие люди, другие наши собратья не уберегли в ходе взрывных работ. Едва ли я должен вам объяснять, насколько сложное это занятие: при расчистке Пути наносить ему новые повреждения недопустимо.

Куэйхи помолчал. Кольца в его глазах сияли, отражая огни свечей и блеск латунных люстр.

— Но теперь самые опасные работы завершены. Заряды установлены.

В тот же миг хор и орган запели в унисон. Грилье сжал рукоятку трости и сощурился: он знал, что сейчас произойдет.

— Узрите же Божественный Пламень! — воскликнул Куэйхи.

В темном окне распустился волшебный цветок. Через каждое стекло витража в зал пролился свет, такой яркий и красочный, что Грилье на миг ощутил себя младенцем в яслях, среди пестрых игрушек. В мозг выплеснулась химия радости; врач попытался воспротивиться этому приливу, но тот с легкостью сносил любые преграды.

Перед ярко освещенным окном отчетливо обрисовался силуэт Куэйхи над кафедрой. Тонкие, как прутики, руки были воздеты.

Грилье еще сильнее сощурился, вглядываясь в окно. Вроде он уже начал что-то различать, но тут собор сотрясся под ударной волной. Свечи затрепетали и погасли, люстры закачались.

Окно снова почернело. Но остался светлый силуэт Куэйхи, опустившегося на колени перед чудовищным железным саркофагом. Тот раскрылся по шву, который прежде был наглухо заварен. В сложенных чашей ладонях настоятель держал кровавую массу с тянущимися внутрь резного скафандра липкими жгутиками. Лицо настоятеля было обращено к небесам, к окруженному завитками шару Халдоры.

Но такой, как сейчас, Грилье не видел планету еще ни разу.

Послеобраз начал таять. Грилье подумал, не придется ли ждать нового затемнения, чтобы снова увидеть окно, но тут рванула вторая закладка, и рисунок появился вновь. На лике Халдоры, будто просвечивая сквозь атмосферные вихри газового гиганта, виднелся геометрический узор — очень сложный, как рисунок на сургучной печати императора: пространственная решетка из серебристых полос. В центре этой решетки, излучая свет, находился человеческий глаз.

Накатила еще одна ударная волна, качнув «Пресвятую Морвенну». И на этом третьем взрыве представление закончилось. Окно снова стало темным, его ячейки помутнели — кроме ядерного Божественного Пламени, через них уже не пробьется никакое сияние.

Орган и хор стихали.

— Путь расчищен! — провозгласил Куэйхи. — Это было нелегко, но теперь мы несколько дней сможем двигаться по Пути с обычной скоростью. Не исключено, что придется взорвать еще несколько зарядов, но большей части препятствия уже не существует. Возблагодарим же за это Господа. Иначе наверстать потерянное было бы очень нелегко.

Ладонь Грилье снова сжала рукоятку трости.

— Пусть другие соборы пытаются это сделать, — продолжал Куэйхи. — Пусть выбиваются из сил. Да, перед нами лежат Плоскогорья Ярнаксы, и там ожидается гонка. «Пресвятая Морвенна» не самый быстрый собор на Пути, и ей не раз приходилось участвовать в этом бессмысленном состязании. Что толку мчаться сломя голову на Плоскогорьях, если сразу за ними лежит Лестница Дьявола? Обычно на Плоскогорьях Ярнаксы мы набираем скорость, обгоняем Халдору, готовясь к медленному и трудному преодолению Лестницы. Но теперь это для нас непозволительная роскошь. Мы потеряли драгоценные дни, когда это было недопустимо.

Куэйхи выждал несколько секунд, зная, что напугал слушателей до полусмерти.

— Есть другой маршрут, — продолжал настоятель, подаваясь вперед на своей кафедре, едва не вываливаясь из системы жизнеобеспечения. — Он потребует от нас отваги и веры. Нет необходимости спускаться по Лестнице Дьявола. Рифт Гиннунгагапа можно пересечь иначе. Вы все знаете, о чем я говорю.

Со всех сторон сквозь армированные стены собора донесся звук поднимаемых внешних жалюзи. Приоткрылись обычные окна из тонированного стекла, через них в зал полился свет дозволенной интенсивности. В обычный день это зрелище восхитило бы Грилье, но нынче он не мог забыть о темном окне, остаточное изображение все еще висело призраком перед глазами. Тому, кто видел блеск ядерного огня сквозь сварочное стекло, все остальное покажется бледным, как акварель.

— Господь даровал нам мост, — заявил Куэйхи. — И я верю, что настало время воспользоваться им.

Рашмика снова была наверху, перебиралась с машины на машину, пока не оказалась рядом с наблюдателями. Одинаковые зеркала их масок, расположенные аккуратными рядами, наводили на мысли о донышках бутылок в винном погребе и о фасетчатых панелях станции слежения за гамма-излучением — одна такая стояла на окраине поселка. Она не знала, легче ли ей хоть чуть-чуть оттого, что за каждой маской прячется человеческое лицо. По крайней мере, эти существа были людьми, пока фанатичная преданность делу наблюдения за Халдорой не выжгла всю их индивидуальность до малейшей крупицы.

Караван знай себе катил и качался. Сейчас он проходил через участок дороги, лишь недавно очищенный от завала. Время от времени — вроде бы почаще, чем день или два назад, — он прижимался к обочине, минуя группы пеших паломников. С такой высоты они казались сущими безмозглыми муравьями. Счастливчики имели скафандр с замкнутым циклом, приспособленный к долгому пребыванию на поверхности планеты. Некоторые из таких скафандров даже имели функцию медобслуживания, могли залечивать небольшие раны, массировать уставшие конечности, снимать боль в артритных суставах. Другим путникам достались скафандры, предназначенные для прогулок в вакууме не более чем на десяток километров. Они сгибались под тяжестью неудобных самодельных ранцев, точно согнанные с земли крестьяне, неведомо куда несущие весь свой скарб. У некоторых были настолько старые и громоздкие системы жизнеобеспечения, что приходилось их тащить на салазках или тележках. Скафандры, шлемы, ранцы и буксируемая кладь — все было испещрено религиозными тотемами, часто намалеванными кое-как и вызывающими улыбку. Тут и золотые статуи, и кресты, и пагоды, и демоны, и змеи, и мечи, и конные рыцари, и сотни других символов, которые Рашмика даже не сочла нужным распознавать. Все продвигалось на мускульной силе, без механической помощи. Даже в слабой гравитации Хелы паломники сгибались под весом своей поклажи, и каждый шаг давался им ценой великих усилий.

Что-то мелькнуло в той стороне, где, по мнению девушки, должен был находиться юг. Он направила туда взгляд, но успела заметить только гаснущее сине-фиолетовое сияние за ближней грядой холмов.

Через несколько секунд Рашмика заметила в той же стороне вспышку — такую же яркую, оставившую такой же блекнущий ореол.

Потом третья вспышка. И все...

Рашмика предположила, что полыхает невдалеке от Вечного Пути, по которому движутся соборы. Скорее всего, это расчистка завалов, о которых говорил квестор.

Произошло и кое-что еще, на этот раз гораздо ближе к ней. Опустилась платформа с висящими в ней наблюдателями. Достигнув наклона в тридцать градусов, она остановилась; наблюдатели дружно приняли сидячее положение, вынули руки и ноги из разомкнувшихся креплений. Внезапность и слажен-

ность этого движения испугали Рашмику — как будто перед ней вставал отряд лунатиков. Кто-то прошел мимо нее, коснувшись плечом — не сильно, но и не сказать, что вежливо. Потом ее опять толкнули.

Мимо шествовала процессия других паломников. Оглянувшись, Рашмика увидела длинную череду фигур в рясах с поднятыми капюшонами. Пилигримы выходили из люка на крыше каравана, которую она не заметила прежде, и направлялись к платформе. Одновременно наблюдатели, прежде не сводившие глаз с Халдоры, четкими, выверенными движениями спускались с платформы на крышу каравана. Там они тоже построились гуськом и двинулись к другому люку. Не успел последний наблюдатель сойти с платформы, а новые паломники уже занимали освобожденные места, пристегивали руки и ноги. Пересменка заняла не более двух минут, и проделана она была с таким маниакальным спокойствием, что вряд ли могла занять меньше времени. Понятно, почему эти люди так дорожат каждой секундой, — они не могут допустить, чтобы Халдора долго оставалась без присмотра. Впрочем, надзор был вообще непрестанным: нигде на крышах других машин Рашмика не увидела такой же процедуры; остальные платформы, с застывшими в них наблюдателями, располагались под углом к горизонту. Должно быть, график дежурств требовал, чтобы по меньшей мере одна группа не сводила глаз с Халдоры, готовая к ее исчезновению.

До сих пор Рашмике не приходило в голову, что наблюдатели могут проводить время не на своем посту, а где-то внутри каравана. Оказывается, есть кому их подменить. Чем это объясняется — тем, что на Хеле развелось слишком много верующих? Или просто наблюдатели заботятся о своем здоровье, вот и делают перерывы?

Несомненно, далекие вспышки случайно совпали по времени с пересменкой наблюдателей, но все равно они усилили беспокойство Рашмики. В прошлый раз, когда девушка проникла на крышу, было впечатление, что она подсматривает за тайным ритуалом. А теперь ее и вовсе застали с поличным посреди церемонии, святость которой она осквернила своим присутствием.

Наконец последний наблюдатель занял свое место на платформе. Хотя паломники спешили пройти мимо Рашмики, не было ощущения, что она нарушила их распорядок. Платформа

вернулась в прежнюю позицию, точно такую же, как на других машинах каравана, — в самую удачную для слежения за Хал дорой.

Рашмика обернулась и успела заметить, как последние от дежурившие паломники исчезают в люке. Вот их осталось трое, потом двое, потом скрылся с глаз последний. Дверь, через ко торую пришла новая смена, уже закрылась, но второй люк оставался открытым.

Рашмика взглянула на платформу. Казалось, висящие лю ди совершенно не замечают девушку, словно той и вовсе нет на крыше. Возможно, ее заметили, но не сочли помехой.

Она направилась к открытому люку. На ходу Рашмика не сводила глаз с наблюдателей, хотя те никак не могли видеть ее при таком наклоне платформы, тем более что у каждого был поднят капюшон.

Рашмика не собиралась спускаться в машину. Просто ей до смерти хотелось увидеть, что творится внизу. Может быть, она не обнаружит ничего интересного — только трубу со скобяной лестницей внутри, ведущей, скорее всего, к воздушному шлю зу. Но что, если там... Воображение сразу зашло в тупик. Един ственное, что удавалось представить, — это ряды наблюдате лей, подключенных к каким-нибудь машинам, отдыхающих в ожидании новой смены.

Караван все качался, подскакивал на ухабах. Рашмика взя лась за поручни, ожидая, что дверь люка вот-вот закроют из нутри. Идти дальше она побаивалась. До сих пор наблюдатели не выказывали агрессивности, но как они себя поведут, обна ружив вторжение на свою территорию? Об этой секте она не знала почти ничего. Что, если у них принято карать мучитель ной смертью тех, кто сует нос в их секреты? Появилась страш ная мысль: а вдруг Харбин совершил ошибку, которую она готова повторить? Ведь Рашмика очень похожа на брата. Ей живо представилось, как Харбин от нечего делать бродит по каравану, застает смену наблюдателей и, влекомый банальным любопытством, спускается посмотреть: что там внизу? При шла другая мысль, еще тревожнее первой: а ну как один из этих наблюдателей — Харбин?

Девушка сделала еще несколько шагов вперед и наконец оказалась у самой двери. Та все еще была открыта. Из глубины коридора лился теплый красный свет.

Рашмика ухватилась за поручни покрепче, чтобы не упасть внутрь, если караван вдруг резко повернет. Заглянув в проем люка, она увидела обычную лестницу, уходящую вниз, насколько позволял видеть угол зрения. Чтобы заглянуть дальше, пришлось бы наклониться еще ниже.

Отпустив один поручень, Рашмика подалась вперед и увидела остаток лестницы. Ступеньки заканчивались у решетчатого пола. Дальше она заметила вторую дверь, ведущую дальше в караван — скорее всего, в шлюз, если только наблюдатели не проводят всю свою жизнь в вакууме.

Караван качнулся, Рашмику понесло вперед. Она утратила равновесие, потянулась назад, пытаясь нащупать поручень, но пальцы хватали пустоту. Проем люка ринулся ей навстречу, лестничная шахта показалась куда шире и глубже, чем секунду назад. Рашмика хотела закричать, не сомневаясь, что вот-вот сорвется и полетит вниз. Перила были далеко — никакой надежды ухватиться за них на лету.

Внезапно ее падение остановилось. Кто-то удержал Рашмику, осторожно потянул ее на себя, подальше от люка. Душа девушки ушла в пятки. Только сейчас она поняла, что́ подразумевает это выражение, — собственный опыт все отлично объяснил.

Взглянув в лицо своему спасителю, она увидела лишь отражение собственного зеркального щитка, а в нем меньшее отражение другого щитка.

За визором проступали черты молодого мужского лица. Скулы, резко очерченные светом. Незнакомец медленно покачал головой, явно выражая неодобрение.

Когда смысл этого жеста дошел до Рашмики, она уже стояла ровно. Наблюдатель обогнул ее и спустился в шахту. Едва дыша от пережитого испуга, на подгибающихся ногах Рашмика двинулась следом, к краю люка, как раз вовремя, чтобы заметить, как наблюдатель тянет рычаг механизма. Упершись в свою платформу, дверь люка повернулась на девяносто градусов, загерметизировалась.

Рашмика снова осталась одна.

Девушка оглянулась, чувствуя, что ноги по-прежнему дрожат. Какая же она глупая и безответственная! Как неосторожно вела себя — ее пришлось спасать одному из паломников! Какой наивностью было допустить, что эти люди совсем не

обращают на нее внимания! Теперь-то она все поняла, но поздно. Хочется сквозь землю провалиться от стыда. Паломники знали о ее присутствии с самого начала, но почли за лучшее сделать вид, что ее тут нет. А когда в конце концов она сделала то, на что невозможно было не обратить внимания, — сваляла дурака, чего уж скрывать, — один из наблюдателей вмешался быстро и решительно — так взрослый одергивает расшалившегося ребенка. И ни угроз, ни нравоучений, но от этого унижение не слабее. Рашмику никогда не воспитывали в столь жесткой форме; ощущение было крайне неприятным.

Что-то перемкнуло в ее мозгу. Она опустилась на колени и принялась стучать кулаками по закрытому люку. Требовала, чтобы наблюдатель вернулся и все объяснил ей, по крайней мере, почему он качал головой. Пусть извинится, пусть успокоит ее: мол, нет ничего плохого в том, что она подсматривала за чужим ритуалом. Ей хотелось, чтобы незнакомец избавил ее от чувства вины, взял вину на себя. Ей хотелось искупления.

Она все стучала и стучала по люку, но ответа не было. Караван с грохотом катился вперед. Наблюдатели на платформе неотрывно смотрели на Халдору. Наконец, усталая и униженная, чувствуя себя еще большей дурой, чем в момент спасения, Рашмика встала и пошла по крышам к своей машине. Под шлемом по ее лицу текли слезы бессилия, и она уже не понимала, отчего раньше считала, будто у нее хватит сил пройти путь до конца.

Арарат, год 2675-й

— Ты веришь в совпадения? — спросила пловчиха.

— Не верю, — ответил Васко.

Он стоял у окна в Высокой Раковине, в девяноста метрах над паутиной ночных улиц. Его кисти были сцеплены за спиной, ноги в сапогах чуть расставлены, спина выпрямлена. Он слышал, что здесь намечается собрание и никто не возражает против его присутствия. Оставался вопрос, почему собрание решено провести в Высокой Раковине, а не в относительной безопасности на борту корабля?

Он всмотрелся в полосу чистой воды между берегом и островерхим кораблем. Активность жонглеров не уменьшилась,

но часть акватории они освободили. Очень странная полоса. Справа и слева извиваются фантомы, но между ними море тихое и гладкое, словно расплавленный металл. От суши к «Ностальгии по бесконечности» плывут лодки с фонарями: единая процессия, неровный качающийся строй. Кажется, жонглеры дают лодкам свободный проход.

— Слухи распространяются быстро, — сказала пловчиха. — Ты уже в курсе?

— О Клавэйне и девочке?

— Не только. О корабле. Говорят, он оживает. Детекторы нейтрино... Знаешь, что это такое? — Не дожидаясь ответа, она продолжала: — Детекторы нейтрино зарегистрировали реакцию в двигателях. Через двадцать три года простоя они начали разогреваться. Корабль решил, что пора взлетать.

— Никто ему не приказывал взлетать.

— А в этом нет необходимости. У него есть собственное сознание. Вопрос в том, что для нас лучше — быть на корабле, когда он взлетит, или остаться на Арарате, на пути в неизвестность? Сначала мы не поверили этой женщине, но теперь-то знаем, что наверху, в космосе, идет война.

— Да, теперь не осталось никаких сомнений, — подтвердил Васко. — И даже жонглеры, похоже, сделали выводы на этот счет. Видишь, они оставили проход в море. Они хотят, чтобы мы улетели и спаслись.

— Может быть, жонглеры просто не хотят перевернуть лодки, — предположила пловчиха. — А сами небось посмеются над нами, какое бы решение мы ни приняли. Наверное, мы для них вообще ничего не значим.

Пловчиху звали Пеллерин. Васко познакомился с ней недавно, на борту «Ностальгии по бесконечности». Пеллерин была хороша собой: высокая, сильная, как и полагается пловцу, скуластая и высоколобая. Черные волосы блестели от душистого масла, словно она только что вышла из моря. Когда Васко увидел ее впервые, ему сразу бросились в глаза веснушки на щеках и переносице, которые на самом деле были бледно-зелеными грибковыми пятнышками. Каждый пловец чутко следил за этими отметинами, означавшими, что морю он нравится, море проникает в него, разрушая барьеры между двумя очень разными по типу организмами. Говорили, что рано или поздно море забирает пловца, растворяет трофей в матрице жонглеров

образами. И пловцы нисколько не противились этому. Всякий раз, уходя в океан, они играли со смертью, и для пловцов высокого ранга, таких как Пеллерин, риск был наиболее велик.

— Скорее всего, жонглеры хотят, чтобы люди спокойно добрались до корабля, — сказал Васко. — Почему бы тебе не сплавать туда и не посмотреть?

— Когда жонглеры ведут себя так, как сейчас, мы не входим в море.

Васко рассмеялся:

— Пеллерин, жонглеры еще никогда не вели себя так, как сейчас.

— Мы не плаваем в периоды их активности, — повторила она. — Жонглеры непредсказуемы, как и небесные машины-убийцы. Нам уже приходилось терять людей, и чаще всего это случалось, когда буйствовали жонглеры.

— А мне казалось, бывают обстоятельства, которые оправдывают риск, — возразил он. — Хотя, конечно, откуда мне знать? Я же работал на пищевой фабрике.

— Будь ты пловцом, Малинин, понимал бы, что в такие дни, как нынешний, в воду лучше не входить.

— Наверное, ты права, — кивнул он.

— Почему «наверное»?

Васко подумал о сегодняшнем жертвоприношении. Масштаб случившегося оставался для него непостижим. Всякий раз, когда его разум пытался проникнуть в суть события, он тонул в неведомых глубинах отваги и самоотречения. Временами он думал, всей жизни не хватит, чтобы пережитое на айсберге хоть чуть-чуть поблекло в памяти.

Смерть Клавэйна всегда будет с ним, словно шарик шрапнели в теле, чье чужеродное присутствие остро чувствуешь при каждом вздохе.

— Да потому, что собственное благополучие важнее безопасности Арарата... Будь я пловцом и руководствуйся я этим соображением, вряд ли рискнул бы войти в море.

— Малинин, ты наглый сопляк. Понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Ошибаешься, — ответил он с внезапной злостью, — я знаю, о чем говорю. То, что я видел сегодня, дай тебе бог не увидеть никогда. Я теперь понимаю, Пеллерин, что такое мужество. Хотя лучше бы мне этого не понимать.

— Я слышала, Клавэйн показал себя храбрецом, — кивнула пловчиха.

— Разве я сказал иначе?

— Послушать тебя, так можно подумать, что храбрец ты.

— Я был там, — сказал он. — Этого достаточно.

Голос Пеллерин звучал спокойно, но это стоило ей усилий.

— Я прощаю тебе эти слова, Малинин. Понимаю, ты прошел через что-то ужасное. Может быть, даже повредился в уме. Но прямо у меня на глазах утонули двое моих друзей. Двое других растворились, тоже в моем присутствии. А еще шестеро угодили в палату для умалишенных, где теперь пускают слюни и рисуют на стенах кровью из-под сломанных ногтей. Одна из них была моей возлюбленной. Ее зовут Сицуко. Когда я ее навещаю, при виде меня она смеется и царапает стены. Теперь я для нее значу меньше, чем погода за окном. — У Пеллерин раздулись ноздри. — Ты не будешь объяснять мне, что такое храбрость, понял? То, что всем нам пришлось увидеть, забудется нескоро.

Доводы пловчихи пробили броню яростной уверенности Васко в собственной правоте. Он вдруг понял, что дрожит.

— Прости, — тихо сказал он. — Мне не следовало так говорить.

— Закроем эту тему, — согласилась Пеллерин. — Но больше не говори, что у нас не хватает духу войти в море, если ни черта в этом не смыслишь.

Пеллерин ушла. Васко остался наедине с хаосом своих мыслей. Он по-прежнему смотрел в море, на удаляющиеся от берега лодочные фонари.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Арарат, год 2675-й

Надев поверх формы Сил безопасности безликий коричневый плащ, Васко спустился из Высокой Раковины и никем не замеченный вышел в ночь.

На улице он сразу ощутил в воздухе напряжение, предгрозовую наэлектризованную неподвижность. Люди шли по узким извилистым улицам лагеря шумными толпами. У них, озарен-

ных мерцанием факелов, был праздничный вид — но не слышно криков и смеха, только приглушенный гул тысяч голосов; редкий из них звучал громче обычного.

Так люди откликнулись на происходящее, и их нельзя было винить. К концу дня вышло только одно краткое официальное заявление о смерти Клавэйна, и едва ли сейчас нашелся бы колонист, который не слышал эту новость. Люди вышли на улицу сразу после заката и появления огней в небе. Они определенно чувствовали: в официальном заявлении что-то недоговорено. Ни слова о Хоури и ее ребенке, ни слова о сражении, разыгравшемся в окрестностях Арарата, лишь обещание через некоторое время довести до общего сведения новую информацию.

Вереница разномастных лодок потянулась к кораблю вскоре после заката. У каждой на корме был укреплен фонарь, и все новые суденышки отчаливали от берега. Офицеры СБ всеми силами старались не отпускать их, но в этом сражении им было не победить. Служба никогда не предназначалась для борьбы с групповым неповиновением, и лучшее, что могли сделать товарищи Васко, — это приостановить исход. Поступали донесения о беспорядках, пожарах и грабежах, было произведено несколько арестов. Активность жонглеров образами — что бы она ни означала — неуклонно повышалась.

Васко освободили от повседневных обязанностей, и он воспринял это с облегчением. Парень бродил в толпе, дожидаясь, когда сможет заняться своими делами, и прислушивался к разговорам, ловил слухи. Единственная крупица правды — Клавэйн погиб, стараясь обеспечить безопасность важного имущества колонии, — уже обросла предположениями и домыслами. Некоторые версии поражали своей изобретательностью — гибель старого лидера преподносилась с самыми фантастическими подробностями.

Притворяясь несведущим, Васко останавливался тут и там и спрашивал, что происходит. Он тщательно застегнул плащ, чтобы никто не увидел его форму. Всякий раз надо было убеждаться, что в группе, к которой он приблизился, нет тех, кто знал о его принадлежности к Силам безопасности или о новом круге общения.

Красочные описания саботажей и диверсий, перестрелок и взрывов самодельных гранат вызывали у него только отвращение. Просто удивительно, как легко возникали такие исто-

рии единственно на основе факта смерти Клавэйна. Как будто их выдумывал больной и порочный коллективный разум.

В равной мере его раздражала жадность, с которой колонисты внимали таким сплетням, обогащая их собственными соображениями насчет того, каким образом могли развиваться события и чего следует ожидать. Продолжая подслушивать, Васко с изумлением узнал, как легко и органично такие подробности включаются в общую выдуманную картину. Казалось, никого не удивляло ни обилие противоречащих фактов, ни полная несовместимость эпизодов. Не раз Малинин диву давался, слушая клятвенные уверения, будто Скорпион или другие руководители погибли в той же переделке, что и Клавэйн. Тот довод, что упомянутые лица уже появлялись на людях с краткими успокоительными выступлениями, ни во что не ставился. Совершенно расстроенный, Васко понял, что, если вдруг начнет рассказывать чистую правду о случившемся, она вряд ли одержит верх над несусветной чепухой, что поспешно передается из уст в уста. Ведь он не видел, как погиб Клавэйн, а значит, его показания можно с полным правом подвергнуть сомнению. От Васко отмахнутся как от скучного рассказчика, чье изложение лишено пикантных подробностей.

В этот вечер колонии требовался очевидный и несомненный герой. И было ясно, что путем некоего таинственного самоорганизующегося литературного процесса она этого героя заполучит.

Васко проталкивался через очередную толпу, когда кто-то окликнул его:

— Малинин!

Пару секунд он искал источник голоса. Им оказалась женщина, стоявшая отдельно, в островке тишины. Разговоры и людские потоки огибали ее, никто не смел нарушить зону отчуждения, установленную ею вокруг себя. На ней было длинное черное пальто с пышным черным меховым воротником, неброская шапочка надвинута на брови.

— Эртон? — спросил он недоверчиво.

— Да, я, — ответила женщина, подойдя. — У тебя вроде тоже выходной. Почему ты не дома, не отдыхаешь?

Было в лице Эртон что-то такое, отчего Васко насторожился. Впрочем, в ее присутствии парню всегда казалось, что его оценивают и в нем сомневаются.

— Могу спросить тебя о том же.

— Потому что я знаю: все очень скоро может кончиться. После того, что случилось с айсбергом, в этом сложно сомневаться.

Ладно, решил он, можно ответить откровенностью на такую откровенность. Интересно, куда это его заведет?

— Утром я ложился спать, но видел во сне только кровь и лед.

— Тебя же не было там, когда все случилось.

— Не было, но тем не менее... А представь, каково теперь Скорпиону.

Эртон уже стояла рядом, деля с ним свое личное пространство, крошечный объем тишины. «И как ей это удается? — подумал Васко. — Сомнительно, что идущие вокруг люди знают, кто такая Эртон. Скорее всего, они ощущают нечто вокруг нее: электрическое покалывание запрета.

— Очень жаль, что ему пришлось на такое пойти, — сказала Эртон.

— Не знаю, как Скорпиону удастся это выдержать. Они были близкими друзьями.

— Знаю.

— Дело не только в старой дружбе, — сказал Васко. — Когда-то Клавэйн спас Скорпиона от расправы. Они знакомы еще с Города Бездны. Не думаю, что на нашей планете Клавэйн еще кого-нибудь уважал так же, как его. Я был со Скорпионом на острове, где отшельничал старик, и видел их встречу. А прежде совершенно не представлял себе, насколько они близки. Постаревшие искатели приключений, которые многое пережили вместе и знали, что никто на свете их не поймет.

— Скорпион не так уж стар.

— Стар, — вздохнул Васко. — Особенно для свиньи.

Эртон повела его к берегу. Толпа постепенно редела, от теплого соленого вечернего бриза у Васко щипало глаза. Огни над его головой выстроились в причудливые узоры от горизонта до горизонта — не похоже ни на снимок салюта, ни на картину зари, а похоже на выполненный с великим тщанием огромный чертеж.

— По-твоему, со Скорпионом что-то случится или уже случилось? — спросила Эртон.

— Конечно случилось. Он своими руками убил лучшего друга. Медленно, в присутствии зрителей.

— Сама я после такого наверняка свихнулась бы. Но я ведь не Скорпион.

— О чем ты?

— Когда Клавэйн уплыл на остров, руководство колонией целиком легло на плечи Скорпиона. Васко, пусть он хорошо думал о Клавэйне, это не сделало свинью ангелом. Ты сам говорил, что Скорпион и Клавэйн знали друг друга еще с Города Бездны.

Васко смотрел, как скользят через зенит огоньки, оставляя за собой кольцеобразные хвосты, — подобные узоры он видел, когда нажимал пальцами на опущенные веки.

— Да, — наконец неохотно ответил он.

— Чем, по-твоему, занимался Скорпион в ту далекую пору? Наверняка не сбором пожертвований для больных и бедных жителей Города Бездны. Он был бандит, убийца.

— В то время, когда он нарушал закон, этот закон был несправедлив и негуманен, — ответил Васко. — Разница есть, согласись.

— Там шла война. Я читала те же учебники истории, что и ты. Да, положение было чрезвычайным, а законы драконовскими, но разве это оправдывает убийство? Мы сейчас говорим не о самозащите, не об отстаивании своих интересов. Скорпион убивал ради удовольствия.

— Люди держали его в неволе и мучили, — ответил Васко. — Люди и сделали его тем, что он есть: генетическим тупиком.

— И это дает ему право на ком угодно срывать злобу?

— Не понимаю, к чему ты клонишь, Эртон.

— К тому, что Скорпион вовсе не такой тонкокожий, каким ты его себе представляешь. Да, конечно, ему плохо из-за того, что он сделал с Клавэйном...

— Из-за того, что его заставили сделать, — поправил ее Васко.

— Не важно. Важна суть: Скорпион это переживет, как пережил другие зверства, которые учинял. — Эртон приподняла козырек своей шапки. Ее глаза ощупывали лицо Васко, словно по его выражению она пыталась угадать мысли собеседника. — Ты согласен со мной?

— Сейчас ничего не могу сказать.

— Васко, тебе придется в это поверить.

Он заметил, что Эртон перестала обращаться к нему по фамилии.

— В противном случае мы можем усомниться в его способности быть лидером. Понимаешь, о чем я?

— Нет, не понимаю. Я уверен, что Скорпион вполне способен управлять колонией. Спроси любого на улице, и он скажет то же самое. И знаешь что? Все у нас будет хорошо.

— Конечно все будет хорошо.

— А ты, Эртон? Ты сомневаешься в Скорпионе?

— Ни в малейшей степени, — ответила она. — Как не сомневаюсь и в том, что после случившегося он будет спать спокойно.

— Откуда в тебе такая жестокость?

— Я считаю, что жестокость нужна. И в первую очередь она нужна Скорпиону. В том-то все и дело, Васко. Нам сейчас позарез необходим сильный лидер. Разве ты не согласен?

— Не знаю, — пожал плечами Васко, чувствуя, как навалилась усталость. — Знаю только, что сюда я пришел не обсуждать случившееся вчера. Я хотел проветриться и хоть на минуту забыть об увиденном.

— И я пришла ради того же. — Голос Эртон смягчился. — Извини, Васко. Я не хотела сыпать соль на раны. А что завела разговор, так это, наверное, я таким образом пытаюсь справиться с нервами. Нам всем крепко досталось.

— Да, понимаю. Ты справилась? — На Васко накатила горячая волна злости, затопляя вежливость и терпимость. — Еще сегодня казалось, что ты не можешь находиться на одном полушарии со мной, не говоря уже об одной комнате. Отчего такая перемена настроения?

— Сейчас я жалею, что так себя вела, — ответила она.

— Ты не обидишься на вопрос: не поздновато ли менять мнение о человеке?

— Васко, повторяю: так я пытаюсь пережить случившееся. По-другому не умею. Сделай мне скидку, хорошо? В наших отношениях не было ничего личного.

— Что ж, мне от этого легче.

— Впереди опасная ситуация. Но ведь нас готовили к опасностям, верно? Мы, охранники, знаем друг друга, знаем, что можем друг на друга положиться. И тут в последнюю минуту появляешься ты, человек, с которым я совершенно незнакома

и которому должна доверить свою жизнь. Могу назвать десяток надежных офицеров СБ; если бы любой из них занимал твое место в лодке и прикрывал мне спину, я была бы счастлива.

Васко заметил, что Эртон ведет его к берегу, туда, где нет толпы. В сумерках виднелись черные силуэты лодок между небом и морем. Одни были спущены на воду и подготовлены к отплытию, другие еще лежали на берегу.

— Скорпион счел нужным включить меня в состав экспедиции, — сказал Васко. — Когда начальство принимает решение, подчиненные его не оспаривают, а выполняют. Или ты не доверяешь решениям Скорпиона?

— Однажды ты окажешься в моей шкуре, Васко, и тебе это понравится не больше, чем мне. Ну давай, прочти лекцию о том, как полезно доверять чужим решениям, а я посмотрю, насколько убедительно у тебя получится.

Эртон замолчала, глядя, как в небе от горизонта до горизонта протягивается узкая алая лента.

— Все не то, — продолжала она, так и не ответив на вопрос. — Я вытащила тебя из толпы не ради перебранки. Просто хотела сказать, что сожалею. И еще хотела, чтобы ты понял, почему я так себя вела.

Васко подавил в себе ярость:

— Я понял.

— Я признаю, что была не права.

— Ты не знала, что там произойдет, — сказал он.

Эртон вздохнула и пожала плечами:

— И не должна была знать. Не важно, что говорят. Клавэйн все сделал как надо. Когда оказалось, что необходимо пожертвовать своей жизнью, он не колебался.

Они вышли к шеренге лодок. Большинство суденышек, лежащих на берегу, никуда не годились: в бортах ниже ватерлинии зияли дыры. Лодки были почти съедены морскими микроорганизмами. Рано или поздно они отправятся на переплавку, их место займут новые. Литейщики очень тщательно следили за тем, чтобы в переработку уходило все до мельчайшего кусочка металла. Но из останков, конечно же, невозможно сделать прежнее количество лодок.

— Смотри, — указала Эртон на бухту.

— Уже заметил, — кивнул Васко. — Они плывут к кораблю.

— Я не об этом. Приглядись, Соколиный Глаз. Видишь их?

— Да, — ответил Васко через секунду. — Да. Господи, им нипочем этого не сделать!

Те, о ком шла речь, казались крохотными огоньками вокруг корабля, чуть выше, чем прыгающие на волнах лодки. Людям удалось одолеть лишь считаные десятки метров высоты, а корабль возвышался над водой на километры.

— Как они поднимаются? — спросил Васко.

— Должно быть, на руках. Должно быть, это несложно. Ты видел вблизи корпус? Он как истерзанный непогодой утес, там полно уступов и выемок.

— Но ближайший вход в сотнях метров над морем. Когда прилетают шаттлы, они садятся на самые верхние уровни. Этим сумасшедшим нипочем не добраться, — повторил он.

— Они не сумасшедшие, — возразила Эртон. — Просто напуганы до смерти. Вопрос в том, следует ли нам лезть на корабль за ними следом?

Васко не ответил. На его глазах крохотный огонек сорвался с борта корабля и погас в море.

Несколько минут они стояли и смотрели на корабль. За это время никто больше не упал, остальные беглецы продолжали свое отчаянное восхождение. Наверняка многие видели, как погиб их товарищ. Внизу, где борт был особенно крут и о него бились качающиеся на волнах лодки, еще несколько человек начали подъем. Лодки стали возвращаться, и оттого, что они двигались медленно, толпа на берегу разволновалась. Она почти целиком состояла из разозленных и испуганных людей, которые дожидались переправы к кораблю; офицеры СБ были здесь в жалком меньшинстве. Васко заметил, как один из охранников что-то торопливо говорил в свой браслет, наверняка вызывал подкрепление. Офицер почти закончил, когда кто-то толкнул его, и он упал на землю.

— Пора вмешаться, — сказал Васко.

— Мы не на дежурстве, и нас всего двое, не справимся. Да и непохоже, что это надолго. Считаю, нам тут нечего делать. Перед тем как пойти сюда, я прочитала сводки. К востоку от Высокой Раковины дела обстоят не так плохо. Я хочу есть, да и выпить не отказалась бы. Ты со мной?

— У меня нет аппетита, — ответил Васко. Аппетит был, но пропал, когда Малинин увидел падение человека в море. — Но я бы выпил чего-нибудь. Думаешь, где-нибудь еще открыто?

— Можно проверить несколько местечек.

— Ну, так веди. Похоже, в этом деле ты лучше разбираешься.

— Похоже, ты не любишь гулять, а зря, — сказала она.

Эртон подняла воротник пальто и поглубже натянула шапку.

— Идем. Лучше убраться подальше, пока ноги целы.

Эртон свернула направо, в квартал, расположенный к востоку от Высокой Раковины. Здесь жило много охранников, поэтому место всегда слыло доброжелательно настроенным к администрации. Сейчас тут стояла мрачная, обманчивая тишина. На улицах, в прежние вечера оживленных, никого не было, и, хотя многие заведения закрылись, бар, о котором говорила Эртон, еще работал.

Она отвела Васко в нишу, где стоял стол, добытый, вероятнее всего, на складе центральной хозяйственной службы, и два стула. Над головами висел экран, настроенный на новостной канал администрации, но показывал он сейчас только лицо Клавэйна. Снимок был сделан несколько лет, а может, и веков назад. Клавэйн, каким его успел запомнить Васко, выглядел вдвое старше представленного на экране, в два раза сильнее истерзанным временем и жизненными передрягами. Ниже снимка значились две календарные даты — с разницей примерно на пять веков.

— Я принесу пива, — заявила Эртон, не дав Малинину возразить.

Она сняла пальто и шапку и бросила их на стул напротив Васко.

Малинин проводил взглядом уходящую в сумрак бара спутницу. Похоже, она была тут завсегдатаем. По дороге к нише он заметил несколько лиц, вроде бы знакомых по тренировочному лагерю Сил безопасности. Многие курили морскую траву — особую водоросль с легким наркотическим действием. Опять же, это зелье Васко впервые попробовал в лагере. Морская трава под запретом, но найти ее на черном рынке проще, чем сигареты с обычным табаком, которые, по слухам, поступали из каких-то кладовых, таящихся в чреве «Ностальгии по бесконечности».

К тому времени как Эртон возвратилась, Васко уже снял плащ. Она поставила перед ним стакан с пивом. Малинин

осторожно пригубил. Жидкость в прозрачном стеклянном стакане имела неприятный оттенок мочи. Она тоже делалась из водорослей и была здесь единственным сортом пива, причем в самом приблизительном смысле этого слова.

— Я поговорила с Драйго, хозяином бара, — сообщила Эртон. — Он сказал, что на берег пришли охранники и пробили борта у всех лодок. Покидать берег запрещено, и, как только вернутся ранее отошедшие лодки, они будут реквизированы, а все находящиеся на борту — задержаны.

Васко глотнул пива:

— Рад слышать, что не пущена в ход тяжелая артиллерия.

— Службу не в чем винить. Говорят, несколько человек уже утонули, пытаясь добраться до корабля. Еще двое сорвались с его борта.

— Наверное, ты права, но, по-моему, люди имеют право делать что хотят, даже сводить счеты с жизнью.

— Это может вызвать панику. Рано или поздно кто-нибудь рискнет отправиться к кораблю вплавь, и мы должны быть готовы предотвратить заплыв многотысячной толпы, которая ринется за ним следом. Сколько, по-твоему, доберется до корабля?

— Пусть плывут, — сказал Васко. — Ну, даже если утонут? Или их заразят жонглеры? Неужели ты думаешь, это чем-то хуже того, что ждет нас?

— Мы поддерживали общественный порядок на Арарате больше двадцати лет, — ответила Эртон. — Нельзя в одночасье все пустить на самотек. Те, кто на лодках поплыл к кораблю, похитили ценное имущество колонии. Это несправедливо по отношению к жителям поселка, которые не хотят бежать.

— Но вы не даете альтернативы. Им сказали о гибели Клавэйна, но никто не объяснил, что означают огни в небе. Неудивительно, что люди до смерти перепуганы.

— Вряд ли станет лучше, если мы расскажем им о войне.

Васко тыльной стороной руки стер с губ кольцо пены.

— Я не знаю, но мне противно: кругом болтают, что кому в голову взбредет, только потому, что администрация решила во имя общего блага утаить правду. То же самое было, когда исчез Клавэйн. Скорпион и прочее начальство внушили себе, что нам не пережить отшельничество старика, и пустили слух, что он отправился в кругосветное путешествие. Теперь они

пришли к выводу, что люди не в состоянии переварить обстоятельства смерти Клавэйна.

— По-твоему, Скорпион не сможет управлять колонией?

— Я уважаю Скорпиона, — ответил Васко, — но где он теперь, когда так нужен нам?

— Не ты один задаешься этим вопросом, — сказала Эртон.

Васко краем глаза заметил, что на экране изменилось изображение. Лицо Клавэйна исчезло, и на мгновение его место занял логотип администрации. Эртон повернулась, чтобы лучше видеть, и отпила пива.

— Что-то происходит, — сказала она.

Логотип мигнул и исчез. Теперь они смотрели на Скорпиона, вокруг которого изгибались розовые стены Высокой Раковины. Свинья был в своем обычном неофициальном костюме из черной кожи, голова тяжелым выростом венчала бочкообразное туловище.

— Ты знала, что он будет выступать? — спросил Васко.

— Драйго мне сказал: был анонс, что примерно в это время администрация обратится к колонии с заявлением. Но кто именно будет говорить и о чем, я не знала.

Свинья начал свое выступление. Васко хотел встать и найти регулятор громкости, но тут включилась дополнительная звуковая система, и ясный голос Скорпиона проник в каждую нишу.

— Прошу внимания, — сказал свинья. — Все вы меня знаете. Сейчас я говорю как глава колонии. К сожалению, снова должен повторить, что Невил Клавэйн сегодня погиб при выполнении сверхважного задания, ради сохранения безопасности Арарата. Я, как участник этой операции, свидетельствую, что только благодаря храбрости и самопожертвованию Клавэйна ситуация не стала хуже, чем она уже есть. Операция закончилась успешно, несмотря на гибель Клавэйна. В должное время я подробно проинформирую вас о результатах. Но сейчас речь пойдет о волнении, охватившем этот сектор Первого Лагеря, и о действиях СБ, направленных на восстановление общественного порядка. Прошу слушать внимательно, от этого зависит ваша жизнь. Добраться до «Ностальгии по бесконечности» на лодках без разрешения властей теперь невозможно. Мы не должны рисковать и без того скудными ресурсами колонии. С этого момента все несанкционированные попытки

проникнуть на корабль будут пресекаться самым суровым образом. Я имею в виду расстрел на месте.

Васко взглянул на Эртон, но не понял, что выражало ее лицо — отвращение или немое одобрение.

Скорпион вздохнул и продолжил выступление. Что-то случилось с трансляцией, и временами на экране появлялся прежний снимок Клавэйна, призраком накладываясь на лицо свиньи.

— Однако есть альтернатива. Администрация предлагает всем жителям заниматься своими будничными делами и не пытаться покинуть остров. Но нам известно, что часть населения хочет перебраться на борт «Ностальгии по бесконечности». Администрация обеспечит безопасную транспортировку. Начиная с завтрашнего полудня и столько времени, сколько понадобится, специальный шаттл будет перевозить по сто человек за рейс. Получить место на борту шаттла, а также зарегистрировать свой переезд можно будет в Высокой Раковине и других зданиях администрации или у любого офицера СБ, находящегося при исполнении своих обязанностей. Не следует ударяться в панику и ломиться на первый рейс. Повторяю, шаттл будет летать до тех пор, пока поток желающих не иссякнет.

— У них не было другого выхода, — тихо сказал Васко. — Скорп принял разумное решение.

Свинья между тем продолжал:

— Решившим перебраться на борт «Ностальгии» необходимо учитывать, что условия там, мягко говоря, стесненные. В последние двадцать пять лет на борту редко находилось свыше пятидесяти человек одновременно. Бóльшая часть корабля и сейчас необитаема — она даже не изучена. Чтобы справиться с прибытием сотен, а то и тысяч беженцев, Силам безопасности придется применять строгие правила чрезвычайного положения. Если меры преодоления кризиса в Первом Лагере вам кажутся драконовскими, то жизнь на корабле, обещаю, предстанет сущим адом. Единственным вашим правом останется право на существование, и даже его трактовка будет зависеть от нас.

— О чем он? — спросил Васко, пока Скорпион давал дополнительные разъяснения насчет транспортировки.

— О том, что людей придется заморозить, — ответила Эртон. — Уложить в криокапсулы, благодаря которым беженцы добрались до Арарата.

— Тогда он должен прямо так и сказать.

— Видимо, не хочет.

— Криокапсулы опасны, — вспомнил Васко. — Я знаю, что случилось, когда они массово применялись в последний раз. Очень много народу попросту не проснулось.

— Но это не имеет значения, верно? — спросила Эртон. — Со Скорпионом у нас больше шансов, чем без него. И жестокий порядок только на пользу.

— Все равно не понимаю. Для чего это предложение, если администрация против исхода?

Эртон пожала плечами:

— Может, просто дело в том, что администрация растерялась? Если объявят общую эвакуацию, немедленно начнется паника. Не лучше ли оставить все как есть? Вообрази себя на месте руководства — ты бы тоже не знал, как поступить.

— Не знал бы, — согласился Васко. — Какое бы решение администрация ни приняла, есть риск здорово дать маху.

Эртон многозначительно кивнула. Она уже почти допила пиво.

— Своим предложением Скорпион дает возможность выбора. Кто-то надумает перебраться на корабль, кто-то останется дома. Оптимальное решение — если руководство действительно желает спасти хоть часть населения.

— Но это так цинично.

— Твоя правда.

— В таком случае тебе не о чем волноваться. Скорпион тот самый волевой руководитель, который нам всем нужен.

— Да, — согласилась Эртон. — Он достаточно жесток. Само собой, мы можем неправильно понимать мотивы его решения. Ну а если мы понимаем его совершенно правильно? Тебя это не шокирует?

— Вроде нет... И ты, пожалуй, права. Нам нужна сильная личность, готовая совершать немыслимые поступки.

Васко поставил ополовиненный стакан. Жажда пропала так же, как прежде аппетит.

— Один вопрос, — сказал он. — С чего это ты со мной такая ласковая?

Эртон посмотрела на Васко, как энтомолог смотрит на приколотую к картону неизученную букашку:

— А с того, Васко, что ты можешь оказаться полезным союзником. В долгосрочной перспективе.

Хела, год 2727-й

— До нас дошли новости, Куэйхи, — сказал резной скафандр.

Голос, как всегда внезапный, испугал настоятеля. Он был в зале один. Грилье только что закончил осмотр его глаз, удалив абсцесс под одним из вечно раздвинутых век. Металлические крепления рамок казались сегодня особенно жесткими, словно генерал-полковник медицинской службы специально заточил эти крючочки, пока Куэйхи спал.

Конечно, спал настоятель не по-настоящему. Настоящий сон — непозволительная роскошь, о которой он теперь едва помнил.

— Я давно не получал новостей, — сказал он.

— Мы слышали, что ты сказал внизу на собрании. Ты решил вести собор через Пропасть Искупления.

— Ну, допустим, решил. Но вам-то какое до этого дело?

— Это безумие, Куэйхи. А твое душевное здоровье нас очень заботит.

Куэйхи видел скафандр боковым зрением, тот казался расплывчатым пятном за краем ясного, четкого лика Халдоры. Газовый гигант был наполовину погружен в тень, кремовые, охряные и синеватые полосы пересекали четкую границу дня и ночи, внедряясь во тьму.

— Вам нет до меня дела! — воскликнул он. — Вас беспокоит только собственная шкура — хотите выжить. Боитесь, что если я погублю «Пресвятую Морвенну», вместе с ней погибнете и вы.

— Если погубишь, Куэйхи? Такая постановка вопроса нам совершенно не нравится. Вроде бы прежде ты был настроен на успех.

— Может, я и сейчас настроен, — буркнул он.

«Даже несмотря на то, что такое еще никому не удавалось?»

— «Пресвятая Морвенна» не просто старый собор.

«Ну разумеется. Твой собор самый большой и тяжелый на Пути. Разве это не должно вызывать тревогу?»

— Тем грандиозней будет мой триумф.

— Или катастрофа, если собор сорвется с моста или провалится вместе с ним. Откуда вдруг такая необходимость, ведь твой собор огибал Хелу сотни раз?

— Я почувствовал, что время настало, — ответил Куэйхи. — Вам этого не понять. Божий промысел для вас тайна за семью печатями.

— Ты и впрямь безнадежен. — Внезапно в голосе дешевого синтезатора зазвучала настойчивость, которой не было раньше. — Куэйхи, послушай. Ты вправе распоряжаться «Пресвятой Морвенной» по собственному разумению, мы не можем остановить тебя. Но прежде выпусти нас из этой клетки.

— Боитесь! — растянул он в улыбку жесткие лицевые мышцы. — Что, нагнал я на вас страху?

— Куэйхи, ты выбрал неправильный путь. Ну почему не хочешь учесть доказательства? Исчезновения происходят все чаще. Разве непонятно, что это означает?

— Божий промысел близится к кульминации.

— А может, механизм маскировки пошел вразнос? Выбирай, что больше нравится. Мы свой выбор сделали.

— Мне известны ваши еретические бредни, — ответил настоятель. — Не нужно повторять их.

— Ты считаешь нас демонами, Куэйхи?

— Вы называете себя тенями. Разве тем самым не выдаете свою подлинную бесовскую сущность?

— Мы называем себя тенями, поскольку мы и есть тени, — точно так же, как ты тень для нас. Это констатация факта, Куэйхи, а не теософские рассуждения.

— Я больше не хочу этого слышать.

И правда, он уже достаточно наслушался лжи, искусно сплетенной в паутину, чтобы подорвать его веру. Раз за разом Куэйхи пытался изгнать крамольные постулаты из своей головы, но всегда безуспешно. Пока резной скафандр находится рядом и пока в нем находится это нечто, настоятель не может отгородиться от бесовского внушения. В минуты слабости, столь же непростительные, как и та, что позволила теням появиться здесь двадцать лет назад, он соглашался исполнять

некоторые еретические просьбы. Например, провел поиск в архивах «Пресвятой Морвенны», следуя указаниям теней.

Они изложили свою теорию. Ему это ровным счетом ничего не сказало, но, когда он зарылся в самые глубокие архивные пласты, в записи, столетиями хранившиеся в ветхих, изъеденных коррозией банках данных на торговых кораблях ультранавтов, там кое-что нашлось: намеки на утраченные знания, дразнящие догадки, — и на этой основе его разум мог приступить к составлению общей картины.

Постичь так называемую теорию бран.

В древней космологии существовала модель Вселенной, сохранявшая популярность на протяжении семидесяти лет. Насколько удалось понять Куэйхи, эта теория была даже не опровергнута, а просто отброшена и забыта, задвинута в дальний угол, когда появились новые яркие игрушки. В те времена не было способов выявления достоверности различных соперничающих теорий; если та или иная принималась, то исключительно благодаря возможности втиснуть ее в жесткие эстетические рамки и применить к ней пыточные орудия примитивной математики того времени.

Теория бран утверждала, что воспринимаемая нами Вселенная есть лишь крошечная часть чего-то огромного, тончайшая прослойка шпона в фанерном листе бесчисленных соседствующих реальностей. По мнению Куэйхи, в этом крылось нечто заманчивое в теологическом плане, напоминающее концепцию рая наверху и ада внизу, между которыми втиснут субстрат воспринимаемой человеком действительности.

Однако теория бран не имела ничего общего ни с раем, ни с адом. Она вела происхождение от пресловутой теории струн, а конкретно от ее парадокса, именуемого проблемой иерархии.

Снова ересь. Но Куэйхи уже не мог остановиться, он стал копать дальше.

Теория струн утверждала, что фундаментальными кирпичиками материи являются в минимальном постижимом масштабе простые одномерные петли масс-энергии. Подобно гитарной струне, эти петли могли вибрировать — «звенеть» — в различных модах, каждая из которых соответствует определенной частице в классической шкале. Кварки, электроны, нейтрино, даже фотоны представляют собой лишь различные моды виб-

рации этих фундаментальных струн. Получалось, что даже гравитация может быть образом поведения струны.

Но гравитация сама по себе представляла проблему. В классической шкале, то есть во Вселенной людей и зданий, кораблей и планет, гравитация гораздо слабее, чем принято считать. Да, она удерживает планеты на околозвездных орбитах. Да, она заставляет звезды обращаться вокруг центра масс Галактики. Но в сравнении с другими силами природы гравитация едва ощутима. Когда «Пресвятая Морвенна» опускала электромагнитный манипулятор, чтобы забрать кусок металла у буксира-доставщика, магнит преодолевал силу притяжения Хелы — всю мощь планеты. Если бы гравитация была сопоставима с другими силами, она раскатала бы «Пресвятую Морвенну» в блин атомарной толщины, в металлическую пленку на идеально ровной — благодаря той же гравитации — сферической поверхности планеты. Лишь невероятная по меркам классической шкалы слабость гравитации давала жизни возможность существовать на планетах.

Однако теория струн утверждала, что на самом деле гравитация чрезвычайно сильна, нужно только взглянуть на нее внимательнее. В масштабах шкалы Планка, содержащей наименьшие из возможных величин, теория струн означала, что гравитация нисколько не уступает другим космическим силам. Эта шкала и многие другие аспекты реальности показывала совсем иначе. У нее имелись семь дополнительных измерений, свернувшиеся клубком, точно мертвые мокрицы, — гиперпространства, доступные лишь на микроуровне квантовых взаимодействий.

Такая точка зрения, однако, порождала эстетическую проблему. Другие силы, в совокупности именуемые электрослабым взаимодействием, заявляли о себе как об энергии с особыми свойствами. По утверждению же теории струн, гравитация заметна лишь при условии, что она в миллионы раз превосходит силы электрослабого взаимодействия. Подобные энергии находились далеко за пределами экспериментальных процедур. В этом и состояла проблема иерархии, доставившая физикам немало головной боли. И теория бран — результат одной из попыток избавиться от вопиющей несогласованности.

Теория бран — как понимал ее Куэйхи — утверждала, что гравитация в действительности не уступает электрослабому

взаимодействию даже по классической шкале. Вот только всякий раз она утекает прочь, прежде чем получает шанс показать свои крепкие зубы. То, что остается, — гравитация, которую мы ощущаем в повседневной жизни, — всего лишь жалкие остатки чего-то гораздо более мощного. Львиная доля гравитации рассеивается в стороны, уходит в соседние слои и измерения. Частицы, составляющие бóльшую часть Вселенной, были «приклеены» к базовому объекту, конкретной бране, одному из слоев «фанеры», которая в теории струн называется балк-пространством. Именно поэтому обычная материя Вселенной видна только в одной бране, где ей случилось существовать: материя не вольна перетекать из слоя в слой в объеме балка. Но гравитоны — переносчики гравитации — не имеют таких ограничений. Гравитоны способны путешествовать между слоями, беспрепятственно пронизывая балк.

Лучшая из пришедших на ум Куэйхи аналогий — бумажная книга. Каждое слово текста — вечная и неотъемлемая собственность страницы — знать ничего не знает о содержимом соседних страниц, лежащих всего в доле миллиметра. Зато книжные черви прогрызают блок страниц перпендикулярно.

А что же тени? Вот тут Куэйхи был вынужден сам искать недостающие элементы мозаики. Намеки теней — самая суть ереси — сводились к тому, что они посланцы из соседнего слоя Вселенной или какая-то иная форма коммуникации. Этот слой никак не сообщается с нашим миром, вот контактеры и вынуждены пробираться через балк. Существовала, впрочем, и другая возможность: это не разные браны, а одна, изогнутая на манер шпильки для волос. Если дело обстояло именно таким образом — а тени ничего не говорили ни в пользу одной версии, ни в пользу другой, — то они посланцы не другого мира, а всего лишь области нашей Вселенной, невообразимо удаленной в пространстве и времени. Свет в их области пространства, да вообще любая энергия, кроме гравитационной, способна двигаться только в плоскости браны и не может проникать в межслоевые промежутки, сколь бы ни были те узки. А вот гравитация с легкостью путешествует через толщу балка в любом направлении, перенося информацию из слоя в слой. Звезды, галактики и скопления галактик в локальной вселенной отбрасывают гравитационные тени на соседние слои, воздействуя там на движение звезд и галактик.

Тени были умны, они нашли способ связи в объеме балка. И средой передачи им служила гравитация.

Способов были тысячи. Например, тени могли повлиять на орбиты пары вырожденных звезд таким образом, чтобы при их движении возникала гравитационная рябь. Также они научились создавать миниатюрные черные дыры. Средства для них не имели значения, главное — результат: чтобы в другой точке балка кто-то принимал их сигналы.

Например, вертуны.

Куэйхи рассмеялся своим мыслям. Что ни говори, а мерзкая ересь теней не лишена смысла. Но чего еще он мог ожидать? Где есть Божий промысел, там должны быть и козни дьявола, хитро вплетенные в планы Создателя, дабы лишить бытие человеческое самомалейшего чуда.

— Куэйхи, — подал голос скафандр, — ты нас слышишь?

— Слышу, — ответил он. — Но не хочу с вами разговаривать. Я не верю ни единому вашему слову.

— Если ты не веришь, поверит кто-нибудь другой.

Куэйхи поднял руку, указывая на скафандр. Кисть маячила на периферии его зрения, словно жила самостоятельной жизнью, отделенная от тела.

— Я никому не позволю отравиться вашей ложью!

— Еще как позволишь, если узнаешь, что у них есть то, в чем ты крайне нуждаешься.

Его рука задрожала. Внезапно настоятелю стало очень холодно. Рядом с ним находилось зло. И это зло слишком много знало о его планах.

Куэйхи нажал кнопку переговорного устройства рядом со своим ложем.

— Грилье! — воскликнул он. — Грилье, немедленно сюда! Мне нужна новая кровь!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Хела, год 2727-й

На следующий день Рашмика впервые увидела мост.

При этом не гремели фанфары. Она стояла на обзорной палубе внутри одной из двух головных машин. После инцидента

с наблюдателем в зеркальном шлеме девушка обещала себе больше не подниматься на крышу.

Ее предупредили, что караван вплотную приблизился к ущелью, но на протяжении еще нескольких километров пейзаж останется неизменным. Караван — значительно удлинившийся, поскольку по дороге к нему присоединились новые секции, — тащил свое гигантское змеиное туловище по каньонам с ледяными склонами, крутыми и высокими, в два раза выше самой большой машины. Время от времени он царапал бортами испещренные синими жилами стены ущелий, обрушивая тонны льда. Всегда считалось, что для пеших паломников хождение к экватору крайне опасно, но теперь, когда бедняги были вынуждены продвигаться теми же узкими проходами, что и караван, риск увеличился многократно. Караван не мог объезжать паломников, и тем не оставалось ничего другого, как пропускать машины над собой, молясь о том, чтобы не превратиться в кровавое пятно под колесом, гусеницей или механической ногой.

Если машины щадили пилигрима, того мог прикончить ледопад.

Со смесью ужаса и сочувствия Рашмика смотрела, как пешеходы группа за группой исчезают под огромным туловом каравана. Узнать, удалось ли этим несчастным подняться, не было никакой возможности, и она сомневалась, что караван остановится, даже если случится несчастье.

Потом каньон плавно повернул направо, и пейзаж вдруг исчез — у Рашмики прямо-таки душа ушла в пятки. Она и не замечала, насколько привыкла к ползущим навстречу от горизонта все новым и новым белым утесам. Теперь же земля рухнула вниз, а вслед рывком опустилось черное небо — словно полуспущенный занавес над сценой развернулся во всю ширь. Голодное небо жадно вгрызлось в землю.

Выбравшись из каньона, дорога бежала теперь по карнизу вдоль Рифта Гиннунгагапа. Слева от нее отвесные стены поднялись еще выше; справа Рашмика не видела вообще ничего. Дорога была достаточно широка, чтобы могли разъехаться два каравана, причем правый бок правого каравана отделяло от обрыва не более двух или трех метров. Девушка оглянулась на вереницу разномастных машин — весь караван вдруг предстал как на ладони — и увидела колеса, катки, траки, ступни, поршневые ноги и панцирные пластины; все это уверенно продви-

галось вперед, роняя тонны льда при каждом соприкосновении с обрывом. По всей длине каравана мастера вождения сосредоточенно правили, избегая риска размозжить машину о стену слева и сорваться в пропасть справа.

Караван не мог тормозить, ведь для того и выбран был этот короткий путь, чтобы наверстать драгоценное потерянное время. Рашмика попыталась вообразить, что произойдет, если одно из его звеньев допустит роковую ошибку. Она знала, как соединены между собой машины, но понятия не имела о том, насколько прочны переходники. Может ли одна злополучная машина утащить за собой весь караван в Пропасть, или она успеет отцепиться? Существует ли некий жуткий протокол, определяющий, как поступать в таких случаях?

Что ж, Рашмика едет на головной машине. Если и можно найти безопасное место, так только здесь, где у водителя наилучший обзор дороги.

Через несколько минут, в течение которых никакой аварии не случилось, девушка слегка успокоилась и впервые как следует присмотрелась к мосту, который все это время виднелся впереди.

Караван катил на юг, в сторону экватора, вдоль восточного края Рифта Гиннунгагапа. Мост находился южнее. Возможно, то была лишь игра воображения, но Рашмике казалось, что вдали, где теряется Пропасть, заметна кривизна поверхности планеты. Кромка обрыва в сплошных зубцах, но, если мысленно сгладить их, покажется, что она изгибается пологой дугой, наподобие траектории спутника. Трудно было определить на глаз, сколь далеко отсюда мост и какова ширина Рифта в том месте. Но Рашмика помнила, что длина моста сорок километров. Обычные законы перспективы тут не работали. Ни тебе ориентиров, позволяющих судить о расстояниях, ни искажения контуров или красок по вине атмосферы. Хотя мост казался невероятно далеким, он мог находиться как в пяти, так и в сорока километрах от каравана.

Рашмика решила, что до него пятьдесят—шестьдесят километров птичьего полета — более двух сотых окружности Хелы. Но дорога тут вовсю петляла и не раз выписывала круги. Девушка не удивилась бы, если бы этот отрезок пути составил добрую сотню километров. Зато она видит мост — сбылась давняя мечта. Рашмика часто слышала, что никакие изображения не передают подлинного величия этой постройки. И теперь она

убедилась в этом. Чтобы понять, что такое мост, нужно увидеть его собственными глазами.

Больше всего поражало и пугало людей то, что мост выглядел совсем обыкновенно. Невзирая на его огромные размеры, на необычность использованных для его постройки материалов, казалось, что его перенесли сюда со страниц человеческой истории, соорудив где-то на Земле в век железа и пара. Мост создавал в воображении лошадей и фонари, дуэли и тайные свидания, зимние дворцы и музыкальные фонтаны — если забыть о том, какой он огромный и будто бы выдутый из стекла или вырезанный из сахара.

Арка моста протянулась через Пропасть от края до края, описав плавную дугу. Остальные детали были идеально прямыми. И никаких построек; отсутствовали даже ограждения по бокам, а от узости дорожного полотна аж дух захватывало — прямая, как клинок рапиры, блестящая полоса. В некоторых местах вроде зияли бреши, но эта иллюзия исчезла, когда Рашмика наклонила голову. Столь малого смещения хватило, чтобы на дистанции пятьдесят километров деликатнейшая конструкция визуально воспринималась совсем по-другому. Пролет на большей части своей протяженности не поддерживался ничем, однако с обеих сторон в пяти-шести километрах от стен Пропасти виднелась филигрань опор, соединяющих их с мостом. Опоры состояли из сюрреалистически вычурных завитков, петель, спиралей и виньеток; все это кружево ловило свет и отбрасывало к Рашмике не только белизну и серебро, но всю радугу призматического спектра. Малейший наклон головы заставлял краски складываться в новую великолепную калейдоскопическую картину.

Мост выглядел столь хрупким, что казалось, неосторожным вздохом можно разнести его в пыль.

А они собирались пересечь по этой ленточке Пропасть.

Арарат, год 2675-й

Умывшись и позавтракав, Васко отправился в ближайшее отделение Сил безопасности — надо было отчитаться и получить новое задание. Проспал он не больше четырех часов, но тревожная бодрость, которая помогла провести на ногах минувшую ночь, никуда не делась, разве что чуть ослабла.

Первый Лагерь был обманчиво тих; на улицах горы мусора, некоторые жилища разрушены, кое-где видны следы пожаров. Но огромные толпы исчезли. Может быть, люди прислушались к заявлению Скорпиона и разошлись по домам, вдруг уразумев, какие лишения ожидают их на борту «Ностальгии по бесконечности»?

Васко понял свою ошибку, едва свернул за угол перед отделением СБ. На здание напирала гигантская серая толпа, многие сотни людей были притиснуты друг к другу, их пожитки свалены у ног. Стоя у турникетов, за порядком следил десяток охранников с легким ручным оружием, которое, впрочем, не было направлено на толпу. Несколько офицеров Сил безопасности, а с ними невооруженные чиновники администрации сидели за столами, расставленными прямо на улице перед двухэтажной постройкой из раковин. Бюрократическая процедура была в самом разгаре: личные документы заполнялись, читались, скреплялись печатью. Видно было, что большинство колонистов решили не дожидаться официальных распоряжений: они пришли, готовые к немедленному отлету, и, судя по выражению лиц, лишь единицы могли передумать.

Васко пробрался сквозь толпу, изо всех сил стараясь не толкаться. Эртон нигде не было видно, впрочем она была приписана к другому отделению. Остановившись перед столом, Васко дождался, когда офицер закончит регистрацию очередного беженца.

— Рейсы начнутся в полдень, никаких изменений? — вполголоса спросил Малинин.

— Раньше, — последовал такой же тихий ответ. — Решено поторопиться, иначе могут быть серьезные проблемы.

— А как мы все поместимся там? — спросил Васко. — Столько народу распихать по криокапсулам, это ж не один месяц нужен.

— Скажи это свинье, — отрезал офицер и принялся штамповать бумаги, едва заглядывая в них.

Внезапно Васко ощутил затылком теплое дуновение и оглянулся. Ослепительное сияние скользнувшего над площадью шаттла, непонятно, большого или малого, заставило прищуриться. Малинин решил, что шаттл сейчас сбросит скорость и пойдет на посадку, но машина заложила вираж и полетела к берегу, в сторону возвышающегося корабля. Шаттл скользнул под облаками, словно осколок солнца.

— Видишь, перевозка уже началась, — сказал офицер. — Словно это кого-то успокоит...

— Наверное, Скорпион знает, что делает, — сказал Васко и отвернулся, прежде чем собеседник успел ответить.

Малинин протолкался мимо столов регистрации через толпу и вошел в постройку из раковин. Внутри было то же, что снаружи: люди стояли с пожитками и документами в руках, везде плакали дети. Васко ощущал, как с каждой минутой паника нарастает.

Он пробрался в ту часть здания, что предназначалась только для персонала СБ. В комнатке с круглыми стенами, где Васко обычно получал наряд на дежурство, он обнаружил за низким столиком с чашками водорослевого чая троих. Он знал их всех.

— Малинин, — сказала Гундерсон, молодая женщина с короткими рыжими волосами, — чему обязаны таким счастьем?

Васко не обратил внимания на ее тон.

— Я пришел на службу, — ответил он.

— Мне казалось, ты теперь не якшаешься с такими, как мы, — фыркнула она.

Васко перегнулся через столик и сорвал со стены лист с разнарядкой.

— С кем хочу, с тем и якшаюсь, — буркнул он.

Второй в троице, свинья по имени Фленсер, сказал:

— Я слыхал, шишки из администрации решили забрать тебя к себе.

Просмотрев список, Васко не нашел своей фамилии.

— Ты имеешь в виду Скорпиона?

— Могу поспорить, ты больше нашего знаешь о происходящем, — снова заговорила Гундерсон.

— Если и так, я вряд ли стану это обсуждать. — Васко пришпилил лист к стене. — Сказать по правде, мне известно мало.

— Так мы и поверили, — сказал третий — мужчина по имени Кори. — Малинин, собрался лезть наверх, так хоть врать научись.

— Спасибо, — улыбнулся Васко, — но у меня другие планы. Я хочу принести пользу колонии.

— Хочешь знать, куда тебе надо пойти? — спросила Гундерсон.

— Не откажусь от подсказки.

— Велено тебе кое-что передать, — продолжала она. — В восемь ты должен быть в Высокой Раковине.

— Благодарю за помощь. — Васко повернулся к выходу.

— Дебил ты, Малинин, — раздалось за спиной. — Возомнил, будто ты чем-то лучше нас?

— Нет, — ответил он, удивленный своим спокойствием. Потом повернулся, чтобы взглянуть девушке в лицо. — Я считаю свои способности довольно средними. Просто у меня есть чувство ответственности, и оно говорит, что каждый из нас должен служить Арарату в меру своих сил. И если ты со мной не согласишься, я буду просто изумлен.

— Думаешь, теперь, когда Клавэйна больше нет, у тебя появился шанс пролезть в начальство?

На лице у Васко отразилось искреннее недоумение.

— Ни разу такое в голову не приходило.

— Отлично — потому что иначе ты бы совершил серьезную ошибку. У тебя, Малинин, для такого дела кишка тонка. У всех у нас для этого кишка тонка, но у тебя — в особенности.

— У меня в особенности? Почему ты так решила?

— Потому что ты никогда не решишься пойти против свиньи, — сказала она таким тоном, словно это было очевидно и ей, и ее товарищам.

В Высокой Раковине Антуанетта Бакс уже сидела за столом, раскрыв перед собой компад. Круз, Пеллерин и еще несколько человек из начальства тоже сидели. Наконец в комнату вошел Кровь, вразвалку, словно борец.

— Надеюсь, причина веская, — сказал он. — Будто у меня нет другого дерьма, которое срочно нужно разгрести.

— Где Скорпион? — спросила Антуанетта.

— В изоляторе, навещает мамашу с дочкой. Придет, как только освободится, — ответил Кровь.

— А Малинин?

— Я просил передать ему, чтобы явился сюда. Думаю, скоро будет.

Кровь плюхнулся на стул. По привычке он достал нож и принялся задумчиво скоблить подбородок. Лезвие поскрипывало, как сверчок.

— Итак, у нас проблема, — сказала Антуанетта. — За последние шесть часов поток нейтрино из реактора утроился.

Если увеличится еще процентов на десять-пятнадцать, то кораблю не останется ничего другого, как взлететь.

— Выброса пока нет? — спросила Круз.

— Нет, — ответила Антуанетта, — и я очень беспокоюсь о том, что будет, когда двигатели начнут развивать тягу. В момент посадки корабля на берегу никого не было. Нам следует серьезно подумать об эвакуации людей. Я бы рекомендовала всем перебраться на удаленные острова, хотя понятно, что при нынешней загрузке шаттлов и лодок это невозможно.

— Помечтай, помечтай, — буркнул Кровь.

— Все равно придется что-то предпринять. Когда капитан решит взлететь, на берег обрушится цунами, поднимутся облака перегретого пара, рев будет такой, что на сотни километров все вокруг оглохнут. Не говоря уже о радиации... — Для пущей доходчивости Антуанетта сделала паузу. — Вряд ли в такой среде вам захочется появиться иначе как в скафандре.

Кровь закрыл лицо руками, сложив короткие тупые свиные пальцы. Антуанетта видела, как то же самое делал Скорпион в разгар кризиса. Теперь, когда Клавэйна не стало, а Скорпион занят другими делами, Кровь получил власть, о которой так тосковал. Но Антуанетта сомневалась, что удовольствие продлится больше пяти минут.

— Я не могу эвакуировать весь город, — сказал свинья.

— У нас нет выбора, — настойчиво повторила она.

Кровь опустил руки и ткнул пальцем в окно:

— Этот гребаный корабль наш! Мы не должны думать и гадать о его намерениях. Мы должны отдавать ему приказы, какие сочтем нужными.

— Сожалею, но дела обстоят иначе, — ответила Антуанетта.

— Начнется паника, — подала голос Круз. — Какой не бывало прежде. Нам придется демонтировать все станции переработки и заново собрать их в другом месте. Это задержит массовую перевозку людей на «Ностальгию» по меньшей мере на сутки. А те, кого мы эвакуируем из Первого Лагеря, где будут ночью спать? На островах нет никаких жилищ — только скалы. К утру сотни умрут от переохлаждения.

— У меня нет ответов на все вопросы, — проговорила Антуанетта. — Я просто хотела обозначить круг проблем.

— Но мы должны что-то сделать, — сказала Круз. — Черт, у нас должны быть решения на случай непредвиденных обстоятельств.

— Должны быть — не то же самое, что есть, — сказала Антуанетта.

Так часто говорил ей отец. Это всегда раздражало, и теперь, услышав, как те же самые слова сорвались с ее губ, она вдруг испугалась.

— Пеллерин, — спросил Кровь, — чем может помочь отряд пловцов? Похоже, Арарат на нашей стороне, иначе он не обеспечил бы лодкам проход до корабля. Тебе есть что сказать?

Пеллерин отрицательно покачала головой:

— Пока ничего предложить не могу. Если мы увидим, что активность жонглеров снизилась до нормального уровня, я дам разрешение на разведывательный заплыв, но пока это невозможно. Кровь, я никого не посылаю на смерть, особенно если знаю, что толку от этого не будет.

— Ясно, — отозвался свинья.

— Погодите, — заговорила Круз. — Давайте взглянем на ситуацию под другим углом. Если старт корабля способен наделать столько бед, значит нужно просто быстрее переправить всех на борт.

— Мы и так работаем на пределе возможного, — ответил Кровь.

— Тогда сократите бюрократическую часть, — предложила Антуанетта. — Перевезите всех людей на борт, а о формальностях подумаем позже. Не нужно гробить столько времени на заполнение ненужных бумаг. Проклятье, я бы все отдала сейчас за мой «Буревестник».

— Пожалуй, ты можешь кое-что для нас сделать, — произнесла Круз.

— Например? — спросила Антуанетта, глядя в единственный глаз Орки.

— Отправляйся на «Ностальгию». Попробуй уговорить. Скажи ему, что мы можем не успеть.

Не это хотелось услышать Антуанетте. После разговора с капитаном страх еще сильнее укоренился в ней; при мысли, что придется снова общаться с призраком, по коже пошел мороз.

— А если он не захочет говорить со мной? — спросила она. — Даже если захочет, то может не прислушаться к моим соображениям.

— Зато ты поможешь нам выиграть время, — сказала Круз. — По мне, это лучше, чем ничего.

— Пожалуй, — неохотно согласилась Антуанетта.

— Сейчас добраться до корабля легко, — бодро продолжала Круз. — Администрация даст пропуск, и через полчаса ты будешь на «Ностальгии».

Словно тут есть чему радоваться.

Глядя на свои пальцы, унизанные самодельными ажурными перстнями, Антуанетта вяло прикидывала, как бы уклониться от жуткого поручения, и тут в комнату вошел Малинин. Он раскраснелся, волосы блестели от дождя или пота. Ей вдруг подумалось, что Васко чересчур молод, чтобы находиться здесь, среди начальства; казалось несправедливым загружать его такими проблемами. У молодых есть привилегия надеяться, что все мировые сложности в итоге решаются просто.

— Садись! — приказал Кровь. — Хочешь чего-нибудь — чая, кофе?

— Я с трудом пробился в свое отделение СБ за разнарядкой, — сказал Васко. — Там огромная толпа, и народ все прибывает. Люди увидели мою форму и накинулись — требовали, чтобы я обеспечил им места на шаттлах.

— И ты пообещал? — играя ножом, спросил свинья.

— Разумеется, нет. Но я надеюсь, тут все понимают серьезность проблемы.

— Некоторое представление имеется, спасибо, — проговорила Антуанетта.

Она встала, одернула форменную рубашку.

— Куда ты? — спросил Васко.

— Поболтать с капитаном, — ответила Бакс.

В другой части Высокой Раковины, несколькими этажами ниже, с большими затратами времени и энергии строителями были выжжены несколько соединенных между собой комнат, напоминающих раковины гребешка. В этих помещениях теперь размещались детская и взрослая больницы Первого Лагеря, где жители получали минимальное медицинское обслуживание.

Два зеленых механических санитара, звякая тонкими членистыми манипуляторами, поспешно уступили Скорпиону дорогу, когда тот вошел в первую комнату. Центр комнаты занимала кровать, возле нее был подвешен инкубатор, с другой стороны стоял стул.

Со стула поднялся доктор Валенсин, отложив в сторону включенный компад.

— Как она? — спросил Скорпион.

— Мать или дочь?

— Не умничайте, доктор, я не в настроении.

— С матерью все в порядке, если не брать во внимание естественные последствия стресса и усталости.

Молочно-серый дневной свет сочился в комнату через узкое окно, незакрашенную полосу в материале раковины, и отражался в стеклах ромбовидных очков доктора Валенсина.

— Думаю, время и отдых помогут ей. Никакое дополнительное лечение не требуется.

— А что скажете об Ауре?

— С девочкой, слава богу, все в порядке. Лучше, чем можно было ожидать.

Скорпион присмотрелся к маленькому существу в инкубаторе, на удивление сморщенному и красному. Девочка вздрагивала, словно выброшенный на берег морской зверек.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Тогда я объясню, — пообещал доктор Валенсин. Его черные как смоль волосы бликовали кобальтово-синим. — Ребенок перенес четыре потенциально травматичные процедуры. Первое: введение Ремонтуаром имплантатов ради возможности общения Ауры с родной матерью. Потом девочка была извлечена хирургическим путем из материнской утробы. Затем ее поместили в Скади, — возможно, перед этим она некоторое время провела в инкубаторе. И наконец, ее вынули из утробы Скади в малопригодных для такой операции полевых условиях.

Насколько понял Скорпион, Валенсин уже знал всю историю экспедиции к айсбергу.

— Поверьте мне на слово: выбирать нам не приходилось.

Валенсин переплел пальцы:

— Что ж, она отдыхает. Это хорошо. Похоже, пока никаких осложнений нет. Но со временем... кто знает? Если Хоури сказала правду, то Аура с рождения должна развиваться нестандартно. — Валенсин опустился на стул. При этом его ноги сложились, как длинные ходули на шарнирах; складки брюк были острыми, словно бритвы. — Кстати, у Хоури есть просьба. Думаю, вам лучше услышать ее первым.

— Говорите.

— Она хочет, чтобы девочку опять поместили в ее матку.

Скорпион снова взглянул на инкубатор. Это была большая, более совершенная и сложная версия того агрегата, который они брали с собой на айсберг. Инкубаторы на Арарате считались ценнейшими техническими устройствами, их работоспособность поддерживали особенно тщательно.

— Это возможно? — спросил свинья.

— В обычных обстоятельствах я бы никогда не взялся за такую операцию.

— Но обстоятельства необычны.

— Поместить ребенка обратно в утробу матери — не каравай в печь вернуть, — объяснил Валенсин. — Тут потребуется микрохирургия, гормональная перенастройка... целый набор сложных процедур.

Скорпион пропустил мимо ушей снисходительный тон врача:

— Но это возможно?

— Да, если мать хочет этого так сильно.

— Опасно?

Через секунду Валенсин кивнул, словно до сих пор думал только о технических проблемах, а не о риске для жизни.

— Да. И для матери, и для ребенка.

— Тогда это исключено, — сказал Скорпион.

— Вы очень уверены в своих решениях.

— Эта девочка стоила жизни моему другу, и я не могу ее потерять.

— Надеюсь, вы сами сообщите это матери.

— На этот счет не беспокойтесь, — сказал Скорпион.

— Отлично.

Скорпиону показалось, что доктор разочарован.

— И еще одно: во сне она опять произнесла это слово.

— Какое слово?

— Хелла, — ответил доктор Валенсин. — Или что-то вроде.

Хела, год 2727-й

Ожидания Рашмики на поверку оказались слишком оптимистичными. Ей казалось, что караван достигнет восточной оконечности моста через два-три часа, но прошло уже четыре, а он, похоже, одолел всего полпути. К ее немалой досаде, до-

вольно часто караван поворачивал в обратную сторону, повторяя очертания извилистой, как синусоида, стены ущелья. Несколько раз приходилось протискиваться через тоннели, и там машины двигались не быстрее пешехода, грохоча бортами о лед. Пару раз караван приходилось останавливать для устранения технических неполадок — каких именно, объяснить никто не удосужился. После этих остановок Рашмике казалось, что водители пытаются наверстать упущенное, отчего машины подскакивали и часто кренились то к стене ущелья, то к пропасти; это лихачество только усиливало ее страх. Она обрадовалась, узнав от квестора, что караван пойдет по мосту, однако теперь ей думалось, что значительно безопаснее было бы спуститься на дно ущелья по серпантину.

Дорога вдоль обрыва была рукотворной. Проход пробивали или бурили в скалах на протяжении минувшего века, и за это время он не раз перестраивался и ремонтировался. Несомненно, в прошлом отдельные участки дороги не единожды обрушивались и сорвавшиеся машины по долгой параболе падали на дно Рифта. Но мост был намного старше. Конечно же, он не дожидался именно Рашмику, чтобы провалиться и оборвать ее жизнь.

Если такое случится, для нее это будет невероятная честь. Без которой она прекрасно обойдется... Поскорей бы оказаться на той стороне.

Глядя в окно, Рашмика заметила несколько вспышек, похожих на те, что видела с крыши. Эти были ярче — несомненно, караван находился ближе к их источнику, — и они оставили на сетчатке отпечаток, угасающую полусферу, не исчезавшую, как ни моргай.

— Гадаешь, что это? — раздалось у нее за спиной.

Рашмика обернулась, уже поняв по голосу, что это не квестор, а молодой человек, причем с акцентом уроженца ее краев.

«Брат?» — вспыхнула счастливая мысль.

Но это был не Харбин.

Она вообще не узнала этого парня. Он был выше ее и, как ей показалось, немного старше. А кроме того, в выражении его лица — в глазах, решила девушка, присмотревшись, — было что-то делавшее его намного старше.

Не такой уж урод, решила она. У него было худое, серьезное лицо с широкими скулами и до того резкой линией подбород-

ка, что казалось, кость вот-вот прорвет кожу. Волосы подстри жены гораздо короче, чем ей нравилось, так что не скрывали очертаний черепа: идеальный объект для френолога. Уши ма ленькие, но оттопыренные слишком сильно; наверняка парень их стыдится. Шея тонкая, выпирающее адамово яблоко — Раш мика всегда тревожилась, встречая мужчину с таким кадыком: что это лезет у него из горла, не надо ли затолкать обратно, пока не случилось беды?

— Откуда ты знаешь, о чем я гадаю? — спросила Рашмика.

— Но гадаешь же?

Она чуть поморщилась:

— Ну а тебе все про них известно, да?

— Это взрывчатка, — ответил он спокойно, словно привык к такой грубости. — Атомные заряды для расчистки. Божественный Пламень.

Рашмика уже догадывалась, что вспышки имеют отношение к Пути.

— Вот уж не думала, что такие вещи все еще применяются.

— Вообще-то, довольно редко. Я не знаю подробностей, но несложно догадаться, что на Пути образовался очень большой завал. Конечно, его можно ликвидировать обычной взрывчаткой и техникой, но это дело долгое. А времени у чистильщиков как раз и не бывает, в особенности когда соборы так близко. Думаю, не обошлось без диверсии.

— Просвети меня, пожалуйста.

— Бывает, какой-нибудь собор сильно отстает. И тогда он устраивает подрыв на Пути, чтобы задержать идущие впереди соборы. Как правило, злой умысел доказать не удается...

Рашмика рассмотрела одежду парня: брюки, рубашка с высоким воротником и свободными рукавами, легкие туфли на плоской подошве; все серое и неприметное. Никаких нашивок, говорящих о ранге, чине, богатстве или религиозной принадлежности.

— Кто ты? — спросила Рашмика. — Говоришь со мной так, словно мы уже встречались, но я тебя совсем не знаю.

— Мы встречались, — ответил молодой человек.

Его лицо подтверждало: он говорит правду или, по крайней мере, сам верит в то, что не лжет. Но Рашмика, видя такую уверенность, решила стоять на своем, пусть и вопреки логике:

— Похоже, ты ошибаешься.

— Повторяю, мы встречались. И ты должна быть кое за что благодарна мне.

— В самом деле?

— Я спас тебе жизнь, когда ты с крыши заглядывала в лестничную шахту. Не дал тебе упасть.

— Это был не ты, — возразила она. — Это был...

— Наблюдатель? Да, верно. Но разве этим наблюдателем не могу быть я?

— Не говори глупостей, — буркнула Рашмика.

— Почему не веришь? Разве ты видела мое лицо?

— Видела, но не разглядела.

— Тогда у тебя нет оснований утверждать, что это не я. Да, этим наблюдателем мог быть любой человек из находившихся на крыше. Но ведь там больше никого не было.

— Но ты не наблюдатель.

— Да, я больше не наблюдатель.

Рашмика не нуждалась в компании. Не только в компании этого парня, но и вообще мужской. Какой бы то ни было. Ей хотелось только следить за медленным приближением моста и самоуспокоения ради мысленно составлять карту лежащего впереди участка Пути. Ей не нужен был ни этот бестолковый разговор, ни мешающий сосредоточиться собеседник.

— И как это понимать? — спросила она. — Ты наблюдатель или нет?

— Был наблюдателем, но больше им не являюсь.

Рашмике стало жаль его.

— Из-за случившегося на крыше?

— Нет. Конечно, это тоже не пошло на пользу, но у меня и прежде были сомнения.

— Вот оно что...

Коли так, ее совесть чиста.

— И все же не скажу, что ты не сыграла в этом заметную роль.

— То есть?

— Я увидел тебя в первый же раз, как ты появилась на крыше. Тогда я лежал на платформе вместе с другими наблюдателями. Нам полагалось неотрывно смотреть на Халдору, презрев все внешнее. Можно было бы добиться этого механическим путем, ограничив поле зрения и зафиксировав взгляд на планете, но такой способ сочтен негодным. Необходим элемент

дисциплины, самоконтроля. Считается, что наблюдатель должен видеть Халдору каждое мгновение вопреки всем отвлекающим факторам. В наших шлемах есть устройства, которые записывают малейшие движения глаз, регистрируют, насколько добросовестно мы исполняем свой долг. А я увидел тебя. Сначала только боковым зрением. Но мои глаза непроизвольно повернулись, чтобы сфокусироваться на тебе, на долю секунды потеряв Халдору.

— Печально, — прошептала она.

— Печальней, чем ты думаешь. Даже столь малая провинность наказуема. И дело не в том, что я отвел взгляд от планеты, а в том, что мое место на платформе мог бы занимать кто-нибудь по-настоящему бдительный. Получается, я согрешил — ведь есть возможность, пусть крайне маленькая, что именно в эту секунду Халдора могла исчезнуть. Я и сам не лицезрел бы чудо, и лишил бы этого счастья более достойного наблюдателя.

— Но исчезновения не было. Тебя не в чем обвинить.

— Поверь, у нас на это смотрят совсем иначе.

Парень уставился себе под ноги, как ей показалось, с довольно жалким видом.

— В общем, это академический вопрос. Моя вина несомненна: стоило отвести взгляд, и я перестал смотреть на Халдору. Не смотрел даже в тот момент, когда осознал, что потерял визуальный контакт с планетой. Вместо этого я пытался рассмотреть тебя, удерживал в фокусе, не решаясь двинуть ни рукой, ни ногой. Не видел лица, но видел, как ты двигаешься. Я понял, что ты женщина, и тогда стало еще хуже. Это было уже не праздное любопытство. Если бы меня отвлекла какая-то странность в ландшафте, еще куда ни шло...

Когда он сказал «женщина», Рашмика ощутила немой восторг, который, как она надеялась, не отразился на ее лице. Прежде, называя ее так, говоривший неизменно прибавлял эпитет «молодая» или еще что-нибудь столь же уничижительное.

— Но как ты узнал, кто я?

— Я не знал, — ответил он. — По крайней мере, не знал наверняка. Но когда ты снова пришла, я подумал: надо же, какая самостоятельная. На моей памяти еще никто не поднимался на крышу, кроме наблюдателей. А когда ты чуть не свалилась, я увидел твое лицо. Не очень отчетливо, но достаточно, чтобы впоследствии тебя узнать.

Несколько секунд парень молча смотрел на горный пейзаж за окном.

— Когда заметил тебя здесь, — продолжил он, — я еще сомневался. Но увидел вспышки и понял: это мой шанс. Я рад, что заговорил с тобой. Похоже, ты славная девушка — какой и показалась мне тогда на крыше. Можно спросить, как тебя зовут?

— Если назовешь свое имя.

— Петр, — сказал парень. — Петр Вейл. Я с Утеса Череп, это возле Перевала Гирроккин.

— Рашмика Эльс, — осторожно представилась она. — Я с Высокой Осыпи, это на Равнине Вигрид.

— Ага, я сразу заметил выговор. Я не с Равнины, но все равно мы соседи.

Рашмика разрывалась между вежливостью и враждебностью:

— У нас гораздо меньше общего, чем тебе кажется.

— Зачем так говоришь? Мы оба едем на юг, верно? Оба решили добираться до Пути на караване. Какая между нами разница?

— Достаточная, — отрезала Рашмика. — Я не паломница. Я... веду поиск.

Петр улыбнулся:

— Называй это как хочешь.

— Я тут по личному делу. По личному секулярному делу, не имеющему никакого отношения к твоей вере, которую, кстати, я не разделяю, но которая все поделила на черное и белое.

— Я не ошибся. Ты действительно серьезный и решительный человек.

Это ей не понравилось.

— Ты не собираешься вернуться к своим друзьям?

— Туда меня больше не пустят, — ответил он. — Наблюдатели могут простить секундную невнимательность и даже тот грех, о котором я рассказал. Но стоит покинуть их, и все, обратной дороги нет. Ты для них пария.

— Почему же ты ушел?

— Я же объяснил: из-за тебя. Увидел там, наверху, женщину, и в броне моей веры появилась трещина. Сейчас я думаю, броня эта была не так уж крепка, иначе я просто не заметил бы

тебя. Во второй раз, когда ты едва не упала, я уже всерьез сомневался, что стоит держаться за свою веру.

Рашмика хотела возразить, но Петр поднял руку:

— Не вини себя. На твоем месте мог оказаться любой. Просто моя вера никогда не была такой же твердой, как у остальных. И, думая о том, что ждет впереди, о том, на что обрекаю себя, я понял: у меня нет сил через это пройти.

Она знала, о чем речь. Суровость теперешнего этапа паломничества — пустяк по сравнению с тем, что ожидает Петра в соборе, куда он держит путь. Его веру существенно укрепят с помощью специальных препаратов. Парня хирургически и нейрохирургически приспособят для непрерывного наблюдения за Халдорой — и пересменок уже не будет. Ни сна, ни отдыха, ни даже возможности закрыть глаза.

Только безмолвное слежение — до самой смерти.

— У меня тоже не нашлось бы на это сил, — призналась она. — Даже если бы я верила.

— А почему ты не веруешь?

— Я верю в рациональное объяснение. Я не верю, что планеты могут исчезать без серьезной причины.

— Но причина есть. И наверное, самая что ни на есть серьезная.

— Божий промысел?

Петр кивнул. Рашмика завороженно смотрела, как его адамово яблоко тычется в край высокого воротника рубашки.

— Но почему здесь, почему сейчас?

— Потому что настал Конец Времен, — ответил Петр. — Мы пережили человеческие войны и человеческие эпидемии. Потом столкнулись с нечеловеческими войнами и болезнями. Ты никогда не интересовалась, откуда берутся беженцы? Не задумывалась, почему они летят сюда из всех звездных систем Галактики? Они знают правду. Знают, где все случится и откуда все начнется.

— Мне показалось или ты говорил, что больше не веруешь?

— Я сказал, что не уверен в силе своей веры. А это не одно и то же.

— Думаю, если Бог захочет поставить точку, Он найдет для этого способ получше, чем бессистемные исчезновения газового гиганта в уйме световых лет от Земли.

— Но эти исчезновения не бессистемны, — возразил Петр, не обратив внимания на прочее сказанное Рашмикой. — Случайными их считают обыватели, но церкви знают правду, и те, кто удосужился изучить данные об исчезновениях, тоже знают.

Вопреки собственной воле Рашмика вдруг заинтересовалась. Петр был прав насчет обывателей: церкви всегда утверждали, что исчезновения происходят случайно, по неподвластному людям Божьему промыслу. Рашмика принимала это как данность, не задавая вопросов, что, конечно же, стыдно. И никогда не думала, что правда может быть гораздо сложнее. Она была слишком увлечена изучением вертунов, чтобы смотреть хоть немного дальше собственного носа.

— Если исчезновения не случайны, — спросила она, — что за ними стоит?

— Не знаю, как их назвать с точки зрения математика или физика. Я не тот и не другой. Знаю лишь то, что слышал от людей. Верно, предсказать исчезновения невозможно — и в этом смысле они действительно случайны. Однако периоды между исчезновениями, начиная от самого первого, свидетелем которому был Куэйхи, определенно становятся короче. Похоже, до сих пор никто не отдавал себе в этом отчета. Но если увидишь статистику, у тебя не останется никаких сомнений.

По затылку Рашмики пробежал холодок.

— Хочу увидеть статистику, давай ее сюда.

Караван накренился, резво сворачивая влево и углубляясь в один из тоннелей.

— Покажу то, чем располагаю, — пообещал Петр. — Достоверны эти данные или нет, другой вопрос.

— Петр, ты меня запутать хочешь?

Караван протискивался сквозь узкую нору в скале, скрежеща бортами по обледенелым выступам. Рашмика услышала, как на крышу с грохотом обрушился целый пласт не то льда, не то породы. Как там наблюдатели, не случилось ли с ними чего?

— Мы доберемся до моста через четыре или пять часов, — сказал Петр. — Когда будем на середине, давай встретимся на крыше — там, где и в первый раз. Покажу тебе кое-что интересное.

— Зачем нам встречаться на крыше, Петр? Разве я могу тебе доверять?

— Конечно можешь, — ответил он.

И Рашмика согласилась, но лишь по той причине, что ви дела: парень верит в собственные слова.

Арарат, год 2675-й

Хоури проснулась. Когда она открыла глаза, рядом был Скорпион, сидел на стуле, где раньше сидел доктор Валенсин. Прошел час, и свинья опоздал на собрание в Высокой Раковине. Он не расстроился, считая обмен честным.

Хоури мигнула и протерла заспанные глаза. На ее губах белели полоски высохшей слюны.

— На сколько я отрубилась?

— Сейчас утро. Вчера мы спасли Ауру. Бóльшую часть вчерашнего дня ты проспала. Док говорит, это из-за стресса и переутомления. Все это время, пока ты с нами, ты держалась на внутренних резервах.

Голова Хоури повернулась к инкубатору.

— Как Аура?

— Док сказал, с ней все в порядке. Как и тебе, ей нужен отдых. Учитывая все кошмары, через которые Аура прошла, она довольно легко отделалась.

Хоури закрыла глаза, вздохнула. Скорпион заметил, как напряжение покинуло ее. Словно все время, пока Ана была на Арарате, с той самой минуты, как ее достали из капсулы, она носила маску. И вот теперь эту маску сбросила.

Хоури снова открыла глаза. Они были как пара иллюминаторов, через которые смотрела душа. Сделав над собой усилие, свинья вспомнил, какой эта женщина была до того, как их корабли разошлись в системе Ресургема. Половину его жизни назад.

— Я рада, что Аура в безопасности, — сказала Хоури. — И спасибо за помощь. Мне очень жаль, что так вышло с Клавэйном.

— Мне тоже, но выбора не было. Скади взяла нас за глотку. Она подготовила западню, и мы сдуру туда угодили. Едва Скади поняла, что не получит никакого преимущества, владея Аурой, она заявила, что готова вернуть ее нам. Но не хотела от-

пускать нас, не поиграв как кошка с мышками. И не рассчитавшись с Клавэйном за прошлые обиды.

— Но то, что Скади с ним сделала...

Скорпион нежно прикоснулся к ее волосам:

— Не думай об этом сейчас. Вообще не думай об этом, если сможешь.

— Он был твоим другом?

— Наверное. Если у меня вообще когда-нибудь были друзья.

— У тебя были друзья, Скорп. И по-моему, до сих пор есть. Теперь будет на двух друзей больше, если пожелаешь.

— Ты и Аура?

— Мы обе обязаны тебе.

— Что ж, намек понял.

Ана рассмеялась. Приятно, когда кто-то смеется. Хоури была последней, чей смех он ожидал услышать. Прежде чем они отправились на айсберг, эта женщина, подобно ниспосланному с небес запрограммированному орудию, сразила его своим однопредметным помешательством. И вот теперь Скорпион понял, что Ана так же слаба и человечна, как все они. Что бы слово «человечность» ни означало для свиней.

— Я тебя кое о чем спрошу, не возражаешь? Если хочешь еще отдохнуть, могу зайти попозже.

— Принеси воды, пожалуйста.

Скорпион подал кувшин с водой, на который она указала. Хоури выпила половину, вытерла губы.

— Спрашивай, Скорп.

— У тебя есть связь с Аурой? Через имплантаты Ремонтуара?

— Да, — неохотно ответила она.

— И ты понимаешь все, что видишь и слышишь через эти штуковины?

— О чем ты?

— Ты сказала, что Аура говорит через тебя. Хорошо, это мне понятно. Но ты когда-нибудь принимала чужую передачу?

— В смысле?

— Ты слышала об отголосках войны с волками? Мы ловим утечки переговоров. Обрывки передач, которые проникают через бреши в защите. Принимала ли ты когда-нибудь от Ауры такие утечки, непонятные обрывки сообщений?

— Не знаю.

Теперь ее голос уже не был таким счастливым, как минуту назад. Хоури нахмурилась. Иллюминаторы снова наглухо закрылись.

— О чем конкретно ты говоришь?

— Конкретно не получится, это всего лишь догадки. Он ущипнул себя за переносицу. — Когда мы достали тебя из капсулы, Валенсин вколол успокоительное. Потому что ты не позволяла себя обследовать. Ты вырубилась и заговорила во сне.

— И что же я наговорила?

— Ну, кроме прочего, сказала слово «Хела» или что-то вроде. Похоже, для тебя это что-то значило, но, когда я потом спросил, ты изобразила вежливое непонимание. Я был склонен поверить, что это слово для тебя действительно пустой звук. Но сейчас спрашиваю, означает ли оно что-нибудь для Ауры?

Хоури взглянула на свинью с подозрением и интересом:

— А для тебя оно что-то значит?

— Да вроде нет... И вообще, для любого на Арарате это бессмыслица. Но в масштабе человечества может иметь практически бесконечное число смыслов. Столько языков в разных системах! Столько людей!

— Сейчас я ничем не могу тебе помочь.

— Понимаю. Но пока я сидел тут и ждал твоего пробуждения, ты сказала кое-что еще.

— И что же?

— Куэйхи.

Хоури взяла кувшин и допила воду.

— Не знаю, что это такое, — сказала она.

— Жаль. Я надеялся, ты хоть что-то вспомнишь.

— Пойми, Скорп: эти слова могут иметь какой-то смысл для Ауры, но не для меня. Я всего лишь ее мать. А Ремонтуар не умеет творить чудеса. Он создал между нами связь, но это не означает, что мне известны все мысли Ауры. Я бы тогда просто спятила.

Помолчав, Хоури добавила:

— У вас есть базы данных и компьютеры. Почему бы не воспользоваться ими?

— Я так и сделаю, когда немного разберусь с делами. — Скорпион поднялся со стула. — И вот еще что. Я слышал, ты обратилась к доктору Валенсину с некой просьбой.

— Да, я говорила с доком.

Она сказала это с наигранным спокойствием, словно передразнивая прежние интонации Скорпиона.

— Я понимаю почему. И мои симпатии на твоей стороне. Если бы мы могли сделать это, не рискуя вашими жизнями...

Хоури закрыла глаза:

— Аура мой ребенок. Ее украли у меня. И я хочу родить ее так, как назначено природой.

— Прости, — покачал он головой, — но я не могу этого позволить.

— И обсуждать тут нечего, да?

— Боюсь, что так.

Хоури ничего не ответила, даже не отвернулась, но Скорпион понял, что она отстранилась, скользнула за барьер, которого он не видел и не ощущал.

Он был готов к тому, что Хоури, получив отказ, разрыдается. Или не станет лить слезы, но обрушится на него с проклятиями или мольбами. Однако она сохранила ледяное спокойствие, ничего не сказала, словно заранее знала ответ.

Скорпион шел к лестнице, и по его затылку бегали мурашки. Но это ничего не меняло.

Аура была ребенком. Но еще и оружием, способным дать людям тактическое преимущество.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Арарат, год 2675-й

Антуанетта остановилась в самой глубине корабельного чрева.

— Джон? — позвала она. — Это снова я. Пришла поговорить.

Она чувствовала, что капитан где-то поблизости. Знала, он наблюдает, подмечая каждый ее жест. Но когда стена зашевелилась, выдавливая из себя объемное изображение человека в скафандре, Антуанетта едва сдержала естественное желание отпрянуть. Не совсем такого явления она ожидала, но выбирать не приходилось.

— Спасибо, — сказала она. — Рада вас видеть.

Контуры очень слабо напоминали человеческую фигуру. Образ перемещался, стена претерпевала постоянные и частые деформации, трепетала и рябилась, словно флаг на порывистом ветру. Временами изображение распадалось, исчезало в грубом изначальном материале стены, и тогда казалось, силуэт скрывается за облачками марсианской пыли, которую приносит горизонтальный ветер, застилая поле зрения.

Фигура прикоснулась перчаткой к узкому визору своего шлема.

Расценив это как приветствие, Антуанетта тоже подняла руку, но фигура у стены повторила свой жест, на этот раз с явным нетерпением.

Тогда Антуанетта вспомнила об очках, которые дал ей капитан в прошлый раз. Достала их из кармана, пристроила на глаза. И снова видимое через очки было искусственным, хотя на этот раз — во всяком случае, пока — изображение никак не редактировалось. Это придало ей уверенности. Антуанетте совсем не нравилось ощущение, что рядом находятся большие и потенциально опасные элементы, недоступные ее восприятию. Жутко было думать, что люди веками принимали подобные манипуляции со своей средой обитания за вполне нормальную сторону жизни, считая перцепционную фильтрацию не более важным атрибутом, чем, к примеру, солнечные очки или беруши. Еще сильнее шокировало то, что люди позволяли контролирующим этот процесс машинам забираться к себе в череп, благодаря чему фокус вообще проходил как по маслу.

Воистину демархисты, да и сочленители, странные люди. Антуанетте приходилось сожалеть о многом, но только не о том, что она родилась чересчур поздно и не приняла участия в подобных играх с искажением реальности. Куда спокойней, когда можно потрогать предмет и убедиться, что он существует.

Но в царстве капитана приходилось подчиняться его правилам.

Барельеф сделал шаг ей навстречу и вдруг отделился, теперь уже обретя вещественность и четкую форму, словно вполне нормальный человек вышел из сильно локализованной песчаной бури.

Оттого что иллюзия присутствия стала такой убедительной, Антуанетта вздрогнула и отшатнулась.

На этот раз в явлении было нечто новое. Шлем оказался не тем, прежним, совсем уж старинным, антикварным, который

она помнила, и символы, нанесенные на него, были другими. Скафандр, хоть и допотопной конструкции, был не столь архаичен, как тот, в котором капитан предстал в первый раз. Нагрудный пульт не так выпирал, да и сам скафандр сидел на фигуре более ладно. Антуанетта не считала себя знатоком истории техники, но, по ее мнению, это облачение было лет на пятьдесят с лишним новее предыдущего.

Интересно, что бы это значило?

Она была готова сделать еще шаг назад, когда капитан остановился и поднял руку в перчатке. Этот жест определенно должен был успокоить ее. Капитан принялся открывать механизм своего лицевого щитка; зашипел вырывающийся воздух.

Антуанетта тотчас узнала лицо в проеме визора, но это было лицо постаревшего человека. Появились морщины, которых не было раньше, и серые штрихи в щетине, которая по-прежнему затеняла щеки. Вокруг глаз капитана, казалось ввалившихся еще глубже, тоже залегли складки. Изменилась форма рта, опустились его углы.

Хриплый голос капитана, когда он заговорил, звучал ниже.

— А ты не из тех, кто легко сдается.

— Обычно стараюсь доводить дело до конца. Джон, вы помните, о чем мы говорили в прошлый раз?

— Более или менее. — Одной рукой он принялся нажимать кнопки на нагрудном пульте, вводя последовательные команды. — Давно это было?

— Вы не будете против, если я спрошу, как давно это было по вашим меркам?

— Не буду.

Антуанетта подождала. Капитан смотрел на нее без выражения.

— Так когда же мы с вами беседовали в последний раз?

— Пару месяцев назад. Несколько лет бортового времени. Два дня. Три минуты. Одна целая восемнадцать сотых миллисекунды. Сорок пять лет.

— Два дня — наиболее точный ответ, — сказала Антуанетта.

— Что ж, поверю на слово. Ты, наверное, уже догадалась, что память у меня с тех пор не улучшилась.

— Но вы хорошо помните, что я к вам приходила. А это кое-что да значит, Джон.

— Ты добрая девочка, Антуанетта.

— Просто я понимаю, какие штуки способна выкидывать память. Но мне вполне достаточно того, что вы не забыли мое имя. А из нашего разговора что-нибудь помните?

— Наводящий вопрос не помешает.

— О пришельцах. О том, что в системе появились чужие.

— Они по-прежнему здесь, — кивнул капитан.

На несколько секунд Бренниген отвлекся, набирая на нагрудном пульте новые команды. При этом выглядел он не столько сосредоточенным, сколько озабоченным. Вот он постучал пальцем по браслету на запястье скафандра, после чего кивнул, очевидно вполне удовлетворенный новой настройкой.

— И?.. — вопросительно наклонила она голову.

— И подобрались ближе. Разве нет?

— Мы считаем, что да, Джон. Так сказала Хоури, а все, что она говорила до сих пор, оказывалось правдой.

— На вашем месте я бы к ее словам прислушался.

— Дело не в том, верить Хоури или нет. У нас ее дочь. Которой многое известно, — по крайней мере, нас в этом убедили. Мы полагаем, что надо слушать девочку и поступать так, как она советует.

— Вас поведет Клавэйн. Как и я, он чувствует сопричастность с историей. Мы оба призраки из прошлого, заброшенные в будущее, которое не должны были увидеть.

Антуанетта помрачнела:

— Простите, капитан, но у меня плохие новости. Клавэйн погиб, спасая дочь Хоури. У нас есть Скорпион, но...

На этот раз капитан ответил не скоро. Антуанетта задумалась: неужели известие о смерти Клавэйна задело Бреннигена так сильно? Она никогда не считала капитана и Клавэйна людьми одного сорта, но из слов Бреннигена следовало, что у них гораздо больше общего друг с другом, чем с их окружением.

— Но ты не уверена, что из Скорпиона выйдет хороший лидер? — спросил капитан.

— Скорпион хорошо нам послужил. Во время кризиса лучшего вожака не нужно. Но он сам признал, что не способен мыслить стратегически.

— Тогда найдите другого.

После этого случилось нечто, застигшее Антуанетту врасплох. Она мысленно увидела недавнее собрание в Высокой Раковине. Увидела, как в комнату вразвалку входит Кровь и как

появляется опоздавший Васко Малинин. Как Кровь выговаривает ему за опоздание, как Васко отвергает все обвинения. И тут она шестым чувством осознала, что приняла тогда небрежность тона молодого человека за само собой разумеющееся, за манеру его поведения, и что уже тогда в глубине души сочла это качество отменным, предчувствуя, кем он станет в будущем.

Она заметила пробивающиеся наружу отблески стали.

— Но разговор не о нашем руководстве, — торопливо сказала Антуанетта. — Разговор о вас, Джон. Вы собираетесь взлететь?

— Предлагаешь обдумать это?

Она вспомнила доклады о повышении уровня нейтрино.

— Похоже, вы уже давно думаете об этом. И не просто думаете.

— Возможно.

— Необходима осторожность. Допускаю, что следует поспешить с отлетом, но нельзя забывать о тех, кто нас окружает. Чтобы перевезти всех на борт, понадобится не один день, даже если все пройдет без задержек.

— На борту уже тысячи людей. И их спасение стало моей главной задачей. Мне очень жаль остальных, но, если они не переберутся своевременно на корабль, им придется остаться. Считаешь это жестоким?

— Не мне судить. В любом случае кто-то решит остаться на Арарате. Не исключаю, что стоит даже посоветовать им это на тот случай, если отлет «Ностальгии» окажется ошибкой. Но, взлетев сейчас, вы убьете всех, кто еще не на борту.

— Возможность ускоренной доставки людей на борт рассматривалась?

— Мы делаем все от нас зависящее. Уже готовим эвакуацию ограниченного количества людей из района бухты. Но переправить сто тысяч человек совсем не просто.

На мгновение капитан скрылся за облаками пыльной бури. Антуанетта молча смотрела на грубую кожистую поверхность стены. Наконец она решила, что контакт утерян и пора уходить. Но Джон возник снова, вышел из воображаемого ветра.

Обращаясь к ней, он силился перекричать что-то слышное только ему:

— Прости, Антуанетта. Я понимаю твое беспокойство.

— Означает ли это, что вы прислушаетесь к моим словам? Или взлетите, несмотря ни на что?

Капитан дотронулся до лицевого щитка, чтобы опустить его.

— Вы должны сделать все возможное, чтобы люди из района бухты оказались на борту корабля или в другом безопасном месте.

— И это весь ваш ответ? А остальные, кого мы не успеем вывезти, пусть выживают как хотят?

— Думаете, мне легко?

— Но вы можете подождать, пока мы не переправим всех в безопасное место?

— Это может закончиться трагично, Антуанетта. Трагично и необратимо.

Испытывая отвращение, Антуанетта отвернулась:

— Помните, что я сказала вам в прошлый раз? Зря сказала. Теперь я это понимаю.

— О чем ты?

Она снова повернулась к капитану. В ней бушевали злоба и отчаяние.

— Я сказала, что вы заплатили за свои преступления сто шестьдесят тысяч раз. Но это не так, Джон. Всего лишь утешительная мечта. Вам наплевать на этих людей. Вы думаете только о собственной шкуре.

Капитан ничего не ответил. Опустив щиток, он исчез в пыли, зашагал пригнувшись, преодолевая огромную силу существующего только для него ветра. Антуанетта же задумалась о том, не стала ли эта встреча пагубной ошибкой, безрассудной выходкой, из тех, от которых ее неизменно предостерегал отец.

— Безуспешно, — объявила она, вернувшись в Высокую Раковину.

За столом собрался кворум руководителей колонии. Она успела заметить, что здесь были все, за исключением Пеллерин, пловчихи. Присутствовал даже Скорпион. Его Антуанетта увидела впервые со дня смерти Клавэйна и отметила во взгляде что-то новое. Даже когда свинья смотрел ей прямо в глаза, его взор был сосредоточен на чем-то далеком и явно враждебном, маячившем у воображаемого горизонта, — вроде вражеского паруса или блеска доспехов. Она определенно уже где-то видела недавно такой же взгляд — и через несколько мгно-

вений вспомнила. За этим столом сидел старик, и мысли его были сосредоточены на столь же далекой угрозе. Понадобились годы лишений и страданий, чтобы взгляд Клавэйна стал таким, а вот у свиньи на это ушло всего несколько дней.

Антуанетта знала: на айсберге случилось что-то ужасное. Она не пыталась выяснить подробности, решила поверить, услышав, что так для нее же будет лучше. И хотя она никогда не изучала мимику гиперсвиней, в лице Скорпиона легко читалась половина ужасной истории.

— Что ты ему сказала? — спросил свинья.

— Сказала, что, если он стартует прямо сейчас, будут десятки тысяч жертв.

— А он?

— Дал понять, что ему жаль, но сейчас его заботят только люди, уже находящиеся на борту «Ностальгии».

— По последним подсчетам — четырнадцать тысяч, — подал голос Кровь.

— Недурно, — отозвался Васко. — Это сколько же? Почти десятая часть всей колонии?

Кровь ответил, играя ножом:

— Сынок, если поможешь нам втиснуть на корабль еще пять сотен, будешь просто молодец.

— Разве это сложно? — спросил Малинин.

— С каждым рейсом шаттла ситуация усложняется. К закату мы, может, и наберем двадцать тысяч, но для этого нужно обращаться с ними как со скотом.

— Это люди, — вздохнула Антуанетта, — и они заслуживают лучшего обращения. А что криокапсулы?

— Гробы не готовы, не стоит ждать от них серьезной помощи, — ответил Ксавьер Лиу, обращаясь к жене так же, как к любому другому из руководства колонии. — Вроде и удобно возить пассажиров в капсулах, но кто-то ведь должен присматривать за ними, следить за исправностью техники. Да и сама заморозка — процесс не быстрый.

Антуанетта закрыла глаза и прижала пальцы к векам. Она увидела пурпурные концентрические круги вроде тех, что разбегаются от упавшего камешка по воде.

— Значит, ситуация хуже некуда? — Она открыла глаза и тряхнула головой, чтобы в ней хоть чуть-чуть прояснилось. — Скорп, есть контакт с Ремонтуаром?

— Нет.

— Но ты считаешь, что он там, наверху?

— Я ничего не считаю. Всего лишь делаю что могу.

— Как думаешь, будь он наверху, пытался бы связаться с нами? Давал бы какие-то знаки?

— Его знак — Хоури, — ответил Скорпион.

— Тогда почему он больше никого не присылает? — спросила Антуанетта. — Нам ведь нужен совет, Скорп, — сидеть на Арарате или поскорее убираться.

— Поверь, мне известна эта дилемма.

— Но мы не можем ждать вечно, — сказала Антуанетта, слыша звенящее отчаяние в собственном голосе. — Если Ремонтуар проиграет битву, наше небо наполнится волками. Как только это случится, путь будет отрезан, пусть даже они не тронут Арарат. Мы будем заперты тут навсегда.

— Сказал же, я в курсе наших проблем.

В голосе Скорпиона Антуанетте почудилась угроза. Конечно, ему все известно.

— Извини, — сказала она. — Просто... я не знаю, что делать.

Некоторое время все молчали. Низко над домами пролетел шаттл с новыми беженцами на борту, заложил вираж, удаляясь от берега. Антуанетта не знала, куда повезли людей, на корабль или подальше от бухты. Едва необходимость переправить колонистов в безопасное место стала очевидной, средства эвакуации разделили на две равные части.

— Аура предложила что-нибудь полезное? — поинтересовался Васко.

Скорпион повернулся к нему, скрипя своей кожаной одеждой:

— О какой конкретно пользе ты говоришь?

— Знаком была не Хоури, — сказал Васко, — знаком была Аура. Хоури многое знает, но по-настоящему ценна информация ее дочери. С ней-то нам и надо теперь советоваться.

— Что ж, я рад, что ты все так тщательно продумал, — ответил Скорпион.

— И что дальше? — хмуро спросил Васко.

Атмосфера в конференц-зале всегда была напряженной, но сейчас до того наэлектризовалась, что покалывало руки. Антуанетта сжалась: она никогда не решалась так говорить со Скорпионом и знала очень немногих, кто решался.

Но Скорпион ответил спокойно:

— Аура... то есть Хоури опять сказала то слово.

— Что за слово? — спросил Васко.

— Хела. С тех пор как мы достали Хоури из капсулы, она повторила это несколько раз. А мы все еще не знаем, что это слово означает и насколько оно важно. Однако теперь она произнесла еще кое-что.

Скорпион снова скрипнул кожей, устраиваясь поудобнее. Казалось, его ничуть не задевало происходящее в комнате, однако агрессивность и склонность к насилию все время оставались с ним, дожидались где-то неподалеку, как наемные актеры в прихожей.

— Какое же? — спросил Васко.

— Куэйхи, — ответил Скорпион.

Женщина шла к морю. Небо над ее головой было грозного серого цвета, камни под ногами предательски скользили. Она вздрогнула, скорее от предчувствия, чем от холода, потому что ветер был промозглым и не ослабевал. Она посмотрела вдоль берега, на неровные очертания домов. Жилища на краю лагеря брошены, — кажется, их покинули давным-давно. Несколько построек развалилось, и никому не пришло в голову их восстановить. Она подумала, что вряд ли кто-то сейчас смотрит на нее с берега. Конечно, по большому счету это не имеет значения. Ее задача — войти в море. И то, что она ни за что не дала бы такое поручение своим подчиненным, не означает, что ее поступок противоречит законам колонии или уставу отряда пловцов. Это рискованный поступок, если не самоубийственный, но никто не имеет права остановить ее. Гнет необходимости мучил ее, словно изводящая боль, и наконец терпеть стало невозможно.

И последней каплей послужили слова Васко. Думал ли Малинин, как они подействуют на Марл Пеллерин?

Женщина остановилась там, где начинала изгибаться береговая линия, образуя бухту. Берег казался неясной серой полосой, он тянулся насколько хватало глаз и терялся в смеси морского тумана и облаков, обнимающих бухту с обеих сторон. Временами в серебристой дали ненадолго показывался шпиль корабля, и от появления к появлению как будто менялись его размеры и удаленность от берега. Марл нелегко было

свыкнуться с этими иллюзиями. Она знала, что нос субсветовика возвышается в трех километрах от моря, но порой «Ностальгия по бесконечности» казалась не выше средней лагерной постройки из раковин или стандартной антенны связи.

Она попыталась представить шквал нейтрино, несущийся от корабля, а точнее, от подводной его части, от скрытых в море двигателей, — божественный свет, пронзающий ее как ножом. Частицы проскакивали через мембраны ее клеток, не причиняя вреда, и уносились дальше, в межзвездное пространство, лишь на йоту не достигая скорости света. Поток нейтрино означал, что двигатели готовятся к межзвездному перелету. Никакие организмы не способны ощутить эти микрочастицы, а только самые чувствительные машины.

Или это заблуждение? На любой из планет, населенных жонглерами образами, их организмы в совокупности имеют чудовищный вес, в десятки раз больше, чем у всех людей во Вселенной. Что, если такая огромная масса, обладающая коллективным сознанием, чувствительна к потоку нейтрино? Что, если они ощущают пробуждение корабля и понимают — если зеленая медлительная биомасса способна на понимание, — что означает его отлет?

Волны играли с какой-то вещью у берега, перекидывали с камня на камень. Марл подошла взглянуть. Это оказался кусок металла, почерневший и скрученный, похожий на бракованный леденец; вся поверхность в причудливых складках и трещинах. От металла кольцами поднимался пар. Предмет жужжал и потрескивал, его подвижные части напоминали судорожно подергивающиеся культи лишившегося клешней рака. Эта вещь наверняка упала с неба, и совсем недавно — может быть, час назад. Со всего Арарата, отовсюду, где находились люди, поступали сообщения о летящих с неба предметах. Слишком много падений регистрировали именно у постов наблюдения, чтобы считать это случайностью. Кто-то сосредоточил свои усилия над центрами человеческого населения. И этот кто-то — или что-то — иногда пытался достичь поверхности. Но такое удавалось только небольшим фрагментам.

Металлический предмет внушал тревогу. Кем он сделан, людьми или инопланетянами? Если людьми, то друзьями или сочленителями? Впрочем, имеет ли это сегодня какое-то значение?

Марл сбросила халат. Готовясь войти в воду, она всегда на мгновение представляла, как выглядит со стороны моря. Поле ее зрения словно бы поднималось с волнами вверх и вниз. Она была тонким нагим существом, бледной прямостоящей морской звездой на берегу.

Разбившийся металлический предмет пустил в небо облачко дыма.

Марл опустила руки в каменистый прудок. Плеснула в лицо, смочила сзади волосы. Вода жгла глаза, от слез перед ними все плыло. Даже в этой приливной лужице кишели жонглеры. Кожу щипало, в особенности полоску по окружности лица, где уже заметны были следы проникновения туземной жизни. Две колонии микроорганизмов — живущих в воде и поселившихся в лице Пеллерин — узнали друг друга и пустились в радостный пляс.

Ученые, исследовавшие подобные вещи, считали случай Марл запущенным. Признаки проникновения жонглеров образами на ее коже были заметнее, чем у всех других пловцов. Статистика позволяла ей войти в море еще раз десять, но не больше. Однако всегда были исключения. Иногда море поглощало тех, у кого наблюдались лишь начальные, минимальные изменения. Крайне редко оно забирало и новичка в самое первое его плавание.

О жонглерах образами надо было знать и помнить одно: это инопланетяне. Их биомасса чужеродна, она не поддается человеческому разуму, ее поступки нельзя дотошно разложить на причины и следствия. Она неустойчива, как погода, и непредсказуема, как пьяница. Можно предугадать ее поведение при определенных условиях, но можно и непоправимо ошибиться.

Марл это знала. Она никогда не обманывала себя, не внушала, что считает иначе. Понимала, что каждый заплыв — это смертельный риск.

До сих пор ей везло.

Она подумала о Сицуко, дожидавшейся ее в психиатрическом отделении, впрочем Сицуко никого не ждала в обычном смысле этого слова. Наверное, просто знала, что Марл скоро придет, и вела себя соответственно. Когда же Пеллерин появлялась в палате, Сицуко смотрела на нее с отстраненным интересом, как на трещину в стене, которую раньше не замечала, или на облако, о чем-то напомнившее своими очертаниями.

Интерес исчезал раньше, чем Марл успевала задуматься о его причинах. Иногда Сицуко смеялась, но это был смех идиотки, точно звон колокольчиков на дурацком колпаке.

После этого Сицуко царапала стену, ее ногти были постоянно сломаны, пальцы кровоточили; на предлагавшиеся грифели и мелки она не обращала внимания.

Марл перестала ходить к ней месяц назад. Как только она поняла, что больше ничего не значит для Сицуко, и смирилась с этим, пришло облегчение. Фоном, однако, оставалось горькое чувство измены и бессилия.

Марл подумала о Васко. О его прямолинейных убеждениях, о легковесной уверенности, что между пловцом и морем не стоит ничего, кроме страха.

Пеллерин ненавидела его за это.

Марл шагнула в воду. В десятке метров от берега шевельнулся зеленый ковер; жонглеры ощутили, что в их царство входит человек. Пловчиха глубоко вздохнула. Ее страх был огромен. Зуд на лице превратился в жжение. От этого ей хотелось броситься в воду.

— Я пришла, — сказала она.

И двинулась в сторону ковра. Погрузилась по бедра, по пояс, а потом и глубже. Впереди биомасса меняла свои очертания с бешеной скоростью. Ветерок, вызванный трансформациями, дунул в лицо. Настоящий парад уродов, театр монстров.

Когда стало слишком глубоко, чтобы идти, Марл оттолкнулась от дна и поплыла в сторону разворачивающегося представления.

Васко оглядел присутствующих:

— «Куэйхи»? Мне это говорит не больше, чем «Хела».

— Для меня эти слова тоже ничего не значили, — сказал Скорпион. — Я даже не был уверен, правильно ли произношу услышанное первым. Но второе дало ответ. Теперь понятно.

— Так ты просветишь нас? — спросил Лиу.

Свинья дал знак Орке Круз.

— Скорпион прав, — заговорила та. — Само по себе слово «Хела» ничего не значит. Мы провели поиск по базам данных, которые привезли с Йеллоустона и Ресургема, и нашли тысячи возможных применений. Если перебирать варианты произношения, все еще больше запутывается. Но вместе «Куэйхи»

и «Хела» дают совершенно особый результат. Есть только одно объяснение, пусть и достаточно странное.

— Умираю от любопытства, — снова подал голос Лиу.

Рядом с ним согласно кивнул Васко. Антуанетта промолчала, ничем не выдавая своего интереса, не менее жгучего, чем у других.

— Хела — это планета, — объяснила Круз. — Не очень большая, средний спутник. Обращается она вокруг газового гиганта под названием Халдора. Ничего не припоминаете?

Все промолчали.

— А Куэйхи? — спросил Васко. — Тоже луна?

Круз отрицательно покачала головой:

— Нет. Куэйхи человек, тот, что дал названия Хеле и Халдоре. В обычной номенклатуре нет упоминаний о Куэйхи и Хеле, но тут нечему удивляться — в последний раз наша база данных обновлялась путем прямого контакта с другими кораблями шестьдесят лет назад. Но с той поры, как мы поселились на Арарате, до нас иногда доходят случайные сигналы ультра. В последнее время эти сигналы участились — сегодня ультра пользуются широкополосной дальней связью значительно чаще, чем раньше, и при удачных обстоятельствах наши антенны иногда принимают их сообщения.

— Чем объясняется такая перемена тактики? — спросил Васко.

— Ультра чего-то боятся, — ответила Круз. — Ведут себя нервно, и торговля без посредников теперь редкость. Кто-то из них наткнулся на что-то, и это что-то очень не понравилось, и они занялись дистанционной продажей информации, отказавшись от материальных товаров.

— И никаких догадок о том, что именно их напугало? — спросил Васко.

— В любом случае это нам на руку, — продолжила Круз. — Похоже, случайно перехваченные нами передачи не были узконаправленными, и половина записанного испорчена помехами и вирусами, но в эти годы нам удавалось более или менее успешно обновлять базы данных. На лучшее не стоило и надеяться, при нашей-то изоляции от внешнего мира.

— И что же там говорится об этом Куэйхи? — спросил Васко.

— К сожалению, почти ничего, — вздохнула Круз. — С предыдущими данными противоречий нет, а значит, система, ис-

следованием которой занимался Куэйхи, скорее всего, до его прибытия была плохо изучена.

— То, о чем пытается сообщить нам Аура, случилось сколько лет назад? Пятьдесят, шестьдесят?

— Пятьдесят, не более, — ответила Малинину Круз.

Васко потер подбородок — отменно выбритый, гладкий, как полированное дерево.

— Коли так, эта информация для нас мало что значит.

— С Куэйхи что-то произошло, — заговорил Скорпион. — Сведения разнятся, но, похоже, он был подручным у ультра, делал для них грязную работу — проверял планеты, о которые тем не хотелось марать руки. И когда добрался до Халдоры, он обнаружил кое-что важное.

Скорпион поднял голову и поочередно заглянул присутствующим в глаза, словно хотел, что кто-нибудь, в особенности Васко, не выдержит и отвернется.

— Он видел, как Халдора исчезла. Всего на долю секунды планета перестала существовать, а потом снова появилась. И тогда он основал на Хеле, спутнике Халдоры, новую религию.

— И это все? — спросила Антуанетта. — Аура добиралась к нам, чтобы сообщить адрес очередного помешанного на религии?

— Это не все, — сказал Скорпион.

— Искренне надеюсь, — скривилась Антуанетта.

— Куэйхи видел это исчезновение неоднократно. Кроме него, феномен наблюдали и другие.

— Эко диво! — фыркнула Антуанетта.

— Подожди. — Васко поднял руку. — Я хочу дослушать до конца. Продолжайте, Скорп.

Свинья приподнял голову и поглядел на Васко без всякого выражения:

— Считаешь, мне нужно твое разрешение?

— Извините, неудачно выразился. Я всего лишь... — Васко огляделся, будто в поисках поддержки. — Я всего лишь хочу сказать, что нужно как можно скорее разобраться во всем, что сообщила Аура, какой бы бессмысленной ни казалась информация.

— Мы ничего не отметаем с порога, — сказал Скорпион.

— Пожалуйста, расскажи, что ты узнал, — попросила Антуанетта, боясь, что разговор свернет в нежелательное русло.

— В течение нескольких десятилетий ничего особенного там не происходило, — продолжал Скорпион. — Чудо Куэйхи привлекло на Хелу горстку паломников. Одни обратились в его веру, другие предпочли жить без иллюзий и стали торговцами и старателями. На Хеле нашли инопланетные артефакты — в основном бесполезный хлам, но его экспорт приносит скромную прибыль, и этого достаточно для существования поселков. Ультра скупают артефакты и перепродают разным чудакам-коллекционерам. Может быть, кто-то на этом наживается, но уж точно не те несчастные идиоты, что ковыряются в земле.

— Инопланетные артефакты найдены на нескольких планетах, — сказала Антуанетта. — Правильно ли я поняла: цивилизацию на Хеле постигла та же участь, что и амарантийцев, и дюжину других культур?

— В базах данных практически нет сведений об исчезнувшей на Хеле культуре, — продолжил Скорпион. — Люди, всем заправляющие на Хеле, не поощряют вольный полет научной мысли. Но если читать между строк, можно понять, что туземцы действительно повстречались с волками.

— И погибли? — спросила Антуанетта.

— Похоже на то.

— Объясни, Скорп, — попросила Антуанетта, — что все это может означать для Ауры?

— Понятия не имею, — ответил свинья.

— Она хочет, чтобы мы полетели туда? — предположил Васко.

Все посмотрели на Малинина. Он взял рассудительный тон, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся, но такой же эффект, наверное, вызвало бы произнесенное вполголоса богохульство в компании святош.

— Лететь туда? — переспросил Скорпион, нахмурившись, отчего кожа на рыле и лбу собралась мясистыми складками. — Ты это в буквальном смысле?

— Если считать, что она предлагает помощь, то да, в буквальном, — подтвердил Васко.

— Мы не можем куда-то лететь, полагаясь на бред больной женщины, — подал голос Холлатт, беженец с Ресургема, никогда не доверявший Хоури.

— Она не больна, — заявил доктор Валенсин. — Просто устала, перенесла травму. Больше ничего.

— Я слышал, она просит засунуть ребенка обратно в ее утробу, — возразил Холлатт с таким отвращением, словно ничего ужаснее не мог вообразить.

— Просила, — кивнул Скорпион, — и ее просьба вполне обоснованна. Ребенка похитили прежде, чем она смогла произвести его на свет. В подобных обстоятельствах, мне кажется, такое желание понятно.

— Но вы все равно не позволили, — заметил Холлатт.

— Я не могу допустить, чтобы мы потеряли Ауру, после того как заплатили за нее такую цену.

— Вас обманули, — сказал Холлатт. — Цена была слишком высока. Мы потеряли Клавэйна, а взамен получили всего-навсего ребенка с поврежденным мозгом.

— Ты считаешь, что Клавэйн умер напрасно? — спросил старейшину Скорпион, и его голос внезапно стал опасно тихим.

Пауза зависла, как дефектная видеозапись. Антуанетта с поразительной ясностью поняла, что не только она здесь не знает о том, что случилось на айсберге. Холлатт тоже был не в курсе, но он позволил себе беспечное заблуждение, основанное на догадках и фантазиях.

— Я не знаю, как он умер, и не хочу знать. Да мне это и не нужно. Но я уверен: Аура не стоила его смерти. Он умер напрасно. — Холлатт сплел перед животом пальцы и выпятил губы в сторону Скорпиона. — Допускаю, тебе неприятно это слышать, но такова правда.

Скорпион быстро взглянул на Кровь. Между ними что-то произошло: обмен жестами, еле заметными и хорошо знакомыми обоим, но непонятными для остальных. Немой диалог длился всего мгновение. Антуанетта даже подумала: заметил ли кто-нибудь еще, или ей только почудилось?

А еще через секунду Холлатт уставился на предмет, торчащий у него из груди.

Лениво, словно для того, чтобы поправить висящую чуть криво картину, Кровь поднялся на ноги. Он двинулся к Холлатту, раскачиваясь из стороны в сторону с медленной ритмичностью метронома.

Холлатт хрипел и кашлял, пальцы безуспешно пытались ухватиться за рукоятку ножа.

— Убери его отсюда, — распорядился Скорпион.

Выдернув нож, Кровь вытер лезвие о бедро и спрятал в ножны. Из раны вытекло на удивление мало крови.

Валенсин хотел подняться.

— Сидеть! — рявкнул Скорпион.

Кровь уже вызвал пару охранников. Те появились через минуту и почти не удивились. Антуанетта отметила превосходную выучку сотрудников Сил безопасности. Если бы она вошла в комнату и обнаружила там зарезанного, вряд ли сумела бы сохранить такое спокойствие. Скорее всего, хлопнулась бы в обморок.

Охранники подняли Холлатта.

— Я иду с ними, — сказал доктор Валенсин, вставая.

— Я приказал сидеть, — повторил Скорпион.

Доктор стукнул кулаком по столу:

— Ты только что убил человека, свирепый царек! Или убьешь, если я немедленно не окажу ему медицинскую помощь. Хочешь, чтобы это легло на твою совесть?

— Ни с места!

Валенсин шагнул к двери:

— Ну валяй. Останови меня, если для тебя это так важно. Как это сделать, ты знаешь.

Лицо Скорпиона исказилось от ненависти и ярости, каких Антуанетта не видела никогда в жизни. Она даже не знала, что у свиней лицевые мускулы достаточно подвижны, чтобы выражать столь сильные эмоции.

— Остановлю, не сомневайся.

Рука Скорпиона потянулась то ли в карман, то ли к закрепленным под столом ножнам. Это был не тот нож, который Антуанетта видела прежде. Свинья нажал кнопку на рукоятке, и лезвие превратилось в расплывчатое пятно.

— Скорпион, — сказала она, поднимаясь, — отпусти его, он же врач. Холлатт умирает. Еще одна смерть ничего не решит.

Нож трепетал в руке Скорпиона, словно плохо прирученный зверек. Казалось, лезвие вот-вот устремится к Валенсину.

Раздался гул сигнала. Этот звук застал свинью врасплох. Ярость поутихла. Он поискал глазами источник шума. Гудел его браслет связи.

Скорпион выключил нож. Лезвие снова приобрело обычные очертания; свинья убрал оружие.

Потом он взглянул на Валенсина и бросил:

— Иди.

Доктор коротко кивнул — его лицо пылало от гнева — и быстро вышел вслед за охранниками и раненым.

Подняв браслет к уху, Скорпион несколько секунд слушал далекий писклявый голосок. Через минуту он нахмурился и попросил повторить. По мере того как свинья вникал в смысл сообщения, его лицо разглаживалось. Но хмурые морщины исчезли не полностью.

— В чем дело? — спросила Антуанетта.

— Корабль, — ответил Скорпион. — Там что-то случилось.

Через десять минут за ними отправили шаттл, отменив для него очередной эвакуационный рейс. Шаттл опустился в квартале от Высокой Раковины, между зданиями. Группа офицеров СБ очистила территорию и обеспечила безопасный проход небольшой группе руководителей колонии. Вслед за Скорпионом и Антуанеттой Бакс последним на борт поднялся Васко, и шаттл сразу взмыл в воздух, оставив прочих, включая Кровь, в лагере. Крылья летательного аппарата лили на окрестные дома ярчайший белый свет, жители прикрывали глаза руками, но не отворачивались. В Первом Лагере не было никого, кто бы не мечтал в эту минуту оказаться где-нибудь в другом месте.

В шаттле нашлось место только для троих, потому что салон был заполнен эвакуирующимися. Васко почувствовал, как ускоряется машина. Он висел, держась за потолочные скобы, и надеялся, что полет будет недолгим. Растерянные, напуганные беженцы потрясенно смотрели на него, словно ожидая объяснений, которые он не был уполномочен давать.

— Куда вы должны были лететь? — спросил он начальника группы.

— От бухты, — тихо ответил старший, имея в виду безопасное место подальше от корабля. — Но вместо этого шаттл направился к кораблю. Нам не позволено тратить зря драгоценное время.

Холодная расчетливость этого решения потрясла Васко. Но одновременно он почувствовал и восхищение.

— А если людям это не понравится? — спросил он, стараясь говорить тише.

— Они всегда могут подать жалобу.

Полет и впрямь оказался недолгим. В кабине сидел пилот; некоторые эвакуационные транспорты летали на автопилоте, но этот рейс был не из обычных.

Шаттл шел низко, держа курс в сторону моря, и в конце маршрута обогнул субсветовик по широкой дуге. Васко повез-

ло: он оказался у стены. Малинин сделал для себя иллюминатор и вгляделся в серебристый туман. Беженцы столпились вокруг него, чтобы лучше видеть.

— Закрой окно! — приказал Скорпион.

— Что?

— Повторять не буду.

— На твоем месте я бы послушалась, — сказала Антуанетта.

Васко убрал иллюминатор. Если бывают дни, когда со свиньей лучше не спорить, то такой день настал. Все равно за бортом ничего не видно, только корпус корабля смутно маячит в стороне.

Шаттл поднимался, вероятно, летел по спирали вокруг надводной части корабля. Потом Васко почувствовал, что машина остановилась и опустилась на твердую поверхность. Примерно через минуту в щель проник свет, открылась опускная дверь, и эвакуирующихся поспешно вывели наружу. Васко ничего не успел разглядеть на посадочной палубе, заметил только сотрудников Сил безопасности, охраняющих пандус и выстраивающих вновь прибывших с деловитостью, способной легко заткнуть за пояс вежливое принуждение. Он ожидал, что люди придут в негодование, узнав, что вместо уютного убежища на планете их доставили на корабль, но все принималось с покорностью. Возможно, беженцы еще не поняли, что очутились на борту «Ностальгии по бесконечности», а не в каком-нибудь промежуточном пункте на другой стороне острова.

Если так, не хотелось бы оказаться поблизости, когда они узнают об изменении плана.

Вскоре в шаттле не осталось никого из эвакуирующихся. Васко думал, что его и руководителей тоже попросят выйти наружу, но они втроем остались внутри вместе с пилотом. Опускная дверь закрылась, шаттл покинул посадочную палубу.

— Теперь можешь смотреть наружу, — сказал Скорпион.

Васко так и сделал — открыл в корпусе окно, достаточно большое, чтобы смотреть втроем. Но в первые секунды смотреть было не на что. Снижающийся шаттл трясло и мотало, но определить, находятся ли они рядом с «Ностальгией» или летят обратно к Первому Лагерю, Малинин не мог.

— Вы сказали, что-то с кораблем? — спросил Васко. — Опять повышается плотность нейтрино?

Скорпион повернулся к Антуанетте Бакс:

— Что они видели?

— На этот раз выше уровня, о котором я докладывала в прошлый раз. Но по данным наших станций слежения, подъем замедлился. Может быть, моя небольшая беседа с Джоном на этот раз возымела действие.

— Так в чем проблема? — снова спросил Васко.

Скорпион указал в иллюминатор:

— В этом.

Васко посмотрел, куда показывал свинья. Там из серебристой морской дымки поднимался шпиль корабля. Шаттл быстро спускался к началу надводной части субсветовика. Не далее как вчера вечером Васко видел с берега колонистов, пытающихся взобраться по корпусу к нижним портам. С тех пор все изменилось. Не было ни карабкающихся беженцев, ни их лодок, ни даже чистой воды. Вместо нее «Ностальгию» окружал густой слой жонглеров образами. Он казался ворсистым зеленым ковром со сложным узором. Этот покров простирался во все стороны от корабля очень далеко, на километры, соединяясь с другими островами биомассы плавучими мостиками. И мало того, слой вокруг корабля непрерывно рос, облепляя корпус. Местами толщина уплотнения достигала, похоже, ста метров, а высота покрова непосредственно на корпусе — всех трехсот. Верхняя граница представляла собой не гладкий круг, а чуткую бахрому; ищущие щупальца протягивались все выше. И все это шевелилось, ползло вверх прямо у Васко на глазах, неуклонно и целенаправленно. Основная масса перемещалась со скоростью примерно метр в секунду. Если жонглеры сумеют держать такую скорость, они поглотят корабль в течение часа.

— Когда это началось? — спросил Васко.

— Тридцать-сорок минут назад, — ответил Скорпион. — Нас предупредили, как только заметили повышение концентрации возле корпуса.

— Но почему сейчас? — спросил Васко. — Корабль простоял тут столько лет, и вдруг жонглеры ни с того ни с сего решили напасть?

— Вопрос не ко мне, — ответил Скорпион.

— Возможно, это не нападение, мы не знаем, — сказала Антуанетта.

Свинья повернулся к ней:

— А на что еще это похоже, по-твоему?

— Да на что угодно, — ответила она. — Васко прав, версия о нападении кажется бессмыслицей. Столько лет прошло, с чего вдруг? Мне кажется, здесь другое. Надеюсь, — добавила она.

— Хотелось бы верить, — проворчал Скорпион.

Шаттл продолжал облет шпиля. Со всех сторон картина была примерно одинаковой. Словно ускоренно прокручивается фильм о том, как огромный камень обрастает мхом или статуя покрывается лишайником — знающим, чего он хочет, и твердо намеренным добиться своего.

— Это многое меняет, — сказала Антуанетта. — И очень не нравится мне, Скорп. А если это все-таки нападение? Что будет с теми, кто уже на борту?

Подняв руку с браслетом, Скорпион что-то негромко проговорил.

— Ты это кому? — спросила Антуанетта.

— Марл Пеллерин, — ответил Скорпион, прикрывая рукой микрофон. — Считаю, отряду пловцов пора узнать, что происходит.

— Согласен, — кивнул Васко. — Пловцы должны были войти в море уже давно, как только повысилась активность. Иначе для чего они нужны?

— На их месте бы ты так не рассуждал, — нахмурилась Антуанетта.

— При чем тут я? Это их работа.

Скорпион продолжал тихо говорить в браслет. Повторял одно и то же по несколько раз, словно заучивал наизусть или втолковывал разным людям. Наконец покачал головой и опустил руку:

— Пеллерин нигде нет.

— Что значит нет? — спросил Васко. — Она где-нибудь сидит и ждет распоряжений. Вы пробовали связаться с Высокой Раковиной?

— Да.

— Не старайтесь, — проговорила Антуанетта, тронув свинью за рукав. — Внизу хаос. Неудивительно, что нельзя ни с кем связаться.

— Где остальные пловцы? — спросил Васко.

— А зачем они? — взглянул ему в лицо Скорпион.

— Если Пеллерин махнула рукой на свои обязанности, то что скажут остальные? Столько разговоров было о том, как

важны пловцы для безопасности колонии. Теперь они могут доказать свою полезность.

— Или погибнуть, — добавил Скорпион.

Антуанетта покачала головой:

— Не нужно гнать их в море, Скорп. Дело того не стоит. Что бы тут ни происходило, это результат коллективного решения, принятого биомассой. Пара пловцов никак на нее не повлияет.

— Я был лучшего мнения о Марл, — проговорил Скорпион.

— Она всегда честно выполняла свои обязанности, — возразила Антуанетта. — Не думаю, что она нас бросила, на нее это не похоже. Надеюсь, с ней все в порядке.

Скорпион направился в кабину. Шаттл трясло, вокруг корпуса гигантского субсветовика спиралями поднимались вихревые тепловые потоки, но свинье болтанка нисколько не мешала. Коренастый и приземистый, он имел центр тяжести гораздо ниже, чем у человека, и переносил турбулентность лучше, чем его спутники.

— Куда мы летим? — спросил Васко.

Свинья оглянулся:

— Прикажу изменить план полета. Мы должны были вернуться в лагерь за беженцами.

— Но не вернемся?

— Беженцы подождут. Сначала нужно переправить сюда Ауру. Похоже, безопаснее всего сейчас в небе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Арарат, год 2675-й

Васко и Скорпион осторожно несли инкубатор к пустому брюху шаттла. Небо уже потемнело, нагревательная поверхность крыльев летательного аппарата вовсю сияла вишневым, шипела и потрескивала.

Третьей шла Хоури, пригибаясь под напором теплого воздуха, пойманного в ловушку загнутых книзу крыльев. С тех пор как ее разбудили, она молчала, двигаясь с дремотной осторожной покорностью. Следом за своими пациентами шагал Вален-

син, мрачно принимая происходящее. За ним ковыляла пара медицинских сервороботов, привязанных к своему хозяину крепчайшими узами механического повиновения.

— Почему мы не летим на корабль? — спросил Валенсин.

Скорпион не ответил. Он снова переговаривался с кем-то по браслету, скорее всего с Кровью или с одним из своих заместителей. Вдруг свинья тряхнул головой и выругался. Каковы бы ни были вести, Васко сомневался, что они добрые.

— Я пойду вперед, — сказала Антуанетта, — может быть, пилоту нужна помощь.

— Скажи ему, чтобы поднимался плавно и медленно, — велел Скорпион. — Никаких перегрузок. Но пусть будет готов в случае чего быстро увезти нас наружу.

— Если эта лохань еще способна выйти на орбиту.

Шаттл взлетел. Васко помог доктору и его роботам установить инкубатор, Валенсин показал ему, как добиваться от внутренней отделки летательного аппарата выступов и ниш с требуемой адгезией. Вскоре инкубатор был прикреплен к стене, сервороботов поставили рядом следить за его работой. Аура, сморщенное нечто за темным прозрачным пластиком, облепленная датчиками и оплетенная трубками, казалось, совершенно не чувствовала этой суеты.

— Куда мы летим? — спросила Хоури. — К кораблю?

— Сказать по правде, с кораблем проблемы, — ответил Скорпион. — Подожди, сама увидишь. Думаю, тебе будет интересно.

Они снова облетели корабль по кругу, на прежней высоте. Хоури смотрела широко раскрытыми от изумления глазами. Васко очень хорошо понимал ее. Когда сам он полчаса назад увидел эту картину, процесс поглощения «Ностальгии» жонглерами только начинался, и поэтому несложно было сообразить, что происходит. Но теперь корабль исчез. На его месте высился зеленый, в наплывах, шпиль.

Но было и кое-что еще. Васко это заметил почти сразу, но тогда подсознательно принял за оптическую иллюзию, обусловленную его точкой наблюдения, наклоном шаттла или чем-то в этом роде. Едва через прорехи в морском тумане проглянула линия горизонта, стало понятно: это никакой не обман зрения.

Корабль накренился. Совсем немного, отклонившись на несколько градусов от вертикали, но этого было достаточно,

чтобы внушить страх. Шпиль, который на протяжении стольких лет оставался монументальной доминантой ландшафта, казавшийся древним, как сама география, угрожал рухнуть.

Биомасса жонглеров толкала корабль вбок.

— Плохи дела, — прошептал Васко.

— Объясните, что происходит, — попросила Хоури.

— Да мы сами не знаем, — ответил Скорпион. — Это началось с час назад. Море стало густеть возле корабля, на него полезли жонглеры. А теперь, похоже, решили его опрокинуть.

— Смогут?

— Да кто их разберет... Корабль весит несколько миллионов тонн, но по сравнению с массой всех жонглеров это ничто. Но если корабль завалится, это еще полбеды...

— Полбеды?

— Беда, если он переломится. Это же субсветовик. Он спроектирован так, что вдоль оси может выдержать не одно *g*. Если корабль находится на планете и стоит на корме, то нагрузки не превышают те, которые он испытывает в космосе. Но ему противопоказаны нагрузки, приложенные под углом к оси. Еще пара градусов, и я по-настоящему разволнуюсь.

— Нам нужен корабль, Скорп, — сказала Хоури. — Это наш единственный шанс убраться отсюда.

— Спасибо за напоминание, — ответил свинья, — но сию минуту я ничего не могу поделать. Или ты предлагаешь мне вступить в войну с жонглерами образами?

Сама мысль об этом была жуткой, почти абсурдной. Жонглеры образами безобидны, если забыть о судьбе нескольких злополучных пловцов. Их коллективы никогда не проявляли враждебности и злонамеренности. Раса жонглеров представляла собой архивы исчезнувших знаний, утраченных разумов. Но если она решила уничтожить «Ностальгию по бесконечности», то разве люди могут отреагировать иначе, как применением силы?

— На шаттле есть оружие? — спросила Хоури.

— Есть кое-что, — ответил Скорпион. — В основном легкого типа, «корабль-корабль».

— Можно что-нибудь использовать против биомассы?

— Лучевики? Но в атмосфере Арарата от них вряд ли будет много толку. Другие системы? Скорее всего, куски полетят и от самого корабля. Можем попробовать излучатель частиц...

— Нет!

Это вскрикнула Хоури. Звук вылетел из ее рта внезапно, словно рвота, и мало напоминал человеческий голос.

— Но ты только что сказала... — удивился Скорпион.

Внезапно Хоури села, будто силы оставили ее, — почти упала на подушку, которую услужливо выдвинул ей навстречу шаттл, — и прижала руку ко лбу.

— Нет, — повторила Ана, на этот раз более осмысленно. — Нет. Улететь. Оставить. Оставить в покое. Помогают нам.

Васко, Скорпион, Валенсин, да и сама Хоури встревоженно повернулись к инкубатору, где, словно в саркофаге, лежала под присмотром машин Аура. Крохотный розовый комочек слабо извивался в своих путах.

— Помогают? — переспросил Васко.

Хоури ответила, и снова казалось, что звуки льются помимо ее воли. Ей даже приходилось хватать ртом воздух между словами.

— Они. Помогают нам. Хотят.

Васко подошел к инкубатору. Краем глаза он следил за Хоури, одновременно глядя на ее дочь. Роботы Валенсина переминались с ноги на ногу, их суставчатые руки подергивались в нервной нерешительности.

— Они? — переспросил Васко. — Они — это жонглеры образами?

Розовый комочек дернул крошечными ножками, полностью оформившаяся кисть сжалась в кулачок перед нахмуренным личиком. Веки Ауры еще не расклеились.

— Да. Они. Жонглеры образами, — сказала Хоури.

Васко повернулся к Скорпиону:

— Похоже, мы их поняли неправильно.

— А теперь ты все знаешь?

— Погоди, мне нужно поговорить с Антуанеттой.

Не дожидаясь разрешения, Васко бросился в кабину. Там он увидел пилота и Антуанетту, пристегнутых ремнями к креслам. Пилот сделал весь кокпит прозрачным, и казалось, что они плывут в воздухе, сопровождаемые лишь нематериальными приборами и дисплеями с данными состояния. Васко непроизвольно шагнул назад, но, пересилив головокружение, остановился.

— Мы можем зависнуть? — спросил он.

Антуанетта взглянула на него через плечо:

— Конечно.

— Тогда — полная остановка. У вас есть чем определить дистанцию? Система предотвращения столкновений, что-нибудь в этом роде?

— Конечно, — повторила Антуанетта, словно ничего глупее этих вопросов она давно не слышала.

— Тогда направьте прибор на корабль.

— А в чем дело, Васко? Мы и так видим, что он кренится.

— Просто сделайте это, хорошо?

— Есть, сэр, — ответила она.

Маленькие руки Антуанетты, унизанные перстнями, задвигались над пультом, висящим перед ее креслом. Шаттл остановился, но панорама впереди продолжала надвигаться, пока наклонившийся корабль не оказался совсем рядом.

— Вот так и держите, — сказал Васко. — Теперь направьте дальномер — или что там у вас есть — на «Ностальгию» как можно ниже.

— Угол наклона так не определить, — заметила Антуанетта.

— Меня не это интересует. Похоже, они вовсе не желают повалить корабль.

— Да что ты говоришь?

Васко улыбнулся:

— Я думаю, что это просто побочный эффект. Жонглеры хотят передвинуть корабль.

Он дождался, когда Антуанетта настроит дальномер. Пульсирующий сферический дисплей плавал перед ней, наполненный дымчато-зеленой графикой и цифрами.

— Вот корабль, — сказала Антуанетта, указав на самую толстую полоску эха радара.

— Отлично. И сколько до него?

— Четыреста сорок метров, — через секунду ответила Антуанетта. — Это в среднем. Зеленая масса все время меняет толщину.

— Хорошо. Теперь следи за цифрами.

— Расстояние увеличивается, — сообщил пилот.

Васко ощутил на шее чье-то горячее дыхание. Оглянувшись, он увидел, что через плечо ему смотрит свинья.

— Малинин что-то задумал, — сказала Антуанетта. — Расстояние до шпиля сейчас... четыреста пятьдесят метров.

— Шаттл сносит ветром, — сказал Скорпион.

— Нет никакого ветра. — Судя по голосу Антуанетты, она слегка рассердилась. — Мы висим на месте как привязанные, по крайней мере в пределах погрешности приборов. Васко прав, Скорп, — корабль движется. Жонглеры тащат его в море.

— С какой скоростью?

— Пока не могу сказать точно. Метр, может быть, два в секунду. — Антуанетта посмотрела на браслет связи. — Плотность потока нейтрино постоянно растет. Не знаю, сколько у нас осталось времени, но думаю, что несколько часов.

— Значит, в момент старта корабль окажется всего в нескольких километрах от прежней стоянки, — прикинул Скорпион.

— Это лучше, чем ничего, — сказала Антуанетта. — Если жонглерам удастся оттащить его хотя бы за мыс, это защитит от приливных волн... нет, правда, это же кое-что меняет.

— Поверю, когда увижу, — ответил свинья.

Испытывая душевный подъем, Васко уверенно заявил:

— Аура правильно говорит: жонглеры не причинят нам вреда. Они хотят спасти нас, переместить корабль подальше в море. Они за нас.

— Хорошая гипотеза, — проговорил Скорпион, — но как они узнали о наших проблемах? Кто-то вошел в море и все там объяснил? Это мог сделать только пловец.

— Может быть, кто-то и вошел, — ответил Васко. — Разве теперь это важно? Корабль движется, и это главное.

— Да, — кивнул Скорпион. — Будем надеяться, что это произошло не слишком поздно.

Антуанетта повернулась к пилоту:

— Сможешь подлететь к кораблю поближе? Вроде у вершины жонглеров не так много. Неплохо было бы найти там местечко для посадки.

— Вы шутите? — изумился пилот.

Антуанетта отрицательно покачала головой. Она уже передала ему все управление шаттлом.

— Боюсь, что нет, приятель. Если мы хотим, чтобы Джон придержал лошадей, пока корабль не вытащат из бухты, кто-то

должен спуститься к нему и поговорить. Догадываешься, кому выпала такая честь?

— Похоже, она это серьезно, — сказал Васко.

— Выполняй, — приказал Скорпион пилоту.

Хела, год 2727-й

Караван продолжал с риском для своего существования протискиваться через тоннели и ползти по узким карнизам. Дорога змеилась, нередко выписывала тугие петли, так что из передней части каравана Рашмика видела, как хвост движется параллельно, ей навстречу. В одном месте, преодолевая особенно крутой подъем, с натугой работая двигателями и гусеницами, караван прошел над самим собой, и Рашмике удалось взглянуть сверху на платформы с наблюдателями.

Постепенно мост вырастал. Когда Рашмика увидела его впервые, он походил на кружевную эфемерную постройку, рисунок, выполненный на черном фоне блестящими радужными красками. Но с тех пор мост мало-помалу приобретал трехмерность и материальность. Это был не мираж, не дивная игра света в атмосфере, но реальный объект, при посредстве которого каравану предстояло пересечь Рифт.

Трехмерность моста одновременно волновала и успокаивала Рашмику. Мост уже давно не казался ажурным плетением из тончайших нитей, и, хотя многие элементы конструкции выглядели достаточно узкими, они уже не производили впечатления слишком слабых. Если уж мост способен выдержать свой вес, он наверняка выдержит и караван. Девушка кивнула своим мыслям.

— Мисс Эльс?

Она оглянулась. Квестор Джонс. Как не вовремя.

— Да, — отозвалась Рашмика с досадой.

— Довольно скоро мы поедем по мосту. Помните, я вам обещал незабываемое зрелище?

— Обещали, квестор, — кивнула она, — но вы не объяснили, почему этим коротким и удобным путем не пользуются остальные.

— Суеверие, — последовал ответ, — а также излишняя осторожность.

— Излишняя осторожность кажется мне очень уместной применительно к этому мосту.

— Неужто вы боитесь, мисс Эльс? Не стоит, право. Масса каравана едва ли достигает пятидесяти тысяч тонн. Благодаря его конструкции вес распределен по большой длине. Наш случай несравним с прохождением собора по мосту, вот это и в самом деле будет авантюрой.

— Никто не пойдет на это.

— В здравом уме — никто. Особенно если учесть, что случилось в прошлый раз и чему многие были свидетелями. Но это никак не касается нас. Мост легко выдержит караван. Ведь такое уже бывало. Лично я не прочь ездить по мосту всякий раз, когда нам не нужно отклоняться от Пути. Просто это не слишком выгодно. Вы сами видели, как непросто до него добраться. Чаще выходит так, что проезд по мосту не дает выигрыша во времени, даже наоборот. И сейчас решение направиться к нему принято лишь ввиду определенного стечения обстоятельств. — Квестор сцепил кисти рук перед грудью. — Итак, к делу. Похоже, ваше зачисление в бригаду по расчистке Пути — вопрос решенный. Вас ждет собор адвентистов.

— «Пресвятая Морвенна»?

— Нет. Их меньший собор, «Железная Екатерина». Всем приходится где-то начинать. Почему вы так хотите сразу попасть на «Пресвятую Морвенну»? Куэйхи совсем не ангел, иногда бывает очень крут. Зато настоятель «Екатерины» — хороший человек. По всему, работа там безопасная, никто из подчиненных настоятеля не жаловался.

— Благодарю вас, квестор, — проговорила Рашмика, надеясь, что ее разочарование не слишком бросается в глаза. Она рассчитывала найти приличную конторскую должность подальше от завалов. — Вы правы, это всяко лучше, чем ничего.

— «Екатерина» входит в основную группу соборов, движущихся к Рифту с запада. Мы присоединимся к ним, едва пройдем по мосту, незадолго до того, как соборы начнут спуск по Лестнице Дьявола. Для вас это большая честь, мисс Эльс: мало кому доводилось пересекать Пропасть Искупления дважды за один год, не говоря уж о том, чтобы сделать это с перерывом в несколько дней.

— Я просто счастлива.

— Тем не менее повторю сказанное раньше: работа вам предстоит трудная, опасная и плохо оплачиваемая.

— Что дают, то и беру.

— Ну а коли вы согласны, как только мы доберемся до Пути, вас доставят в бригаду. Не ввязывайтесь в сомнительные дела, и все будет хорошо.

— Постараюсь не забыть ваш совет, квестор.

Джонс прикоснулся пальцем к губам и отвернулся, словно вспомнил о других неотложных делах, но задержался. Глазки зеленого зверька, по своему обыкновению сидевшего на плече у хозяина, на протяжении всего разговора были нацелены на Рашмику, пустые, как пистолетные дула.

— Есть еще один вопрос, мисс Эльс, — сказал квестор, глядя на нее через плечо.

— Да?

— Джентльмен, с которым вы говорили недавно. — Квестор щурился, изучая выражение лица собеседницы. — На вашем месте я бы с ним больше не разговаривал.

— Почему?

— Вам не следует якшаться с такими типами. — Квестор задумчиво посмотрел в иллюминатор. — Считается, что общаться с наблюдателями или близкими к ним по силе религиозных убеждений паломниками — это неразумно. Судя по моему личному опыту, особенно неразумно общаться с теми, кто колеблется между верой и неверием.

— Квестор, я сама выбираю, с кем мне якшаться или общаться.

— Конечно, мисс Эльс. Прошу не обижаться на мои слова. Я только хотел дать вам совет по доброте душевной... которой полнится мое большое сердце. — Квестор бросил угощение в рот питомцу. — Разве нет, Мята?

— Пусть тот, кто сам без греха, первым бросит камень, — ответил зверек.

Караван подошел к восточной оконечности моста. В километре от этого места дорога вновь нырнула в глубину утеса. Начался крутой подъем; узкие, как иголка, карнизы и коварные уклоны, перемежаемые тоннелями, уравняли караван с мостом. Позади остался дичайший хаос льда и скал — просто не верилось, что его удалось преодолеть. Впереди — словно

пример перспективы из учебника: гладкая дорога, без каких-либо ограждений, чуть выгнутая к середке, алмазно блистающая под звездами ледяной пыльцой.

Не встречая больше на пути осыпей, трещин глубиной в человеческий рост и иных препятствий, набирая скорость, караван катил туда, где по обе стороны от дороги исчезала земля. Паломники здесь встречались гораздо реже, почти не приходилось тормозить и огибать. А значит, риск задавить какого-нибудь беднягу был ничтожен.

Представление Рашмики о размерах постройки претерпело несколько разительных перемен. Она помнила, что издали мост казался плавной аркой. Теперь же, вблизи, поверхность виделась ровной и прямой, словно вырезанная и выровненная лазером, — такой она и исчезала вдали. Рашмика пыталась разгадать этот парадокс, пока не сообразила с головокружительной ясностью, что ей видна только очень малая часть моста. Это как при подъеме на куполообразный холм: дразнящая вершина все время остается скрытой от глаз.

Девушка перешла на другое место и посмотрела назад. Первые шесть машин выбрались на мост, а дальше стена Рифта круто уходила вниз, давая Рашмике возможность самой оценить всю глубину Пропасти.

Гигантские когти геологии сплошь покрыли стену бороздами: вертикальными, горизонтальными, косыми, кривыми, пересекающимися. Жуть брала при мысли о катаклизмах, способных оставить такие следы. Там блистали глыбы сине-зеленого льда, проступали пятна более темных включений. Карниз, по которому прошел караван, виднелся слева; он казался слишком ненадежным, чтобы служить в качестве дороги, не говоря уже о том, чтобы выдерживать вес в пятьдесят тысяч тонн. Под карнизом, Рашмика теперь отлично это видела, поверхность стены тут и там опасно изгибалась, образуя глубокие ниши. Девушка чувствовала опасность на протяжении всего пути, но, по крайней мере, свято верила, что под караваном имеется не один десяток метров тверди. И, как оказалось, зря.

Квестора она не видела в течение всей переправы. Прошел час, и противоположная сторона Пропасти стала такой же далекой, как и оставшаяся позади. Вероятно, караван находился примерно на середине моста. Стараясь не шуметь, Рашмика надела скафандр и пробралась на крышу.

Открывавшийся сверху вид существенно отличался от того идеализированного, почти нереального зрелища, которым она любовалась из герметичной внутренности каравана. Теперь Рашмика видела всю перспективу Рифта, к тому же очень хорошо различала дно в нескольких десятках километров. По мере того как ровное дорожное полотно моста уходило под колеса машин, казалось, что дно Пропасти поднимается. От этого обмана зрения у Рашмики закружилась голова и возникло неудержимое желание распластаться на крыше машины, раскинув руки и ноги, чтобы не свалиться через край. Ей пришлось собрать всю свою отвагу, чтобы остаться на ногах, хотя она и согнула колени, сместив центр тяжести вниз.

Казалось, ширина дороги совсем ненамного шире каравана. Машины шли точно посредине, лишь изредка принимая вправо или влево, чтобы обогнуть толстый ледяной наплыв или другое небольшое препятствие. На полотне попадались вмерзшие камни, заброшенные сюда взрывами далеких вулканов. Некоторые были величиной с полколеса. Тот факт, что эти булыжники не разбили мост, придавал Рашмике уверенности. И коль скоро ширины полотна едва хватало, чтобы пропустить два ряда машин, составляющих караван, было нелепо думать, что здесь пройдет такое чудище, как собор.

В этот миг она заметила кое-что на дне Пропасти. Это была огромная — километр в поперечнике — залежь какого-то мусора. Темная свалка формой напоминала звезду, и, насколько Рашмика могла судить, ее центр находился почти точно под мостом. Поблизости от центра звезды виднелись останки каких-то сооружений. Напрягая воображение, можно было увидеть очертания разбитых машин; их контуры были сглажены пылью и щебнем.

Значит, какой-то собор все же пытался пройти по мосту.

Рашмика перебиралась с машины на машину, решив добраться до самой первой. Наблюдатели все так же лежали на своих платформах, лицом к раздутому шару Халдоры. Глядя на их зеркальные визоры, Рашмика вдруг представила себе десятки уложенных аккуратными рядами титановых яиц.

На следующей крыше, держась за ограждение, ее поджидал человек в скафандре. Друг друга они заметили одновременно; человек тотчас повернулся к девушке и поманил рукой в перчатке.

Она прошла мимо наблюдателей и одолела еще один раскачивающийся соединительный мостик. Караван опасно вильнул, чтобы пройти между двумя грудами камней, потом подпрыгнул и захрустел колесами на череде малых неровностей.

Рашмика не разобрала, какого типа скафандр на встречном. Может, и такой, как у наблюдателей, но те сверху всегда носили рясы. Сквозь серебристый зеркальный щиток ничего не было видно.

— Петр? — спросила она по общему каналу.

Ответа не было, но человек продолжал настойчиво манить ее.

Может, это ловушка? Квестор предупреждал: не стоит связываться с этим молодым человеком. Едва ли Джонс знал о том происшествии на крыше. Она очень сомневалась, что в ходе своего поиска успела нажить врагов, но и не тешила себя иллюзиями. Взять хотя бы квестора — вряд ли можно назвать его другом. С другой стороны, Джонс устроил ее в бригаду по расчистке Пути, — скорее всего, квестор заинтересован в том, чтобы она добралась до соборов целая и невредимая.

Рашмика пошла вперед, обдумывая разные возможности. Вскоре она узнала скафандр высокой защиты, плотно облегающий тело. Шлем и другие жесткие детали были оливково-зелеными, эластичные блестели серебром. В отличие от скафандров, которые Рашмика видела на паломниках, этот не носил религиозной символики, вообще никаких рисунков.

Лицевой щиток повернулся к ней. Она увидела глядящие через пластик пронзительные глаза; под высокими острыми скулами залегли тени.

Петр протянул руку и на ее запястье другой рукой открыл клапан. Оттуда он вытянул тонкий кабель с разъемом на конце и подал Рашмике. Конечно! Безопасная связь. Она взяла волоконно-оптический кабель и подключила к соответствующему разъему своего скафандра. Кабель обеспечивал прямую связь между скафандрами при отказе радиосвязи и других средств коммуникации. А еще он был незаменим для приватного общения.

— Рад, что ты сумела прийти, — сказал Петр.

— Хорошо бы, ты объяснил, зачем такая таинственность.

— Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. По правде говоря, я вообще не должен был говорить с тобой об исчез-

новениях, по крайней мере на борту каравана. Нас никто не слышал?

— Квестор подходил ко мне на два слова, после того как ты ушел.

— Неудивительно, — кивнул Петр. — Его нельзя назвать излишне религиозным, просто он знает, с какой стороны хлеб намазан маслом. Церкви платят ему за службу, вот он и не хочет, чтобы кто-то раскачивал лодку, распуская подрывающие веру слухи.

— По-моему, то, о чем говорил ты, нельзя назвать ересью, — сказала Рашмика.

— Это как посмотреть... Кстати, о «посмотреть» — разве не потрясающий вид?

Петр повернулся кругом, подчеркивая свои слова широким жестом. Рашмика с готовностью улыбнулась:

— Не знаю, что и сказать. Я не очень люблю высоту.

— Ну, перестань. Забудь об исчезновениях, забудь о своем поиске хотя бы на время. Оцени величие Пропасти. Миллионы людей никогда в жизни этого не увидят.

— У меня такое чувство, словно мы незаконно пользуемся чужой собственностью, — ответила Рашмика. — Может быть, вертуны соорудили этот мост только для того, чтобы им любоваться?

— Я почти ничего не знаю о вертунах. Но даже если твоя догадка верна, мы никогда не выясним, зачем им понадобился мост. Для нас важно другое: он есть и мы по нему едем. Верно же? По-моему, не любоваться такой красотой хотя бы изредка — большой грех.

Рашмика посмотрела вниз, на развалины в форме звезды.

— Интересно, квестор мне правду сказал? По мосту когда-нибудь пытался проехать собор?

— Говорят, такое было. Но записей в церковных книгах об этом нет.

Рашмика крепче сжала перила, все еще не в силах спокойно переносить вид огромной пропасти и такой далекой земли.

— Так что же это был за собор?

— Сектанты, раскольники, — ответил Петр. — Самостоятельная церковь, всего с одним маленьким собором. Они назывались нумеристами, не принадлежали ни к одной из клерикальных организаций и почти не поддерживали торговых

отношений с другими церквями. Система их верований была... странной. И дело не в конфликте с другими доктринами. Для начала, они были политеистами. Большинство церквей строго монотеистичны, крепко связаны с древними авраамическими религиями — я их называю церквями огня и серы. Один Бог, один рай, один ад. Но те, что устроили свалку там, на дне Пропасти... они были необычные. Многобожцев хватало всегда, но эти создали своеобразную картину мира, всю космологию, целиком, — настолько ортодоксальную, что исключалась всякая возможность завести межрелигиозный диалог. Нумеристы были чокнутыми математиками. Они видели в науке о числах высшую благодать, единственный возможный и действенный способ приблизиться к святости. Верили, что во всех математических понятиях живут боги: свой бог в интегралах, свой — в натуральных числах, свой — в нуле. Были у них и младшие, подчиненные боги: иррациональных чисел, дифференциального исчисления. Другие церкви не могли терпеть такие чудачества. Поэтому нумеристов подвергли остракизму, после чего они довольно скоро окончательно спятили, превратились в параноиков.

— Неудивительно, с такими-то взглядами.

— Это еще не все. Нумеристы интересовались статистическими интерпретациями исчезновений, изучали это явление, применяя какие-то экзотические теории вероятности. Объяснять это довольно сложно. В ту пору исчезновения случались реже, поэтому статистика в распоряжении нумеристов была не слишком богатой, зато они имели достаточно гибкие методики, чтобы использовать даже малые базы данных. Нумеристы получили просто убийственный итог.

— Рассказывай, — попросила Рашмика.

Она наконец начала понимать, почему Петр захотел встретиться с ней на крыше каравана, ночью, посреди моста.

— Нумеристы первыми заявили, что исчезновения учащаются, хотя доказать это статистически было трудно. Уже было официально объявлено, что исчезновения происходят сериями, однако теперь нумеристы утверждали, что промежутки между сериями сокращаются. Нумеристы также указывали на то, что длительность самих исчезновений возрастает, хотя они же признавали, что доказательства этого факта слабоваты.

— И что, они оказались правы?

Петр кивнул, на его шлеме качнулся отраженный пейзаж.

— По крайней мере в первой части своего заявления. Сегодня даже самые примитивные статистические методики дают те же результаты. Совершенно точно установлено, что исчезновения происходят все чаще.

— А вторая часть?

— Она не доказана. Но полученные с тех пор данные пока не опровергли этот вывод нумеристов.

Рашмика рискнула глянуть вниз, на звездообразное пятно.

— Что же с ними случилось? Почему они упали с моста?

— Никто не знает, как это произошло. Повторюсь: церкви не признают даже того, что какой-то собор пытался пересечь здесь Пропасть. Копни глубже, и выяснится, что никаких нумеристов не существовало. Пусть в документации редких торговых сделок и есть намеки на существование такой секты, но о том, что нумеристы решили пройти над Пропастью Искупления, никаких упоминаний ты не найдешь.

— Но они решили.

— Да. Думаю, никто не знает зачем. Быть может, это была последняя попытка вернуть утраченный престиж в глазах церквей, разорвавших отношения с ними. Нельзя исключать и то, что они хотели пройти коротким путем и вырваться вперед, обогнав основную процессию и не потеряв Халдору из виду. Причина не так уж и важна. У нумеристов она была, они пошли на риск и погибли. Почему погибли, другой вопрос.

— Мост не пропустил? — предположила Рашмика.

— Ну, это вряд ли. Собор нумеристов был совсем кроха по сравнению с основными. Судя по останкам на дне Пропасти, нумеристы добрались почти до середины, поэтому дело не в скручивании полотна. У меня такая версия: собор шире дорожного полотна, и поэтому он должен двигаться так, чтобы его продольная ось всегда совпадала с осью моста. Нельзя допускать, чтобы один бок выступал за край полотна дальше, чем другой. Для такого точного вождения требуется надежная работа техники. Посреди моста у них отказала система навигации, на достаточный срок, чтобы потерять равновесие и сорваться. А как было на самом деле, кто знает?

— Ты считаешь, может быть и другая причина?

— Болтовня о статистике исчезновений принесла нумеристам популярность. Помнишь, я говорил, что остальные церкви знать ничего не желали об учащении?

— Они опасались, что их мир изменится.

— Да, им хотелось жить как прежде. Тот порядок, что сложился на Хеле, всех устраивал — привычно и удобно. Катишь себе на соборе по Вечному Пути, продаешь останки вертунов человечеству, тем и кормишься. Высшие клерикальные эшелоны жили припеваючи, благодарение Господу. И церковникам совсем не хотелось, чтобы слухи о каком-то апокалипсисе будоражили умы на их поездах.

— Думаешь, кто-то подстроил крушение собора нумеристов?

— Я уже сказал, никаких доказательств нет и искать их бесполезно. Возможно, это был несчастный случай. Никто не утверждал, что путешествие на соборе по мосту через Пропасть Искупления — не идиотизм чистой воды.

— И несмотря на все это, ты, Петр, сохранил свою веру?

Рашмика заметила, что он крепче сжал перила.

— Я верю в то, что исчезновения — весть о приходе очень трудных времен. Не просто безмолвное свидетельство силы Господа, как хотят преподнести это церкви, не чудо ради самого чуда, а нечто по-настоящему важное. Я верю в то, что исчезающая Халдора — своего рода часы, ведущие обратный отсчет, и никто из властей предержащих не желает признать, что Конец Времен действительно близок. Нумеристы поняли это. Верю ли я церквям? Только в редчайших случаях. Проще поверить в то, что можно отлить в вакууме без малейшего вреда для организма. Но моя вера в Бога всегда со мной. С этим все по-прежнему.

Судя по голосу, Петр не лгал. Но Рашмика не видела его лица, поэтому слова оставались только словами.

— Ты сказал, церкви не могут скрыть, что исчезновения участились, тем более что имеются доказательства.

— А они и не скрывают. Но есть аномалия.

Петр отпустил поручни — лишь на миг, чтобы вручить Рашмике металлический цилиндрик с закручивающейся крышкой.

— Думаю, это тебе покажется интересным, — сказал он. — Там листок бумаги с записями. Там только расчеты, без комментариев. Это чтобы руководство ничего не поняло, если бумажка попадет к нему в руки.

— Надеюсь, это не все, что ты хотел мне сообщить?

— На Утесе Череп, откуда я родом, жил один человек, Шауль Темпье. Я был с ним знаком. Этот старый отшельник ютился в заброшенном раскопе на краю поселка. На жизнь зарабатывал починкой землеройной техники. Он не был сумасшедшим или агрессивным, я бы даже не назвал его асоциальным или хотя бы нелюдимым. Просто он не нашел общего языка с жителями поселка и предпочел держаться особняком. Дело в том, что он был исключительно педантичен, до одержимости. И не нуждался ни в жене, ни в любовнице, ни в друзьях.

— И ты не считаешь это асоциальностью?

— Ну, как сказать — он не был груб или неприветлив. Всегда ходил чистый и не имел, насколько мне известно, слишком неприятных привычек. Когда я к нему заглядывал, он всегда угощал чаем из большого старого самовара. Иногда играл на древней нейролютне. И спрашивал, нравится ли мне его музыка.

Сквозь лицевой щиток Рашмика разглядела на губах Петра улыбку.

— Сказать по правде, играл он скверно, но у меня никогда не хватало духу об этом сказать.

— А как ты с ним познакомился?

— Я работал на складе землеройных машин, следил, чтобы техника была в рабочем состоянии. Обычно мы сами ее ремонтировали, но бывали запарки, и мы не справлялись, и тогда кто-нибудь из нас тащил машину в берлогу Темпье. Раза два-три в год это делал и я, причем со всей охотой. Нравился мне этот чудак — как он пытается сыграть на лютне, ну и вообще. Темпье старел себе и старел. И вот в одну из наших последних встреч, одиннадцать или двенадцать лет тому назад, он решил мне кое-что показать. Я удивился — надо же, Шауль мне доверяет.

— Зря удивился, — сказала Рашмика. — Ты производишь впечатление человека, которому хочется доверять.

— Это комплимент?

— Не уверена.

— Что ж, приму как комплимент, на всякий случай. О чем я говорил?

— Темпье захотел тебе что-то показать.

— Это был лист. Вот этот, что я тебе дал. Вернее, у тебя точная копия. Оказалось, Темпье бóльшую часть жизни регистри-

ровал исчезновения. Чем он только не занимался — проверял опубликованную главными церквями статистику, даже побывал на Пути, чтобы покопаться в труднодоступных архивах. Я уже сказал, что он был очень дотошным и пунктуальным. И когда я увидел его материалы, сразу понял, что это самая полная статистика исчезновений, которую способно собрать частное лицо. Сомневаюсь, что где-нибудь на Хеле найдется любительская работа получше. Описанию каждого исчезновения там сопутствовала куча разного материала — свидетельства очевидцев, характеристики самих очевидцев, ну и всякое прочее. Если за день до исчезновения происходило извержение вулкана, Темпье обязательно это отмечал. Он записывал все необычное — вне связи с исчезновениями.

— И что-то нашел? То же самое, что обнаружили нумеристы?

— Нет, — ответил Петр. — Он нашел кое-что другое. Темпье отлично понимал, о чем говорили нумеристы. И его собственные данные полностью совпадали с выводами секты. По сути, он считал само собой разумеющимся, что исчезновения происходят все чаще.

— И что же он обнаружил?

— Расхождения между официально опубликованными мирскими и церковными данными.

Рашмику такой ответ разочаровал, она ожидала большего.

— Подумаешь, открытие, — протянула она. — Предположим, миряне проморгали, а наблюдатели заметили. В поселках народ не такой внимательный...

— Ты не понимаешь, — буркнул Петр.

Впервые девушка услышала в его голосе раздражение.

— Я говорю не о том, что церкви заявили об исчезновении, которое не заметили все остальные. Дело в другом. Тогда, за восемь лет до того случая — сейчас это будет уже двадцать лет назад, — произошло исчезновение, не фигурирующее ни в одной церковной сводке. Понимаешь, о чем я? Исчезновение имело место и было засвидетельствовано секулярными наблюдателями вроде Темпье, а церкви утверждают, будто ничего не произошло.

— Но какой в этом смысл? Для чего церквям скрывать факт исчезновения?

— Темпье задался тем же вопросом.

Может быть, она не совсем напрасно выбралась на крышу.

— Было ли у этого исчезновения какое-нибудь свойство, объяснявшее, почему оно не попало в официальные хроники? Несоответствие обычным критериям?

— Например?

Рашмика пожала плечами:

— Я не знаю. Ну, скажем, исчезновение было очень кратким.

— Интересно — если Темпье верно во всем разобрался, — что это исчезновение было самым продолжительным из зарегистрированных. Оно длилось одну целую две десятых секунды.

— Тогда я совсем ничего не понимаю. Что еще говорил об этом Темпье?

— Хороший вопрос, — кивнул Петр. — Но не из тех, на которые быстро ответишь. Потому что Шауль Темпье умер. Семь лет назад.

— Жаль. Похоже, он тебе нравился. Но ты сам говорил: он был немолод.

— Он был стар, но вовсе не собирался умирать. Его убило током. Темпье нашли рядом с машиной, которую он чинил.

— Ясно, — вздохнула Рашмика. — Значит, неосторожность.

— Неосторожность — это не про Шауля Темпье. Вот тут они дали маху.

Рашмика насторожилась:

— Они?

— Те, кто его убил.

Некоторое время парень и девушка стояли молча. Караван забрался на вершину арки моста и начал долгий плавный спуск к другому краю Пропасти. Противоположная стена выросла, уступы и трещины на ее истерзанном боку стали хорошо видны. Слева, на юго-западной стороне Пропасти, Рашмика заметила необычный выступ. Он казался тщательным карандашным наброском, дожидающимся мастера с красками. Но это был точно утес. Как только караван доберется до него, переход через Пропасть завершится. Мост выдержит, и мир будет в порядке — по крайней мере, не хуже, чем раньше.

— Значит, ты для того и пришел в караван? — спросила она Петра. — Узнать, почему убили старика?

— Послушать тебя, так все на свете только и делают, что ищут тот или иной ответ.

— Но ведь так и есть.

— Я не прочь узнать, почему убили Шауля, но куда больше меня интересует, почему церкви решили лгать о слове Божьем.

Рашмика уже спрашивала Петра о его вере, но по-прежнему чувствовала, что надо выяснить, насколько он откровенен. Должна быть какая-то лазейка в его душу, трещинка сомнения в щите убежденности.

— Так ты считаешь исчезновения словом Божьим.

— Не просто считаю, а твердо верю в это.

— То есть ты узнал, что истинная хронология исчезновений отличается от официальной, и из этого сделал вывод, что Божьи послания передаются людям искаженными?

— Именно так. — Судя по голосу Петра, он был рад, что Рашмике удалось пересечь разделяющую их пропасть непонимания. Впервые за столько лет груз тайного знания был снят с его души. — Я решил, что смогу рассеять свои сомнения путем бездумных наблюдений, но из этого ничего не вышло. Я увидел тебя — ты стояла рядом, такая независимая, — и понял, что должен всего добиваться сам.

— Ну... примерно то же чувствовала и я.

— Расскажи, что ты ищешь, Рашмика.

И она рассказала. О Харбине, о том, как его приняли в одну из церквей. Скорее всего, брата против его воли заразили индоктринационным вирусом. Об этом страшно даже подумать, но рациональная часть ее разума не может исключить такую возможность. Девушка рассказала Петру, как ее семья некоторое время назад узнала, что Харбин посвятил себя вере. И тогда Рашмика решила, что не может потерять брата вот так.

— И я решилась на паломничество, — закончила она.

— Вот уж не думал, что ты паломница.

— Я оговорилась, — сказала она.

Хоть и не была уверена в этом.

Арарат, год 2675-й

Верхние уровни «Ностальгии по бесконечности» были до отказа наполнены беженцами. Антуанетта запрещала себе думать об этих людях как о сбившемся в кучу скоте, но, обнаружив, что пройти сквозь эту толпу не проще, чем сквозь стену,

впала в отчаяние. Это люди, твердила она себе, обыкновенные люди, заложники обстоятельств, понять которые они не в состоянии. В другой ситуации она легко могла бы оказаться вот в такой же толпе — перепуганная, плохо соображающая. Ее отец часто повторял: угодить в переплет легче легкого. Будь ты хоть семи пядей во лбу, совершай подвиги, лучись добродетелью — судьбе на это наплевать. Ее интересует твое место в алфавитном списке и состав твоей крови... А лучше всего, если ты дочь человека, у которого есть собственный корабль.

Она снова двинулась вперед. Но не ломилась через толпу людей, дожидающихся регистрации, а вежливо просила пропустить ее, заглядывала в глаза, извинялась, улыбалась и уговаривала неотзывчивых. Но стадо — Антуанетта никак не могла думать об этом скоплении иначе — было настолько огромным, настолько коллективно-неразумным, что терпения хватило лишь на два уровня.

Потом внутри у Антуанетты что-то сломалось, и она пошла напролом, сжав зубы, не обращая внимания на крики, оскорбления и плевки.

Преодолев наконец людское море, она по лестницам и трапам спустилась еще на три уровня, по счастью оказавшихся почти пустыми. Антуанетта передвигалась чуть ли не в полной темноте, ориентируясь лишь по редким лампам, горевшим на следующих ярусах, и ругая себя за непредусмотрительность: надо было захватить фонарь. Но потом она вступила во что-то липкое и обрадовалась, что не может это увидеть.

В конце концов Антуанетте удалось найти работающий вертикальный лифт и, повозившись с пультом, вызвать кабину. Хотя наклон корабля ощущался сильно — одна из проблем, задерживающих прием беженцев, — к счастью, основные функции корабля сохранились. Она услышала, как вдоль корабельного «хребта» продвигается лифт, постукивая об индукционные рельсы, и воспользовалась паузой, чтобы при посредстве браслета узнать плотность нейтринного потока. Если планетарным службам мониторинга еще можно доверять, то кораблю для старта не хватает всего пяти-шести процентов мощности.

Всего пять или шесть процентов. А когда-то плотность потока менялась на такую величину в считаные минуты.

— Не торопитесь, Джон, — сказала она. — Никому из нас не следует торопиться.

Лифт притормозил у палубы, сосредоточенно пощелкивая механизмами. Дверь открылась, приглашая Антуанетту в ожидающую пустоту. В проеме капало — из шахты сочилась какая-то жидкость. Антуанетта опять пожалела, что не взяла фонарь. Она расслабилась, привыкла, что капитан пускает ее в свою реальность как знакомого в дом. «А, это вы? Заходите, вытирайте ноги. Садитесь поудобней, как ваши дела?»

Что, если на этот раз он не пожелает ее видеть?

Голосовые системы управления лифтами не работали. Привычным движением Антуанетта открыла панель, прошлась по опциям. Надписи были на древнем языке, но Антуанетта успела с ними разобраться. Лифт опустит ее во владения капитана, но только до середины «хребта». Надо будет сделать пересадку, а это означает прогулку в несколько сот метров; хорошо бы там с ее прошлого визита не появилось новых препятствий. Может, лучше подняться и воспользоваться другим лифтом, идущим до самого низа? Несколько мгновений она обдумывала альтернативы, чувствуя, что сейчас минута промедления может иметь решающее значение.

Но тут лифт начал опускаться. Без ее участия.

— Привет, Джон, — сказала она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Арарат, год 2675-й

Шаттл завис над Первым Лагерем.

Солнце уже почти село. Васко и его спутники смотрели на покрытую зеленой пленкой Морскую Башню, видимую за мысом в угасающем свете дня. Остроконечная тень меняла положение не только из-за передвижения солнца, но и из-за наклона корабля, и оттого, что тот перемещался горизонтально. Причем очень медленно перемещался, неуловимо для невооруженного глаза, как часовая стрелка. «Ностальгию по бесконечности» тащила гора биомассы, и между субсветовиком и лагерем уже вклинился мыс. Он был невелик, жалкая сотня метров в ширину; конечно, этого недостаточно, чтобы остановить цунами. Но все лучше, чем ничего, и лиха беда начало: жонглеры образами упорно тащили корабль в открытое море,

и с каждой секундой надежда на спасение от катастрофы возрастала.

— Антуанетта на борту? — спросила Хоури, глядя пустыми глазами в пространство.

Аура, похоже, спала, и Хоури говорила от себя.

— Да, — ответил Васко.

— Надеюсь, она сумеет договориться.

— Когда Аура обращалась к нам... — Малинин сделал паузу, глядя на Хоури, но та молчала.

— Ты о чем?

— Это ведь была она?

Хоури подняла на него глаза: один зрачок был шире другого.

— А для тебя это важно? Моя дочь тебя нервирует?

— Я просто спросил. Она ведь спит?

— В моей голове ее нет.

— Но она там была?

— К чему ты клонишь, Малинин?

— Хочу понять, как это у вас получается, — сказал он. — Надеюсь, Аура будет нам полезна. Она уже помогла, но ведь это только начало, верно?

— Я уже говорила. Ауре многое известно, просто нужно ее слушать.

Хела, год 2727-й

После того как караван пересек мост, Рашмика вернулась в свою комнату, где могла побыть одна. Дрожащими руками она открыла полученный от Петра футляр, по-прежнему опасаясь — вопреки всем попыткам убедить себя в обратном, — что это ловушка или розыгрыш. Но внутри не оказалось ничего, кроме бумажного рулончика. Листок табачного цвета выскользнул ей в руку. Осторожно развернув его на коленях, Рашмика всмотрелась в записи.

Для несведущего они почти ничего не значили. Чертеж показался знакомым, но пришлось хорошенько напрячь мозги, чтобы вспомнить. Раздельные вертикальные линии, то разгруппированные, то сбившиеся плотно, напомнили ей последовательность линий поглощения в спектре звезды: хорошо различимые дискретные состояния на низких частотах, но чем

дальше, тем плотнее; и на правом конце шкалы очевидная экстраполяция предсказывает сплошной континуум. Но черточки изображали не спектральные линии, а времена исчезновений, и промежуток между ними стремился к нулю.

Означает ли это, что исчезновения станут нормой, что Халдора будет мигать, как барахлящая лампа? Или планета просто пропадет навсегда, вдруг прекратит свое существование в нашей реальности?

Рашмика снова взглянула на лист. Над первой последовательностью черточек присутствовала вторая. В основном они совпадали, лишь одна отметка в верхней группе отсутствовала напротив отметки в нижней.

Двадцать лет назад, сказал Петр.

Двадцать лет назад Халдора пропала на одну целую две десятых секунды. Многозначительно подмигнула космосу, и не заметить это было трудно. И все-таки соборы ухитрились прозевать это исчезновение. Удивительная невнимательность. В которую очень слабо верится.

Пока планеты не было, случилось кое-что, очень не понравившееся церквям. И стоившее жизни старому чудаку-отшельнику.

Рашмика снова взглянула на чертеж и впервые задумалась, зачем Петр дал ей лист и что теперь с этим сделать.

Арарат, год 2675-й

Лифт спускался несколько минут, а потом вздрогнул так сильно, что Антуанетта испугалась: неужели кабина сорвалась с направляющих? Она уже приготовилась с криком полететь вниз, но лифт пошел дальше, плавно двигался секунд двенадцать, потом дернулся еще несколько раз — должно быть, снова и снова менял направление. Она даже приблизительно не представляла себе, где находится. Возможно, уже в нескольких сотнях метров под ватерлинией. Но даже будь у Антуанетты схемы, здесь от них не было бы проку. Мало того что до этих подводных уровней сложно добраться, так вдобавок их коридоры и отсеки подвержены внезапным и значительным архитектурным изменениям. Долго считалось, что эти перестройки не затрагивают шахты лифтов, но Антуанетта знала, что это не

так и что ориентироваться здесь, полагаясь на знакомые неменяющиеся места, невозможно. С помощью инерционного компаса и гравитометра она могла бы определить свое местоположение в трехмерном пространстве с точностью до нескольких десятков метров... но у нее не было ни того ни другого. Оставалось лишь довериться капитану.

Лифт прибыл, открылась дверь, снова закапала в проеме липкая жидкость. Антуанетта потопала, стряхивая с обуви слизь; влажные штанины противно липли к икрам. Неподходяще она оделась для встречи с Бреннигеном. Что он подумает?

Она выглянула наружу и невольно ахнула от удивления и восхищения. Хоть и твердила себе, что каждая секунда сейчас драгоценна, несколько мгновений просто не могла сдвинуться с места, все смотрела на открывшуюся картину. Здесь, в глубине корабля, Антуанетта ожидала увидеть очередной сырой и мрачный коридор, в котором капитан снова соорудит себя из кучи мусора или вытворит что-нибудь похлеще.

Однако на сей раз Бренниген доставил ее в совершенно иное место. Перед Антуанеттой был зал, такой огромный, что поначалу казалось, у него вовсе нет стен. Над головой раскинулось бесконечное небо роскошной синевы. Куда ни кинь взгляд, росли деревья, поднимаясь ввысь; их ветви сливались с небом в сине-зеленую бесконечность. Дул свежий, напоенный приятными запахами ветерок, с ветвей лились голоса разнообразной живности. Перед Антуанеттой замшелые деревянные ступеньки вели вниз, к ровному, как зеркало, ручью. Вода с журчанием низвергалась в небольшой пруд, черный как ночь, если не считать кремовой пены под водопадиком. Она манила, суля дивную прохладу. Неподалеку от берега, на аккуратно подстриженной лужайке, стоял деревянный стол, вместо табуретов его окружали поленья.

Завороженно глядя на деревья и пруд, Антуанетта вышла из лифта. Позади нее закрылась дверь. Ничего другого не оставалось, как сойти по ступенькам к берегу ручья, где трава радовала глаз всеми доступными воображению оттенками зеленого и желтого.

Антуанетта слышала об этом уголке. В частности, однажды про него упоминал сам капитан. Ручей внутри «Ностальгии по бесконечности». Когда-то этот отсек можно было найти на

любой карте, но после того, как могучий корабль опустился на Арарат и почти все люди покинули его, путь к парку затерялся. Несколько раз его пытались найти, снаряжали целые экспедиции, но они не добились успеха.

Ручей был прекрасен. И как громаден окружающий его парк, а значит, как громадна сама «Ностальгия»! У капитана были все возможности надежно спрятать это место. Он с легкостью менял расположение коридоров и лифтовых шахт. Да и все это — зал, водопад и прочее — можно без труда переместить в другой отсек. Так попавшая в человека пуля может медленно, год за годом, передвигаться внутри его тела.

Антуанетта подумала, что капитан привел ее сюда на своих условиях и, быть может, больше никогда не позволит увидеть этот парк.

— Антуанетта...

Шипящий голос казался искусственным — подражание падающей в пруд воде.

— Да?

— Ты снова забыла кое-что.

О чем он, о фонаре? Конечно нет. Антуанетта улыбнулась: она вовсе не такая забывчивая, как может показаться.

Она надела защитные очки и увидела тот же водопад. Разве что цвета стали ярче. В воздухе порхали птицы — стремительные красные и желтые пятнышки на фоне синей бездны неба. Птицы! Как же это здорово — снова увидеть птиц, пусть и созданных ее умными очками.

Вдруг Антуанетта заметила, что в парке она находится не одна. На всех чурках вокруг стола сидели люди.

Необычные люди. Удивительные.

— Присоединяйтесь, — указал один из них на свободное место.

Ее пригласил сам Джон Бренниген; она узнала капитана почти мгновенно. И снова он предстал немного иным.

Антуанетта вспомнила, как он выглядел раньше. В обоих случаях, насколько она могла судить, стиль был марсианским. В первый раз на капитане был такой старый скафандр, что она все высматривала дверцу, куда нужно бросать уголь. Второй скафандр был не новейшего образца, но определенно на поколение моложе предшественника. И сам Джон Бренниген

казался старше минимум на десяток лет. А тот, кого она видела перед собой сейчас, еще старше, зато и его скафандр явно новее на добрых полвека.

В сущности, это был не скафандр, а, скорее, кокон из материала, похожего на загустевшую серебристую слюну насекомого. Сквозь этот полупрозрачный покров Антуанетта с трудом различала очертания плотно уложенных не то механизмов, не то анатомических органов, отдаленно напоминающих почки и легкие; все это пульсировало, вздымалось и опадало. По километрам зигзагообразных трубок, пронизывающих внутренность скафандра, струилась ярко-зеленая жидкость. Среди всего этого находился капитан — в чем мать родила. Антуанетта видела хитросплетение катетеров и других снастей для удаления отходов жизнедеятельности.

Капитан, казалось, не испытывал ни малейшего неудобства. Антуанетта видела перед собой человека из далекого прошлого, на удивление не похожего на тех двух Бреннигенов, с которыми она встречалась прежде.

Скафандр покрывал все, кроме головы. Капитан и впрямь сильно постарел, кожа так обтянула череп, что стали отчетливо видны все впадины. Антуанетта могла с легкостью различить под кожей каждый сосуд. Бренниген казался очень хрупким, словно мог сломаться от одного ее неосторожного движения.

Она села на предложенное место. Остальные присутствующие были облачены в такие же скафандры, с небольшим различием в деталях. Но помимо облачения, Антуанетта не усматривала сходства между ними. У некоторых недоставало значительных анатомических фрагментов. Их скафандры восполняли эту нехватку, размещая в пустотах сложную органомеханику с такими же, как у капитана, ярко-зелеными трубками. У женщины не хватало руки. На ее месте под оболочкой скафандра можно было различить стекловидную конечность с неясными очертаниями костей, нервов и мышечной ткани. У одного из мужчин не было лица, живая плоть льнула изнутри к прозрачной маске. Остальные на первый взгляд казались более или менее целыми, за исключением того человека, что с двумя головами: женская находилась почти на месте, а справа от нее, на плече, сидела голова молодого мужчины.

— Не обращай на них внимания, — сказал капитан.

Антуанетта вдруг поймала себя на том, что не может отвести взгляд от двухголового:

— Мне не...

Джон Бренниген улыбнулся:

— Это солдаты штурмовых войск Коалиции за невральную чистоту.

Антуанетте это ни о чем не говорило. Наверное, следовало лучше учить историю в юные годы.

— А вы? — спросила она.

— Я тоже был солдатом одно время. Когда это требовалось для достижения моих ближайших целей. Мы жили на Марсе и дрались с сочленителями, хотя не могу сказать, что мне это было по душе.

Антуанетта наклонилась вперед. По крайней мере, стол был вполне настоящим.

— Джон, нам нужно кое-что обсудить.

— Ох, не будь такой невыносимо деловитой. Мы с боевыми друзьями вспоминали тут веселые деньки.

— Но все эти люди мертвы. По самым грубым прикидкам, скончались триста—четыреста лет назад. Пожалуйста, вернитесь в настоящее. У нас неотложное дело.

Капитан подмигнул ей и кивнул на соседа:

— Видишь Коленкову? Ту, что с двумя головами?

— Ее трудно не заметить, — вздохнула Антуанетта.

— У нее на плече брат. Вместе пошли служить, он угодил под паучью «метлу». На Деймосе для него выращивают новое тело. До тех пор голову можно держать в машине, но ей всегда лучше сидеть на нормальном теле.

— Не сомневаюсь. Капитан...

— Вот Коленкова и решила временно поносить голову брата. Они и в бой так ходят. Сам видел. Не то чтобы пауков это сильно пугало, но в бою одна голова хорошо, а две всяко лучше...

— Конечно, Джон. Послушайте, нам нужно обсудить то, что происходит сейчас. Мы на Арарате, помните? И у нас возникли проблемы. Мы ведь уже говорили с вами об этом...

— А, вот вы о чем? — проговорил Бренниген тоном школьника, которому на каникулах напомнили о домашнем задании.

Антуанетта так сильно ударила кулаком по столу, что ушибла руку:

— Джон, я понимаю, вы не хотите думать об этом, но нам все равно придется поговорить. Нельзя забыть о происходящем просто потому, что оно вам не нравится. Вы можете спасти тысячи людей, но больше, гораздо больше при этом погибнет.

Люди вокруг изменились. Антуанетта по-прежнему сидела за одним столом с солдатами, но теперь они выглядели так, словно прошли через годы сражений. Тяжелых сражений. У капитана вместо руки появился протез. Скафандры уже не походили на засохшую слюну насекомых, а состояли из скользящих друг по другу пластин. Материал имел очень высокую отражающую способность и напоминал растекшуюся ртуть.

— Чертовы демархисты, — проговорил капитан. — Стараемся до последней возможности обходиться без биотехнологической ерунды. Мы задали паукам жару, и тогда у нас отобрали лицензию: мол, нарушаем условия использования. И вся эта хитромудрая дрянь вдруг расплавилась, к такой-то матери. Биопротезы, скафандры — ничего не стало. Посмотри, с чем нам теперь приходится работать.

— Уверена, что вы найдете выход из положения, — ответила Антуанетта. — Капитан, прошу, послушайте меня. Жонглеры хотят передвинуть корабль в безопасное место. И мы просим вас дать им на это время.

— У них есть время, — ответил капитан.

Казалось, на несколько благословенных мгновений к нему вернулся рассудок и появилась связь с настоящим.

— Но этого времени недостаточно, — возразила Антуанетта.

Новая, стальная рука сжалась в кулак.

— Ты не понимаешь. Нужно улететь с Арарата. Над нами открылось окно.

У нее на затылке зашевелились волосы.

— Окно, Джон?

— Я чувствую его. Я многое чувствую и слышу. Ведь я же корабль, черт побери.

Внезапно они остались вдвоем, только Антуанетта и капитан. Она видела в сверкающей броне отражение порхающих наверху птиц.

— Вы корабль. Хорошо. Тогда пусть корабль прекратит ныть и начнет вести себя так, как и положено кораблю, для которо-

го всего важнее его команда. В том числе и я. Что за окно вы чувствуете?

Капитан ответил не сразу. Удалось ли прорваться, или, наоборот, Антуанетта оттолкнула его и он окончательно ушел в лабиринт своих видений?

— Возможность бежать с планеты, — наконец ответил он. — Свободный проход. Иногда наверху, в космосе, открываются окна. Потом закрываются.

— Возможно, вы ошибаетесь. Если это так, то все может закончиться очень плохо.

— Думаю, я прав.

— Мы надеемся, ждем весточки, — сказала Антуанетта. — Должно прийти сообщение от Ремонтуара. До сих пор с ним не было связи.

— Возможно, он все время пытается связаться с вами, но не слишком преуспел.

— Нам нужно еще несколько часов, — сказала она. — Вот все, о чем мы просим. Этого хватит, чтобы корабль оказался на безопасном расстоянии от лагеря. Пожалуйста, Джон.

— Расскажи мне о девочке. Об Ауре.

Антуанетта нахмурилась. Она помнила, что говорила капитану о девочке, но была уверена, что не называла ее имени.

— С Аурой все в порядке, — наконец ответила она. — А что такое?

— Что она говорит о происходящем?

— Считает, мы должны доверять жонглерам образами.

— А еще?

— Повторяет название одной луны — Хела. И имя человека — Куэйхи.

— И все?

— Все. Может быть, это и не важно. Сама Аура пока не способна говорить — она общается через мать. Не думаю, что Скорпион принимает все это всерьез. Да я и сама не принимаю, если честно. Но все считают или хотят считать, что Аура исключительно ценна, должно быть, потому, что она обошлась нам так дорого. Что, если она никакой ценности не представляет? Что, если она обыкновенный ребенок? Или ей действительно что-то известно, но совсем не так много, как хотелось бы?

— Что говорит Малинин?

Вопрос поразил ее.

— А при чем тут Малинин?

— Они говорят про этого человека. Я слышу их. Я и об Ауре узнал от них же. Все эти тысячи людей внутри меня нашептывают свои тайны. Им нужен новый вожак. Таким вожаком может стать Малинин. Или Аура.

— Официально о существовании Ауры еще не объявлено, — ответила Антуанетта.

— И ты всерьез считаешь, что никто ничего о ней не знает? Всем давно все известно. Тайны так не хранят, Антуанетта.

— У нас уже есть лидер, — сказала она.

— Им нужен новый — умный и чуточку грозный. Способный слушать других и брать на себя ответственность в смутные времена. Скорпион не таков.

Капитан умолк, погладив свою железную конечность изборожденной шрамами рукой.

— Окна над нами пока еще открываются. И закрываются. Я чувствую, как растет напряженность. Если за этим стоит Ремонтуар, то он сражается на пределе сил. Пытается дать нам путь к бегству. И скоро, очень скоро я должен буду сделать свой ход.

Антуанетта поняла, что зря теряет время. Поначалу она думала, что допуск в этот парк означает новый уровень доверия, но на самом деле их с капитаном отношения нисколько не изменились. Она рассказала о своих проблемах, а он просто выслушал ее.

— Я бы не торопилась, — сказала она.

— Антуанетта, послушай. Ты нравишься мне гораздо больше, чем тебе кажется. Ты всегда относилась ко мне по-доброму, с уважением. И поэтому я хочу, чтобы ты осталась жива.

Антуанетта посмотрела капитану в глаза:

— К чему это вы, Джон?

— Ты можешь идти. У вас есть время. Хотя и немного.

— Спасибо, — ответила она. — Но если, конечно, вы не против, я бы осталась на борту до самого взлета.

— У тебя особая причина?

— Да как сказать, — ответила она, озираясь. — Сдается мне, что это единственный приличный корабль на планете.

Скорпион шел по шаттлу. Он уже сделал прозрачной бóльшую часть фюзеляжа, кроме полосы, означающей пол, и места, где находились Хоури, Аура и доктор Валенсин. Выключив все внутреннее освещение, он видел внешний мир так, словно плыл сам по себе в вечернем небе.

С наступлением ночи стало очевидно, что космическое сражение подошло к Арарату вплотную. Облака рассеялись, быть может, оттого, что верхние слои атмосферы теперь непрерывно подвергались воздействию потоков энергии. Сообщения о падении в море различных объектов поступали слишком часто, на них не успевали реагировать. Чуть ли не ежеминутно небо от горизонта до горизонта пересекали огненные полосы, это космические корабли, ракеты или устройства, для которых у колонистов не было названия, на большой скорости вонзались в атмосферу Арарата. Иногда такие объекты появлялись поодиночке, иногда проносились по небу в загадочном и зловещем строю. Огненные траектории часто менялись самым невероятным образом, вплоть до мгновенного перехода на противоположный курс. Было понятно, что в небесах враждующие стороны применяют системы управления инерцией, и от такой лихости у Скорпиона холодело внутри. Используя мать в качестве рупора, Аура уже немало рассказала об этой технологии. Стало ясно, что с тех пор, как Клавэйн и Скади испытывали выдержку друг друга в долгой погоне от Йеллоустона до Ресургема, машины для подавления инерции удалось серьезно усовершенствовать. В колонии ходили жуткие истории о том, что происходило, когда такая техника вдруг вырывалась из-под контроля. Теряя стабильность, машины управления инерцией творили кошмарные чудеса с телом и разумом своих неосторожных хозяев. Если такая техника используется как штатное вооружение — еще одна игрушка в песочнице, — то страшно даже подумать о том, что же сейчас понимается под опасными военными новинками.

Скорпион на секунду вспомнил Антуанетту — удалось ли ей встретиться и договориться? Он не тешил себя надеждой, что она уговорила капитана изменить решение. Хотя до сих пор ни у кого не было полной уверенности в том, что капитан готовит отлет. Быть может, он просто опробовал сочленительские двигатели корабля, желая убедиться, что при необходимо-

сти сможет стартовать в любое время. И это вовсе не означало, что корабль взлетит через несколько часов.

Отчаянный, безнадежный оптимизм до сего дня был чужд Скорпиону, и в свое время (на Йеллоустоне, в Городе Бездны) он ни за что не позволил бы себе подобного безрассудства. По натуре он был пессимист. Быть может, поэтому никогда не умел строить планы, рассчитывать хотя бы на несколько дней вперед. Если в душе ты уверен, что дальше может быть только хуже, какой смысл в работе на перспективу? Решать самые злободневные проблемы — это все, на что хватает твоих способностей.

Но теперь он упрямо надеялся, несмотря на отсутствие малейших к тому оснований, что корабль все-таки останется на Арарате. Что-то перемкнуло в мозгу Скорпиона, раз он с самого начала рассчитывал на такой исход.

Далеко ходить, чтобы найти причину, не требовалось. Всего несколько часов назад он нарушил самодисциплину, которую неукоснительно соблюдал двадцать три года. Когда рядом был Клавэйн, Скорпион старался жить по древним человеческим законам. Как же он ненавидел базово-линейных людей за то, что они делали с ним во времена проклятого рабства! Если этого мало, чтобы выйти из себя, достаточно вспомнить, кто он — помесь человека и свиньи, неуклюжий толстяк, уродец, в котором собраны лишь пороки обоих предков и нет ни единого достоинства.

Скорпион отлично знал перечень своих недостатков. Он плохо ходит, у него недоразвиты руки — не могут держать предмет так же крепко, как человеческие. Зрение и слух тоже оставляют желать лучшего. Ряд цветов не различается вообще. Медлительное мышление, слабое воображение, плохая восприимчивость к абстракциям. Музыка для Скорпиона представлялась последовательностью звуков, лишенной какой бы то ни было эмоциональной нагрузки. Предначертанный ему срок жизни составлял две трети человеческого, если не подвергаться омолаживающей терапии или генной модификации. Ко всему прочему — так говорили люди, когда считали, что их не слышат свиньи, — даже на вкус он не таков, как задумывала природа.

От всего этого хотелось лезть в петлю.

Но он осмелился поверить, что все унижения остались в прошлом. Ну или в долгом ящике памяти, под надежным

замком. Если Скорпион и достанет их оттуда, то лишь в самый тяжелый час.

Все эти двадцать три года он держал обиду в узде, делая ее источником силы и решительности. Даже старался стать лучше, чем от него ожидали. Он решился возглавить колонию — вот уж чего никогда от себя не ожидал. Он еще всем покажет, на что способны свиньи. Он будет лидером не хуже Клавэйна — справедливым и прозорливым, жестоким или добрым, когда того требуют обстоятельства.

И на протяжении двадцати трех лет у него получалось. Но только сейчас Скорпион понял, что все это время он оставался в тени Клавэйна. Даже удалившись на необитаемый остров, старик вовсе не лишился власти.

И вот теперь, когда Клавэйна не стало, когда новый режим существует несколько десятков часов, когда Скорпион в полной мере ощутил беспощадное бремя настоящей власти, он проиграл. В минуту гнева Холлатт олицетворял для него все базовое-линейное человечество. Конечно, нож метнул Кровь, но с равным успехом Скорпион мог сделать это собственной рукой. Кровь был лишь исполнителем его воли.

Конечно, Холлатт никогда не нравился Скорпиону. Этот человек оказался в совете потому, что раньше входил в тоталитарное правительство Ресургема. И хотя не было доказательств причастности Холлатта к избиению задержанных на допросах, о казнях по распоряжению властей, он, по крайней мере, не мог обо всем этом не знать. Но беженцы с Ресургема должны были иметь в совете представителя. В дни эвакуации Холлатт сделал много хорошего. За него готовы были поручиться люди, которым Скорпион доверял. Да и кто без греха? Если покопаться в личных данных каждого переселенца с Ресургема, обязательно найдется какое-нибудь пятно. На Арарат прилетели сто шестьдесят тысяч беженцев, и лишь единицы из них не были так или иначе связаны с правительством. Нельзя есть, пить, спать и дышать, не будучи при этом хоть самым малым винтиком машины.

При всех своих недостатках, Холлатт не был ни извергом, ни тунеядцем. Получается, что Скорпион нанес рану честному человеку, который случайно подвернулся под горячую руку. Холлатт всего лишь выразил вполне оправданный скептицизм в отношении Ауры, и этого хватило, чтобы довести свинью до

бешенства. На месте этого старейшины мог оказаться кто угодно. Где гарантия того, что в следующий раз Скорпион не поднимет руку на того, кто вообще не вызывает у него отрицательных эмоций — или даже вызывает симпатию, — на Антуанетту, или на Ксавьера Лиу, или на другого человека из руководства?

Еще хуже то, как повели себя остальные. Когда ярость прошла, когда ужас содеянного начал проникать в сознание, Скорпион был готов к бунту. По крайней мере, ожидал, что кто-нибудь прямо поставит вопрос о его несоответствии должности главы колонии.

Но никто ничего не сказал. Все словно отвернулись от Скорпиона, притворившись, что ничего не произошло, сожалея о его поступке, но принимая такие безумные выходки как данность, как неотъемлемое свойство истинного вождя. К тому же он свинья, а от свиней ничего хорошего ждать не приходится.

Скорпион не сомневался, что все именно так и думают. Наверное, даже Кровь.

Холлатт выжил. Нож не задел важных органов. Скорпион не знал, отнести это на счет мастерства Крови или, наоборот, на счет его досадного промаха.

Да и знать не хотел.

Холлатта не любили. Дни этого человека в руководстве колонии были сочтены, его неверие в помощь Хоури только усугубило ситуацию. И поскольку Холлатт был не единственным представителем ресургемцев, его принудительная отставка не повлекла за собой драматических последствий. Обстоятельства его смещения остались засекречены. Правда, кое-что обязательно просочится — поползут слухи об акте насилия в высшем эшелоне власти, и в этой жуткой истории будет фигурировать имя Скорпиона.

И пусть фигурирует. С этим грехом он уживется легко. Не впервой ему поступать круто, хотя обычно слухи преувеличивали его жестокость. Со временем все забудется...

Но насилию не бывает оправдания. Пусть и не стояла за этим насилием затаенная ненависть или желание отомстить за зло, причиненное людьми свиньям. Это не было вынужденной мерой. Он расправился с Холлаттом по личным причинам, не имевшим ничего общего с безопасностью планеты.

Он сам себе навредил — и одновременно подставил под удар Арарат.

— Скорп? Ты как?

Это была Хоури, она сидела в темной части салона. Медицинские сервороботы неустанно следили за инкубатором, и Хоури могла отвлечься и оглядеться. Раз или два свинья слышал, как она тихо говорит с ребенком, что-то напевает. Это показалось ему странным, ведь мать и дитя имеют связь на нейронном уровне.

— В порядке, — ответил он.

— Ты расстроен. Думаешь о случившемся на айсберге? Или о чем-то другом?

Слова Хоури удивили его. Очень редкие люди понимали выражения лиц свиней.

— Ну, если не считать небольшой войны у нас над головой и перспективы не дожить до следующей недели, то размышлять, собственно, не о чем...

— О войне мы все думаем, — сказала Хоури, — но тебя заботит что-то еще. Когда мы отправлялись на поиски Ауры, ты был другой.

Скорпион приказал шаттлу соорудить кресло для взрослой свиньи и сел рядом с Хоури. Он заметил, что Валенсин клюет носом, но борется со сном. Они все очень устали, в последнее время работали на пределе выносливости.

— Любопытно, что ты решила поговорить со мной, — сказал он.

— А почему бы нам не поговорить?

— Ты просила, а я отказал. — На случай, если она не поняла, свинья указал на Ауру. — Думал, ты возненавидишь меня за это. Имеешь полное право.

— Я не такая.

— Ну что ж. — Он протянул руку, чтобы пожать кисть Аны.

— Дело не в тебе, Скорп. В другой ситуации ты не возражал бы против возвращения Ауры в мою утробу. Дело как раз в той ситуации, в которой мы оказались, во всей этой неразберихе. Ты поступил так, как считал правильным. Я с этим не смирилась, но не казни себя, хорошо? Идет война. Чувства причиняют боль. А моя дочь со мной.

— Она очень красивая, — сказал Скорпион.

Он так не думал, но в сложившихся обстоятельствах эти слова казались самыми подходящими.

— Правда? — спросила Хоури.

Скорпион посмотрел на красное сморщенное тельце:

— Да.

— Я думала, ты ее возненавидишь. За то, что тебе пришлось сделать.

— Клавэйн не считал цену слишком высокой, — ответил он. — И для меня этого достаточно.

— Спасибо, Скорп.

С минуту они молчали. Наверху, видимое сквозь прозрачный корпус, продолжалось световое шоу. В космосе близ Арарата прочерчивались кривые, прямые и ломаные линии, и каждая на несколько секунд оставалась в пурпурно-черном небе, прежде чем растаять. Эти рисунки бередили разум Скорпиона, в них чувствовался какой-то смысл — и оставалось лишь жалеть о том, что мозг свиньи чересчур слаб, чтобы справиться с этой загадкой.

— Это еще не все, — сказал он тихо.

— Насчет Ауры?

— Вообще-то, насчет меня. Сегодня я ранил человека.

Скорпион взглянул на свои маленькие, почти детские, сапоги. Он немного ошибся с высотой сиденья, и ноги доставали до пола только носками.

— Не сомневаюсь, что у тебя была причина, — проговорила Хоури.

— В том-то и штука: причины не было. Я чуть не убил его в припадке ярости. Внутри меня что-то сломалось — я ошибался все эти двадцать три года, считая, что способен себя контролировать.

— У каждого бывают такие дни, — сказала она.

— С тех пор как мы сюда перебрались, я очень старался жить, не совершая ошибок. И вот сегодня сорвался. Все испортил в одну-единственную минуту слабости.

Хоури промолчала. Скорпион решил, что от него ждут других слов:

— Было время, когда я ненавидел людей. Считал, что у меня есть на то все основания.

Скорпион расстегнул свою кожаную куртку, обнажив правое плечо. По прошествии многих лет шрам стал не таким заметным. И все равно вид старой раны заставил Хоури отвести глаза.

— Кто это сделал?

— Никто. Я сам, лазером.

— Не понимаю.

— Кое-что выжег. — Скорпион обвел пальцем границы шрама, прошелся по всем фьордам, полуостровам и перешейкам неровно зажившей плоти. — Здесь была татуировка, зеленый скорпион. Знак хозяина. Сначала я этого не понимал. Мне казалось, что я удостоился чести — вместе с клеймом получил привилегию.

— Понимаю, Скорп.

— За это, Ана, я их ненавидел. За то, кем я был. Но я расплатился сполна. Бог свидетель, расплатился.

Скорпион поправил куртку, Хоури помогла ему застегнуться. Застежки были большие, специально для неловких пальцев свиньи.

— Ты был в своем праве, — сказала она.

— Я думал, что с этим покончено. Что я распрощался с прошлым.

Она покачала головой:

— Так не бывает, Скорп. Поверь, старые обиды не забываются. Конечно, то, что со мною случилось, несравнимо с пережитым тобой — тут и спору нет. Но мне знакома ненависть к тому, что невозможно победить, что гораздо сильнее тебя. Я лишилась мужа, Скорп. Безликие армейские чинуши отобрали его у меня.

— Он погиб? — спросил свинья.

— Нет. Просто он далеко, за тридцать с лишним проклятых световых лет. Все равно что погиб, в сущности. Может, и хуже.

— Ты ошибаешься, — сказал он. — Это не лучше того, что сделали со мной.

— Может, и так. Не мне рассуждать и сравнивать. Знаю только одно: я пыталась простить и забыть. Смирилась с тем, что больше никогда не увижу Фазиля. Я даже привыкла к мысли, что он наверняка давно умер. У меня ребенок от другого мужчины. Я решила, что главное — идти вперед.

Скорпион знал, что отец ее ребенка тоже погиб, но по ее голосу об этом нельзя было бы догадаться.

— Не надо идти вперед, Ана. Надо просто жить.

— Я знала, что ты поймешь, Скорп. Но поймешь ли ты также, что значит простить и забыть?

— Этого не будет, — ответил он.

— Никогда, даже через миллион лет. Если бы сейчас сюда вошел кто-нибудь из болванов, которые пустили под откос всю мою жизнь, думаю, я бы не сдержалась. Я хочу сказать, что

злость съеживается, но при этом становится жарче. Мы просто прячем ее поглубже и следим за огоньком, который не должен погаснуть. Злость помогает нам жить дальше, Скорп.

— Только не мне.

— Ошибаешься! — пылко возразила Хоури. — Скорп, врагу не пожелаешь того, что случилось с тобой на айсберге. Я знаю, кем был для тебя Клавэйн. И на Земле ты прошел через ад. Не то удивительно, что ты один раз сорвался, а то, что продержался двадцать три года. Нельзя быть к себе слишком строгим. Мы сейчас не на увеселительной прогулке. Ты заслужил право выдать пару тумаков.

— Парой тумаков не обошлось.

— Но ведь этот человек выжил?

— Да, — хмуро подтвердил свинья.

Хоури пожала плечами:

— Тогда не о чем беспокоиться. Всем нам нужен лидер. Лидер, а не слюнтяй, который носится со своими рефлексиями.

Скорпион поднялся с места:

— Спасибо, Ана. Спасибо.

— Я хоть немного помогла или только все окончательно испортила?

— Помогла.

Кресло Скорпиона снова слилось с полом.

— Хорошо. Знаешь ли, я не умею красиво говорить. Скорп, в душе я обычная пессимистка. Судьба забросила меня к черту на кулички, мою голову нашпиговали всякой технической дрянью, и вряд ли я когда-нибудь смогу понять родную дочь. Правда, я пессимистка от безысходности.

— Я всегда старался прислушиваться к пессимистам, — улыбнулся Скорпион. Настал его черед подыскивать слова. — Я тебе очень сочувствую. Надеюсь, когда-нибудь...

Скорпион оглянулся, заметив краем глаза, что по темной дорожке «палубы» вдоль прозрачного фюзеляжа к уголку, в котором лежала Аура, идет Васко.

— Я не знаю, что сказать. Может быть, однажды ты кого-нибудь встретишь, и ему удастся притушить в тебе огонь злости. Или даже погасить его насовсем.

— Думаешь, мне станет от этого легче?

— Не знаю.

Хоури улыбнулась:

— Я тоже не знаю. Поживем — увидим.

— Скорпион! — позвал Васко.

— Что?

— Хочу вам кое-что показать. И вам, Хоури.

Они разбудили Валенсина. Васко отвел всех троих в другую часть шаттла, увеличил там прозрачность корпуса и усилил проходящий снаружи луч света, чтобы скомпенсировать излучение термоэлементов под крыльями шаттла. Все ясно увидели ночное небо. Свои манипуляции Малинин проделал так быстро и уверенно, словно всю жизнь, а не считаные дни работал с такими умными системами.

Наверху Скорпион заметил только все те же появляющиеся и исчезающие полосы света. Снова проснулось тревожное подозрение, что они несут некий важный смысл. И снова не возникло никаких догадок.

— Я ничего не вижу, Васко.

— Сейчас сделаю задержку изображения, чтобы знаки подольше не пропадали.

— А это возможно? — удивился Скорпион.

— Проще простого. — Малинин похлопал ладонью по прохладной и гладкой внутренней поверхности корпуса шаттла. — Эта старая техника столько всего умеет, что диву даешься. Нужно только правильно с ней обращаться.

— Так действуй, — сказал Скорпион.

Все смотрели в небо. Валенсин уже совсем проснулся, его глаза за толстыми очками напоминали щелки.

Полоски света наверху теперь держались по десятку секунд. Прежде полосы возникали по одной, максимум по две. Теперь в небе висел сразу десяток линий, и они были очень четкими, хотя садящееся за горизонт солнце жгло сетчатку глаз.

Наконец стало ясно, что означают эти полосы.

— Господи! — прошептала Хоури.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Арарат, год 2675-й

Зал с ручьем изменился. Небо над головой потемнело, как ночью, птицы больше не порхали среди ветвей, сами деревья превратились в черные безликие силуэты, нависая со всех сторон, словно грозовые тучи. Звери тоже затихли, и Антуанетта

заметила, что больше не слышит веселого плеска водопада. Возможно, его никогда и не существовало в реальности.

Она повернулась к капитану, который в этот раз сидел за столом один. Бренниген опять перенесся вперед на несколько десятков лет; сейчас он демонстрировал новый срез истории. В прошлый раз на нем был серебристый металлический скафандр, одну руку заменял механический протез. Теперь процесс механизации тела продвинулся еще дальше. Мудреный сам по себе скафандр мешал определить, сколько в капитане осталось живого тела, а сколько заменено протезами; с уверенностью можно было судить только о голове, благо Бренниген снял шлем и положил перед собой на стол. Капитан был лысым как колено, растительность на лице тоже практически отсутствовала — только усы, спускавшиеся подковой по сторонам рта, рисунок которого не изменился с первого явления капитана Антуанетте: по-прежнему небольшой, прямой, выдающий нерасположенность к пустым разговорам. Но это была единственная черта, которую Антуанетта узнала в капитане. Глаз у него больше не было, их закрывала полоска неизвестного полупрозрачного материала, пересекавшая лицо от края до края. Под этой перламутровой полосой мерцала сложная оптика. Череп под кожей был исчерчен тонкими светлыми линиями. Кое-где ее приподнимали изнутри неправильной формы пластины имплантатов.

— Что-то случилось, капитан? — спросила Антуанетта.

— Посмотри на небо.

Антуанетта послушалась и сразу заметила, что за те несколько мгновений, что она потратила на изучение нового капитанского облика, многое изменилось. Небо расчерчивалось полосами света — будто умелый мясник делал быстрые аккуратные надрезы на его мягкой коже. Поначалу линии казались случайными, но потом стало ясно: их расположение что-то означает.

— Джон...

— Смотри.

Появлялись все новые полосы, потом небо замерцало и покрылось яростными всполохами, и те, казалось, уже не гасли.

Полоски сложились в слова:

ВЗЛЕТАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО

— Я хотел, чтобы ты увидела это своими глазами, — сказал Джон Бренниген.

В тот же миг она ощутила, что зал с ручьем дрогнул под ее ногами. Антуанетта едва успела понять, что происходит, как вдруг вес ее тела резко увеличился. Ей пришлось опуститься на грубое деревянное сиденье перед столом. Гравитация мягко навалилась на плечи. Ничего удивительного — корабль весом несколько миллионов метрических тонн не может рывком подняться в небо. В особенности если перед этим двадцать три года простоял в километровой толще моря.

На другой стороне бухты взошло новое Яркое Солнце и осветило море и остров от горизонта до горизонта. Поначалу Васко видел только выброс перегретой воды, гору пара, выросшую вокруг нижней надводной части корабля и облепившей его зеленой массы. Потом сквозь пар, словно лампа сквозь слои оберточной бумаги, засиял бело-голубой свет; даже пройдя через темно-фиолетовый фильтр шаттла, он остался до рези ярким, рисующим на сетчатке зубчатые тени. Далеко в стороны от тучи пара по воде разлилось бирюзовое сияние. Это было грозное и прекрасное зрелище, ничего подобного за свои двадцать лет Васко не видел.

Он смотрел, как вокруг корабля поверхность моря вздымается на многие сотни метров. Чудовищная энергия высвобождалась под водой, порождая расширяющиеся пузыри сверхплотной, сверхгорячей плазмы.

Поднявшись вокруг «Ностальгии по бесконечности», вода устремилась в стороны двумя концентрическими волнами.

— Корабль далеко от лагеря? — спросил Васко.

— Сейчас увидим, — отозвался Скорпион.

Поверхность моря покрылась зеленой коркой спекшейся биомассы. Пассажиры шаттла смотрели, как эта корка, недостаточно гибкая, чтобы принимать форму бегущих валов, трескается, делится на неровные пластины. Волны преодолевали сотни метров в секунду; через несколько мгновений они ударят в низкий мыс.

Васко взглянул в сторону источника цунами. «Ностальгия» взлетала, ее нос показался из пара. Движение было завораживающе медленным, казалось, что смотришь на неподвижную деталь местности — на древнюю, истерзанную непогодой башню с острым шпилем, вокруг которой медленно рассеивается утренний туман.

Притенив ладонью, точно козырьком, глаза от режущего света, Васко смотрел, как вершина «Ностальгии», первый ее километр, выходит из паровой горы. На корпусе уже почти не осталось жонглеров: он смог заметить лишь несколько полосок прилипшей зелени.

Корабль поднялся еще на километр, высвобождаясь из пара. Похожие на канаты толщиной с дом скопления биомассы теряли сцепление с обшивкой и одно за другим соскальзывали в море.

Сияние двигателей стало невыносимым. Корпус шаттла еще больше потемнел, защищая находящихся в нем людей. «Ностальгия по бесконечности» почти целиком поднялась над водой. Сквозь почти черный фильтр Васко видел только сияющий шар света, медленно идущий вверх.

— Обратного пути нет, — сказал он.

Скорпион повернулся к Хоури:

— Я бы полетел за кораблем, если ты не против.

Хоури посмотрела на дочь:

— Я ничего не слышу от Ауры, Скорп, но уверена, что наверху нас встретит Ремонтуар. Он велел ждать знака. Думаю, ему можно верить, да и нет у нас другого выбора.

— Будем надеяться, что это Ремонтуар, — сказал Скорпион.

Хотя и так было ясно, что он принял твердое решение. Свинья приказал остальным рассесться и приготовиться к любым сюрпризам, которые могут их подстерегать на орбите Арарата. Васко заказал себе кресло, но, прежде чем сесть, заметил, что днище шаттла снова стало прозрачным. Далеко внизу ослепительный свет взлетающего корабля рисовал в невероятно четких деталях улицы Первого Лагеря. Виднелись крохотные силуэты людей, бегущих между постройками.

Потом Малинин взглянул в сторону бухты. Огромная волна уже достигла мыса и истратила на него почти всю силу, но все же сумела перевалить. С чувством мучительной отстраненности Васко смотрел, как остатки цунами пересекли бухту, замедляясь и поднимаясь на отлогом шельфе. Потом волна захлестнула берег, на мгновение на нем задержавшись, и поглотила улицы с домами. Помедлив, вода двинулась вспять, унося обломки и оставляя прямоугольные пятна на месте снесенных целиком домов. Крупные строения из раковин, оказавшиеся

недостаточно сбалансированными или плохо закрепленными, плыли по морю, словно возвращаясь в родную стихию.

В бухте цунами столкнулось с самим собой, породив несколько малых выплесков, но ни один из них уже не причинил таких разрушений. Примерно через минуту бухта успокоилась. Но Васко не мог не видеть, что около четверти Первого Лагеря попросту исчезло. Оставалось надеяться, что жителей из этих наиболее опасных прибрежных домов эвакуировали в первую очередь.

Блеск угасал. Корабль уже поднялся выше шаттла, набирая скорость, устремляясь к разреженным слоям атмосферы и дальше, в космос. Ландшафт, утратив привычный ориентир, казался незнакомым. Всю свою жизнь Васко провел на берегу этой бухты, и внезапно она стала чужой. Появилась уверенность, что его дома тут больше нет.

Малинин успокаивал себя мыслью, что от него ничего не зависело. Волею обстоятельств он оказался среди привилегированных, среди тех, кому не нужно возвращаться в лагерь и восстанавливать его из руин. Он улетал. Надо попрощаться с Араратом, сказать «до свидания» планете, на которой Васко родился и вырос.

Он опустился в выросшее из пола кресло, и сиденье ласково обняло его, подстраиваясь под форму человеческого тела. В тот же миг шаттл с ускорением двинулся вертикально.

Очень скоро они догнали «Ностальгию по бесконечности». Васко вспомнил, что ответила Антуанетта Бакс, когда он спросил, сможет ли капитан улететь с Арарата. Она тогда сказала: это дело возможное, но не быстрое. Подобно всем кораблям этого типа, грандиозный субсветовик был построен в расчете на ускорение в одно *g*, которое должно было разгонять его почти до скорости света. Однако на уровне моря сила тяжести Арарата была близка к одному *g*. При обычной, крейсерской тяге корабль мог лишь противодействовать планетарной силе, зависнув на определенной высоте. Посадка не представляла сложности, надо было лишь позволить гравитации взять верх, аккуратно контролируя ее воздействие. Другое дело взлет: тут кораблю приходилось преодолевать гравитацию и сопротивление воздуха. Имелся резерв мощности для экстренного маневра, позволявший повышать тягу до десяти *g*, однако им можно было пользоваться лишь секунды, тогда как выход на орбиту

или разгон до межпланетных скоростей требовал долгих минут. Таким образом, для расставания с Араратом двигатели должны были создать ускорение чуть выше одного *g*; избыточная тяга перегрузила бы их и подвергла риску. Достаточное и безопасное превышение составляло одну десятую *g*.

Антуанетта сказала, что такой взлет уступает в скорости большинству примитивных химических ракет и даже той славной шутихе, которая доставила на орбиту первого астронавта (его звали Нил Гагарин, сказала она, и у Васко не было оснований не верить). Но вес «Ностальгии по бесконечности» в несколько сот тысяч раз превышал вес самой тяжелой химической ракеты. Эти штуковины очень быстро развивали первую космическую, но только потому, что имели запас топлива лишь на несколько минут тяги. «Ностальгия» могла годами лететь с одним и тем же ускорением.

По мере подъема субсветовика сопротивление воздуха уменьшалось. Ускорение понемногу росло, но шаттлу попрежнему не составляло труда держаться с ним рядом. Бегство с планеты было неторопливым, даже казалось сонным. Васко понимал, что это ошибочное и опасное впечатление.

Успокоив себя мыслью, что полет будет продолжаться плавно по крайней мере несколько минут, он встал и прошел вперед. Скорпион и пилот сидели в креслах управления.

— Есть связь с «Ностальгией»? — спросил Малинин.

— Никакой, — ответил пилот.

— Надеюсь, с Антуанеттой все в порядке, — сказал Васко.

Потом вспомнил и о других людях — на борту, по последним данным, находилось минимум четырнадцать тысяч.

— С ней все будет хорошо, — пообещал Скорпион.

— Думаю, через несколько километров выяснится, кто пишет нам в небе эти слова — Ремонтуар или кто-то другой. Или вас это нисколько не заботит?

— Нисколько, — ответил Скорпион. — И знаешь почему? Потому что ни я, ни ты, ни кто другой не можем на это повлиять. Я не в силах был остановить взлет этого корабля, и мне не предотвратить того, что ждет нас наверху.

— У нас был выбор — последовать совету или нет, — возразил Васко.

Свинья зыркнул в ответ — глаза превратились в щелки то ли от усталости, то ли от презрения.

— Ошибаешься, — сказал он, — выбор был, но только у меня и Хоури. А вот у тебя не было — ты бы отправился туда же, куда и мы.

Васко хотел вернуться в свое кресло, но подумал и остался. Была ночь, но он ясно видел изогнутый горизонт Арарата. Малинин летел на шаттле в космос. Происходило то, чего ему всегда хотелось больше всего на свете. Но он никогда не думал, что покинет родную планету как беженец и что цель полета будет столь опасной и непредсказуемой. Вместо радости он чувствовал холодную тяжесть в груди.

— У меня есть право здесь находиться, — сказал он тихо, но так, чтобы свинья услышал. — Я тоже поставил свое будущее на Ауру.

— Ты хороший парень, Малинин, вот только плохо понимаешь, о чем говоришь.

— Мы были вместе — на айсберге и потом...

— Ты был одним из группы. А это не то же самое.

Васко хотел было возразить, но в это время красный дисплей перед пилотом зарябил от статики. Шаттл тряхнуло.

— Помехи на всех частотах, — доложил пилот. — Контакт с наземным передатчиком и Первым Лагерем потерян. Здесь полно электромагнитных шумов — гораздо больше, чем мы привыкли. Есть и такой, что датчики не могут определить. Приборы навигации постоянно сбоят. Похоже, мы вошли в зону подавления связи.

— Можешь держаться рядом с «Ностальгией»?

— Мы летим практически на ручном управлении. Надеюсь, если не потеряем корабль из виду, то и не оторвемся. Но обещать ничего не могу.

— Высота?

— Сто двадцать километров. Должно быть, входим в боевое пространство.

Картина наверху с момента взлета почти не изменилась. Световые письмена исчезли, — наверное, Ремонтуар убедился, что его послание принято и корабль взлетел. Но наверху непрестанно полыхало, возникали огненные шары и дуги, раскалялись заскочившие в атмосферу объекты. Фоновая же тьма сгустилась до непроглядности: никакой разницы с ночной поверхностью планеты.

Подошла Хоури:

— Я слышу Ауру. Она проснулась.

— Хорошо, — кивнул Скорпион.

— Это еще не все. Я кое-что видела, и Аура тоже. Должно быть, именно это мы с Клавэйном замечали, пока каша не заварилась всерьез. Утечки войны.

— Наверное, мы уже близко, — сказал Васко. — Волки блокируют любые сигналы, видимо, не хотят, чтобы Ремонтуар связался с планетой. Но теперь мы близко, и кое-какие передачи проходят.

Откуда-то донесся звук, который Васко слышал впервые: пронзительный, полный боли. Звук заглушался пластиком. Малинин понял, что это кричит Аура.

— Дочке не нравится то, что она видит, — сказала Хоури. — Ей больно.

— Есть контакт, — доложил пилот. — Работает радар. Пятьдесят километров, дистанция сокращается. Несколько секунд назад там никого не было.

Внезапно шаттл очень сильно тряхнуло, Васко и Хоури бросило на переборку.

Стена деформировалась, чтобы смягчить удар, но Малинину показалось, что из него вышибли дух.

— Что это было? — спросил он, придя в себя.

— «Ностальгия» выполняет маневр уклонения. Она видит на своих радарах то же, что и мы. Я пытаюсь не отстать. — Пилот взглянул на дисплей. — Тридцать километров. Двадцать — она тормозит. Усилились помехи.

— Делай что можешь! — приказал Скорпион. — Остальные — по местам! Наверняка будет трясти.

Васко и Хоури вернулись к Ауре, где несли дежурство доктор Валенсин и его машины. Девочка продолжала шевелиться, но, по крайней мере, перестала плакать. Васко от души жалел, что не в силах помочь ей, избавить от вопящих в морщинистой младенческой головке голосов. Он даже представить не мог, что она чувствует. Ясно было одно: ей рано было появляться на свет, осознавать себя разумным существом и постигать огромный мир. Малинин понимал, что Аура не обыкновенный ребенок — речь у нее как у двух-трехлетней, — но едва ли все части ее мозга развивались с одинаковой бешеной скоростью. Да, Ауре дана способность решать совершенно необычные задачи, но при этом у нее сохраняется младенческое восприятие мира. Васко вспомнил, что ему было на два года больше, чем этой девочке сейчас, и его собственный мир огра-

ничивался несколькими комнатами родного дома. Все прочее словно тонуло в тумане: несущественное, подчас понимаемое до смешного неправильно.

«Ностальгия по бесконечности» увеличила расстояние между собой и шаттлом минимум до десяти километров. Корпус малого корабля не восстановил прозрачность полностью, однако при свете двигателей Васко увидел, что тени волков уже близко. Машины не только дружно устремлялись вперед и откатывались, но и трепетали, и описывали круги, вращались вокруг собственной оси, и меняли форму.

Они приближались. Теперь в свете двигателей стала ясно видна их уступчатая структура: слои, террасы, зигзаги. Это были такие же машины, как и те, что разорвали корветом Скади; такая же нечисть тянула из облаков щупальце к спасателям. Но на этот раз кубы были не с дом величиной и составляли построения с гранью в сотни метров. Волки находились в непрестанном движении: скользили друг по другу, разрастались и сокращались, собирались в большие структуры и рассыпались с гипнотической плавностью. Кубы соединялись в длиннейшие нити, и те сплетались в невообразимую путаницу; гроздья волков неслись от точки к точке, словно доставляли послания. Масштабы по-прежнему было трудно оценить, однако ингибиторы наступали практически со всех сторон, и Васко решил, что машины уже сформировали две полые сферы, заключив в них шаттл и «Ностальгию по бесконечности». Не вызывало сомнений то, что сферы сокращались и зазор между машинами и людьми уменьшался.

— Ана? — спросил Васко. — Ты уже видела подобное, верно? Волки нападали на твой корабль. Они всегда ведут себя так вначале?

— У нас большие неприятности, — ответила Хоури.

— Что будет, если попытаемся сбежать?

— Волки догонят. — Голос Хоури звучал глухо, словно треснувший колокол. — Прорвутся в шаттл, а потом залезут тебе в голову. Лучше бы до этого не дошло, поверь мне, Васко.

— Сколько у нас останется времени, когда они догонят?

— Секунд десять, если повезет.

Вдруг Хоури так резко выгнулась, что ударилась об ограждающую поверхность, которую корабль соорудил вокруг нее. Глаза закрылись и открылись, зрачки закатились к потолку, белки стали огромными и страшными.

— Убей меня. Немедленно.

— Это ты, Ана?

— Нет, это Аура, — ответила Хоури. — Убей нас обеих. Быстрее.

— Нет, — ответил Васко.

Потом оглянулся на Валенсина, надеясь на объяснения.

Доктор только покачал головой.

— Я не смогу, — сказал он. — Как бы она ни просила. Я не способен отнять жизнь.

— Послушайте, — настойчиво заговорила Хоури, — то, что мне известно, — очень важно. Машины могут заполучить эти сведения. Они умеют читать наше сознание. Этого нельзя допустить. Убейте нас скорее.

— Нет, Аура. Я не смогу. Никогда, — ответил Васко.

Рядом с инкубатором зашевелились помощники Валенсина. Их суставчатые конечности изгибались, стуча о серые корпуса. Вот робот протянул манипулятор и попятился, пытаясь вытащить инкубатор из ниши.

Васко бросился вперед и вырвал инкубатор из манипулятора. Машина была легче, чем выглядела, но сильнее, чем он ожидал. Его отталкивали многочисленные конечности, металл едва не рассаживал кожу.

— Валенсин! — крикнул Васко. — Да помогите же!

— Ими управляю не я, — спокойно ответил Валенсин, словно происходящее его не касалось.

Малинин втянул живот, образовал пустое пространство между собой и машиной, уворачиваясь от острого хлещущего манипулятора. Но не избежал ранения. Треск разрываемой одежды, холод прикосновения металла к коже — падая навзничь, ударяясь о стену, он ухитрился попасть ногой в широкое основание серворобота. Тот шатнулся, гулко ударился о напарника. Мечущиеся манипуляторы сплелись, лезвия со звоном стукнулись друг о друга.

Васко ощупал грудь, взглянул на руки — кровь.

— Позовите Скорпиона! — крикнул он Валенсину.

Но Скорпион уже бежал к ним. В его руке гудело расплывчатое металлическое пятно, серебристая полоска. Серороботы распутались, и один снова ухватился за инкубатор, попытался его вскрыть. Скорпион зарычал и вспорол броню машины. Лезвие прошло сквозь тускло-зеленый корпус как сквозь масло. Затрещали короткие замыкания, отчаянно заскрежета-

ла сломанная механика. Нож с воем вырвался из руки Скорпиона и упал на пол, продолжая там гудеть и вибрировать.

Серворобот застыл, протянув к инкубатору обессилевшие манипуляторы.

Опустившись на колени, Скорпион выключил пьезонож и спрятал в чехол.

Ингибиторы за бортом шаттла были совсем близко — казалось, можно прикоснуться. Между роями проскакивали розовато-синие молнии.

— Кто-нибудь может объяснить, что тут происходит? — рявкнул Скорпион.

— Это Аура, — ответил Васко, вытирая окровавленные руки о штанину. — Заставляла сервороботов убить ее. — Он тяжело дышал, каждое слово вырывалось с хрипом. — Она не хочет попасть к волкам живой.

Хоури кашлянула. У нее были глаза загнанного зверя.

— Убей меня, Скорп. Иначе будет поздно. Ты должен это сделать.

— После всего, через что мы прошли? — спросил свинья.

— Ты должен лететь на Хелу, — сказала Хоури. — Найди там Куэйхи. И договорись с тенями. Они все знают.

— Черт! — выдохнул Скорпион.

Васко увидел, как свинья опять достает нож. Кривя от отвращения губы, Скорпион взглянул на молчащее пока лезвие. Что дальше — нож будет пущен в ход или выброшен, прежде чем обстоятельства вновь заставят Скорпиона расправиться с тем, кто ему дорог?

Преодолевая не только страх, но и растущую слабость, Васко взял свинью за рукав.

— Нет, — сказал он. — Не надо. Не убивайте их.

На лице Скорпиона отразилось чувство намного более сильное, чем ярость. Но Васко не отпускал. Скорпион не мог включить нож одной рукой — не позволяла анатомия.

— Малинин, отпусти.

— Послушайте, есть другой способ. Мы заплатили такую цену... и теперь не можем просто избавиться от девчонки, хочет она того или нет.

— Думаешь, я забыл, чего она нам стоила?

Васко отрицательно покачал головой. Он не знал, что еще сказать. Силы были на исходе. Он не думал, что ранен серьезно, но разрез был глубок, и вдобавок сказывалась усталость.

Скорпион попытался вырваться. Они стояли лицом к лицу. Васко не сомневался, что его противник сильнее. Но сам он был выше и подвижнее.

— Бросьте нож, Скорп.

— Я ведь убью тебя, Малинин.

— Подождите, — спокойно вмешался Валенсин, снимая очки и протирая их полой форменной куртки. — Оба подождите. Думаю, вам стоит посмотреть наружу.

Не оставляя попыток завладеть ножом, Васко последовал совету доктора. Скорпион, сопротивляясь, тоже обернулся.

Пока на борту шаттла шла борьба, события в окружающем космосе тоже не стояли на месте. Из причудливых образований на корпусе корабля, отражавших капитанские метаморфозы, появлялись орудия. «Ностальгия по бесконечности» открыла ответный огонь.

Васко отметил, что это не сочленительский «главный калибр», прятавшийся где-то в корабельных недрах, в тайном складе. Пока в ход было пущено штатное вооружение — все ультра обзаводились таким, чтобы внушать уважение торговым партнерам и отпугивать потенциальных конкурентов и пиратов. Об одном таком случае Малинин знал: с «Ностальгии» был сделан выстрел по Ресургему, чтобы руководство тамошней колонии поскорее выдало Дэна Силвеста.

Скорпион отпустил Васко и медленно вернул нож в чехол.

— Против волков толку не будет, — сказал он.

— Но можно выиграть время, — сказал Малинин.

Он тоже отпустил противника. Стоя лицом к лицу, они испепеляли друг друга взглядами. Васко знал, что переступил еще одну черту, из-за которой нет возврата.

Но будь что будет. Он ведь обещал Клавэйну защищать Ауру.

Из «Ностальгии по бесконечности» вырывались огненные полосы и хлестали вдоль и поперек по приближающейся стене волков. Бой проходил очень высоко над Араратом; там было слишком мало воздуха, чтобы выпускаемый боевой луч виднелся по всей его протяженности, — светящаяся линия обрывалась уже через несколько десятков метров. Васко подумал, что огромный корабль слишком долго пробыл в атмосфере и теперь оставшиеся в его ноздреватой обшивке воздух и вода вытекают в космос.

Он увидел, как черная гроздь волков увернулась от луча, — так кусочек намагниченного железа отклоняется от магнита. Луч метнулся следом, но кубы оказались проворнее, они перескакивали с места на место с головокружительной быстротой. Васко с ужасом признал правоту Скорпиона. У него на глазах разыгрывался акт отчаяния — сопротивление было бесполезно.

На основании нескольких кратких контактов с волками люди уже сделали вывод, что их обычное оружие против такого врага бесполезно. Оно может немного замедлить продвижение ингибиторов, но не более того.

Должно быть, Аура права. Лучше ей умереть, чем оказаться в плену у волков, которые выкачают из ее черепа все знания до последней капли. Аура говорила, что самое важное сейчас — добраться до Хелы. Быть может, никто не спасется и этот совет пропадет зря. Но если хоть один выживет, люди получат возможность действовать и волки не будут знать об их истинных намерениях.

Васко взглянул на чехол, в котором свинья держал свой нож.

Нет. Должен быть другой выход. Если ради тактического преимущества они начнут убивать детей, то можно считать, что ингибиторы уже выиграли войну.

— Смотрите, они отступают! — воскликнул доктор Валенсин. — Кто-то напал на волков, и они несут урон. По-моему, это не «Ностальгия».

В стене волков появились редкие неодинаковые дыры, словно в самодельной перечнице. В центре построения замигали яркие вспышки. Фрагменты стаи бестолково заметались, натыкаясь друг на друга и разлетаясь во все стороны. Щупальца кубов нелепо, беспомощно извивались. В сполохах металась уродливые дергающиеся тени. Внезапно в проделанные бреши влетели другие машины,.

Васко узнал сглаженные, словно оплавленные, контуры мощных кораблей, очень похожих на его шаттл. Они двигались скорее как проекции, чем как реальные объекты, мгновенно останавливаясь и разгоняясь.

— Ремонтуар! — воскликнула Хоури.

Сквозь пробоины в строю волков Васко увидел вспышки другой большой битвы, той самой, что не прекращалась в радиусе нескольких световых секунд от Арарата. Там медленно распускались и увядали великолепные огненные цветы. Будто из ниоткуда появлялись темно-красные шары, заметные

только на более ярком фоне, а через несколько секунд съеживались, таяли, возвращаясь в небытие.

Потом Васко потерял сознание. Когда он очнулся, над ним хлопотал Валенсин.

— Рана неглубокая и чистая, но ее нужно обработать, — сказал доктор.

— Ничего серьезного?

— Вряд ли Аура хотела тебя убить.

Васко почувствовал, как напряжение оставляет его. Потом он понял, что после схватки за нож Скорпион почти ничего не сказал.

— Скорп, — заговорил Васко, — мы не могли просто взять и убить ее.

— Теперь легко говорить. Не забудь, она сама нас об этом просила.

Валенсин промокнул рану чем-то едким. Малинин резко втянул воздух.

— О чем она говорила? О каких-то тенях, да? И как это следует понимать?

На лице Скорпиона не отражались его мысли. Пусть свинья и кажется спокойным, вряд ли он забыл, как Васко пытался отобрать у него нож.

— Не знаю, — ответил Скорпион. — Могу сказать только одно: все это мне совершенно не нравится.

— Важнее всего Хела, — сказала Хоури.

Вздохнув, она помассировала черные круги усталости под глазами. Васко хотелось верить, что это говорит Ана, а не Аура.

— А тени? Она сказала, что нам нужно договориться с тенями.

— Разберемся. Потом, на месте.

По громкой связи из кабины обратился пилот:

— «Ностальгия по бесконечности» вышла на связь. Нас приглашают на борт.

— Кто вызывает? — спросил Скорпион.

— Антуанетта Бакс, — ответил пилот после секундной заминки. — А также вам передает наилучшие пожелания капитан Джон Бренниген.

— Вопросов нет, — кивнул Скорпион.

Васко почувствовал, как шаттл развернулся, взяв курс на большой корабль. Рядом летели другие малые корабли людей, и было видно, как им трудно не обгонять беженцев с Арарата.

Прежде чем караван добрался до Вечного Пути, в памяти у Рашмики отпечаталось еще одно происшествие. Это случилось в тот день, когда караван преодолел мост и наконец очутился на другой стороне Пропасти, на белой как мел и ровной, как Плоскогорья Ярнаксы. На севере виднелись южные пределы Нагорья Западный Гирроккин — изломанный горизонт; тогда как на востоке, знала Рашмика, лежит сложный рельеф, лавовые поля Золота-в-Вереске и Рагнарека; все их вулканы сейчас чутко спят. В отличие от них Плоскогорья Ярнаксы геологически стабильны и вполне безопасны.

Здесь не велось раскопок. Тектонические процессы, создавшие эти формации, уничтожили или надежно похоронили все останки вертунов на этом участке планетарной поверхности — и тем не менее тут образовалось несколько небольших общин. Время от времени караван проезжал мимо нищего, унылого поселка — грозди надувных домиков — или катил мимо придорожной часовни, отмечающей места какой-то безвестной трагедии.

Иногда девушка замечала паломников, влачащих по льду свои вериги жизнеобеспечения. Рашмике паломники напоминали охотников с буроватых картин Брейгеля — они тянули за собой сани, ломящиеся под тяжестью добычи, без которой не пережить зиму.

Жилища, часовни и паломники появлялись на горизонте и исчезали на противоположном — Рашмика едва успевала их разглядеть. Выбравшись на прямую широкую дорогу, караван несколько часов двигался с максимальной скоростью; все его части вошли в единый ритм; разогнавшаяся громадина казалась неудержимой. Крутились колеса, бежали по каткам гусеницы, в расплывчатые пятна превратилось мельтешение поршней. Халдора заметно приблизилась к зениту — можно было не сомневаться, что до Пути остались считаные десятки километров.

Очень скоро Рашмика увидит соборы; точно когти, поднимутся над горизонтом их шпили.

Но прежде соборов появились другие машины. Сначала это были далекие точки, потом стало различимо летящее по баллистической дуге из-под колес и гусениц ледяное крошево. Несколько минут эти пятна казались вообще неподвижными.

Рашмика предположила, что караван нагнал другую такую же процессию, из другой части Хелы, уже добравшуюся до Пути. Вполне возможно: в этом краю сходится много дорог, в том числе и та, что идет через мост.

Но потом она поняла, что машины едут навстречу. Впрочем, и это не казалось странным, пока она не почувствовала, что караван замедлил ход и завилял от обочины к обочине, словно не зная, какую выбрать. От такой езды Рашмику затошнило. Она постаралась смотреть выше дороги, на горизонт, и заметила, что несколько человек из экипажа тоже вовсе не рады тому, что их машина идет таким образом.

Встречные машины приближались. Через несколько минут обнаружилось, что они огромны, куда больше любого звена каравана Рашмики. Расплывчатые полоски движущихся гусениц, длинные цепи катков, уродливые надстройки из устройств для уборки льда и камня.

Встречный караван был выкрашен в пыльно-желтый цвет, с поперечными полосками, как у пчел; над кабинами крутились предупреждающие маячки. Некоторые части машин были ей смутно знакомы, например массивные ковши мощных экскаваторов, вроде тех, что в ее поселке применялись на раскопках. Были тут и экскаваторы-тянуши с ковшами, как разинутая пасть, и ножи грейдеров, и могучие отбойные молотки, и вращающиеся проходческие щиты — огромные, с машину каравана, зубчатые диски. А еще конвейерные ленты с выступами, как хребет у динозавра. А еще плазменные горелки, лазеры, бозеры, высоконапорные водяные резаки, паровые буры. На высоких стойках покачивались крохотные кабинки с операторами. Навстречу каравану ехали бункерные рудовозы и здоровенные решетчатые машины с трубами, о назначении которых Рашмика не могла даже догадываться. Генераторы, транспортеры с оборудованием и жилые контейнеры, раскрашенные все в ту же желто-черную полоску.

Огромные машины одна за другой мощно и уверенно катили мимо, предоставив каравану прыгать по ухабам на обочине.

Рашмика сочла это в высшей степени унизительным.

Позже, когда караван снова набрал ход, она попыталась выяснить, в чем дело. Это мог знать Петр, но разыскать его не удалось. Девушка нашла квестора Джонса, но тот отмахнулся от ее вопросов: мол, в таких встречах нет ничего необычного.

— Этот караван не похож на нас, — сказала Рашмика.

— Такая наблюдательность делает вам честь.

— Вы знаете, куда он едет?

— Мне кажется, это очень простой вопрос, в особенности если учесть, чем вы намерены заниматься. Разве не очевидно, что эти машины — часть основного парка для обслуживания Вечного Пути? Конечно же, они спешат убирать очередной завал или чинить инфраструктуру. — И квестор Рутланд Джонс сложил руки на груди, закрывая тему.

— Значит, это церковная техника? У меня сложилось мнение, возможно ошибочное, что каждая дорожная бригада принадлежит той или иной церкви.

— Именно так. — Квестор забарабанил пальцами по столу.

— Тогда какой церкви принадлежит эта бригада? Ни на одной машине я не заметила клерикальной символики.

Квестор пожал плечами — по мнению Рашмики, чуть энергичнее, чем следовало для демонстрации равнодушия.

— Это грязная и хлопотная работа — в чем ты скоро убедишься. Когда у бригады сплошные авралы, рисование картинок не стоит вверху списка приоритетов.

Рашмика вспомнила, что ремонтные машины облеплены пылью и краска на них выцвела. По большому счету квестор сказал правду, но отчего-то девушка была уверена, что ни одна из этих машин не носила церковного герба — по крайней мере, с тех пор, как их красили в последний раз.

— Еще один вопрос, квестор.

— Да, — устало произнес собеседник.

— Мы едем к Пути с севера, потому что выбрали короткую дорогу через Пропасть Искупления. Мне кажется, если бы эти машины в самом деле ехали расчищать завал, они вряд ли направлялись бы в ту сторону, откуда явились мы.

— Что вы хотите этим сказать, мисс Эльс?

— Почему-то я уверена, что эти машины едут с совершенно другой целью. Уж точно не Путь расчищать.

— Вы тщательно обдумали свое заявление? И ваша уверенность основана на личном опыте обслуживания Пути, которое отличается чрезвычайной сложностью организации?

— Квестор, спасибо, но я обойдусь без вашей иронии.

Джонс покачал головой, придвинул к себе компад и с преувеличенной сосредоточенностью уткнулся в работу, от которой его отвлекло появление Рашмики.

— Мисс Эльс, мой скромный опыт подсказывает, что вам следует сделать выбор. Одно из двух: либо вы очень далеко пойдете, либо очень скоро с вами произойдет несчастный случай из тех, что очень часты во льдах. Но какой бы путь вы ни выбрали, долгий или короткий, вам удастся вызвать крайнее неудовольствие у очень многих людей.

— Значит, я внесу в этот мир какое-никакое разнообразие, — заявила она, бравируя против воли, и повернулась к выходу.

— Мисс Эльс...

— Квестор?

— Если вы однажды решите вернуться на Равнину Вигрид, не согласитесь ли оказать мне услугу?

— Какую? — спросила она.

— Воспользуйтесь любым другим караваном, — ответил Джонс и снова уткнулся в компад.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Близ Арарата, год 2675-й

Как только шаттл надежно закрепился в одной из причальных ниш субсветовика, Скорпион вышел через шлюз. Сопровождавший их корабль, не такой большой, как шаттл, и более обтекаемый, стоял рядом, черный, как сама космическая мгла. Свинье удалось разглядеть лишь его силуэт, длинное заостренное пятно вроде тех, что используют в психологических тестах. Этот корабль шипел и распространял острый запах антисептиков, точно в больнице, и выглядел двумерным, как будто был вырублен из листа черной жести.

Казалось, при неосторожном движении о него можно порезаться.

Силы безопасности уже выставили у обоих кораблей охранение. Офицеры узнали шаттл, но на темный корабль смотрели настороженно. Как догадывался Скорпион, этот летательный аппарат тоже получил приглашение на «Ностальгию», но охране не хотелось рисковать. Скорпион отпустил офицеров, оставив только двоих на случай неприятных сюрпризов.

Подняв рукав, он проговорил:

— Антуанетта? Ты неподалеку?

— Я иду к вам, Скорп, — ответил браслет. — Буду через минуту. Гости уже на борту?

— Похоже на то.

Скорпион двинулся к черному кораблю. Тот был чуть больше капсулы, в которой прилетела Хоури. Внутри, по оценке свиньи, места хватало только для двух человек. Скорпион постучал костяшками пальцев о черный корпус. На ощупь металл был очень холоден, волоски на копыте свиньи поднялись дыбом, словно наэлектризованные.

В фюзеляже вдруг образовалась розовая щель, и часть корпуса отошла в сторону, открыв тускло освещенное нутро. Пилот уже выбирался из своего противоперегрузочного кресла, облепленного устройствами управления. Это, как и ожидал Скорпион, был Ремонтуар. На взгляд свиньи, сочленитель постарел, но в остальном был прежним: очень высокий и совершенно лысый, в облегающей черной одежде, которая только подчеркивала его паучье сложение. У Ремонтуара была голова странной формы — вытянутая, словно капля.

— Мистер Пинк, если не ошибаюсь?

Скорпион чуть помедлил с ответом. Время, когда эта фамилия что-то значила для него, минуло десятки лет назад. Он тянул за ниточку памяти, пока не размотал ее полностью. Когда-то, давным-давно, он отправился вместе с Ремонтуаром на Ржавый Пояс, а потом и в Город Бездны, взяв себе вымышленное имя. Преследуя сбежавшего от сочленителей Клавэйна, Скорпион решил назваться мистером Пинком. А под каким именем выступал Ремонтуар? Никак не вспомнить.

— Мистер Клок, — сказал он, когда пауза затянулась почти до неприличия.

В ту пору они люто ненавидели друг друга. Да разве могло быть иначе? Ремонтуар на дух не выносил свиней (когда-то побывал у них в плену, и его пытали), но был вынужден взять с собой Скорпиона, поскольку тот великолепно знал и Город, и Пояс. Скорпион не любил сочленителей вообще (тогда никто не любил пауков, кроме них самих) и Ремонтуара в частности. Но тот добился от свиньи содействия, а в обмен пообещал свободу. Отказ от помощи означал передачу Скорпиона в руки властей, у которых уже был подготовлен показательный процесс, не сулящий подсудимому ничего приятного.

Вначале дружбы между ними не было, но постепенно взаимная ненависть сошла на нет под влиянием уважения, кото-

рым оба прониклись к Клавэйну. И вот теперь Скорпион понял, как приятно увидеть старого знакомого, — когда-то это чувство изумило бы его и вызвало отвращение к самому себе.

— Мы с тобой пара динозавров, — сказал Ремонтуар.

Выбравшись наконец из кресла, он потянулся и помахал руками, словно хотел убедиться, что не переклинило суставы.

— Боюсь, у меня плохие новости, — сказал Скорпион.

— Клавэйн?

— Мне очень жаль.

— Не сомневаюсь, что жаль. Только сейчас, увидев тебя, я понял, что он мертв. Когда это произошло?

— Пару дней назад.

— И как он умер?

— Очень тяжело. Но он погиб за Арарат. Клавэйн ушел из жизни героем, Рем.

На несколько мгновений Ремонтуар замкнулся в себе, пустился в странствие по внутренним воображаемым ландшафтам, доступным только сочленителям. Он закрыл глаза, постоял так секунд десять, потом снова открыл. В них светилось живое внимание, печаль ушла.

— Я его оплакал, — сказал он.

Скорпион нисколько не усомнился в словах Ремонтуара: сочленители — существа особенные. Ремонтуар сказал последнее «прости» старому другу и соратнику, отдал ему положенную меру горя и печали. После чего ему не составило труда перенастроиться на спокойное и вдумчивое восприятие происходящего. А оттого, что траур по Клавэйну продлился всего десять-двенадцать секунд, он не стал менее глубок и искренен.

— Мы в безопасности? — спросил Скорпион.

— Пока да. Мы тщательно спланировали ваше бегство, произвели оставшимися в нашем распоряжении силами и средствами ложную атаку. Знали, что волки способны быстро перегруппироваться и захватить ваш корабль, но по расчетам выходило, что один шанс у вас есть — при условии, что взлетите точно в срок.

— Вы научились побеждать волков?

— Нет, Скорпион, победить их мы не можем, — сказал Ремонтуар терпеливым и спокойным тоном школьного учителя. — Только уничтожить небольшое количество волков в одной точке, сосредоточив там необходимые ресурсы. Да, мы способны нанести урон, оттеснить ингибиторов. Но по сути,

это все равно что бросать камни в стаю собак. Против больших скоплений мы мало что можем. И расчеты говорят, что в перспективе проиграем.

— Но до сих пор вам удавалось уцелеть.

— Да, благодаря полученным от Ауры технологиям. Но этот колодец уже почти вычерпан. Волки оказались мастерами создавать средства противодействия. — Глаза Ремонтуара сверкнули восхищением. — Они очень эффективны, эти машины.

Скорпион рассмеялся. После всех бед, через которые ему пришлось пройти, услышать от Ремонтуара такое!

— Значит, нам конец?

— Если верить нашим сегодняшним моделям, шансов на победу нет.

Черный корабль за спиной Ремонтуара закрылся, вновь превратившись в клин мглы.

— Тогда почему мы не сдаемся?

— Потому что существует вероятность, пусть крайне малая, что прогноз в корне ошибочен.

— Похоже, мне следует услышать подробное объяснение, — сказал Скорпион.

— Я знаю самое удобное для бесед местечко. — Вошедшая в ангар Антуанетта Бакс кивком поприветствовала Ремонтуара, словно в последний раз они виделись совсем недавно. — Идите за мной. Думаю, вам понравится.

Хела, год 2727-й

Рашмика увидела соборы.

Мысленно репетируя свое прибытие на Путь, она представляла совсем другую сцену. В этих фантазиях она всегда сразу оказывалась на месте: ни постепенного приближения, ни маленьких аккуратных караванов, разрисовавших впереди горизонт. Но вот она ясно видит перед собой соборы, и до них еще добрых двадцать километров. И похожи эти конструкции на парусники старых времен, чьи мачты поднимались над морем задолго до появления самого судна. Кажется, можно выбросить руку и поймать любой собор двумя пальцами. А если закрыть один глаз, из-за отсутствия перспективы далекие соборы представятся красивыми безделушками, созданной ювелирами-кудесниками восхитительной микроскульптурой.

Несложно представить, как твой кулак сжимает такую кроху.

Соборов было не счесть. Тридцать, а может, и все сорок. Некоторые шли тесными группами, словно галеоны, сошедшиеся на пушечный залп в упор. Когда они уж чересчур сближались, невозможно было разобраться в нагромождении башенок и шпилей — что кому принадлежит. На некоторых соборах было по одной такой надстройке, другие казались целыми городами, пустившимися в плавание. Там были уступчатые башни и роскошные минареты. Торчали шпили — зубчатые, ребристые, с карнизами и подпорками. Играли красками витражные окна в сотни футов высотой. Через окно-розетку с легкостью мог пролететь корабль. Блестели редкие металлы, сказочной красоты сплавы покрывали акры поверхности. На стенах некоторых соборов виднелись странные бесформенные утолщения — лишь приблизившись, Рашмика поняла, что это достаточно большие здания, пристроенные в самых неожиданных местах.

И снова Рашмика вспомнила картины Брейгеля.

Расстояние между караваном и Путем все сокращалось, и постепенно великие соборы приобретали свои истинные размеры. Все новые и новые колонны выползали из-за горизонта далеко позади авангарда процессии — а в том, что впереди шла основная группа, девушка не сомневалась.

Халдора стояла точно в зените, в самом центре небесного купола.

Рашмика почти добралась.

Близ Арарата, год 2675-й

Скорпион уселся за деревянный стол в корабельном парке. Внимательно осматриваясь, он старался заметить и запомнить все подробности, в то же время надеясь не перегрузить мозг. Никогда в жизни он не бывал в таком месте и не видел подобного даже на картинках. Такой небесной чистоты и голубизны не бывает на Арарате. Растительность поражает детализацией — можно выделить из общей картины каждую веточку, каждый листок. И все это дышит. Раньше Скорпион видел деревья только на снимках, но никакие снимки не в силах передать головокружительную сложность этого творения природы. Такие же чувства он испытывал, когда впервые увидел океан: разница между воображаемым и реальным поражала. Океан

невозможно экстраполировать, скажем, меняя объем и цвет содержащейся в чашке воды. Дело в ощущении морского простора, которое возникает при непосредственном пребывании перед ним.

По правде говоря, деревья внушали тревогу. Слишком большими они были, слишком живыми. Вдруг им не понравится гость?

— Скорп, ты бы надел очки, — предложила Антуанетта.

Он взял в руки очки и, нахмурившись, осмотрел:

— Для этого есть какая-то конкретная причина?

— Сможешь поговорить с Джоном. Те, у кого в голове нет машин, видят его редко. Не волнуйся, не ты один будешь выглядеть по-дурацки.

Скорпион надел очки. Они были созданы не для свиней, а для людей, но, приладив их, он не ощутил особого неудобства. Мир за стеклами очков совсем не изменился.

— Джон будет через минуту, — заверила Антуанетта.

Всех, кто был нужен, собрали очень быстро. Кроме самого Скорпиона и Антуанетты, за столом сидели Васко Малинин и Хоури с дочерью, которая по-прежнему лежала в инкубаторе (его Ана держала на коленях). Еще тут были доктор Валенсин и три не столь высокопоставленных представителя колонии, а проще говоря, старшие среди четырнадцати тысяч успевших добраться до «Ностальгии по бесконечности». Настоящая администрация — Орка Круз, Кровь, Ксавьер Лиу и другие — находилась на Арарате.

Когда Ремонтуар сел напротив Скорпиона, осталось только одно свободное место.

— Предлагаю говорить коротко и по существу, — сказал Ремонтуар. — Меньше чем через час я должен улететь.

— Даже не пообедаешь? — спросил Скорпион, слишком поздно вспомнив, что у Ремонтуара нет чувства юмора.

Сочленитель покачал яйцевидной, увитой тонкими жилами головой:

— Боюсь, что нет. «Свет Зодиака» и другие корабли сочленителей останутся в этой системе по крайней мере до тех пор, пока вы не выйдете в открытый космос. Мы отвлечем ингибиторов на себя. Несколько стай могут увязаться за вами в погоню, но основные силы будут связаны боем. — Ремонтуар сложил перед собой тонкие пальцы. — Надеюсь, вы с ними справитесь.

— Значит, вы приносите себя в жертву? — спросила Антуанетта.

— Надеюсь, что нет. Я пессимист, но надежда свойственна и мне. У нас есть оружие, которым мы еще не пользовались и которое даже пока не произвели. Надеюсь, что оно даст нам перевес, по крайней мере локальный.

Ремонтуар умолк и сунул кисть в невидимый карман своего мундира. Пальцы исчезли в ткани, словно сочленитель показывал застольный фокус, потом появились снова с небольшим тускло-серым предметом в форме щепки. Ремонтуар положил его на стол и стукнул по нему пальцем:

— Вот, пока не забыл. Это описания очень полезных военных технологий. Возможно, с некоторыми из них Аура и Хоури вас уже познакомили. Мы тоже получили их благодаря Ауре, она указала направление поиска и намекнула на некоторые основные принципы, однако нам многое пришлось создавать самим, с нуля. Эти файлы совместимы со стандартным производственным протоколом.

— Но у нас нет фабрики на борту, — сказала Антуанетта. — Последняя остановилась много лет назад.

Ремонтуар выпятил губы:

— Тогда мы дадим новые системы, устойчивые к последним штаммам чумы. Перед тем как вы покинете область Арарата, я распоряжусь доставить вам фабрики, а также медицинское оборудование и запчасти к криокапсулам. Загрузите в фабрики наши файлы, и они изготовят необходимое оружие и оборудование. Если понадобятся разъяснения, формулируйте вопросы так, чтобы она поняла.

— Спасибо, Рем, — сказала Антуанетта.

— Это вам подарок, — продолжал он. — В благодарность за спасение Ауры. Мы просто счастливы, что она у вас. Но вы можете не остаться в долгу.

— Как? — спросила Антуанетта.

Ремонтуар промолчал, оглядываясь на того, кто шел к столу по траве.

— Здравствуйте, Джон, — сказала Антуанетта.

Следя за приближением капитана, Скорпион напрягся на своем чурбане. На первый взгляд фигура совсем не походила на человеческую. Бренниген шел на двух ногах, у него были руки и голова, но на этом сходство заканчивалось. Половина тела — одна рука и нога, а также приблизительно половина торса —

состояла, насколько мог судить Скорпион, из плоти и крови. Другая же была движущимся механизмом, уродливым, без малейших признаков желания соблюсти симметрию. Искусственные конечности приводились в действие поршнями и вращались на массивных шарнирах, в местах скольжения которых блестел от постоянного трения и смазки металл. Рука с механической стороны, свисавшая почти до колена, оканчивалась набором многофункциональных инструментов. Словно землеройный механизм на огромной скорости столкнулся с человеком и они сплавились при ударе.

По сравнению с телом голова капитана казалась почти нормальной. Но лишь по сравнению. В орбиты глаз были вставлены красные многофасеточные камеры. Из ноздрей выходила пара трубок и, загибаясь, исчезала за головой, соединяясь там с каким-то невидимым механизмом. Рот капитана прикрывала овальная решетка, вживленная в плоть. Череп был совершенно лысый, только из макушки торчало несколько спутанных прядей. Эти волосы были заплетены в косичку, которая доставала сзади до шеи. Уши отсутствовали. В сущности, отметил Скорпион, в голове у капитана вообще не было отверстий. Вероятно, одна из целей такой модификации — возможность существовать в вакууме без защитного шлема.

Из решетки на лице капитана полился его голос, тоненький и тихий, как у сломанной игрушки:

— Привет. Вижу, вся команда в сборе.

— Присаживайтесь, Джон, — сказала Антуанетта. — Наверное, вас нужно быстренько ввести в курс дела? Ремонтуар сейчас изложил условия обмена. Он обещал нам классные новые игрушки.

— В обмен на что-то, принадлежащее нам?

— Нет, — ответил Ремонтуар. — Программы и остальное — подарок. Но если вы готовы передать нам кое-что в ответ, у нас есть предложение.

Под шипение и стук вращающихся поршней Джон Бренниген опустился на полено.

— Вам нужно оружие, оставшееся на моем тайном складе, — сказал он.

Ремонтуар склонил голову, демонстрируя уважение к такой проницательности:

— Вы прекрасно понимаете ход наших мыслей.

— Зачем оно вам? — спросил Бренниген.

— Для создания ощутимого перевеса сил, как показывают наши модели. Конечно, полной уверенности нет. Не у всех артсистем известны тактико-технические данные. Но если судить по догадкам, эти пушки могут нам очень пригодиться.

— Машины погонятся и за вами, и за нами, — сказал Скорпион. — Нам тоже понадобятся пушки.

— Позволь с тобой не согласиться, — покачал головой Ремонтуар. Как обычно, он был спокоен и доброжелателен, словно взрослый, объясняющий прописные истины детям. — Да, эти пушки вам бы не помешали. Но вы намерены бежать от волков, а не сражаться с ними. Для вас разумнее всего уклоняться от встречи с ними как можно дольше.

— Но вы сами сказали насчет погони, — напомнила Антуанетта. — Как же нам от нее избавиться? Вежливо попросить волков, чтобы ступали своей дорогой?

Ремонтуар снова постучал по чипу с данными, который он выложил на стол:

— Здесь есть инструкция по изготовлению гипометрического оружия. Оно, как показывают наши модели, рассеивает небольшие стаи волков.

— А если эти модели ошибаются? — спросил Скорпион.

— У вас будут и другие ресурсы.

— Но всего этого недостаточно, — отрезал свинья. — Началось с того, что мы полетели за оружием класса «Ад» к Ресургему. И в результате вляпались во все это дерьмо. А теперь ты говоришь, что мы должны отдать его тебе?

— Я ваш союзник, — возразил Ремонтуар. — И предлагаю всего лишь перевести орудия на ту позицию, где польза от их применения будет максимальной.

— Я не поняла. — Антуанетта кивнула на чип. — Вы научились производить то, о чем мы не можем даже мечтать, и все равно просите у нас пушки из тайного склада?

— Они очень эффективны, — ответил Ремонтуар. — Это дар из будущего. Но пока эти артсистемы не изучены досконально, нельзя утверждать, что они превосходят все полученное нами от Ауры. Примите во внимание и это.

— Надеюсь, парни учтут, — проворчала Антуанетта.

Проекция Джона Бреннигена зашевелилась с шипением отходящего локомотива. Скорпиону даже показалось, что за-

пахло машинным маслом. Капитан снова заговорил тонким детским голоском:

— Согласен, у вас веский довод, но и вы согласитесь, что возможности Ауры тоже не исследованы до конца. А несколько наших пушек мы уже испытали и нашли вполне работоспособными. Я не могу отдать оставшееся оружие вам.

— Тогда предлагаю компромисс, — сказал Ремонтуар.

Капитан взглянул на сочленителя, лицо с решеткой вместо рта ничего не выражало.

— Я весь внимание.

— По нашим расчетам, мы можем получить перевес, только располагая каким-то количеством артсистем с вашего тайного склада.

— То есть вы не претендуете на весь арсенал, а готовы довольствоваться частью? — спросила Антуанетта.

Ремонтуар утвердительно наклонил голову:

— Да, но только в том случае, если противостоящие нам силы будут не слишком велики. Кроме того, имея в своем распоряжении лишь этот необходимый минимум, мы не можем гарантировать, что в погоню за вами не отправится внушительный контингент.

— Ясно, — кивнула Антуанетта. — Но пушки класса «Ад» дадут нам возможность ударить по нему.

— Верно, — кивнул Ремонтуар. — Только не стоит недооценивать риск.

— Мы готовы пойти на этот риск, — сказал Скорпион.

— Подождите, — проговорила Хоури.

Она дрожала, одной рукой придерживая инкубатор на коленях, а ногтями другой впившись в деревянную столешницу. Ее глаза закатились, жилы на шее страшно напряглись.

— Нет, — сказала она. — Нет, только не это.

— Не что? — спросил Скорпион.

— Нет, нет, нет! Послушайтесь Ремонтуара. Отдайте ему все оружие. Тогда он сможет что-то сделать. Верьте ему.

Ногти Хоури процарапали дорожки в дереве.

Наклонившись, Васко заговорил, впервые за все время:

— Мне кажется, Аура права.

— Я права! — выкрикнула Хоури.

— Нам стоит к ней прислушаться, — продолжил Васко. — Она знает, что говорит.

— Да неужели? — хмыкнул Скорпион. — Допустим, ей кое-что известно. Но чтобы видеть будущее?! Этого просто не может быть.

Представители беженцев дружно закивали.

— Вынуждена согласиться со Скорпом, — проговорила Антуанетта. — Мы не можем отдать Ремонтуару весь арсенал, нужно оставить часть для самообороны. А вдруг не получится запустить фабрики? Или они произведут брак?

— Фабрики сделают все как надо, — ответил Ремонтуар, как и прежде, абсолютно невозмутимым тоном, хотя речь шла о жизни и смерти.

Скорпион покачал головой:

— Повторяю, меня это не устраивает. Мы отдадим несколько артсистем, но не все.

— Хорошо, — кивнул Ремонтуар, — будем считать, что договорились.

— Скорпион... — заговорил Васко.

Но свинья уже устал от споров. Это его колония, его корабль. Его битва! Он сорвал очки, сломав их при этом.

— Я решил! — рявкнул Скорпион.

Ремонтуар растопырил пальцы:

— Решил так решил. Мы пришлем буксиры за пушками. Фабрики и образцы продукции будут доставлены на шаттлах. Наши сочленители помогут вам установить гипометрическое оружие и другие новинки. Есть ли необходимость забрать с планеты оставшихся?

— Да, — ответила Антуанетта.

— Полная эвакуация, к сожалению, невозможна, — продолжал Ремонтуар. — В наших силах создать один, максимум два канала для безопасного взлета с поверхности. Больше двух рейсов на шаттл не получится.

— Хоть что-то, — кивнула Антуанетта.

— А какая судьба ждет остальных? — спросил один из представителей.

— Им придется выживать самостоятельно, — ответил Скорпион.

Ремонтуар натянуто улыбнулся, словно кто-то позволил себе дурной тон в приличном обществе.

— Оставшиеся на планете совсем не обязательно подвергнутся непосредственной опасности, — сказал он. — Если бы

ингибиторы хотели уничтожить биосферу Арарата, они бы давно сделали это.

— Но наши люди будут там как в концлагере, — сказала Антуанетта. — Волки не позволят им улететь.

— Зато ваши люди будут живы, — сказал Ремонтуар. — А мы постараемся сделать все возможное, чтобы уменьшить группировку ингибиторов вокруг Арарата. Но без полного комплекта орудий класса «Ад» дать гарантии не можем.

— А с полным комплектом? — спросил Скорпион. — Пообещаете стопроцентный успех операции?

После секундного размышления Ремонтуар покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Полной гарантии не даю.

Скорпион оглядел собравшихся за столом и вдруг запоздало понял, что здесь, кроме него, нет свиней. А там, где сидел капитан, теперь пустовало место — но к этому месту были прикованы все взгляды.

«Капитан все еще с нами, — подумал Скорпион. — Он здесь, слушает».

Даже машинным маслом как будто по-прежнему пахло от свободного полена.

— Не думаю, что лишусь из-за этого покоя и сна, — сказал свинья.

После собрания Антуанетта решила поговорить со Скорпионом. Он уехал в лифте наверх, чтобы помочь с обустройством беженцев. Там повсюду в грязных, сырых, извилистых коридорах толпились люди.

Скорпион шел по одному из этих коридоров, заглядывая в испуганные лица, коротко отвечая на вопросы, когда знал, что сказать, но умалчивая о дальнейших планах в отношении корабля и пассажиров. Он обещал беженцам, что о них обязательно позаботятся, что бóльшую часть уложат в криокапсулы и заморозят безболезненно и безопасно для жизни. Когда он наконец добрался до конца коридора, то понял, что увидел лишь сотню из многих тысяч, переправленных на борт.

Антуанетта встретила его на перекрестке. Там охранники распределяли людей по исправным лифтам и отправляли на нижележащие уровни, где были оборудованы временные административные пункты.

— Все утрясется, Скорп, — сказала она.

— Мои мысли настолько легко читаются? — поинтересовался он.

— Просто ты так подавлен, словно на твои плечи легла целая планета.

— Тебе покажется смешным, но я не чувствую, что это преувеличение.

— Ничего, справишься. Помнишь, что было с Клавэйном в Шато де Корбо, жилище Мадемуазели?

— Это было так давно...

— Что ж, если ты забыл, то я все помню. Тогда он вел себя в точности как ты сейчас, словно вся его жизнь была лишь чередой ошибок, завершившейся полным крахом. Он чуть не сломался. Но все-таки выдержал. Нашел в себе силы. И у него все получилось. И в конце концов череда ошибок оказалась единственно верным путем к цели.

Скорпион улыбнулся:

— Спасибо на добром слове, Антуанетта.

— Просто я подумала, что тебе следует знать. Наша жизнь не становится проще, Скорп, и я знаю, иногда тебе кажется, что ты не идеальный руководитель, если я правильно понимаю твои слова и выражение лица. Но ты тот самый лидер, который нам сейчас нужен: решительный, прямой и толковый. Ты не политик, Скорп, и слава богу. Клавэйн согласился бы со мной.

— Ты думаешь?

— Я точно знаю! И ты не сомневайся в нас. Мы не подведем.

Антуанетта улыбнулась и похлопала его по руке:

— Вот что я хотела тебе сказать на прощание.

— На прощание?

— Я решила: лечу на Арарат. На одном из шаттлов Ремонтуара. Ведь там, внизу, остался Ксавьер.

— Но это опасно, — с тревогой сказал свинья. — Может, лучше договориться с Ремонтуаром, чтобы привез сюда Ксавьера? Он ведь уже согласился доставить Орку. Уж прости, но скажу без обиняков: в этом случае, если волки захватят шаттл, мы потеряем только одного из вас.

— Я не собираюсь возвращаться, — сказала она.

Чтобы понять услышанное, ему понадобилось несколько секунд.

— Но ты же вырвалась в космос, — наконец сказал Скорпион.

— Только потому, — ответила Антуанетта, — что у меня не было другого выхода, когда «Ностальгия» пошла на взлет. Но я чувствую себя в ответе за тех, кто остался, за тысячи людей, которых мы бросили на Арарате. Может быть, я им не нужна, но им наверняка нужен Ксавьер. Он один способен исправить все, что угодно.

— Уверен, там и от тебя будет польза, — улыбнулся Скорпион.

— Если мне позволят иногда на чем-нибудь летать, то, надеюсь, я не свихнусь.

— Но мне бы и здесь пригодились надежные люди.

— Скорп, у тебя есть надежные люди, просто ты еще не знаешь их всех.

— А ты храбрая, — сказал Скорп. — Молодчина.

— Не делай из меня великомученицу, — ответила она. — Там не так уж и страшно. К тому же Арарат мне всегда нравился. Например, закаты. Может, когда-нибудь полюблю чай из водорослей. Так что я возвращаюсь домой.

— Мы будем скучать по тебе, — сказал он.

Антуанетта опустила глаза. Скорпиону показалось, что она больше никогда не взглянет на него.

— Я не знаю, Скорп, что с нами будет. Возможно, вы доберетесь до Хелы, как велит Аура. Или этот полет — огромная ошибка. Но почему-то мне кажется, что мы больше не встретимся. Вселенная так велика, а шансы, что наши дороги снова пересекутся, так малы...

— Вселенная очень велика, — кивнул Скорпион, — и я думаю, что в ней хватит места для пары-тройки совпадений.

— Для кого-то — может быть, Скорп. Только не для нас с тобой. — Антуанетта снова подняла взгляд и посмотрела Скорпиону прямо в глаза. — Я ужасно боялась тебя, когда впервые увидела. Сейчас могу в этом признаться. Боялась, потому что ничего о тебе не знала. Но рада, что в конце концов все вышло как вышло. И что у меня было время узнать тебя получше.

— Половина моей жизни.

— Это были хорошие годы, Скорп. Я их не забуду.

И она снова опустила глаза. Скорпион предположил, что Антуанетта смотрит на его маленькие, почти детские, сапоги.

Внезапно пришла жалость к себе: он никогда не перестанет быть свиньей, не возвысится до человека — ни ростом, ни душой.

— Ремонтуар скоро пришлет шаттл, — сказала она. — Мне лучше поторопиться. Береги себя, ладно? Ты хороший человек. Хороший свинья.

— Постараюсь, — ответил Скорпион.

Антуанетта обняла его и поцеловала.

А потом ушла. И больше он ее не увидел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Хела, год 2727-й

Караван аккуратно двигался по обочине Пути, обгоняя соборы один за другим. Над Рашмикой нависали гигантские машины. Впечатлений было слишком много, чтобы они могли сразу уместиться в голове; все сливалось в образ единого механизма, не просто циклопического — отвергающего человеческие масштабы. Пока караван червем пробирался между соборами, казалось, что великаны стоят на месте, будто прочно вросли в пейзаж, как здания, которые Рашмика видела на Плоскогорьях Ярнаксы. Но по сравнению с теми домами соборы были настоящими небоскребами, пальцами с зазубренными ногтями, царапающими лик Халдоры.

Конечно, неподвижность соборов была лишь иллюзией, обусловленной высокой скоростью каравана. Стоит остановиться, как ближайший собор пройдется по нему уже через несколько минут.

По слухам, соборы никогда не останавливались и крайне редко сворачивали с пути — лишь когда впереди появлялось чересчур большое препятствие, которое не растоптать исполинскими ступнями.

Путь оказался значительно у́же, чем ей представлялось. Она вспомнила, что говорил квестор Джонс: ширина Пути не превышает двухсот метров, а зачастую она и того меньше. Вокруг не было привычных ориентиров, и судить о расстоянии было трудно, но, по оценке Рашмики, на всем видимом ей пространстве ширина Пути составляла не более ста метров. Самые большие соборы перекрывали его почти целиком — этакие тол-

стенные механические сороконожки. Малые соборы зачастую могли идти бок о бок, но при этом другие бока свешивались за бровку Пути. Здесь, на равнине, завалы и другие препятствия отсутствовали, и потому такое движение не было связано с риском. Любой собор мог сойти с торной дороги и двинуться параллельно ей по чуть менее гладкой местности. Но сегодня ни у кого не возникало такой необходимости, и процессия казалась прикованной к Пути, двигалась ровно и монотонно. Как правило, соборы шли неразрывной чередой: обгоны и грязные приемы, о которых столько говорили на Равнине Вигрид, были скорее исключением, чем правилом, и Рашмика подозревала, что подобные события, передаваясь из уст в уста по дороге на север, обрастали преувеличениями.

Сейчас армада соборов преодолевала Путь, сохраняя более или менее постоянное расположение друг относительно друга. Если думать о соборах как о городах-государствах, то сейчас в их отношениях был период торговли и дипломатии, а не войн. Разумеется, существовали шпионаж и закулисные игры и постоянно строились коварные планы устранения соперников. Но сегодня господствовала светская учтивость, которую со всей возможной сердечностью демонстрировали давние и непримиримые соперники.

Это как нельзя более устраивало Рашмику: если на Пути, кроме завалов, приходилось бы преодолевать другие кризисы и форс-мажоры, было бы труднее приспособиться к труду в бригаде расчистки.

Ей велели собрать пожитки и ждать в одной из машин. Причина вскоре стала ясна: караван разделился на несколько частей. Рашмика с замиранием сердца смотрела, как подчиненные квестора перепрыгивают с машины на машину, убирая сцепки и переходники с полнейшим презрением к очевидному риску.

Большие караваны дробились и на отдельные машины, и на связки из нескольких машин, и Рашмика смотрела, как эти цепочки сворачивают в сторону, чтобы встретиться с соборами или группами соборов. К ее разочарованию, машина, в которой она осталась, пошла отдельно. Рашмика была не одна — вместе с ней несколько десятков паломников и сезонных рабочих, дожидающихся встречи с караваном, — но, поскольку к «Железной Екатерине» отправилась всего одна машина, всякая надежда на то, что это окажется большой собор, растаяла.

Что ж, нужно с чего-то начинать, как говорил квестор.

Машина круто отвернула от остатков главного каравана и, подпрыгивая на ухабах, отправилась по своему маршруту.

— Эй, вы! — Рашмика встала перед попутчиками, уперев руки в боки. — Какой из соборов «Пресвятая Морвенна»?

Один из паломников, утерев пот с верхней губы, ответил:

— Нет ее здесь, дорогуша.

— Она наверняка здесь, — возразила Рашмика. — Это место общего сбора, где ж еще ей быть.

— А с чего ты взяла, что «Пресвятая Морвенна» имеет отношение к общему сбору?

— А толком нельзя объяснить, без этих околичностей?

— Послушайте-ка ее! — подал кто-то голос. — Ишь какая заносчивая телка!

— Ладно, — процедила она. — Если «Пресвятой Морвенны» здесь нет, то где она, по-вашему?

— А тебе зачем? — поинтересовался один из паломников.

— Это самый старый собор на Пути, — ответила Рашмика. — Согласитесь, было бы странно, если бы мне не хотелось на него взглянуть?

— Нам бы твои заботы, цыпочка. Нас интересует только заработок, а для какой церкви придется лед лопатить — не все ли равно на какую.

— И все-таки мне интересно, — не унималась она.

— «Пресвятой Морвенны» тут нет, — раздался новый голос, полный скуки и важности.

Обернувшись на него, Рашмика увидела рабочего. Тот лежал на койке с сигаретой в одной руке, глубоко засунув другую в карман штанов, где он что-то чесал и шевелил.

— Но увидеть ее ты можешь.

— Где она?

— Вон там, крошка.

Она шагнула к мужчине.

— Эй, ты, поосторожней. Глазом моргнуть не успеешь, как под ним окажешься.

Рашмика остановилась. Мужчина махнул ей сигаретой и вытащил из штанов другую руку, она заканчивалась грубой металлической клешней. Переложив сигарету в клешню, мужчина поманил Рашмику здоровой рукой:

— Не бойся, все в порядке. Может, я и пованиваю, но не кусаюсь. Идем, покажу тебе «Пресвятую Морвенну».

— Идем, — кивнула Рашмика.

И двинулась вперед, пробираясь между тесно лежащими телами.

Мужчина указал на обшарпанное окошко позади себя. Протер его от пыли рукавом:

— Вот, смотри. Отсюда видно верхушку ее шпиля.

Рашмика выглянула в окошко и увидела лишь горы и лед:

— Я не...

— Вон там. — Мужчина взял ее за подбородок и повернул голову в нужную сторону. От него крепко разило перегаром. — Видишь, между обрывами торчит?

— Ага, еще как торчит, — хихикнул кто-то.

— Заткнись! — рявкнула Рашмика.

Похоже, было что-то в ее голосе действительно грозное — насмешник моментально затих.

— Теперь видишь? — снова спросил мужчина.

— Да. Но что она там делает? Это же в стороне от Вечного Пути.

— Правильно рассуждаешь, — кивнул мужчина. — Обычно соборы там не ходят.

— Она что, не знает? — спросил кто-то.

— Если бы знала, не спрашивала бы, — ответила Рашмика.

— Недалеко отсюда Путь разделяется, — сказал мужчина таким тоном, словно имел дело с ребенком.

Рашмика решила, что этот человек ей не нравится. Пусть он показал «Пресвятую Морвенну», пусть охотно все объясняет, но его скучающая манера вызывает раздражение. Иногда отказ лучше, чем неохотная помощь.

— Обычно соборы идут по одной из двух дорог, и она приводит к Лестнице Дьявола.

— Знаю, — кивнула Рашмика. — Там дорога зигзагами спускается ко дну Рифта, а потом поднимается на другой стороне.

— Верно. Хочешь знать, куда ведет вторая дорога?

— Думаю, что к мосту.

— А ты сообразительная девочка.

Рашмика отступила от окна.

— Если существует дорога от моста до этой развилки, почему мы не едем по ней?

— Потому что для каравана это не самый быстрый путь. Караван может срезать углы, взбираться по склонам и проходить крутые повороты. Соборы на такое не способны. Если им

не проломиться через препятствие, они отправляются в объезд, очень длинным кружным путем. А кроме того, за ведущей к мосту дорогой ухаживают плохо. Поедешь по ней, так покажется, что это вовсе и не Путь.

— Значит, «Пресвятая Морвенна» уезжает все дальше от главной группы соборов, — сказала Рашмика. — И Халдора больше не висит для нее в зените?

— Не совсем так. — Мужчина почесал клешней щеку, так что металл заскрипел о щетину. — Лестница Дьявола тоже не лежит точно на экваторе. Ее сделали там, где это удалось, а не там, где для нее было самое подходящее место. И вот еще какая штука: когда спускаешься по Лестнице Дьявола, над тобой со всех сторон нависает лед. Для наблюдателей это плохо: лед закрывает им вид на Халдору. Зато на Лестнице соборы могут обгонять друг друга, там это делать проще всего. Но вот если одному из них удастся пройти по мосту, то он вырвется далеко вперед. Он дождется остальных и с тех пор будет всегда первым — его уже никому не обогнать. И у него появится возможность беспрепятственно расстраиваться вширь. Ну и слава первого собора, прошедшего по мосту, тоже не пустяк. Он навсегда станет царем Пути.

— Но ни один собор пока не пересек Рифт по мосту. — Рашмика вспомнила звездообразное место аварии на дне Пропасти, которое видела с крыши каравана. — Я слышала, была попытка, но...

— Это безумие, лапушка, никто не спорит, да только на «Мор» сидит старый лупоглазый настоятель Куэйхи. Твое счастье, что тебя направили на старушку «Кэти». Говорят, с «Мор» уже побежали крысы.

— Настоятель увидел хороший шанс пройти по мосту, — догадалась девушка.

— Или он попросту спятил. — Мужчина ухмыльнулся, показав желтые зубы, похожие на покосившиеся надгробные камни. — Выбирай.

— Да мне-то какая разница? — буркнула Рашмика и тут же спросила: — А с чего вы взяли, что он лупоглазый?

Вокруг рассмеялись. Один из рабочих приставил кружки из пальцев к своим глазам.

— Девчонке еще многое предстоит узнать, — сказал кто-то.

«Железная Екатерина» оказалась маленьким собором, одиноко идущим в нескольких километрах позади главной процессии. Следом за ней продвигались другие соборы, но они были практически не видны, только над горизонтом торчали концы шпилей. Эти отстающие колонны наверняка старались наверстать упущенное, как можно ближе подойти к той абстрактной подвижной точке на Пути, которая находилась аккурат под висящей в зените Халдорой. Позорным считалось такое отставание, когда даже постороннему видно, что Халдора ушла из зенита. Но тот собор, который вообще терял ее из поля зрения, приобретал несмываемое пятно на репутации. Именно поэтому так серьезно относились церкви к деятельности бригад по расчистке Пути. Остановка на день — не беда, но несколько таких задержек могут катастрофически повлиять на продвижение собора.

Подъехав к «Железной Екатерине», машина сбавила ход, затем обогнула собор и приблизилась к нему с тыла. Этот объезд дал девушке отличное представление о ее новом доме. При всей скромности своих размеров, он принципиально не отличался от других соборов. Его плоское основание представляло собой прямоугольник шириной триста метров и длиной около ста. Над этой базой высились надстройки, а ниже шла монотонная титаническая работа частично спрятанных под металлическими юбками двигателей и шасси.

Собор продвигался по Пути усилиями многих параллельных гусениц. Сию минуту одна из них целиком зависла метрах в десяти надо льдом. Под траками висели рабочие в скафандрах и под красивые синие и фиолетовые сполохи резаков и сварочных аппаратов занимались ремонтом. Никогда прежде Рашмика не задумывалась над тем, каким образом происходит починка соборов на ходу, и теперь ей вдруг открылась холодная, даже безжалостная логика этого процесса. Увиденное произвело на нее очень сильное впечатление.

Узор строительных лесов покрывал почти всю конструкцию, и, куда бы Рашмика ни взглянула, везде кипела деятельность, фигурки рабочих выскакивали из лючков и исчезали, благодаря чему собор походил на старинные часы с множеством кукушек.

Над плоским основанием высилось сооружение, для которого уже больше подходило традиционное значение слова

«собор». В плане оно имело сходство с распятием: длинный неф с короткой поперечиной и малая часовня в голове креста. На пересечении большого и малого нефов стояла башня квадратного сечения. Она возносилась на сотни метров, не уступая длине собора, и заканчивалась четырехгранным шпилем, который поднимался еще на пятьдесят метров. Края шпиля были зазубренными, на самой вершине размещались тарелки связи и зеркала семафора. От гусеничного шасси шли кверху, соединяясь под крышей нефа, легкие контрфорсы из ажурных ферм. Рашмика заметила, что пара контрфорсов утрачена, — либо их не было с самого начала.

В целом же собор представлял собой хаотическую конструкцию, архитектурные детали весьма условно сочетались друг с другом. Казалось, что некоторые части собора заменяли в большой спешке, или желая минимизировать затраты, или под влиянием обоих факторов. Присмотревшись, Рашмика поняла, что шпиль на несколько градусов отклонился от вертикали. С одного бока он тоже был в лесах.

Девушка не знала, радоваться или огорчаться. Конечно, если учесть риск, которому Куэйхи вознамерился подвергнуть «Пресвятую Морвенну», Рашмика может считать, что ей повезло. Что бы она себе ни нафантазировала, шансов на спасение брата не будет, пока «Пресвятая Морвенна» не доберется до моста. При благоприятном стечении обстоятельств Рашмика к тому времени сумеет достичь верха соборной иерархии.

Необходимость завести подобные связи звенела звоночком в ее голове, словно резонировала с чем-то личным и интимным, укрывшимся аж в костном мозге. Почему сейчас это показалось настолько срочным и важным? Она вдруг поняла, что вся ее затея — это, в сущности, операция по проникновению. С самого начала, с момента бегства из поселка. Подъем по служебной лестнице собора и обнаружение Харбина — вторичные, хотя и более опасные цели авантюры, в которую она пустилась. Ей казалось, что первый шаг был сделан несколько недель назад, когда она узнала, что вскоре впритирку к Равнине Вигрид пройдет караван.

А на самом деле все началось раньше. Гораздо раньше.

Рашмику даже замутило от таких мыслей. В ее голове зажглась искра понимания, мелькнула и пропала. Она сама захлопнула дверь к этому пониманию — так закрываются от шума или резкого света, — но успела увидеть план проникно-

вения в собор, продуманный до мелочей, превосходящий логичностью и четкостью тот, по которому, как ей казалось, она действует. И этот сложный и точный план был совершенно чужим. Замысел невероятно рискованной и смелой операции, в которой ее поездка от поселка до каравана через половину Хелы была лишь короткой главой длинной истории.

В этом плане она была марионеткой, но одновременно и кукловодом.

«Ты сама обрекла себя на это, — с мучительной ясностью прозвучало в голове. — Ты хотела, чтобы все произошло именно так».

Ценой немалых усилий воли Рашмика отогнала эти мысли и задумалась о том, что ей предстоит в ближайшем будущем. Сейчас любой промах, любая допущенная по невнимательности ошибка может все испортить.

На машину пала тень собора на гусеничном ходу. Крутились опорные катки, лязгали траки — «Железная Екатерина» перемещалась медленно, но неутомимо и безостановочно. Сейчас не имеют значения промахи Рашмики — важно, чтобы не ошибался водитель, на которого она вынуждена полагаться.

Девушка перешла на другую сторону кабины. Впереди, под брюхом собора, выдвинулся пандус с мигающими красными лампами по краям. Нижняя кромка пандуса скользила надо льдом, временами задевая его и оставляя гладкий след. Фрагмент каравана добрался до этого въезда, передние катки несколько секунд побуксовали, но вот машина обрела сцепление и двинулась вверх. Пандус был крут, и Рашмике пришлось держаться за поручень, пока она въезжала в собор. Сквозь металл корпуса ее достигало напряженное урчание трансмиссии.

Вскоре она оказалась на крыше собора. Остаток каравана осторожно вырулил на тускло освещенную стоянку. Неподалеку застыла пара похожих машин, дальше неясно просматривались ряды непонятного, но явно подержанного оборудования. Бродили люди в скафандрах. Один подтащил и прикрепил к борту машины трубу переходного шлюза, с трудом установив крепления, словно ему впервые приходилось иметь дело с подобным устройством.

Рашмика услышала стук металла и шипение воздуха, потом голоса. Ее попутчики суетились, разбирали пожитки и направлялись к шлюзу. Рашмика подхватила рюкзак и пристроилась к очереди. Некоторое время ничего не происходило. Потом

голоса зазвучали громче, словно вспыхнул спор. Она заинтересовалась и подошла к окну. За ним в безвоздушной части зала неподвижно стоял человек в скафандре. За стеклом шлема, выполненного в стиле рококо, она различила черты спокойного лица. И это лицо не казалось совершенно незнакомым.

Человек в скафандре наблюдал за происходящим, опираясь на трость.

Шум продолжался еще несколько минут. В конце концов спор утих, и попутчики Рашмики потянулись к шлюзу, на ходу надевая шлемы скафандров. Люди посерьезнели и присмирели, не то что пять минут назад. Они прибыли на «Железную Екатерину», и тут шутки кончились. Судя по кислым физиономиям попутчиков, этот тусклый пыльный зал со старым, изношенным оборудованием и усталыми, равнодушными рабочими не вполне соответствовал их ожиданиям. Девушка же помнила слова квестора: настоятель «Железной Екатерины» — хороший человек, справедливый к рабочим и паломникам. Все-таки Рашмика может считать, что ей повезло. Лучше жить в соборе, который плетется в хвосте, чем в обреченном сумасшедшем доме... Хотя рано или поздно ей все же придется проникнуть на эту «Пресвятую Морвенну».

Она уже была у двери, когда чья-то рука уперлась ей в грудь, не давая ступить дальше. Подняв глаза, девушка посмотрела в лицо священника из первых адвентистов.

— Рашмика Эльс? — спросил священник.

— Да.

— Планы изменились, — сказал он.

Рашмику увезли с «Железной Екатерины» в сторону от глади Вечного Пути. На сей раз она и человек с тростью были единственными пассажирами сокращенного каравана. Незнакомец сидел молча, не сняв шлем, постукивая тростью по подошве. Рашмике так и не удалось толком разглядеть его лицо.

Уже много минут машина прыгала по ухабистому льду, оставив главную группу соборов далеко позади.

— Мы едем на «Пресвятую Морвенну»? — спросила Рашмика, не надеясь услышать ответ.

Незнакомец еще крепче стиснул трость, наклонив голову так, чтобы визор его шлема в отраженном свете стал темной непроницаемой маской.

К тому времени, как они добрались до ровного места и впереди показался собор, Рашмику затошнило. Причиной недомогания было не только непрерывное покачивание машины, но и мерзкое ощущение ловушки. Девушка планировала проникновение на «Пресвятую Морвенну», но вовсе не хотела, чтобы «Пресвятая Морвенна» насильно приволокла ее к себе.

Машина двигалась мимо неспешно ползущей горы. В то время как «Железная Екатерина» катила по ледяной поверхности Хелы на гусеницах, «Пресвятая Морвенна» шла в буквальном смысле этого слова, топча лед трапециедальными ступнями. Их было двадцать, по десять в ряду, и каждый ряд имел в длину двести метров. Широченное, высоченное тело собора, нависающее высоко над головой, соединялось с ногами огромными телескопическими колоннами подвижных контрфорсов. Это были даже не контрфорсы, а настоящие ноги, опирающиеся на ступни: сложные, грубые механические конечности с поршнями вместо сухожилий и шарнирами вместо суставов, увитые сегментированными шлангами и кабелями вместо вен и артерий. Контрфорсы приводились в движение брусьями сцепных дышл, торчавшими из боков собора, словно весла древней галеры. Ступни попарно поднимались над поверхностью Пути на три или четыре метра, потом медленно опускались, перенося «Пресвятую Морвенну» вперед со скоростью треть метра в секунду.

Собор был очень стар, и Рашмика знала об этом. Он вырос из крошечного семени, посеянного в самые первые дни заселения Хелы людьми. Всюду, куда бы ни взглянула девушка, она видела следы повреждений и ремонтов, реконструкций и расширений. Собор походил не на здание, а на целый город, жертву грандиозных архитектурных проектов и мероприятий по улучшению инфраструктуры, проводившихся с полным презрением к ранней планировке. Наряду с машинерией здесь расплодились всевозможные скульптурные формы: горгульи и грифоны, драконы и демоны, частью вырезанные по камню, частью сваренные из металла. Некоторые изваяния могли двигаться, им передавалась кинетическая энергия механических ног; при каждом шаге собора распахивались настежь и с лязгом захлопывались скульптурные пасти.

Рашмика задрала голову, пытаясь разглядеть окна циклопического транспортного средства. Высота главного зала намного превышала ту линию, где с его стенами, изгибаясь, смыка-

лись четко выраженные контрфорсы. Далее высились несколько громадных витражных окон, обращенных к Халдоре. Их окаймляли орнаменты из камня и металла, увенчанные сидящими грифонами и иными геральдическими существами. А выше начиналась собственно Часовая Башня, и она с легкостью затмевала красоту и величие зала; этот вертикально торчащий зазубренный железный палец превышал все, что Рашмике доводилось видеть на ее веку. На стенах этой башни читалась вся история собора, периоды его роста представали на манер культурных слоев в раскопе, и легко было вообразить, как сооружение достигало своих теперешних гигантских размеров. Были видны ошибки и отвергнутые планы, хватало отводов, которые не вели никуда. Время от времени взгляд натыкался на загадочные уступы, и казалось, здесь-то и намеревались завершить башню строители, но затем она взмывала еще на сотни метров. А венчал ее купол — настолько высоко, что отсюда, да еще под таким углом, и не разглядишь. Но он сиял желтыми лампами, и это несомненно был свет жилья.

Частица каравана повернула и приблизилась к медленно переступающим ногам. Наверху лязгнуло, и машина поплыла над землей — точно так же некогда был поднят ледокат Крозета.

Человек в скафандре завозился с застежками шлема. Он проделывал это с маниакальным терпением, словно вершил сложный ритуал, в котором нельзя пропустить ни малейшего действия.

Наконец шлем был снят и оказался в его руках. Человек взъерошил обтянутой перчаткой кистью свою белую шевелюру, и та обрела форму математической плоскости.

Мужчина взглянул на Рашмику. Его лицо было вытянутым, с невыразительными вытянутыми же чертами; при виде его девушка вспомнила о бульдогах. Рашмика была уверена, что уже видела этого человека, но когда и где, вспомнить не могла.

— Добро пожаловать на «Пресвятую Морвенну», мисс Эльс, — проговорил он.

— Хотелось бы узнать, кто вы такой и что я здесь делаю.

— Грилье, генерал-полковник медицинской службы, — представился мужчина. — А вы здесь оказались потому, что мы сочли это нужным.

Что бы ни означали эти слова, он говорил правду.

— А теперь пойдемте со мной, — сказал он. — Кое-кто хочет с вами увидеться. Заодно обсудим условия вашего найма.

— Найма?
— Вы ведь направлялись сюда с целью получения работы?
Рашмика покорно кивнула:
— Да.
— Думаю, мы сможем предложить кое-что подходящее.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Близ Арарата, год 2675-й

Скорпион надеялся немного отдохнуть. Но после отлета Антуанетты пришлось трудиться не менее напряженно, чем в предшествовавшие дни. Свинья почти не спал: следил за прилетом шаттлов и буксиров, контролировал регистрацию новых беженцев, прибытие и размещение технических специалистов от Ремонтуара.

Он устал — устал чудовищно, невыносимо, смертельно. Чувствовал, что сил осталось на один или два вздоха и он вот-вот сломается. Но продолжал работать: напутствие Антуанетты и собственное упрямое нежелание демонстрировать на людях малейшую слабость помогали ему. Но держаться становилось с каждым днем труднее. Все чаще Скорпиону казалось, что в нем нет и никогда не было энергии, которая есть в людях; что люди никогда не испытывают такого изнеможения.

В его молодые годы все было по-другому. Скорпион тогда пер как локомотив, не остановить; он был сильнее не только свиней, но и многих людей из своего окружения. Глупо было надеяться, что он останется таким всегда, всю жизнь сможет выдерживать подобный темп. Он и не заметил, когда его обошли люди — быть может, несколько месяцев или лет назад. У него еще сохранилась та дикая порывистая сила, которой не отличалось большинство людей, но сейчас нужен не скорый на расправу головорез, а вдумчивый, хладнокровный руководитель, медленно, расчетливо тратящий свои ресурсы. Люди быстрее соображают и реже ошибаются. Понимают ли они это? — спрашивал себя Скорпион. Возможно, сейчас людям не так заметно собственное превосходство, так как он работает на износ, чтобы компенсировать свою природную неполноценность. Но рано или поздно усилия сойдут на нет, и тогда его недостатки начнут всем колоть глаза. Антуанетта права,

большинство людей — его союзники; они, конечно же, постараются не замечать его нарастающую неадекватность, простят ошибки и промахи. Но это не может продолжаться бесконечно. Обязательно наступит день, когда недруги углядят медленно подступающую слабость и обернут ее против Скорпиона. И хватит ли у него смелости добровольно сойти со сцены, прежде чем такая необходимость станет чересчур очевидной? Слишком трудный вопрос, ведь из него неизбежно следуют другие: кто ты по своей натуре и кем тебе никогда не стать?

Антуанетта не хотела быть жестокой, когда назвала время, проведенное на Арарате, славным. Она и впрямь так считала, а двадцать три года — немалый срок, с чьей жизнью его ни сопоставляй. Но Антуанетта была человеком. Конечно, она не проходила курс продления жизни, такую обычную еще двести лет назад процедуру. Сегодня подобная терапия почти недоступна. Но у Антуанетты было преимущество перед Скорпионом: века назад ее гены подверглись специальной обработке, из них изъяли предрасположенность к многочисленным смертельным заболеваниям. Она проживет вдвое больше, чем жили ее предки, не знавшие подобных модификаций. Сто пятьдесят лет — вполне обычный срок для таких, как она. А если повезет, то и целых два века. Достаточно долго, чтобы рассчитывать на курс продления жизни с применением медицинских средств, запас которых сильно уменьшился со времен плавящей чумы. Конечно, ввиду сегодняшнего кризиса на восстановление этой технологии в полном объеме вряд ли можно рассчитывать, но такая возможность все-таки существует в отдаленной перспективе.

А Скорпиону уже исполнилось пятьдесят. Если повезет, он доживет до шестидесяти. Он не слыхал, чтобы срок жизни его сородичей превышал семьдесят пять, а самому старому свинье, которого он знал лично, был семьдесят один. Через год этот свинья умер: заложенные в нем болезни, как мины с часовым механизмом, за несколько месяцев буквально разорвали его на части.

И даже если общество вновь получит доступ к старинным технологиям омоложения и продления жизни, Скорпиону это ничего не даст, потому что они рассчитаны только на человеческую биохимию. Он слышал, что для свиней попытки воспользоваться подобными средствами всегда заканчивались неудачно. Очень часто эти экспериментаторы умирали раньше

срока, поскольку у чужеродной терапии имелись сильные побочные эффекты.

Не стоит тешить себя пустыми надеждами. Если он протянет лет двадцать, это уже будет счастье. Недолгий срок, что и говорить. На Арарате Скорпион и то провел больше.

«Половина моей жизни», — сказал он Антуанетте. Вряд ли она поняла. Не половина жизненного срока, который ему отмерен судьбой, а половина оставшегося.

Первые свои двадцать лет Скорпион, в сущности, и не жил. По-настоящему он появился на свет лишь в тот миг, когда поднес к своему плечу лазер и уничтожил вытатуированного зеленого скорпиона, оставив уродливый шрам. Людям свойственно строить планы на десятилетия, Скорпион же думал на год-два вперед, да и то не надеялся на успех.

Хватит ли у него мужества признать это? Если он сейчас откажется от своей роли и даст понять, что причиной тому генетическое наследство — короткая жизнь и запрограммированная смерть искусственно очеловеченной свиньи, — никто его не осудит. Скорпиона поймут, ему будут сочувствовать. Но что, если он совершит роковую ошибку, отказавшись от власти под давлением временных трудностей? Ведь эти трудности никому, кроме него, пока не заметны. Еще лет пять, а то и десять он способен приносить пользу, так не будет ли трусостью сегодняшний отход от дел? Скорпион в огромном долгу перед Араратом, вернее, перед беженцами с этой планеты. У него много недостатков: склонность к насилию, упрямство, негибкость. Но он никогда не был трусом.

И тут он подумал об Ауре. Понимание пришло с кристальной ясностью: ей нужна опека. Она всего-навсего ребенок, который говорит о вещах, лежащих за пределами его понимания. Кстати, она спасла тысячи жизней, не позволив Скорпиону напасть на жонглеров, когда те перемещали «Ностальгию» на безопасное расстояние от Первого Лагеря. Она всегда знает, что нужно делать.

Сегодня Аура — кроха, упрятанная в прозрачную скорлупу инкубатора, но она растет с каждым днем. Какой будет эта девочка через десять лет? Загадывать так далеко — мука мученическая для свиньи, но Скорпион все равно сумел представить Ауру повзрослевшей, с лицом, выражающим нечто среднее между спокойной сосредоточенностью и закосневшим фанатизмом, без малейшего намека на сомнение. По человеческим

меркам она будет красивой, и у нее найдутся последователи. Скорпион вообразил Ауру в доспехах, которые были на Скади, когда ее нашли в разбившемся корабле; хамелеофляж окрасился в белое, да так и застыл в этом режиме.

А ведь она может быть права, подумал Скорпион. Допустим, она точно знает, как получить преимущество над ингибиторами. Очень хочется верить, что это так, учитывая уже заплаченную за Ауру цену. Но вдруг он ошибается? Что, если это троянский конь, коварно подброшенный людям? И его единственная задача — привести человечество к полной гибели самым коротким и надежным путем?

Но Скорпиону это казалось слишком маловероятным. Будь иначе, он бы, наверное, уже убил Ауру, а следом и себя. И все же маловероятно — не то же самое, что исключено. Быть может, Аура ни в чем не повинна, но ошибочны ее советы. По сути дела, такой вариант еще опаснее.

Васко Малинин полностью на стороне Ауры, рассуждал Скорпион. И многие руководители тоже. Остальные пока держатся нейтрально, но в будущем могут принять любую сторону. Значит, нужен противовес неизбежному проявлению притягательной силы этой девочки, ее магической харизме. И это должен быть некто беспристрастный, лишенный воображения, не падкий на крестовые походы и не подверженный религиозному фанатизму. Значит, нельзя оставлять пост. Рано или поздно перенапряжение доконает Скорпиона, но сейчас он должен держать власть в своих руках. Он не противник для Ауры; он всего лишь сдерживающий фактор. И если когда-нибудь дело дойдет до противостояния с нею или ее последователями (свинья так и видел их армию позади девушки в белой броне), то это будет означать, что Скорпион сделал правильный выбор.

В одном Скорпион был уверен: стоит принять решение, и он пойдет до конца. В этом он был копией Клавэйна. Конечно, старик лучше видел перспективу, но по большому счету чем была его жизнь, если не чередой проявлений неодолимого упрямства — и так до самого своего конца, до рокового дня на айсберге.

«Не бывает ничего хуже, чем такая жизнь», — заключил Скорпион.

— Ну что, доволен? — спросил Скорпион у Ремонтуара.

Они сидели вдвоем в герметичной эксплуатационной капсуле, вцепившейся паучьими ногами в похожий на бескрайний утес борт разгоняющегося звездолета. Из расположенного непосредственно под ними шлюза, обрамленного конструкцией, похожей на оплавленный позвоночник, выбирались орудия, хранившиеся на тайном складе. Даже в лучшие времена это была опасная процедура, а сейчас, когда «Ностальгия по бесконечности» с ускорением уходила прочь от Арарата по заданной Ремонтуаром траектории, выгрузка вооружения требовала предельной осторожности и внимания к мелочам.

— Что ж, Рем, я доволен результатом, — сказал Скорпион. — Думал, ты будешь спорить с пеной у рта. Я бы не отдал все пушки. Надеюсь, ты не слишком зол на меня?

— Помилуй, Скорп, с чего бы мне злиться?

На лице спутника появилась знакомая вялая улыбка. Из прихваченного с собой термоса Ремонтуар разлил чай по стеклянным стаканчикам.

— Мы делим риск пополам. Твои шансы на выживание, если верить нашим моделям, существенно уменьшились. Мне, конечно, очень жаль, но я понимаю твое нежелание оставить часть оружия для самозащиты. Противоположное решение подразумевает слишком высокую степень доверия.

— Доверие тут ни при чем, — возразил Скорпион.

— Сказать по правде, это не важно — по большому счету пушки из тайного склада ничего не изменят. Я не хотел говорить об этом раньше, чтобы не посеять страх на твоем корабле, но есть основания считать, что наш прогноз слишком оптимистичен. Когда Илиа Вольева бросила «Буревестник» в самую гущу волков у Дельты Павлина, урон, который ей удалось нанести при помощи пушек класса «Ад», был очень незначителен.

— Это нам так кажется. Возможно, она все-таки придержала гадов.

— Или Вольева применила пушки не самым удачным образом, — в конце концов, тогда она была далеко в нелучшей форме. *Или пустила в ход не самые мощные.* Мы никогда не узнаем правду.

— А что ты можешь сказать о собственном оружии? — спросил Скорпион. — Которое сейчас делаешь для нас.

— О гипометрических машинах? Они уже неплохо себя показали. Сам же видел, как нам удалось разогнать стаи вокруг

твоего шаттла и «Ностальгии». Еще я использовал гипометрическое оружие против волков, которые грозили напасть на вас на Арарате.

Скорпион отхлебнул чай, с трудом удерживая неуклюжей рукой крохотный, с большой палец, и хрупкий на вид стаканчик, — не уронить его было крайне трудно.

— Это Аура научила делать такое оружие?

— Да.

— И ты до сих пор не понял, как оно работает?

— Скажем так: практика его применения опережает теорию его действия.

— Ладно. Даже если бы ты знал и мог объяснить, я бы все равно ни слова не понял. Но вот вопрос: если это такая мощная штука, почему волки не применяют ее против нас?

— Это нам тоже неизвестно, — ответил Ремонтуар.

— И ты так спокойно об этом говоришь? А что, если из-за этого оружия через несколько лет у нас возникнут проблемы, о которых мы даже не подозреваем?

Ремонтуар поднял брови:

— Скорп, ты занялся прогнозированием? Хочешь знать, что будет?

— Насчет волков и гипометрического оружия — это первое, что приходит в голову.

— Ты прав. Но позволь мне снова не ответить и оставить проблемы на потом. Когда приходится выбирать между близкой гибелью и трудностями в отдаленном будущем... решение кажется простым, верно? — Ремонтуар посмотрел на Скорпион сквозь стакан с янтарной жидкостью, его глаз разросся, искаженный стеклом. — Хотя есть и другой вариант. Волки могут просто не обладать необходимой технологией.

В обрамленном латунью иллюминаторе «Паука» Скорпион увидел, как из недр корабля появляется пушка, покрытая зеленым налетом патины и украшениями в стиле ар-деко, чем-то похожая на старинный радиоприемник или на киноаппарат, заключенная в раму с реактивными движками. Раму толкали четыре изготовленных сочленителями буксира.

— А эту технологию вы откуда взяли?

— У мертвых. Точнее, из коллективной памяти множества исчезнувших культур, накопленной в коре Гадеса, вернее, в нейтронной матрице этого суперкомпьютера. Увы, этих зна-

ний оказалось недостаточно, чтобы спасти обреченные цивилизации; возможно, ни одна из технологий, которые передаст Аура, не спасет и нас. Но будем надеяться, что дары этого младенца замедлят наше истребление. Почему-то мне кажется, что это самое главное. Если и существует где-то во Вселенной сила, превосходящая волков, то нам, чтобы ее найти, необходимо время.

— Ты говоришь о Хеле?

— А разве тебя, Скорп, она не интригует? Разве ты не хочешь побывать там — вдруг найдется что-нибудь интересное?

— Рем, мы уже узнавали. Хела — это ледяной шар, приют кучки религиозных безумцев с испорченной индоктринационным вирусом кровью.

— Говорят, там есть чудо.

— Исчезающая планета. Вот только никому из свидетелей этого чуда ты не доверишь застегнуть твой скафандр.

— Летите и выясните, что там происходит на самом деле. Сто Седьмая Рыб, так называется эта система. По всем сведениям, ингибиторы туда еще не добрались.

— Спасибо за информацию.

— Решение должно быть твоим, Скорпион. Рекомендации Ауры нам известны, но это не должно влиять на твой выбор.

— И не повлияет.

— Не забывай, что Сто Седьмая Рыб находится на окраине. Картина проникновения волков в человеческий космос далеко не полна, но будь уверен: когда ингибиторы пойдут в решающий бой, основные колонии, лежащие в пределах десятка световых лет от Земли, падут первыми. Таков метод ингибиторов — разыскать и уничтожить нервный центр. После этого волки разыщут колонии-спутники и всех, кто попытается убежать дальше в Галактику.

Скорпион пожал плечами:

— Значит, безопасного места нет?

— Безопасного нет. Но, принимая во внимание ответственность, лежащую на твоих плечах, — принимая во внимание семнадцать тысяч беженцев, которые надеются на тебя, — разумней улететь к черту на кулички, нежели нырять в гущу событий. Или у тебя на этот счет другое мнение?

— Дома у меня остались незаконченные дела, — ответил Скорпион.

— Ты не про Арарат?

— Я про Йеллоустон. Ржавый Пояс. Город Бездны и Мульчу.

Ремонтуар допил чай, с кошачьей аккуратностью вылизав последнюю каплю.

— Понимаю, у тебя сохранились эмоциональные связи с этим местом, но не следует недооценивать опасность возвращения туда. Если волки способны вести разведку, то пройдет совсем немного времени, и они определят, что Йеллоустон — один из важнейших узлов. И в списке приоритетов он займет одно из первых мест. Возможно, волки уже там, готовятся сжечь Йеллоустон жаром солнца, как было с Дельтой Павлина.

— Что ж, если ты прав, там многие нуждаются в спасении.

— Сколько бы ты ни спас, это не оправдает риск, — возразил Ремонтуар.

— Все равно попробовать стоит. — Скорпион указал на висящий за иллюминатором громадный субсветовик. — «Ностальгия» вывезла с Ресургема сто шестьдесят тысяч человек. Может, я и не слишком силен в математике, но сейчас на борту всего семнадцать тысяч. Значит, у нас полно свободного места.

— И ты готов рисковать теми, кого уже спас?

— Готов.

— Мы отогнали ингибиторов, и у тебя сейчас есть кое-какие преимущества. Их очень легко потерять.

— Знаю, — ответил Скорпион.

— Ты и собственную жизнь подвергнешь риску.

— Об этом я тоже подумал, но, черт возьми, Рем, такой довод никогда ни на что не влиял. Чем старательней ты меня отговариваешь, тем больше хочется туда полететь.

— Нужно, чтобы руководство согласилось с твоим планом.

— Кто не со мной, тот подо мной. Вот и пусть выбирают.

— А еще необходимо договориться с кораблем.

— Я скажу волшебное слово «пожалуйста», — пообещал Скорпион.

Буксиры отвели орудия класса «Ад» на безопасное расстояние от корабля. Скорпион ждал включения маршевых двигателей и выбросов яркой плазмы, но весь состав просто уплыл с ускорением прочь, словно увлекаемый невидимой рукой.

— Я не согласен с твоим решением, но уважаю тебя за него, — сказал Ремонтуар. — Чем-то ты напоминаешь Невила.

Скорпион вспомнил поразительно недолговечную скорбь Ремонтуара:

— Мне казалось, ты уже перестал о нем печалиться.

— Никто из нас не забудет Невила, — коротко ответил сочленитель. Потом снова указал на чай и спросил, заметно повеселев: — Не желаете ли еще чая, мистер Пинк?

Скорпион не знал, что и сказать на это. Посмотрев в спокойное лицо сочленителя, он пожал плечами:

— Пожалуй, мистер Клок.

Хела, год 2727-й

Генерал-полковник вел Рашмику по лабиринтам «Пресвятой Морвенны», и это явно была не экскурсия. Многократно девушка выказывала любопытство — останавливалась у окна или примечательной детали интерьера с вопросительным выражением лица, — но Грилье всякий раз вежливо подталкивал ее вперед, постукивая тростью по полу и стенам, словно хотел подчеркнуть срочность своей миссии.

«Время дорого, мисс Эльс», — говорил в таких случаях он. Или: «Мы чуточку торопимся».

— Мне бы очень помогло, если бы вы объяснили, куда мы идем, — сказала она.

— Нисколько не помогло бы, — ответил Грилье. — Как это может помочь? Куда вас ведут, туда вы и придете.

Он что-то задумал, поняла Рашмика. И эта догадка ей совсем не понравилась.

— А что случилось с «Железной Екатериной»? — Она решила не сдаваться так легко.

— Насколько мне известно, ничего, — ответил Грилье. — Вас приняла на работу церковь. Зачислила в штат одного из своих соборов, а потом перевела в другой. Только и всего. — Врач принял заговорщицкий вид, даже постучал себя пальцем по крылу носа. — Между прочим, сейчас очень трудно устроиться на «Пресвятую Морвенну». Говоря откровенно, вам здорово повезло. Все мечтают работать в старейшем соборе.

— А я слышала, «Пресвятая Морвенна» в последнее время теряет популярность, — возразила Рашмика.

Грилье оглянулся:

— Что вы имеете в виду, мисс Эльс?

— Говорят, настоятель собрался ехать по мосту.

— А если и так, что с того?

— А то, что не много найдется желающих остаться на борту. Скажите, генерал-полковник, когда мы доберемся до моста?

— Я плохо знаю здешние края.

— Но график движения вам должен быть известен.

Улыбка Грилье показалась Рашмике жуткой — как будто осклабился скелет.

— А вы не разочаровали меня, мисс Эльс.

— Это вы о чем, доктор?

— Распознаете ложь, читаете по лицам. Ведь это ваш коронный фокус? Или, правильнее сказать, самый дорогой товар?

Они остановились в том месте, где начиналось основание Часовой Башни, — так, во всяком случае, представлялось Рашмике. Врач достал ключ, вставил в скважину рядом с деревянной дверью и провел девушку в помещение, явно не предназначенное для всеобщего пользования. Вместо стен там были чугунные решетки. Грилье нажал в определенной последовательности несколько латунных кнопок, и кабина пошла вверх. Сквозь решетки Рашмика видела, как мимо скользит шахта лифта. Потом начались витражи, и по мере продвижения кабины мимо мозаичных стен свет в кабине менялся от зеленого к красному, от красного к золотому, от золотого к густо-синему; в нем короткостриженые волосы врача казались светящимися от электрических разрядов.

— Я все еще не понимаю, что происходит, — сказала она.

— Неужели боитесь?

— Чуть-чуть.

— Напрасно.

Рашмика видела, что Грилье говорит правду, по крайней мере сам так считает.

— Обращаться с вами мы будем хорошо, — продолжал он. — По-другому нельзя — вы слишком ценны.

— А если я не захочу здесь оставаться?

Грилье отвернулся от нее, взглянул в окно. Свет окрасил его профиль в цвета угасающего пламени. Сухая и мускулистая фигура врача, его бульдожье лицо чем-то напомнили циркачей, выступавших на Равнине Вигрид, — обычных старателей, кочующих с балаганом из поселка в поселок, чтобы прокормиться в трудную пору. Грилье запросто мог бы стать пожирателем огня или акробатом.

— Можете уйти, — ответил он, не оборачиваясь. — Держать вас здесь без вашего согласия нет смысла. Польза, которую вы способны принести, целиком зависит от вашей доброй воли.

Возможно, Рашмика неправильно расценила интонацию, но ей показалось, что и на этот раз Грилье сказал правду.

— Но я по-прежнему не понимаю...

— Я подготовился к нашей встрече, — сказал Грилье. — Вы редкая птица, мисс Эльс, такой дар, как у вас, встречается у одного человека из тысячи. А ваш вдобавок необыкновенно развит. Вам нет равных. Сомневаюсь, что на всей Хеле найдется человек с такими же способностями.

— Просто я вижу, когда люди врут, — сказала она.

— Вы видите не только это, мисс Эльс, — повернулся к ней Грилье с улыбкой. — Взгляните на меня. Я улыбаюсь потому, что счастлив. По-настоящему счастлив.

Она уже видела раньше эту улыбку скелета.

— Мне так не кажется.

— И вы совершенно правы. А знаете почему?

— Потому что очевидно, — ответила она.

— Но не каждому. Когда я улыбаюсь нарочно, не испытывая веселья, — вот как сейчас, — я использую только одну лицевую мышцу, зигоматикус майор. Улыбаясь же непроизвольно — что, надо признать, случается не часто, — я напрягаю не только зигоматикус майор, но и орбикуларис окули, и парс латералис. — Грилье дотронулся пальцем до виска. — Эти мышцы расположены вокруг глаз. Большинство людей не способны их напрягать по желанию. Например, я не могу. Точно так же большинство не могут остановить движение этих мышц, когда смеются от души. — Грилье вновь улыбнулся; лифт замедлял ход. — Люди в массе своей не замечают разницы. А если и замечают, то подсознательно, и эта информация теряется в других сенсорных потоках; важные сведения не находят себе применения. А вы замечаете с легкостью — как будто они напечатаны на белой бумаге огромными буквами. Вы просто не способны оставлять их без внимания.

— Я вспомнила, где видела вас, — сказала Рашмика.

— Да, я присутствовал, когда принимали на работу вашего брата. И хорошо помню, как вы возмущались, видя, что мы ему лжем.

— Значит, его заманили обманом.

— И вы всегда это знали.

Рашмика посмотрела на Грилье в упор, буквально впилась глазами:

— Вы знаете, что с Харбином?

— Да, — ответил главный врач.

За решетками кабины остановились стены лифта.

Грилье проводил Рашмику в покои настоятеля. Комнату с шестью стенами оживляло непрерывное движение зеркал. К Рашмике прыгнуло ее собственное испуганное лицо, фрагментированное, как портрет в кубистском стиле. В хаосе отражений она не сразу заметила настоятеля. Девушка оценила вид из окон (белая кривая горизонта напомнила ей о том, как мал этот мир), потом увидела скафандр — странный, неаккуратно сваренный из железа — и вспомнила, что часто видела его на символике адвентистов. По спине побежали мурашки: от одного вида этой вещи брала жуть. Казалось, скафандр излучает зло и оно невидимыми волнами разбегается по залу; а еще было ощущение чужого присутствия, словно там внутри прятался один из гостей настоятеля.

Рашмика торопливо прошла мимо скафандра. Рядом с железным сооружением ощущение присутствия усилилось, в голову девушки вонзились невидимые лучи недоброжелательности, зашарили по тайным уголкам памяти. Не в ее обычаях было так иррационально реагировать на заведомо неодушевленные предметы, но очень уж явным было воздействие заключенной в скафандре силы. Возможно, под стальной оболочкой прятался наводящий на человека тревогу механизм. Рашмике доводилось слышать о подобных устройствах; они бывали крайне полезны в некоторых сферах торговли, стимулируя участки мозга, ответственные за страх и ощущение незримого присутствия.

Решив, что загадке скафандра найдено объяснение, Рашмика слегка успокоилась. В то же время она была рада тому, что достигла другого конца зала, где находился настоятель. Поначалу ей показалось, что Куэйхи мертв. Он покоился на спине, аккуратно сложив на закрытой одеялом груди руки, как недавно усопший. Но тут грудь шевельнулась. А затем и глаза в глазницах — вечно открытые, жуткие, они подрагивали, словно высиженные яйца, из которых вот-вот вылупятся птенцы.

— Мисс Эльс, — проговорил настоятель, — надеюсь, ваше путешествие было не слишком обременительным.

Рашмике не верилось, что она стоит перед самим основателем колонии.

— Настоятель Куэйхи, — прошептала она, — я слышала... Я думала...

— Что я умер? — Голос Куэйхи был хриплым — похоже скрипит насекомое, водя ножкой о хитиновый панцирь. — Я никогда не делал тайны из того, что продолжаю жить, мисс Эльс... На протяжении всех этих лет меня регулярно видела паства.

— Но без слухов, конечно же, никак не могло обойтись, — добавил врач, роясь в медицинском чемоданчике. — Вы не показываетесь за стенами «Пресвятой Морвенны», поэтому не стоит удивляться суевериям населения.

— В последнее время я не очень-то легок на подъем. — Куэйхи указал на примостившийся между зеркалами шестиугольный столик. — Не хотите ли чая, мисс Эльс? И прошу вас, присядьте, дайте отдохнуть ногам. Нам есть о чем поговорить.

— Зачем меня привезли сюда, настоятель?

— Разве Грилье не объяснил? Я же просил вас, Грилье, ввести юную леди в курс дела. Зачем ей теряться в догадках?

Врач двинулся к настоятелю со склянкой и тампонами:

— Я слово в слово повторил мисс Эльс то, что вы просили ей передать: мы хотели бы принять ее на службу и более всего нас интересует ее способность читать микромимику.

— Что еще вы ей сказали?

— Ровным счетом ничего.

Рашмика присела и налила себе чая. Отказываться было бы нелепо. Да к тому же она вдруг почувствовала, что очень хочет пить.

— Как я догадываюсь, вам понадобилась моя помощь, — заговорила она. — Хотите применить мою способность для каких-то своих целей. Должно быть, кому-то не доверяете, и не без причины.

Девушка сделала глоток. Что бы она ни думала о хозяевах «Пресвятой Морвенны», чай был отличный.

— Я близка к истине?

— Более чем, мисс Эльс, — ответил Куэйхи. — Вы всегда так проницательны?

— Будь я достаточно проницательна, не сидела бы тут.

Склонившись над Куэйхи, Грилье промокал тампоном белки его глаз. Лица обоих мужчин в этот момент не были видны Рашмике.

— Так говорите, будто считаете, что вам не повезло, — упрекнул Куэйхи. — А ведь мы знаем, что вы очень хотели попасть на «Пресвятую Морвенну».

— Хотела — до того, как узнала, куда «Пресвятая Морвенна» направляется. Уж не сочтите мой вопрос бесцеремонным, настоятель, но сколько осталось до моста?

— Двести пятьдесят шесть километров, — ответил Куэйхи.

Рашмика позволила себе ненадолго успокоиться. И снова глотнула чая. Собор ползет как черепаха, и нет причин сейчас же бежать отсюда. Но пусть эта новость дала некоторое облегчение, рассудок нашептывал, что на самом деле дистанция слишком мала. Треть метра в секунду — не бог весть какая скорость, но в сутках очень много секунд.

— Мы будем у моста через десять дней, — добавил настоятель.

Рашмика поставила чашку на столик.

— Десять дней — небольшой срок, настоятель. Говорят, вы решили провести «Пресвятую Морвенну» по мосту через Пропасть Искупления. Это правда?

— Если Господу будет угодно.

Ничего страшнее она не могла услышать.

— Простите, настоятель, но меньше всего мне сейчас хочется покончить жизнь самоубийством.

— Никто не погибнет, — возразил Куэйхи. — Известно, что мост способен выдержать целый караван. Исследования показали, что ни при какой нагрузке он не прогибается даже на ангстрем.

— Но собор еще не проходил по мосту.

— Один раз такая попытка предпринималась, но она сорвалась из-за ошибки управления, а не из-за проблем с мостом.

— Я правильно поняла: вы надеетесь, что вам повезет больше?

— У нас лучшие специалисты на Пути. И лучший собор. Да, я уверен, что мы пройдем над Пропастью, мисс Эльс. И когда-нибудь вы похвастаетесь перед своими детьми, как же вам повезло оказаться под моим началом в столь эпохальный миг.

— От всей души надеюсь, что это и впрямь окажется везеньем.

— Грилье говорил, что вы вольны уйти в любое время?

— Да, — ответила она, помедлив.

— Я подтверждаю его слова. Вы можете покинуть нас хоть сию минуту, мисс Эльс. Допивайте чай и ступайте. Никто вас не остановит, а я договорюсь с «Екатериной», чтобы вам дали хорошую должность.

«Такую же хорошую, как моему брату?» — хотела она спросить, но сдержалась. Слишком рано выяснять судьбу Харбина. Благодаря невероятной удаче или ужасному невезению она оказалась на «Пресвятой Морвенне», в гостях у самого настоятеля, в сердце собора. Пока неизвестно, чего от нее хотят, но это, безусловно, шанс, а все испортить можно одним неосторожным вопросом. Была и другая причина, по которой Рашмике не хотелось спрашивать о Харбине: она боялась услышать ответ.

— Я остаюсь, — быстро ответила девушка. — Временно. Пока мы все не обсудим как следует.

— Весьма разумно, мисс Эльс, — похвалил Куэйхи. — А теперь не могли бы вы сделать мне небольшое одолжение?

— Смотря о чем речь.

— Я попрошу вас только посидеть здесь и выпить еще чашку чая. Сейчас в эту комнату войдет один джентльмен, и мы с ним немного поболтаем. Понаблюдайте за этим господином — аккуратно, так чтобы он не разволновался, но в то же время внимательно — и потом, когда он уйдет, расскажите мне, что увидели. Много времени это не займет, говорить, пока этот джентльмен будет здесь, вам ничего не надо. Даже будет лучше, если помолчите.

— Так я вам для этого понадобилась?

— И для этого тоже. Но мы обсудим условия вашего найма позднее. С учетом того, что вы скажете о моем госте.

— А если я ничего не смогу сказать?

— Это не экзамен, мисс Эльс. Мы уже проверили ваши способности. Вы показали отличные результаты. Просто теперь я хочу убедиться воочию. Грилье, вы уже закончили? Довольно хлопотать надо мной, как девчонка над любимой куклой.

Грилье отступил вместе с тампонами и мазями.

— Я уже закончил, — буркнул он. — Абсцесс почти закупорил слезный канал.

— Мисс Эльс, не выпьете ли еще чая, прежде чем сюда поднимется этот джентльмен?

— Спасибо, напилась, — ответила Рашмика, держа в руке пустую чашку.

— Грилье, вы свободны. Уберите свои причиндалы и позовите представителя ультра.

Генерал-полковник закрыл свой чемоданчик, кивнул на прощание Рашмике и вышел через другую дверь. Стук его трости вскоре затих.

Рашмика ждала. После ухода Грилье она чувствовала себя в присутствии Куэйхи неуютно. Не знала, о чем говорить. В ее планы никогда не входило посещение самого настоятеля. Да и с чего бы ей мечтать о встрече с этакой живой мумией? Она хотела только проникнуть в собор настоятеля и разыскать Харбина. Сказать по правде, девушка не задумывалась о том, не пойдут ли ее намерения кому-нибудь во вред. Но сам Куэйхи ее никогда не интересовал. Если церковь Первых Адвентистов и дальше будет держать в черном теле жителей планеты, это их личные трудности. Все эти люди — соучастники, такие же, как Куэйхи. И она не намерена ничего менять — если только это не потребуется для достижения цели.

Шаркая, в зал вступил приглашенный ультранавт. Рашмика следила за его появлением, помня, что ей велено держать язык за зубами. Очевидно, это относилось и к реакции на приветствие гостя.

— Прошу, триумвир, — заговорил Куэйхи, принимая вместе с койкой положение, близкое к сидячему. — Входите смело, вы среди друзей. Это Рашмика Эльс, моя помощница. А это, Рашмика, триумвир Гуро Харлейк с субсветовика «То, что пройдет», только что прибывшего с Окраины Неба.

Двигаться ультранавту помогало хитроумное красное устройство вроде экзоскелета. Кожа у него была гладкая и бледная, как у новорожденной рептилии, с тщательно вытатуированными чешуйками. Глаза частично прятались за желтыми контактными линзами с щелевыми зрачками. Светлые волосы были коротко подстрижены, модная челка лежала на лбу жесткой бахромой. Длинные зеленые ногти, на вид опасные как бритвы, постукивали о каркас двигательного приспособления.

— Мы последний корабль эвакуации, — заявил триумвир. — За нами шли другие, но им не удалось прорваться.

— Сколько систем уже захвачено? — спросил Куэйхи.

— Восемь... или девять. Может, и больше. Иная новость к нам идет десятилетия. Говорят, Земля еще не затронута, но есть подтвержденные сообщения о нападениях на Марс и Юпитерианские государства, а также на Первую Панъевропейскую Демархию и фракцию Гильгамеш—Изида. От Сиона и Проспекта никаких вестей. Говорят, что все системы рано или поздно падут. Ингибиторы доберутся до каждого из нас, это просто вопрос времени.

— В таком случае почему вы остановились здесь? — спросил настоятель. — Было бы разумнее продолжать полет, уходить от опасности.

— У нас не было выбора.

Рашмика не ожидала такой гулкости от голоса ультра.

— Мы должны были доставить пассажиров на Хелу. Важнее контракта для нас ничего нет.

— Честные ультра? Куда катится этот мир?

— Мы не кровопийцы, по крайней мере не все. Кроме того, была еще одна причина для остановки, кроме необходимости разгрузить криокапсулы. У нас неисправен щит. Необходим ремонт, иначе мы не сможем отправиться в новый межзвездный рейс.

— Небось, это недешево? — спросил Куэйхи.

Триумвир кивнул:

— Потому-то мы и ведем с вами этот разговор, настоятель Куэйхи. До нас дошел слух, что вам требуется хороший корабль. Правильно ли я понимаю: вы не чувствуете себя в безопасности?

— При чем тут мои ощущения? — проворчал настоятель. — В такие времена глупо не думать о защите своего имущества.

— Волки уже на пороге, — согласился ультра.

— Волки?

— Так сочленители прозвали машины-ингибиторы незадолго до того, как приступили к эвакуации освоенного людьми космоса. Век назад. И для нас благоразумнее всего было бы отправиться следом за ними.

— Господь не оставит нас в беде, — сказал Куэйхи. — Разве вы не верите в это? Уж всяко верят ваши пассажиры, иначе они бы не отважились на паломничество. Триумвир, эти люди чувствуют: скоро что-то случится. Серия засвидетельствованных нами исчезновений планеты Халдора является лишь

знамением, обратным отсчетом перед чем-то воистину чудесным.

— Или совершенно непоправимым, — вздохнул ультра. — Настоятель, мы, ультра, здесь не для того, чтобы интерпретировать аномальное астрономическое явление. Мы стойкие позитивисты: верим только в свой корабль и в текущие расходы. И нам очень нужен новый щит. Каковы ваши условия?

— Вы поставите корабль на низкую орбиту Хелы. Ваше оружие проверят, оценят его боевую мощь. Одно из обязательных условий контракта — присутствие на борту небольшой группы священников-адвентистов. Главный калибр и все прочее вооружение вашего корабля будут находиться под их полным контролем. И не вы, а наши люди будут решать, кто или что представляет угрозу для безопасности Хелы. Притом они ни в коей мере не станут для вас обузой. И ваша позиция — позиция официальных защитников колонии — даст вам несомненное преимущество в торговых сделках. — Куэйхи махнул рукой, словно отгоняя надоедливое насекомое. — Если правильно разыграете свои карты, то увезете отсюда не только новый щит.

— Что ж, весьма заманчивое предложение... — Ультра постучал ногтями по нагруднику экзоскелета. — Но приходится учитывать риск, который возникнет, когда мы подведем корабль вплотную к Хеле. Все помнят, что случилось с... — Ультра помедлил. — С «Гностическим восхождением».

— Именно поэтому мы так щедры.

— А эти представители церкви Первых Адвентистов? Вам известно, что не в наших правилах пускать на борт посторонних? Пожалуй, можно сделать исключение для пары-тройки ваших людей, но только выбранных нами и прошедших тщательный досмотр...

— Эта часть сделки не обсуждается! — оборвал Куэйхи. — Извините, триумвир, но проблема сводится к очень простому вопросу: насколько сильно вы хотите получить щит?

— Нам нужно все обдумать, — ответил ультра.

Чуть позже Куэйхи попросил Рашмику поделиться результатами наблюдений. Она рассказала лишь о том, в чем была уверена, умолчав о догадках.

— Он говорил то, что думал, — сказала девушка, — но до тех пор, пока речь не зашла об оружии. В этот момент он ре-

шил что-то скрыть. Выражение лица изменилось, хоть и всего на секунду. Не возьмусь этого выразить в терминах, но...

— Возможно, это сокращение зигоматикус майор, — перебил Грилье, который сидел, сплетя пальцы перед лицом. За время своего отсутствия он успел сменить скафандр на простой серый балахон адвентиста. — Одновременно углубление уголков рта из-за напряжения ризориуса. И небольшое сгибание менталиса, подбородочной мышцы.

— И вы все это видели, уважаемый генерал-полковник? — удивилась Рашмика.

— Только просматривая запись в замедленном режиме и применяя скучную и не вполне надежную методику анализа лицевой мимики. В реальном времени мне это не по силам. Чтобы читать невооруженным глазом, интуитивно, как это делаете вы, нужно быть уникумом.

— Харлейк что-то скрывает, — повторила девушка. — Если бы вы попробовали надавить, он бы солгал вам прямо в лицо.

— Значит, его грозное оружие — одна видимость, — задумчиво проговорил Куэйхи.

— Тогда от этих ультра никакой пользы, — сделал вывод Грилье. — Можно о них забыть.

— Оставим их на всякий случай. Главное — корабль, а оружие можно купить отдельно.

Грилье взглянул сквозь переплетенные пальцы на хозяина:

— Разве без оружия корабль чего-то стоит?

— Может, и стоит. — Казалось, Куэйхи раздражает упрямство врача. — В любом случае у нас есть другие кандидаты. Внизу, в соборе, ждут еще двое. Рашмика, могу ли я рассчитывать на ваше дальнейшее присутствие?

Девушка налила себе еще чая.

— Зовите следующего, — сказала она. — Все равно мне больше нечем заняться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Межзвездное пространство, близ р Эридана 40, год 2675-й

Скорпион часами ходил по субсветовику. На верхних уровнях, где регистрировали недавно прибывших, все еще царил хаос. Ниже в некоторых местах тоже обнаружился небольшой

беспорядок. Но «Ностальгия по бесконечности» была очень большим кораблем, и присутствие семнадцати тысяч беженцев становилось практически незаметным, когда свинья покидал оцепленные охраной зоны. Дальше лежали бесконечные пустые коридоры и отсеки, в них гуляло эхо. Они ничуть не изменились, словно сюда прибыли не беженцы, а незримые духи.

Но даже вдали от зон регистрации корабль не был совершенно необитаем. Скорпион остановился у окошка в стене глубокой вертикальной шахты. Ее интерьер тонул в розовом свете, элементы металлической конструкции были окрашены в оттенки розового. Предназначение этой конструкции было непонятно Скорпиону. И в то же время она о чем-то настойчиво напоминала — возможно, о деревьях, увиденных в зале с ручьем. Только здешнее «дерево» состояло из великого множества похожих на клинки деталей, тонкие, как фольга, «листья» окружали по спиралям узкий «ствол», а тот проходил по всей длине шахты. Слишком много мелких деталей и геометрических форм; слишком далеки перспективы. От одного взгляда на древовидную структуру у Скорпиона заболела голова, словно это было оружие, созданное специально, чтобы разрушать восприятие.

В «листве» черными жуками копошились сервороботы, их движения были расчетливы и осторожны; на безопасных расстояниях от хрупких изгибов формирующейся структуры висели человеческие фигуры в черном. Сервороботы подносили на спинах детали из фольги, аккуратно вставляли их в проделанные точной техникой отверстия. Люди — а это были сочленители — просто свисали на ремнях, не занятые ничем, кроме наблюдения за роботами. Но они, несомненно, управляли процессом, по крайней мере на фундаментальном уровне: их внимание было полностью сосредоточено, мозг работал в многозадачном режиме, мыслительные процессы шли параллельно.

Здесь трудилась только часть присланных Ремонтуаром сочленителей. Всего их было до сотни, и они казались Скорпиону сошедшими с одного конвейера. Имелись небольшие различия в цвете кожи, строении скелета и половых признаках, однако общего впечатления это не меняло. У каждого наличествовал гребень, и каждый принадлежал к поколению Скади,

наиболее современному и развитому. Сочленители не разговаривали друг с другом и чувствовали себя очень неуютно, когда к ним обращались люди, не принадлежащие к фракции сочленителей. Они запинались и допускали элементарные ошибки в произношении и грамматике, постыдные даже для свиньи. Насколько понимал Скорпион, эти сочленители контактировали на неязыковом уровне. Для них общение при помощи слов, даже ускоренное прямым соединением разумов, было примитивным, как связь при помощи сигнальных костров. Рядом с ними Клавэйн и Ремонтуар казались выходцами из каменного века. Должно быть, даже Скади испытывала смущение среди этих быстрых и ловких новых существ.

«Если удастся одолеть волков, — подумал Скорпион, — только эти сочленители смогут отпраздновать победу, а больше никто не доживет. Так стоит ли за это сражаться?»

Ответить на этот вопрос было непросто.

Кроме необычной молчаливости, скупости движений и полного бесстрастия, Скорпиона поражала та молниеносная быстрота и легкость, с которой эти сочленители перешли под команду Ремонтуара. В какой-то миг они поняли, что их подчинение Скади было ошибкой. По словам этих людей, они шли путем наименьшего сопротивления, веря, что на нем принесут наибольшую пользу Материнскому Гнезду. В какой-то момент на этом пути они повстречали Скади и сочли целесообразным сотрудничество с ней. Теперь же для них целесообразнее идти с Ремонтуаром. Скорпион мог лишь догадываться, насколько их решение обусловлено логикой обстоятельств, а насколько — традициями Гнезда. Галиана и Клавэйн мертвы, и Ремонтуар, возможно, старейший из живых сочленителей.

У Скорпиона не оставалось другого выхода, как допустить сочленителей на борт. Они не останутся на корабле навсегда; через восемь дней, не больше, им придется улететь, если они хотят вернуться на «Свет Зодиака» и другие свои корабли. Многие уже улетели, и сейчас на борту «Ностальгии» меньше сочленителей, чем было вначале.

Сочленители помогли восстановить нанотехнологические фабрики, устойчивые к плавящей чуме и способные функционировать даже в отравленной атмосфере «Ностальгии». Получив чертежи и сырье, эти конвейеры примутся производить новехонькие устройства, в основном продукцию инопланет-

ных технологий. По другим чертежам изготовленные детали будут собраны в нечто большее — и по-прежнему непонятное для Скорпиона.

Эти устройства монтировались и непрерывно росли внутри эвакуационных шахт, тянущихся по всей протяженности «Ностальгии по бесконечности», принимая вид то ли головокружительно сложных турбин, то ли молекул инопланетной ДНК. И все это называлось гипометрическим оружием. Капитан терпел это строительство, возможно, понимая роль новой техники, хотя мог в любой момент положить ему конец, изменив свою внутреннюю архитектуру, разрушив шахты и заставив бесследно исчезнуть уже созданное.

А где-то сочленители пробирались вдоль обшивки «Ностальгии», устанавливая сеть криоарифметических двигателей. Совсем миниатюрное, с человеческий кулак, это устройство представляло собой зияющую рану на теле классической термодинамики. Скорпион вспомнил, что случилось с корветом Скади, когда забарахлили ее криоарифметические двигатели. Начало неконтролируемого охлаждения ознаменовалось появлением крохотных, не больше снежинки, кристалликов льда. Но эти льдинки постоянно росли, ведь обезумевшие двигатели замкнулись на спиральных петлях обратной связи, с каждым новым вычислительным циклом уничтожая новую порцию окружающего тепла, холодом порождая холод. В космосе корабль просто остыл бы до температуры, на бесконечно малую долю отличной от абсолютного нуля. На Арарате же, посреди океана, корвет вырастил вокруг себя айсберг.

Еще одна бригада проникла в штатные двигатели субсветовика, чтобы произвести в их ядре тончайшую настройку критических. Некоторым сочленителям досталась работа на корпусе; они пристегнулись к образовавшимся в процессе капитанских метаморфоз диковинным наростам, чтобы установить дополнительное оружие и средства защиты. А кто-то в самых недрах корабля, вдали от центров деятельности, монтировал системы подавления инерции, испытанные в рейсе «Света Зодиака» от Йеллоустона к Ресургему. Скорпион знал: это тоже инопланетная технология, но она получена без посредства Ауры. Плохо, что до сих пор не удалось добиться ее абсолютно надежной работы, хотя Аура помогла усовершенствовать это новое оборудование и снизить степень риска. В отчаян-

ной гонке Скади применила подавление инерции, чтобы превысить световой барьер, и это обернулось катастрофой. О новой попытке разогнаться речи не шло — среди даров Ауры не было технологий сверхсветового разгона.

Скорпион понаблюдал, как сервороботы устанавливали очередной лепесток. Еще несколько дней назад ему казалось, что конструкция готова, но с тех пор она выросла втрое, приобретя совсем уж ажурный и хрупкий вид. Подумав о том, как эта машина будет выглядеть в законченном виде, а главное, как она будет работать, Скорпион с тяжким предчувствием отвернулся от окна.

— Скорп.

Он не ожидал, что к нему кто-то подойдет, и удивился, услышав здесь свое имя. Еще больше он удивился тому, что это оказался Малинин.

— Васко, — с усилием улыбнулся свинья, — что ты здесь делаешь?

— Я искал вас, — ответил Васко.

На Малинине была новенькая, еще жесткая форма Сил безопасности. Даже ботинки были начищены — чудо на борту «Ностальгии по бесконечности».

— Вот и нашел.

— Мне сказали, что вы где-то внизу. — Профиль Васко был озарен светом, льющимся из шахты с гипометрическим оружием. При таком освещении он выглядел одновременно очень юным и очень мрачным. — Интересная штуковина...

— Надеюсь, она годится не только для любования.

— Вы неисправимый скептик.

— Кто-то и скептиком должен быть.

Внезапно Скорпион понял, что Васко пришел не один. Позади парня маячила какая-то фигура. В скудном свете рассмотреть ее не удавалось, а ведь еще несколько лет назад свинья довольно сносно видел в темноте.

Он прищурился:

— Ана?

Хоури вышла на свет. На ней была теплая куртка, перчатки, высоченные сапоги — гораздо грязнее, чем у Васко; она прижимала к груди что-то закутанное в стеганое серебристое одеяло.

— Это Аура? — спросил Скорпион с легким волнением.

— Она уже может обходиться без инкубатора, — ответила Хоури.

— Допустим, может, но...

— Доктор Валенсин сказал, что инкубатор тормозит ее развитие. От него теперь больше вреда, чем пользы. Скорп, она уже достаточно окрепла, чтобы находиться на воздухе. — Хоури приблизила лицо к открытой стороне свертка, ее взгляд встретился со взглядом дочери. — Она мне сказала, что не хочет больше там лежать.

— Надеюсь, Валенсин знает, что делает.

— Знает, Скорпион. И, что более важно, это знает Аура.

— Она всего лишь ребенок, — возразил Скорпион, стараясь не повышать голос.

Хоури шагнула вперед и протянула ему сверток:

— На, держи.

Скорпион хотел отказаться, и не потому, что не доверял себе. Просто держать в руках такую драгоценность — ребенка, и не просто ребенка, а Ауру — слишком большая ответственность. Была еще одна причина: внутренний голос твердил, что ему не следует вступать в физический контакт с Аурой. Другой голос, более тихий, говорил, что он уже связан с Аурой кровью. Причинить больше вреда, чем уже сделано, Скорпион не сможет.

Скорпион взял Ауру на руки и прижал к груди, несильно, просто чтобы удерживать ее понадежнее. Поразительно, но эта девочка — их достояние, ради которого они пожертвовали своим вождем, — была легка как пушинка.

— Скорпион.

Это сказала не Хоури. Это вообще не был голос взрослого человека; это даже не был голос ребенка. Это было хриплое бульканье, в котором голос едва различался, и свое имя свинья скорее угадал, чем услышал.

Аура смотрела на него узкими щелками глаз — веки у нее еще не расклеились. На губах малышки надулся и лопнул пузырь.

— Разве она может выговорить мое имя? — изумился Скорпион.

— Могу, — ответила Аура.

У него возникло сильнейшее желание отбросить сверток. Как можно такое держать в руках? И как оно вообще может существовать на свете? Но постыдный соблазн прошел так же

мгновенно, как возник. Скорпион оторвал взгляд от розового личика и взглянул на мать.

— Она меня даже не видит, — сказал он.

— Да, Скорп, — кивнула Хоури, — она не видит. Ее глаза еще не развились. Но я тебя вижу, и этого достаточно.

День и ночь по поручению Скорпиона техники устанавливали по всему кораблю следящее оборудование. Они приклеивали к стенам и потолку новенькие микрофоны и барометры, потом разматывали километры кабеля, проводя его сквозь естественные тоннели в теле капитана, разветвляя и собирая в толстые магистрали, несущие информацию в центры ее обработки. Они испытывали оборудование, простукивали перекрытия и стены, открывали и закрывали герметичные двери, создавая внезапный ток воздуха из одной части корабля в другую.

Капитан терпел их присутствие и даже, казалось, пытался облегчить работу. Но по всей видимости, ему не всегда удавалось полностью контролировать процесс своего внутреннего переустройства. Волоконно-оптические линии то и дело рвались; микрофоны и барометры поглощала обшивка, и приходилось делать новые. Техперсонал воспринимал это стоически: возвращался в глубины корабля и прокладывал новые провода, иногда по три или четыре раза, пока не находил лучший, наименее уязвимый маршрут.

Чего техники не делали, так это не задавали лишних вопросов. Скорпион доходчиво объяснил им, что конечная цель работы их интересовать не должна и допытываться у него бесполезно. По крайней мере, до тех пор, пока техники не обеспечат необходимую безопасность, устранив тем самым причину, по которой их призвали.

Сам Скорпион прекрасно знал, что это за причина, и, думая о будущем, он завидовал неосведомленности техников.

Хела, год 2727-й

Переговоры с ультра продолжались. Рашмика присутствовала на всех встречах, и ее задачей было наблюдать. Она пила чай, смотрела, как колеблется в зеркалах ее отражение, и ду-

мала о том, что с каждым часом более чем на километр приближается к Пропасти Искупления. Впрочем, у Куэйхи в покоях не было часов, так что объективно судить о продвижении собора она не могла.

После каждого торга она рассказывала настоятелю о замеченном, стараясь быть беспристрастной, ничего лишнего не акцентировать и не забывать ни о чем сколько-нибудь важном. К концу третьей встречи она уже понимала, что происходит. Куэйхи хотел, чтобы кто-нибудь из ультра привел свой корабль на низкую орбиту Хелы для охраны церкви.

Чего или кого боялся старик, она так и не поняла. Куэйхи говорил ультранавтам, что опасается других звездных кораблей, что недавно раскрыл план захвата власти на Хеле, что кто-то посягает на право адвентистов торговать реликвиями вертунов. И если на орбите появится хорошо вооруженный субсветовик, недруги поостерегутся вмешиваться во внутренние дела Хелы. Напротив, ультра, согласившись встать на сторону настоятеля, получат торговые преференции, компенсацию за рискованное пребывание корабля вблизи планеты, уничтожившей «Гностическое восхождение». Рашмика чувствовала волнение ультра: они прилетали на Хелу на шаттлах, оставив субсветовики в безопасном отдалении, на окраинах системы; никто из них не хотел провести на «Пресвятой Морвенне» ни одной лишней секунды.

Вместе с тем Рашмика ясно видела, что в планы Куэйхи входит не только обеспечение защиты. Настоятель что-то скрывал. Это не бросалось в глаза, не читалось на лице. Мимика этого человека почти не поддавалась расшифровке. И дело было не только в механическом фиксаторе глаз, конечно скрывавшем большинство движений лицевых мышц, а в полном их онемении, словно подходящие к ним нервы были ампутированы или вытравлены. Глядя на Куэйхи, она видела пустоту. Вернее, мимика была, но утрированная, натужная, словно настоятель управлял своим лицом, точно куклой-перчаткой. «Какая ирония, — думала она, — читать по чужим лицам для человека, чье собственное лицо для тебя непроницаемо».

Наконец все запланированные на этот день встречи закончились. Рашмика снова рассказала Куэйхи о том, что ей удалось, и он внимательно выслушал. Понять, о чем думал и догадывался сам Куэйхи, было невозможно, но он не подвергал

сомнению ее выводы. Куэйхи вяло кивал и под конец сказал, что мисс Эльс ему очень помогла.

Другие ультра еще не прибыли для переговоров, но и тех, что побывали здесь, для одного дня было более чем достаточно.

— Можете быть свободны, мисс Эльс. Вы вольны покинуть наш собор, но хочу сказать, что сегодня вы оказали мне большую услугу, и я распоряжусь вознаградить вас должным образом. Я уже обещал позаботиться, чтобы на «Железной Екатерине» для вас подыскали хорошее место?

— Обещали, настоятель.

— Так что решать вам. Или можете возвратиться на Равнину Вигрид. Там у вас осталась семья, насколько я знаю?

— Да, — кивнула Рашмика, но стоило слову сорваться с ее губ, как семья показалась ужасно далекой и забытой; абстрактное понятие, знакомое разве что понаслышке.

Она помнила свой дом, лица и голоса родителей, однако эти воспоминания успели истончиться, образы сделались едва видимыми, точно силуэты за окном.

— Вы вернетесь не с пустыми руками — я выплачу приличную сумму — скажем, пять тысяч экю. Что скажете?

— Вы очень щедры, — пробормотала она.

— А вот другой вариант — на мой взгляд, предпочтительный. Вы остаетесь на «Пресвятой Морвенне» и помогаете мне в переговорах с ультра. Я буду платить две тысячи экю за каждый день работы. Когда доберемся до моста, вы сможете уехать домой с суммой, вдвое превышающей заработанную сегодня. А не захотите уезжать — в соборе для вас всегда найдется работа. Подумайте, сколько вы сможете выручить за год службы.

— Вряд ли я заслуживаю такую высокую плату, — ответила она.

— Заслуживаете, мисс Эльс. Разве вы не слышали, что сказал Грилье? Одна на тысячу. А скорее всего, с вашей остротой восприятия — одна на миллион. По-моему, любой бы согласился платить такой, как вы, две тысячи в день.

— А если я дам маху? — спросила она. — Если мои выводы окажутся неверными? Я же человек, а человеку свойственно ошибаться.

— Вы не ошибетесь, — ответил Куэйхи с пугающей уверенностью. — Я, Рашмика, верю в две вещи, кроме нашего Господа Бога. И одна из этих вещей — ваш талант. В мой собор вас

привела вера. Вы, без преувеличения, дар Божий. И я бы сделал непростительную глупость, отказавшись от него.

— Мне вовсе не кажется, что я дар, — возразила она.

— И кем же вы себе кажетесь?

«Ангелом мести», — хотела ответить она. Но вместо того сказала:

— Девчонкой, которая забралась очень далеко от дома, страшно устала и не знает, что делать дальше.

— Оставайтесь со мной. Вот увидите, все будет хорошо. Если вам что-то не понравится, никто вас удерживать не станет.

— Я могу вам верить, настоятель?

— Бог свидетель.

Но определить, лжет он или нет, Рашмике не удалось. Позади Куэйхи, хрустнув коленями, поднялся Грилье и взъерошил ослепительно-белый ежик своих волос.

— Позвольте, я покажу вашу комнату, — сказал врач. — Как я понял, вы решили остаться?

— На время, — ответила Рашмика.

— Отличный выбор. Уверен, вам здесь понравится. Настоятель прав: вы попали к нам поистине в историческое время. — Грилье протянул руку. — Добро пожаловать на борт.

— И это все? — спросила Рашмика, пожимая его кисть. — Никаких формальностей? Не будет обряда посвящения?

— Для вас — не будет, — ответил Грилье. — Вы уникальный специалист, мисс Эльс, впрочем и я тоже. Мы не собираемся туманить ваш разум всякой религиозной чепухой... Правильно я говорю?

Рашмика взглянула на Куэйхи. На его лице с распяленными железом глазами, как и раньше, ничего нельзя было прочитать.

— Пожалуй, в этом нет необходимости.

— И еще один нюанс, — сказал Грилье. — Если не возражаете, я возьму у вас образец крови.

— Крови? — Рашмика вдруг похолодела.

Грилье кивнул:

— Исключительно в медицинских целях. В наше время развелось столько зловредных микробов, в особенности на Гирроккине и Вигриде. Но волноваться не стоит. — Грилье шагнул к медицинскому чемоданчику. — Разве что самую чуточку.

Межзвездное пространство, близ р Эридана 40,
год 2675-й

В космосе вокруг Арарата бушевала энергия. Скорпион наблюдал за далеким сражением из «Паука», удобно устроившись в кресле с плюшевой обивкой.

Алые огненные цветы распускались и увядали за несколько секунд. Фейерверк полыхал в небольшом сферическом объеме, центром которого была планета. Вокруг этого шара царила непроглядная тьма. Медленное разгорание и угасание, приятное непостоянство вспышек воскрешали в памяти — возможно, очень далекой, наследственной — образы морских животных: общаясь между собой в немыслимых глубинах, они стреляли друг в друга порциями биолюминесцентной массы. Не битва, а редкая встреча единомышленников, торжество в честь жизни, которая ухитряется существовать даже во мгле и стуже океанских глубин.

На начальном этапе космической войны близ р Эридана противоборствующие стороны соблюдали максимальную скрытность. И люди, и ингибиторы старались применять двигатели, приборы и оружие, не излучавшие никаких энергий; в самом крайнем случае излучение было рассчитано на слепые пятна известных датчиков. Ремонтуар это сравнил с поединком, когда бойцы бесшумно движутся в абсолютно темной комнате и разят практически наугад. Когда один из противников получал рану, он не выдавал себя даже возгласом, не пытался воспрепятствовать продвижению клинка в своем теле и не силился остановить кровотечение. Второй же боец спешил как можно быстрее выдернуть меч, чтобы не обнаружить свое местонахождение. Неплохая аналогия, вот только комната протяженностью в световой год, и сражаются не мечники, а космические корабли и машины-волки, и оружие с каждым новым выпадом или отражением атаки увеличивает свою силу и дальнобойность. Корпуса кораблей становятся все холоднее, чтобы не выделяться на температурном фоне космического пространства; скрываются выбросы двигателей; оружие незамеченным проницает тьму и убивает расчетливо и осторожно.

Однако наступал момент, когда та или другая противоборствующая сторона отказывалась от маскировки. Едва принималось такое решение, противник делал то же самое. Сраже-

ние переходило в принципиально иную стадию, оружие не пряталось, ресурсы тратились безрассудно, в огромных количествах.

Глядя из капсулы наблюдения на битву, Скорпион вспоминал слова Клавэйна о далеких войнах: битва прекрасна, если тебе посчастливилось не быть ее участником. Битва — это гром и ярость, цвет и движение; это массированная атака на все органы чувств. Битва бравурна и театральна, от ее вида захватывает дух. Битва драматична и романтична, но только если ты зритель. «Однако мы, экипаж „Ностальгии", тоже участники этой битвы, — напомнил себе Скорпион. — Мы пока не сражаемся, но наша судьба целиком зависит от исхода сражения». Более того, Скорпион несет личную ответственность за этот исход. Он не отдал все орудия с тайного склада, которые просил Ремонтуар. И потому тот не мог гарантировать, что операция прикрытия пройдет успешно.

Просигналила панель — через «Ностальгию по бесконечности» промчалась необычная гравитационная волна.

— Это она, — тихо, деловито произнес Васко. — Последняя пушка класса «Ад», если мы не сбились в счете.

— Ремонтуар не собирался пустить их в дело все сразу, — заметила Хоури.

Она тоже была тут, в капсуле, сидела с Аурой на коленях.

— Похоже, что-то не так.

— Поживем — увидим, — сказал Скорпион. — Возможно, Ремонтуар придумал новую стратегию, более выигрышную.

Они увидели луч неизвестной природы; испуская в стороны зримый даже в вакууме свет, тот с элегантной медлительностью продвигался в боевом пространстве. Было нечто непристойное в том, как этот кровавый язык тянулся к одному из крупных соединений волков. Скорпиону не хотелось думать о том, насколько ярок этот луч вблизи, если он виден даже без оптики или усилителей интенсивности света. Свинья погасил все лампы в ремонтной капсуле, притушил навигационные приборы, чтобы лучше видеть бой. Насчет излучения двигателей можно было не беспокоиться, оно надежно экранировалось.

«Паук» вздрогнул, что-то отделилось от субсветовика. Скорпион приучил себя не вздрагивать в подобных случаях. Он дождался, пока капсула не переориентируется и не выберет путь

к новому месту стоянки, куда и двинется с неторопливостью и осторожностью тарантула, управляемая древним алгоритмом ухода от столкновений.

Хоури смотрела в иллюминатор на нижнюю половину корабля, держа Ауру так, чтобы и та могла видеть своими щелочками.

— Странный участок, — сказала Ана. — Кто это постарался, море или капитан?

— Думаю, море, — ответил Скорпион. — Хотя не могу ручаться, что тут потрудились жонглеры. Экологическая система на Арарате очень сложна, она состоит не только из жонглеров, как и на любой акваланете.

— Почему вы говорите шепотом? — спросил Васко. — Мы же снаружи — разве он может нас услышать?

— Я говорю шепотом потому, что это прекрасное и удивительное зрелище, — ответил Скорпион. — Вдобавок голова болит. С нами, свиньями, такое бывает. Говорят, череп маловат для мозга, и с возрастом становится все хуже. Из-за давления на зрительные нервы развивается слепота, если только возрастные изменения не приканчивают тебя раньше. — Он улыбнулся, глядя в темноту. — Приятная перспектива?

— Я просто спросил.

— Ты не ответил на вопрос, — сказала Хоури. — Он слышит нас?

— Джон? — переспросил Скорпион. — Не знаю. Я лично считаю, что у него есть право сомневаться. Так что будем вежливыми.

— С каких это пор ты стал вежливым? — спросила Хоури.

— Я над этим работаю.

Аура булькнула горлом.

Опоры капсулы напряглись и согнулись, она прижалась к корпусу, осторожно стукнув о поверхность корабля. Капсула висела под плоским торцом огромного субсветовика, которым тот еще недавно опирался на дно океана. Повсюду вокруг простирались окрашенные в пастельные тона сложные коралловидные образования. Некоторые серо-зеленые выступы были величиной с шаттл: целый лес кривых каменных пальцев. Все это наросло за двадцать три года пребывания корабля на Арарате, чтобы разительно контрастировать с побочными эффектами «эволюции» капитана Бреннигена, обусловленной пла-

вящей чумой. Наросты пережили и буксировку «Ностальгии» в открытое море, и взлет с Арарата, и столкновение с волками. Несомненно, капитан Джон Бренниген смог бы избавиться от этих псевдокораллов — когда-то он даже полностью изменил форму кормы, чтобы сделать возможной посадку в океан. Корабль был целиком во власти капитана и, даже более того, олицетворял его психику. Это был монумент, изваянный виной, ужасом и жаждой искупления.

Однако на корме не было и следа трансформаций. Наверное, капитан предпочел сохранить эти наросты, следы умершей морской фауны, как Скорпион оставил шрам у себя на плече, срезав вытатуированного скорпиона. Иначе вместе с этим шрамом свинья стер бы часть того, что делало его Скорпионом.

Арарат изменил капитана. Скорпион это знал, и сам Бренниген, несомненно, тоже. Но что именно стало иным? «Придется нам в скором времени подвергнуть его обследованию», — подумал свинья.

Скорпион уже приготовил все необходимое. В его кармане лежала пригоршня ярко-красного порошка.

Васко повернулся, скрипнув новенькой портупеей.

— Да, вежливое обхождение с капитаном стоит дорого, — сказал он. — С другой стороны, без его согласия здесь ничего не происходит. Думаю, мы все отдаем себе в этом отчет.

— Так говоришь, словно кто-то решил помериться с капитаном силами, — проворчал Скорпион.

Все это время он продолжал следить за удлиняющимся лучом орудия класса «Ад» — яркой чертой, пересекающей сферу военных действий. К этому времени луч вконец истончился. Там, куда приходился удар пушки, оставался только гаснущий пепел уничтоженной материи. Это оружие было одноразового действия: выстрелил и выбросил.

— А вы полагаете, в этом нет необходимости? — спросил Васко.

— Я оптимист. Надеюсь, что меня окружают здравомыслящие люди.

— Вы победили в торге за орудия класса «Ад», — продолжал Васко. — Часть забрал Ремонтуар, но часть осталась на «Ностальгии». Меня это не удивляет: кораблю спокойнее с такими пушками, чем без них. Но мы по-прежнему не знаем, как следовало поступить. Что будет в следующий раз?

— В следующий раз? Я не предвижу никаких споров.

Но он кривил душой. Ремонтуар и Антуанетта улетели, и Скорпион чувствовал, что остался один. Вчера Ремонтуар забрал часть сервороботов, оборудования и пушек с тайного склада. Взамен на «Ностальгии» появились новые фабрики и та блестящая штуковина, за сборкой которой в шахте наблюдал Скорпион. Ремонтуар объяснил, что оружие и механизмы едва испытаны. Перед применением эту технику необходимо тщательно настроить, насчет чего сочленители перед отлетом оставили подробные инструкции. Их техники не могли остаться на «Ностальгии» и заняться отладкой, в противном случае их маленькие корабли не смогли бы вернуться к Арарату, чтобы воссоединиться с основной боевой группировкой. Несмотря на широкое применение систем подавления инерции, сочленители по-прежнему сильно зависели от запасов топлива и допустимых пределов приращения скорости. Законы физики все еще действовали. И вовсе не собственное выживание заботило сочленителей, а польза, которую они еще могли принести Материнскому Гнезду. Поэтому они улетели, забрав с собой единственного человека, который, по мнению Скорпиона, посмел бы противостоять Ауре, если бы того потребовали обстоятельства.

«Единственный, если не считать меня», — подумал Скорпион.

— По крайней мере один спор нас ожидает в самом ближайшем будущем, — сказал Васко.

— Будь добр, объясни.

— Нам нужно решить, куда мы летим — в дальний космос, к Хеле, или назад, на Йеллоустон. И всем нам известно ваше мнение.

— Ого! Уже «всем нам»?

— Вы в меньшинстве, Скорп. И это просто констатация факта.

— Нет необходимости в конфронтации, — тихо, примирительным тоном проговорила Хоури. — Аура располагает особой информацией, и к ее словам нужно отнестись серьезно. Васко имеет в виду, что так считает большинство руководителей.

— Но это не означает, что они рассуждают правильно. Это не означает, что мы, если доберемся до Хелы, найдем там что-то полезное, — возразил Скорпион.

— В той системе наверняка что-то есть, — сказал Васко. — Исчезновения Халдоры наверняка что-то означают.

— Они означают массовый психоз, — сказал Скорпион. — Они означают, что отчаявшимся людям мерещится всякая чепуха. Считаешь, на этой планете есть что-то стоящее? Отлично. Отправляйся и проверь. И объясни мне, почему тамошним обитателям не было от этого никакого проку.

— Их называют вертунами, — заметил Васко.

— Мне плевать, как их называют. Их взяли и уничтожили, к такой-то матери. Неужели ты не способен сделать из этого элементарный вывод? Неужели тебе непонятно: будь в той системе что-то действительно полезное, они бы воспользовались этим, и спаслись, и сейчас были бы живы?

— А если этим воспользоваться не так-то просто? — спросил Васко.

— Ты хочешь слететь туда и выяснить, чем же это так нелегко воспользоваться, даже когда альтернатива — полное истребление? Да ради бога, отправляйся. Пришлешь мне открытку. Я буду неподалеку, в двадцати световых годах.

— Вы боитесь, Скорпион? — спросил Васко.

— Не боюсь, — ответил свинья, удивившись своему спокойствию. — Просто стараюсь быть разумным. Есть разница. В один прекрасный день ты ее увидишь.

— Не побывав на Хеле, мы никогда не узнаем, что там происходит, — сказала Хоури. — Вот о чем говорит Васко. Сейчас нам почти ничего не известно об этой планете и о населявших ее вертунах. Церкви не позволяют научным экспедициям даже приблизиться к этой системе. Ученым, которых не контролируют попы, вход туда заказан. Ультра не суют нос слишком глубоко, поскольку торговля бесполезными артефактами дает им неплохую прибыль. Но мы должны выяснить как можно больше.

— Больше, — повторила за матерью Аура и засмеялась.

— Если она считает необходимым лететь туда, то почему не объяснит зачем? — Скорпион кивнул на молочно-серый сверток с ребенком. — Что же там прячется такое, без чего нам не обойтись?

— Она не скажет, — ответила Хоури.

— Не скажет сейчас? Или вообще никогда?

— Ни то ни другое, Скорп. Просто ей пока неизвестно, что находится на Хеле. А что будет потом — кто знает?

— Не понимаю, — вздохнул Скорпион.

— Повторю слова доктора Валенсина. Он каждый день осматривает Ауру, и каждый день ему кажется, что она находится на другой стадии развития. Нормальные дети не появляются на свет в ее возрасте. Не говорят и даже не дышат. Иногда у нее речь трехлетнего ребенка, иногда хуже, чем у годовалого. Доктор видел, как меняется структура ее мозга: новые конфигурации приходят и уходят, словно облака. Вот мы, Скорп, тут разговариваем, а она в это время меняется. Это происходит постоянно. У нее голова как плавильная печь. Можно ли ждать от этого ребенка четкого объяснения, зачем нам нужно лететь на Хелу? Все равно что спрашивать, зачем людям еда. Любой малыш скажет тебе: еда нужна, потому что хочется есть, вот и все.

— Как понимать твое «а потом — кто знает»?

— Понимай так, что ответ есть, — проговорила Хоури. — Есть ответы на все вопросы, по крайней мере на все те, которые нам следовало бы задать, чтобы принять решение. Но они зашифрованы. Они слишком тщательно скрыты, чтобы их мог добыть и прочитать разум ребенка, даже через два или три года. Смысл подобных вещей не откроется Ауре, пока она не подрастет.

— Ты взрослая, — сказал Скорпион, — и можешь читать у нее в голове. Вот и найди ответы.

— Все не так просто. Я понимаю только то, что понимает она. В основном получаю от нее детские представления о разных вещах. Простые, кристально чистые, яркие. В основных цветах спектра.

В полумраке Скорпион увидел, как сверкнула улыбка Хоури.

— Тебе бы стоило посмотреть на краски, какими их видит ребенок.

— Да я вообще не очень хорошо различаю цвета.

— Можешь хоть на минуту забыть о том, что ты свинья? — спросила Хоури. — Избавься от привычки все сводить к этой разнице, и тебе наверняка полегчает.

— Для меня эта разница важна. Извини, если обидел.

Он услышал вздох Хоури.

— Я просто хочу сказать, Скорп, что мы никогда не поймем, чем важна Хела, если не побываем на ней. И сделать это надо тихо и скрытно, а не с оружием наперевес. Следует разобраться, что именно нам требуется, прежде чем от нас спросят

за это высокую цену. И взять это необходимое лучше с первой попытки, которую нужно тщательно подготовить. Но прежде всего надо добраться туда.

— Но что, если этот полет станет нашей самой большой ошибкой? Что, если это ловушка, подготовленная ингибиторами, чтобы разделаться с нами одним ударом?

— Аура за нас, Скорпион. Ингибиторы для нее враги.

— Это лишь предположение, — сказал он.

— Она моя дочь. Неужели ты думаешь, что я не способна понять ее намерения?

Васко дотронулся до плеча Скорпиона.

— Думаю, вам следует на это взглянуть, — сказал он.

Скорпион повернулся к иллюминатору, за которым разворачивалась битва, и мгновенно понял, о чем говорил Васко. Происходило ужасное. Луч орудия класса «Ад» отклонился от первоначальной траектории, как будто преломился в воде. Казалось, в том месте, где он изменил направление, не было ничего, но не могло быть сомнений, что в этой точке сфокусировалась направленная ингибиторами энергия, которая и сбила его с курса. Другого орудия, чтобы произвести новый выстрел, не было, оставалось только ждать, что сотворит отраженный луч.

Скорпион догадывался, что он отражен не просто в межзвездное пространство, чтобы сгинуть во тьме, не причинив вреда.

Неприятель был не таков.

Ждать пришлось недолго. Повысив кратность увеличения иллюминатора, они увидели, как луч ударил в ближайший спутник Арарата, пронзил сотни километров камня и вырвался с другой стороны. Спутник начал разваливаться, как игрушка-головоломка. Из раны, нанесенной лучом, с сонной медлительностью изливалась красная магма. Казалось, в космосе, в точке, где замедлилось время, распускается цветок.

— Нехорошо, — проговорила Хоури.

— По-прежнему думаете, что все идет по плану? — спросил Васко.

Из пробитой луны вынырнуло вишневого цвета щупальце и, остывая, вытянулось по ее орбите. Скорпион в страхе наблюдал, пытаясь представить, чем это грозит людям на Арарате. Даже несколько миллионов тонн лунного материала,

рухнув в океан, способны вызвать катастрофу, а ведь масса упавших на планету обломков может оказаться на порядки больше.

— Не думаю, — честно ответил Скорпион.

Чуть позже на пульте раздался новый сигнал.

— Расшифрован пакет от Ремонтуара, — сказал Васко. — Показать?

Скорпион кивнул. На экране появилось расплывчатое, сложенное из крупных пикселей изображение Ремонтуара. Информация при отправке была плотно упакована, но в пути разрыхлилась, поэтому образ Ремонтуара часто замирал, хотя голос продолжал звучать.

— Мне очень жаль, — сказал сочленитель. — Я рассчитывал на другой результат.

— Что случилось? — прошептал Скорпион.

Казалось, Ремонтуар слышит его.

— За вами гонится небольшая стая ингибиторов. Меньше той, что преследовала нас от Дельты Павлина, но игнорировать ее нельзя. Вы уже приступили к испытаниям гипометрического оружия? Сейчас это должно стать первоочередной задачей. Но не мешает проверить и все остальное оборудование. — Ремонтуар помолчал, его лицо рассыпалось на части и снова собиралось воедино. — Хочу кое-что добавить, — снова заговорил сочленитель. — Я ошибся. И причина не в пушках класса «Ад» или их количестве, которым мы располагаем. Даже если бы я забрал все пушки, исход был бы тот же. Да что говорить, ты совершенно правильно сделал, что оставил себе часть арсенала. Чутье не подвело вас, мистер Пинк. Я рад, что мы успели переговорить перед моим отлетом. У вас по-прежнему есть шанс.

Улыбка, как обычно, у Ремонтуара получилась натянутой, но Скорпион был рад и такой.

— Возможно, ты захочешь ответить на это сообщение. Не следует этого делать. Волки попробуют уточнить ваши координаты, и четкий сигнал им поможет. Прощайте, и желаю удачи.

Сообщение закончилось.

— Мистер Пинк? — спросил Васко. — Кто такой мистер Пинк?

— Когда-то так звали меня, — ответил Скорпион.

— Ремонтуар ничего не сказал про свои планы, — сказала Хоури.

— Думаю, он не счел это уместным, — предположил Скорпион. — В любом случае мы ему ничем не поможем. Он сделал для нас все, что мог.

— Этого мало, — сказал Малинин.

— Может быть, мало, — кивнул Скорпион, — но все-таки лучше, чем ничего. Ты и сам это понимаешь.

— Он сказал, что у вас с ним был разговор, — вспомнила Хоури. — О чем?

— Это наше с мистером Клоком дело, — отрезал Скорпион.

Хела, год 2727-й

Взяв у Рашмики образец крови, врач проводил ее в каюту. Комнатка, расположенная примерно на трети высоты Часовой Башни, имела единственное витражное окно, узкую спартанскую койку, прикроватный столик, тесный душ и туалет. На столике лежала куэйхистская литература.

— Надеюсь, вы не ожидали роскошных покоев? — спросил Грилье.

— Я вообще ничего не ожидала, — ответила Рашмика. — Несколько часов назад была уверена, что мне придется расчищать Путь для «Железной Екатерины».

— Значит, жаловаться не станете?

— Не стану.

— Если будете все делать как надо, мы присмотрим для вас помещение побольше, — пообещал Грилье.

— Мне достаточно этого, — ответила Рашмика.

Грилье улыбнулся и вышел. Девушка ничего не сказала на прощание. Ей совсем не понравилось, что у нее взяли кровь, но воспротивиться она не могла. И дело не только в том, что от слухов о царящих в этой церкви порядках, о здешних опытах с кровью мороз шел по коже, — Рашмика отлично знала, что вера адвентистов целиком зиждется на силе индоктринационного вируса, — просто было что-то еще... Что-то могло обнаружиться в ее крови, и поэтому в тот миг, когда Грилье брал образец, она ощутила насилие над собой. В самом начале шприц был пуст, а значит — если допустить, что игла стерильна, — Грилье не пытался впрыснуть ей религиозную заразу. Но мысль о том, что ее кровь кто-то будет изучать, наполняла Рашмику тревогой.

«Да чего же я боюсь-то? — думала Рашмика. — Ведь это в порядке вещей, особенно на „Пресвятой Морвенне“». Здесь все замешано на крови, и, разумеется, у нее тоже взяли образец. Вопрос на этом закрыт, и можно вздохнуть с облегчением.

Вот только облегчение никак не желало приходить. Вместо него был непонятный страх, и он только усиливался.

Рашмика немного посидела. В комнате стояла тишина, единственным источником света было цветное окно.

И вдруг на девушку навалилось свинцовое одиночество. «Неужели вся моя затея — провальная авантюра?» — подумала она.

Вот она проникла в самое сердце церкви, и теперь адвентисты не кажутся далекой абстракцией. Их организация более всего похожа на громоздкую машину — горе тому, кто рискнет подойти слишком близко к ее движущимся частям. И хотя Рашмика никогда специально не думала о Куэйхи, она считала само собой разумеющимся, что искать того, кто способен открыть правду о Харбине, нужно только здесь, на самом верху. Прежде Рашмика полагала, что ее проникновение в церковь будет сложным, оно потребует интриг и времени. Девушка готовилась к изматывающему расследованию, к медленному восхождению по иерархической лестнице. Ведь ей предстояло начать с бригады расчистки Пути, с самой нижней ступеньки.

И вот где она оказалась: в прямом подчинении у Куэйхи, на его личной службе. Радоваться бы такому везению... Но Рашмика чувствовала, что ею двигают как пешкой, против ее воли. Как будто она решила играть честно, а противник нарочно не замечает ее слабых ходов, играет до поры в поддавки. Рашмике хотелось обвинить в своих бедах Грилье, но она понимала, что не только его манипуляциями объясняется ее присутствие в соборе. Для чего она прошла весь этот путь — чтобы найти Харбина или встретить Куэйхи?

Сейчас она не была уверена, что знает ответ на этот вопрос.

Рашмика принялась листать брошюры куэйхистов, словно в них могла найтись подсказка. Но книжки содержали обычную религиозную чушь, которую она прекратила воспринимать, едва освоив грамоту: исчезновения Халдоры суть знамения Господа, обратный отсчет до загадочного события, суть которого менялась в зависимости от того, кто и с какой целью сочинил книжонку.

Ее рука задержалась на одной из обложек. Там красовался символ адвентистов: необыкновенный скафандр, напоминающий силуэт на фоне восходящего солнца. Лучи светила проникали через дыры в скафандре. Вообще он выглядел так, словно был целиком отлит из металла, не имел заметных сочленений. Вне всяких сомнений, это было изображение той самой вещи, которая стояла в комнате настоятеля.

Тут она вспомнила имя собора: «Пресвятая Морвенна».

Ну конечно! Все мгновенно встало на свои места: до того как Куэйхи прилетел на Хелу, Морвенна была его любовницей. Это известно всякому, кто читал биографию настоятеля. Все знают, что бедняжку постигла ужасная судьба: ее заточили в железный скафандр. Это сделали ультра, которым служили Куэйхи и Морвенна.

При мысли о том, что Рашмика находится в одних стенах с этим чудовищным орудием пыток, напугала ее. Захотелось бежать отсюда как можно быстрее и дальше.

«Внутри этого скафандра кто-то живет, — подумала она. — Это не механизм для сбивания спеси с упрямых торговцев, а нечто совсем иное».

«Да, Рашмика, внутри живем мы».

Охнув от ужаса, она выронила брошюру. Нет, голос не почудился. Голос был слабым, но очень отчетливым. Отсутствие интонаций подсказало, что он звучит у Рашмики в голове, а не раздается в комнате.

— Вот этого не нужно, — проговорила она, надеясь прогнать наваждение. — Грилье, сволочь, что ты мне впрыснул?

«В шприце ничего не было. И мы не галлюцинация. И не имеем ничего общего с Куэйхи и его резным скафандром».

— Тогда кто вы, черт подери? — спросила она.

«Кто мы? Ты знаешь ответ, Рашмика. Мы те, ради кого ты сюда прибыла. Ты хотела нас разыскать. Мы тени. Ты пришла поговорить с нами. Неужели ничего не помнишь?»

Выругавшись, Рашмика упала лицом в подушку.

«Это не поможет. Пожалуйста, выслушай нас и перестань волноваться».

Рашмика зарычала, сильно ударив себя кулаком по голове.

«Это тоже бесполезно. Рашмика, ты что, действительно все забыла? Не нужно так пугаться, ты не сходишь с ума. Просто мы отыскали способ проникнуть в твое сознание. Мы разговари-

ваем и с Куэйхи, хотя у него в голове нет такой прекрасной техники, как у тебя. С ним приходится говорить вслух, тихонько, когда он бывает один. А ты другая».

— Нет у меня в голове никакой техники. И я ничего не знаю ни о каких тенях.

У голоса менялся тон, тембр и резонанс, и наконец он зазвучал так, будто старый друг нашептывал ей на ухо:

«Ты все знаешь, Рашмика. Просто не можешь вспомнить... пока не можешь. В твоей голове есть заслонки, и мы их отлично видим. Они начинают опускаться, но это не быстрый процесс. Все в порядке, Рашмика. Мы так долго ждали, когда появится друг. Если нужно, подождем еще».

— Я сейчас позову Грилье! — пригрозила она.

Перед уходом врач научил девушку пользоваться пневматической внутренней связью. Рашмика наклонилась к прикроватному столику, к панели с решеткой.

«Нет, Рашмика, не нужно, — остановил ее голос. — *Не зови Грилье. Он организует слежку».*

— Пусть, — отрезала Рашмика.

«Если Грилье заподозрит неладное, он тщательно обследует тебя и поймет, что ты совсем не та, за кого себя выдаешь. А тебе это вовсе не нужно».

Ее рука замерла над столиком. Почему Рашмика не нажимает кнопку, почему не зовет генерал-полковника? Этот тип ей совсем не нравится, но голос в голове нравится еще меньше.

Слова тени об обследовании напомнили о взятой у Рашмики крови. Она представила, как Грилье снова тянет из нее кровь, как в цилиндре шприца растет красный столбик.

«Да, Рашмика, именно так и будет, но изучение крови — только часть его работы. Ты пока ничего не знаешь, но, когда врач займется твоей кровью, он изумится. И не оставит это без последствий. Ты же не хочешь, чтобы он подкрался к твоей голове со сканером? Ведь там действительно можно найти кое-что интересное».

Ее рука продолжала висеть над столиком. Обладатель голоса знал, что она не нажмет кнопку. Одной мысли о том, что Грилье не удовлетворится анализом крови, было достаточно, чтобы желание звать на помощь исчезло начисто.

— Мне страшно, — проговорила она, положив руку на колени.

«Не стоит бояться, Рашмика. Мы здесь для того, чтобы помочь тебе».

— Помочь?

«Всем вам», — ответил голос.

Она почувствовала, как обладатель голоса уходит, оставляя ее в покое.

«В обмен мы попросим о небольшой услуге».

После этого она провалилась в сон.

Межзвездное пространство, год 2675-й

Скорпион смотрел через плечо техника на большой гибкий экран, приклеенный к стене; его недавно вырастила фабрика. Экран показывал продольный разрез корабля, последнюю из самодельных схем, которыми пользовались для поиска явлений капитана. Более всего эта схема напоминала иллюстрацию из средневекового анатомического трактата. Техник поставил крест возле пересечения тоннелей, где находился один из постов акустического слежения.

— Есть что-нибудь? — спросил Скорпион.

— Похоже что нет, — ответил техник-свинья. — Почти каждый день из этого сектора идут сигналы, но все ложные. Там неподалеку работает шумный насос, он глушит нашу технику.

— Проверьте там еще раз, просто на всякий случай, — распорядился Скорпион.

— Я уже отправил группу для осмотра, она только что ушла.

Скорпион знал, что на осмотр отправляются в скафандрах: на пробоину можно наткнуться даже в недрах корабля.

— Передай им, пусть будут осторожны, — сказал он.

— Уже передал, Скорп. Вот только они будут еще осторожнее, зная, чего следует опасаться.

— Им не нужно этого знать.

Техник пожал плечами и снова уткнулся в экран, высматривая новый акустический или барометрический сигнал.

Скорпион задумался о гипометрическом оружии, установленном в шахтах, о цилиндре, состоящем из мириад закрученных штопором, переплетенных друг с другом серебристых лезвий. Даже бездействуя, это орудие создавало ощущение чего-то неправильного, случайного и неуместного в чреве корабля.

Облик пушки наводил на мысли о картинах-парадоксах с искаженными треугольниками или лестницами Пенроуза: вроде и просто, а приглядишься — будто нож проворачивается в мозгу, в той его части, что отвечает за представления о внешнем мире, о правильном и неправильном в механике бытия.

Когда же гипометрическое оружие действовало, ощущение становилось еще менее приятным. Скорпион с трудом заставлял себя смотреть на это мельтешение, кишение и копошение. Где-то в самом средоточии движения и блеска находилась точка, а может, область, в которой с исходной материей пространства-времени творилось что-то ужасное.

Инопланетное происхождение этой технологии нисколько не удивляло Скорпиона. Гипометрическое орудие, как и два таких же, было произведено по инструкциям, которые сочленители получили от Ауры, прежде чем ее похитила Скади. Понятные и очень подробные наставления имели форму четких математических алгоритмов, но они не содержали комментариев, не давали никаких намеков на принцип действия этого оружия или хотя бы на модель реальности, положенную в его основу. В инструкции говорилось: изготовьте орудие, откалибруйте его по описанной процедуре и пользуйтесь. Но не спрашивайте как и почему: даже если вы поймете объяснения, это причинит вам немалое беспокойство.

Впрочем, один намек все же был дан: гипометрическое оружие относится к разряду слабых некаузальных технологий, разработанных галактическими культурами во втором или третьем миллионолетии их межзвездного распространения, до появления ингибиторов. Согласно полученным от Ауры сведениям, наследие этих культур имело и другие технологические слои, но люди не располагали инструментарием, позволявшим воссоздавать и использовать их. Оружие из этого гипотетического арсенала состояло в том же абстрактном родстве с гипометрическими пушками, что и современный боевой компьютерный вирус с каменным топором. Даже для того, чтобы уяснить в самых простых аналогиях, какой вред это оружие способно причинить неприятелю, требовалась такая кардинальная перестройка человеческого разума, что он уже не мог бы именоваться человеческим.

Совет был таков: как можно полнее используйте то, что у вас есть.

— Группа на месте, — сообщил техник-свинья, запихивая наушник в завиток уха, похожего на изделие из слоеного теста.

— Они что-нибудь нашли?

— Это насос... Опять его фокусы.

— Заглушите насос? — приказал Скорпион. — Откачаем конденсат потом.

— Заглушить насос, сэр? — переспросил техник. — Но это плановая откачка...

— Я знаю. Ты еще скажи, что этот насос двадцать три года не останавливали.

— Останавливали, сэр, но всегда включали запасной. А сейчас запасной в ремонте, его вернут через несколько дней. Все бригады заняты — проверяют источники других акустических сигналов.

— А если остановить, что будет?

— Ничего хорошего. Без дублирующего насоса через несколько часов конденсат затопит три или четыре уровня.

— Ну и черт с ними. Звук с этих ярусов можно будет ловить и фильтровать? У нас хорошая аппаратура?

Техник задумался, но Скорпион знал, что профессиональная гордость в конце концов возьмет верх.

— Думаю, проблем не будет.

— Тогда держи хвост пистолетом. Не бесконечен же этот конденсат. К тому же у нас есть и другие насосы, подключим их.

— Слушаюсь, сэр, — ответил техник, скорее подчиняясь дисциплине, чем доводам Скорпиона.

Техник сообщил своей команде о решении пожертвовать несколькими уровнями. Он был вынужден трижды или четырежды повторить приказ, прежде чем рабочие поняли, что начальник говорит всерьез и что сам он подчиняется воле Скорпиона.

Тот понимал причину сомнений. Откачка конденсата на борту «Ностальгии по бесконечности» — дело серьезное, и остановка насоса чревата тяжелыми последствиями. Стоит затопить уровень выделениями капитана, и его будет непросто привести в порядок, сделать пригодным для обитания людей. Но гораздо важнее калибровка оружия. Бездействие насосов представляло собой меньшее зло, нежели выключение прослушивающего оборудования в этой части корабля. Если затопление нескольких ярусов — это цена отражения атаки пустившихся в погоню волков, то Скорпион готов платить.

Потускнели лампы; даже постоянный фоновый гул насосов притих. Гипометрическое орудие выстрелило.

Разогнавшись, орудие превращалось в столб из бесшумно кружащихся деталей, в сверкающий смерч. В вакууме оно вращалось с устрашающей скоростью. Расчеты показали, что один-единственный неправильно установленный лепесток способен вдребезги разнести «Ностальгию по бесконечности». Скорпион вспомнил, с какой тщательностью собирали орудие сочленители, и теперь понимал, в чем причина такого усердия.

Инструкция по калибровке выполнялась неукоснительно. Поскольку действие орудия зависело от допусков атомарного масштаба, невозможно было, по словам Ремонтуара, изготовить два совершенно одинаковых экземпляра. Подобно изготовлявшимся когда-то вручную ружьям, каждая пушка имела индивидуальную отдачу, которая требовала тщательной регулировки и компенсации. Тут не обойтись простой пристрелкой; надо найти приемлемую причинно-следственную зависимость, укладывающуюся в интервал математического ожидания. И когда эта зависимость рассчитана, воздействие орудия теоретически может быть направлено куда угодно — так ружье способно в любой момент выстрелить в любую сторону.

Скорпиону уже довелось видеть гм-орудие в деле. Ему не требовалось понимать принцип действия, достаточно было знать, что оно боеспособно. Он ощущал акустические удары, когда сферические объемы атмосферы Арарата изымались из бытия (или, если точнее, куда-то перемещались и там распределялись). Он видел, как в море исчезла полусфера воды, — и по сей день содрогался, вспоминая вопиющую противоестественность этого события.

Как объяснил Ремонтуар, в технологическом отношении гипометрическое оружие ведет себя непредсказуемо и очень опасно. Даже точно изготовленное и отрегулированное, оно тем не менее способно обратиться против своего владельца. Ситуация отчасти напоминала попытку схватить кобру за хвост и натравить ее на врагов, надеясь, что змея не свернется кольцом и не укусит поймавшего ее.

Беда в том, что Скорпиону и его беженцам без этой змеи не обойтись.

По счастью, не все аспекты применения гипометрического оружия были непредсказуемы. Дальность выстрела составляла

несколько световых часов, а кроме того, существовало четкое соотношение между скоростью вращения орудия (измеряемой в параметрах, о которых Скорпиону не хотелось думать) и радиальной досягаемостью в заданном направлении. Сложнее было предугадать точку возникновения всеуничтожающей сферы и ее размер.

Процедура испытания пушки не представляла сложности, если целью была планета: запустив орудие, его операторы просто регулировали частоту вращения таким образом, чтобы эффект выстрела проявился на безопасном расстоянии, а затем по возможности определяли мощность и направление выстрела. После того как орудие разряжалось, они в предполагаемой зоне поражения искали любые признаки того, что сферический объем пространства-времени — вместе с находящейся в нем материей — в один миг исчез из бытия.

В космосе калибровка гипометрического орудия давалась сложнее. Не существовало датчиков, способных зарегистрировать исчезновение нескольких атомов межзвездного газа из нескольких кубических метров вакуума. Единственное логичное решение сводилось к тому, чтобы провести калибровку гм-орудия внутри корабля. Разумеется, это было в высшей степени опасно: если сфера коснется сочленительского двигателя, корабль будет мгновенно уничтожен. Однако, по словам Ремонтуара, калибровка в полетных условиях уже производилась, и довольно успешно. Во всяком случае, ни один корабль при этом не погиб.

Единственное, чего они не сделали, — это не выбрали цель внутри корабля, предпочтя точку на корпусе, вдали от важнейших систем. Предстояло задать такие исходные параметры, чтобы за бортом образовался микроскопический шар. Пушка стреляла снова и снова, всякий раз слегка меняя скорость вращения, и каждая новая сфера возникала все ближе к корпусу корабля. За его пределами сферы были невидимы, следить за их приближением можно было лишь умозрительно, то есть невозможно было угадать, вырвет следующий выстрел кусок обшивки или поразит случайный атом в сотне метров от субсветовика. Ситуация напоминала спиритический сеанс с вызыванием злого духа, когда его появления ждут с ужасом и нетерпением.

Зона пристрелки орудия была ограничена собственно корпусом корабля; в нее входили системы автоматического конт-

роля. Всех, кто еще не погрузился в криосон, перевели как можно дальше от пушки. После каждого выстрела, сопровождаемого судорогой отдачи, когда тончайший механизм ужимается до самого дна шахты, техники Скорпиона анализировали поступившие данные, убеждались, что необходимый эффект достигнут, сканировали сеть микрофонов и барометров в поисках следов исчезновения сферического куска корабля диаметром примерно метр. Процесс калибровки продолжался, техники снова и снова регулировали орудие и тщательно изучали результаты выстрела.

Свет снова померк.

— Что-то есть, — крикнул техник через несколько секунд.

Скорпион увидел, как на экране появилось несколько мигающих красных огней.

— Сигналы идут из...

Но закончить техник не успел. Его слова утонули в нарастающем вое, какого Скорпион никогда не слышал на борту «Ностальгии по бесконечности». То был не рев воздуха, вырывающегося из близкой пробоины, не треск ломающихся переборок. Это походило на глухой, полный муки вопль живого существа, получившего страшную рану.

Постепенно крик затих — так вдали смолкает рокот грома.

— И правда, что-то есть, — проговорил Скорпион.

Он отправился посмотреть своими глазами. Последствия оказались еще хуже, чем он опасался: исчез не метровый кусок корабля, а огромная сфера в пятнадцать метров. Срезы переборок и палуб на ее границе блестели полированным серебром. Из поврежденных труб лилась зеленая жидкость; в пустоте, рассыпая искры при ударах о металлические поверхности, качались электрические кабели.

Могло быть и хуже, сказал себе Скорпион. Зона поражения образовалась далеко от обитаемых уровней, важнейших систем жизнеобеспечения и управления кораблем, а также от борта. Было отмечено небольшое понижение давления воздуха, но по большому счету корабль понес пустяковый урон. Тем не менее капитан кричал. Несомненно, была задета его малоизученная нервная система, и он испытал боль. Трудно было судить, насколько она сильна, прекратилась ли сразу или продолжается до сих пор. Возможно, она даже была несравнима с человеческой. Об этом страшно было даже подумать. Если капитан так

кричал, утратив лишь крошечную часть своего тела, что будет, когда корабль получит более серьезные повреждения?

А ведь это вполне может случиться.

Скорпион пошел к операторам орудия, крайне взволнованным, судя по их лицам и жестам. Они ожидали самое малое выволочки.

— Чуть больше метра, — сказал им Скорпион.

— Сомневаюсь, что удастся настроить точно, — сказала начальница техников. — До самого конца придется надеяться на везение...

— Знаю, — перебил ее Скорпион. — Никто и не обещал, что будет легко. Но полученные вами данные позволяют уменьшить объем поражения?

На лице начальницы техников разом отразились облегчение и озабоченность — она не могла до конца поверить в то, что Скорпион не собирается ее наказывать.

— Думаю, да... учитывая результат только что произведенного выстрела... Конечно, все равно нельзя ничего гарантировать...

— Я не прошу гарантий. Просто хочу, чтобы вы сделали все возможное.

Женщина кивнула:

— Конечно. Продолжаем калибровку?

— Да. Нам нужно это оружие — и плевать на его фортели.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Хела, год 2727-й

Явившись по вызову в мансарду, Рашмика вздохнула с облегчением: настоятель был один, без генерал-полковника. Не то чтобы ей было приятно общество Куэйхи, но в присутствии Грилье у нее мороз шел по коже. Воображение так и рисовало, как он рыщет по «Пресвятой Морвенне», занимаясь делами службы крови или омерзительными процедурами иного рода, о которых ходили слухи.

— Как устроились? — спросил настоятель, когда Рашмика уселась в предложенное кресло посреди зеркального леса. — Очень надеюсь, что вам тут понравится. Ваши способности,

мисс Эльс, произвели на меня сильное впечатление. И на Грилье тоже — это ведь он предложил доставить вас сюда.

— Рада послужить церкви, — ответила на это Рашмика.

Она налила себе чая; рука, державшая фарфоровую чашку, дрожала. Есть не хотелось. Одной мысли о том, что она находится рядом с железным скафандром, было достаточно, чтобы испортилось настроение. Но невозмутимость, пусть даже чисто внешнюю, необходимо было сохранить.

— Да, это настоящая удача, — проговорил Куэйхи.

Он лежал неподвижно, шевелились только губы. В мансарде было холоднее обычного, и при каждом слове из настоятельского рта вырывалось белое облачко.

— Это и удачей едва ли можно назвать, больше подходит слово «чудо».

— Прошу прощения, настоятель, но я...

— Взгляните на стол, — перебил ее Куэйхи. — Видите рядом с чайным сервизом малахитовый ларец?

Рашмика не сразу заметила шкатулку, но тотчас вспомнила, что прежде ее не бывало на столе. Четыре крошечные ножки, как у свиньи или собаки. На вид массивная, а на самом деле легкая. Девушка повозилась с замком из позолоченного металла. Наконец механизм щелкнул и крышка откинулась. Внутри было много бумаг: листы и конверты разных оттенков и размеров, аккуратно собранные и перетянутые эластичной лентой.

— Взгляните на них, — сказал Куэйхи, — дайте волю любопытству.

Рашмика вынула стопку, сняла резинку. Содержимое шкатулки рассыпалось по столу. Она брала листы наугад, разворачивала и читала. Сиреневая бумага была такой тонкой, такой прозрачной, что писать на ней можно было только с одной стороны. Даже на просвет старательная манера письма показалась знакомой. Еще не перевернув лист, Рашмика поняла, что это ее собственный почерк — детский, но не забытый.

— Это же мое, — сказала она. — Письма церковным археологам.

— Вас не удивляет, что все они собраны здесь?

— Ну, удивляться вряд ли стоит, ведь письма адресовались одной из служб церкви Первых Адвентистов. Хотя непонятно, почему археологи решили передать их вам.

— Вы не расстроены?

— А есть из-за чего расстраиваться?

Она расстроилась и даже разозлилась, и это были не единственные сильные чувства, обуревавшие ее в тот момент.

— Археологи видели хоть одно из этих писем?

— Первые побывали у них в руках, — ответил Куэйхи, — остальные перехватывались. Не принимайте близко к сердцу. Нашим археологам пишут сотни любителей вроде вас. Если бы ученые читали дурацкие послания добровольных помощников, у них не осталось бы времени на работу.

— Мои письма не дурацкие, — процедила Рашмика.

— Согласен, не дурацкие. Но судя по их содержанию, ваша позиция в отношении вертунов несколько отличается от ортодоксальной. Будете спорить?

— Стремление узнать правду — это неортодоксальная позиция?

— Думаете, вы такая одна? Да наши научные службы завалены письмами энтузиастов. Практически сплошь это завиральные идеи происхождения и гибели вертунов. Они не стоят выеденного яйца, потому что не имеют ничего общего с научными методами.

— Ну, примерно то же самое я могу сказать и о работе ваших исследовательских групп.

Столь дерзкая отповедь вызвала смех настоятеля.

— А вы, мисс Эльс, не страдаете излишней стеснительностью.

Рашмика сгребла бумаги, уложила в неровную стопку, перетянула резинкой и вернула в шкатулку.

— Тут нет ничего противозаконного, — проворчала она. — О своей переписке я вам не говорила, потому что вы не спрашивали.

— А я вас и не обвиняю. Мне просто любопытно. Я прочитал эти письма и отметил, что ваша аргументация с годами становилась все более серьезной. Считаю даже, что некоторые тезисы заслуживают осмысления.

— До крайности приятно слышать, — ответила на это Рашмика.

— Не стоит язвить, я говорю от чистого сердца.

— Настоятель, вам на мои тезисы наплевать, и церквям тоже. Да и может ли быть иначе? Ваша доктрина отвергает любые объяснения, кроме тех, которые мы читаем в религиозных брошюрах.

— И что же это за объяснения? — игриво спросил Куэйхи.

— Вертуны — просто лишняя деталь, их гибель никак не связана с исчезновениями. Если у них и имеется какая-то теологическая функция, то это всего лишь напоминание о ереси и пороке, об острейшей необходимости срочного поиска спасения.

— В наше время известно много исчезнувших инопланетных культур, — сказал Куэйхи. — Это больше не тайна.

— Но здесь что-то другое, — возразила Рашмика. — То, что случилось с вертунами, не похоже на судьбу амарантийцев и других мертвых культур.

— Это ваш главный постулат?

— Полагаю, было бы полезно разобраться в том, что здесь случилось. — Рашмика постучала пальцем по ларцу. — Вертуны были уничтожены, но это сделали не ингибиторы — нет типичных признаков их работы. Тот, кто истребил вертунов, оставил очень много следов их существования.

— А может, в этот раз ингибиторы поторопились? Может, они сочли, что достаточно уничтожить всех вертунов до единого, а предметы быта никакой роли не играют?

— Но на других планетах машины действовали иначе. Я знаю, как они обошлись с амарантийцами. На Ресургеме уцелело только то, что пряталось в литосфере, в специально приготовленных хранилищах, на многометровой глубине. Я знаю, настоятель, на что это похоже. Я была там.

Распялки для глаз блеснули отраженным светом — Куэйхи повернулся к ней:

— Вы были там?

— Я хотела сказать, — поспешила оправдаться Рашмика, — что очень много читала о Ресургеме, постоянно думала об этой планете. Все равно что сама побывала на ней.

Девушка внутренне поджалась: несложно объяснить, как следует понимать ее слова, но откуда такое жгучее ощущение, что она сказала чистую правду?

— Проблема в том, — заговорил Куэйхи, — что, если не считать ингибиторов виновными в гибели вертунов, придется объяснить исчезновение коренных жителей Хелы происками какой-то иной силы. С философской точки зрения нас это не очень устраивает.

— Возможно, мои рассуждения лишены изящества, — сказала Рашмика, — но, если истина требует появления другой

силы — а по сути третьей, — мы должны набраться мужества и принять это как данность.

— Правильно ли я понял: у вас есть соображения насчет того, что это за сила?

Рашмика не удержалась и покосилась на железный скафандр. Вряд ли настоятель заметил этот непроизвольный взгляд, но девушка рассердилась. Ну почему она не может контролировать свои реакции так же легко, как разгадывает чужие?

— Соображения есть, хотя нет прямых доказательств, — ответила она.

Чуть сместилось ложе настоятеля, и будто волна разбежалась по мансарде. Это подстраивались зеркала.

— Когда Грилье сообщил мне о вашем существовании и высказал предположение, что вы можете быть для меня полезны, он добавил, что вы отправились в путь, преследуя личные цели.

— Так и сказал?

— Сказал, это как-то связано с вашим братом.

— Мой брат ушел служить соборам, — ответила девушка.

— И вы встревожились, поскольку от него давно нет вестей. Решили выяснить его судьбу, покинули родину и отправились к Вечному Пути. Это и есть история вашего появления здесь?

Отчего-то слово «история» резануло слух, но Рашмика решила не вникать.

— Почему вы спрашиваете?

— А потому, мисс Эльс, что вы явились сюда не ради брата, хотя, конечно, любите его. Это просто предлог, чтобы уйти из дома. А настоящая причина лежит гораздо глубже.

— Не поняла.

— Полагаю, вы и думать забыли о брате несколько лет назад, — ответил настоятель. — В душе давно смирились с его смертью. На самом деле вы здесь из-за вертунов, из-за ваших представлений об их гибели.

— Какая чушь!

— Но эти письма, целая кипа, говорят об обратном. О глубоко укоренившейся одержимости, нисколько не свойственной детям.

— Я приехала, чтобы найти Харбина.

Куэйхи взял спокойный и настойчивый тон учителя латыни, объясняющего тонкости грамматики:

— Вы приехали ради меня, Рашмика. Добирались до Пути с намерением подняться на самый верх соборной администрации, будучи убеждены, что только у настоятеля Куэйхи есть ответы на вопросы, которые не дают вам покоя.

— Я здесь не по собственному желанию, — ответила Рашмика, но в ее голосе уже не было уверенности. — Это вы привезли меня сюда с «Железной Екатерины».

— Рано или поздно вы нашли бы возможность сюда проникнуть — так крот мало-помалу прокапывает ход к поверхности. Принесли бы пользу какой-нибудь научной группе, а оттуда попали бы ко мне. На это ушли бы месяцы, а может, и годы. Однако Грилье — благослови Господь его черствое сердце — решил ускорить ваше продвижение по намеченному курсу.

— Ошибаетесь! — крикнула Рашмика, чувствуя, как дрожат руки. — Я не собиралась встречаться с вами. И не рвалась именно сюда. Для чего мне ваша «Пресвятая Морвенна»?

— На «Пресвятой Морвенне» еду я, а в моей голове много интересного, — объяснил настоятель.

Рашмика нащупала шкатулку.

— Я заберу письма, — сказала она. — Они ведь мои.

— Письма в вашем распоряжении. Шкатулку тоже можете оставить себе.

— Тогда до свидания?

Настоятель очень удивился:

— До свидания, мисс Эльс? В каком смысле?

— Наш договор расторгнут. Я больше не работаю на вас.

— Не понимаю, с чего вы взяли, — хмыкнул Куэйхи. — Как вы правильно заметили, вертуны не имеют никакого отношения к нашим договоренностям. Ничего противозаконного не совершается; никакие соглашения не нарушены.

Вспотевшие руки оставляли на малахите следы. Настоятель ни с того ни с сего отдал шкатулку — этого она совсем не ожидала. Тут вся переписка, которую Рашмика не надеялась увидеть: наивные искренние послания из ее прошлого в настоящее.

— Мне показалось, вы сердитесь на меня.

— Но это не уменьшает вашей полезности. Кстати, скоро сюда пожалуют новые ультра. И мне хотелось бы услышать ваше мнение о них, мисс Эльс. Вы же согласны и дальше помогать мне?

Со шкатулкой в руках Рашмика поднялась. Судя по тону настоятеля, аудиенция подходила к концу.

— Могу я кое о чем спросить? — с легкой запинкой осведомилась она.

— Я задал много вопросов. Не вижу, почему бы вам не сделать то же самое.

Рашмика колебалась. Куэйхи наверняка известно, что стало с ее братом: ему ничего не стоило узнать правду из соборного архива, пусть даже он Харбина в глаза не видел. Но когда момент настал, когда настоятель разрешил спрашивать о чем угодно, Рашмика поняла, что у нее не хватит душевных сил пройти через это. Она не просто боялась услышать правду — подозрения мучили ее уже давно. Она боялась того, как поведет себя, услышав эту правду. Что, если Харбин и в самом деле окажется вовсе не так дорог ей, как всегда казалось? Что, если упрек настоятеля в том, что для нее поиск Харбина лишь удобное прикрытие, — правда?

Сможет ли она пережить это?

Рашмика судорожно сглотнула. Она внутри железного собора, в полном одиночестве. Совсем еще ребенок.

— Я хотела спросить... Вы слышали что-нибудь о тенях? — пролепетала она.

Настоятель ничего не ответил. Ведь он и не обещал дать ответ, вспомнила девушка.

Межзвездное пространство, год 2675-й

Через три дня стая волков приблизилась на дистанцию выстрела гипометрической пушки. Техники считали, что калибровка орудий не закончена, что еще многие параметры требуют анализа. Временами результаты стрельбы изумляли до жути: возникающие сферы отрывали куски от корабля, вместо того чтобы поражать мнимые цели на расстоянии нескольких астрономических единиц. Иногда пушки едва откликались на попытки навести их на цель, и это пугало больше всего. Как ни крути, это было практически некаузальное оружие. Оно подрезало пространство и время, и это был в высшей степени сложный и переменчивый процесс. Едва ли стоило удивляться, что в арсенале у волков не имелось ничего подобного. Возмож-

но, они решили, что от такого оружия больше вреда, чем пользы. Та же логика, скорее всего, распространялась на сверхсветовой двигатель Скади. Вселенная богата на невероятные вещи, их гораздо больше, чем может показаться. Но многое из этого невероятного чрезвычайно опасно — как для индивидуума, так и для целой галактической расы или культуры.

Однако свет продолжал регулярно меркнуть, орудие вело огонь, и уверенность индивидуума по имени Скорпион в правильности своих действий нисколько не ослабевала. Возможно, гм-оружие и насиловало саму суть реальности, но свинью интересовало главным образом его воздействие на волков. Мало-помалу пушки сокращали преследующую стаю.

Беглецы не одерживали верх в схватке. Они просто пытались выжить. И пока этого было достаточно.

Завернутая, как обычно, в серебристое стеганое одеяло, Аура лежала на коленях у матери. По мнению Скорпиона, она все еще была ужасно маленькой, словно кукла, которой положено сидеть в игрушечном домике, а не подвергаться опасности в полном жестокости мире взрослых. Но это было обманчивое впечатление. Аура излучала спокойствие и казалась неуязвимой; от этого у Скорпиона шевелились волосы на затылке. Единственный замеченный им прогресс заключался в том, что у ребенка наконец полностью открылись глазки. Радужки были карие с искорками золота, бронзы и яркой лазури. Глядя на мир взглядом птицы-охотника, ясным и сосредоточенным, она впитывала все до единой детали окружающего пространства. Она изучала и постигала.

Скорпион и остальные руководители встретились, как обычно, в бывшей рубке управления, расселись вокруг стола из темного стекла. Свинья рассматривал собравшихся, мысленно разделяя их на союзников и противников, а также на тех, кто, возможно, еще не решил, чью сторону принять. Он мог бы рассчитывать на Антуанетту, но та вернулась на Арарат. Он также не сомневался в Крови — не потому, что точно знал о его намерениях, а лишь потому, что для мятежа требуется воображение, каковое никогда не было сильной стороной помощника. Скорпион уже скучал без Крови. Приходилось напоминать себе, что тот вовсе не умер, а просто находится далеко.

После отлета с Арарата прошло две недели. Проскользнув между жерновами неутихающей битвы, «Ностальгия по бесконечности» выбиралась из системы Арарата с постоянным ускорением в одно *g*. В первую неделю она отдалилась от планеты на двенадцать астрономических единиц, разогнавшись до одной пятнадцатой скорости света. К концу второй недели скорость корабля составила четыре десятых световой, а расстояние до Арарата равнялось почти пятидесяти астрономическим единицам. Скорпион уже ощущал это расстояние: глядя назад, на Яркое Солнце, р Эридана а, согревавшее колонистов последние двадцать три года, он видел только звезду, свечение которой ослабло стократ. Теперь главное солнце Арарата светило не ярче своего напарника, Тусклого Солнца, или р Эридана b; эти два янтарных глаза за кормой субсветовика сокращались, сливались воедино по мере того, как «Ностальгия» улетала все дальше в межзвездное пространство.

Волков он не видел — уловить присутствие относительно небольшого роя на галактическом фоне могли только датчики, да и то с малой долей уверенности, — но преследователи не отставали. Гипометрические орудия — техникам удалось настроить все три пушки — размеренно выгрызали дыры в строю врагов, но волков все еще оставалось много.

Обратного пути не было. Но пока что курс отвечал планам Ремонтуара, он должен был попросту увести «Ностальгию» подальше, снизить вероятность ее перехвата ингибиторами. Лишь через две недели полета «Ностальгия» могла выбрать новый маршрут, один из нескольких вариантов.

Волчья стая позади никак не влияла на этот выбор: Скорпион был уверен, что рано или поздно все увязавшиеся ингибиторы будут уничтожены и произойдет это задолго до того, как корабль доберется до места назначения.

Он встал и дождался тишины. Молча достал из чехла нож Клавэйна. Не включая лезвие, наклонился и на равном расстоянии от продольной оси столешницы процарапал несколько штрихов. Сначала «Й», потом — «Х». На темном стекле царапины имели цвет свиной кожи.

Все смотрели на Скорпиона, ожидая, что он скажет. Но тот вложил нож в чехол и сел. Потом закинул руки за голову и кивнул Орке Круз.

Она осталась единственным союзником Скорпиона. Круз была с ним еще в Городе Бездны. По очереди ощупав всех

взглядом единственного глаза, женщина заговорила, подчеркивая слова стуком покрытых черным лаком ногтей по столу:

— Последние две недели были тяжелыми. Мы понесли потери, наши планы полностью изменились. Многие оставили любимых, разрушены семьи. Рухнула уверенность в завтрашнем дне. Мы на незнакомой территории без карты. Хуже того, мы лишились человека, которому привыкли доверять, который вел нас все это время.

Круз устремила взгляд на Скорпиона и дождалась, чтобы все остальные последовали ее примеру.

— Но у нас есть лидер, — снова заговорила она. — У нас есть превосходный вождь, которому Клавэйн доверял настолько, что поручил ему управление колонией на время своего отсутствия. Считаю, что пришло время еще раз положиться на суждение нашего руководителя.

Эртон из Сил безопасности тряхнула головой:

— Это все верно и правильно, Орка. Никто из нас никогда не возражал против лидерства Скорпиона. — Эртон подчеркнула слово «лидерство», чтобы все присутствующие подумали и сделали собственные выводы насчет неприятностей, которые может на них навлечь руководство свиньи. — Сейчас нас другое интересует: куда, по-твоему, нам двигаться дальше?

— Очень просто, — ответила Орка. — Лететь на Хелу.

Эртон без особого успеха попыталась скрыть удивление:

— Тогда мы заодно.

— Но только после того, как побываем на Йеллоустоне, — продолжила Круз. — Хела... мм... пока под вопросом. Мы не знаем, почему надо туда лететь и что мы там найдем. Если вообще найдем что-нибудь. Йеллоустон же никаких сомнений не вызывает. У нас много места, мы можем взять на борт и заморозить еще несколько десятков тысяч беженцев. Минимум сто пятьдесят тысяч. А это человеческие жизни, Эртон. Люди, которых мы можем спасти. Судьба подарила нам этот корабль, и нужно правильно распорядиться им.

— Мы уже эвакуировали население Ресургема, — возразила Эртон. — Не считая семнадцати тысяч человек с Арарата. Я бы сказала, что мы исполнили свой долг.

— Долг можно исполнять вечно, но нельзя его исполнить до конца, — сказала на это Круз.

Эртон развела руками:

— Ты забываешь о простой вещи. В главных системах полно кораблей ультра. Это десятки, сотни субсветовиков с возможностями «Ностальгии», которые вместят столько же момио, сколько и она. В любой из главных систем можно найти несколько таких кораблей.

— Ты бы доверила свою жизнь ультра? Если да, ты глупее, чем кажешься, — усмехнулась Орка.

— Я бы им доверилась, — твердо произнесла Эртон.

Аура рассмеялась.

— Почему она смеется? — спросила Эртон.

— Потому что ты лжешь, — объяснила Хоури. — Аура это видит. Она всегда видит неправду.

Ринзен, представитель беженцев, вежливо кашлянул. Потом улыбнулся, изо всех сил стараясь выглядеть дружелюбно.

— Эртон хочет сказать, что это не наша забота. Мотивы и методы ультра не бесспорны — это ни для кого не секрет, — но сейчас речь идет о том факте, что их корабли доступны для любого, кто готов платить. Если ситуация в главных системах действительно достигла критической точки, то посмею предположить, что мы будем иметь дело с классической формулой «спрос рождает предложение».

Круз покачала головой. На ее лице было написано отвращение. Войди Скорпион в комнату в этот миг, при виде Орки он бы подумал, что кто-то выплеснул прямо на стол содержимое своего желудка.

— Ну-ка, напомните, — сказала Круз, — в какую цену вам обошлось переселение с Ресургема на этот корабль?

Рассматривая свои ногти, Ринзен ответил:

— Разумеется, ни в какую... Но речь не об этом. Тогда обстоятельства были совершенно иными.

Померкли лампы. Теперь это случалось с интервалом в несколько минут, орудиям столь короткого срока хватало, чтобы раскрутиться до нужной скорости и произвести выстрел. К этому привыкли и перестали обсуждать, хотя, конечно, затемнения не оставались незамеченными. Они означали, что волки по-прежнему рядом, неуклонно подбираются к кораблю.

— Пойдем дальше, — сказала Круз, когда лампы засветились в прежнюю силу. — Недавно вас вывезли с Арарата. Сколько вы заплатили за эту услугу?

— Я ничего не платил, — ответил Ринзен. — Но мы опять говорим о разных вещах.

— Меня сейчас стошнит, — проговорила Круз. — В Мульче я знавала самых разных слизняков, но ты, Ринзен, хуже всех.

— Послушайте, — сказала Кашьян, тоже представительница беженцев, — никто не говорит, что ультра правильно делают, извлекая выгоду из волчьих набегов, но нужно же рассуждать здраво. Корабли ультра лучше приспособлены для массовой эвакуации, чем «Ностальгия по бесконечности».

Она огляделась по сторонам, призывая остальных высказаться.

— Возможно, объем корабля позволяет взять пассажиров, но его состояние оставляет желать лучшего. Обитаемые ярусы — это крошечная сухая жемчужина, окруженная слизью устричной раковины. На «Ностальгии» полно мест, которые мы не картировали, тем более никогда не жили там. Не стоит забывать и о том, что положение значительно ухудшилось со времени эвакуации Ресургема. Большинство из семнадцати тысяч человек, доставленных на борт, за последние две недели еще не прошли необходимую обработку. Люди живут в ужасных условиях.

Кашьян содрогнулась, словно на нее с потолка вдруг упала капля слизи.

— Что ты знаешь об ужасных условиях? — спросила Круз. — Попробуй умереть на несколько недель, вот тогда и будешь сравнивать.

Кашьян отрицательно покачала головой и беспомощно взглянула на других представителей руководства:

— С этой женщиной невозможно разговаривать. Она умеет только оскорблять и молоть чушь.

— Могу я тоже высказаться? — спросил Малинин.

Скорпион кивнул ему.

Васко встал и склонился над столом, упираясь в него пальцами.

— Я не хочу обсуждать процедуру эвакуации Йеллоустона, — сказал он. — Не считаю, что в этом есть смысл. Как бы тамошнее население ни нуждалось в нашей помощи, лететь мы должны не туда. Аура дала на этот счет вполне четкие указания.

— Она не говорила, что нельзя лететь на Йеллоустон, — возразила Круз. — Она всего лишь сказала, что мы должны отправиться на Хелу.

Васко нахмурился:

— Ты считаешь, ее можно понимать таким образом?

— На Йеллоустон нужно попасть в первую очередь, и ты меня в этом не разубедишь. Когда там полностью завершится эвакуация, ничто не помешает нам отправиться на Хелу.

— Но по такому маршруту мы будем добираться несколько десятков лет, — возразил Васко.

— Перелет в любом случае займет десятки лет, — криво улыбнулась Круз. — Такие правила игры, парень. Пора к ним привыкнуть.

— Я знаю правила игры, — тихо ответил Васко, давая Круз понять, что не стоит разговаривать с ним в подобном тоне. — Я также знаю о том, что нам четко велели лететь на Хелу. Если бы Йеллоустон входил в планы Ауры, неужели она не сказала бы об этом?

Все посмотрели на девочку. Иногда Аура говорила, и слушавшие научились понимать ее слабый, булькающий голосок. Бывали дни, когда Аура молчала или только гулила, как обычный младенец. Иногда, как сейчас, она вдруг становилась невероятно восприимчивой, впитывая окружающее, но мало отдавая взамен. Ее развитие ускорилось, хотя шло неравномерно: скачки и повороты, необъяснимые остановки и внезапные откаты.

— Аура требует, чтобы мы летели на Хелу, — проговорила Хоури. — Вот все, что мне известно.

— Нет, не все, — подал голос Скорпион. — Еще она сказала, что нужно встретиться с тенями.

— Я слышала. Возможно, это просто помехи. Или память подбрасывает что-то, не имеющее никакой ценности.

— Больше память ничего ей не подбрасывала?

Хоури взглянула на Скорпиона, обдумывая ответ. Он спросил наудачу, но, похоже, попал в точку.

— Я чувствую что-то жуткое, — сказала Хоури.

— Это связано с тенями?

— Да. Словно тянет холодом из приоткрытой двери. Ветер страха. — Хоури посмотрела на голову дочери, покрытую тонкими волосками. — Аура тоже это чувствует.

— И больше ни ты, ни она ничего не можете нам сказать? — спросил Скорпион. — Мы должны прилететь на Хелу и вступить там в переговоры с чем-то неизвестным, но пугающим до дрожи?

— Это просто предостережение, — объяснила Хоури. — Нам говорят: действуйте, но осторожно. А главное, мы должны выполнить свою задачу.

— Ты уверена? — спросил Скорпион.

— Конечно уверена.

— Может быть, ты неправильно поняла Ауру. Может быть, ветер страха несет другой смысл. Может быть, мы ни при каких обстоятельствах не должны вступать ни в какие отношения с тем, что называется тенями... чем бы оно ни было.

— Допускаю, что ты прав, Скорп, — согласилась Хоури. — Но почему тогда Аура требует с ними встретиться?

— А главное, добраться до Хелы? — добавил Васко.

Скорпион повернулся к нему и на секунду впился взглядом:

— У тебя все?

— Да, — ответил Васко.

— Тогда, думаю, пора принять решение, — сказал свинья. — Мы выслушали доводы обеих сторон. Можно полететь на Хелу, в надежде найти там нечто стоящее затраченных усилий. Или отправиться на Йеллоустон, где наверняка можно спасти очень многих. Надеюсь, мое мнение по этому поводу вам уже известно. — Скорпион кивнул на оставленные ножом Клавэйна царапины. — И еще я думаю, все вы знаете, что сделал бы в данных обстоятельствах Клавэйн.

Никто не ответил.

— Но есть одна проблема, — продолжал Скорпион. — Она заключается в том, что выбирать не нам. Тут не демократия. Мы можем только довести свои аргументы до сведения капитана Джона Бреннигена и попросить его принять решение.

Скорпион достал из кармана пригоршню красного порошка, который носил все эти дни. Это был оксид железа, найденный в одном из цехов, — ближайшее подобие марсианской пыли, которую можно раздобыть за двадцать семь световых лет от Марса. Порошок посыпался между короткими и тупыми пальцами свиньи на середину стола, между «Й» и «Х».

Скорпион знал: настал момент истины. Если ничего не случится — если корабль не сообщит о своих намерениях сразу же, отклонив струйку пыли к одной из букв, — с властью Скор-

пиона покончено. Он выставит себя посмешищем перед всеми. Но Клавэйн никогда не избежал бы такой проверки. Вся его жизнь состояла из попаданий то в огонь, то в полымя.

Скорпион смотрел на стол. Порошок в его руке заканчивался.

— Ваше слово, Джон.

Хела, год 2727-й

Ночью снова заговорил голос. Его источник дождался, когда Рашмика вернется от настоятеля и останется одна. Она надеялась, что в тот первый раз действовал яд куэйхистов, каким-то образом попавший в ее нервную систему и сыгравший злую шутку с рассудком. Но это не было временным помешательством: тихий и спокойный голос звучал слишком разумно. А то, о чем он вещал, логично увязывалось с действиями Рашмики и вовсе не напоминало горячечный бред.

«Рашмика, — говорил голос, — *пожалуйста, выслушай нас. Кризис приближается, и тому есть немало признаков».*

— Уйди, — ответила она, зарываясь головой в подушку.

«Сейчас нам нужна твоя помощь».

Она знала, что, если не ответит, голос не угомонится, ведь его терпение бесконечно.

— Помощь? — переспросила она.

«Мы знаем намерении Куэйхи провести собор по мосту. У него ничего не выйдет, мост не выдержит „Пресвятую Морвенну". Его строили не для соборов».

— Откуда вам это известно?

«Мост сделали не вертуны, он появился гораздо позже. И ему не выдержать тяжести „Пресвятой Морвенны"».

Рашмика села на узкой кровати и, подняв жалюзи, впустила в комнату цветной витражный свет. Она слышала, как гремит внизу машинное отделение, как вздрагивает и гудит на ходу тело «Пресвятой Морвенны», и представляла себе мост, вычурный, сверкающий где-то впереди, предчувствующий огромную тяжесть, что скользит к нему по льду.

Что значит «он появился гораздо позже»?

— Я не могу остановить собор, — сказала она.

«И не надо. Просто перенеси нас в безопасное место, пока не поздно».

— Попросите об этом Куэйхи.

«Неужели ты думаешь, Рашмика, что мы не пробовали? Часами его уговаривали, изо дня в день. Но настоятель не внемлет. Мы ему не нравимся; он предпочел бы, чтобы нас не стало вовсе. Иногда даже ухитряется внушить себе, что мы только мерещимся. Если собор упадет с моста, мы погибнем. И Куэйхи готов на это — тогда ему больше не придется думать о нас».

— Ничем не могу помочь, — ответила Рашмика. — И не хочу помогать. Я вас просто боюсь. Даже не знаю, кто вы такие и откуда взялись.

«Тебе известно больше, чем ты думаешь, — сказал голос. — *Ты явилась сюда, чтобы встретиться с нами, а не с Куэйхи».*

— Какая чушь!

«Мы знаем, кто ты, Рашмика, точнее, знаем, кем ты не являешься. Помнишь, мы говорили, что в голове у тебя есть машины? Как считаешь, откуда они там взялись?»

— Я ничего не знаю ни о каких машинах.

«А воспоминания — разве тебе не кажется, что они не твои? Мы слышали, как ты говорила об амарантийцах, о том, что помнишь Ресургем».

— Я просто оговорилась, — ответила она. — Ничего такого не имела в виду...

«Нет, ты сказала именно то, что хотела сказать, просто сама этого не поняла. Рашмика, ты нечто гораздо большее, чем самой себе кажешься. Сколько лет из жизни на Хеле тебе удается вспомнить? Девять? Вряд ли больше. А что было до того?»

— Я не хочу ничего слышать! — воскликнула она.

Источник голоса не отреагировал на ее крик.

«Ты не та, кем кажешься. Память о детстве на Хеле трансплантирована тебе. Под ней скрыто нечто совершенно иное. Девять лет эта ложная память помогала тебе жить в глуши, как будто ты родилась там. Иллюзия была превосходной, без единого изъяна, — ты даже ничего не подозревала. Но рано или поздно должно было открыться твое истинное предназначение. Ты чего-то ждала: некоего стечения обстоятельств. Обстоятельства привели тебя из Вигрида сюда, на Вечный Путь. И вот теперь, на финальном этапе миссии, ты пробуждаешься от сна. Вспоминаешь, кто ты на самом деле, и это приводит тебя в восторг и ужас».

— О какой миссии вы говорите? — спросила Рашмика, стараясь не расхохотаться от нелепости услышанного.

«Найти нас и вступить в контакт, — ответил голос. — *Мы тени. Тебя прислали, чтобы начать переговоры с нами.*

— Кто вы? — тихо переспросила она. — Пожалуйста, объясните.

«Девочка, ложись-ка спать. Мы тебе приснимся, и ты все поймешь».

Рашмика уснула и увидела не только теней. Подобные сны бывали и раньше, и она их связывала с перевозбуждением или лихорадочным состоянием: изобилующие геометрическими и абстрактными фигурами, с часто повторяющимися фрагментами, пугающие или вызывающие экстаз. Сны человека, которого одолевают призраки.

Они были далеко, так далеко, что от привычной Вселенной — как в пространстве, так и во времени — их отделяло огромное расстояние, не укладывающееся ни в одну известную систему измерений. Но они были людьми, по крайней мере подобны людям. Они жили и мыслили. Их история тоже напоминала сон: необычайно долгий, невообразимо сложный, не поддающийся изложению эпос. Но Рашмике достаточно было знать (вернее, большего она сейчас не смогла бы постичь), что они достигли той черты, когда их воспоминания о начале межзвездной колонизации по человеческим меркам были столь далекими, потускневшими, затертыми временем, что почти сливались с их ранней историей, когда пращуры добывали огонь и приносили с охоты дичь.

Они колонизировали десяток звездных систем, потом свою галактику, а потом и другие гигантские пространства, бросками перемещаясь от одного форпоста к другому, танцуя от одной иерархической структуры к другой. Галактики, потом системы галактик, потом гигантские скопления из десятков тысяч систем. И наконец они стали взывать друг к другу через области абсолютной пустоты между суперскоплениями галактик — величайшими космическими образованиями, — словно обезьяны, перекликающиеся с верхушек деревьев.

Они творили добро и зло. Они менялись сами и меняли форму своих вселенных. Они строили планы на вечность вперед.

Но в итоге потерпели неудачу. Во все периоды этой головокружительной истории, при каждом скачке с одной ступени развития на другую не было такого мгновения, когда бы они

не спасались бегством. Их преследовали не ингибиторы, но нечто родственное им. Это тоже были машины, но они больше походили на болезнь растений, на прожорливую, легко меняющуюся заразу. Картины сна в этом месте были расплывчаты, но Рашмика все же поняла, что эти механизмы создавались даже не как оружие, а как предметы сугубо утилитарного предназначения, мирные инструменты; но творцы не сумели удержать их под контролем.

Эта зараза не нападала на людей и даже как будто не замечала их. Но она с бездумной целеустремленностью лесного пожара разрушала материю, превращая миры в плывущие по космосу облака праха, окружая звезды оболочками из щебня и льда. Входящие в конструкцию механизмов зеркала собирали звездный свет, фокусировали жизнетворную энергию на частицах щебня; прозрачные мембраны улавливали ее и удерживали вокруг частицы; эти пузыри становились миниатюрными экологическими нишами. Когда внутри такой зеленой сферы оказывались люди, они выживали — если только не предпочитали самоубийство. Еще можно было спасаться бегством впереди неудержимой волны трансформирующих материю машин, беспомощно наблюдая, как «зеленый пожар» по космическим меркам стремительно пожирает бескрайнюю цивилизацию, как неисчислимые рои живых механизмов превращают звезды в изумрудные лампы.

И люди бежали, бежали, бежали... Они надеялись укрыться на дальних безвестных планетах, верили, что там, в безопасности, можно прожить несколько миллионов лет. Но машины постепенно добирались и до этих островков, и на них начинался все тот же медленный и неуклонный процесс звездной порчи. Люди устремлялись дальше, но бежать быстро они не умели. Против заразы не срабатывало ни одно оружие, оно причиняло еще больше вреда, чем болезнь, а то и ускоряло ее распространение. Машины развивались, действовали все активнее и разумнее. Не менялось только одно: их главная задача. А именно дробление планет, превращение их в мириады зеленых светящихся шариков.

Машины были созданы, чтобы работать, и они не жалели сил.

И вот истории человечества пришел конец — людям уже некуда было бежать, укромных уголков не осталось. Вернуться люди не могли, как и приспособиться к заразе. Опустели

даже трансформированные машинами галактики, их химическая основа была отравлена, экологическое равновесие жизни и смерти нарушено мощным чуждым воздействием. Оружие, созданное, чтобы одолеть машины, само вышло из-под контроля и обернулось врагом, не менее опасным, чем звездная порча.

И тогда люди решили: коль скоро их выживают из собственной вселенной, настало время поискать другую.

К счастью, это было не столь уж невозможно.

Во сне Рашмика познакомилась с теорией бран, слоевых миров. Бархатные занавесы света и тьмы колебались в ее сознании с ленивой, величавой неспешностью северного сияния. Из этого она поняла следующее: во вселенной все, что она видит, — от собственной ладони до «Пресвятой Морвенны», от Хелы до самой дальней наблюдаемой галактики — непременно ловится браной и остается на ней подобно вышитому на ткани узору. Кварки и электроны, протоны и нейтрино — все, из чего состоит вселенная, в которой Рашмика живет и дышит, да и она сама, — все это вынуждено путешествовать по поверхности браны, одного из бесчисленных параллельных слоев, существующих в пространстве высших измерений, которое называется балком. Слои эти плотно прижаты друг к другу; быть может, даже скреплены по краям, этакие сложенные нотные листы космической партитуры. Некоторые браны имеют особые, только им присущие свойства. Хотя фундаментальные законы природы распространяются на все слои, величины констант взаимодействия, а следовательно, и макроскопические параметры вселенной зависят от расположения браны в балке. Жизнь, существующая в далеких бранах, принимает подчас весьма причудливые формы — если допустить, что тамошняя физика вообще допускает такое сложное явление, как жизнь.

И повсюду браны соприкасаются, трутся друг о друга. Видимые результаты таких контактов подчас имеют облик вселенской катастрофы, например Большого взрыва из традиционной космологии.

Если соприкасались две браны, линия контакта — складка — получалась космологически огромной, она даже не укладывалась в шкалу расстояний Хаббла. Но конечно же, ничто не мешало материи и лучам свободно огибать складку — это было лишь вопросом времени. Если отправиться вдоль поверхности одного из соприкасающихся слоев в далекое странствие —

через бессчетные мегапарсеки, через обычную вселенную, состоящую из материи и света, — то, быть может, в конце концов путешественник достиг бы ближайшей браны в многомерном вакууме балка.

Рашмика не увидела топологической связи между ее браной и браной теней. Есть ли у них точки соприкосновения? Возможно, тени намеренно умолчали об этом либо просто сами не ведали.

Скорее всего, это не имело значения.

Единственное, что имело значение — что было по-настоящему важно, — так это возможность посылать сигналы из браны в брану. Гравитация совершенно не похожа на другие компоненты вселенной; со своим слоем она связана довольно слабо. Гравитация может отправиться в дальний путь, разлиться по бране, как пролитое вино по скатерти, а может протечь через скатерть, найти себе короткую дорогу сквозь балк.

Люди из сна — они же тени, поняла теперь Рашмика, — отправляли свои сообщения посредством гравитации, из браны в брану, перпендикулярно простиранию балка. Терпеливо — а терпения им было не занимать — тени ждали, когда кто-нибудь услышит их и отзовется.

Наконец это случилось. Ответили вертуны. Это тоже была раса покорителей звезд. Ее история была значительно короче истории теней; всего несколько миллионов лет назад они покинули родной мир, унеся с собой диковинную привычку к обмену частями тел, а также неприязнь к одинаковости и копированию. Культура вертунов была несказанно чудно́й, непонятной всем без исключения разумным формам жизни, которым доводилось сталкиваться с этими существами. По данной причине торговля вертунов с другими расами оставляла желать лучшего, так же как и дипломатия, союзничество и культурный обмен. Вертуны обитали на холодных планетах, предпочитая спутники газовых гигантов. Они жили замкнуто, их притязания были весьма скромны, не простираясь далее чем на несколько поселений в паре сотен звездных систем ближайшего сектора галактики. Ввиду привычки вертунов к уединению им долгое время удавалось не привлекать внимания ингибиторов.

Но это ничего не меняло. Ингибиторы не видели разницы между миролюбием и агрессивностью и ко всем разумным культурам подходили с одинаковой меркой. К тому времени как вертуны вступили в контакт с тенями, они уже стояли на

грани истребления. И разумеется, были готовы хвататься за любую соломинку.

От вертунов тени узнали о постигшей их беде. Выслушав историю бегства и геноцида, тени несказанно поразились: целая раса была целенаправленно стерта с лица вселенной!

Мы вам поможем, сказали тени.

В то время они всего-навсего передавали через балк сообщения, но с помощью вертунов собирались продвинуться дальше. Смонтированный по инструкциям теней мощный гравитационный приемник накапливал их сигналы и имел потенциал для физического переноса. Внутри приемника находился масс-синтезатор, способный создавать на основе переданных схем и описаний любые осязаемые физические объекты. Как и приемник гравитационных сигналов, масс-синтезатор относился к старым технологиям галактического уровня и использовал в качестве сырья богатые металлом куски газового гиганта, разрушенного в самом начале специально для питания приемника. При всей своей простоте масс-синтезатор мог выполнять разные задачи. В частности, его можно было запрограммировать на создание вместилищ для теней: пустых, практически не знающих сносу тел-машин, пригодных для вселения иномирных сущностей. Тени, в своей бране и так живущие внутри машин, не считали это великой жертвой.

Но вертуны — очень осторожная раса — установили хитроумное предохранительное устройство, чтобы воспрепятствовать физическому перемещению из слоя в слой. Масс-синтезатор нельзя было активировать дистанционно, из браны теней. Только вертуны могли включить синтезатор, тем самым позволив теням начать колонизацию нашей браны-вселенной. По утверждениям теней, они не собирались захватывать всю галактику, а лишь хотели основать небольшое изолированное сообщество вдали от врага, сделавшего их собственный слой необитаемым.

В награду тени обещали передать вертунам оружие, которое поможет им одолеть ингибиторов.

От вертунов требовалось только включить масс-синтезатор и дать теням возможность пройти сквозь балк.

Рашмика проснулась. Снаружи был яркий солнечный день, из витражного окна на превратившуюся в мокрый от пота комок подушку падали косые окрашенные лучи. Несколько ми-

нут она лежала так, купаясь в нем, убаюканная мерным покачиванием «Пресвятой Морвенны». Казалось, будто она только что очнулась от глубокого сна и в то же время чувствовала себя измотанной и жаждала нескольких часов забытья без видений.

Голос в голове смолк, но Рашмика не сомневалась, что он вернется. Как не сомневалась в том, что этот голос был совершенно реальным и говорил правду.

Теперь наконец она начала что-то понимать. Вертунам предложили шанс избежать истребления, но взамен надо было открыть дверь теням. Вертуны были очень близки к тому, чтобы принять это условие, но все же не смогли довериться теням и сделать последний шаг. Тени остались на своей стороне балка, а вертунов уничтожили ингибиторы, всех до единого.

Рашмика ощутила мерзкий вкус поражения. Ее версия — что вертунов истребили не ингибиторы — оказалась ошибочной. То, над чем она работала эти девять лет, все больше уверяясь в собственной правоте, перечеркнуто одним ознакомительным сном. Тени поставили ее на место. Что значат все ее умозаключения против свидетельства целой инопланетной расы?

Она уже обдумала альтернативу: вертунов погубили тени. Но в этом было еще меньше смысла, чем в версии насчет ингибиторов. Если вертуны пустили к себе иномирян и те сумели накопить достаточно сил, чтобы расправиться со своими благодетелями, куда же они потом делись? Невозможно представить, что тени уничтожили население Хелы и спокойно вернулись в свою вселенную. Столь же маловероятно, что тени пересекли пропасть между мирами, устроили бойню и скрылись в дальнем уголке своих новых владений. Ведь голос сказал, что переход так и не был совершен. Тени стремятся попасть в ее мир, именно с этой целью они вступили в переговоры.

Они надеются, что у человечества хватит отваги сделать то, на что не решились вертуны.

Теперь Рашмика понимала, что Халдора всего лишь сигнальный механизм: огромный приемник, собранный вертунами. Они взяли газовый гигант, раздробили его на элементы и изготовили из них гравитационную антенну размером с планету, с масс-синтезатором внутри.

Глядя в небеса, наблюдатели видели иллюзию Халдоры, обычную проекцию, маскировку. Вертуны исчезли, а прием-

ник остался. Время от времени камуфляж на доли секунды пропадал, и в такие моменты наблюдатели видели не сияющую твердыню Бога, а механизм приемника.

Дверь в небо дожидается, чтобы ее открыли.

Оставался всего один вопрос — наверное, самый трудный. Если судьба вертунов действительно сложилась так, как описывают тени, то и про саму Рашмику эти существа говорят правду.

Она не та, кем себя считает.

Межзвездное пространство, год 2675-й

Пятью днями позже техники уложили Скорпиона в криокапсулу. Процедура напоминала хирургическую: разрезы, катетеры, анестезирующие средства, антисептические бальзамы.

— Не смотри, — велел он Хоури, стоявшей с Аурой на руках в изножье капсулы.

— Я хочу убедиться, что все пройдет благополучно, — сказала она.

— Ты хочешь убедиться в том, что я благополучно сойду со сцены?

Он тут же мысленно упрекнул себя за эти слова — жестокие и ненужные.

— Скорп, ты нам по-прежнему необходим. Может, мы не согласны с тобой насчет Хелы, но это не делает тебя менее полезным.

Девочка с живейшим интересом наблюдала, как техник вводит пластиковый шунт в запястье Скорпиона. На том месте, где двадцать три года назад был удален другой шунт, остался шрам.

— Ему больно, — пролепетала Аура.

— Да, — сказал свинья девочке. — Мне больно, но я потерплю.

Это была его собственная комната, и это была та самая капсула, в которой он спал по пути на Арарат. Очень старая, примитивная — грубый черный ящик, очень тяжелый, похожий на железный инструмент средневекового правосудия.

Но капсула оставалась в отличном рабочем состоянии, за долгие годы релятивистских полетов ни один замороженный в ней человек не погиб и не лишился даже частицы рассудка.

Она содержала в себе самый минимум нанотехники, поэтому ее не поразила плавящая чума. Не затронули капсулу и трансформации капитана. Базово-линейные люди, решившие проспать годы полета в этой капсуле, могли с полной уверенностью рассчитывать на воскрешение. Погружение в криосон и возвращение из него происходили медленнее и комфортнее, чем в более современных и красивых моделях. Физические и психические ощущения у пользователя будут не самыми приятными, но в конце рейса он непременно встанет из капсулы живым и здоровым — а это самое главное.

Единственная сложность заключалась в том, что все это никак не относилось к свиньям. Капсула была настроена на физиологию базово-линейных людей на уровне клеточной химии, а тот не прощал ошибок. Скорпион и раньше погружался в криогенный сон, и неизменно рисковал. Он внушал себе, что его шансы с каждым разом не уменьшаются, что сейчас вероятность умереть в капсуле не выше, чем в самый первый заход. Но это было не совсем так. Скорпион очень постарел, его организм износился. Окружающие очень неохотно говорили о важных цифрах — о десяти, двадцати или даже тридцати процентах вероятности не пережить заморозку. Их нежелание обсуждать этот вопрос беспокоило Скорпиона куда больше, чем понятный риск попросту оказаться покойником в конце пути.

Но ведь бодрствование на протяжении полета не менее рискованно. Через пять или шесть лет бортового времени ему исполнится пятьдесят пять или пятьдесят шесть... если исполнится. Значит, тут не из чего выбирать — редкая свинья даже в комфортных условиях жизни дотягивает до шестидесяти.

И тем не менее если бы он знал все обстоятельства, то, по крайней мере, смог бы принять взвешенное решение. А так — что заставляет его улечься в капсулу, кроме простого желания проскочить через годы полета? Черт с ними, с шансами; у него было бы время все как следует обдумать. Он бы разобрался, стоит лететь на Хелу или нет.

А прежде он бы узнал, не совершил ли ужасную ошибку, убедив корабль сначала посетить Йеллоустон.

Он подумал о пыли, которая сыпалась меж его пальцев на стол, о том, как струйка качнулась в сторону буквы «Й», отклонившись от «Х». Через несколько минут все подтвердилось — корабль начал медленный разворот. Похоже, он брал курс на Эпсилон Эридана, а не на неведомую тусклую звезду 107 Рыб.

Скорпион был и обрадован, и испуган решением капитана. Тот выбрал сторону меньшинства, бесцеремонно воспользовавшись игрой Скорпиона в демократию. Это устраивало свинью, но что бы он чувствовал, если бы капитан примкнул к другому лагерю? Одно дело — дружить с Джоном Бреннигеном, и совсем другое — сделаться узником корабля.

— Еще не поздно остановиться, — сказала Хоури. — Можешь провести перелет на ногах.

— Ты так и сделаешь?

— Пока Аура не подрастет, уж точно спать не лягу, — ответила она.

Девочка засмеялась.

— Я не могу рисковать, — сказал Скорпион. — Без заморозки вряд ли доживу до конца полета. Для тебя пять или шесть лет не срок, а для меня большой кусок жизни.

— Может, и не придется ждать так долго, если удастся запустить новые машины. На дорогу до Йеллоустона уйдет всего пара лет нашего субъективного времени.

— Все равно для меня слишком долго.

— Неужели тебя это так волнует? Мне всегда казалось, что ты не думаешь о будущем.

— А я и не думаю. И объяснил тебе почему.

Хоури шагнула к черному ящику и опустилась на одно колено, чтобы показать свинье Ауру:

— Она по-прежнему считает, что нужно лететь прямо на Хелу.

— Мы туда обязательно попадем, только не сразу, — ответил он. — Решает Джон.

Скорпион повернулся к Ауре и посмотрел в золотисто-карие глаза, ожидая, что малышка вздрогнет и отвернется. Но та выдержала его взгляд, почти не моргая.

— Тени, — прошептала она едва различимым булькающим голоском, в котором, казалось, всегда слышится веселье. — Сделка с тенями.

— Я не верю в сделки, — вздохнул Скорпион. — Они приводят только в мир страданий.

— Возможно, придет время, и ты передумаешь, — сказала Хоури.

Хоури унесла Ауру, оставив Скорпиона на попечении техников. Было приятно, что они приходили, но Скорпион испытал облегчение, попрощавшись, — теперь он мог привести

в порядок мысли, отложить что-то на будущее и не забыть о главном. Была одна вещь, которую он считал самой важной для себя. Он так никому и не рассказал о своем приватном разговоре с Ремонтуаром перед самим отлетом сочленителя. Этот разговор не записывался, и, кроме слов, Скорпион не получил от Ремонтуара почти ничего: ни чертежей, ни письменных инструкций. Только кусок белого полупрозрачного материала, совсем маленький — такой легко спрятать в кармане.

Тишина вдруг начала угнетать Скорпиона. Стоило ли развеивать сомнения Ремонтуара относительно Ауры и ее матери? Сочленитель предоставил право окончательного решения свинье, и это было знаком полного доверия.

Но теперь Скорпион лежит в капсуле, и от этого доверия ему мало проку.

Он не взял белый осколок с собой в капсулу. Образец хранился в его личных вещах, дожидаясь пробуждения хозяина. Сам по себе он не имел очевидной ценности, и если кто-нибудь его найдет, то, скорее всего, примет за сувенир или талисман. На борту «Ностальгии по бесконечности» только Скорпион знал, какой смысл заложен в этом маленьком предмете.

— Не знаю, что и думать об этом, — сказал Ремонтуар, передавая Скорпиону кривой белый осколок.

Свинья осмотрел вещицу, испытав легкое разочарование. Она не производила впечатления чего-то ценного. Материал полупрозрачный, пропускает свет. Края острые, можно порезаться. Вещество твердое, не согнуть и не сломать. Слегка похоже на фрагмент когтя динозавра.

— Рем, я знаю, что это.

— Правда?

— Кусок раковины. На Арарате такого добра полно, мы находили ему широкое применение. В шторм море выбрасывает на берег много обломков. Этот еще маленький, а бывают огромные.

— Огро́мные? — переспросил Ремонтуар, сплетая пальцы.

— Да, из них получаются целые дома. В одном размещалась наша администрация. У нас не хватало металла и пластика, поэтому мы вовсю использовали местные ресурсы. Нужно только как следует закрепить плавник, иначе его унесет первым же ураганом.

— Он поддается обработке?

— Да не очень... Его берут только терморезаки, но тебе это ничего не скажет — видел бы ты наши инструменты.

— Для чего еще применялся плавник, Скорп? Вас интересовало, откуда он берется?

— Теоретизировать нам было недосуг.

— И даже просто подумать?

Пожав плечами, Скорпион вернул фрагмент Ремонтуару:

— Мы считали плавник останками древних обитателей моря, которые были крупнее всего, что сейчас водится на Арарате. В океане обитают не только жонглеры, там хватает места разным формам жизни... Возможно, сохранились и реликты тех далеких времен, когда планета еще не была колонизирована жонглерами.

Ремонтуар постучал по куску плавника пальцем:

— Мне кажется, Скорп, что это появилось не в море.

— А есть разница?

— Возможно, особенно если учесть, что я нашел это в космосе, на орбите Арарата. — Сочленитель снова протянул плавник свинье. — Ну что, теперь интересней?

Потом Ремонтуар рассказал остальное. Во время последнего сражения у него вышла стычка с сочленителями из отряда Скади.

— Они уже знали, что Скади мертва. Без вожака у них начались разброд и шатания. Они вышли на меня в надежде завладеть гипометрическим оружием. Сочленители Скади накопили достаточно знаний, но вот гм-орудий у них не было. Я отказался передать технологию, отбил их атаку и не стал преследовать, ограничился предостережением. Решил, что в такую пору не стоит заводить новых врагов.

— И что дальше?

— Они вернулись, когда стая волков уже готовилась прикончить меня. С их стороны это было чистой воды самоубийство. Столь своевременная помощь, пожалуй, убедила меня и моих людей принять условия союза с отрядом Скади. Но была и другая причина.

— Этот плавник?

— Не только плавник, еще и данные, довольно загадочные на первый взгляд. Они вызвали у меня подозрение, не рассеявшееся до сих пор. Я по-прежнему допускаю, что этот плавник — ложный след, на который Скади решила нас навести,

понимая, что ее дни сочтены. Образно выражаясь, гайка, подброшенная нам в двигатель.

— Да уж, с нее бы сталось, — проговорил Скорпион.

Теперь, когда он узнал о возможном происхождении белого кусочка, тот казался святой реликвией. Свинья держал его с чрезмерной осторожностью, словно нечаянно мог сломать.

— Что за данные?

— Прежде чем сочленители переслали их мне, они сообщили, что ситуация вокруг Арарата сложнее, чем предполагалось. Тогда я не мог ни согласиться с ними, ни обоснованно возразить, хотя и начинал склоняться к тем же выводам. Казалось, в игре участвует кто-то еще. Не мои люди, не Скади, даже не ингибиторы. Кто-то прячется и лишь изредка мелькает на горизонте событий, словно сторонний наблюдатель. Конечно, в пылу битвы легко забываешь о подобных подозрениях: детекторы масс ловят призрачные сигналы, мощные выбросы энергии порождают фантомов. Но эта путаница по большей части создавалась намеренно.

— И что с данными?

— Они только подтверждали наши подозрения. Эта информация дополняла результаты моих собственных наблюдений, а те свидетельствовали, что за нами следят. И делают это не люди и не ингибиторы, а кто-то или что-то, сопровождавшее нас до самого Арарата. А может быть, оно находилось у Арарата еще до нашего прибытия.

— Почему ты решил, что это не уловки ингибиторов? Мы пока слабо изучили их приемы.

— Передвижения этих таинственных агентов говорит о том, что они намерены держаться в стороне не только от нас, но и от ингибиторов. Они не так осторожничают, как мы, но тем не менее.

— И кто же они, по-твоему?

— Не знаю, Скорп. У меня есть только вот этот осколок. Мы нашли его после очередной схватки — их аппарат подлетел чересчур близко и был поврежден. Это просто обломок кораблекрушения, Скорп. Точно такой же, как весь тот плавник, который ты видел на Арарате. Просто часть обломков упала в море.

— Но кто мог построить эти корабли?

— Неизвестно.

— Чего они хотят от нас?

— Это тоже загадка. Мы знаем только одно: что интересуем их.

— Мне все это не нравится.

— Поверь, Скорп, мне тоже. Они не вступают с нами в контакт, и все их поведение указывает на желание как можно дольше оставаться в тени. Ясно, что технически они более развиты, чем мы. Они скрываются во тьме, умеют пробираться мимо ингибиторов; они выжили, наконец. Они благополучно существуют в этой галактике, а мы находимся на грани истребления.

— Они могли бы помочь нам.

— А вдруг они ничем не лучше ингибиторов?

Скорпион взглянул в лицо старику-сочленителю: спокойное до жути, выражающее лишь полное внимание к их разговору.

— Послушать тебя, так придешь к выводу, что они нас оценивают, — сказал свинья.

— Я тоже думал об этом.

— А что Аура? О чем говорит она?

— Ни разу не упомянула, что рядом есть кто-то еще, — ответил Ремонтуар.

— Может быть, они и есть тени?

— Тогда зачем нам лететь на Хелу? Нет, Скорп, это не тени. А нечто другое, нечто, о чем она не знает или решила нам не говорить.

— Теперь я не смогу спокойно уснуть.

— А я, мистер Пинк, этого и добивался. Кто-то должен был узнать о том, что не дает мне покоя.

— Если Ауре неизвестно о присутствии этой новой силы, можно ли верить остальной ее информации?

— Непонятно. В том-то и закавыка.

Скорпион дотронулся до осколка. Материал был прохладным и едва ли существенно тяжелее воздуха, который он вытеснял.

— Попробую рассказать об этом Ауре, может, она вспомнит.

— Либо тебе следует держать эти сведения при себе, потому что распространять их слишком опасно. Не забывай: это может быть дезинформация, подкинутая нам Скади, чтобы подорвать доверие к Ауре. Если девчонка заявит, что ничего об этом не знает, сможешь ли ты и дальше доверять ей?

— Я все равно хотел бы получить эти данные, — ответил Скорпион.

— Чересчур опасно. Если я передам их тебе, они могут попасть и к Ауре. Она из моей породы, Скорп, — сочленитель. Я оставлю тебе осколок как напоминание о нашем разговоре. Думаю, этого будет достаточно.

— По-твоему, я вообще не должен ей ничего говорить?

— Нет, я только имею в виду, что решать тебе и это решение не из легких. — Ремонтуар помолчал, потом скупо улыбнулся. — Я тебе не завидую. Возможно, слишком многое поставлено на карту.

Скорпион убрал плавник в карман.

Хела, год 2727-й

«Помоги, Рашмика, — проговорил голос, когда она осталась одна. — *Не дай нам погибнуть вместе с собором».*

— Я не могу помочь вам. И не уверена, что хочу.

«Куэйхи ненадежен, — настойчиво продолжал голос. — *Он уничтожит нас, потому что мы трещина в броне его веры. Жить с этой трещиной, Рашмика, для него невыносимо. Ради тебя самой, ради твоих сородичей, не повторяй ошибку вертунов. Не закрывай перед нами дверь».*

Рашмика уткнулась лицом в мокрую подушку, вдыхая запах своего вчерашнего пота, пропитавшего желтоватую ткань за время бессонных ночей. Ей хотелось только одного: чтобы голос замолчал, чтобы все стало так же просто и ясно, как раньше.

— Но вы так и не сказали, каким образом проникли сюда. Если дверь закрыта...

«Дверь открывали ненадолго. Когда выдохся вирус, у Куэйхи наступил кризис веры. В это время он усомнился в своем толковании исчезновений. Настоятель приказал отправить на Халдору зонд, обычную ракету, битком набитую электроникой».

— И что?

«Он спровоцировал отклик. Зонд достиг Халдоры в момент исчезновения. Из-за этого оно продлилось сверх обычного, больше секунды. В этот роковой миг Куэйхи узрел очертания машины, которую сделали вертуны, чтобы вести с нами переговоры через балк».

— Но наверняка еще кто-нибудь увидел то же самое.

«Потому-то отчет об этом исчезновении и стерт из всех общедоступных архивов, — ответил голос. — *Нельзя было допустить повторения».*

Она вспомнила, что говорили тени о масс-синтезаторе:

— И отправка зонда привела к тому, что вы проникли сюда?

«Нет. В этой бране мы пока не присутствуем физически. Зонд лишь ненадолго восстановил линию связи, бездействовавшую с тех пор, как исчезли вертуны. Нам удалось передать через балк представление о нашей сущности — ограниченно разумный призрак, запрограммированный только на выживание и переговоры».

Значит, вот с кем она имеет дело: не с самими тенями, но с их полуразумным представителем. Она не думала, что разница велика: голос звучал вполне здраво и убедительно, не хуже, чем у любой из умных машин, с которыми ей приходилось иметь дело.

— И чего вы достигли? — спросила Рашмика.

«Едва зонд вошел в проекцию Халдоры, мы проникли в его электронику. Оттуда по каналу телеметрии добрались до Хелы. Но дальше продвинуться не удалось. С тех самых пор мы заключены в резной скафандр».

— При чем тут скафандр?

«Об этом спрашивай Куэйхи. Похоже, скафандр имеет для него какое-то личное значение, связан с его спасением и исчезновениями Халдоры. Его любовница, женщина по имени Морвенна, погибла в этом скафандре. Куэйхи не нашел в себе сил выбросить или уничтожить страшную вещь. Скафандр напоминал о его появлении на Хеле, все время заставлял искать ответ, был обелиском Морвенне. Перед тем как отправить к Халдоре аппарат, Куэйхи распорядился начинить скафандр электроникой для управления зондом и обработки получаемых от него сигналов. Так эта оболочка стала нашей тюрьмой».

— Я не смогу вам помочь, — повторила Рашмика.

«Ты должна помочь. Скафандр очень прочный, но даже он не выдержит падения „Пресвятой Морвенны". Допустив его разрушение, ты утратишь необходимый для переговоров канал связи. И тогда человечество не сможет ничего противопоставить ингибиторам. Знаешь же, машины приближаются с каждым днем. Времени осталось совсем мало».

— Вы слишком многого просите, — отпиралась Рашмика. — Я просто не смогу.

«Сможешь, если поймешь, какую пользу способна тем самым принести. Мы не знаем о тебе всего, но в одном уверены: ты не та, за кого пытаешься себя выдать».

Она приподняла лицо над подушкой, откинула мокрые волосы с глаз.

— И что вы сделаете, если я откажусь?

«Ну, во-первых, будет лучше, если Куэйхи ни о чем не узнает, верно?»

Генерал-полковник сидел совсем один в своем кабинете, в офисе службы крови на верхнем уровне Часовой Башни. Он напевал под нос, довольный одиночеством. Даже качка «Пресвятой Морвенны», усилившаяся на ухабистой дороге, что вела к мосту, была ему в радость — это постоянное движение стимулировало жажду деятельности. Он так увлекся анализом, что уже и забыл, когда ел в последний раз; даже руки дрожали от азарта. Задача продления жизни настоятеля ставила перед Грилье много головоломных частных проблем, но подобного интеллектуального восторга он не испытывал с тех пор, как служил у королевы Жасмины директором фабрики тел.

Он еще раз тщательно проверил результаты анализа крови Харбина. Врач искал в генах молодого человека объяснение той уникальной силы, которой была наделена его сестра. Но пока ничто не подтверждало наличия у злосчастного чистильщика сестриной сверхчувствительности, хотя это могло объясняться просто: мутация генов проявилась только у девушки. Грилье не знал точно, что ищет, но имел общее представление о когнитивных структурах, способных подвергаться тем или иным воздействиям. Особенность Рашмики можно было назвать атипичным аутизмом; ее обостренная восприимчивость к эмоциональному состоянию окружающих людей — полная противоположность холодному равнодушию. Сравнивая генотип Харбина с архивом службы крови, где хранились не только образцы, взятые у обитателей Хелы, но и приобретенная у ультра новейшая информация, врач надеялся обнаружить какую-нибудь аномалию. Даже если эта аномалия не бросится в глаза сразу, тщательный компьютерный анализ в конце концов позволит ее выявить.

Но кровь Харбина оказалась до скуки обыкновенной, без малейших признаков ненормальности. Грилье сходил в банк крови за резервным образцом на случай, если вышла ошибка

с маркировкой. Но результат повторился: в крови Харбина не было ничего, что намекало бы на необычность его сестры.

В таком случае, рассуждал Грилье, что-то может обнаружиться в ее крови, например результат заурядной перестановки родительских генов, которая почему-то не отразилась на Харбине. Если же и эта попытка окажется безуспешной, придется признать, что сверхчувствительность девушки есть нечто приобретенное, что это навык, который при должном старании можно привить любому человеку.

Анализатор звуковым сигналом обозначил окончание процесса. Генерал-полковник откинулся на стуле, ожидая выведения данных на экран. Результаты анализа крови Харбина — гистограммы, круговые диаграммы, генетические и цитологические карты — уже светились на дисплее. Наконец рядом появились только что полученные данные по Рашмике Эльс. Почти мгновенно аналитические программы принялись за поиск совпадений и несоответствий. Грилье хрустнул пальцами. Он видел свое отражение с белым нимбом волос, плавающее на экране.

Что-то не так.

Программа усиленно искала соответствия. Множились сообщения об ошибках — на экране появлялись все новые и новые красные строчки. Грилье был понятен их смысл: в поисках совпадений программа вышла за пределы нормальных статистических допусков. Это означало, что образцы крови отличаются куда значительнее, чем можно было ожидать.

— Но они же брат и сестра, — прошептал он.

А может быть, и нет. Определенно нет, если судить по крови. Харбин и Рашмика Эльс никогда не состояли в родстве.

Более того, похоже, Рашмика Эльс родилась вовсе не на Хеле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Межзвездное пространство, близ Эпсилона Эридана, год 2698-й

В момент пробуждения ему показалось, что произошла ошибка. Он по-прежнему лежал в черном ящике. Секунду назад над ним суетились техники: делали надрезы, вводили труб-

ки, осматривали катетеры и меняли на новые, как дети, увлеченные игрой. И вот люди в белых капюшонах снова суетятся над ним, склоняются в прозрачной дымке испарений.

Не сразу удалось сфокусировать взгляд на белых фигурах, они колебались, словно облака, соединяясь и разделяясь.

— Что... — выдавил он.

Говорить было почти невозможно. Что-то царапало его горло острыми краями.

Один из техников наклонился и попал в поле его зрения. Белое пятно разрешилось в обрамленное капюшоном лицо, нижнюю часть которого скрывала хирургическая маска.

— Спокойно, Скорп. Помолчите несколько минут.

Он исторг звук, сердитый и вопросительный. Похоже, техник его понял. Он сдвинул назад капюшон и опустил маску, открыв Скорпиону лицо. Мужчина, похожий на старшего брата человека, которого свинья когда-то знал.

— Вам нечего опасаться, — сказал техник. — Все получилось.

— Волки? — прохрипел Скорпион.

— Мы от них избавились. Если помните, им удалось обзавестись защитой от гипометрического оружия. Эти пушки больше не наносили урона. Но у нас оставались орудия класса «Ад», которые мы не отдали Ремонтуару.

— Сколько? — спросил он.

— Мы израсходовали все, кроме одного. Но волков прикончили.

Для Скорпиона в первые мгновения это ничего не значило. Но память уже приходила в порядок, слова обретали смысл. Правда, возникло ощущение дезориентации, словно он сорвался в пропасть, которая медленно расширялась, раскрывая геологические глубины. Земля, которая пару секунд назад была рядом, теперь уносилась вдаль, чтобы затеряться навеки. Воспоминание о техниках, вставлявших в него трубки, внезапно стало древним, второстепенным или даже третьестепенным, словно это происходило с кем-то другим.

Техники вынули из горла Скорпиона дыхательное приспособление. Он хрипел; при каждом вздохе казалось, будто горло и бронхи набиты толченым стеклом. Что испытывают после разморозки люди? Им так же плохо или криокапсула — это специальный ад для свиньи? Вряд ли это кому-нибудь известно наверняка, подумал он.

Эта мысль развеселила его, и он рассмеялся. Осталось всего одно орудие. Всего одно! А когда-то их было почти сорок.

— Ну, будем надеяться, что одной пушки нам хватит, — произнес он, когда наконец почувствовал, что способность к речи восстановилась. — А что с гипометрией? Говоришь, просто мусор?

— Я этого не сказал. Может, со временем новые волки разработают защиту, которая была у перебитых нами. Пока будем надеяться, что гм-орудия нам пригодятся.

— О боже! Ты сказал «новые». Как это понимать?

— Мы подлетаем к Йеллоустону, — ответил техник. — Точнее, к системе Эпсилона Эридана, и дела наши обстоят нелучшим образом. Мы не можем снизить скорость до внутрисистемной, чтобы повернуть к Хеле.

— Почему не можем? Что-то не так с кораблем?

— Нет, — ответил техник.

Скорпион вдруг понял, что говорит с Васко Малининым. Уже не с юнцом, а со взрослым мужчиной.

— Что-то не так с Йеллоустоном.

Скорпиону это совсем не понравилось.

— Я хочу посмотреть, — сказал он.

Но прежде чем его отвели посмотреть, он повидался с Аурой. Девочка пришла к криокапсулам с матерью. Скорпион был потрясен. Он не поверил бы, что это Аура, если бы не те же легко узнаваемые золотисто-карие глаза. Вживленный металл бросал ему на лицо отблески, радужные, словно масляные пятна на воде.

— Привет, — сказала Аура.

Она держала мать за руку и головой доставала той до бедра.

— Нам сообщили, что ты проснулся. Скорпион, как ты себя чувствуешь?

— Ничего себе, — ответил он, думая, что уже почти вправе так сказать. — Криосон — это всегда риск, но я был готов.

«Тоже мне открытие!» — подумал он.

— А как ты поживаешь, Аура?

— Мне уже шесть, — сообщила она.

Хоури вступила в разговор:

— Сегодня у нее детский день, Скорп. В такие дни Аура ведет себя более или менее похоже на шестилетнюю. Но она не всегда такая. Просто имей это в виду.

Скорпион пытливо смотрел на мать и дочь. Хоури выглядела старше, но не намного. Черты лица стали чуть резче, как на портрете, по которому художник прошелся остро отточенным карандашом, любовно подчеркнув каждый изгиб, каждую складочку. Отросшие до плеч волосы она разделяла ровным пробором и крепила маленькой серой заколкой. В них появились нити седины, лишь подчеркивающие черноту остальных. На шее обозначились морщинки, которых он раньше не видел; руки как будто исхудали. Но эта была все та же Ана, и не знай Скорпион, что прошло шесть лет, он, возможно, и, не заметил бы этих перемен.

Мать и дочь были в белом. На Хоури — длинная, до пола, юбка из мятой ткани, жакет со стоячим воротником и застегнутая под горло блузка. На Ауре — юбка до колен поверх белых легинсов и простая кофточка с длинными рукавами. Она была коротко подстрижена, темные вихры торчали, как у мальчишки, челка ровно нависала над глазами. Женщина и девочка стояли словно пара ангелов, слишком чистые для корабля, каким его помнил Скорпион. Хотя, возможно, на борту многое изменилось. Как-никак шесть лет прошло.

— Ты что-нибудь помнишь? — спросил он Ауру.

— Мне уже шесть, — ответила девочка. — Хочешь осмотреть корабль?

Скорпион улыбнулся, надеясь, что не испугает ребенка:

— С удовольствием. Но мне сказали, что для меня есть очень срочное и важное дело.

— А что именно тебе сказали? — спросила Хоури.

— Возникла проблема.

— Тоже мне открытие! — улыбнулась Хоури.

Но Валенсин отказался выпустить его из отсека криосна без полного медицинского осмотра. Врач заставил Скорпиона лечь на койку и призвал на помощь зеленых медицинских роботов. Машины жужжали над пациентом сканерами и зондами, а сам Валенсин поднимал свинье веки и светил ярким, до мигрени, фонариком в глаза, бормоча что-то под нос, словно нашел какой-то непорядок.

— По вашей милости я проспал шесть лет, — сказал Скорпион. — У вас было достаточно времени для осмотров.

— В этой процедуре наиболее опасно пробуждение, — сухо ответил Валенсин. — А также первые часы после пробуж-

дения. Учитывая, что капсула старая и вы из нее только что выбрались, а также принимая во внимание обусловленную физиологией свиньи идиосинкразию, я бы оценил ваши шансы не умереть в ближайшие часы как девяносто пять из ста.

— Я в порядке.

— Если это правда, то можно считать, случилось чудо. — Валенсин поводил ладонью перед лицом Скорпиона. — Сколько пальцев?

— Три.

— А теперь?

— Два.

— А теперь?

— Три.

— Теперь?

— Три. Два. Может, хватит?

— Нужно провести более тщательное обследование, но мне кажется, что периферийное зрение ухудшилось процентов на десять-пятнадцать.

Валенсин улыбнулся, словно Скорпион только и ждал эту новость: вот сейчас вскочит с койки и упругой походкой направится по делам.

— Меня только что разморозили. Чего вы ждали?

— Примерно того, что вижу, — ответил Валенсин. — У вас уже наблюдалось снижение периферийного зрения, перед тем как вы легли в капсулу. Ухудшение прогрессирует. Возможно, в течение нескольких часов зрение придет в норму, однако я не удивлюсь, если полного восстановления не произойдет.

— Но я же не постарел. Все это время я лежал в капсуле.

— Погружение в сон и выход из него, вот что создает проблемы. — Валенсин развел руками, словно просил прощения. — В некотором смысле последствия еще хуже тех, к которым привело бы бодрствование. Сожалею, Скорп, но эта технология создавалась не для свиней. В утешение могу сказать, что, если бы вы не проспали полет, зрение ухудшилось бы еще на пять или даже десять процентов.

— Ну что ж, отлично. Запомним на будущее. Мне всегда было интересно выбирать между двумя проигрышными раскладами.

— Но вы сделали правильный выбор, — заметил Валенсин. — С точки зрения косной статистики это была лучшая возможность пережить целых шесть лет. А что касается следующего раза, не советую так рисковать. Тот же консерватив-

ный статистический подход говорит, что шансы просуществовать новый срок в криокапсуле составляют пятьдесят процентов. А после упадут до десяти. Это жестокое испытание для организма, клетки не скоро придут в порядок и вспомнят, как им положено работать.

— Доктор, как это понимать? Я смогу залечь в эту штуковину всего один раз?

— Да так и понимайте. Но вы же не собираетесь укладываться уже завтра?

— Это что, такая манера успокаивать пациента? На меня почему-то плохо действует.

— Сарказм — низшая форма остроумия, — ответил Валенсин.

— Проку от вашего сарказма, доктор...

Скорпион оттолкнулся от кровати и резко встал, роботы Валенсина бросились врассыпную.

«Свинье пора выписываться», — подумал доктор.

В сфере голографического дисплея плыли символы солнца, планет, кораблей и руин. Перед сферой стояли Скорпион, Васко, Хоури и Аура, их отражения призраками висели в пространстве голограммы. Позади этих четверых стояло еще с полдюжины начальников, в том числе Круз и Эртон.

— Скорп, ты только не перенапрягайся, хорошо? Валенсин известный перестраховщик, но это не значит, что можно игнорировать его предупреждения. Ты нам нужен здоровым.

— Я еще живой, — ответил свинья. — И у вас была причина меня разбудить. Так что сперва плохие новости, идет?

Но Скорпион даже не представлял себе, насколько эти новости плохи.

Волки объявились в системе звезды Эпсилон Эридана, у Йеллоустона. Во множестве летящие прочь корабли свидетельствовали о том, что машины прибыли недавно и эвакуация еще не закончилась. На расстоянии до трех световых месяцев от Йеллоустона неровной сферической волной расходились субсветовики — они шли первыми. Скорпион увидел их, когда изменился масштаб и в сфере изобразилось окружающее Эпсилон Эридана пространство диаметром в световой год. Каждый корабль имел соответствующий цветовой флажок с пояснительной подписью: идентификат, вектор и так далее. Эти корабли напоминали рыбешек, разбегающихся от хищника, проникшего в самую середину косяка. Некоторые вырва-

лись вперед, некоторые приотстали, но предел ускорения в одно *g* гарантировал, что сферическая волна бегства еще не скоро утратит симметрию.

Возможно, крайние суда не относились к беженцам. Самые первые корабли — обычные торговцы — могли улететь с Йеллоустона еще до появления волков. Некоторые суда продвигались так быстро, что ужасная новость нагнала бы их через много лет. Внутри сферы тоже висели корабли, вывозящие последних беженцев или по каким-то причинам не достигшие максимального ускорения. Вблизи же Эпсилона Эридана, в радиусе световой недели от планеты, полностью отсутствовало исходящее движение. Если в не успевших остыть руинах и остались звездолеты, то они уже никуда не полетят.

Не было заметно и признаков внутрисистемного транспорта, не поступали сигналы от колоний и навигационных маяков. Те корабли, что приближались к системе Эпсилона Эридана в момент начала кризиса, теперь двигались в обход по широким дугам. Их экипажи и получили своевременно предупреждение и увидели затем эвакуацию. И теперь те, кто летел к Йеллоустону, спешили скрыться в межзвездном пространстве.

Понадобились годы, чтобы полностью стерилизовать пространство вокруг Дельты Павлина. Здесь же, как сразу понял Скорпион, геноцид продолжался не более полугода.

Но здешняя зачистка не походила на ту, что творилось на Ресургеме и окружающих его планетах.

Первый геноцид, происшедший в системе Дельты Павлина миллион лет назад, провалился, поэтому сейчас ингибиторы действовали с невиданным размахом: им нужен был стопроцентный успех. Они разрывали на части планеты, из добытого сырья строили машины — убийцы звезд. Этих чудовищ напустили на Дельту Павлина, пронзили его сердце, и оттуда ударил поток артериальной звездной крови, сохраняющий температуру и давление солнечной плазмы. И этот адский огонь был направлен на поверхность Ресургема, и там сгорело все живое — все, что не успело спрятаться в глубине планетарной коры, под километровой толщей матерых пород. Если на Ресургеме когда-нибудь и появится жизнь, она будет вынуждена развиваться чуть ли не от белковой молекулы.

И новые поколения освоителей космоса, увидев очевидные следы двух масштабных катастроф, предпочтут обходить стороной это место.

Однако это не было обычным стилем ингибиторов, почерком преступника. Фелка рассказала Клавэйну, что машины не программировались на уничтожение любой разумной жизни. Ингибиторы были много хитрее, злобнее и целеустремленнее, и их намерения простирались куда дальше простого убийства. Машины предназначались для сдерживания бурного развития межзвездной жизни, для предотвращения слишком активного завоевания космоса, для сохранения Галактики в первобытном состоянии на протяжении трех миллиардов лет.

Жизнь, рассредоточенную по удаленным друг от друга мирам, при посредстве катастрофы вселенских масштабов можно согнать в одно место, как овец в отару, и это случится относительно не скоро. Тогда и только тогда ей будет позволено развиваться стихийно.

Но удержание жизни в планетарных границах, как и стремление контролировать ее распространение в космосе, было только частью предназначения волков. В этом отношении полная стерилизация оплодотворенных систем вроде Дельты Павлина считалась последней мерой. Это был признак ошибочной деятельности, локальной некомпетентности. Стаи волков соревновались, боролись за престиж, демонстрировали друг другу свою способность сдерживать нарождающуюся жизнь. Разрушение планет, а потом и звезды выдавало ранний просчет, непростительную невнимательность. Результатом такой ошибки для стаи волков мог стать остракизм, лишение доступа к новейшим средствам истребления.

Возле Эпсилона Эридана развитие событий происходило в более тонком, можно сказать, хирургическом исполнении. Усилия атакующих сосредоточились вокруг инфраструктуры человеческого пребывания, а не самих миров. Стерилизовать собственно Йеллоустон не требовалось: планета изначально не была обитаема, единственную местную форму жизни представляли микробы. Человеческое население на поверхности Йеллоустона теснилось под глухими куполами. Колонии добывали из планетной коры сырье и тепло, но и это не было абсолютной необходимостью: если бы то и другое закончилось, люди вели бы полностью автономное существование, подобно космическим поселениям.

Этих сведений для волков оказалось достаточно: они сосредоточили удары на куполах, оставив остальную поверхность Йеллоустона в неприкосновенности. На месте былых Феррисвиля, Лореанвиля и Города Бездны теперь светились раска-

ленные, оплавленные радиоактивные кратеры, мигали в желтом смоге, заполонившем всю атмосферу. Выжить там не мог никто.

То же произошло на орбите Йеллоустона. До эпидемии плавящей чумы пояс орбитальных поселений вокруг планеты назывался Блистающим. Десять тысяч прекрасных самоцветов — городов-государств — висели бок о бок; население многих из них доходило до миллиона. Чума сдула позолоту с этой роскоши, и Скорпион видел останки Блистающего Пояса через много лет после катастрофы, их прозвали Ржавым Поясом. К тому времени большинство орбитальных анклавов превратилось в пустые оболочки, но оставались сотни станций, сумевшие сохранить экологию; каждая представляла собой карликовое государство, с собственными законами и соблазнительными возможностями для криминальной деятельности.

Скорпион никогда не был жадным. Ржавый Пояс вполне удовлетворял его запросы, в особенности когда свинья наладил связи с Городом Бездны. И вот теперь от Ржавого Пояса ничего не осталось. Вокруг Йеллоустона вращалось горящее кольцо, вишнево светящиеся руины. Все, что было крупнее булыжника, подверглось разрушению. Все до единого плоды деятельности человека обратились в пыль. Это было ужасно. И прекрасно.

Погиб не только Ржавый Пояс, но и все подступы к нему — ингибиторы отыскали и уничтожили каждое человеческое поселение в пространстве вокруг Йеллоустона. Скорпион заметил эти останки, вращающиеся по другим орбитам. Исчезла Гавань. Исчез Айдлвилд. Даже Глаз Марко, спутник Йеллоустона, был жестоко истерзан. На поверхности луны не осталось следов жилья размерами больше чума. Ни городов, ни космопортов, только радиоактивные пятна и несколько распыленных химических элементов, над происхождением которых будущим исследователям пришлось бы поломать голову.

Ту же картину Скорпион видел по всей системе: нигде не осталось ничего. Ни космических поселений, ни городков на поверхности, ни кораблей, ни передатчиков.

Скорпион заплакал.

— Многим ли удалось бежать? — спросил он, когда снова обрел силы смотреть в лицо реальности. — Сосчитайте корабли, определите, сколько на них может быть уцелевших.

— Это не важно, — сказал Васко.

— О чем ты, твою растакую мамашу?! Что значит — не важно? Это важно для меня. Потому я и прошу тебя об этом, гребаный ты ублюдок.

Хоури тронула его за рукав:

— Скорпион, ей шесть лет.

Он оглянулся на Ауру:

— Прости.

— Вы не поняли, — тихо проговорил Васко и кивнул на голографическую сферу. — Это не реальное время, Скорп.

— Что?

— Это запись. Сделана несколько месяцев назад. — Васко глядел на Скорпиона чересчур взрослыми глазами. — Положение ухудшилось. Я сейчас покажу.

По краю сферы побежали цифры, привязанные к локальному времени системы. Когда они остановились, Скорпион прочитал дату и растерялся. 04/07/2698. Числа ничего не говорили, они были слишком далеки от прожитых им в Городе Бездны лет, чтобы разбудить в его душе какие-то чувства. «Не для этого времени я создан», — подумал он.

Вырванный из своей эпохи, он теперь плыл по течению, навсегда удалившись от берегов истории.

Внезапно Скорпион содрогнулся от догадки: именно это чувство оторванности сформировало психологию ультра. Каким же ужасным оно было для Клавэйна!

На его глазах неровная граница бегства увеличилась, теряя подобие сферы с ростом расстояния между кораблями. Потом один за другим субсветовики стали пропадать. Их иконки мигали красным и исчезали бесследно.

Заговорила Эртон, стоявшая со сложенными на груди руками:

— Корабли были обречены с самого начала, ингибиторы за каждым снарядили погоню. Настигали, прорывались на борт, уничтожали все живое, а из добычи делали новых ингибиторов, и те разлетались на поиски новых жертв.

— Зная массу каждого корабля, мы даже можем определять численность созданной из его материала стаи, — добавил Васко.

Сфера бегущих кораблей начала распадаться. Вначале в ней были сотни субсветовиков, потом остались десятки. Искорки на дисплее гасли одна за другой.

— Нет, — прошептал свинья.

— Ничего нельзя сделать, — сказал Васко. — Этому миру конец, Скорпион.

— Перемотай вперед до конца.

Васко кивнул. Цифры превратились в расплывчатое пятно, масштаб изображения увеличился еще больше. Кораблей осталось мало, не больше двадцати. У Скорпиона не хватило духу пересчитать. По меньшей мере треть составляли те, что подлетали к Йеллоустону, когда разразился кризис. Из флота эвакуации продержалось не больше дюжины судов.

— Мне жаль, — сказал Васко.

— Зачем вы меня разбудили? — спросил Скорпион. — Только для того, чтобы ткнуть в это рылом? Показать, что мы прогадили время и средства, добираясь сюда?

— Скорпион, — тихо проговорила Аура, — не надо так. Мне же всего шесть.

— Вы просили вас разбудить, когда доберемся, — ответил Васко. — Вот мы и разбудили.

— Мы никуда не добрались! — рявкнул Скорпион. — Вы боитесь признаться себе. Мы повернем и улетим, как эти сукины дети, которым повезло выжить. Но я хочу знать: если вы разбудили меня не для того, чтобы показать все это, то для чего?

— Объясни ему, — сказала Хоури Малинину.

— Есть и другая причина, — сказал Васко.

Изображение поколебалось и застыло. В сфере возникло новое изображение, расплывчатое; даже включенные фильтры не сделали его четче. Компьютеры путем экстраполяций воспроизводили детали, соединяли их в условное целое и постоянно дорабатывали его, вылавливая из фоновых шумов и анализируя слабый сигнал. Максимумом того, что могли предложить камеры высокого разрешения, был прямоугольник с неясными выступами двигательных модулей и пузырями передатчиков.

— Это корабль, — сказал Васко. — Не субсветовик. Размеры поменьше, как у внутрисистемного шаттла или грузовика. Единственный корабль людей на расстоянии двух световых месяцев от Эпсилона Эридана.

— И какого хрена он тут делает? — спросил Скорпион.

— То же, что и все остальные, — ответила Хоури. — Пытается удрать. Он выдерживает пять *g*, но долго так лететь не сможет. Если только это и вправду корабль, в чем нас пытаются убедить, — добавила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы выяснили, откуда он появился, — объяснил Васко. — Конечно, это догадки, но мы считаем, что более или менее представляем себе случившееся.

Малинин перевел время назад, сузив сферу разлета субсветовиков. Изображение шаттла передвинулось к ее центру, совпав с субсветовиком, который внезапно вернулся там из небытия. Васко еще немного отмотал запись, потом пустил вперед с ускорением. Субсветовик помчался прочь от Йеллоустона по траектории бегства. Скорпион прочитал его название: «Дикий манул».

Иконка мигнула и исчезла. В тот же самый миг в точке, где раньше находился субсветовик, загорелся и немедля пришел в движение новый флажок.

— Кому-то удалось вырваться, — изумился Скорпион. — Они спаслись на шаттле как на шлюпке, прежде чем волки успели добраться до них.

— На субсветовиках в криокапсулах лежат сотни тысяч, так что спаслось совсем немного, — сказал Васко.

— Если мы вывезем хотя бы десяток, то прилетели не зря. На этом шаттле может находиться до тысячи пассажиров.

— Мы ничего не знаем, Скорп, — сказала Хоури. — Шаттл молчит. Если и ведет передачу, то на волне, которую мы не способны принять. Ни сигнала бедствия, ничего.

— Они молчат, потому что знают: космос вокруг кишит волками, — произнес Скорпион. — Но это не значит, что мы не должны выручать этих бедняг. Так вы для этого меня разбудили? Чтобы решить, будем мы спасать их или нет?

— По правде говоря, — ответил Васко, — мы разбудили вас, чтобы сообщить: шаттл в радиусе поражения гипометрического орудия. Мы считаем, что было бы разумнее уничтожить его.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Межзвездное пространство, Эпсилон Эридана, год 2698-й

Скорпион обходил корабль. Это отвлекало его от мыслей о судьбе Йеллоустона. Он то и дело ловил себя на том, что надеется — все окажется дурным сном, одним из тех навязчивых

кошмаров, которые приходят в период медленного восстановления после холодного сна. В любой миг этот иллюзорный слой может смениться реальностью, и тебя наконец вынут из криокапсулы. Новости будут плохие: волки мчатся к Йеллоустону, но пока не добрались туда. Ты успеешь что-то сделать — как минимум отправишь предупреждение планете. Если у системы будет хотя бы месяц, можно спасти много миллионов. Волки все равно уничтожат этот мир, но если «Ностальгия» сумеет продлить ему жизнь, это будет лучше немедленной гибели.

Хотелось верить в это — иначе все было напрасно.

Но он не просыпался. Кошмар, наступивший после разморозки, имел сильный и стойкий привкус реальности.

И к этому придется привыкнуть.

Пока Скорпион спал, на борту корабля многое изменилось. Релятивистские эффекты сжали двадцать три года перелета между Араратом и Йеллоустоном в шесть лет корабельного времени, бóльшую часть которого основная часть команды бодрствовала. Некоторые вообще не пожелали лечь в криокапсулы — какой в этом смысл, когда нет уверенности в будущем. Эти люди занимались производством и отладкой новых технологий — не только гипометрического оружия, но и других новшеств, оставленных Ремонтуаром. Когда Скорпион и его спутники выбирались в ремонтной капсуле за борт корабля, они оказывались в пространстве холоднее и темнее самого космоса. Установленные снаружи криоарифметические двигатели вытягивали тепло из окружающей среды посредством хитроумных квантовых вычислений. Техники пытались объяснить принцип работы криоарифметических устройств, но Скорпион сбился уже на середине лекции. В Городе Бездны он однажды нанял бухгалтера, чтобы скрыть свои доходы от налоговых органов Купола. И пережил подобное же ощущение, когда бухгалтер пытался растолковать ему тонкие нюансы своей патентованной технологии отмывания денег: от некоторых подробностей у Скорпиона болела голова. Он просто был не в силах постичь эти хитрости, как не мог постичь парадокс квантовых вычислений, благодаря которым двигатели умыкали тепло из-под носа у законов термодинамики.

Но пока эти двигатели работали, пока не выходили по спирали из-под контроля, как случилось на корабле Скади, его не интересовал принцип их действия.

Было и другое. Шаттл шел с ускорением, но сочленительские двигатели не давали выброса. Кораблик мчался сквозь космос, оставляя в кильватере тьму.

— Они модифицировали двигатели, — объяснил Васко, — сделали что-то с реакциями в ядре. Выброс, который дает ускорение, больше не взаимодействует со Вселенной. Он существует лишь несколько мгновений планковского времени, и этого хватает, чтобы создать для корабля момент импульса, — а после распадается на нечто такое, чего мы не можем уловить. Возможно, на то, чего здесь просто не существует.

— А ты подучил физику, пока я спал.

— Нужда заставит. Но не стану утверждать, что все понял.

— Важно то, что волки не могут нас выследить, — добавила Хоури. — Или, по крайней мере, им это теперь нелегко. Если бы ингибиторы точно знали наше местонахождение, они бы нас нашли. Но для этого им нужно подобраться поближе.

— А как насчет нейтрино, излучаемых двигателями в процессе реакции? — спросил Скорпион.

— Мы их больше не видим. Возможно, нейтрино распадаются на какие-то никому не известные частицы.

— И вы надеетесь, что волки о нас ничего не знают?

— Скорп, единственный способ проверить — подойти поближе.

Речь шла о шаттле. Удалось еще кое-что выяснить о нем — это был аппарат с необтекаемым корпусом, не предназначенный для полетов в атмосфере. Обычный корабль из тех, что тысячами летали в космосе вокруг Йеллоустона до прибытия волков. Довольно большой для вспомогательного судна и тем не менее достаточно компактный, чтобы уместиться в трюме субсветовика. Можно было только догадываться, сколько времени оставалось у команды и пассажиров, чтобы занять места, но в таком корабле с легкостью могло поместиться пять или шесть тысяч человек, и даже больше, если их заморозить или усыпить другим способом.

— Их нельзя бросить просто так, — настаивал Скорпион.

— Это могут быть волки, — отвечал Васко.

— Мне не кажется, что это волки. По мне, это просто шаттл, на котором люди спасаются бегством.

— Скорп, послушай, — снова заговорила Хоури. — Мы приняли сигналы бедствия с некоторых субсветовиков. Обра-

щенные ко всем, кто слышит. Сначала от первых, которые вскоре погибли. Они передавали, что атакованы волками. Все шло по известному нам сценарию — вторжение черных кубов, точно таких же, как на корвете Скади. Но корабли, уничтоженные позже, успели передать другое.

— Вот именно, — подхватил Васко. — Сообщения были обрывочными — естественно, ведь волки уже шли на штурм, — но все же нам удалось разобрать, что это не простые ингибиторы. Они освоили приемы маскировки, научились перемещаться среди нас незамеченными. Как только волки захватили и разнесли в клочья первый субсветовик, они поняли, как можно выдавать свои стаи за наши корабли. Они принимают вид шаттлов и других транспортников, имитируют выброс наших двигателей и передают идентификационные сигналы. Эта мимикрия несовершенна — вблизи отличить такую подделку от корабля не составляет труда, но издалека можно ввести в заблуждение какой-нибудь субсветовик, и тот начнет спасательную операцию. Если командование этого субсветовика посчитает себя добрым самаритянином и решит, что способно помочь беженцам.

— Что ж, отлично, — кивнул Скорпион. — Итак, у нас есть прекрасный повод не затевать никаких спасательных операций.

— Если это волки, то все, что мы делали до сих пор, мы делали напрасно. — Васко понизил голос, словно боясь напугать Ауру. — У нас на борту семнадцать тысяч человек. Они в безопасности. В относительной безопасности. И вот теперь вы предлагаете поставить на карту эти семнадцать тысяч жизней ради сомнительной попытки спасти несколько тысяч беженцев.

— То есть мы должны просто бросить их, обречь на смерть?

— Знай вы, что на борту шаттла несколько десятков человек, все равно бы рискнули? — спросил Васко.

— В этом случае — нет.

— Тогда где проходит граница? Когда допустимо пойти на риск?

— Никогда, — ответил Скорпион. — Но сегодня я провел границу. Здесь. И сейчас. Мы спасем этот шаттл.

— Может быть, посоветоваться с Аурой? — предложил Васко. — Потому что речь идет не только о семнадцати тысячах жизней. От того, выживет Аура или нет, может зависеть судьба миллионов. А то и существование всего рода человеческого.

Скорпион взглянул на девочку в платьице, с аккуратной прической, и абсурдность ситуации рухнула на него словно бетонная плита. Если забыть историю Ауры, забыть о той цене, которую пришлось за нее заплатить, забыть о том, что творится в ее голове, то все сведется к простой вещи — шестилетний ребенок повсюду ходит со своей матерью, говорит только тогда, когда к ней обращаются. И вот теперь ему предлагают спросить ее, возможна ли боевая операция, от исхода которой зависят тысячи человеческих жизней.

— У тебя есть что сказать нам на этот счет? — спросил он Ауру.

Она взглянула на мать, без слов спрашивая разрешения.

— Да, — ответила Ана.

Чистый голосок Ауры разнесся в «Пауке», словно пение флейты:

— Да, мне есть что сказать, Скорпион.

— Хотелось бы услышать.

— Ты не должен спасать этих людей.

— Не возражаешь, если я поинтересуюсь, почему?

— Потому что они уже не люди, — ответила Аура. — И никогда больше не будут людьми.

Скорпион сидел в большом командном кресле, в отсеке без иллюминаторов, давным-давно, во времена триумвирата, служившем центральным артиллерийским постом «Ностальгии по бесконечности». Он казался себе младенцем в мире взрослых, среди огромной мебели: его сапоги едва доставали до решетчатого упора для ног.

Окружавшие свинью экраны показывали процесс осторожного сближения с шаттлом. Лазеры, нащупавшие его во тьме, теперь скользили по тупоносому треугольному корпусу. С каждой уходящей секундой трехмерное изображение шаттла становилось все более подробным. Уже было видно стыковочное оборудование, антенны связи, трубки Вентури, панели шлюзов и иллюминаторы.

— Осторожней, Скорпион, — сказал Васко.

— Я готов, — ответил тот, держа импровизированную рукоять управления огнем, которую потребовал установить на подлокотнике кресла. Рычаг по форме подходил к его копыту, но все равно казался неудобным.

Одно сильное нажатие, и все. Гипометрические орудия кружатся штопорами в своих шахтах, готовые выстрелить в любой миг. Все три пушки нацелены на одну движущуюся цель. Единственное оставшееся орудие класса «Ад» и все штатные артсистемы тоже наведены на шаттл. Скорпион от души надеялся, что если шаттл окажется замаскированной волчьей стаей, то пушка с тайного склада сможет справиться с ними. Обычные огневые средства вряд ли нанесут им мало-мальский урон. Они лишь задержат волков, заставят искать средство противодействия.

Трудно сказать, много или мало сил сосредоточено под его рукой. «Нужен полный спектр превосходства» — так бы выразился Клавэйн.

Но на столь малом расстоянии невозможно было полагаться даже на гипометрические орудия. Существовало неустойчивое, в высшей степени капризное соотношение между величиной зоны поражения и дистанцией выстрела. Когда цель далеко — в одной или более световой секунде, — можно разделаться с ней за один раз, сделав диаметр уничтожающей сферы достаточно большим. Но близкая цель — всего в сотне метров, как в данном случае, — увеличивала степень непредсказуемости неизмеримо. Чтобы иметь возможность локализации зоны поражения, приходилось очень сильно уменьшать ее диаметр, вплоть до десятка метров. После выстрела гипометрическому орудию требовалось несколько секунд, чтобы вновь раскрутиться до скорости выстрела, поэтому лучшее, на что Скорпион мог надеяться, — это несколько мелких ран, которые тем не менее ослабят противника.

Он сомневался, что успеет раскрутить гм-пушки снова и произвести новый залп. Но надеялся, что это и не понадобится. Когда шаттл находился на безопасном расстоянии, на борту «Ностальгии» решали, не отправить ли ему навстречу свой транспорт — проверить, что собой представляет этот корабль. Но Скорпион запретил. На разведку уйдет много времени, за этот срок другие волки могут засечь их и окружить. И даже если пилоты разведывательного шаттла доложат, что судно действительно принадлежит человеческой цивилизации, кто даст гарантию, что его экипаж не захвачен волками, проникшими в мозги экипажа и просканировавшими их в поисках кодов и паролей? Точно так же невозможно было бы доверять

изображению, которое поступало бы с разведчика на экраны «Ностальгии», а также голосам и лицам команды. Лица и голоса могут показаться подлинными, но у волков были миллионы лет, чтобы освоить искусство моментальной мимикрии. На «Ностальгии» никто не сможет с уверенностью утверждать, что она принимает на борт дружественных беженцев.

Нет, у них было только два варианта: оставить шаттл в покое (а лучше уничтожить) или уповать на то, что он настоящий и на его борту действительно беженцы. Никаких полумер.

Скорпион не сомневался, что Клавэйн согласился бы с его выводами. Единственное, в чем он не был уверен, — это в окончательном выборе старика.

Клавэйн, когда обстоятельства того требовали, умел быть хладнокровным подонком.

«Значит, смогу и я, — подумал Скорпион. — Просто еще не время».

— Двести метров, — сообщил Васко, глядя на дисплей лазерного дальномера. — Приближаемся, Скорп. Вы уверены, что не стоит отступить?

— Уверен.

Внезапно свинья почувствовал, что рядом стоит Аура. Каждый раз, встречая девочку, Скорпион отмечал, что она все меньше похожа на ребенка.

— Слишком опасно, — сказала она. — Нельзя так рисковать, Скорпион. Слишком много можно потерять.

— Ты знаешь об этом шаттле не больше моего, — ответил он.

— Я только знаю, что этот шаттл мне не нравится, — сказала Аура.

Скорпион осклабился:

— Сегодня ты не маленькая девочка, верно? Сегодня ты пророк с пугающими вестями?

— Она говорит только то, что чувствует, — вступилась за дочь Хоури, сидящая рядом со Скорпионом с другой стороны. — Разве у нее нет на это права?

— Я в курсе, — ответил он.

— Уничтожь этот корабль немедленно, — потребовала Аура, властно сверкая золотисто-карими глазами.

— Сто пятьдесят метров, — доложил Васко. — Скорп, мне кажется, Ауру стоит послушать.

— Мне кажется, ей лучше заткнуться.

Но его копыто непроизвольно сжало рукоятку. Еще чуть-чуть, и он сам откроет огонь.

«Что успели увидеть люди с этого корабля, — подумал он, — прежде чем на нем поняли, что все кончено?»

— Сто тридцать. Скорп, сейчас шаттл окажется на прожекторной дальности.

— Тогда включите прожекторы. Посмотрим, что будет.

Изображение сменилось другим, получаемым от оптических камер. Потоки света залили все вокруг. Приближающийся шаттл вращался, демонстрируя то один борт, то другой. Свет выхватывал детали корпуса: обшарпанную керамику, обзорные блистеры из гипералмаза, полустертые расплывчатые надписи, проблески голого металла на стыках панелей, спирали пара из маневровых дюз. Шаттл кажется до жути реальным, думал Скорпион. Слишком реальным для маскировки. Машины-волки похожи на творение рук человеческих только на расстоянии; при ближайшем рассмотрении очевидно, что это лишь грубая модель, не собранная тщательно из металла и керамики, а слепленная второпях из мириад черных кубов. Грани и углы такой подделки не сглажены, там нет мелких деталей, защитного покрытия, специальных обозначений, следов повреждения или ремонта...

— Сто десять, — сказал Васко. — Еще десять метров, и я отключу орудие. Вы не против, Скорп?

— Подтверждаю.

Они заранее договорились об этом. На близком расстоянии пушка из тайного склада могла причинить вред и шаттлу, и «Ностальгии по бесконечности». Конечно, орудие класса «Ад» было единственным по-настоящему действенным средством против волков, но Скорп предпочитал об этом не думать.

— Орудие дезактивировано, — доложил Васко. — Девяносто пять метров. Девяносто.

На экране медленно проплывали кормовые дюзы шаттла. Скорпион отметил, что они сгруппированы, как стволы у родственных пулемету Гатлинга систем оружия. Дюзы еще не остыли до конца после недавнего ускорения, их цвет менялся, проходя весь спектр. Потом появилась одна из опор, используемая при посадках на безвоздушные планеты, возникли блистеры и стержни непонятного назначения. И нечто совсем ино-

го рода: уступчатые черные наросты, выстроившиеся по корпусу геометрическими линиями.

— Волки, — понизил голос до шепота Васко.

Скорпион, которому холод мгновенно объял сердце, неотрывно смотрел на шаттл. Васко прав, черные наросты в точности похожи на те, что они видели на корабле Скади, внутри айсберга.

Рука еще крепче сжала рукоять управления огнем. Ему показалось, что гипометрические орудия задрожали в предвкушении расправы.

— Скорп, — сказал Васко, — уничтожьте их. Немедленно.

Скорпион сидел неподвижно.

— Стреляйте же! — крикнул Васко.

— Это маскировка, — проговорил Скорпион. — Они просто инфицированы...

Выхватив рукоятку управления у Скорпиона, Васко сдернул ее с кресла. За джойстиком тянулись провода. Замешкавшись, Малинин вертел добычу перед собой, не мог понять, как управляться с этим незнакомым, для свиного копыта приспособленным инструментом. Скорпион рванулся к Васко, перегнулся через подлокотник. Вцепившись копытом в рукоятку, он другой рукой отталкивал Малинина.

— Ты заплатишь за это, мать твою! — прохрипел он.

— Убей их! — крикнул молодой человек. — Убей немедленно, а со мной разберешься потом. Осталось всего семьдесят пять метров, Скорп!

Внезапно Скорпион почувствовал, как что-то холодное прижалось сбоку к его шее. Он дернул головой и увидел Эртон. Еще ему удалось заметить серебристый блеск. Это мог быть пистолет, или нож, или шприц — не важно.

— Отпусти, Скорп, — проговорила она. — Все кончено.

— Что это? — спокойно спросил он. — Мятеж?

— Не драматизируй. Это просто смена власти.

Васко схватил рукоятку и нажал спуск.

Свет погас и снова вспыхнул.

Ему позволили взглянуть на беженцев.

Шаттл завели в один из портов «Ностальгии», и теперь находившиеся в нем люди под присмотром офицеров СБ спускались по трапу. Охранники производили тщательный досмотр

каждого прибывшего. Некоторые беженцы понимали, с кем имеют дело, по крайней мере догадывались. На лице у многих было написано облегчение — их наконец спасли. Другие казались подавленными, словно знали, что это лишь временная передышка и новая беда не заставит себя ждать.

Всего на шаттле летели тысяча двести человек, включая две дюжины членов экипажа. Замороженных не оказалось: когда волки напали на субсветовик, времени едва хватило, чтобы перегнать на шаттл малую часть спасаемых. На субсветовике осталось несколько сот тысяч человек, и они превратились в сырье для производства новых волков. К счастью, в момент нападения большинство пребывало в замороженном состоянии. Внедрять им в голову зонды и выкачивать память вряд ли ингибиторы сочли необходимым — к тому времени они наверняка уже добыли все необходимые тактические данные. Скорее всего, люди представляли ценность только как набор химических элементов.

Экипаж и беженцев опросили, и их рассказы были ужасны. Некоторые имели при себе записи, свидетельства из первых рук о нападении волков. Буйная оргия трансформации стремительно пожирала корабль, разрывала на куски каюты и одновременно исторгала новорожденных волков. Скорпион просмотрел видеозапись уничтожения недавно отстроенных куполов Города Бездны — в полусферах появлялись пробоины, образовавшиеся из дыхательной смеси спиральные ветры уносили наружу все живое и неживое в холодную, бесконечно терзаемую бурями атмосферу Йеллоустона. Чернильными водопадами волки устремлялись к руинам; неподвластные гравитации, они собирались в огромные тучи и спаривались с изуродованными плавящей чумой городскими постройками. Здания вздувались и выворачивались наизнанку под напором нового волчьего поколения.

Там, где люди пытались отражать атаки, волки испепеляли их огнем, возникающим прямо из вакуума.

Беженцы рассказывали о хаосе, который воцарился в Ржавом Поясе, когда люди прорывались на борт последних звездолетов. Тысячи погибли во время паники, часть уцелевших резаками прокладывала себе путь в субсветовики, наводняя их словно микробы, пытаясь отыскать хоть малейший уголок для существования внутри набитых оборудованием корпусов.

Атакуемые толпами беженцев, ультра отстреливались из корабельных орудий или смирялись, позволяя заполнить свои корабли до предела. Никто не проверял документов, не требовал медицинских свидетельств, даже не спрашивал имен. Имена в хаосе были забыты, прошлые заслуги отметены. Люди несли с собой только свои воспоминания. Но холодный сон творит с человеческой памятью нечто ужасное.

Скорпиону позволили наблюдать за высадкой и присутствовать при опросе беженцев, а потом увели. На него не надели наручников или других оков — проявили должное уважение, — но он не питал иллюзий. Люди на борту «Ностальгии» больше ничем ему не обязаны, и уж они постараются, чтобы свинья об этом не забыл.

Офицеры пытались расспросить старика, который, похоже, забыл все, даже собственное имя. Должно быть, его разморозили недавно и второпях, чтобы перевести с одного корабля на другой. Он частил и бурно жестикулировал, очевидно пытаясь донести до охранников что-то особенно ему дорогое. У старика была седая бородка и густые седые волосы, аккуратно зачесанных назад. На секунду они со Скорпионом встретились взглядами. В глазах старика была какая-то мольба, горячее желание пообщаться с другим живым существом, способным понять его мучения. Не обязательно помочь — что-то в осанке и выражении лица этого человека говорило о его солидности и достоинстве даже в такую минуту, — но лишь на короткий миг разделить его эмоциональную ношу, осознать, чего он хочет и ищет.

Скорпион отвернулся, понимая, что не в силах оказать старику ни малейшего содействия. Когда он снова взглянул в ту сторону, со стариком уже закончили; данные, каковы бы они ни были, записали, а его самого отправили в жилой ярус. Теперь офицеры СБ уже допрашивали другую заблудшую душу. На борту «Ностальгии» семнадцать тысяч спящих, подумал Скорпион. Вряд ли пути его и старика когда-нибудь пересекутся вновь.

— Ну что, Скорпион, вы все видели? — спросил Васко.

— Да, достаточно, — ответил он.

— И не изменили мнение?

— Да вроде не изменил.

— Вы были правы, Скорп. Никто с этим не спорит. — Васко взглянул на людей, стоящих в очереди к столам регистра-

ции. — Теперь мы все это видим. И все равно так нельзя. Риск был слишком велик.

— Похоже, капитан думает иначе. Что, удивил он вас?

Васко медлил с ответом, и этого было достаточно. Положа руку на сердце, Скорпион и сам удивился не меньше других. Когда Васко нажал на гашетку гипометрического орудия, выстрел произошел нормально, но точка прицела сместилась. Вместо того чтобы уничтожить весь шаттл, пушка с хирургической точностью удалила ту часть, где устроили плацдарм волки. Капитан согласился со Скорпионом — шаттл был не ловушкой ингибиторов, а обычным человеческим кораблем, в незначительной степени зараженным. Возможно, зароненные семена были слабы, иначе волки уже поглотили бы весь шаттл. Однако в данном случае еще оставался шанс, и капитан его точно распознал. Изменив прицел, он дал понять, что способен управлять внутренними процессами корабля куда лучше, чем казалось всем.

Васко пожал плечами:

— Нам придется учитывать этот фактор в долгосрочном планировании. Ничего другого не остается, корабль по-прежнему держит курс на Хелу. Капитан считает, что мы должны лететь именно туда.

— Ты, главное, следи за тем, чтобы всегда находиться на нужной стороне, — проворчал Скорпион. — А место назначения может оказаться и не столь привлекательным.

— Капитан — не проблема для нас.

— Угу. Я тоже теперь не проблема.

— Скорпион, я не хотел, чтобы так вышло. К этому привели ваши действия.

Да, свинья сам этого добился. Выбор невелик: либо уход с поста по состоянию здоровья, либо возвращение в капсулу, чтобы сохранить достоинство. Что там сказал Валенсин? В следующий раз у него будет пятьдесят шансов из ста на пробуждение. Но даже если криосон не убьет его, то превратит в развалину, живущую только на лекарствах. Еще один сеанс в капсуле, и статистическая вероятность смерти превысит разумные рамки.

— Значит, ты не хочешь признать, что это бунт?

— Не смешите, — ответил Васко. — Мы ценим ваш вклад в существование колонии. Номинально вы по-прежнему глава. Просто теперь стали в большей степени консультантом.

— Буду шлепать печати на твои с Эртон приказы? Легализовать решения вашей шайки?

— К чему такой цинизм?

— Зря я не утопил тебя, когда была возможность, — сказал Скорпион.

— Кто бы говорил! Я, между прочим, очень многому научился у вас и у Клавэйна.

— Ты провел рядом с Клавэйном всего день, сынок.

— А сколько с ним были знакомы вы, Скорпион? Двадцать или тридцать лет? Это один час по сравнению с тем, что он прожил. По-вашему, тут есть разница? Мы оба толком не знали Клавэйна, если на то пошло.

— Может быть, я его не знал, — ответил Скорпион, — но почему-то уверен, что Клавэйн тоже спас бы этот шаттл.

— Скорее всего, вы правы, — ответил Васко, — но все равно это было бы неоправданным риском. Клавэйн тоже ошибался, и вам это известно. Он не был непогрешим, иначе его не прозвали бы Фарсидским Мясником.

— Вы и его решили скинуть с пьедестала, я правильно понял?

Васко обдумал услышанное и кивнул:

— Он тоже устарел. Иногда приходится вырубать старые деревья.

Аура пришла повидаться со Скорпионом, прежде чем его снова положили в криокамеру. Она стояла впереди матери — прямые ножки, сцепленные кисти рук. Хоури приглаживала волосы на голове дочери, поправляла и без того ровную челку. Обе были в белом.

— Прости, Скорпион, — сказала Аура. — Я не хотела, чтобы от тебя избавились.

Скорпиону захотелось сказать что-нибудь грубое, причиняющее боль, но слова застряли в горле. В глубине души он знал: Аура ни при чем. Она не просила, чтобы в ее голову были вложены знания и механизмы.

— Ничего страшного, — наконец ответил он. — От меня им так легко не избавиться. Я просто посплю до тех пор, пока им не понадобится моя помощь.

— Тогда это ненадолго, — сказала Хоури.

Она опустилась на колено, ее голова оказалась на одном уровне с головой дочери.

— Ты был прав, — сказала она. — Что бы там ни говорила Аура, что бы ни говорили другие, твой поступок был верным и смелым. И в тот день, когда мы об этом забудем, мы станем называться волками.

— Я тоже так думаю, — кивнул Скорпион. — Спасибо за поддержку. Не то чтобы у меня никогда не было союзников. Просто их никогда не бывало достаточно.

— Никто из нас никуда не денется, Скорп. Когда ты проснешься, мы все будем рядом.

Он кивнул в ответ, думая о другом. Глядя на него, Хоури сказала себе, что шансы Скорпиона на благополучное пробуждение не так уж велики.

— А ты? — спросил Скорпион. — Ты ляжешь в капсулу на этот раз?

Он ждал ответа от Хоури: вопрос был задан ей. Но заговорила Аура:

— Нет, Скорпион, я не собираюсь спать. Мне всего шесть. Я должна повзрослеть, пока мы не доберемся до Хелы.

— Ведь это ты все устроила, да?

— Ничего я не устраивала, — ответила Аура. — Просто с каждым днем я помню все больше и больше.

— О тенях?

— Это люди, — ответила она. — Не такие, как мы, но похожие на нас, очень похожие. Просто они живут... по другую сторону. И там у них очень плохо. Их мир пришел в страшный беспорядок. Поэтому они больше не могут там жить.

— Иногда она говорит о мирах-бранах, — пояснила Хоури, — бормочет во сне какую-то математику, что-то о складках и гравитационной связи через балк. Мы считаем, Скорп, что тени — это живые существа, обитатели соседней вселенной.

— Это многое объясняет.

— Из старых теорий известно, что иная вселенная может существовать всего в нескольких миллиметрах от нашей, в гиперпространстве балка.

— И как это касается нас?

— Аура уже сказала: тени больше не могут жить в своем мире. Они хотят уйти оттуда. Надеются пройти через балк, но для этого им нужно, чтобы кто-то с нашей стороны помог им.

— Только и всего? Но выгодно ли это нам?

— Скорп, Аура утверждает, что нужно вступить в переговоры с тенями. Дает понять, что тени помогут справиться и с нашими бедами.

— При условии, что мы пропустим их через балк, — добавил Скорпион.

— Да, суть в этом.

— Знаешь, что я скажу? — спросил свинья, глядя на техников, которые уже приступили к его замораживанию. — На этот раз я собираюсь хорошо выспаться.

— Что это у тебя в руке? — спросила Хоури.

— На счастье. — Скорпион показал ей кусок плавника, полученный от Ремонтуара.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Хела, год 2727-й

Рашмика шла в Часовую Башню, когда, появившись из-за колонны, путь ей преградил Грилье. Она удивилась: сколько же генерал-полковнику пришлось тут простоять, дожидаясь ее и надеясь, что она не пойдет другой дорогой?

— Здравствуйте, ваше превосходительство, — сказала она.

— Чуточку поболтаем, если у вас есть время.

— Я тороплюсь в покои настоятеля. Скоро на переговоры придут новые ультра.

— Понимаю, настоятель уже не может без вас обойтись, но обещаю отнять не более пары минут.

Рашмика пожала плечами: было ясно, что Грилье не отвяжется.

— Что вам нужно?

— Ничего особенного, — ответил врач. — Просто в вашей крови обнаружена аномалия. Полагаю, вам следует об этом знать.

— Ну, излагайте.

— Не здесь же... Сами понимаете, всюду уши.

Рашмика посмотрела по сторонам. Вокруг не было ни единой живой души. Она вдруг вспомнила, что при появлении генерал-полковника залы немедленно пустели. Встречные словно растворялись в архитектуре собора, особенно когда Грилье,

вооружившись медицинским чемоданчиком с заправленными шприцами, отправлялся в обход. Сегодня при враче была только его трость, набалдашником которой он постукивал себя по подбородку при каждом слове.

— Вроде вы говорили про пару минут, — сказала Рашмика.

— Так и есть, тем более что вам по пути. Мы только заглянем на минутку в службу крови, а после вы отправитесь по своим делам.

Грилье сопроводил Рашмику к ближайшему лифту Часовой Башни, затворил решетчатую дверь и запустил кабину. Снаружи был день. Во время подъема цветные тени витража скользили по лицу врача.

— Вам нравится новая работа, мисс Эльс?

— Работа как работа, — ответила она.

— Не слышу энтузиазма. Сказать по правде, удивлен. Учитывая, что вас ожидало — смертельный риск на расчистке, — почему вы теперь не на седьмом небе от счастья?

Что она могла ответить? Что до смерти напугана голосами, которые с недавних пор звучат в ее голове?

Нет, об этом не следует говорить. Вокруг достаточно настоящих причин для страхов, незачем припутывать сюда еще и тени.

— До Пропасти Искупления осталось семьдесят километров, — ответила она. — Всего-то три дня пути. Если честно, хочется оказаться подальше отсюда.

— Неужели вам страшно?

— Только не говорите, что вас эта перспектива радует.

— Настоятель знает, что делает.

— Вы так считаете?

Красные и зеленые пятна гонялись друг за другом по лицу Грилье.

— Да, — ответил он.

— Нет, вы ему не верите, — сказала Рашмика. — Боитесь не меньше моего, я вижу. Вы же здравомыслящий человек. У вас в жилах нет крови настоятеля. И вы знаете, что собору через мост не пройти.

— Все когда-то бывает в первый раз, — ответил врач.

Чувствуя пристальное внимание Рашмики, он пытался справиться с выражением своего лица; от этого дергалась жилка на виске.

— Настоятель ищет смерти, — сказала Рашмика. — Он знает, что исчезновения близятся к кульминации, и хочет должным образом отметить это событие. Что может быть лучше, чем разбить собор о дно Пропасти и при этом сделаться мучеником? Куэйхи настоятель, а это высокая должность. Но кто сказал, что ему не снится нимб святого?

— Вы кое о чем забыли, — ответил Грилье. — У настоятеля далекоидущие планы. Он хочет нанять ультра для охраны на долгий срок. Человек, намеревающийся через три дня покончить с собой, не станет заниматься такими вещами. Что скажете на это?

Возможно, Рашмика ошибалась, но на сей раз, похоже, Грилье верил тому, что говорил. А ведь врач может и в самом деле знать, что у Куэйхи на уме.

— По пути сюда я видела кое-что странное, — сказала Рашмика.

Грилье поправил прическу. Обычно идеально ровная площадка его светлых волос сейчас пребывала в некотором беспорядке. Генерал-полковник боится не меньше прочих, подумала Рашмика, но не хочет этого показать.

— Что же? — эхом откликнулся он.

— В самом конце пути каравана, — ответила она, — когда мы только прошли через мост и уже направлялись к соборам, мимо нас на север проследовала целая колонна землеройных машин. Такие применяются на раскопках, в больших местах обитания вертунов. Интересно, куда же направлялась вся эта техника?

Грилье прищурился:

— Обычное дело. Где-то на Вечном Пути случился завал, и машины спешили расчистить дорогу, прежде чем туда подойдут соборы.

— Но экскаваторы шли в другую сторону, — возразила Рашмика. — Квестор каравана отказался об этом говорить. Похоже, ему велели вообще не обращать на эту технику внимания, будто ее нет вовсе.

— Настоятель к этому не имеет никакого отношения.

— Но работы такого масштаба вряд ли могут вестись без его ведома, — упорствовала Рашмика. — Я думаю, это настоятель отправил туда машины. Для чего они нужны? Захоро-

нение вертунов, которое он держит в секрете? Археологи обнаружили что-то такое, чего нельзя показать простым старателям?

— Понятия не имею. — На виске Грилье билась жилка. — Не знаю и знать не хочу. Я занимаюсь службой крови и здоровьем настоятеля. И все. У меня хватает забот и без междусоборных интриг.

Кабинка вздрогнула и остановилась. Грилье с видимым облегчением пожал плечами:

— Ну вот мы и на месте, мисс Эльс. И теперь, если вы не против, настал мой черед задавать вопросы.

— Вы сказали, что это займет очень мало времени.

Грилье улыбнулся:

— Ну, может быть, я немножко вас обманул.

В офисе он усадил Рашмику в кресло и показал результаты анализа ее крови, сопоставленные с другими пробами, — чьими именно, он не счел нужным сказать.

— Я очень интересуюсь вашим даром, — объяснил Грилье, подперев подбородок набалдашником трости и неотрывно глядя на Рашмику из-под набрякших век. — Пытался определить, обусловлена ли эта способность генетически. Ничего странного, — в конце концов, я же ученый.

— Вам виднее, — буркнула Рашмика.

— Проблема в том, что я попал в яблочко раньше, чем начал искать соответствия и расхождения. — Грилье похлопал по медицинскому чемоданчику. — Кровь — моя стихия, — продолжал он. — Была ею и будет. Генетика, клонирование и тому подобное — все это в конечном итоге сводится к старой доброй крови. Она мне снится. Моря венозной крови, геморрагические реки. Я не из тех, кто от ее вида падает в обморок, уж не извольте сомневаться.

— Я никогда и не сомневалась.

— Понимание крови — предмет моей профессиональной гордости. Кто бы ни оказался в моем окружении, я рано или поздно получу от него образец. Архив «Пресвятой Морвенны» содержит почти полную генетическую картину этой планеты и историю ее эволюции за последние сто лет. Рашмика, вы удивитесь, насколько очевидны эти перемены. В течение многих веков наша эволюция не стояла на месте. Население Хелы — это сплошь потомки колонистов с горстки кораблей, первым

из которых было «Гностическое восхождение». Источников происхождения нашей колонии немного, и все эти миры тоже имели четкую генетическую историю. Новоприбывшие — паломники, искатели приключений, беженцы мало что меняют в наборе генов. Естественно, каждый прибывающий на Хелу сдает образец крови, и эти образцы должным образом регистрируются.

Грилье достал из чемоданчика пробирку и встряхнул, глядя на пенистую жидкость земляничного цвета:

— К чему я это говорю? А к тому, что если вы на Хеле не новосел, то я могу предсказать формулу вашей крови, и довольно точно. И даже еще точнее, если буду знать, откуда вы родом, — тогда я смогу учесть фактор интербридинга. Вообще-то, Равнина Вигрид давно меня интересует, я многое знаю о ней. — Врач постучал набалдашником по экрану, где светились данные. — Взять, к примеру, этого парня. Типичный житель Равнины Вигрид. Спутать его образец с кровью из других районов Хелы невозможно. Анализ настолько типичный, что даже пугает.

Прежде чем заговорить, Рашмика сглотнула:

— Это кровь Харбина?

— Да, если архив не ошибается.

— Что с ним? Где он?

— Где он? — Грилье притворился, что читает мелкий шрифт внизу дисплея. — Похоже, мертв. Погиб при расчистки Пути. А в чем дело? Вы же не будете притворяться, что он ваш брат?

Она пока ничего не чувствовала. Это походило на прыжок с обрыва. В то мгновение, когда траектория полета горизонтальна, когда гравитация еще не потащила тебя вниз.

— Вы же знаете, что он мой брат, — проговорила она. — Видели нас вместе. Присутствовали на собеседовании с Харбином.

— Я присутствовал на собеседовании с кем-то, — ответил Грилье. — И не думаю, что это был ваш брат.

— Неправда.

— В понятиях генетики, боюсь, правда. — Грилье кивнул на дисплей, предлагая Рашмике самой делать выводы.— Кровь связывает вас с ним не больше, чем со мной. Он вам не брат, Рашмика. А вы ему не сестра и никогда ею не были.

— Значит, одного из нас усыновили? — предположила Рашмика.

— Что ж, любопытно слышать это от вас, поскольку я тоже так подумал. И решил, что лучший способ разобраться во всей этой каше — лично отправиться на место. Я лечу на Равнину Вигрид. Надеюсь, это не займет больше одного дня. Не хотите ли передать через меня привет кому-нибудь?

— Не трогайте их, — прошептала она. — Что бы вы там ни делали, не причиняйте им зла.

— Никто никому не причинит зла. Но вы сами знаете манеры этих мирян. Сплошные атеисты. Чужих на дух не переносят. Очень подозрительны к церквям, потому что боятся попасть под наше влияние.

— Не трогайте моих родителей, — проговорила она, — и тогда я не трону вас.

Грилье спрятал пробирку в чемоданчик, захлопнул крышку и защелкнул замки.

— Ничего вы мне не сделаете, потому что я вам необходим как союзник. Настоятель — опасный человек, и он очень серьезно относится к переговорам с ультра. Если хотя бы на секунду усомнится, что вы не та, кем он вас считает, и способны каким-то образом повлиять на его выбор... Даже трудно представить, что будет. — Грилье сделал паузу и вздохнул, словно понял, что взял неверный тон, и решил исправить ошибку, вернувшись к началу разговора. — Понимаете, это в равной степени и моя, и ваша проблема. Образец вашей крови наводит на мысль, что вы вообще не отсюда. Скорее всего, родились не на Хеле, и ваши родители тоже. Возможно, всему этому найдется вполне невинное объяснение, но до тех пор я буду подозревать худшее.

— А именно?

— Что вы не та и не то, за кого себя выдаете.

— И это вас так беспокоит, генерал-полковник?

По лицу Рашмики уже текли слезы: весть о смерти Харбина сокрушительно ударила ее в сердце, хотя девушка уже давно догадывалась о его печальной судьбе.

— Беспокоит! — прорычал он. — Это была моя блестящая идея — разыскать вас и свести с настоятелем. И вот теперь я не могу понять, что за чертовщину сюда приволок. А еще я знаю, что у меня будет ровно столько же неприятностей, сколько у вас, если настоятелю все это станет известно.

— Вам он ничего не сделает, — сказала Рашмика. — Вы ему нужны, потому что поддерживаете в нем жизнь.

Грилье встал:

— Что ж, будем на это надеяться. Хотя не вы ли несколько минут назад пытались убедить меня в том, что настоятель решил свести счеты с жизнью? А теперь утрите слезы.

На лифте через слои витражного света Рашмика поднималась одна. Она плакала, и чем упорнее старалась унять слезы, тем сильнее они лились. Девушка пыталась внушить себе, что виновато известие о смерти Харбина. Плач — очень честная реакция, человеческая, сестринская. Но в душе она понимала: брат тут почти ни при чем. Она чувствовала, как рушится скорлупа вымысла, обнажая голую правду о том, кто она сейчас и кем была раньше. Тени правы — в этом она теперь нисколько не сомневалась. И причин подозревать, что Грилье солгал насчет крови, не было. Открытие потрясло врача не меньше, чем ее саму.

Она горевала о Харбине. Но еще больше горевала о Рашмике Эльс.

Как же так? Тени говорили о машинах в ее голове; Грилье сказал, что она, скорее всего, родилась не на Хеле. А ведь Рашмика помнила, что появилась на свет в семье старателей на Равнине Вигрид, что у нее был брат по имени Харбин. Однако теперь на свое прошлое она смотрела иначе — холодным, цепким, хищным взглядом человека, подозревающего подделку. Она искала белые нитки и кривые швы. Но воспоминания были безупречны, любая восстановленная в памяти деталь выглядела как подлинное мгновение реальной жизни. Девушка не просто видела свое прошлое в воспоминаниях: она слышала и чуяла его, осязала истинную шероховатость действительности.

Так продолжалось, пока Рашмика не забралась подальше в прошлое. Девять лет, сказали тени. Ее воспоминания девятилетней давности утратили четкость; более того, они казались серией малознакомых снимков. Возможно, это ее воспоминания, но с тем же успехом они могут принадлежать кому-нибудь другому.

«А может быть, — думала Рашмика, — причина в том, что, взрослея, человек по большей части утрачивает память о детстве, она словно подергивается дымкой, превращается в деся-

ток выцветших мгновений, тонких и полупрозрачных, будто витражное стекло?»

Рашмика Эльс. Возможно, это не настоящее имя.

Настоятель уже ждал ее в своей мансарде с новой делегацией ультра; распялки для глаз прятались под темными очками. Когда Рашмика вошла, в покоях стояла странная тишина, словно уже несколько минут тут никто не обронил ни слова. Ее отражения скользили по лабиринту зеркал, множась и дробясь; она пыталась разглядеть там выражение своего лица, с тревогой думая: нельзя допустить, чтобы кто-то заметил следы волнения и слез.

— Опаздываете, мисс Эльс, — заметил настоятель.

— Меня задержали, — ответила она дрожащим голосом.

Грилье ясно дал понять, что не следует упоминать о ее посещении службы крови. Но ей требовалось какое-нибудь оправдание.

— Что ж, присаживайтесь, наливайте себе чая. Мы тут болтали с господином Малининым и госпожой Хоури.

Рашмика мгновенно поняла, что эти имена для нее не пустой звук. Взглянула на посетителей — и чувство узнавания усилилось. Ни тот ни другая не походили на ультра. Слишком они были обыкновенными; ничего явно искусственного в телах, не заметно отсутствия данных природой органов, никаких признаков генетического изменения облика или гибридных генов. Мужчина был высок, строен, темноволос, лет на десять старше Рашмики. Он стоял, заложив руки за спину, весь внимание. Симпатичный, немного надменный, в выглаженном красном мундире. Гость проследил, как Рашмика села за стол и наполнила чашку, и в его глазах было гораздо больше интереса, чем у любого ультра до него. Для тех, других, девушка была лишь частью обстановки. Второй представитель — женщина смотрела на Рашмику почти с таким же выражением пристального внимания. Госпожа Хоури была невысокой и немолодой; сразу привлекала внимание печаль на ее лице, особенно в глазах, словно в жизни у нее слишком многое отняли и слишком мало дали взамен.

И Рашмика вдруг поверила, что видела их раньше. Точно, она видела раньше их обоих. Женщину уж точно.

— Нас не представили, — сказал мужчина, кивнув на Рашмику.

— Это Рашмика Эльс, мой советник. — По тону настоятеля стало ясно, что этот ответ он приготовил заранее. — Итак, господин Малинин...

— Представьте и нас, настоятель, — попросил Малинин.

Куэйхи поднял руку и поправил одно из зеркал.

— Это Васко Малинин, а это Ана Хоури, — по очереди указал он на членов делегации, — представители «Ностальгии по бесконечности», корабля ультра, недавно прибывшего в нашу систему.

Мужчина снова взглянул на Рашмику:

— Нас не предупреждали, что на переговорах будет присутствовать советник.

— Если вы видите в этом проблему, господин Малинин, я попрошу мисс Эльс удалиться.

— Нет, — ответил после секундного колебания ультра. — Это не важно.

Настоятель предложил посетителям сесть. Они расположились напротив Рашмики, по другую сторону столика, за которым девушка пила чай.

— Что привело вас в нашу систему? — Вопрос настоятеля был адресован мужчине.

— Обычные обстоятельства. Наш корабль заполнен беженцами из внутренних систем. Многие, услышав, что исчезновения близятся к кульминации, решили направиться сюда, на Хелу. Нам непонятны мотивы беженцев, да мы не интересуемся, пока эти люди в состоянии платить. Другие просто хотят улететь как можно дальше от волков. Разумеется, у нас возникли кое-какие нужды технического свойства. Но мы не намерены остаться тут надолго.

— Вас интересуют артефакты вертунов?

— Нас интересует кое-что другое, — ответил мужчина, проводя пальцами по складке мундира. — В частности, Халдора.

Куэйхи снял темные очки:

— Нас всех интересует Халдора.

— Не в религиозном смысле, — проговорил ультра, запинаясь, его явно шокировал вид распяленных глаз настоятеля, возлежащего на койке. — Но в наши намерения не входит оспаривать или подрывать чьи-то верования. Дело в том, что с момента открытия этой системы феномен Халдоры не подвергался научным исследованиям. Не потому, что Халдора никого не интересовала, а потому, что местные власти — и цер-

ковь Первых Адвентистов в том числе — не допускают сюда посторонние экспедиции.

— Никто не запрещает находящимся в стояночной зоне кораблям использовать приборы для исследования исчезновений, — возразил Куэйхи. — Многие занимаются этим и выкладывают собранные сведения в общий доступ.

— Верно, — кивнул ультра, — но результаты таких дистанционных исследований не вызывают серьезного интереса за пределами этой системы. По нашему мнению, требуется масштабная работа с применением физических зондов — капсул с приборами, запущенных в атмосферу планеты, или чего-то подобного.

— Это все равно что плевать в лицо Господу.

— Вы так считаете? Если это и в самом деле чудо, оно должно с легкостью пережить изучение. Чего вам бояться?

— Гнева Божьего, вот чего.

Ультра уставился на свои пальцы. Рашмика читала его мимику, словно раскрытую книгу. Один раз он солгал — когда сказал, что корабль полон беженцев, желающих стать свидетелями исчезновений. Наверное, для такой лжи была какая-то причина вполне практического свойства. В остальном, насколько девушка могла судить, ультра говорил правду. Рашмика взглянула на женщину, которая до сих пор не проронила ни слова, и по спине снова пробежал электрический разряд узнавания. На миг их глаза встретились; женщина не отвела взгляда, она смотрела на Рашмику целую секунду. Девушке стало не по себе, и она первая отвернулась, чувствуя, как кровь прилила к щекам.

— Исчезновения близятся к кульминации, — повторил ультра. — Оспаривать это невозможно. Отсюда следует вывод, что другой возможности изучить Халдору у нас не будет.

— Я не могу дать разрешение.

— Но ведь подобное уже имело место, не правда ли?

Распялки блеснули — Куэйхи повернулся к Малинину:

— О чем вы?

— О том, что непосредственное изучение Халдоры уже проводилось, — ответил ультра. — На Хеле, насколько нам известно, ходят слухи о незарегистрированном исчезновении, случившемся двадцать лет назад. Это исчезновение продолжалось дольше прочих, но сведения о нем были убраны из всех общедоступных источников.

— Каких только слухов не бывает! — небрежно проговорил Куэйхи.

— Говорят, то исчезновение оказалось самым долгим потому, что к Халдоре направили зонд. Он каким-то образом повлиял на трехмерное изображение планеты. Возможно, причиной стала перегрузка системы.

— Системы?

— Механизма, — объяснил ультра. — Того, что проецирует образ огромного газового гиганта.

— Сей механизм, друг мой, есть Бог.

— Это одно из объяснений, — вздохнул ультра. — Поверьте, мы сюда прилетели не для того, чтобы дразнить вас. Я лишь хочу откровенно разъяснить нашу позицию. Мы считаем, что инструментальные капсулы к Халдоре уже отправляли — с благословения адвентистов.

Рашмика снова вспомнила статистику, которую показывал ей Петр, и последующий рассказ теней. Значит, все правда: незарегистрированное исчезновение действительно произошло, и в этот самый миг тени направили сюда бестелесного посланца, переговорщика, обосновавшегося в резном скафандре. Именно этот скафандр по просьбе теней она должна вынести с «Пресвятой Морвенны», прежде чем собор разобьется вдребезги на дне Рифта Гиннунгагапа.

Усилием воли Рашмика вновь сосредоточилась на ультра, испугавшись, что пропустила важное.

— Мы считаем, что повторная попытка не причинит особого вреда, — продолжал Малинин. — Собственно, все, чего мы просим, — это разрешения повторить эксперимент.

— Не было никаких экспериментов! — заявил Куэйхи.

— Если так, наш будет первым. — Ультра подался вперед на стуле. — Мы обеспечим вам защиту и ничего за это не попросим. Нас не интересуют льготы и скидки. Торгуйте с другими ультранавтами, как раньше. В качестве платы за свои услуги мы просим лишь разрешения провести небольшое исследование Халдоры.

Ультра снова откинулся на кресле. Он посмотрел на Рашмику, перевел взгляд на окно. С вершины Часовой Башни, из покоев настоятеля, была прекрасно видна прочерченная до горизонта линия — участок Пути длиной километров двадцать. Очень скоро рельеф радикально изменится, предвещая близость Пропасти.

Всего несколько дней, подумала Рашмика, и собор ступит на мост. Но ми тогда продвижение останется медленным. При обычной скорости понадобится полтора суток, чтобы преодолеть Рифт.

— Мне очень нужна защита, — заговорил после долгой паузы Куэйхи. — И пожалуй, я смогу проявить гибкость. Судя по всему, у вас хороший субсветовик, с мощным вооружением и исправными двигателями. Вы удивитесь, как сложно выбрать корабль, соответствующий моим требованиям. Из тех судов, что добираются к нам, большинство еле плетется. Они уже не годятся для охраны.

— Наш корабль страдает своего рода идиосинкразией, — сказал ультра, — но в остальном он исправен. Едва ли в целой системе найдется лучшее вооружение.

— А этот ваш эксперимент... — протянул Куэйхи. — Он подразумевает только запуск капсулы с приборами, ничего более?

— Одной или двух. Совершенно рутинная разведка.

— В момент исчезновения?

— Необязательно. Мы надеемся многое узнать в любом случае. Конечно, если исчезновение вдруг совпадет с запуском... Для такой ситуации мы оставим на орбите, на дистанции связи, дрон.

— Мне все это не нравится, — ответил Куэйхи. — За исключением того, что было сказано о защите. Надеюсь, вы ознакомились с прочими моими условиями?

— Нам они кажутся достаточно разумными.

— И вы согласитесь принять на борт небольшую делегацию адвентистов?

— Зачем?

— Это необходимо. Вы не знаете политику нашей системы. Это не упрек: за несколько недель, проведенных здесь, вряд ли вы могли во всем разобраться. В частности, как отличить реальную угрозу от невинного маневра. Я не могу допустить, чтобы вы открывали огонь по всему, что пытается приблизиться к Хеле.

— И подобные решения будут принимать ваши представители?

— Они будут находиться на борту в качестве советников, — ответил Куэйхи, — и не более того. Вам не придется реагировать на все без исключения корабли, проходящие мимо Хелы,

а я буду точно знать, что ваше оружие откроет огонь, когда это действительно будет нужно.

— И сколько человек вы пришлете?

— Тридцать, — ответил Куэйхи.

— Много. Мы могли бы подумать насчет десяти, максимум двенадцати...

— Двадцать, и будем считать вопрос решенным.

Ультра еще раз взглянул на Рашмику, словно спрашивая у нее совета.

— Я должен обсудить это с командой, — наконец сказал он.

— Но в принципе у вас нет серьезных возражений?

— Не нравится мне затея с представителями, — хмуро ответил Малинин. Потом встал и одернул китель. — Но если без этого получить у вас разрешение нельзя, мы, скорее всего, согласимся.

Куэйхи с энтузиазмом затряс головой, пустив рябь по зеркалам.

— Приятно слышать, — прокудахтал он. — Уже в ту минуту, когда вы вошли сюда, господин Малинин, я знал: с вами можно иметь дело.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Поверхность Хелы, год 2727-й

Ультра улетели на шаттле. Куэйхи повернулся к Рашмике и спросил:

— Ну что, подходят?

— Думаю, да, — ответила она.

— С технической точки зрения корабль вполне соответствует, и экипаж заинтересован в сделке. Женщина не дала нам особой пищи для размышлений. А что мужчина? Малинин чего-то недоговаривает, верно?

Вот он, момент истины, сказала себе Рашмика. С первой же секунды, едва услышав имя Васко Малинина, девушка знала, что он необыкновенно важен для нее: такое ощущение возникает, когда один из подбираемых к замку ключей начинает поворачиваться, каждый зубец находит для себя паз.

То же самое она почувствовала, услышав имя женщины.

«Я знаю этих людей», — подумала Рашмика.

Они теперь старше, но лица и манера держаться знакомы ей, как собственные плоть и кровь.

В поведении Малинина тоже что-то было: он знал ее не хуже, чем она его. Узнавание было обоюдным. Вдобавок Рашмика почувствовала и кое-что еще: он что-то скрывал. Малинин нагло солгал насчет причин, которые привели его на Хелу, но было и другое. Он не просто хотел исследовать Халдору, что было бы вполне невинно, — он хотел чего-то сверх.

Это и был момент истины.

— Он был откровенен с вами, — сказала Рашмика.

— Действительно? — переспросил настоятель.

— Малинин слегка нервничал, — пояснила она, — и надеялся, что вы не станете задавать слишком много вопросов. Но волнение обусловлено только тем, что он хочет получить для своего корабля эту работу.

— Странно, откуда у них такой интерес к Халдоре? Большинству ультра нет дела ни до чего, кроме торговых преференций.

— Вы же слышали, что он сказал, — рынок рухнул.

— Но это не объясняет его желания изучить Халдору.

Рашмика пригубила чай, надеясь скрыть выражение лица. Она мастерски различала чужую ложь и чрезвычайно неумело прятала собственную.

Орбита Хелы, год 2727-й

Когда шаттл взлетел и стал выходить на орбиту, Васко почувствовал, как увеличивается его вес. Корабль повернул, и Малинин снова заметил «Пресвятую Морвенну», игрушечно-маленькую по сравнению с тем, какой ее видели на подлете. Она шла в одиночестве по своему, отклонившемуся от Вечного, пути и в такой дали от остальных соборов казалась пленницей ледяных пустынь, изгнанной туда за некую ересь, за разрыв с многочисленным святым семейством. Васко знал, что «Пресвятая Морвенна» движется, но на такой дистанции исполинская машина выглядела замершей. Как бы то ни было, собору требуется десять минут, чтобы преодолеть расстояние, равное его длине.

Он взглянул на Хоури, сидевшую рядом. С тех пор как они покинули собор, женщина не проронила ни слова.

Странная мысль посетила Васко, возникнув ниоткуда. Все трудности великого блуждания вокруг Хелы соборы преодолевают для того, чтобы держать Халдору строго в зените, неотрывно следить за ней. А причина в том, что орбита не синхронизирована с вращением большей планеты. Насколько было бы проще, если бы Хела висела на синхронной орбите, всегда повернутая к Халдоре одной стороной. Тогда все соборы могли бы скопиться в одном удобном месте и там осесть. Отпала бы нужда в непрерывном движении, в Вечном Пути, в поселках обеспечения, в бригадах, которые обслуживали соборы и зависели от них. Для всего этого требовалось лишь чуточку скорректировать скорость вращения Хелы. Планета похожа на точные часы, показывающие неточное время; всего-то нужно слегка подвинуть стрелки. Но на сколько подвинуть? Васко произвел в уме расчеты, надеясь, что не слишком сильно ошибся. Длительность дня Хелы нужно изменить всего на одну двухсотую. Всего на двадцать минут из сорока часов.

Как же обитатели соборов, зная это, могут сохранять веру? Если в Халдоре действительно кроется какое-то чудо, отчего Создатель, рассчитывая обращение Хелы вокруг нее, ошибся на двадцать минут? Это не просто серьезное упущение, это вопиющий просчет! Хуже того, признак космической рассеянности. Вселенная просто не имеет представления о том, что здесь происходит. Не знает и знать не желает. И даже не знает о том, что не знает.

Если существует Бог, думал он, зачем тогда волки? В концепцию ада и рая они не вписываются, и ни в одной религии нет упоминаний о них.

Шаттл улетал все дальше от собора. Васко уже видел неровный, редко используемый участок Вечного Пути перед «Пресвятой Морвенной». И эта полоса уходила недалеко, упираясь в мглистую бездну Рифта Гиннунгагапа. Васко знал, как переименовали этот каньон местные жители.

Казалось, у края Пропасти Искупления Путь заканчивается. Но на другой стороне ущелья, прямо напротив, дорога продолжалась. Однако сорок километров между краями заполняла лишь мгла. И только когда шаттл взлетел еще выше, упавший под нужным углом свет наконец показал филигрань моста, словно в единый миг возникшего из небытия.

С моста Васко перевел взгляд обратно на собор. По-прежнему казалось, тот стоит на месте, но Малинин обратил внимание, что приметные детали местности, несколько минут назад находившиеся перед собором, теперь очутились позади него. Собор полз медленно, как улитка, но в его движении была неуклонность.

Неужели этот тонкий, хлипкий мост выдержит чудовищную массу собора, позволит ему добраться до другого края Пропасти?

Васко установил по безопасному каналу связь с большим шаттлом, висящим на орбите Хелы. Оттуда усиленный сигнал отправился дальше, на «Ностальгию по бесконечности», ожидающую в стояночной зоне.

— Это Васко, — сказал Малинин. — Мы установили контакт с Аурой.

— Что-нибудь узнали? — спросила Орка Круз.

Васко взглянул на Хоури.

— Кое-что, — ответил он.

На борту «Ностальгии по бесконечности»,
парковочный сектор, 107 Рыб, год 2727-й

Очнулся Скорпион с ощущением, что на этот раз сон тянулся дольше предыдущего. Клетки артачились, выбрасывали химические сигналы; все тело полнилось болью, с трудом возвращающегося к обычному метаболизму. Клетки вели себя как ленивые рабочие, неохотно берущиеся за инструменты и готовые бросить их под любым предлогом. Их можно было понять — на своем веку они с лихвой натерпелись дурного обращения.

«Ребята, вы не одни такие, — послал им Скорпион утешительную мысль. — Нейронные сети тоже явно не в ударе».

Он покопался в памяти и довольно легко вспомнил свое пробуждение в системе Йеллоустона, когда увидел жуткие следы деятельности волков: оставшиеся от Йеллоустона руины, выпотрошенные и сожженные орбитальные анклавы. Вспомнил и спор о судьбе беженцев с уцелевшего шаттла. Он выиграл схватку, отстояв шаттл, но проиграл сражение. Его поставили перед выбором: сдать командование и превратиться в пассивного наблюдателя или снова лечь в криокапсулу. По сути,

и то и другое означало переход власти над кораблем к Малинину и его союзникам. Но холодный сон, по крайней мере, избавил Скорпиона от необходимости наблюдать за этим процессом. Слабое утешение — но он был рад и такому.

И вот его разбудили опять. Скорее всего, за прошедший срок статус не изменился, Скорпион тут по-прежнему на птичьих правах. Но теперь он может, по крайней мере, надеяться на перемену в ситуации.

— Ну что? — спросил он Валенсина, который производил необходимый комплекс анализов. — Я снова обманул вашу статистику?

— У вас, Скорп, были неплохие шансы на выживание, но это не значит, что вы бессмертны. Если еще раз ляжете в эту капсулу, то, скорее всего, уже не выйдете из нее.

— Помню-помню: десять процентов.

— Я надеялся вас подбодрить.

— Неужели вообще никаких шансов?

Валенсин кивнул на криокапсулу:

— Надумаете замораживаться — требуйте, чтобы ее покрасили в черный цвет и прикрутили ручки.

Состояние здоровья Скорпиона действительно соответствовало кладбищенскому юмору Валенсина. Большинство ощущений вряд ли можно было назвать болезненными. Казалось даже, это не побочные эффекты криосна, а результаты простого течения времени — как будто свинья и вовсе не ложился в капсулу. Но зрение и слух ухудшились. Он почти ничего не видел боковым зрением, и даже в границах прямой видимости предметы стали расплывчатыми и зернистыми. Свинья напрягал слух, пытаясь расслышать Валенсина за гудением комнатных кондиционеров. Он прошелся и обнаружил, что быстро устает и высматривает местечко, чтобы присесть и перевести дух. Снизилась работоспособность легких и сердца. Сердечно-сосудистая система гиперсвиней создавалась исключительно в коммерческих целях, а именно для максимально упрощенной пересадки. По этой же причине сердце и кровеносные сосуды оказались не рассчитаны на долголетие. Запланированное устаревание, так это называлось.

Когда «Ностальгия» улетала с Арарата, ему было пятьдесят. И оставалось пятьдесят во всех смыслах: он прожил считаные недели своего субъективного времени. Но погружение в криосон и размораживание отняли семь-восемь лет жизни — про-

цесс безжалостно разрушал клетки. Проведи свинья это время на ногах, живи он вместе с экипажем корабля, результат был бы хуже, но вряд ли намного.

Как бы то ни было, он все еще жив. И в общей сложности просуществовал дольше любого известного сородича. Означает ли это, что Скорпион вытянул счастливый билет свиньи-долгожителя? Он сильно сдал, но назвать его ходячей развалиной было бы преувеличением.

— Так каковы результаты? — спросил он Валенсина. — И где мы находимся? Насколько я понимаю, уже добрались до Сто Седьмой Рыб. Или вы разбудили меня только для того, чтобы сообщить, как плохо сказывается на моем здоровье процесс разморозки?

— Мы в Сто Седьмой Рыб, и вам придется кое-что наверстать.

Валенсин помог Скорпиону подняться со смотровой кушетки, и тут Скорпион заметил, что оба медицинских серворобота наконец сломались. Теперь они стояли по обеим сторонам двери и служили вешалками.

— Мне не нравится ваш тон, — сказал Скорпион. — Сколько лет прошло? Который сейчас год?

— Две тысячи семьсот двадцать седьмой, — ответил Валенсин. — И я сам не в восторге от происходящего. А еще, Скорпион, я вам должен кое-что отдать.

— Что?

Валенсин протянул ему согнутый кривой белый обломок, похожий на гладкий кусок льда:

— Вы держали это в руке, пока спали. Должно быть, ценная вещь.

Что-то было не так, но что именно, никто ему не говорил. Скорпион глядел в лица собравшихся, стараясь понять, в чем дело. Здесь были все, кого он ожидал увидеть: Круз, Эртон, Малинин. А еще несколько начальников, которых он прежде не знал. Хоури тоже присутствовала. Наконец он сообразил, кого здесь не хватает.

— Где Аура? — спросил Скорпион.

— С ней все в порядке, — ответил Васко. — Жива и здорова. Недавно я ее видел.

— Нужно рассказать Скорпиону, — сказала Хоури.

Она постарела, отметил Скорпион. На лице прибавилось морщин, в волосах — седины. Ана теперь стриглась коротко, челка едва доходила до бровей. Сквозь поредевшие волосы просвечивала кожа.

— И о чем же вы собираетесь мне рассказать?

— Доктор Валенсин вам что-нибудь говорил? — спросил Васко.

— Сказал, который теперь год. Больше ничего.

— Скорп, в ваше отсутствие мы сделали что смогли. Нам пришлось принимать непростые решения.

«В мое отсутствие», — подумал Скорпион. Как будто он ушел и бросил их на произвол судьбы, когда в нем очень нуждались.

А ведь и впрямь — такое чувство, словно он виноват, словно уклонялся от своих обязанностей.

— Уверен, вы прекрасно справились. — Он потер переносицу.

Сразу после пробуждения у него разболелась голова. Мигрень так и не прошла.

— Мы добрались до системы Хелы в две тысячи семьсот семнадцатом году, — сказал Васко. — Перелет от Йеллоустона занял девятнадцать лет.

По спине Скорпиона побежали мурашки.

— Но Валенсин назвал мне другой год.

— И не обманул, — ответила Эртон. — Сегодня две тысячи семьсот двадцать седьмой, по крайней мере в этой системе. Мы прилетели сюда почти десять лет назад. Могли бы разморозить вас сразу же, но сочли это преждевременным. Валенсин объяснил, что снова ложиться в криокапсулу вам опасно. Если бы мы вас разбудили десять лет назад, вы бы уже умерли или снова погрузились в холодный сон, практически без шансов проснуться живым.

— Так было надо, Скорп, — сказал Васко. — Ваша жизнь — слишком дорогой ресурс, чтобы тратить ее попусту.

— Ты даже не представляешь себе, как я рад это слышать.

— Поверьте, мы очень серьезно думали, когда вас лучше разбудить. Вы же сами нам говорили: лучше подождать, пока не доберемся до Хелы.

— Неужели я такое говорил?

— Считайте, что наконец добрались. Что касается местного режима — а это церковь Первых Адвентистов, — то для них

мы прибыли в систему пару недель назад. Мы улетали и вернулись обратно, развернувшись в ближайшем космосе.

— Почему? — спросил Скорпион.

— Потому что здесь не все ладно, — ответил Васко. — Прилетев сюда десять лет назад, мы обнаружили очень сложную ситуацию. Адвентисты контролируют доступ к Халдоре, периодически исчезающей планете. Чтобы приблизиться к Хеле, нужно получить добро от церквей, но и тогда они не разрешат отправить зонд для изучения газового гиганта.

— У нас полно оружия, мы можем взять необходимое силой.

— Устроить бойню? На Хеле миллионы ни в чем не повинных мирных жителей, не говоря уже о десятках тысяч момио в стояночной зоне. Вдобавок мы не знаем точно, что ищем. Если сразу открыть огонь, можно уничтожить именно то, что нам нужно, или добиться того, что оно нам никогда не достанется. Но если удастся подобраться к Куэйхи поближе, чтобы изучить проблему изнутри...

— Куэйхи еще жив? — удивился Скорпион.

— Да, сегодня мы с Хоури нанесли ему визит, — ответил Васко. — Он затворник, существует благодаря медицинским технологиям. Не покидает свой собор, «Пресвятую Морвенну», и никогда не спит. У него переделан мозг, так что сон не требуется. Настоятель даже не мигает. Все время, каждую секунду, он смотрит на Халдору, дожидаясь, когда мигнет она.

— Значит, он спятил.

— На его месте любой бы спятил. С ним на Хеле случилось что-то ужасное, вот психика и не выдержала.

— В его крови индоктринационный вирус, — сказала Круз. — Неизвестно, когда Куэйхи заразился — должно быть, задолго до того, как прилетел на Хелу. Сегодня здесь целая индустрия занимается этим вирусом: выделяют из него и сплайсируют фрагменты, смешивают его с другими вирусами, прибывшими вместе с беженцами. Говорят, у Куэйхи бывают минуты сомнения, когда он подозревает, что все созданное им — просто бред сумасшедшего. В глубине души настоятель понимает, что исчезновения имеют рациональное объяснение, никакое это не чудо. В такие мгновения он закачивает себе в кровь порцию свежей индоктринационной дури.

— Похоже, непросто будет найти общий язык с ним, — проговорил Скорпион.

— Невероятно сложно, — согласился Васко. — Но Аура сумела. Это был ее план, Скорпион, не наш.

— Что за план?

— Девять лет назад она спустилась на планету, — объяснила Хоури, глядя прямо в глаза Скорпиону, словно, кроме них двоих, в помещении никого не было. — Ей тогда исполнилось восемь. Я не смогла ее остановить. Она четко знала, для чего прислана в наш мир, и одним из этапов ее пути был поиск Куэйхи.

Скорпион покачал головой:

— Я бы не отправил восьмилетнюю девочку на чужую планету одну, и вам тоже не следовало этого делать. Расскажите, что было дальше.

— Поверь, у нас не было выбора, — отозвалась Хоури. — Я же мать, и то не смогла отговорить ее. Все равно что удерживать косяк лососей, рвущихся против течения реки на нерест. Она бы добилась своего, с нами или без нас.

— Мы нашли семью, — продолжил Васко. — Хорошие люди, живут на Равнине Вигрид. У них был сын, а дочь погибла несколькими годами раньше — несчастный случай. Они не знали, кто такая Аура и что у нее в голове, и не задавали лишних вопросов. Обращались с ней как с родной дочерью. Эти люди играли свою роль без всякого труда, подробно рассказывали ей о погибшей девочке. Они очень сильно привязались к Ауре, полюбили ее.

— И к чему все эти ухищрения?

— Аура забыла, кто она, — объяснила Хоури. — Подавила, похоронила свои воспоминания. Она же наполовину сочленитель — может распределять содержимое разума по своему усмотрению, как мы расставляем в комнате мебель. В какой-то момент она поняла, что способна это делать, и тогда оставалось лишь наработать навык.

— Для чего все это понадобилось? — спросил Скорпион.

— Для того, чтобы она стала на Хеле своей, хотя и не родилась там. Необходимо было ей самой крепко уверовать в это, тогда и у окружающих не возникло бы сомнений.

— Ужасно...

— Скорп, думаешь, мне, ее матери, легко? Я была рядом в тот день, когда она решила забыть меня. А вчера я тоже была рядом, и она смотрела на меня как на пустое место.

Изо всех сил подавляя чувство нереальности происходящего, он дослушал рассказ Малинина и Хоури до конца. При этом несколько раз осматривался, ощупывал взглядом каждую деталь интерьера: нет, это не очередной кошмар, сопутствующий процедуре оживления. Не свалял ли он большого дурака, проспав все эти махинации?

Но история внедрения Ауры — по крайней мере, та ее часть, которую изложили Скорпиону, — выглядела вполне правдоподобно.

Он был вынужден признать жестокую неизбежность случившегося. Полет «Ностальгии по бесконечности» от Арарата к Хеле через систему Йеллоустона занял более сорока лет. Но миссия Ауры началась намного раньше — в тот миг, когда ее разум зародился в нейтронной звезде Гадес. Девять лет — не так уж много по сравнению со временем, проведенным Аурой в пути. И если смотреть холодным, рассудочным взглядом, не думая о том, что жить тебе осталось всего ничего, случившееся обретает некий кошмарный смысл.

— На самом деле Аура все помнила, — сказал Васко. — Просто воспоминания были скрыты в подсознании, спрятаны там, чтобы всплыть воздушным пузырем, когда она повзрослеет. Мы знали, что рано или поздно воспоминания начнут стучаться в мозг и Аура, пусть и не сразу, поймет, что с ней происходит.

— И?.. — спросил Скорпион.

— Она послала нам сигнал. Дала знать, что отправляется на встречу с Куэйхи. Мы со своей стороны тоже должны были вступить в контакт с адвентистами. К тому времени как мы добились аудиенции у Куэйхи, Ауре уже удалось проникнуть в его ближайшее окружение.

Кожаная куртка Скорпиона скрипнула, когда тот сложил руки на груди.

— И что, она просто взяла и подошла к настоятелю?

— Аура стала его советником, — ответил Васко. — Присутствует на переговорах с ультра. Мы не в курсе, какой с того прок Куэйхи, хотя и догадываемся. У Ауры есть необычная способность. Мы узнали об этом, когда она была еще совсем маленькой.

— Она великолепно читает по лицам, — продолжила Хоури. — С легкостью распознает обман. К примеру, если ты скажешь, что радуешься, а на самом деле тебе грустно. И сочле-

нительские имплантаты тут ни при чем — дар не пропал после того, что она сделала со своей памятью.

— Аура должна была привлечь к себе внимание Куэйхи, — сказал Васко, — и дар сослужил ей отличную службу. Но и не будь его, она рано или поздно подобралась бы к настоятелю, преодолев любые препятствия. Ведь она была специально для этого рождена.

— Вы говорили с ней? — спросил Скорпион.

— Не представилось такой возможности, — ответил Малинин. — Нельзя было, чтобы Куэйхи заподозрил, что мы знаем друг друга. Но у Хоури такие же имплантаты, полностью совместимые.

— Я заглянула в ее память, — сказала Хоури, — пока мы находились рядом, в одном помещении. Она ничего не заподозрила.

— Ты не открылась ей?

— Нет, — ответила Хоури. — Рано, она слишком уязвима. Пусть считает себя той, кем привыкла считать, и играет роль, отведенную ей Куэйхи. Так для нее безопаснее. Если он решит, что она шпион ультра, не миновать беды.

— Будем надеяться, Аура ни у кого не вызовет излишнего интереса, — сказал Скорпион. — Когда она вспомнит все сама, сколько нам еще ждать?

— Несколько дней, — ответила Хоури. — Не дольше. Может быть, всего сутки. Наверняка она уже чувствует процесс.

— О чем вы говорили с настоятелем? — спросил Скорпион. — С какой целью он пригласил вас? Расскажите подробней.

Васко объяснил суть торга. Скорпион не сразу ухватил все детали, сосредоточившись на том, что показалось ему самым главным. Он понял, что настоятель хочет нанять корабль для защиты собственной персоны и церковной собственности, что корабль должен встать на орбиту Хелы, где правят адвентисты. Он также принял к сведению, что многие ультра пытались получить эту работу, но еще больше отказались даже обсуждать ее, несмотря на все преференции, которыми Куэйхи готов был их осыпать. Ультра помнили о судьбе «Гностического восхождения» и опасались, что их корабль уничтожат тем же способом.

— Но для нас это не проблема, — сказал Васко. — По нашему мнению, ультра преувеличивают риск. Если какой-нибудь

псих и откроет огонь, у нас есть чем защититься. Перед вхождением в эту систему мы припрятали все новые технологии, но при необходимости моментально приведем их в боевую готовность. И крайне маловероятно, что на планете остались замаскированные автоматические часовые.

— Стало быть, Куэйхи хочет подогнать наш корабль поближе к Хеле для защиты своего добра? И в благодарность за это позволит нам рассмотреть Халдору?

— Да, настоятель согласился, но крайне неохотно, — ответил Васко. — Ему претит идея подпустить посторонних к своему личному чуду, но очень уж нужен корабль.

— Чего он так боится? Ему угрожают другие ультра?

Васко пожал плечами:

— Время от времени случаются инциденты, но ничего серьезного.

— Не иначе какая-то блажь.

— Это параноик. Не стоит искать скрытый смысл в действиях таких, как он. Нужно просто соглашаться. Возможность изучить Халдору, не сделав ни единого выстрела, стоит того.

— Что-то не так, — усомнился Скорпион, на которого снова накинулась мигрень, изрядно окрепшая за недолгое время своего отсутствия.

— Вы осторожны от природы, — сказал Васко. — Это нормально. Но мы ждали своего шанса девять лет. И он только один. Если не согласимся, Куэйхи заключит сделку с другим кораблем.

— Все равно не нравится это мне.

— Вы бы говорили по-другому, будь это ваш план, — вмешалась Эртон. — Но это наш план. А вы спали, пока мы тут дело делали.

— Все правильно, — ответил он с улыбкой. — Я всего лишь свинья. Мы не строим долгосрочных планов.

— Она другое хотела сказать, — снова заговорил Васко. — Если бы вы вместе с нами ждали столько лет, то смотрели бы на происходящее иначе. — Малинин откинулся на спинку кресла и пожал плечами. — Ну, что сделано, то сделано. Я сказал Куэйхи, что мы обсудим его условие насчет представителей, но в остальном нас все устраивает. Дождемся от него окончательного согласия и сразу примемся за дело.

— Представители? — встрепенулся Скорпион. — Что еще за представители?

— Куэйхи выставил такое требование, — ответил Васко. — Он хочет, чтобы на борту нашего корабля находилась небольшая группа адвентистов.

— Только через мой труп.

— Беспокоиться не о чем, — сказала Эртон. — Это просто формальность. Церковь пришлет два десятка священников, мы отправим своих людей в собор. Все честно.

Скорпион вздохнул. Что толку спорить? Он успел страшно устать, сил осталось только на то, чтобы сидеть и слушать. Здесь все давно решено, и его случайно или намеренно низвели до роли молчаливого наблюдателя. Который вправе сколько угодно спорить, но с тем же успехом мог бы и дальше лежать в криокапсуле.

— Вы совершаете серьезную ошибку, — проговорил он. — И скоро убедитесь в этом.

Поверхность Хелы, год 2727-й

Капитан Сейфарт был субтилен, с тонкогубым крошечным ртом, отлично приспособленным для того, чтобы выражать презрение. Впрочем, Куэйхи редко видел на лице начальника соборной стражи иные эмоции, кроме подчеркнутой невозмутимости. Даже презрение отражалось крайне редко, словно представляло собой ценный и трудновоспроизводимый ресурс. Обычно Сейфарт позволял себе расходовать его при чьих-то попытках изменить режим охраны. Капитан очень любил свою профессию и мало чем интересовался помимо нее. И он, по мнению Куэйхи, полностью соответствовал своей должности.

В мансарду настоятеля капитан явился в отполированном бронескафандре стражника, держа под мышкой парадный шлем с розовым плюмажем. Изобилующий выгнутыми поверхностями, пышно украшенный доспех был темно-красным, цвета артериальной крови. Нагрудник во множестве покрывали нарисованные ордена и ленты, в память о возглавлявшихся Сейфартом операций по защите интересов «Пресвятой Морвенны». Эти операции официально считались абсолютно легальными, не выходящими за рамки общепринятых законов Вечного Пути. Стража отгоняла шайки разорившихся селян, срывала козни бродячих торговцев, в том числе ультра, охочих до чужого добра. Были и другие операции, тайные, о которых

не принято говорить: упреждающие диверсии на Вечном Пути в соперничестве с другими соборами; устранение враждебных Куэйхи священников. «Наемный убийца» — слишком сильное выражение применительно к капитану Сейфарту, но и такой род деятельности был ему знаком. Доводилось этому человеку участвовать и в войнах, и в военных преступлениях.

Куэйхи знал, что капитан по-собачьи предан ему. За тридцать пять лет службы у Сейфарта была уйма возможностей обменять своего хозяина на стремительное карьерное продвижение. Но капитана интересовало только добросовестное исполнение роли защитника Куэйхи.

И тем не менее настоятель рисковал, открывая Сейфарту свои планы. Все остальные участники операции — даже инженер, строивший ложемент, — были посвящены лишь в малую часть задуманного. Грилье вовсе ничего не знал. Но Сейфарта следовало ввести в курс дела полностью, ведь именно ему предстояло руководить захватом корабля.

— Значит, этому быть, — сказал Сейфарт. — Иначе бы вы меня не позвали.

— Я искал добровольца, — пояснил Куэйхи. — И не простого, а соответствующего моим требованиям. — Настоятель протянул капитану снимки корабля, полученные при помощи робота-шпиона. — Как думаете, справитесь?

Некоторое время Сейфарт молча рассматривал фотографии.

— Мне не нравится, — наконец проговорил он. — Все эти готические украшения... Похож на кусок «Пресвятой Морвенны», заброшенный в космос.

— Это сходство нам только на руку.

— У меня нехорошие предчувствия.

— Придется вам их пережить. Во всей Галактике не найти двух похожих субсветовиков, а мы видели корабли и подиковиннее. Куда важнее для нас, что фиксатор вполне подходит к профилю корпуса. Тут проблем не ожидается. Другой вопрос — что вас ждет внутри.

— Вам удалось внедрить шпиона?

— Нет, — ответил Куэйхи. — Не хватило времени. Впрочем, это не важно. Они почти согласились допустить на борт два десятка наших представителей. А больше и не нужно.

— Каково состояние двигателей?

— Не вызывает опасений. Мы следили за подлетом корабля к системе: двигатели работают чисто и стабильно.

Сейфарт изучал снимки, на его губах играла хорошо знакомая Куэйхи презрительная усмешка.

— Откуда они прилетели?

— Неизвестно. Мы заметили их уже возле Хелы. А почему вы спрашиваете?

— Что-то мне не нравится в этом корабле.

— Вы говорили так обо всех кораблях, которые я вам показывал. Сейфарт, вы прирожденный пессимист... Наверное, поэтому вам так хорошо подходит должность начальника стражи. Впрочем, вопрос закрыт. Я уже выбрал корабль.

— Ультра нельзя доверять, — сказал капитан. — И раньше не стоило, а теперь и подавно. Они боятся, как и все остальные. — Капитан резко взмахнул снимком, тот даже затрещал. — Куэйхи, чего они хотят на самом деле? Вы задумывались об этом?

— Их интересует то же, что и всех.

— А именно?

— Торговые преференции, бесконкурентное приобретение артефактов, обычный набор. Ну и... — Куэйхи замолчал.

— И?..

— Их интересует Халдора, — ответил Куэйхи. — Они хотят провести какие-то исследования.

Сейфарт впился глазами в настоятеля. Тому казалось, что с него снимают кожу, как с плода.

— Раньше мы никому не разрешали подобные исследования, — медленно проговорил капитан. — Чем объясняется такая перемена?

— Тем, что в запрете больше нет смысла, — ответил Куэйхи. — Исчезновения скоро закончатся. Нам будет сказано слово Божье, хотим мы того или нет.

— Похоже, это не единственная причина. — Сейфарт праздно водил красной перчаткой по розовому плюмажу шлема. — Близится ваш триумф, и теперь вам ни до чего другого нет дела.

— Ошибаетесь, — возразил Куэйхи. — Именно сейчас мне есть дело до всего, что здесь происходит. Возможно, это воля Божья — чтобы ультра своим вмешательством приблизили конец исчезновений.

— Слово Божье прозвучит в канун вашей победы? Вы на это надеетесь?

— Если так решено Господом, то мне ли перечить? — с фаталистическим вздохом ответил Куэйхи.

Сейфарт снова взглянул на снимок, потом прошелся по мансарде. Его отражение в зеркалах распадалось на части и складывалось. Скафандр скрипел при каждом шаге, перчатка нервно сжималась в кулак и разжималась.

— Сколько наших отправится туда?

— Ультра согласились принять двадцать. Считаю неразумным настаивать на увеличении числа представителей. Нам же хватит двадцати?

— Лучше бы тридцать.

— Это уже было бы похоже на воинский контингент. И вообще, задача этой двадцатки — убедиться, что корабль стоит брать. Как только вы там все уладите, полу́чите столько соборной стражи, сколько захотите.

— Мне нужно разрешение на применение любого оружия, какое я сочту нужным.

— Капитан, я не хочу, чтобы вы там убивали людей. — Куэйхи предостерегающе поднял палец. — Да, сопротивление возможно, но преодолеть его необходимо гуманными методами, не устраивая кровавой бани. Усмирите охрану, но при этом доведите до сведения команды и пассажиров, что корабль нам нужен на время: мы не присваиваем его. Едва наше дело будет сделано, мы вернем ультра их собственность и компенсируем моральный ущерб. Я особенно подчеркиваю: мне нужно получить от вас субсветовик в целости и сохранности.

— Я только прошу разрешения применять оружие.

— Применяйте, капитан, если сумеете пронести его на борт. Они будут искать обычное оружие: бомбы, ножи, пистолеты. Имей мы даже антиматерию, не сможем переправить ее на корабль ультранавтов.

— Я уже сделал необходимые приготовления, — сообщил Сейфарт.

— Нисколько в этом не сомневаюсь и всего лишь прошу проявлять сдержанность.

— Ваша удивительная советница!.. — вспомнил Сейфарт. — Что она говорит по сему поводу?

— Утверждает, что беспокоиться не о чем, — ответил Куэйхи.

Сейфарт отвернулся и приладил к скафандру шлем. Красный плюмаж упал на черное стекло его визора. Капитан выгля-

дел одновременно комично и устрашающе, но такого эффекта он и добивался.

— Тогда мне пора приниматься за дело.

«Ностальгия по бесконечности», стояночная зона,
107-я Рыб, год 2727-й

Через час пришло официальное сообщение с Часовой Башни «Пресвятой Морвенны». Договоренности о группе наблюдателей-адвентистов были подтверждены. Приняв на борт двадцать адвентистов, субсветовик мог встать на орбиту у Хелы и начать охранное патрулирование. После того как адвентисты поднимутся на борт и их досмотрят на предмет оружия, команда субсветовика может приступить к ограниченному физическому исследованию феномена Халдоры.

Ответ был отправлен через тридцать минут. «Ностальгия по бесконечности» принимает условия, и адвентисты могут прибыть на борт после того, как корабль прибудет на орбиту Хелы. Одновременно группа ультра отправится на шаттле на «Пресвятую Морвенну».

Еще через тридцать минут, запустив главные двигатели, «Ностальгия по бесконечности» вышла из стояночной зоны.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Поверхность Хелы, год 2727-й

Казалось, непрестанно движущиеся сцепные дышла салютуют капитану Сейфарту, который шагал между узлами, заложив за спину руки в перчатках. Начальник соборной стражи никогда не ждал теплого приема от технарски мыслящих тружеников машинного отделения. Конкретно против него здешние обитатели ничего не имели, но у них была долгая память: не раз и не два подчиненные Сейфарта подавляли волнения среди соборного техперсонала. Сейчас тут было на удивление мало работников, но воображение капитана с легкостью рисовало убитых и раненых, жертв последнего «мероприятия по урегулированию», как называло руководство собора подобные акции. Глаур, старший смены, которого разыскивал капитан,

никогда не имел прямого отношения к бунтам, но из нечастых встреч с главным механиком Сейфарт вынес убеждение, что и тот не жалует соборную стражу.

— А, Глаур! — воскликнул капитан, заметив инженера, возящегося с пультом управления.

— Капитан? Какая радость.

Сейфарт направился к пульту. У того был открыт люк, из отверстия выпростаны плетеные кабели и отдельные провода, точно кишки из разрезанного живота. Капитан опустил крышку люка, прикрыл ею висящие внутренности пульта. Глаур пытался возражать, но Сейфарт приложил палец к губам:

— Ремонт подождет.

— Но вы не можете...

— Требовать здесь тишины?— Сейфарт оглядел зал с пустыми эксплуатационными мостками и гремучими машинами. — Кстати, а где все?

— А то вы не знаете? — процедил Глаур. — Постарались убраться как можно быстрее и как можно дальше от «Пресвятой Морвенны». Вместо годового заработка каждый предпочел взять скафандр. Со мной тут всего горстка — чтобы реактор не остыл и в машинах была смазка.

Подобное происходило по всему собору, даже кое-кто из стражников выказывал желание улизнуть.

— Сбежали, говоришь? — задумчиво переспросил Сейфарт. — А это разве не нарушение контракта?

Глаур так взглянул на начальника стражи, словно не поверил собственным ушам:

— Шутите, капитан? Думаете, хоть кому-нибудь сейчас не наплевать на контракт? Все мечтают только об одном — свалить с собора, пока мы не добрались до моста.

От бригадира, словно жар от больного, исходил страх.

— То есть ваши парни не уверены, что мы пройдем через мост?

— А вы как считаете?

— Если настоятель сказал, что пройдем, нам ли сомневаться?

— А я вот сомневаюсь. — Голос Глаура был словно шипение пара. — Мне известно, что случилось с собором, который пытался пройти по мосту, а наш больше и тяжелее. Собор не пройдет по мосту, капитан Сейфарт, сколько бы крови генерал-полковник ни закачал в нас по пути к Пропасти.

— Жаль, что меня не будет на «Пресвятой Морвенне», когда это случится, — проговорил капитан.

— Улетаете? — с внезапным интересом спросил Глаур.

«Неужели вообразил, что у него появятся шансы на успешный мятеж?» — подумал Сейфарт.

— Да, по церковным делам. И буду занят, пока собор не перейдет через Пропасть... если перейдет. А вы?

Глаур поправил грязный платок на шее и покачал головой:

— Я остаюсь, капитан.

— Похвальная верность настоятелю?

— Верность машинам, так правильнее.

Сейфарт тронул инженера за плечо:

— Впечатлен. И вы не поддадитесь искушению увести собор с Пути или устроить диверсию?

Глаур блеснул в улыбке зубами:

— Буду делать то, для чего меня наняли.

— И погибнете на посту?

— Ну, может, соскочу в последний момент. Но собор останется на Пути.

— Вот-вот, собор должен остаться на Пути. Мы об этом позаботимся.

Глаур взглянул капитану в глаза:

— Вы это к чему?

— Проводите меня к пульту блокировки, Глаур.

— Нет!

Схватив за шейный платок, Сейфарт поднял инженера на фут от пола. Задыхаясь, Глаур бил капитана кулаками в грудь.

— Ведите к блокиратору, — с ледяным спокойствием повторил Сейфарт.

Личный шаттл генерал-полковника медицинской службы летел в направлении Равнины Вигрид, пронизывая мглу стилетом ядерного выброса. Посадочная площадка, выбранная Грилье, находилась на краю поселка и выглядела неказисто. Красный кораблик приземлился и застыл с допустимым креном, покрытие площадки заметно просело под ним. Должно быть, здесь уже лет десять не приземлялось ничего тяжелее снабженческого дрона.

Собрав пожитки, Грилье выбрался из шаттла. Площадка была в плачевном состоянии, но пандус, ведущий от нее, ка-

зался надежным. Постукивая тростью по растрескавшемуся бетону, Грилье двинулся к ближайшему общественному входу. Дверь шлюза на попытку открыть ее не отреагировала. Грилье достал из кармана универсальный ключ Часовой Башни, теоретически подходящий к любому замку́ на Хеле, но и это не помогло. Врач помрачнел, сообразив, что запорный механизм двери просто неисправен.

Он шел по дорожке еще минут десять, озираясь, пока не отыскал наконец исправный шлюз практически в центре маленького населенного пункта. Его надземная часть выглядела как форменная свалка: тут и запаркованные машины, и брошенные приборные модули, и солнечные батареи со сгоревшими или разбитыми ячейками. Все это было только на руку Грилье, но чем ближе он подходил к центру поселка, тем меньше оставалось шансов пройти незамеченным.

Не важно: дело нужно сделать, альтернативы нет. Он вошел в шлюз и, не снимая скафандра, спустился по вертикальной лестнице. От ее подножия во все стороны тянулись тускло освещенные коридоры. На его счастье, каждый из них был отмечен цветом: легко понять, какие тоннели ведут в жилые районы, а какие в промышленные. Хотя «районы» — неподходящее слово, подумал Грилье. Пусть эта община и имеет связи с другими поселками Равнины Вигрид, людей тут меньше, чем на одном этаже «Пресвятой Морвенны».

Грилье насвистывал, шагая по коридору. Хотя события последних дней внушали тревогу, он неизменно получал удовольствие, отправляясь в командировки по делам Часовой Башни. Пусть даже сегодняшнее дело наполовину личное, ведь Грилье ничего не сказал Куэйхи о взятой на себя задаче.

Что ж, это справедливо. Если у настоятеля есть секреты от главного врача, почему у того не может быть секретов от настоятеля?

Куэйхи что-то замышляет. Грилье уже несколько месяцев чуял какие-то приготовления и вот теперь, когда девчонка брякнула, что своими глазами видела целую колонну строительной техники, проникся уверенностью. И хотя врач всеми силами пытался забыть болтовню девчонки, ее вопросы не давали ему покоя. Эти вопросы неприятным образом увязывались с другими фактами, которые он подмечал в последнее время. Вспомнить хотя бы недавние трудности с обслуживанием

Пути. «Пресвятая Морвенна» застряла бы перед ледяным завалом, если бы Куэйхи не дал согласия на применение ядерной взрывчатки, Божественный Пламень.

Тогда Грилье счел это решение вынужденным и отнес его на долю несчастливой случайности. Но со временем все встало на свои места. Очевидно, настоятель хотел с наибольшей помпой объявить о своем решении провести собор через Пропасть. А что могло подчеркнуть его слова лучше, чем вспышки Божественного Пламени за новыми витражными окнами?

С точки зрения логики применение термоядерных зарядов было оправданным — Путь расчищался слишком медленно. Но не объясняется ли эта задержка тем, что Куэйхи использовал машины и людей для каких-то своих целей?

И другая мысль пришла в голову Грилье: а случайно ли образовался завал? Куэйхи утверждал, что это диверсия другой церкви, но разве не мог он сам устроить ледопад? Для этого надо было всего лишь заложить взрывчатку, когда «Пресвятая Морвенна» проезжала там в прошлый раз.

Год назад.

До чего же докатился Грилье — подозревает Куэйхи в каких-то глобальных интригах!

Ну а почему бы и нет. Людям, строящим соборы, свойственно мыслить масштабно, с прицелом на будущее.

Грилье до сих пор не понял, куда это все ведет. Лишь в одном он был уже полностью уверен: Куэйхи что-то от него скрывает.

И это как-то связанно с ультра?

Или с переправой через Пропасть?

Притом, что события, по всей видимости, стремительно приближаются к некой кульминации. И еще эта девочка. При чем тут она? Совсем недавно Грилье мог поклясться, что самолично нашел ее и заманил в собор; теперь же он сомневался. Рашмика позаботилась о том, чтобы Грилье обратил на нее внимание; это было, в общем-то, ясно. Очень похоже на фокус, где предлагают выбрать из разложенной колоды карту и ты берешь именно ту, которая нужна фокуснику.

Если бы Грилье не взял на анализ ее кровь, то ничего бы не заподозрил.

— М-да, загадочка, — пробормотал он себе под нос.

Внезапно Грилье спохватился, что в задумчивости прошел мимо нужного ему жилища. Он повернулся и зашагал обратно,

радуясь тому, что в этот час поблизости никого нет и его не увидят. Он не имел представления ни о местном времени, ни о том, где находятся жители — спят в своих норах или дружно отправились на раскопки. Это его не интересовало.

Он поднял визор шлема, готовясь представиться, и вежливо постучал тростью в дверь жилища Эльсов. И подождал, насвистывая, пока та не открылась.

Орбита Хелы, год 2727-й

Группа представителей церкви Первых Адвентистов прибыла на «Ностальгию по бесконечности». Всего их было двадцать, словно вышедших из-под одного штамповочного пресса. Поднимаясь на борт, монахи заметно волновались, отчего вели себя преувеличенно вежливо, вплоть до чопорности. На них были алые бронированные скафандры с эмблемой церкви; каждый гость нес под мышкой шлем с розовым плюмажем.

Через окошко внутренней двери шлюза Скорпион внимательно рассмотрел руководителя делегации. Тот был невысок; узкая и короткая щель рта придавала лицу презрительное выражение.

— Я брат Сейфарт, — представился начальник.

— Мы рады вас приветствовать на борту «Ностальгии по бесконечности», брат Сейфарт, — ответил Скорпион. — Но прежде чем вы двинетесь дальше, необходимо пройти проверку — на отсутствие болезнетворных микроорганизмов и всего такого.

В решетке переговорного устройства зашелестел ответ предводителя адвентистов:

— Все еще боитесь плавящей чумы? По-моему, нынче всем нам следует опасаться другого.

— Осторожность не помешает, — ответил на это Скорпион. — Не обижайтесь, тут ничего личного.

— Я и не думаю обижаться, — проговорил брат Сейфарт.

Сканирование началось, едва адвентисты ступили на борт субсветовика. Скорпион хотел знать наверняка, что под броней ничего не спрятано. А если и спрятано — выяснить, что это.

Он не поленился изучить историю «Ностальгии по бесконечности». Давным-давно, в пору правления известного три-

умвирата, капитаны совершили ошибку — пустили на борт человека с микрозарядом антиматерии, спрятанным в искусственном глазу. Путем шантажа злоумышленник добился от команды подчинения. Скорпион не винил Вольеву и остальных триумвиров в этом промахе: подобные устройства крайне редки, поскольку очень сложны в изготовлении, к тому же антиматерия — дефицитнейший товар. Но для него самого это не смогло бы послужить оправданием — любая попытка покушения должна быть предотвращена.

Распределенные по всему кораблю офицеры Сил безопасности анализировали результаты сканирования — призрачные образы адвентистов. Лучи пронизывали дымчатые серо-зеленые слои брони до содержащейся под ней плоти, крови и кости. Никаких признаков стрелкового и холодного оружия. Это не удивило Скорпиона. Будь у церковников дурные намерения, они бы наверняка предвидели столь тщательный осмотр. Если представители что-то прячут, то это наверняка очень непростые штучки.

Возможно, у них ничего опасного. Возможно, они те, за кого себя выдают. Возможно, Скорпион так предубежден против этих монахов лишь потому, что никто не посоветовался с ним, прежде чем допустить их на борт.

Однако брат Сейфарт упорно не нравился Скорпиону. Жестокая складка его рта напомнила свинье другого склонного к насилию человека. Что-то тревожное было и в том, как капитан сжимал и разжимал кулаки, дожидаясь окончания шлюзового цикла.

Скорпион тронул наушник.

— Стрелковое и холодное оружие отсутствует, — услышал он доклад. — Нет следов взрывчатых, отравляющих или парализующих веществ. Стандартные нанотехнологические фильтры не обнаружены. Отсутствуют вирусы плавящей чумы и другие боевые микроорганизмы.

— Поищите имплантаты! — приказал свинья. — Любые механизмы в скафандрах и под ними, которые не выполняют обычных функций. И те, что выполняют, тоже проверьте. Мне не нужно ничего подозрительного в радиусе светового года от корабля.

Он понимал, что слишком многого требует от охранников. Их инструктировали, что нельзя раздражать представителей.

Но сегодня на часах стоит он. На кону его репутация. Если кто и пропустит на борт бандитов, то это будет не Скорпион.

— Имплантаты не обнаружены, — услышал он ответ. — Никаких предметов, способных вместить стандартное наноустройство.

— Это означает, что у монахов нет никаких имплантатов?

— Я сказал, ничего размером со стандартное...

— Я просил проверить любые имплантаты. Любые — значит все без исключения.

— У одного есть что-то в глазу. У другого в протезе руки. На всю группу полдюжины различных нейронных имплантатов, очень маленьких.

— Мне это не нравится.

— Сэр, если взять в любом месте Хелы группу такой же численности, наверняка увидим аналогичные имплантаты. А у большинства из наших монахов они к тому же неактивны.

— Этот тип, с глазом, и тот, что с рукой... Я хочу быть уверен, что в их протезах не спрятано ничего опасного.

— Это непросто, сэр. Вряд ли адвентистам понравится облучение протонами. Если там у них антиматерия, то прилегающие ткани могут пострадать от продуктов распада...

— Если там у них антиматерия, им придется беспокоиться о чем-то посерьезнее рака, — ответил Скорпион.

Он дождался, пока в шлюз не отправят «богомола» — ярко-красного серворобота на тонких ножках, оборудованного протонным излучателем. Скорпион объяснил представителям, что это новый тип сканера, запрограммированный для поисков редких разновидностей вируса плавящей чумы. Адвентисты, скорее всего, догадались, что им втирают очки, но не стали скандалить. «Хороший ли это знак?» — спросил себя Скорпион.

Протонный луч, слишком узкий, чтобы повредить основные органы, проникал сквозь плоть и кость. В худшем случае он мог слегка травмировать ткани. Но стоило ему коснуться антиматерии, даже в количестве микрограмма висящей в вакууме или электромагнитном поле, начиналась реакция протон-антипротон.

Серворобот чутко прислушивался: не выдаст ли себя антивещество обратным рассеянием гамма-квантов. Однако ни глаз, ни рука не создавали подозрительных шумов.

— Чисто, сэр, — раздался в наушнике Скорпиона голос техника из СБ.

«Как бы не так», — подумал свинья.

По крайней мере, еще нет стопроцентной уверенности в мирных намерениях монахов. Скорпион сделал что мог — проверил очевидное. Но протонный луч мог и не проникнуть в тайник, а времени более тщательно просвечивать руку и глаз нет. Тайничок с микроскопическим генератором электромагнитного поля, возможно, окружен поглощающим экраном — Скорпион слышал про такие уловки. Крупицу антиматерии можно поместить даже в нейроимплантат, спрятав его от примитивного сканирования под многими сантиметрами кости и ткани.

— Сэр, пропустить их?

Скорпион знал, что остается только удостовериться лично.

— Откройте шлюз! — приказал он.

Капитан Сейфарт перешагнул порог шлюза и очутился лицом к лицу со Скорпионом.

— Сэр, вы не доверяете нам?

— Такая работа, — ровным голосом отозвался свинья.

Предводитель адвентистов мрачно кивнул:

— Вот и у нас работа. Насколько я понимаю, ничего запрещенного вы не нашли?

— Нет, не нашел.

Адвентист подмигнул ему, словно они обменялись шутками. Мимо свиньи прошли остальные девятнадцать адвентистов, Скорпион с тревогой глядел на свое отражение, скользящее по их гладкой броне.

Что ж, монахи на борту. Теперь задача Скорпиона — держать их там, где им положено находиться. Церковникам нечего делать на других уровнях. Никаких экскурсий на тайный склад артсистем, прогулок к шахтам с гипометрическими пушками и осмотров других видов оружия, появившихся на борту «Ностальгии» после ее отлета с Арарата. Следовало также держать адвентистов подальше от наиболее заметных и неприглядных проявлений болезни корабля и трансформаций капитана, притом что многие из этих перемен так и норовили заявить о себе в самых неожиданных местах.

Адвентисты брели за Скорпионом, словно утиный выводок, проявляя горячий интерес ко всему, на что им указывал свинья.

— Любопытный у вас интерьер, — с легким отвращением в голосе произнес капитан Сейфарт, ведя пальцем по ребровидным наростам на стене. — Нам сразу показалось, что снаружи корабль выглядит странно, но я никогда бы не подумал, что и внутри вы предпочитаете такой же стиль.

— Со временем и вы привыкнете, — ответил Скорпион.

— Мы считаем, дизайн не имеет значения. Главное, чтобы корабль имел заявленные вами возможности.

— То есть вас интересуют защита корпуса и системы дальнего обнаружения, — кивнул свинья.

— У них впечатляющие технические характеристики, — похвалил брат Сейфарт. — Естественно, мы все проверили и перепроверили. От того, насколько правильно мы оценим вашу способность предоставить обещанный уровень защиты, будет зависеть безопасность Хелы.

— Вряд ли вам стоит из-за этого беспокоиться, — сказал Скорпион.

— Надеюсь, вы не обиделись?

Свинья повернулся к адвентисту:

— Разве я похож на обидчивого?

— Нисколько, — ответил Сейфарт, сжимая кулаки.

«Ему не по себе рядом со мной, — сообразил Скорпион. — На Хеле свиньи в диковинку».

— Мы путешествовать не горазды, — проговорил он. — Так и норовим умереть в дороге.

— Сэр, — обратился к нему один из адвентистов, — мы должны взглянуть на двигатели. Надеюсь, вас это не затруднит.

Скорпион посмотрел на часы. Все шло по графику. Менее чем через шесть часов к Халдоре отправятся два зонда — простейшие дроны, слегка переделанные, с усиленной броней. Никто не знает, как поведут себя зонды в плотной атмосфере газового гиганта, — возможно, планета лопнет как мыльный пузырь. Но подстраховаться не мешало.

— На двигатели взглянуть? — переспросил он. — Да пожалуйста.

Солнце Хелы висело низко над горизонтом, и готическая тень великого собора вытянулась далеко вперед. Прошло два дня с тех пор, как Васко и Хоури встретились с Куэйхи, и за это время собор почти добрался до западного края Пропасти.

Впереди уже показался мост: сказочные кружева из карамельных нитей. Вблизи от Рифта собор выглядел чудовищно тяжелым, а мост совсем непрочным — сама идея перебраться по нему на ту сторону Пропасти Искупления казалась глубоко абсурдной.

«А если бы мост вдруг исчез?» — подумал Васко.

Затея провести собор по столь хрупкой на вид конструкции самоубийственна, но Куэйхи, по всей видимости, не намерен от нее отказаться. Разве что рухнет мост — тогда настоятель не поведет свой собор к неминуемой гибели.

Или все-таки поведет?

— Сколько еще осталось? — спросила Хоури.

— Двенадцать или тринадцать километров, — ответил Васко. — Собор идет со скоростью километр в час, так что лучше бы через полсуток нас не оказалось на его борту.

— Полсуток? Маловато.

— А нам много и не надо, — ответил Васко. — Двенадцати часов с лихвой хватит на все. Найти бы Ауру и добиться от Куэйхи согласия на наши условия. Вряд ли это будет трудно.

— Скорпиону требуется время, чтобы привести зонды к Халдоре, — сказала Хоури. — Если до этого срока соглашение нарушим мы, неизвестно, какие будут последствия. Может начаться кавардак. А ведь именно его мы пытались избежать девять лет.

— Все закончится хорошо, — сказал Васко. — Поверь, мы справимся.

— Скорп беспокоится из-за прибывших на «Ностальгию» адвентистов.

— Обычные попы, — сказал Васко. — Какие неприятности они могут доставить?

— В подобных вопросах, — проговорила Хоури, — я склонна доверять Скорпиону. Извини, но тут он опытней тебя.

— Я тоже стараюсь быть полезным, — буркнул Васко.

Их шаттл пробирался к собору. Из маленькой, хрупкой узорчатой архитектурной модели тот вырастал в грозного исполина. Это нечто большее, чем здание, решил Васко. Скорее фрагмент ландшафта, островерхая гора, которой вздумалось совершить кругосветное путешествие.

Они сели. Представители собора встретили их, чтобы провести в железное сердце «Пресвятой Морвенны».

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Хела, год 2727-й

Впервые за много лет Куэйхи увидел мост своими глазами. Зрелище заставило его затрепетать от восторга. До моста осталось совсем немного: меньше его длины. Все, что настоятель планировал, все, что силился претворить в жизнь, — все теперь было головокружительно близко к осуществлению.

— Взгляните, Рашмика, — сказал он, жестом предлагая девушке подойти к окну мансарды и насладиться видом. — Мост такой древний, а все же сияет неподвластной времени красотой. Объявив, что мы собираемся пройти по нему, я с тех пор считал секунды. Пусть мы пока не дошли, но я уже вижу его.

— Собор действительно пойдет по мосту? — спросила Рашмика.

— По-вашему, я проделал такой трудный путь только для того, чтобы в последний момент передумать? На карту поставлен престиж нашей церкви, Рашмика. Для меня нет ничего важнее.

— Жаль, что я не могу читать по вашему лицу, — проговорила она. — Если бы Грилье не омертвил нервные окончания на нем, я бы узнала, правду ли вы говорите.

— Вы мне не верите?

— Я не знаю, чему верить.

— А я и не призываю верить. — Куэйхи повернул ложе, отчего закружились, подстраиваясь, все зеркала. — Здравое суждение — вот чего я от вас жду. А почему вы встревожились ни с того ни с сего?

— Мне нужна правда, — сказала Рашмика. — Прежде чем ваш собор сорвется с моста, я хочу кое-что узнать.

Глаза Куэйхи повернулись в орбитах.

— Я всегда открыт для вас.

— Хочу спросить об исчезновении, о том, которого на самом деле не было. Настоятель, это вы его устроили?

— Устроил? — эхом повторил Куэйхи, словно не вполне понимая, о чем речь.

— Дело в утрате веры, да? У вас был душевный кризис, и вы подумали, что может существовать рациональное объяснение загадки исчезновений. Возможно, у вас развился иммунитет к

самым сильным штаммам индоктринационного вируса, которыми располагал Грилье.

— Осторожнее, пожалуйста, не переступите грань. Вы для меня очень полезны, но не скажу, что незаменимы.

Она собралась с духом:

— Я вот о чем: в тот момент вы захотели испытать свою веру. И направили зонд в Халдору, так чтобы капсула упала на планету в момент ее исчезновения. Я права?

Глаза Куэйхи замерли, впившись в девушку.

— Не понимаю, о чем вы.

— О том, что к Халдоре отправилось какое-то устройство, робот, дрон, — ответила она. — Наверно, его вам продали ультра. Вы надеялись что-то там найти. Что именно, не знаю. Может быть, вы уже видели это раньше, много лет назад, но боялись себе признаться.

— Что за чепуха?!

— И вам удалось добиться результата, — продолжала она. — Это устройство что-то сделало с планетой: исчезновение продолжалось дольше обычного. Вы, настоятель, бросили в колодец камешек и получили всплеск. Когда планета исчезла, зонд с чем-то столкнулся. С тем, что скрывалось внутри Халдоры. И что бы это ни было, оно не имело отношения к чудесам.

Куэйхи хотел заговорить, остановить Рашмику, но та зачастила, не давая ему раскрыть рта:

— Не знаю, удалось ли вам вернуть зонд, но знаю, что вам удалось установить контакт. Вы открыли окно, верно? — Рашмика указала на железный скафандр, который теперь пугал ее гораздо меньше, чем при первом посещении мансарды настоятеля. — Оно здесь как в ловушке. Вы держите его в скафандре, который был на Морвенне в момент ее гибели.

— Но зачем это мне? — спросил Куэйхи.

— Затем, что вы не знаете, кто это — демоны или ангелы.

— А вы, стало быть, знаете?

— Допускаю и то и другое, — ответила Рашмика.

Орбита Хелы, год 2727-й

Скорпион откинул тяжелую металлическую заслонку, открыв овальное окошко — исцарапанное, мутное, темное, как жженый сахар.

— Придется смотреть по очереди, — сказал он, отступив на шаг.

Они находились в зоне невесомости. Только отсюда можно было взглянуть на двигатели — слишком уж далеко от них, в глубине субсветовика, находились вращающиеся секции, где создавалась искусственная гравитация. В полете эту задачу выполняла тяга двигателей, развив ускорение в одно *g*, но на орбите двигатели бездействовали.

— Хотелось бы увидеть двигатели в работе, — заявил брат Сейфарт.

— Сомневаюсь, что это допустимо в стояночной зоне, — ответил Скорпион.

— Включите на короткое время, этого хватит, — сказал Сейфарт. — И не обязательно на полную мощность.

— Мне казалось, что вас более всего интересует вооружение.

— Двигатели тоже.

Скорпион поднес ко рту браслет:

— Главным двигателям короткое включение, импульс погасить маневровыми. Корабль не смещать ни на дюйм.

Приказ был выполнен почти мгновенно. Теоретически процедура выглядела так: один из подчиненных Скорпиона пересылал команду в центральную систему управления кораблем, а капитан Бренниген решал, выполнять ее или нет. Скорпион подозревал, что капитан включил и выключил двигатели еще до того, как прозвучало распоряжение.

В затемненном стекле выброс был пурпурно-белым — видимый только потому, что при подлете «Ностальгии по бесконечности» к системе режим маскировки сочленительских двигателей был отключен. С другой стороны корпуса одновременно заработало несколько сотен обычных ядерных двигателей, собранных в батареи и выполняющих маневровые функции. Сжатый с двух сторон силами тяги и компенсации, древний корпус скрипел и стонал, словно огромное живое существо. Скорпион знал, что корабль в силах выдержать и бóльшую нагрузку, но обрадовался, когда двигатели заглохли. Он ощутил легкий толчок, свидетельствующий о ничтожной асинхронности в отключении главного двигателя и маневровых, и корабль замер. Могучий голос протеста испытывающих нагрузки узлов затих где-то вдали, словно громовые раскаты.

— Вы удовлетворены, брат Сейфарт?

— Кажется, да, — ответил предводитель адвентистов. — Похоже, ваша техника в отличном состоянии. Вы не представляете, как трудно найти приличные сочленительские двигатели с тех пор, когда их создатели бросили нас.

— Мы стараемся держать свои в порядке, — ответил Скорпион. — Но ведь вас больше всего интересует оружие, не так ли? Давайте я продемонстрирую пушки, и на этом мы покончим с проверками. Если понадобится более тщательный осмотр, позже у нас будет много времени.

С этими словами он повел двадцать адвентистов обратно, возглавив их шествие по своей империи.

— Сказать по правде, — проговорил брат Сейфарт, когда они благополучно добрались до вращающейся секции, — двигатели интересуют нас гораздо больше, чем оружие.

— В самом деле? — Скорпион почувствовал, как поднимается щетина у него на загривке.

— Да. — И Сейфарт кивнул своим подчиненным.

Будто в слаженном танце, каждый монах заученным движением надавил на разные части своего скафандра, отчего тот рассыпался, как разбитая скорлупа. Под броней (Скорпион уже знал об этом благодаря сканированию) на священниках было только тонкое белье.

Что же он упустил из виду? Ведь по-прежнему нет никакого оружия: ни ножей, ни пистолетов.

— Брат Сейфарт, — сказал он, — советую вам хорошенько подумать.

— Уже подумал, — ответил Сейфарт.

Одновременно с другими адвентистами он опустился на колено — руки оставались в перчатках — и быстро, уверенно выбрал что-то из деталей скафандра.

Его рука поднялась, сжимая предмет с острыми краями, с аэродинамической формой, со зловеще изогнутой передней кромкой. Сейфарт размахнулся и метнул. Скорпион слышал, как устремившийся к нему снаряд разрезает воздух лопастями: чоп-чоп-чоп. Полет продолжался долю секунды, но этот срок растянулся в субъективную вечность. Слабый внутренний голос, в котором не было никаких обвинительных интонаций, объяснил свинье, что это никакие не скафандры. Скорпион очень старался заглянуть под них, будучи убежден, что опасные предметы можно спрятать именно там. Но он не догадался, что оружие — это сама броня.

Летящий предмет угодил Скорпиону в плечо, сильнейший удар отбросил его к покрытой ребристыми наростами и слизью стене. Оружие пронзило и кожу куртки, и свиную плоть, пригвоздив его к стене коридора. Он бился и корчился от боли, но фрагмент скафандра держал крепко.

Сейфарт встал, держа в каждой руке по вещи, в которой теперь безошибочно узнавалось холодное оружие. Его скафандр был составлен из тщательно, до ангстрема, подогнанных фрагментов, готовых по первому сигналу владельца разделиться.

— Жаль, что пришлось так поступить, — сказал Сейфарт.

— Ты покойник, человечишко.

— Хотел бы я тебя прикончить, ты уже был бы покойным свинтусом.

И это не было хвастовством — небрежное изящество броска свидетельствовало о настоящем мастерстве. С той же легкостью капитан мог отсечь Скорпиону голову.

— Я пощажу и тебя, и всю команду, если вы согласитесь сотрудничать и исполните все распоряжения.

— На сотрудничество не рассчитывай. С ножами вам далеко не уйти, будь вы хоть семи пядей во лбу.

— У нас не только ножи, — ухмыльнулся Сейфарт.

Позади него с пола поднялись еще двое адвентистов. Они держали устройство, собранное в основном из деталей их дыхательных аппаратов. Один из монахов направил шланг с соплом в сторону Скорпиона.

— Покажите-ка, — велел Сейфарт, — просто чтобы он понял.

Из сопла ударила струя огня длиной пять-шесть метров. Кривое оранжевое перо прошлось по стене, и та вмиг покрылась пузырями. И снова корабль застонал. Пламя погасло, слышалось только шипение топлива, понемногу вытекающего из сопла.

— Вот так сюрприз, — сказал Скорпион.

— Сделайте все, что мы скажем, и никто не пострадает, — обратился к нему Сейфарт.

Позади капитана озирались адвентисты: они слышали стон. И скорее всего, решили, что корабль еще оседает после кратковременного включения двигателей, скрипит, точно старый дом после захода солнца.

Пауза затянулась. Скорпион вдруг ощутил странное спокойствие. Может быть, это просто старость, подумал он и спросил:

— Решили захватить мой корабль?

— Не захватить, — ответил Сейфарт, подчеркивая слово. — Всего лишь одолжить. Когда мы закончим, ты получишь назад свой субсветовик.

— Похоже, вы не тот корабль выбрали.

— Не согласен, — вежливо возразил Сейфарт. — Уверен, мы все делаем правильно. Будь хорошей свинкой, постой тут, и скоро мы расстанемся друзьями.

— Я просто поверить не могу... Ты всерьез намерен с двумя десятками людей захватить мой корабль?

— Нет, — ответил Сейфарт. — Это было бы авантюрой.

Скорпион попробовал освободиться. Он едва мог шевельнуть рукой, не то что поднести ко рту коммуникатор. Жгучая боль пронзала плечо, словно там терлись о плоть осколки стекла. Это было то самое плечо, которое он сжег лазером.

Сейфарт покачал головой:

— Просил же не рыпаться. — Он опустился на колено и осмотрел похожее на кинжал оружие, которое держал в руке. Потом медленно подошел к Скорпиону. — Сказать по правде, свиньи мне никогда не нравились.

— Ну и заткнись.

— Должно быть, тебе уже много лет. Сколько — сорок, пятьдесят?

— Не сомневайся, у меня еще хватит сил свернуть тебе шею.

— Что ж, посмотрим.

Несильно размахнувшись, Сейфарт приколол к стене второе плечо Скорпиона, проткнув его приблизительно в том же месте, что и первое. Скорпион взвизгнул от боли: в этом пронзительном крике не было ничего человеческого.

— Не могу похвастаться, что хорошо знаком со свинской анатомией, — проговорил Сейфарт. — Но надеюсь, я не повредил ничего важного. Однако на твоем месте я бы поостерегся и не крутился понапрасну.

Скорпион рискнул пошевелиться, но хлынувшие слезы застлали ему глаза. За спиной Сейфарта еще двое адвентистов опробовали второй собранный огнемет. Затем отряд разделился надвое, и обе группы углубились в недра корабля, оставив Скорпиона в одиночестве.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Хела, год 2727-й

С поверхности Хелы поднялась и устремилась вверх флотилия черных машин. В основном это были малые шаттлы, корабли типа «поверхность-орбита», купленные, украденные, реквизированные у ультра. На многих стояли химические двигатели, лишь у малого числа были ядерные. Большинство корабликов несли в себе одного-двух соборных стражей, запертых в герметичные бронепузыри со скелетными шасси. Шаттлы вылетали из церковных ангаров — распределенных по всему Вечному Пути тайных подземных бункеров, — разбивая наросший за время стоянки лед.

Некоторые выскочили из адвентистских соборов, в том числе из надстроек «Пресвятой Морвенны». То, что выглядело второстепенным шпилем или боковой башней, оказалось вдруг прятавшимся с незапамятных времен летательным аппаратом. Маскировочная оболочка осыпáлась, словно жухлая листва. Сложной конструкции стрелы, снабженные противовесами, переносили шаттл в сторону от здания с его изящными скульптурами и красочными витражами, после чего включались двигатели и происходил старт. Купола и крыши раскрывались по стыкам, являя взгляду тесно стоящие корабли; одного за другим гидравлические платформы доставляли их на стартовую площадку. При взлете шаттла его сияющие двигатели рисовали на ажурной готике контрастные пятна света и тени. Казалось, горгульи поворачивают голову вслед, разевая пасть от изумления и восторга. Внизу же, под стартующим кораблем, собор содрогался и кренился под напором мощного выброса. Но после отлета он выравнивался и как ни в чем не бывало шел дальше по Пути.

За считаные секунды корабль со стражниками выходил в космос; еще несколько секунд он обменивался сигналами с флагманом, который достиг орбиты первым и теперь ждал остальных. Наконец повсюду разом засветились огни двигателей, объявляя о начале атаки. Корабли образовали эшелонированное построение и устремились к «Ностальгии по бесконечности».

В то время как эта флотилия покидала Хелу, на площадку «Пресвятой Морвенны» опустился миниатюрный летательный аппарат, встав рядом с большим шаттлом, доставившим в собор группу ультра с субсветовика.

Несколько минут Грилье сидел в кабине, передвигая бегунки из слоновой кости, — настраивал основные системы на работу в его отсутствие. Собор устрашающе близко подошел к мосту, и генерал-полковник не собирался рисковать жизнью, преодолевая Пропасть вместе с Куэйхи. Он найдет предлог, чтобы покинуть собор: какое-нибудь дело Часовой Башни или что-то срочное для службы крови. У Грилье была наготове дюжина веских причин. Если же настоятель решит, что врач, несмотря ни на что, обязан составить ему компанию на борту, то Грилье просто улизнет, а объясняться будет потом. А потому надо заранее позаботиться, чтобы в критический момент не пришлось запускать небыстрый цикл подготовки корабля к полету.

Грилье надел шлем, взял свои вещи и вышел через шлюз. Оказавшись в одиночестве снаружи, он вынужден был признать, что вид со взлетно-посадочной площадки открывается великолепный. Очень хорошо виднелось место, где заканчивалась земля и начиналась Пропасть.

Теперь уже не остановиться, подумал он. При обычных обстоятельствах остановка «Пресвятой Морвенны» требовала уймы бюрократических процедур. От принятия решения на высшем уровне до поступления команды в машинное отделение проходило несколько часов. В большинстве случаев техники, чьей главной задачей было обеспечивать продвижение собора без задержек, запрашивали подтверждение или разъяснение приказа, отправляли собственные бумаги, прохождение которых через цепочку резолюций, в свою очередь, отнимало часы. Грилье содрогнулся: он даже думать не хотел о том, сколько времени уйдет на волокиту.

Уловив краем глаза движение, он поднял голову. По небосклону пронеслись искры. Десятки, нет, сотни кораблей. Что происходит?

Взглянув на горизонт, Грилье заметил очертания огромного субсветовика: небольшой, но отчетливо видимый продолговатый предмет с цветом и блеском стали. Рой искорок устремлялся именно туда.

Что-то затевалось.

Грилье поспешил найти вход в собор — надо было узнать последние новости. Вдруг он заметил на набалдашнике трости красное пятнышко и поморщился — вроде тщательно протер ее, покидая Равнину Вигрид.

Бранясь про себя, он вытер трость об иней, устилавший взлетную площадку собора. На белом остался розовый след.

И врач отправился на поиски настоятеля. Ведь у Грилье тоже была интересная новость.

Орка Круз увидела двоих адвентистов раньше, чем ее товарищи. Появившись в конце длинного широкого и низкого коридора, монахи шли в ее сторону неторопливой походкой лунатиков.

Круз обернулась к троим офицерам Сил безопасности.

— Минимум силы, — тихо предупредила она. — Только штыки и шокеры. У этих нет огнеметов, а мне очень хочется с кем-нибудь потолковать.

Спутники дружно кивнули: они отлично поняли, что Круз имеет в виду.

Выставив перед собой острый клинок, она двинулась навстречу адвентистам. На соборных стражниках почти не осталось брони. Судя по обрывочным донесениям других групп противодействия, адвентисты сняли скафандры. Но Орка не верила в это, пока не увидела собственными глазами. Впрочем, эти гости избавились от своей брони не полностью: одни фрагменты, заостренные, они держали в руках, другие, выпуклые, прикрывали хозяевам торс. Не расстались стражи и с металлизированными перчатками, а также с пернатыми шлемами.

Орка восхищалась тонким расчетом церковников. Стоило группе захвата проникнуть на субсветовик, как надобность в броне полностью отпала. Ультра не применят против террористов энергетическое оружие, даже если те будут находиться далеко от корабельного борта или критически важных систем. Инстинкт не причинять вреда своему кораблю укоренился слишком глубоко — даже захват считается меньшим злом, чем разгерметизация. А на борту «Ностальгии по бесконечности», где каждый дюйм корабельной материи связан с нервной системой капитана, этот инстинкт еще сильнее. Команда знает, как Бренниген реагирует на причиняемые ему травмы.

— Сложите оружие! — приказала Круз. — Сопротивление бесполезно.

— Лучше вы сложите оружие, — с улыбкой ответил один из адвентистов. — Нам нужен только этот субсветовик. Мы никому не причиним вреда, а со временем и корабль вернем.

— Ты забыл сказать «пожалуйста», — проговорила Круз.

— А если я скажу «пожалуйста», вы согласитесь?

— Скорее всего, нет, — ответила она после секундного колебания.

— Коли так, нам говорить не о чем.

Круз и офицеры СБ стояли в десяти метрах от адвентистов. Она заметила, что у одного из гостей нет перчатки. Она вспомнила этого монаха: Скорпион требовал повторного сканирования его протеза, хотел убедиться, что внутри нет стрелкового оружия или заряда антиматерии.

— Последнее предупреждение, — сказала она.

Второй адвентист бросил в нее пластину. Та со свистом рассекла воздух; Круз успела отшатнуться; лезвие пронеслось возле горла и воткнулось в стену. В охранников полетело еще одно метательное оружие и стукнулось о пластину брони, не причинив никакого вреда.

— Ладно, представление закончено, — проговорила Круз и сделала знак своим людям. — Не убивать. Просто разоружить.

Офицеры двинулись вперед, выставив перед собой штыки и парализаторы с тупыми наконечниками. Адвентист вытянул искалеченную руку в сторону Круз, словно умоляя о пощаде. Женщина восприняла это спокойно: в протезе не обнаружено ничего лучевого, пулевого или хотя бы метательного.

Фаланга пальца отделилась от искусственной руки, но вместо того, чтобы упасть на пол, поплыла в воздухе. Подобно отходящему шаттлу, она медленно удалялась от стража.

Замерев от изумления, Круз следила за происходящим. Кончик пальца набирал скорость; вот он, слегка покачиваясь, прошел по воздуху десять, потом двадцать сантиметров. Потом искусственная рука сместилась вправо, и фаланга повторила движение, словно соединенная с ней невидимой нитью.

Что, поняла Круз, соответствовало истине.

— Моноволоконная коса! — воскликнула она. — Все назад! Назад, мать вашу!

Офицеры выполнили приказ. Они отступали от адвентистов, а тем временем кончик пальца описывал вертикальные

круги; движения же протеза были едва заметны. Круги расширялись, в воздухе образовалось расплывчатое кольцо метрового диамета. В Городе Бездны Орке доводилось видеть ужасные последствия применения моноволоконной косы. Она знала, что бывает с человеком, когда он натыкается на неподвижную защитную моноволоконную сетку или попадает под движущийся резак. Такой, как у этого стражника. Но больше всего ей запомнились не вопли, не трупы с отсеченными руками и снятыми скальпами, а выражение лица жертвы, когда та осознавала свою ошибку. Не потрясение и не страх, а скорее полная растерянность: понимание того, как отвратительно ты будешь выглядеть через миг.

— Отходим! — еще раз скомандовала она.

— Разрешите открыть огонь! — сказал один из ее бойцов.

Круз покачала головой:

— Рано. Только если нас загонят в угол.

Круг, в который превратилась фаланга, надвигался на них, издавая высокий, монотонный, почти мелодичный звук.

Скорпион все пытался высвободиться, смещая, насколько это было возможно, вес тела. Он уже перестал звать на помощь, перестал даже слышать собственные вопли и визг при рывках. Адвентисты не возвращались, но они находились неподалеку: по лабиринту коридоров, вентиляционных труб и лифтовых шахт до свиньи доносились приглушенные звуки сражения. Он слышал отрывистые команды и крики боли, а временами басовитые стоны корабля, получавшего новые раны. Правда, при адвентистах не было ничего по-настоящему опасного для капитана. Что ему режущее оружие и даже огнеметы, если «Ностальгия по бесконечности» выдержала выстрел из собственного орудия класса «Ад»? Но даже дробина, как известно, причиняет слону боль и может его разозлить.

Скорпион рванулся еще раз, превозмогая страшное жжение в обоих плечах. Ему показалось или действительно метательные ножи держат уже не так крепко?

Он снова дернулся и потерял сознание. Пришел в себя через секунду, а может, через минуту, по-прежнему вися на стене, с дрянным металлическим привкусом во рту. Скорпион все еще был жив и, если забыть о сильной боли, чувствовал себя не хуже, чем в тот момент, когда его пригвоздил Сейфарт. Монах

не прихвастнул, сказав, что не повредил важных органов. Хотя как знать, не истечет ли Скорпион кровью раньше, чем придет помощь? Почему СБ его не ищут?

Двадцать бойцов, подумал он. Достаточно, чтобы устроить переполох, но им не захватить весь корабль. Адвентисты наверняка понимали, что не смогут пронести серьезное оружие на борт «Ностальгии», особенно сейчас, когда мир висит на волоске. Однако Сейфарт не производил впечатления авантюриста или самоубийцы: этот человек действовал в высшей степени хладнокровно по тщательно разработанному плану.

Скорпион застонал, на сей раз не от боли, а от осознания ужасной, гибельной ошибки. Он не мог винить себя в том, что пустил адвентистов на борт «Ностальгии». Ему приказали это сделать, и если он не разгадал истинного предназначения брони, то лишь потому, что никогда не слышал о подобной уловке. Поэтому, тщательно проверяя скафандры, смотрел сквозь них, а не на них. Чтобы найти тончайшие сочленения, скафандры надо было снять и отправить в лабораторию. Да, тут нет его ошибки. А вот чего не следовало делать, так это включать двигатели. Зачем это понадобилось адвентистам? Церковники видели корабль на подлете к системе и могли узнать все, что их интересовало. Наверняка они давно наблюдают за «Ностальгией по бесконечности».

Напрашивается единственное объяснение: монахи попросили активировать двигатели, чтобы дать знак своим на Хелу. О том, что они прошли досмотр и готовы к захвату.

Это сигнал для отправки подкрепления.

Не успела эта мысль сформироваться в голове Скорпиона, как он вновь услышал стон корабля. На сей раз звук был иным — глухим, тягучим, немелодичным, как звон огромного лопнувшего колокола.

Скорпион закрыл глаза: он сразу понял, что это означает. Поражение защиты корпуса. Атакованная изнутри, «Ностальгия по бесконечности» вдобавок подверглась удару из космоса.

Отлично, подумал он. Похоже, сегодня денек из тех, когда жалеешь, что не остался лежать в криокапсуле.

А может, стоит пожалеть о том, что ты вообще пережил разморозку?

Через несколько секунд затрепетала корабельная плоть, ее вибрация передалась Скорпиону через державшие его клинки. Он вскрикнул и снова потерял сознание.

Потом он опять очнулся, на этот раз от боли — страшнее всего, что испытал до сих пор. Боль была вдобавок ритмичной, словно в обмороке он дергался. Но все это время свинья провел в полной неподвижности. Двигался не Скорпион, а стена, к которой он был приколот: та мерно вздымалась и опускалась.

Внезапно Скорпион освободился. Он ничком повалился на палубу, угодив подбородком в зловонную лужу корабельных выделений. Рядом со стуком упали два острейших клинка. Он попытался встать на колени и с изумлением обнаружил, что может опираться на руки, не теряя сознания от боли, которая вовсе не стала вдвое или втрое мучительней. А значит, серьезных повреждений нет — по крайней мере, влияющих на подвижность рук.

Он с трудом встал. Потрогал одну рану, потом другую. Крови вытекло много, но она не бьет струей, как при разрыве артерии. Скорее всего, то же относится и к выходным отверстиям. О внутреннем кровотечении ничего нельзя сказать, но этот вопрос и не стоит пока ребром.

Еще не понимая, каким образом освободился, Скорпион нагнулся за тем клинком, что попал в него первым. Самый настоящий бумеранг с заточенной под бритву кромкой. Осмотрев его со всех сторон, Скорпион отбросил фрагмент церковного скафандра в сторону и пинком отшвырнул второй. Потом, «плывя» от боли, нащупал на поясе чехол. Достав из него нож Клавэйна, включил пьезоэлектрическое лезвие; по копыту от рукоятки побежала вибрация.

В темной глубине что-то пошевелилось.

— Скорпион?

Он напрягся, ожидая увидеть в худшем случае адвентиста, а в лучшем — кого-нибудь из СБ.

— Не торопись, — дал он ответ, подходящий, как ему казалось, к обоим вариантам.

— У нас неприятности, Скорп. Большие неприятности.

Скорпион содрогнулся, когда фигура выступила из темноты. Он был совершенно не готов к такому зрелищу.

— Капитан, — выдохнул он.

— Извини, что не сразу помог освободиться.

— Лучше поздно, чем никогда, — ответил Скорпион.

Это было явление третьего класса. Нет, сказал себе Скорпион, забудь о классификации: явление в нее не вписывается.

Это не просто местная трансформация корабельной ткани, не просто временная перестройка части стены или импровизация с деталями сервороботов. Это нечто совершенно самостоятельное, автономный материальный объект: огромный скафандр, вперевалку движущийся голем. Визор был поднят, шлем заполняла темная пустота. Голос, который слышал Скорпион, проникал через расположенную на уровне подбородка решетку — такие динамики обычно используются для аудиосвязи в заполненных воздухом отсеках.

— Как ты себя чувствуешь, Скорп?

Скорпион снова потрогал раны:

— На ногах пока держусь, как и вы.

— Мы дали маху, пустив их на борт.

— Да, — ответил Скорпион, разглядывая свои сапоги. — Я знаю. Простите.

— Ты ни при чем, — сказал капитан. — Это моя вина.

Скорпион поднял голову. Что-то заставило его всмотреться в темную глубину шлема... Да просто казалось невежливым не глядеть туда.

— Что дальше? Они вызвали подкрепление?

— Да, они действуют по плану. Их корабли напали на нас. Большинство я сбил, но остальные, с десяток, прорвались через внешнюю оборону. Монахи сверлят корпус.

— Вам больно, капитан? — спросил Скорпион.

— Да не сказать что очень, но я начинаю терять терпение. По-моему, монахи покуролесили достаточно. А ты как считаешь?

Скорпион энергично закивал, не обращая внимания на боль:

— Не ту свинью они собрались трахнуть.

Огромный скафандр отвесил ему поклон и повернулся кругом, гоня по лужам волны слизи.

— Они ошиблись не только в выборе свиньи. Они напали не на тот корабль. Ну что, пойдем и зададим им трепку?

— Да, — со зловещей улыбкой кивнул Скорпион. — Пора надрать попам задницу.

Группа Орки Круз отступала, пока была такая возможность. Двое адвентистов оттеснили офицеров СБ к главному узлу коридоров и шахт. Это было что-то вроде сердечного клапана

в анатомии капитана; отсюда с относительной легкостью можно было попасть в любое место. Круз понимала: пора остановить адвентистов. Пока их всего двадцать, даже наверняка меньше, невозможно представить, чтобы церковникам удалось захватить приличный объем корабля, да еще на продолжительное время, но все равно ее долг — мешать продвижению террористов. Если это означает, что придется причинить легкую боль Джону Бреннигену, быть посему.

— Так, давайте разоружим их, — сказала она. — Огонь короткими очередями, прицельно. Мне нужен хоть огрызок адвентиста для допроса...

Ее слова утонули в яростном треске автоматического оружия. Коридор прошили пунктиры трассеров. Адвентист с протезом опрокинулся на спину, нагрудник не спас от пуль. Страшная моноволоконная коса прочертила над полом дугу и вырубилась, возвратный механизм медленно потащил фалангу пальца обратно к кисти.

Второй адвентист рухнул на бок, обливаясь кровью. Он получил несколько попаданий в ногу.

Корабль застонал.

— Я предупреждала, — сказала Круз.

Свое оружие она держала в руке. Ствол был холодным, она не выстрелила ни разу.

Второй адвентист зашевелился, захлопал себя по лицу, словно отгоняя пчелу.

— Не двигайся, — проговорила Круз, осторожно приближаясь к священнику. — Может, тогда доживешь до вечера.

Адвентист не отреагировал, он как будто искал что-то на лице. Палец лег на глазное яблоко, ковырнул. Секунду адвентист держал двумя пальцами человеческий глаз: круглый и блестящий, окровавленный, словно жуткий сырой деликатес.

— Я говорю... — снова начала Орка.

Пальцы адвентиста стиснули глаз. Наружу дымными кольцами рванулось нечто ядовито-желтое. Через секунду Круз почувствовала, как нервно-паралитический газ проникает в ее легкие.

Не нужно было объяснять ей, что это конец.

Со своего безопасного наблюдательного пункта настоятель следил за атакой церковного флота. Висящие вокруг Хелы камеры позволяли непрерывно держать в поле видимости

корабль ультра, в какой бы точке орбиты тот ни находился. Куэйхи увидел короткую вспышку — это Сейфарт просигналил маршевыми двигателями, что первая часть операции прошла успешно. Куэйхи видел, как взлетали корабли с воинами соборной стражи, как собирались и выстраивались эскадры над поверхностью Хелы. Шаттлы малы и уязвимы, с этим не поспоришь, зато их много. Вороны способны заклевать человека до смерти.

Куэйхи не располагал данными о развитии операции внутри субсветовика. Если Сейфарт действует по плану, немедленно после сигнала он должен напасть на экипаж «Ностальгии по бесконечности». Сейфарт храбрец: знает, что шансы дождаться подкрепления ничтожны. Но следует учитывать, что он еще и крепкий орешек: выживание — его профессия. Скорее всего, начальник стражи уже потерял бóльшую часть своего отряда, но сам он, конечно же, цел. И дерется как лев.

Ах, если бы знать, что сейчас творится на борту «Ностальгии»! Столько лет планирования, тщательной подготовки, упорных трудов, смелых надежд и кропотливого расчета... Все это просто не может не закончиться успехом. Куэйхи казалось ужасной несправедливостью, что он не может собственными глазами следить за реализацией своего замысла. Всякий раз, проигрывая в воображении операцию, он пропускал эпизод с решающей схваткой. Придет время, и он победит или проиграет, а до тех пор что толку мучиться от неопределенности?

Однако теперь его одолевали сомнения. Шаттлы во множестве гибли под огнем корабельной обороны, который неожиданно оказался плотным. Камеры демонстрировали настоятелю субсветовик в окружении ореола частых взрывов — будто огромный темный замок устроил на своих подступах фейерверк. Большинство кораблей ультра несли на борту оборонительные системы различной мощности, и Куэйхи не слишком удивился, когда «Ностальгия» оказала сопротивление. Должна же она хоть отчасти соответствовать своей легенде: наемный охранник с надежным вооружением. Но сила обороны и скорость, с которой ее привели в действие, заставили Куэйхи содрогнуться. Что, если и внутри корабля ультра обороняются так же яростно? Что, если Сейфарт погиб? Что, если дерзкий замысел настоятеля вот-вот обернется безумной авантюрой?

Ложе издало мелодичный звон: входящее сообщение. Дрожащая рука настоятеля дотронулась до пульта.

— Куэйхи, — проговорил он.

— Донесение от соборной стражи, — прозвучали слова, приглушенные и размытые статикой. — Третья и восьмая группы поддержки достигли цели. Корпус пройден; потеря воздуха незначительна. Они уже на борту «Ностальгии по бесконечности», пробиваются на соединение с авангардом.

Куэйхи вздохнул, сердясь на себя за то, что едва не поддался панике. Все идет по плану, а что возникли непредвиденные сложности, так ведь иначе и не бывает. Чем крупнее цель, тем сложнее ее достигнуть. Но в конечном успехе операции он усомнился зря.

— Держите меня в курсе, — распорядился настоятель.

Два комично смотрящихся рядом силуэта — шатающийся пустой скафандр капитана и маленькая, похожая на детскую фигурка свиньи — спешили к месту боя. Их путь проходил по коридорам и залам, в которых редко появлялись люди. Здесь рыскали крысы-уборщицы; здесь было слишком много корабельной слизи и других токсинов; здесь царил могильный мрак и лишь изредка мерцал слабый, неверный свет. Когда Скорпион висел, приколотый адвентистами к стене, он отлично знал, где находится. Но сейчас, следуя за капитаном, чувствовал, что не бывал раньше в этих местах.

Они шли вперед по известным только Бреннигену проходам, через потайные шлюзы, пугающие отсутствием привычных для Скорпиона признаков существования корабельной администрации: наскоро собранной гидравлики и электрики, а также нарисованных светящейся краской указательных стрелок.

Скорпион уже понял, что внутри корабля есть тропы, ведомые только Бреннигену: пустые коридоры, по которым тот бродит в одиночестве. Корабль — плоть и кровь капитана, подумал Скорпион: он один решает, что с собой делать.

Свинья не питал иллюзий, что рядом с ним шествует капитан во плоти. Скафандр служит лишь для фокусировки внимания; Бренниген по-прежнему вездесущ, он воплощен в каждой детали корабельной конструкции. Конечно же, Скорпион предпочел бы обществу пустого скафандра кого угодно, лишь бы тот обладал лицом, но все же идти в сопровождении капи-

тана было веселее, чем в полном одиночестве. Как ни крути, Скорпион получил серьезные раны; несомненно, он вскоре ощутит их последствия. И можно только догадываться, насколько тяжелыми они окажутся. Двадцать лет назад он не обращал внимания на раны, а вот сегодня это вряд ли получится. Но пока у него есть спутник, пусть и такой необычный, можно рассчитывать на отсрочку конца. «Мне бы продержаться несколько часов да разобраться с этой заварушкой, — думал он. — Большего и не надо».

— Нужно кое-что обсудить, Скорпион. С глазу на глаз. Давай это сделаем сейчас, потом будет поздно.

— Да, капитан?

— Мы прилетели сюда по настоянию Ауры, надеясь переломить ход войны с ингибиторами. Предположив, что Куэйхи и вертуны — ключи к тайне, мы девять лет назад высадили Ауру на поверхность Хелы и поселили в безвестной общине. Она должна была собрать информацию и затем осторожно проникнуть в церковные структуры — так, чтобы ее не заподозрили в связи с нами. Это был хороший план, Скорпион. В ту пору ни до чего лучшего мы додуматься не смогли. Но нам не следовало забывать о Халдоре.

— Никто о Халдоре не забывал, — возразил Скорпион. — Аура утверждает, что ей удалось вступить в контакт с тенями посредством железного скафандра. Разве этого недостаточно?

— Было достаточно, пока адвентисты не напали на нас. Железный скафандр остался у Куэйхи, а настоятелю больше нельзя доверять. Пора искать новые пути, Скорпион. Мы не можем надеяться только на переговоры с церковниками. Нельзя все ставить на одну карту.

— Мы же собирались отправить к Халдоре зонд.

— И отправим, но этот зонд будет только первой ласточкой. Скорее всего, разведка не даст ничего сверх того, что мы уже узнали от Ауры. Рано или поздно придется пустить в ход главный калибр.

На секунду Скорпион забыл о боли:

— О чем вы?

— Необходимо выяснить, что находится внутри Халдоры, — объяснил капитан. — Но сидеть и ждать очередного исчезновения мы не можем, а потому разрушим маскировку.

— Пушка класса «Ад», — догадался Скорпион. — Вы хотите выстрелить прямо в планету и посмотреть, что из этого выйдет.

— Да. Другого выхода я не вижу.

— Но это наша последняя пушка. Вы хорошо подумали, капитан?

Скафандр секунду смотрел на него темным провалом шлема.

— Я хорошо подумал, — наконец ответил Бренниген.

Через некоторое время скафандр остановился. Свинья тоже замер, прячась за широкой спиной капитана.

— Впереди что-то есть.

Скорпион глянул в темноту:

— Я ничего не вижу.

— Чувствую, есть, но нужно подойти поближе. Здесь у меня нет камер.

Они миновали пологий поворот, затем стык нескольких коридоров. Место, где затем оказался Скорпион, он как будто узнал — не здесь ли сегодня вел к двигателям адвентистов? Стенные лампы скупо лили буроватый свет.

— Тут мертвецы, Скорп. Не самое приятное зрелище.

Скафандр двинулся дальше, хлюпая по тошнотворной жиже. Тут и там, словно черные мешки, в ней лежали убитые. По ним забегал луч включившегося на шлеме скафандра фонаря. Крысы-уборщицы засуетились, прячась от света.

— Это не адвентисты, — сказал Скорпион.

Скафандр опустился на колено, чтобы рассмотреть труп:

— Ты узнаешь их?

Скорпион присел на корточки, поморщившись: будто широкие двузубые вилы вонзились в грудь. Он потрогал ближайшее тело, перевернул лицом вверх. Нащупал жесткую кожаную нашлепку на глазу:

— Это Орка Круз.

Собственный голос показался ему чужим, слишком деловитым. «Она мертва, — подумал свинья. — Эта женщина больше тридцати лет была твоим другом, и ее больше нет. Она помогала тебе, защищала тебя, дралась за тебя и смешила своими рассказами — и погибла из-за твоей ошибки, из-за твоей глупости, из-за того, что ты не заметил очевидного. Вот и все. Осталось только ощущение, что ты потерял частицу себя».

Зашипели поршни, зажужжали сервомоторы. Большая перчатка капитанского скафандра осторожно тронула свинью за плечо.

— Возьми себя в руки, Скорп. Я знаю, что ты чувствуешь.

— Ничего не чувствую. Слишком внезапно все случилось, слишком быстро.

Скорпион взглянул на других убитых, уже зная, что это тоже офицеры Сил безопасности. У них не было оружия, как и видимых ранений.

Выражение лица Круз он забудет нескоро.

— Она была хорошая, — сказал Скорпион. — Могла создать в Городе Бездны собственную империю, но вместо этого приняла мою сторону. Она не заслужила такой смерти. Никто из них не заслужил.

Скорпион с трудом поднялся на ноги, опираясь о стену, чтобы не упасть. Сначала Хлестун, по пути к Ресургему. Потом пришлось проститься с Кровью, скорее всего навсегда. Теперь умерла Круз: оборвана последняя драгоценная ниточка, связывающая его с Городом Бездны, уже почти забытым.

— Не знаю, как для вас, капитан, — проговорил он, — а для меня теперь это вопрос личный.

— Для меня это личный вопрос с самого начала, — ответил ему пустой скафандр.

На борту «Ностальгии по бесконечности» разворачивалось сражение. Сопротивление вторгшимся адвентистам медленно нарастало. Атакующие корабли вокруг субсветовика были либо обнаружены и уничтожены средствами наружной защиты, либо добрались до корпуса и пробурились внутрь. Корпус заметно пострадал: на видавшей виды поверхности «Ностальгии» появились свежие кратеры и борозды. Маленькие суда, добравшиеся до корпуса и закрепившиеся на нем разными средствами — гарпунами, липучками, ракетными захватами и бурильными насадками, — казались механическими вшами, въевшимися в плоть огромного зверя. Повсюду в складках рельефа «Ностальгии по бесконечности» лежали останки других кораблей церковной флотилии; в космос вырывались облака бортовых газов. Многие корабли были подбиты раньше, чем успели добраться до цели, и остывающие обломки тянулись за субсветовиком по орбите Хелы.

Новые подкрепления спутник не присылал: план предусматривал лишь одну мощную атаку почти всеми силами и средствами соборной стражи, за исключением горстки бойцов, оставшейся для охраны самых важных объектов.

Последние отряды адвентистов, упрямо пробивавшиеся внутрь «Ностальгии», уже понимали, что их шансы невелики. Сопротивление оказалось сильнее ожидаемого; впервые ультра принизили эффективность своей обороны. Но преданность церкви и доктрине Куэйхи была у соборной стражи в крови, причем отнюдь не метафорически; об отступлении никто не помышлял. Им даже не требовалось понимать цель своего самопожертвования — главное, что она важна для настоятеля.

Занятые поиском пути проникновения в корпус, адвентисты не заметили, как в борту «Ностальгии», изуродованном до неузнаваемости трансформациями ее капитана, возник заполненный светом проем. Он казался крошечным, но это лишь из-за гигантских размеров самого корабля.

Что-то появилось из отверстия. И это была машина — таких плавных и уверенных движений не бывает у живого существа. Она не походила на транспортное средство, даже на простенький шаттл для сообщения между большими кораблями, а напоминала абстрактный орнамент: сюрреалистическое смешение угловатых фигур цвета патины. Без окон и швов, словно целиком вырезанная из мрамора, машина была втиснута в черный экзоскелет, в подобие строительных лесов, усаженных стыковочными креплениями, маневровыми двигателями, навигационным оборудованием, приборами целенаведения.

Это было орудие из тайного склада. Последняя из сорока пушек класса «Ад». Инженерные принципы, воплощенные в этой артсистеме, возможно, были не слишком передовыми в сравнении с приобретениями «Ностальгии по бесконечности» — минами-пузырями и гипометрическими пушками. Но никто не взялся бы это доказать. Одно было ясно: новое оружие скорее требует хирургической точности, чем грубой силы. Поэтому орудие класса «Ад» еще могло найти себе применение.

Пушка покинула шлюзовую камеру. Ее скелетная сбруя засверкала синеватыми выбросами маневровых дюз. Эти огни освещали «Ностальгию по бесконечности», четко обрисовывали темные силуэты последних кораблей соборной стражи.

Никто из врагов этого не заметил.

Орудие развернулось, на его транспортировочную раму упал призрачный свет Халдоры. Пушка с ускорением двинулась выбранным курсом, прочь от «Ностальгии по бесконечности», от сражения, от покрытой шрамами поверхности Хелы.

Малинин и Хоури вошли в наполненный зеркалами верхний зал Часовой Башни. Васко огляделся по сторонам и с удовлетворением отметил, что покои вроде бы не изменились с прошлого посещения. Настоятель полулежал в своей койке на той же стороне мансарды, что и прежде. Рашмика сидела за столом в центре помещения и смотрела на входящих ультра. Перед ней стоял все тот же чайный сервиз из тонкого фарфора. Васко внимательно следил за реакцией девушки и гадал, многое ли ей уже открылось. Пусть далеко не все — появление матери даст сильный толчок воспоминаниям. Есть вещи, которые воскресают в памяти мгновенно, подумал он.

Но даже если и была реакция, Васко ее не заметил. Девушка лишь кивнула, как, наверное, приветствовала всех посетителей.

— Вас только двое? — спросил настоятель Куэйхи.

— Пока да, — ответил Васко. — Нет смысла посылать сюда толпу. По крайней мере, пока мы не получили доступ к оборудованию.

— Я уже говорил: у нас в соборе много свободного места, — проворчал Куэйхи. — Сколько представителей пришлете, столько и разместим.

— Настоятель, они же не сумасшедшие, — заговорила Рашмика. — Отлично знают, что произойдет через несколько часов.

— Неужели вас пугает прохождение собора по мосту? — обратился настоятель к ультра таким тоном, словно сама мысль об этом казалась ему смехотворной.

— Считаем предпочтительным следить за этим увлекательным процессом издалека, — ответил Васко. — И мы в своем праве, верно? Договор не обязывает нас при любых обстоятельствах находиться на борту «Пресвятой Морвенны». Ну и, кроме того, у нас тут не будет поддержки — а это преимущество для вас.

— Так-то оно так, но все же я огорчен, — вздохнул Куэйхи. — Я надеялся, что вы разделите со мной триумф. Издалека картина не покажется столь впечатляющей.

— Ни секунды в этом не сомневался, — проговорил Васко. — Но это дело решенное: мы на время простимся с вами и предоставим спокойно наслаждаться зрелищем. — Он оглянулся на Хоури и добавил, тщательно подбирая слова: — Счи-

таем непозволительным вмешиваться в ход священного события.

— Да вы бы и не вмешались, — сказал на это настоятель. — Впрочем, как угодно... я вряд ли смогу вас удержать. Но до Пропасти еще двенадцать часов ходу. Нет причин нервничать.

— А вы нервничаете? — спросила Хоури.

— Нисколько, — ответил Куэйхи. — Мост построен здесь неспроста. Я всегда в это верил.

— На дне Рифта лежат обломки собора, — напомнил Васко. — Это вас тоже нисколько не беспокоит?

— Значит, настоятелю того собора недоставало веры, — ответил Куэйхи.

Засигналил коммуникатор. Малинин поднес браслет к уху и внимательно выслушал донесение. Нахмурился, повернулся и зашептал на ухо Хоури.

— Что-то не так? — спросил Куэйхи.

— Что-то не так с нашим кораблем, — ответил Васко. — Не знаю точно, в чем дело, но это как-то связано с вашими представителями.

— С моими представителями? Но с чего бы им создавать проблемы?

— Похоже, они пытаются захватить «Ностальгию», — объяснил Васко. — И вы, конечно же, ничего об этом не знаете?

— Что ж, раз вы сами затронули эту тему... — Куэйхи неудачно изобразил улыбку. — Кое-какие догадки у меня имеются.

Распахнулась одна из дверей, в покои вошли шестеро стражей в красных мундирах. По их виду было ясно: они превосходно умеют обращаться с оружием, которое держат в руках.

— Жаль, что дело принимает такой оборот, — продолжал Куэйхи, пока стражники заставляли Васко и Хоури сесть напротив Рашмики. — Однако мне и вправду нужен ваш корабль. Будем откровенны друг с другом: вы бы ни за что не согласились его отдать, так ведь?

— У нас же договор, — ответил Васко, когда ближайший стражник ткнул его стволом в плечо. — Мы обязались защищать вас.

— Проблема в том, что от вас мне требуется вовсе не защита, — объяснил Куэйхи, и его распялки для глаз сверкнули полированной латунью, — а средство передвижения.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

У Рашмики появилось предчувствие, что сейчас в ее голову кто-то попытается проникнуть. Она уже научилась распознавать это ощущение, предшествующее разговору с тенями: слабый зуд нейронной сети. Так в огромном ветхом доме вдруг открывается дверь, и находящийся далеко от нее хозяин не слышит этого, а просто чувствует.

Она заставила себя сидеть спокойно. Надо помнить о близости резного скафандра, о той легкости, с которой тени проскальзывают в твой череп.

Но на этот раз заговорил другой голос:

«Рашмика, слушай внимательно. Не реагируй на меня, не оборачивайся, словно мы незнакомы».

Не произнеся ни слова, Рашмика сформулировала ответную фразу. Будто была рождена для таких разговоров, будто это умение всегда было с ней.

«Кто вы?»

«Женщина, сидящая в одной комнате с тобой».

Не в силах удержаться, Рашмика взглянула на Хоури. Лицо женщины оставалось бесстрастным: ни враждебности, ни даже недовольства, одно лишь спокойствие. Казалось, она смотрит на стену, а не на Рашмику.

«Это вы?»

«Да, Рашмика, я».

«Что вы здесь делаете?»

«Пытаемся помочь тебе. Разве ты не помнишь? Хотя бы часть? Неужели совсем ничего?»

Васко проговорил вслух:

— Средство передвижения, настоятель? То есть вы хотите захватить наш корабль и куда-то улететь?

— Не совсем так, — ответил Куэйхи.

Рашмика изо всех сил старалась не глядеть на женщину. Чтобы облегчить себе задачу, она принялась рассматривать ее спутника.

«Я помню очень мало, например что я родом не отсюда. Да и тени об этом говорят. Хоури, вы знаете про теней?»

«Мало. Не больше, чем ты».

«Вы можете объяснить одну вещь? Кто направил меня сюда? И для чего?»

«Это сделали мы».

Краем глаза Рашмика увидела слабейший кивок женщины — подтверждение того, что девушка не ошиблась и слышит именно ее голос.

«Но решение было твое. Девять лет назад, Рашмика, ты сказала, что нам нужно доставить тебя на Хелу и отдать в чужую семью».

«Зачем?»

«Чтобы как можно больше узнать об этой планете и вертунах. И приблизиться к настоятелю».

«Зачем?»

«Мы полагали, что Халдора — ключ ко всему, единственная дорога к теням и она лежит через покои настоятеля. Мы не знали, что настоятель уже воспользовался ею. Это ты, Рашмика, сообщила нам о существовании обходного пути».

«Скафандр?»

«Да, мы пришли за скафандром. И за тобой, конечно».

«Каков бы ни был ваш план, он рухнул, да? Все пошло вкривь и вкось?»

«Тебе, Рашмика, совершенно нечего опасаться. Настоятель не знает, что ты связана с нами».

«А если узнает?»

«Мы защитим тебя. Я защищу, что бы он ни задумал. Клянусь».

Рашмика посмотрела в лицо женщине, надеясь, что Куэйхи ее не видит.

«Почему вы будете защищать меня?»

«Я твоя мать».

«Посмотрите мне в глаза. И скажите это еще раз».

Хоури повторила. Рашмика вглядывалась в ее лицо и не видела признаков лжи.

Хотелось крикнуть: «Нет, этого не может быть!» — но шок оказался куда слабее, чем могла ожидать Рашмика. Она уже давно поняла, что по крайней мере половина ее биографии не имеет ничего общего с действительностью. Тени и генерал-полковник Грилье уже убедили девушку, что она рождена не на Хеле и жители Равнины Вигрид не могут быть ее родителями. В остатке была не правда, ждущая замены на другую правду, а скорее пустота, которую следовало заполнить фактами.

Еще многое предстоит вспомнить, но самое главное Рашмика теперь знает. Она агент ультра — вот этих ультра, — и на

Хелу ее направили для разведки. Ее настоящие воспоминания были загнаны вглубь разума, а поверх наложены искусственные смутные видения якобы прошедшего на Хеле детства, вроде театральных декораций, правдоподобных на вид, но только если не всматриваться. Когда же тени сказали, что это ложная память, Рашмика всмотрелась в свое прошлое — и увидела истину.

Женщина назвалась ее матерью. Сомневаться в этом нет причин — на лице Хоури отсутствовали признаки обмана, вдобавок Рашмика уже знала, что ее родители на Равнине Вигрид — приемные.

Она сформулировала мысль:

«Думаю, вы действительно моя мать».

«Ты вспомнила меня?»

«Не уверена. Кажется, я помню кого-то очень похожего на вас».

«И что я делаю?»

«Стоите внутри ледяного дворца. И плачете».

Орбита Хелы, год 2727-й

Ленты сизого дыма змеились по коридорам, уносимые напором воздуха. Жидкость сочилась из ран в потолке и стенах, создавала мутные дождевые завесы. Где-то неподалеку, в залах и коридорах корабля, раздавались крики и беспорядочная стрельба пулевых автоматов; иногда рявкало энергетическое оружие.

Сейфарт шел вперед, перешагивая через павших, иногда наступая на руку или голову, незаметную в корабельной слизи, которой уже натекло по колено и которая, казалось, заливала все уровни. Рукой в перчатке капитан сжимал метательный нож — фрагмент скафандра, в котором он прибыл на борт субсветовика. Нож был в крови — если Сейфарт не ошибался, он успел убить трех ультра и еще двух серьезно ранить. Но капитан все это время искал оружие получше. Набредая на тело, переворачивал его сапогом, смотрел, нет ли в руках или на поясе чего-нибудь пригодного для боя. Лучше всего подошел бы стреляющий пулями автомат.

Сейфарт остался один. Его подчиненные либо погибли, либо отрезаны в других частях корабля. Это учитывалось пла-

ном: из двадцати бойцов авангарда до полного захвата корабля вряд ли могло дожить больше полудюжины. Конечно, он рассчитывал оказаться в числе уцелевших, тем более что опыта в деле выживания у него было предостаточно.

Нынешнюю операцию он не считал самоубийственной ни в процессе ее подготовки, ни теперь: рутинное задание с низкой вероятностью выживания большинства участников. Да и не ставилась авангарду задача уцелеть. Важнее всего отправить сигнал о готовности корабля к захвату, чтобы флотилия соборной стражи устремилась в общую атаку. Если передовой отряд сумеет поднять панику на борту субсветовика, создаст зоны ослабленного контроля — очень хорошо. Но как только сигнал к штурму отправится по назначению, уже практически ничего не будет зависеть от группы Сейфарта.

Так что с учетом этого обстоятельства события развиваются неплохо, полагал капитан. Поступали донесения — обрывочные, возможно, недостоверные, — что атакующая флотилия встретила более сильное сопротивление, чем ожидалось. А это, конечно же, означало, что соборная стража понесла урон сверх запланированного. Но ведь на то и навальная атака, чтобы одолеть противника числом, невзирая ни на какие потери. Шок и трепет — уж кто-кто, а Сейфарт не нуждался в лекциях на эту тему.

Стрельба на корабле, доносящаяся с разных сторон, подтверждала, что на борт «Ностальгии по бесконечности» проникли группы второй волны, с автоматическим оружием, которое авангард не надеялся пронести тайком мимо свиньи.

Сейфарт обо что-то задел ногой. Кривясь от вони, опустился на колени. Рывком перевернул тело; из коричневой жижи высунулось бедро. Он заметил тусклый блеск вороненой стали — пулевое оружие.

Сейфарт вытащил его из-за пояса соборного стражника, кое-как очистил от слизи, проверил обойму: полная. Автомат был сделан грубо (массовое производство, дешевый металл), зато не имел электронных компонентов, способных испортиться в корабельных выделениях. Сейфарт все равно проверил оружие, выстрелив в ближайшую стену. Субсветовик застонал от боли. Только сейчас капитан с удивлением отметил протяжность и громкость этих стонов — что-то не похоже на обычные звуки механических конструкций. На секунду это обеспокоило его.

Но только на секунду.

Отбросив нож, он с удовольствием ощутил в руке тяжесть автомата. Нужны крепкие нервы, чтобы пойти на захват корабля с группой, вооруженной только клинками да несколькими хитрыми техническими устройствами, но капитан не сомневался, что в какой-то момент обзаведется настоящим оружием. И тогда уже никакая сила не помешает ему пройти весь путь до конца.

Это было похоже на концовку кошмарного сна.

— Куда-то торопитесь?

Голос раздался у Сейфарта за спиной. Не может быть: только что в коридоре никого не было. В последний раз капитан оглядывался, прежде чем опуститься на колени возле убитого. Сейфарт был хорошим солдатом: через каждые несколько секунд он проверял свой тыл.

Но голос доносился именно с той стороны. Очень знакомый голос. И его источник находился совсем близко.

Автомат был снят с предохранителя. Держа его у пояса, Сейфарт медленно повернулся.

— Вроде я о тебе уже позаботился, — сказал он.

— Как видишь, мне требуется больше заботы.

Скорпион стоял безоружный; сзади над ним, словно няня над ребенком, нависал пустой скафандр. Рот монаха скривился в недоуменной усмешке. Должно быть, свинья прятался в темноте, возможно, даже притворялся мертвым. Но откуда тут взялся этот громадный скафандр? Сейфарт никак не мог пройти мимо такой махины и не заметить ее. То, что она прибежала из дальнего конца коридора за несколько секунд, пока капитан подбирал автомат, тоже было сомнительно.

— Это какой-то фокус? — спросил Сейфарт.

— На твоем месте я бы бросил пушку, — сказал свинья.

Палец Сейфарта напрягся на курке. Очень хотелось снести рыло этому выродку. Но не меньше хотелось узнать, почему свинья считает себя вправе говорить таким тоном.

— Я с тебя шкуру сниму и повешу сушиться, — пообещал Сейфарт.

Никаких сомнений: перед ним тот самый свинья. Капитан разглядел собственноручно нанесенные раны.

— Вот что, — предложил свинья, — брось-ка ты игрушку, и давай потолкуем. Я хочу тебя кое о чем спросить. Например, за каким чертом Куэйхи понадобился наш корабль.

Сейфарт потер пальцем свой шлем, словно под ним чесался висок.

— Свинья, кто из нас держит оружие?

— Ты.

— Верно. Просто хотел прояснить ситуацию. А теперь отойди от скафандра и стань на колени в дерьмо, откуда ты родом.

Свинья посмотрел на капитана, блестя белками глаз:

— А то что?

— А то разделаю твою тушу на стейки.

Свинья шагнул к монаху. Только шагнул, но Сейфарту этого было достаточно. Возникшие у него вопросы могут подождать. Когда корабль перейдет под власть адвентистов, времени на общение с пленными будет предостаточно. Так даже интереснее.

Капитан нажал на спуск. Ничего не произошло. Решив, что автомат заело, Сейфарт зло уставился на него.

Дело было не в оружии. Предплечье насквозь проткнули два шипа, появившиеся из стены. С их острых кончиков капала ярко-красная жидкость.

С опозданием пришла боль; Сейфарт почувствовал, как шипы трутся о кости и сухожилия. Он стиснул зубы, прожигая взглядом свинью.

— Прекрасно... — начал он.

Противно чавкнув, шипы выскочили из его руки. С изумлением Сейфарт увидел, как они исчезли в гладкой стене.

— Брось пушку, — повторил свинья.

У Сейфарта дрожала рука, но он снова навел прицел на свинью и скафандр, снова попытался выстрелить. И опять из этого ничего не вышло. Указательный палец свело судорогой, он корчился на спусковом крючке, словно червяк — на рыболовном.

— Я предупреждал, — сказал свинья.

Вокруг Сейфарта из стен, пола и потолка выстреливали шипы, с легкостью пронзали его тело; и вот уже ему не шевельнуться. Автомат выпал из руки Сейфарта, погремел о скрещенные прутья убившей его металлической решетки и шлепнулся в лужу.

— Это за Орку, — проговорил свинья.

Далее события развивались стремительно. Казалось, с каждой новой расправой улучшается способность капитана управлять локальными трансформациями; это делалось все сноровистее и изобретательнее. Зачастую на результат было тошно смотреть. Оставалось только посочувствовать адвентистам, которым пришлось иметь дело с ожившим кораблем. Какой же дичайший ужас, должно быть, испытывали они, когда ровные, неподвижные поверхности под ногами и над головой внезапно приходили в движение, давили, пронзали, терзали, душили. Как чудовищно выглядела заполонившая все уровни жидкость, с которой так и не смогли справиться насосы, — когда вдруг обрушивалась на жертву убийственной струей высокого давления! В наскоро устроенных капитаном ловушках беспомощные адвентисты погибали один за другим. Выросшие на безводной Хеле соборные стражники вряд ли рассчитывали утонуть. Но такова жизнь, как любил повторять Скорпион: вечно подсовывает неприятные сюрпризы.

В сражении явно наступил перелом, победа над адвентистами теперь была лишь делом времени. Скорпион почувствовал прилив сил, словно открылся неизвестный, последний резерв энергии. Он был уверен, что позже за это придется заплатить, но сейчас было так здорово громить врага! Отобранный у Сейфарта автомат не предназначался для свиных копыт, но это не помешало Скорпиону расстрелять всю обойму, и небезрезультатно. Очень скоро он сменил автомат на бозер из корабельного арсенала — это оружие было куда прикладистее. Вот тут-то, как любил он говаривать в Городе Бездны, настало время поджарить кое-кому задницу.

— Делай что должен, — сказал ему капитан. — Легкую боль я уж как-нибудь вытерплю.

Пробираясь вслед за капитаном по коридорам корабля, Скорпион очень скоро нашел уцелевших бойцов СБ. Совершенно растерянные, они воспрянули духом — появление Скорпиона означало, что корабль еще вовсе не захвачен адвентистами. Потом пошел слух, что вместе с экипажем сражается сам капитан; теперь охранники дрались как черти. На борту осталось лишь несколько групп адвентистов, и они уже не пытались захватить контроль над кораблем, а всего лишь пытались удержать оборону в тех местах, где способность капитана управлять трансформациями была ограниченна.

— Я могу уничтожить их всех, — сказал Бренниген Скорпиону. — Достаточно затопить или разгерметизировать отсеки, много времени это не займет. На худой конец, можно применить гм-пушку.

— Вы готовы стрелять из нее внутри себя? — поразился Скорпион, вспомнив, какого страху натерпелся при калибровке гипометрических орудий.

— Не самый приятный вариант, согласен.

Скорпион сильнее сжал рукоятку бозера. Сердце бухало в груди как молот, слух и зрение были не лучше, чем в первые минуты после пробуждения от криосна.

Плевать.

— Я разберусь с ними, — сказал он. — Вы, капитан, потрудились сегодня на славу, можно и отдохнуть.

— Быть по сему. — И скафандр шагнул в стену, в образовавшееся там отверстие, точно соответствующее его очертаниям.

Проход закрылся, капитан исчез — словно и не было его только что рядом.

Пока внутри «Ностальгии по бесконечности» кипело сражение, пока контроль над ней мало-помалу возвращался в привычные руки, за ее бортом один из потоков капитанского внимания был сосредоточен на управлении орудием класса «Ад». Много лет Бренниген носил в себе этот дьявольский арсенал, берег его от повреждений и похитителей. И хотя с тех пор его трансформация перешла за грань вообразимого, желание сохранить оружие, сыгравшее важную роль в недавней истории корабля, не угасло. Помимо прочего, тайный склад был любимой игрушкой последнего триумвира. Капитан попрежнему питал к Вольевой нежные чувства и нисколько не сердился на нее за содеянное. Пока он помнит Илиа, всегда находившую время для разговоров с ним, хотя общение с каждым разом становилось для него все более сложным, — он готов сделать все, чтобы последнее из ее грозных орудий не пропало даром.

Телеметрия с орудия поступала к нему по многочисленным шифрованным каналам. Во время последней, самой яростной атаки соборной стражи капитан разместил вокруг себя систему автономных камер слежения. Теперь эти же многочислен-

ные подвижные глаза позволяли ему непрерывно наблюдать за продвижением орудия и управлять этим процессом в любое время, даже когда «Ностальгия по бесконечности» ушла за край Хелы.

Халдора, видимая с точки нахождения орудия, теперь заслонила половину неба. Газовый гигант казался полосатым бегемотом, потеющим всевозможной химией, и полосы были настолько широки, что в любой из них с легкостью утонул бы каменный шар размером с Хелу. И невозможно было отличить Халдору от настоящей планеты: все до единого датчики, расположенные на лафете орудия, получали информацию, которой только и можно было ждать от газового гиганта. Приборы ощущали грубую силу его магнитного поля, метель плененных им заряженных частиц. Даже при максимальном увеличении атмосферные течения и вихри выглядели абсолютно убедительно.

Капитан слушал переговоры своих подопечных, анализировал их рассуждения о природе загадки Халдоры. Он уже знал, что люди рассчитывают найти под маской планеты: механизм связи между смежными бранами в многомерном пространстве балка, между вибрирующими бок о бок, словно натянутые резиновые ленты, вселенными. Халдора, согласно этой гипотезе, — нечто вроде рации, способной ловить и испускать шепот гравитации. А детали значения не имеют. Самое главное сейчас — войти в контакт с сущностями из другого слоя, и как можно быстрее. Одно из подходящих для этой цели средств — резной скафандр на борту «Пресвятой Морвенны». Возможно, самое удобное средство, поскольку этот канал уже открыт. Но рассчитывать на него нельзя: Куэйхи способен в любой момент уничтожить скафандр. Вот и пришлось искать другой способ. В свое время Куэйхи дождался исчезновения и только тогда отправил капсулу к Халдоре. У экипажа «Ностальгии по бесконечности» нет на это времени.

Поэтому нужно спровоцировать исчезновение, чтобы скрытая под камуфляжем техника открылась их глазам.

Пушка начала торможение, занимая огневую позицию. Внутри ее просыпались чудовищные силы, запускались цепочки реакций, поначалу слабых, но быстро приближающихся к необратимому каскаду. Управляющая орудием субличность активировалась и пришла в состояние спокойной восприимчивости. После долгих лет бездействия она была готова сделать

то, для чего ее создали. Тот факт, что при этом она сама погибнет, не волновал ее нисколько. Пушка разве что испытывала легкую досаду оттого, что она последняя в своем роде и что рядом не будет других орудий класса «Ад», которые могли бы стать свидетелями ее феерической самореализации.

Создатели этих артсистем даже не подозревали о том, насколько тщеславны их детища.

Скорпион сидел за столом в конференц-зале, против десятка руководителей, и кривился от боли. Валенсин обрабатывал его раны: на окровавленном полотенце перед свиньей был разложен небольшой набор медицинских инструментов. Настоящий антиквариат: жгуты, скальпели, ножницы, иглы, флаконы с дезинфицирующими жидкостями и мазями. Врач уже срезал часть куртки, открыв две раны от монашеских ножей.

— Вам повезло, — сказал Валенсин, когда очистил рану и принялся запечатывать входные и выходные отверстия клейкой пастой. — Он знал, что делает. Скорее всего, хотел сохранить вам жизнь.

— Это вы называете везением? Повисеть распятым на стенке? Вот уж никогда бы не подумал.

— Я к тому, что все могло закончиться гораздо хуже. Сдается мне, монахи имели приказ нанести нам минимальный урон.

— Скажите это Орке.

— Да, они применили нервно-паралитический газ. Эти люди готовы были убивать, но только при крайней необходимости. Похоже, верили, что выполняют священную миссию, вроде крестового похода. Знали, что без крови не обойтись, но поднимали меч только при крайней необходимости.

Эртон наклонилась вперед. Ее рука висела на перевязи, на правой щеке багровела ссадина, но в остальном, похоже, она не пострадала.

— Вопрос в том, что делать дальше. Скорп, мы не можем сидеть и ждать неизвестно чего. Надо разобраться с Куэйхи.

Свинья поморщился — доктор Валенсин стянул края раны, прихватив их клейким составом.

— Уж поверь, такая мысль и меня посещала.

— И что дальше? — спросил Жакоте.

— Очень хочется врезать по его лавочке всеми калибрами и превратить ее в кучку пепла. Но пока там наши люди, это не вариант.

— Если бы мы могли отправить сообщение Васко и Хоури, — сказала Эртон, — они устроили бы там какую-нибудь диверсию. На худой конец, убрались бы оттуда.

Скорпион тяжело вздохнул. Столько народу на борту, но почему именно он, хуже всех умеющий думать наперед, вынужден решать такие вот проблемы?

— Дело не в мести, — сказал свинья. — Поверьте, я хорошо знаю, что такое месть. Собаку на этом съел.

Скорпион умолк, у него сперло дыхание: Валенсин возился со второй раной, отрезая кожу и стирая запекшуюся кровь.

— Но мы прилетели сюда с определенной целью. Я не знаю, для чего Куэйхи понадобился наш корабль, и, похоже, мало кто из уцелевших адвентистов имеет об этом представление. По-моему, мы ввязались в какую-то местную интригу, в драчку за власть, и это может быть как-то связано с тенями. Хоть и велик соблазн отомстить, это худшее, что мы можем сделать в сложившихся обстоятельствах. Мы еще не вступили в контакт с тенями, а скорейший способ это сделать — добраться до железного скафандра. Вот на чем мы должны сейчас сосредоточиться, а не на сведении счетов с Куэйхи, хотя, не спорю, эта сволочь заслуживает крепких пинков. Мы займемся этим позже, после того как свяжемся с тенями. Поверьте, я буду в очереди первым. И не собираюсь причинять попам минимальный урон.

Несколько секунд все молчали. Скорпиону это о чем-то смутно напоминало; он напряг память и даже содрогнулся: Клавэйн. Такая тишина повисала, когда старый сочленитель заканчивал свой очередной монолог, вдребезги разбивавший чужую аргументацию.

— Можно взять собор штурмом, — наконец тихо проговорила Эртон. — У нас есть время. Мы понесли потери, но остались исправные шаттлы. Что скажешь, Скорп, насчет хирургической операции? Если мы проникнем на борт «Пресвятой Морвенны» и выйдем обратно с железным скафандром и нашими людьми?

— Опасно, — сказал один из офицеров Сил безопасности. — Нужно думать не только о Малинине и Хоури. Там Аура. Вдруг Куэйхи уже заподозрил, что она наша?

— Он ни о чем не догадывается, — ответила Эртон. — Не с чего.

Скорпион высвободился из цепких пальцев Валенсина ровно настолько, чтобы задрать рукав и увидеть пластмассовые и металлические останки своего коммуникатора. Свинья не помнил, когда разбил его, так же как не помнил, откуда взялись бесчисленные синяки и порезы на его теле.

— Мне нужна связь с собором, — сказал он. — Хочу потолковать с тамошним начальством.

— Впервые слышу от тебя о переговорах, — сказала Эртон. — Не ты ли утверждал, что сделки приводят только в мир страданий?

— Беда в том, — с горечью признал Скорпион, — что иногда ни на что другое не приходится рассчитывать.

— Сейчас ты не прав, — ответила Эртон. — Вот увидишь, толку от переговоров не будет.

— Как был не прав, пропустив на борт двадцать адвентистов? Однако это была не моя блестящая идея.

— Они пронесли оружие, несмотря на твою проверку, — ответила Эртон.

— На серьезную проверку вы не дали мне времени.

Эртон оглянулась на товарищей и снова уперла взгляд в свинью.

— Вот что, ты нам помог вернуть корабль, и просто слов нет, чтобы выразить нашу благодарность. Но теперь, когда положение стабилизировалось, не лучше ли...

Корабль застонал. Кто-то толкнул к Скорпиону через полированный стол браслет связи. Свинья застегнул его на запястье и вызвал Васко.

Поверхность Хелы, год 2727-й

Войдя в покои настоятеля, Грилье на несколько секунд замер, чтобы привыкнуть к необычной мизансцене. Необычной ее делало присутствие гостей — мужчины и женщины — и нескольких солдат соборной стражи. Гости — как понял Грилье, с корабля ультра — смотрели на него, словно ожидая объяснений. Врач молча пригладил ежик светлых волос и поставил трость у дверей. Ему было в чем покаяться, но у него не было объяснения происходящему в мансарде Куэйхи.

— Стоит отлучиться на несколько часов, и ситуация норовит полететь ко всем чертям, — проворчал он.

— Присаживайтесь, — проговорил настоятель.

Грилье оставил приглашение без внимания. Он приступил к тому, что обычно делал при посещении настоятеля: к осмотру его глаз. Открыл чемоданчик, привычно достал тампоны и флаконы.

— Не сейчас, Грилье.

— Отчего же не сейчас? — приподнял брови врач. — Инфекция ждать не станет.

— Где вы пропадали, доктор?

— Сначала главное.

Врач склонился над настоятелем, чтобы осмотреть нежную кожу век.

— Мне кажется или действительно здесь слегка напряженная атмосфера?

— Некоторых излишне взволновало мое решение вести собор через Пропасть.

— Мне тоже не по душе эта идея, — кивнул Грилье. — Но меня вы не держите на мушке.

— Ситуация несколько сложнее.

— Не сомневаюсь. — Врач мысленно похвалил себя за то, что оставил шаттл в состоянии полуготовности к отлету. — Кто-нибудь соблаговолит объяснить? Или это новая салонная игра, в которой мне дают двадцать попыток?

— Он захватил наш корабль, — сказал гость.

Грилье оглянулся на ультра, продолжая осторожно промокать глаза настоятеля:

— Прошу пояснить.

— Представители — не настоящие, — ответил ультра. — Их внедрили на «Ностальгию по бесконечности», чтобы переподчинить корабль собору.

— «Ностальгия по бесконечности», — повторил Грилье. — Снова я слышу это название.

Теперь настал черед ультра вскинуть брови.

— Вы ведь уже побывали тут? — спросил врач. — Девять лет назад, если не ошибаюсь?

Пленники переглянулись — еле заметно. Но Грилье, конечно же, уловил их реакцию, поскольку ждал ее.

— Похоже, вы меня опережаете, — сказал Куэйхи.

— Мы с вами вечно опережаем друг друга, каждый в своем деле, — ответил Грилье. Он провел тампоном под веком; крае-

шек пожелтел от гноя. — Он не лжет? Наши люди захватили корабль?

— Не думаю, что у них есть причины лгать, — ухмыльнулся Куэйхи.

— Это вы устроили?

— Мне нужен субсветовик. — Таким тоном ребенок объясняет, почему украл яблоки.

— Я в курсе. Иначе почему бы вы столько времени выбирали подходящее судно? И вот оно прибыло на орбиту Хелы. В чем же проблема? Если вам нужна защита, не лучше ли оставить ультра на свободе, чтобы они могли управлять кораблем?

— В защите я никогда не нуждался.

Грилье замер, остановив край тампона под веком настоятеля:

— Вот как?

— Мне нужен корабль, — повторил Куэйхи. — Без разницы чей, лишь бы в хорошем состоянии и с работающими двигателями. Но лететь на нем далеко я не собираюсь.

— Не понимаю, — проговорил Грилье.

— Я знаю, для чего ему корабль, — сказал ультра. — По крайней мере, у меня есть догадка. Дело в Хеле, верно?

Грилье взглянул на ультра:

— А что не так с Хелой?

— Настоятель хочет, чтобы корабль опустился на спутник. Где-нибудь близ экватора, насколько я понимаю. Он уже наверняка приготовил там посадочное устройство — нечто вроде ложемента.

— Ложемент? — ровным голосом переспросил Грилье.

— Фиксатор, — сказал Куэйхи таким тоном, словно это все объясняло.

Грилье вспомнил про нехватку машин на Вечном Пути, про целую колонну строительной техники, о которой говорила Рашмика. Теперь он точно знал, куда вся эта техника направлялась. Машины шли к фиксатору — что бы это слово ни означало, — чтобы завершить строительство.

— Один вопрос, — сказал Грилье. — Зачем?

— Настоятель собирается положить корабль на борт, — ответил ультра. — В направлении с востока на запад, параллельно экватору. Он будет жестко закреплен на месте, чтобы не мог улететь.

— И что толку? — спросил Грилье.

— Толк будет, когда я включу двигатели, — не удержался от ответа Куэйхи. — Вот увидите. Все увидят.

— Настоятель намерен изменить скорость движения Хелы, — сказал мужчина. — Синхронизировать ее обращение с осевым вращением Халдоры. Для этого нужно изменить продолжительность суток, причем совсем ненамного — двенадцати минут хватит. Я прав, настоятель?

— Одна двухсотая, — ответил Куэйхи. — Задачка не выглядит сложной, верно? Но планету, даже такую малую, как Хела, сместить с ее траектории нелегко. Вот для чего нужен субсветовик. Только подумайте — эти двигатели способны разогнать массу в несколько миллионов тонн почти до скорости света. Так что, думаю, изменить день Хелы на двенадцать минут им вполне по силам.

Грилье убрал тампон из-под века Куэйхи:

— Решили исправить оставленную Всевышним недоделку?

— Ну уж такую великую гордыню приписывать мне не стоит, — запротестовал Куэйхи.

Засигналил браслет, и Васко взглянул на запястье, не смея поднять руку.

— Ответьте на вызов, — разрешил Куэйхи. — Узнаем, как обстоят дела на корабле.

Малинин внимательно выслушал, после чего снял браслет и протянул Куэйхи.

— Вот, послушайте сами, — сказал он. — Думаю, вам будет интересно.

Подозрительно выпятив губы, Грилье со всех сторон осмотрел коммуникатор:

— Отвечу, пожалуй.

Грилье послушал голос, доносящийся из браслета. Потом, тщательно подбирая слова, задал вопрос, получил ответ и поднял брови в насмешливом изумлении. Кивнул и вернул браслет Васко.

— В чем дело? — спросил Куэйхи.

— Соборная стража разгромлена, захватить корабль не удалось, — ответил врач. — Их всех перебили, включая подкрепление. Я говорил с неким Скорпионом, он там сейчас за главного. Вполне вменяемый персонаж для свиньи.

— Нет! — воскликнул Куэйхи. — Сейфарт же обещал! Клялся, что его люди не подведут!

— Как видите, он не справился.

— Но что случилось? Чего они не предвидели? Их ждала целая армия?

— Свинья сказал о другом.

— Свинья прав, — подтвердил Васко. — Ваших людей перебил сам корабль. Видите ли, он особенный: часто действует по собственному разумению и не дает спуску врагам.

— Все должно было произойти совсем иначе, — застонал Куэйхи.

— Да, ситуация не радует, — согласился Грилье. — Свинья что-то говорил о силовом захвате собора.

— Они с самого начала готовили мне ловушку! — произнес Куэйхи таким тоном, словно его осенило.

— Ну зачем же так плохо думать о них. Им нужен всего лишь доступ к Халдоре. Не их вина, что вы в то же время попытались прибрать к рукам «Ностальгию по бесконечности». Получается, что вы спровоцировали ее экипаж на насилие.

— Нам конец, — прошептал Куэйхи.

Грилье как будто вдруг вспомнил о чем-то:

— На самом деле все не так плохо. — Он наклонился к настоятелю, потом взглянул на сидящих за столом ультра и Рашмику. — Кажется, у нас есть один козырь.

— Вы о чем? — спросил Куэйхи.

— Дайте браслет! — приказал генерал-полковник Малинину.

Васко подчинился. Врач с улыбкой отправил вызов:

— Привет, это свинья? Рад снова слышать вас. Плохие новости. У нас ваша девчонка. Если не хотите получить ее назад по частям, прислушайтесь к нашему предложению. — Он протянул браслет настоятелю. — Излагайте.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Кривясь от стреляющей под повязками боли, Скорпион взмахом руки велел всем умолкнуть — ему трудно было расслышать слабый, как шелест бумаги, голос настоятеля Куэйхи. Валенсин закончил работу и принялся убирать со стола окровавленные медицинские снасти.

— Не знаю никакой девчонки, — сказал Скорпион.

— Ее зовут Рашмика Эльс, — прошелестел динамик. — Настоящего имени я не знаю, да оно меня и не интересует. Зато мне известно главное: ваш корабль привез ее на Хелу девять лет назад. Как только выяснилось, что она связана с вами, очень многое встало на свои места.

— Да неужели?

Зазвучал другой голос — настоятеля сменил генерал-полковник медицинской службы:

— Уж не знаю, как вы это все устроили, но, признаться, я восхищен. Подавление памяти, аутосуггестия... Угадал?

— О чем вы?

— Об одном происшествии, которым занимается вигридская полиция.

— Какая еще, к черту, полиция?

— Девчонке предстояло однажды выбраться из своей скорлупы. И вот наша мисс Эльс, прожившая в убогом захолустье восемь или девять лет, подсознательно решает: пора переходить ко второму этапу операции по внедрению, искать путь в самые высшие эшелоны власти. С какой целью — пока не знаю, но смею надеяться, вы объясните.

Скорпион молчал. Пусть доктор выскажется до конца.

— С первой же оказией она отправилась к Вечному Пути. Тут возникла необходимость дать вам сигнал, сообщить, что пора из дальнего космоса перебираться поближе к Хеле. С этим надо было успеть вовремя, поскольку успех сделки с настоятелем зависел от разведданных, которые для вас добывала девчонка. В ее голове есть аппаратура, очень похожая на сочленительские имплантаты, но вряд ли связь с этими устройствами возможна с орбиты. Требовался другой сигнал, который наверняка будет замечен из космоса. Рашмика взорвала склад взрывчатки, переполошив местную полицию. Уверен, она даже не подозревала, что это ее рук дело. Скорее всего, действовала в сомнамбулическом состоянии, подчиняясь команде подсознания. После этого ей до смерти захотелось убежать из дома. Она придумала мотив: нужно найти брата, от которого уже давно нет вестей. Хотя здравый смысл подсказывал, что тот наверняка мертв. А тем временем вы получили долгожданный сигнал. О диверсии заговорили по информационной сети; наверняка вы способны ловить наши передачи на большом расстоянии от Хелы. Уверен, дата события была условлена заранее, чтобы вы не сомневались: это дело рук вашего шпиона.

Скорпион понял, что отпираться нет смысла.

— Вы хорошо поработали, на пятерку, — сказал он.

— Не я один, а вся служба крови... Но комплимент принимается.

— Только тронь ее пальцем, и я тебя в порошок сотру.

Врач рассмеялся в ответ:

— Зачем нам ее трогать? Уверяю, с ее головы даже волос не упадет — пока это не входит в наши планы. На этой обнадеживающей ноте я, пожалуй, передам трубку настоятелю. Похоже, у него есть для вас интересное предложение.

Снова раздался шелест, словно ветер подул в сухом лесу.

— Да, предложение, — проговорил настоятель. — Я пытался захватить корабль силой, так как не подозревал о существовании другой возможности заручиться вашим содействием. Силовой вариант не дал желаемого результата. Признаться, я удивлен: Сейфарт был абсолютно уверен в успехе. Впрочем, теперь, когда девушка в наших руках, это не имеет значения. Я не сомневаюсь, что она представляет для вас ценность. Из этого следует, что вы будете выполнять мои требования, и потому надеюсь, вы сделаете все, что мне необходимо, и ни одному из моих помощников не придется даже пальцем пошевелить.

— Ближе к делу, — буркнул Скорпион.

— Как уже сказано, я хочу одолжить у вас корабль. В качестве жеста доброй воли и моей исключительной незлопамятности обещаю, что больше ничего не потребую. Корабль сослужит мне службу и вернется к вам в целости и сохранности: ни его экипаж, ни инфраструктура не пострадают.

— В целости и сохранности? — переспросил Скорпион. — Мне это нравится!

— Не ерничай, свинья. Я старше и злее, а это что-то да значит.

Словно издалека Скорпион услышал свой голос:

— Чего конкретно ты от нас хочешь?

— Осмотри Хелу, — сказал Куэйхи. — Я знаю, у вас по всей орбите раскиданы камеры. Обрати особое внимание вот на эти координаты и скажи, что ты там видишь.

Камерам, чтобы сфокусироваться на указанной настоятелем точке и передать картинку на борт «Ностальгии», понадобились считаные секунды. Когда изображение на компаде стабилизировалось, Скорпион увидел аккуратную прямоугольную

яму, похожую на свежую могилу. Она находилась на освещенной стороне Хелы, но даже при свете дня ее дно тонуло во мраке, тут и там пронизанном лучами мощных промышленных прожекторов. Наложенная сетка координат свидетельствовала, что длина выемки пять километров, а ширина около трех. Три стороны ямы, покрытые серой морщинистой облицовкой, круто опускались вниз, чем ниже, тем круче; в них были вырублены дороги и съезды. Местами на стенах двухкилометровой высоты светились окна огромных строительных машин с герметичными кабинами. От верхних краев выемки тянулись в стороны дороги с гладким покрытием. В мрачной глубине ямы проглядывали едва подсвеченные прожекторами силуэты, частью похожие на растопыренные клешни омара, частью на уплощенные коренные зубы: движущиеся элементы упряжи, в которую поместится корабль величиной с «Ностальгию по бесконечности». Скорпион видел рельсы и поршневые петли, чтобы надевать эту упряжь на корпус любой формы.

Только три стены траншеи представляли собой крутые склоны. Четвертой стены не существовало вовсе, вернее, был пологий пандус, ведущий на равнину. По ориентации теней свинья определил, что траншея вырыта субширотно, вдоль экватора Хелы.

— Ты все понял? — спросил Куэйхи.

— Пытаюсь понять, — ответил Скорпион.

— Эта конструкция — фиксатор — удержит твой корабль на планете, когда заработают двигатели.

Скорпион отметил, что задние части ложемента могут подниматься и опускаться, меняя наклон корабля. Мысленно он уже видел «Ностальгию по бесконечности» в яме, пригвожденную креплениями к дну, как недавно он сам был пригвожден к стене.

— Для чего это тебе, настоятель? — спросил свинья.

— Неужели еще не догадался?

— Я тугодум. Это наследственное.

— Хорошо, объясню. Ты замедлишь вращение Хелы, потому что я так хочу. Твой корабль послужит тормозом, чтобы точно синхронизировать вращение этой луны с Халдорой.

— Да ты свихнулся.

В ответ — смешок, будто собеседник потряс охапку сухого тростника.

— Может, я и свихнулся, зато у меня есть кое-что, очень нужное тебе. Ну что, заключим сделку? У тебя ровно шестьдесят минут, и время пошло. Через час корабль должен лежать в фиксаторе. Я уже рассчитал посадочную траекторию с учетом наименьшей горизонтальной нагрузки на корпус; настоятельно рекомендую двигаться по ней, чтобы минимизировать ущерб. Хочешь ее увидеть?

— Ну а почему бы и...

Не успел Скорпион договорить, как последовал рывок — корабль сходил с орбиты. Остальные начальники схватились за стол, чтобы удержаться на своих местах. Сверток с медицинскими инструментами соскользнул на пол. Стоны и вздохи «Ностальгии» напоминали скрип высокого старого дерева в бурю.

Они пошли на посадку. Капитан уже все решил.

Скорпион прорычал в браслет:

— Куэйхи, слушай меня! Будь по-твоему, мы уже идем вниз. Но взамен ты должен сделать кое-что для меня.

— Девушку получишь, когда корабль закончит свою работу.

— Я не прошу отдать ее прямо сейчас. Я прошу о другом: останови собор. Не пытайся пройти по мосту.

— Да я бы не против, — шепнул браслет. — Честное слово, остановил бы с радостью. Но боюсь, это уже невозможно.

В недрах орудия класса «Ад» каскады реакций преодолели порог необратимости. Там шли диковинные физические процессы, и это напоминало кипение на медленном огне. Не существовало алгоритма, способного отключить пушку, предотвратить выстрел, гибельный для нее самой, а не только для цели. Завершены последние проверки систем, проделано целенаведение, рассчитана мощность выстрела. Спиральные процессы превратили почти невидимую крупицу чистой энергии в искру, та разрослась до размеров бусины. Шаровая молния продолжала разбухать, одну за другой поглощая удерживающие оболочки. Микроскопические датчики, расположенные вблизи расширяющейся сферы, регистрировали шквальные, массовые рождения частиц. Пространство и время морщились и скручивались, точно фольга вблизи огня. Сфера поглотила последнюю оболочку, но не прекратила расти. Орудие чувствовало, как энергия пожирает его изнутри, и при этом испытывало нечто сродни страху и воодушевлению.

В последние мгновения своего бытия пушка реорганизовала функции примыкающего к сфере объема, впечатала управляющее им сознание в периферийные слои. По-прежнему шар увеличивался, но он уже начал деформироваться, удлиняться в точном соответствии с программой. Из него рос конус аннигилирующей силы, похожий на старинный корабельный таран; этот шип пробивался через брошенные слои механической защиты. Вот кончик шипа вынырнул из орудийной брони, направляясь в сторону Халдоры.

Расширяющаяся сфера уже поглотила восемьдесят процентов объема пушки. К поверхности газового гиганта побежали ударные волны. Орудию оставалось существовать наносекунды; потом от него останется только сияющее облако, образовавшееся на конце острого выступа.

Процессы подготовки к выстрелу, во всяком случае зримые, подошли к концу. Орудие начало избавляться от высших разумных функций, отбрасывать в стороны свои части. И действовало оно не абы как, а разборчиво — до последнего старалось сохранить крупицы сознания. Ему уже не надо принимать решения, осталось только ждать поражения цели. Как только пушка узнает результат своего залпа, она исчезнет полностью.

Девяносто пять процентов орудия уже обратились в бесформенный сгусток фотонно-лептонного адского пламени. Мыслительные системы растеклись в тончайший слой на внутренней поверхности орудийной брони, и он уже рушился под ударной волной взрыва. Интеллект машины скатился на самую низкую ступеньку когнитивной лестницы, от него осталось лишь упрямое микробье чувство собственного существования да понимание того факта, что должна быть выполнена некая задача. Свет пронзил последние миллиметры наружной брони. К этому моменту с Халдоры поступил первый визуальный ответ. Камеры на оболочке орудия зарегистрировали изменения и донесли их до стремительно коллапсирующего рассудка, до жалкого огарка сильного и грозного машинного разума.

Луч коснулся поверхности планеты. И с ней что-то случилось — от точки попадания разбежалась рябь дисторсии.

Разум съежился и исчез из бытия. Последнее, что он позволил себе, — это слабый трепет самодовольства: все сделано как надо.

В глубине «Пресвятой Морвенны», в огромном зале машинного отделения, почти одновременно произошло несколько событий. Узкие бесцветные, лишенные украшений окна над герметичными муфтами озарили все помещение, пропустив в него свет забортной вспышки. Глаур, начальник смены, заморгал — узлы механизмов застыли на его сетчатке розово-зелеными силуэтами. А когда зрение восстановилось, он увидел, что движение сцепных дышл, клапанов, компенсаторов утратило безупречную слаженность часового механизма. Хуже того, было ужасающее предчувствие, что техника сейчас пойдет вразнос и искореженный металл перемешается с кровавым мясом.

Но опасность тут же миновала. Соединения и демпферы заработали, как им положено, в синхронном ритме передавая энергию ступням. Было страшно, когда протестующе стонала и визжала механика, когда сотни тонн движущегося металла в самых уязвимых местах конструкции испытали сверхнапряжение, но ничто не сломалось, в сторону Глаура не полетели оторванные детали. Затем начальник смены заметил, что на реакторе, а также на отсеках серворегулирования главных двигательных систем горят сигналы аварийного состояния.

Раскоординация в пределах этого зала была укрощена, однако содержащаяся в нем техника была лишь частью ходовой системы. За полсекунды волна хаоса преодолела герметичные муфты и ушла за стены, в вакуум. Со стороны могло показаться, что огромная сороконожка вдруг сбилась с ноги. Глауру не нужно было смотреть на собор снаружи, чтобы все понять: он видел великую машину внутренним взором с такой точностью, что хоть черти чертеж. Поэтому инженер ухватился за перила еще до того, как ему велело это сделать сознание.

«Пресвятая Морвенна» споткнулась. Огромная масса движущихся механизмов, прежде настолько хорошо слаженных, что даже вершина Часовой Башни покачивалась лишь самую малость, под напором лишилась равновесия. Собор опасно накренился сначала на одну сторону, потом на другую. Эффект второго крена был катастрофическим и предсказуемым: кинетическая энергия передалась от здания на ходовую часть и процесс рассинхронизации повторился.

Глаур заскрипел зубами и вцепился в поручни еще крепче. На его глазах пол наклонился под жутким углом. Автоматиче-

ски включилась тревожная сигнализация, красные аварийные лампы заполыхали с высоких сводов зала.

Заговорила система пневматической связи. Глаур дотянулся до микрофона и закричал, чтобы перекрыть грохот:

— Начальник смены слушает!

— Это генерал-полковник Грилье. Доложите, что происходит.

— Была какая-то вспышка... взбесилась техника. Как будто у нас на пути взорвали мощный ядерный заряд. Но тут, конечно, что-то другое.

— Верно, это не ядерный взрыв. Меня интересует, управление в порядке?

— Сэр, собор идет сам.

— Мы можем опрокинуться?

Глаур огляделся:

— Не похоже, сэр.

— С Пути не сойдем?

— Это тоже вряд ли.

— Отлично. Я просто хотел убедиться.

Грилье помолчал. Паузу заполнял какой-то странный звук, вроде свиста кипящего чайника.

— Глаур, а что значит «Собор идет сам»?

— Это значит, сэр, что мы идем на автоматическом управлении, потому что так положено в чрезвычайной ситуации. Ручное управление отключено таймером на двадцать шесть часов. Сэр, я это сделал по распоряжению капитана Сейфарта; он сказал, что таково решение Часовой Башни. Поэтому мы не остановимся, сэр. Мы не можем остановиться.

— Спасибо, — тихо ответил Грилье.

Высоко в небе с Халдорой творилось что-то очень плохое. От того места, где в планету ударил луч, во все стороны побежало нечто вроде ряби. Оружие уже исчезло, даже луч скрылся в газовом гиганте. Там, где только что сработало могучее устройство, теперь рассеивалось серебристое облако.

Но остался результат применения оружия. В пределах расходящегося круга ряби исчезли ленты и воронки атмосферной химии. Вместо них там расползался яркий и гладкий синяк. За несколько секунд он покрыл всю планету. То, что было прежде Халдорой, превратилось в налитый кровью глаз.

Какое-то время этот глаз угрюмо смотрел на Хелу. Потом на поверхности рубиновой сферы возникли признаки рисунка. Не запятые или косы случайных воздушных потоков, не разнонаправленно крутящиеся ленты циклонов и антициклонов, не циклопические глаза могучих бурь и ураганов. Линии были аккуратными и точными, как мастерски вышитый на ковре узор, и они становились четче, будто невидимые руки продолжали ткать. Потом линии пришли в движение. Вскоре они уже походили на четкий орнаментальный лабиринт или даже на извилины мозга. Цвет менялся от рубинового к бронзовому и дальше к темно-серебряному.

Из планеты вылетели тысячи острых клиньев, они повисели и осыпались в безликий океан цвета ртути. Океан расчертился на клетки, словно шахматная доска; та превратилась в сферический городской ландшафт невероятной сложности; его пожрал ползучий хаос.

Снова возникла планета, но она уже не была прежней. Миг — и в небе уже другой газовый гигант. Еще миг — и новый облик. Менялись краски и рисунки вихрей. Вот Халдора обзавелась гирляндой спутников, обращающихся вокруг нее самым немыслимым образом. Вот у нее уже два пояса, пересекающиеся, проходящие друг через друга. А теперь она распалась на дюжину идеальных кубов. А теперь превратилась в месяц с аккуратной внутренней кромкой, словно недоеденный торт. А теперь это круглое зеркало, отражающее звезды. Девятиугольная планета. Круглая пустота.

Несколько секунд в небе висела лишь черная сфера. Потом она задрожала, как наполненный водой воздушный шарик.

В конце концов исполинский маскировочный механизм не выдержал и сломался.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

— Я ослеп! Ослеп! Ослеп! — обморочным голоском повторял Куэйхи, хватаясь за глаза.

Грилье положил шланг пневматического коммуникатора, склонился над настоятелем, достал из кармана блестящий оптический прибор с ручкой из слоновой кости и посмотрел через него в полные ужаса вытаращенные глаза. Другой рукой

он водил перед лицом настоятеля, роняя на глазницы тень и наблюдая за реакцией зрачков.

— Вы не ослепли, — сказал он. — По крайней мере не на оба глаза.

— Вспышка...

— Вспышка повредила ваш правый глаз. Неудивительно: вы смотрели прямо на Халдору, когда это случилось, а мигательный рефлекс у вас, естественно, утрачен. К счастью, почти в тот же миг собор качнулся: что бы ни вызвало вспышку, оно встряхнуло машины Глаура. Этого было достаточно, чтобы сместить луч, идущий сюда с вершины башни, от светоколлектора. Так что полного воздействия вспышки вы избежали.

— Я ослеп, — повторил Куэйхи, словно не слышал ничего из сказанного Грилье.

— Но меня вы видите, — возразил врач, поводив пальцем. — И прекратите ныть.

— Помогите мне.

— Помогу, если объясните, что случилось и почему, черт возьми, «Пресвятая Морвенна» идет на автоматике.

Судя по голосу, Куэйхи начал успокаиваться:

— Я не знаю, что случилось. Если бы ожидал, стал бы смотреть, как вы думаете?

— Похоже, это ваши друзья-ультра постарались. Помнится, они говорили о своем интересе к Халдоре.

— Сказали, что хотят направить к планете зонд.

— Похоже, они кое о чем умолчали, — заключил Грилье.

— А я им поверил...

— Вы так и не ответили насчет автоматики. Глаур сказал, что мы не сможем остановиться.

— Да, в течение двадцати шести часов, — проговорил Куэйхи, словно читая вслух техинструкцию. — Эта мера рассчитана на чрезвычайные ситуации, такие, например, как попытка низложения руководства собора, с тем чтобы «Пресвятая Морвенна» могла продолжать движение по Пути до тех пор, пока не будет восстановлен порядок. Ручное управление реактором и ходовой частью системой заблокировано автономным, надежно защищенным таймером. Камеры управления следят за Путем; гироскопы предотвратят отклонение от курса, даже если все визуальные ориентиры будут потеряны; многочисленные системы непрерывного наблюдения за звездами обеспечивают возможность астронавигации. На случай отказа всех

этих средств вдоль Пути уложен индукционный кабель, мы сможем следовать по нему.

— И когда же включили таймер?

— Это последнее, что сделал Сейфарт, прежде чем отправился на «Ностальгию по бесконечности».

Несколько часов назад... много часов, но меньше двадцати шести.

— Значит, собор пойдет через мост и ничто не остановит его, за исключением поломки?

— Грилье, вы когда-нибудь пытались сломать реактор? А металлическая ходовая часть весом в тысячи тонн — думаете, ее легко повредить?

— Я просто интересуюсь, каковы наши шансы.

— У нас, дорогой мой генерал-полковник, отличные шансы добраться до моста и перейти по нему на ту сторону.

Это был крохотный орбитальный кораблик, чуть больше той посадочной капсулы, которая доставила Хоури на Арарат. На слабейшей тяге капсула выскользнула из чрева «Ностальгии по бесконечности». Сквозь прозрачные пятна в бронированной кабине Скорпион смотрел, как огромный старый субсветовик медленно отдаляется, похожий скорее на астероид с диким рельефом, чем на космический корабль. У свиньи перехватило дыхание: впервые он воочию видел трансформации корпуса «Ностальгии».

Это было красивое и жуткое зрелище. Корабль вышел на траекторию снижения, направляясь к подготовленному для него на поверхности спутника ложементу. Теперь поверхность его корпуса менялась квадратными километрами, слои биомеханического покрытия и радиационной защиты отваливались, как сгоревшая на солнце человеческая кожа. Корабль приближался к Хеле, оставляя за собой шлейф из фрагментов корпуса, образовав темный неровный хвост, словно у кометы.

Для Скорпиона этот хвост был прекрасным прикрытием, позволившим незаметно выбраться из корабля.

Скорпион знал: все, что происходит, — не случайно. Несбалансированные нагрузки, сопровождающие посадку субсветовика на Хелу, — вовсе не причина этого распада. Просто капитан решил сбросить бóльшую часть корпуса. В тех местах, где полностью сошла обшивка, открылось сложнейшее устройство

корабельного нутра. И даже там, в плотных недрах «Ностальгии по бесконечности», происходили грандиозные перемены. Обычный процесс трансформации капитана получил ускорение. Старые схемы корабельных помещений пришли в негодность — никто теперь не знал, как пробираться по совершенно новым лабиринтам. Но это не играло ровно никакой роли: все оставшиеся в живых члены команды собрались в носу, на маленьком и тесном, но зато стабильном уровне, и если внизу остался кто-то живой, то это могли быть лишь недобитые соборные стражники, и было ясно, что протянут они недолго.

Никто не просил капитана расправляться с ними, как никто не приказывал ему садиться на Хелу. Даже если бы на борту вспыхнуло восстание — если бы кто-то из начальства решил бросить Ауру в беде, — это ничего бы не изменило. Капитан Джон Бренниген уже все для себя решил.

Выйдя из шлейфа, состоявшего из кусков корабельной обшивки, Скорпион дал своему шаттлу команду на форсаж. Последний раз он управлял космическим кораблем очень давно, но это не имело значения: крохотная машина точно знала, куда ей лететь. Внизу кружилась Хела: Скорпион увидел диагональный шрам Рифта и совсем слабенькую царапину поперек него — мост. Он дал увеличение, стабилизировал картинку и сместил ее вниз, отыскивая «Пресвятую Морвенну» на ее пути к Пропасти. Он мог лишь догадываться, что происходит на борту собора: с момента обнажения механизма Халдоры все попытки связаться с Куэйхи и его заложниками терпели неудачу. Наверняка настоятель отключил или разрушил все средства связи — завладев наконец «Ностальгией по бесконечности», он не желает отвлекаться ни на что. Скорпион надеялся, что Аура и остальные пока живы и Куэйхи не полностью утратил рассудок. Если с настоятелем невозможно переговорить при помощи обычных средств, свинья даст ему сигнал остановиться, очень четкий и убедительный.

Кораблик направился к мосту.

От перегрузки, пусть и небольшой, у Скорпиона разболелась грудь. Последние годы очень плохо отразились на его здоровье, — по словам Валенсина, глупо было даже думать о полете на шаттле к Хеле. Скорпион на это лишь плечами пожал: что положено делать свинье, то она и сделает.

Грилье хлопотал над Куэйхи, закапывал жидкость в ослепший глаз. Поначалу каждая капля вызывала содрогание и стон, но теперь настоятель лишь изредка хныкал, выражая не столько боль, сколько раздражение и растерянность.

— Вы еще не объяснили мне, чем она тут занималась, — наконец сказал настоятель.

— Поиск таких ответов — не моя забота, — ответил Грилье. — Достаточно и того, что я выяснил: она не та, за кого себя выдает, и на Хелу прилетела девять лет назад. Об остальном спросите ее сами.

Рашмика встала и подошла к настоятелю, по пути заставив врача отстраниться.

— Не нужно спрашивать, — сказала она, — сама все расскажу. Я прилетела сюда, чтобы найти вас. Не потому, что вы интересовали меня как личность, а потому, что через вас я могла связаться с тенями.

— С тенями? — переспросил Грилье, завинчивая пробку на крохотном, с большой палец, пузырьке с голубой жидкостью.

— Он знает, что я имею в виду, — ответила ему Рашмика. — Верно, настоятель?

Даже сквозь нечеловеческую маску неподвижности на лице Куэйхи проступил ужас осознания.

— И девять лет ты не могла ко мне подобраться?

— Настоятель, проблема заключалась не в том, чтобы вас найти. Я всегда знала, где вы живете: из этого не делали тайны. Многие считали вас покойником, но все знали, где вы могли бы жить, если бы не умерли.

— Тогда зачем ты столько ждала?

— Я не была готова, — ответила Рашмика. — Надо было побольше разузнать о Хеле и вертунах, иначе оставалось бы лишь предполагать, что тени — именно те, с кем мне следует вести переговоры. Вдобавок церкви не заслуживают доверия; я должна была все разузнать сама, провести собственное расследование. Кроме того, мне требовалась хорошая легенда, чтобы вы поверили.

— Но девять лет... — проговорил Куэйхи. — И ты все еще ребенок.

— Мне семнадцать. И поверьте, речь идет о гораздо большем сроке, чем девять лет.

— Тени? — произнес Грилье. — Не окажет ли кто-нибудь из вас любезность, объяснив мне, что это?

— Объясните, настоятель, — попросила Рашмика.

— Я не знаю, что они собой представляют.

— Но знаете, что тени существуют. Они говорят с вами, верно? Точно так же, как говорят со мной. Они просят вас спасти их, вынести отсюда, чтобы они не погибли вместе с «Пресвятой Морвенной», если та рухнет с моста.

Куэйхи прервал ее мановением руки:

— Вы в плену заблуждений.

— В том же плену, куда угодил Шауль Темпье, да, настоятель? Он знал о пропущенном исчезновении и не верил в церковную сказку. Как и нумеристы, он был уверен, что исчезновения вскоре завершатся, как знали об этом нумеристы.

— Никогда не слышал ни о каком Шауле Темпье.

— Может, и правда не слышали, — кивнула Рашмика, — но его ликвидировала ваша церковь, потому что он посмел говорить о пропущенном исчезновении. А вы предпочли забыть об этом. Я права?

Синий пузырек в руках Грилье дрогнул.

— Объясните, о чем речь! — потребовал врач.

Рашмика повернулась к генерал-полковнику и откашлялась:

— Настоятель не хочет об этом говорить, так что скажу я. Однажды, когда у настоятеля в очередной раз развился иммунитет к вирусу, начался кризис веры. Куэйхи усомнился в им же самим насажденных догматах, и это очень сильно подействовало ему на психику, поскольку принижало гибель его любимой Морвенны до пустякового в масштабах космоса события.

— Выбирай выражения, девчонка, — процедил Куэйхи.

Рашмика пропустила его слова мимо ушей:

— Во время кризиса у него возник соблазн разобраться с природой исчезновений, используя научные методы, которые никогда не приветствовались церквями. Настоятель послал к Халдоре зонд, так рассчитав, чтобы тот прибыл в момент исчезновения.

— Вряд ли это было просто, — задумчиво произнес Грилье. — Исчезновения столь кратки...

— То исчезновение, о котором рассказываю я, затянулось, — перебила его Рашмика. — Газовый гигант среагировал на появление зонда, и исчезновение продолжалось дольше секунды. Халдора лишь иллюзия, не более того: маскировочная сеть, маскирующая огромное устройство связи. С некоторых пор маскировочная аппаратура сбоит, и это причина исчезно-

вений. Зонд настоятеля усилил нагрузку на механизм, продлив исчезновение. Вам этого хватило, настоятель?

— Я не имею ни малейшего...

Грилье достал другой пузырек, на этот раз с мутной зеленью, и занес над лицом Куэйхи, держа двумя пальцами.

— Хватит изображать непонимание. Похоже, этой девушке известно больше, чем вы хотели бы нам открыть. Пожалуйста, прекратите игру.

— Расскажите ему, настоятель, — проговорила Рашмика.

Куэйхи облизал губы, бледные и сухие, как кость.

— Она права, — наконец сказал он. — К чему теперь возражать? Тени — просто помеха. — Он наклонил голову в сторону Васко и Хоури. — Ваш корабль в моих руках, а все остальное уже не имеет значения.

Пальцы Грилье побелели на пузырьке.

— Продолжайте, настоятель, — шепнул он.

— Я отправил зонд к Халдоре, — подтвердил Куэйхи, — и исчезновение затянулось. И во время этого долгого исчезновения я заметил... нечто — сверкающую машину, подобную механизму часов. Зонд был уничтожен практически мгновенно, но прежде это нечто, чем бы оно ни было, сумело перебраться на «Пресвятую Морвенну».

Рашмика повернулась и указала на скафандр:

— Он хранит это нечто здесь.

Глаза Грилье сузились.

— В резном скафандре?

— Там, внутри, погибла Морвенна, — сказал Куэйхи, выбирая слова с той же осторожностью, что и пехотинец — путь по минному полю. — Когда корабль получил сигнал тревоги и полетел выручать меня, ее раздавило ускорением. Корабль не знал, что Морвенна не способна выдержать такую перегрузку. Она превратилась в кровавую кашу с торчащими кусками металла и костей. И это я убил ее, потому что мне не следовало лететь на Хелу...

— Печальная участь, — сказала Рашмика. — Сочувствую.

— До ее смерти я не был таким, — вздохнул Куэйхи.

— Никто не вправе винить вас в ее смерти.

Грилье фыркнул:

— Разве не видите, что он дурачит вас? Куэйхи и раньше, до этого происшествия, не был ангелом.

— Я был обыкновенным человеком, ну, разве что с подпорченной кровью, — возразил Куэйхи. — Я всего лишь пытался выжить.

— Верю, — тихо отозвалась Рашмика.

— Ты читаешь это по моему лицу? — спросил настоятель.

— Нет, — ответила она. — Просто верю вам, и все. Мне кажется, вы были неплохим человеком, настоятель.

— А теперь, после того, как я все это затеял? После того, что случилось с твоим братом?

Рашмика услышала, как в глубине души настоятеля подала голос надежда. Теперь, когда события близились к завершению, когда до Пропасти оставались считаные часы, Куэйхи все еще надеялся на прощение.

— Я сказала, что верю вам, но прощать всем и все не намерена, — ответила она.

— Тени, — проговорил Грилье. — Вы так и не объяснили нам, что они собой представляют и как связаны со скафандром.

— Скафандр — это священная реликвия, — ответила Рашмика, — последняя ниточка, связывающая настоятеля с Морвенной. Отправляя зонд, чтобы решить загадку газового гиганта, он пытался оправдать жертву, которую принесла ради него любимая женщина. Вот почему он поместил в скафандр аппаратуру для связи с зондом — это как бы сама Морвенна даст ответ, является ли Халдора чудом.

— Ну а тени? — настаивал Грилье.

— Демоны, — ответил Куэйхи.

— Это существа, — пояснила Рашмика. — Разумные существа из другой вселенной, примыкающей к нашей.

Грилье улыбнулся:

— Похоже, я услышал достаточно.

— Советую дослушать до конца, — заговорил вдруг Васко. — Она говорит правду. Тени реальны, и нам очень нужна их помощь.

— Их помощь? — переспросил Грилье.

— Эта цивилизация более развита, — пояснил Васко, — она опередила все остальные культуры нашей Галактики. Тени — это наша единственная надежда в борьбе с ингибиторами.

— И что же они попросят в обмен на помощь? — спросил Грилье.

— Они хотят попасть к нам, — ответила Рашмика. — Пройти из своей вселенной в нашу. Эти существа в скафандре — на самом деле вовсе не тени, а лишь посредники в переговорах, разумные программы. Но они знают, как устроить, чтобы настоящие тени пришли сюда. Они скажут, что для этого нужно сделать с машиной Халдоры.

— С машиной Халдоры? — переспросил врач.

— Взгляните сами, — предложил настоятель.

Система зеркал снова сфокусировалась на его лице, направляя сконцентрированный пучок отраженного света в единственный здоровый глаз.

— Исчезновения закончились, Грилье. Наконец-то я вижу святую механику.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Из всей бригады техников в огромном зале машинного отделения находился один Глаур. Собор уже шел нормально, оправившись от контузии; клаксоны умолкли, аварийные лампы погасли, движение сцепных тяг над головой вернулось в монотонный гипнотический ритм. Пол покачивался из стороны в сторону, но только Глаур, с его отточенным чувством равновесия, был способен это ощутить. Процесс шел штатно, и, окажись в машинном отделении чужак, он мог бы решить, что собор стоит как вкопанный.

Тяжело дыша, инженер обошел по одному из помостов центральное ядро — скопление турбин и генераторов. Он чувствовал ветерок, навеваемый трудящимися прямо над ним тягами, но, отлично зная свое рабочее место, не нагибал головы, поскольку это было не к чему.

Глаур добрался до неприметной, лишенной каких-либо обозначений панели. Отстегнул зажимы, поднял ее на петлях и так оставил висеть над своей головой. Под кожухом блестели серебристо-голубые регуляторы системы блокировки: два огромных рычага с замочной скважиной под каждым. Процедура была предельно проста и в совершенстве отрепетирована во время многочисленных тренировок на макете в другом углу машинного отделения.

Некоторое время назад Глаур вставил ключ в скважину. Во вторую вставил свой ключ Сейфарт. Ключи следовало повернуть одновременно, а потом плавно, синхронно опустить рычаги до упора. Так и было сделано, и загудели сервомоторы, защелкали реле, отсоединяя штатные системы управления.

Глаур знал, что под этим кожухом тикают бронированные часы, отсчитывая секунды до отключения блокировки. Рычаги успели подняться только наполовину: еще двенадцать или тринадцать часов до того момента, когда снова защелкают реле и движение собора вернется в обычный режим.

Очень долго. Через тринадцать часов от «Пресвятой Морвенны» может ничего не остаться.

Уперевшись спиной в перила мостка, Глаур крепко ухватился руками в перчатках за левый рычаг. Потом что есть силы потянул его вниз. Ручка осталась на месте, под тем же углом, словно была приварена. Глаур попробовал потянуть за другую, потом за обе одновременно. Напрасная трата сил: он отлично знал конструкцию системы блокировки, способную противостоять любому внешнему воздействию, значительно превосходящему силу его рук. Эта система выдержит натиск банды бунтовщиков, один человек ей нипочем.

Но инженер все равно должен был попытаться.

Обливаясь потом и дыша все учащенней, Глаур вернулся на нижний ярус машинного отделения и нашел там мощные инструменты. Потом снова поднялся к панели. Зал заполнился стуком и звоном, эти звуки перекрывали мягкое гудение машин.

Но и теперь не удалось справиться с рычагами.

Глаур запыхался. Его ладони, скользкие от пота, не могли удержать металл; он так обессилел, что с трудом поднимал даже самый легкий молоток.

Но даже если удастся переместить рычаги в крайнее положение, где они должны оказаться по окончании двадцатишестичасового цикла, что дальше? Он всего лишь хочет остановить «Пресвятую Морвенну» или свернуть с нынешнего курса, но уничтожить или частично разрушать собор — ни в коем случае. Можно вырубить реактор — подступов к нему осталось достаточно, — но пройдет много часов, прежде чем это возымеет его действие. Еще сложнее устроить диверсию в машинном отделении, вещь трудная, если не сказать неосуществимая. Заклинить передаточный механизм можно лишь чем-нибудь

массивным, например куском сцепного дышла из ремонтной мастерской, предназначенным для ремонта или переплавки, но такую тяжесть в одиночку не поднять. Ему сейчас и монтировку не поднять, настолько он вымотался.

Глаур прикинул шансы испортить или обмануть навигационную систему наблюдения: камеры, следящие за Путем, телескопы астроориентации, детекторы магнитного поля, вынюхивающие сигнатуру закопанного кабеля. Но все эти устройства несколько раз продублированы, и установлены они большей частью снаружи, на корпусе «Пресвятой Морвенны», высоко над землей. А те, что внутри, размещены в труднодоступных уголках надстроек.

Смирись с неизбежным, сказал он себе: инженеры, конструировавшие систему блокировки, родились не вчера. Если и существовал относительно легкий способ остановить «Пресвятую Морвенну», то они учли его и приняли меры.

Собор не должен был остановиться или свернуть с Пути. Глаур обещал Сейфарту, что до последней минуты будет следить за машинами. Но есть ли теперь необходимость в этом слежении? Машинное отделение больше не подчиняется Глауру, его отобрали у инженера, как будто вдруг перестали ему доверять.

Повернувшись, Глаур взглянул с мостка на пол гигантского зала, на смотровое окно, над которым он так часто проходил. За окном со скоростью треть метра в секунду скользила земля.

Кораблик с хрустом коснулся поверхности Хелы выпущенными лыжами и застыл посреди им же самим образованной слякоти, которая спешила вернуться в состояние льда. Скорпион расстегнул фиксаторы и покинул кресло; шаттл был настолько мал и легок, что зашатался от этих движений. Свинья проверил скафандр, убедился, что все соединения функционируют должным образом. Сознание так и норовило рассредоточиться, теряло ясность, как слабый и далекий радиосигнал. Возможно, доктор Валенсин прав: надо было остаться на субсветовике, а на Хелу отправить кого-нибудь помоложе.

«Да пошли вы!» — подумал Скорпион.

Он напоследок еще раз проверил индикаторы шлема, удостоверившись, что все параметры показаны зеленым светом. Более тщательные проверки не имели смысла — скафандр либо исправен, либо нет, а если скафандр неисправен, значит

Скорпион погибнет. И если его не убьет вакуум, то это может сделать враг, поджидающий за ближайшим камнем.

Постанывая от боли, свинья повернулся, чтобы открыть замок люка. Дверь отскочила от корпуса, плашмя шлепнулась на лед. Скорпион ощутил порыв ветра — последний воздух из кабины вырвался наружу, в пустоту. Скафандр, похоже, был цел — ни один зеленый огонек не сменился на красный.

А через секунду Скорпион уже был на льду: коренастый, но низкий, как человеческий подросток, в специально для свиней разработанном скафандре цвета голубой металлик. Он обогнул корабль, держась подальше от раскаленных докрасна дюз, открыл грузовой люк. Нагнулся, кряхтя от боли, и что-то поискал, перекладывая вещи неуклюжими руками в двупалых перчатках. Руки у гиперсвиньи не очень-то хваткие, а засуньте их в рукава скафандра — и получите форменные культи. Но Скорпион наловчился работать в таких перчатках. У него для этого была целая жизнь.

Он вытянул из глубины отсека лоток размером с обеденный поднос. На этом лотке, словно яйца Фаберже, были уложены три мины-пузыря. Скорпион взял одну с инстинктивной осторожностью, хотя никто не слышал, чтобы мина-пузырь срабатывала случайно, — и пошел прочь от застывшего на льду шаттла.

Он отдалился всего на сотню шагов: достаточно, чтобы выброс дюзы не задел мину. Потом опустился на колени и ножом Клавэйна выковырял во льду коническую ямку. Поместил туда мину так, чтобы наружу торчал только кончик, повернул рифленое кольцо на тридцать градусов. Сделать это удалось не сразу, очень уж скользкими были перчатки. На макушке мины загорелся красный индикатор: она на боевом взводе.

Скорпион встал и сразу замер: что-то привлекло его внимание. Подняв голову, он взглянул на Халдору. Планеты уже не существовало, на ее месте виднелся механизм, занимающий гораздо меньшую часть неба. Выглядел он весьма странно, напоминая рисунок из средневекового космологического трактата, некий плод экстатических галлюцинаций: геометрическое кружево с бесчисленными, тонко проработанными деталями. На периферии машины от узелков «кружева» отходили явственно мерцающие лучи, перекрещиваясь друг с другом. Ближе к центру механизм становился слишком мудреным,

чтобы различить его структуру, не говоря уже о том, чтобы описать ее и запомнить. Скорпион подумал, что сможет запомнить лишь это ощущение головокружительной сложности, — как будто сам Господь показал ему внутренность своих часов. И сразу же накинулась мигрень, словно висящий в небе предмет не желал, чтобы свинья смотрел на него долее положенного.

Скорпион повернулся и, глядя на лед, побрел к кораблю. Там он аккуратно убрал в багажник оставшуюся пару мин и забрался в кабину, оставив дверь люка лежать на земле. Возиться с ней не было необходимости, как не было необходимости наполнять отсек воздухом. Теперь вполне достаточно скафандра.

Шаттл взмыл над Хелой. Через проем люка Скорпион видел истончающееся полотно моста и далекое дно Пропасти Искупления. Закружилась голова. Когда на мосту он закладывал мину, очень легко было забыть, что под ногами многие мили пустоты.

В следующий раз он уже не сможет проделать это так спокойно.

Ложемент подготовился к приему «Ностальгии по бесконечности». Корабль, вернее, то, что от него осталось, был уже близко. В процессе снижения капитан прошел серию радикальных трансформаций с целью защитить своих подопечных, но не забыл и о главной задаче: выручить Ауру. Капитан снял бóльшую часть обшивки у средней части корабля, обнажив хитросплетение гниющих внутренностей: гигантские крепежные элементы и переборки, хрящевидные комки из плотно уложенных бортовых систем. Капитанские органы росли самым диким образом, вились и сплетались почище плюща.

Частично сбросив броню, капитан почувствовал себя голым и уязвимым. С тех пор как эти внутренние органы в последний раз открывались вакууму, минуло много веков.

Но это не остановило перестройку корабля. Внутри «Ностальгии по бесконечности» менялись местами отсеки, как костяшки домино. Рвались и восстанавливались в новых конфигурациях сети питания. Части корабля, которые прежде зависели от других, получая извне энергию, воздух и воду, переходили на самообеспечение. Некоторым было позволено отмереть. Капитан ощущал эти перемены внутри себя, как ощущаются

движения пищи и газов в кишечном тракте: жар и прохлада, давление и расслабление, острые боли и внезапное онемение. Естественно, все внутренние процессы проходили под его контролем, и все же его не оставляли тревога и досада — он как будто занимался самоистязанием. Последствия содеянного над собой устранить будет очень непросто.

Капитан приближался к Хеле, корректируя движение импульсами маневровых двигателей. Гравитационный градиент дал стрессовые нагрузки на геометрию корпуса, своими мягкими пальцами норовя разломать «Ностальгию» на куски.

Корабль решительно продвигался вперед. Под ним скользил ландшафт Хелы — на этот раз не только лед и трещины, но и обитаемые территории, испещренные поселками и линиями коммуникаций. На горизонте золотисто поблескивали крутые стены ложемента.

Капитан судорожно дернулся, словно в родовой схватке. Все подготовительные операции были завершены. От корабля в его средней части аккуратно отделились несколько фрагментов, оставив геометрически правильные пустоты, и улетели прочь; за ними, как травяные корни за вырезанными и поднятыми прямоугольниками дерна, тянулись тысячи оборванных проводов и шлангов.

Капитан притупил боль там, где это было возможно, но фантомные ощущения утраченных линий питания были мучительны. «Вот что, наверное, чувствуешь, — подумал Бреннигеи, — когда тебя заживо режут на куски». Но боль не застала его врасплох, он успел набраться терпения. Она даже напоминала, что капитан все еще жив, что он ведет осмысленное существование, как нормальное создание из плоти и крови. Пока ощущается боль, Джон Бренниген остается человеком. Хотя бы отчасти.

Всего отделилось двадцать секций. Лишь несколько мгновений они двигались рядом с кораблем, а едва отойдя на безопасное расстояние друг от друга и от «Ностальгии», включили собственные двигатели и разлетелись в разные стороны. Мощности двигателей было недостаточно, чтобы унести секции за пределы гравитационного поля Хелы, но вполне хватало, чтобы вернуть их на орбиту. А там секции позаботятся о себе сами. Для восемнадцати тысяч момио, оказавшихся на борту субсветовика, капитан сделал все, что было в его силах. Спящих он

вез от Арарата, а некоторых и от самого Йеллоустона — и теперь, в космосе, эти люди имели больше шансов на спасение, чем если бы оставались на борту большого корабля.

Конечно, при условии, что кто-то прилетит и позаботится об этих восемнадцати тысячах.

Ложемент между тем успел увеличиться. В гигантской яме пришли в движение детали упряжи, готовясь заключить в крепчайшие объятия освежеванное и выпотрошенное тело «Ностальгии».

— Зачем тебе резной скафандр? — спросил Куэйхи.

— С собой заберу, — ответила Рашмика с решительностью и властностью, удивившими ее саму. — На «Пресвятой Морвенне» ему делать нечего.

Васко взглянул на Хоури, потом на Рашмику.

— Ты все вспомнила? — спросил он девушку.

— Даже больше, чем знала, — ответила та. — И вспоминаю все больше и больше.

— Эта женщина, — спросил Куэйхи, — как-то связана с тобой?

— Она моя мать. И я не Рашмика. Так звали ребенка моих приемных родителей, дочь, которую они потеряли. Хорошее имя, но не мое. А настоящее имя я пока не вспомнила.

— Тебя зовут Аура, — сказала Хоури.

Услышав это имя, Рашмика мгновение думала, потом снова взглянула на мать:

— Да, точно. Теперь я помню, ты звала меня так.

— А насчет крови я был прав, — проговорил Грилье, не в силах скрыть довольную усмешку.

— Да, вы были правы, — повторил Куэйхи. — Довольны? Это ведь вы привели ее сюда, генерал-полковник. Вы принесли змею в наше гнездо. Ох и зря же вы это сделали.

— Она все равно пробралась бы сюда, — возразил Грилье. — Ведь для того ее и прислали на Хелу. И вообще, о чем вы беспокоитесь?— Врач кивнул на видеоизображение снижающегося корабля. — Вы же получили все, что хотели. Даже священная механика любуется вами с небес, поздравляя с победой.

— С кораблем что-то происходит, — проговорил Куэйхи, указывая трясущимся пальцем на экран. — В чем дело? — резко спросил он, взглянув на Васко.

— Понятия не имею, — ответил тот.

— Корабль в порядке, — сказала Хоури. — Вам нужны были двигатели? Вы их получите. А нам отдайте резной скафандр, и мы уйдем.

Казалось, Куэйхи обдумывает ее просьбу.

— И куда вы денетесь без корабля?

— Для начала хорошо бы убраться с «Пресвятой Морвенны», и нас вполне устроит поверхность Хелы, — ответила Хоури. — У вас суицидальные наклонности, настоятель, но о себе мы такого сказать не можем.

— Будь у меня хоть малейшая склонность к суициду, разве я прожил бы так долго?

Хоури взглянула на Малинина, потом на Рашмику:

— У него, похоже, другие планы. Вы тоже не собираетесь оставаться на борту, я права?

— Тут все дело в расчете времени, — ответил Куэйхи. — Корабль уже почти в фиксаторе. Близится миг торжества — миг, когда на Хеле все изменится, когда изменится сама Хела. Отныне жизнь пойдет совершенно по-другому, вот увидите. Больше не будет ни Вечного Пути, ни шествия соборов. На Хеле останется только одно обитаемое место, неподвижное, в точности под Халдорой. На этом месте будет стоять только один собор.

— Но вы его еще не построили, — сказал Грилье.

— Успеется, генерал-полковник. Как только я заявлю свои права на упомянутое место, у меня окажется все время в мире. Видите ли, я смогу выбирать, где окажется эта точка. Хела будет у меня в руках. Захочу — раскручу ее, словно глобус. И остановлю прикосновением пальца.

— А что с «Пресвятой Морвенной»? — спросил Грилье.

— Если собор перейдет через мост, значит под Халдорой стоять ему. Если нет, это ознаменует конец одной эпохи и начало другой.

— Настоятель приговорил собор, — прошептал Васко. — Он всегда знал, что «Пресвятая Морвенна» обречена.

Умная койка подала сигнал — поступил вызов.

Все инстинкты требовали убегать что есть духу, но Скорпион не поддался им. Сморщенная черно-фиолетовая сфера, образовавшаяся при близком взрыве мины-пузыря, метнулась к свинье, грозя поглотить и его, и часть моста, на которой он стоял.

Но Скорпион очень аккуратно расположил все три заряда. Из оставленной Ремонтуаром инструкции он знал, что действие мины-пузыря можно предсказать очень точно. По причине отсутствия воздуха на Хеле не могла образоваться взрывная волна, поэтому Скорпиону не составляло труда ограничить радиус ближайшего к нему взрыва. Небольшой допуск на неровность дорожного полотна — и в нескольких сотнях от места закладки взрывного устройства можно ничего не опасаться.

Длина моста составляла сорок километров. Эффект взаимного наложения сфер уничтожит тридцать четыре километра моста, оставив жалкие обрубки по обе стороны Пропасти. Взрывая мины, Скорпион стоял не менее чем в полутора километрах от начала моста.

Граница крайней сферы остановилась почти в километре от свиньи, но казалось, мина взорвалась прямо у него под носом. Сфера росла вширь и ввысь, на ее поверхности пролегали складки, вздувались и опадали пузыри. Ближняя к Скорпиону часть моста все так же упиралась в стену Пропасти; невозможно было представить, что арки больше нет. И тем не менее она исчезла: там, где возникли, а потом канули в небытие сферы, не могло остаться ничего материального.

Мост исчез. Сначала его середина обратилась в ничто, через мгновение исчезла и дальняя часть.

Скорпион двинулся к краю Пропасти. Дорожное полотно у него под ногами имело прежнюю прочность, но уже не доставало до той стороны Пропасти. Но чем дальше, тем осторожнее ступал свинья: атомная структура остатка конструкции могла быть изменена воздействием разнообразных квантов, сопровождавших взрыв мины-пузыря. Самое время разумному существу, даже если оно свинья, проявить осторожность.

Скорпион преодолел остаток пути, и у него закружилась голова. Край моста был абсолютно гладким. Хирургическая аккуратность среза и полное отсутствие обломков создавали иллюзию, будто мост еще только строится. Скорпион ощущал себя скорее зрителем, ожидающим завершения стройки, нежели вандалом, разрушителем.

Он оглянулся. Вдалеке, за приземистым силуэтом своего стоявшего корабля, он уже видел «Пресвятую Морвенну». С этого места казалось, будто она уже достигла края Пропасти. Скорпион знал, что это не так, но собору осталось пройти совсем немного.

Моста уже нет, и «Пресвятой Морвенне» остается только одно: прекратить движение. Рассуждения о том, насколько опасно пересекать Рифт по тонкому полотну, утратили смысл — теперь в Пропасть Искупления можно только упасть. Никаких споров, никакого выбора — об этом позаботился Скорпион. Впереди ждет не громкая слава, а верная смерть.

Если у обитателей собора осталась хоть крупица здравого смысла, они повернут назад.

Внутри его шлема вспыхнул розовый свет, синхронизированный с пронзительным писком. Скорпион замер, поначалу решив, что возникла неполадка в скафандре. Но розовое сияние означало, что рация принимает мощный модулированный сигнал на нестандартной волне. Скафандр спрашивал, нужно ли это сообщение расшифровать.

Скорпион снова взглянул на собор. Его наверняка вызывали с «Пресвятой Морвенны».

— Действуй, — велел он Скафандру.

Скафандр доложил, что радиограмма снова и снова повторяется: это аудиоголографическая запись.

— Показывай, — распорядился свинья, вдруг усомнившись, что сигнал имеет отношение к собору.

В десятке метров перед ним на льду появился силуэт. Скорпион никак не ожидал этой встречи, более того, он даже не узнал своего визави. Тот не носил скафандра и обладал весьма необычным, асимметричным строением тела, как будто всю жизнь прожил в условиях невесомости. Существо располагало вспомогательными пристегнутыми руками, его лицо походило на поверхность выдержавшей легкую ядерную бомбежку планеты. Это ультра, решил Скорпион, но после секундного размышления пришел к выводу, что, скорее всего, имеет дело с представителем менее общительных космических фракций человечества, а именно с угонщиком.

— Ты не мог оставить его в покое?— спросил незнакомец. — Не мог жить в одной вселенной с ним, не мог терпеть существование такой великой и загадочной красоты? Не мешало бы тебе узнать, что это. Мой любимый мост. Несравненное произведение искусства. Хрупкая драгоценность. Я построил его для тебя. Оставил в дар. Тебе же этого показалось мало, ты решил проверить его на прочность. Решил разрушить. Решил уничтожить, к чертям!

Скорпион шагнул навстречу силуэту.

— Простите, — проговорил он. — Так уж вышло.

— Это было подлинное чудо, — продолжал вещать урод. — Прекрасное творение! Чтоб ты сдох, проклятый вандал!

— Мост мешал мне, — сказал Скорпион.

Никто не видел донесения, поступившего на личный дисплей Куэйхи. Однако от Рашмики не укрылось, как шевелятся губы настоятеля, как он хмурится, как будто наконец допустил ошибку.

— Что-то случилось? — спросил Грилье.

— Мост, — ответил Куэйхи. — Похоже, его больше нет.

Грилье наклонился к койке:

— Это, наверное, какое-то недоразумение.

— Увы, генерал-полковник. Индукционный кабель, аварийное средство навигации, оборван. В этом нет сомнений.

— Значит, кто-то его перерезал.

— Вот-вот поступят данные видовой разведки. Мы все увидим собственными глазами.

Все повернулись к экрану, демонстрирующему посадку «Ностальгии по бесконечности». Вдруг картинка замерцала, поменяла призрачные цвета, наконец стабилизировалась — изображение транслировала камера, установленная на стене Рифта Гиннунгагапа.

Настоятель был прав: мост прекратил свое существование. Остались лишь ажурные обрубки, висящие на утесах и словно предлагающие достроить остальную часть моста в воображении путем элегантной математической экстраполяции. Бóльшая же часть пролета просто исчезла, сгинула. Причем на дне ущелья не было заметно никаких обломков.

С той минуты как Рашмика поняла, что ей придется вместе с собором преодолевать Пропасть по мосту, она часто мечтала, чтобы тот обрушился до ее прибытия. Но воображение всегда рисовало каскад из острых обломков, достигающую самого дна завесу из блестящих самоцветов, колдовской стеклянный лес, в котором очень легко остаться навсегда.

— Что произошло? — спросил настоятель.

— Разве это важно? — повернулась к нему Рашмика. — Сами видите, моста больше нет. Пересечь в этом месте Рифт не удастся, надо остановить собор.

— Разве ты не слышала, девочка, о чем я говорил? — поинтересовался настоятель. — Собор не остановится. Он просто не может остановиться.

Хоури встала, за ней Васко.

— Нам тут больше делать нечего. Аура, ты идешь с нами.

Рашмика отрицательно покачала головой. Старое имя звучало для нее непривычно.

— Я не уйду отсюда без того, за чем пришла.

— Она права, — раздался тонкий металлический голос.

Повисла пауза. Людей напугал не сам новый голос, а его источник. Все как один повернулись к резному скафандру. Внешне скафандр не изменился: тот же тусклый серебристо-серый цвет окислов, тот же сплошной узор, будто созданный рукой сумасшедшего, те же грубые, толстые сварные швы.

— Она права, — повторил скафандр. — Куэйхи, нам пора прощаться. Ты получил корабль, о котором так мечтал, и теперь можешь изменить обращение Хелы, да хоть вообще ее остановить. А нас отпусти. Мы никак не связаны с твоими планами.

— Вы еще ни разу не говорили вслух, даже наедине со мной, — прошептал Куэйхи.

— Когда ты перестал нас слушать, мы обратились к девушке. С ней общаться было проще: мы можем проникать прямо в ее голову. Правда, Рашмика?

— Лучше зовите меня Аурой, — храбро ответила она.

— Хорошо, пусть будет Аура. Это ведь ничего не меняет, верно? Ты проделала долгий путь, чтобы нас найти. И нашла. Настоятель должен отдать нас тебе, потому что у него нет причин поступить иначе.

Грилье затряс головой, словно спохватился, что его глупо разыгрывают:

— Скафандр говорит. Скафандр говорит, а вы себя ведете так, будто это происходит каждый день.

— Так и есть, — проворчал Куэйхи. — Кое для кого из нас.

— Это тени? — спросил Грилье.

— Мы посланники теней, — ответил скафандр. — Разница невелика, но она существует. Требуем немедленно эвакуировать нас с «Пресвятой Морвенны».

— Вы останетесь здесь! — отрезал Куэйхи.

— Нет, — сказала Рашмика. — Настоятель, вам не нужен этот скафандр, а нам он совершенно необходим. Тени помогут

справиться с ингибиторами. И этот скафандр — единственное средство связи.

— Если вам так нужны тени, отправьте к Халдоре еще один зонд.

— Мы не уверены, что во второй раз будет какой-то результат. Ваш успех, возможно, был случайным. Нельзя поставить все на случайность, которая может не повториться.

— Прислушайтесь к ней, — торопливо заговорил скафандр. — Она права: мы ваша единственная связь с тенями. Берегите нас как зеницу ока, если рассчитываете на нашу помощь.

— И какова цена вашей помощи?

— Она ничтожна по сравнению с угрозой полного истребления. Нам нужно только разрешение перейти в вашу брану. Разве это много?

Рашмика прошлась взглядом по всем лицам, чувствуя себя свидетелем защиты в зале суда:

— Тени пройдут, если мы позволим работать масс-синтезатору. Эта машина находится в искусственном ядре Халдоры. Она изготовит тела для теней, а их сознание просочится через балк и войдет в новые оболочки.

— Снова машины, — вздохнул Васко. — Мы бежали от одних машин, а теперь вынуждены договариваться с другими.

— Ничего не поделаешь, так уж сложилось, — проговорила Рашмика. — Машинами они стали только потому, что у них не было выбора. Ты даже не представляешь, через что им пришлось пройти.

В ее памяти воскресли гипнопедически впитанные яркие образы из истории теней: целые галактики, раскрашенные в изумрудные тона гибельным светом; солнца, словно зеленые лампы.

— Когда-то они были похожи на нас, — сказала она. — Очень похожи.

— Это бесы! — вскрикнул Куэйхи. — Демоны, а вовсе не люди! Они даже не машины.

— Бесы? — снисходительно переспросил Грилье.

— Неужели не ясно, что они присланы совратить меня, увести с пути истинного? Подорвать веру в чудо, запачкать мозги фантазиями об иных вселенных. Вызвать сомнения в том, что исчезновения суть промысел Божий. Чтобы я оступился

в час величайшего из моих испытаний. Это не совпадение, уверяю вас: чем ближе к воплощению мои замыслы касательно Хелы, тем сильнее терзают меня бесы.

— Тени боятся, что вы уничтожите их, — сказала Рашмика. — Они совершили ошибку, пытаясь обратиться к вам как к разумному индивиду. Если бы они притворились ангелами или чертями, наверняка было бы больше толку. — Рашмика склонилась над настоятелем, почуяла дыхание старика, кислое, как из запущенного винного погреба. — Для вас они бесы, настоятель, не спорю. Но нам они все равно нужны.

— Это бесы, — повторил Куэйхи. — И потому я не могу отдать их вам. Нужно было уничтожить их много лет назад, но у меня не хватило мужества.

— Прошу вас, — повторила Рашмика.

Койка снова просигналила. На ложе настоятеля снова раздался звонок. Куэйхи собрал губы в куриную гузку и закрыл глаза не то в экстазе, не то в ужасе.

— Свершилось! — воскликнул он. — Корабль в фиксаторе. Я добился своего.

Экраны показали им все, что происходило в ложементе. «Ностальгия по бесконечности» горизонтально покоилась на опорах, приготовленных для нее Куэйхи, словно пойманное в сеть сказочное морское чудовище. Пластины и клешни сжали корабль в сотнях мест, мастерски приспособившись к рукотворным и иным неровностям корпуса. Урон, который субсветовик нанес себе при снижении, был хорошо виден, и на миг Куэйхи усомнился, что корабль способен послужить его целям. Но сомнения немедленно рассеялись: «Ностальгия» выдержала и нагрузки на подлете к ложементу, и последнюю, самую грубую процедуру стыковки, с треском и скрежетом улегшись на опорах. «Упряжь» была сконструирована таким образом, чтобы погасить инерцию огромной массы, и тем не менее в момент контакта все датчики нагрузок перешли в красный режим. Однако опоры выдержали — пусть не все, но достаточное количество, — и точно так же не подкачал корабль. У него не был поврежден «хребет», двигатели не сорвались с кронштейна. Субсветовик справился с самой тяжелой частью работы, и, чего бы ни потребовал Куэйхи в дальнейшем, таких перегрузок уже не будет.

Куэйхи сделал всем знак подойти ближе:

— Видите, корма приподнята, чтобы направить выброс над поверхностью Хелы. Угол подъема небольшой, но это очень важно.

— Как только вы запустите двигатели, — сказал Васко, — корабль улетит вместе с ложементом.

Куэйхи покачал головой:

— Ничего подобного. Я взял не первое попавшееся место на карте. Это наиболее стабильное геологическое образование. Фиксатор прикреплен к анкерам, замурованным в глубине литосферы. Ложемент не улетит. Сами подумайте: я потратил уйму сил, чтобы заполучить этот корабль; неужели я мог пренебречь геологией?

Снова прозвучал вызов. Куэйхи пригнул стебелек микрофона к губам и что-то прошептал своему помощнику, находящемуся в ложементе.

— Корабль установлен под нужным углом. Пора запускать двигатели, господин Малинин.

Васко заговорил в браслет. Он вызывал Скорпиона, но ответил дежурный офицер.

— Включить маршевые двигатели, — приказал Малинин.

Но не успел он договорить, как два белых с фиолетовой каймой остроконечных потока выстрелили из сочленительских двигателей, и этот свет ослепил камеру слежения. Корабль вздрогнул и подался вперед в своей упряжи, словно изнемогшее на суше морское чудовище пыталось сбежать. Но удерживающие механизмы растянулись, поглощая импульс, и корабль постепенно вернулся в исходное положение. Двигатели работали чисто и стабильно.

— Смотрите! — воскликнул Грилье, указывая на окно мансарды. — Даже отсюда видно!

Снаружи слабо белели две полоски, словно устремленные над горизонтом лучи прожекторов.

Через секунду все ощутили прокатившуюся через «Пресвятую Морвенну» дрожь.

Куэйхи подозвал Грилье и указал на свои глаза:

— Уберите эту мерзость с моего лица!

— Держатель для век?

— Да, он больше не нужен. Но будьте осторожны.

Грилье исполнил просьбу, аккуратно сняв с лица настоятеля металлическую раму.

— Веки еще не скоро придут в норму, — предупредил врач. — Советую до тех пор носить очки.

Куэйхи так и этак приложил к лицу темные очки, словно ребенок, играющий с родительской вещью. Потом надел. Без распялки для век они сидели чересчур свободно.

— Пора в путь, — сказал он.

Скорпион заковылял назад, к похожему на приземистый валун кораблю. Забрался через открытый люк на сиденье и, подняв шаттл, полетел в противоположном направлении от останков моста. Под ним проносился истерзанный ландшафт, пересеченный мириадами острых теней, словно чернильными пятнами. Один склон Рифта был темен как ночь, другой залит светом почти до самого верха. В глубине души Скорпион жалел о прекрасной постройке, о невозможности повернуть время вспять, отменить содеянное или хотя бы неспешно все обдумать и учесть последствия. Его всегда одолевали подобные чувства, после того как он причинял кому-то боль. Но раскаяние и жалость, как известно, не длятся вечно.

Эксперты ошибались насчет моста, и Скорпион убедился в этом на собственном опыте. Мост был делом рук человеческих, вертуны не имели никакого отношения к нему. Он простоял здесь определенно дольше века и, конечно же, мог быть и много старше. Но никто не пытался выяснить его происхождение и состав. Это было достижением передовой науки — но науки времен демархистов, а не загадочных инопланетян. Скорпион думал о человеке, чей образ появился на льду. Как он горевал о том, что его бессмысленное, но прекрасное творение погибло! Пусть это была запись, а не прямая трансляция. Возможно, ее сделали после возведения моста, запрограммировав на активацию в случае частичного или полного разрушения конструкции. А значит, строитель предчувствовал такой исход. Не случайно же Скорпиону показалось, что этот человек хочет оправдаться.

Корабль отвернул от Рифта. Теперь Скорпион летел над равниной, внизу различалось грубое подобие дороги — Вечный Путь. Всего в четырех километрах впереди находилась «Пресвятая Морвенна», ее тень падала назад, закрывала большой участок тракта; собор тащил ее за собой, словно длинный темный шлейф. Скорпион заставил себя выбросить из головы

тяжелые мысли о мосте и его создателях. Сейчас надо думать о другом: как остановить собор. Надо как-то пробраться в него.

Скорпион подлетел ближе, настолько, что уже различал медленное, сантиметр за сантиметром, продвижение гигантской ходячей машины. Было что-то гипнотическое, успокоительное в последовательности движений контрфорсов и стоп. Нет, это не иллюзия — «Пресвятая Морвенна» все еще движется; по-видимому, ее обитатели пребывают в блаженном неведении о том, что средство переправы через Рифт прекратило свое существование.

Такого Скорпион не ожидал.

Наверное, собор еще просто не успел остановиться, но вперед смотрящие датчики вот-вот сообщат об отсутствии моста, и техники приступят к торможению. Или он так и будет идти, словно мост по-прежнему висит над Пропастью? Скорпиона впервые посетила страшная мысль: что, если Куэйхи никогда и не думал останавливать собор?

Свинья опустился до высоты пятисот метров, оказавшись примерно вровень с вершиной главной башни. Теперь ему нужна была только посадочная площадка. Сгодится любое ровное место, и неплохо бы, чтобы поблизости оказался проход внутрь собора. Главная стоянка была забита — невозможно посадить шаттл без риска столкнуться с уже запаркованными там. Один из этих кораблей, с красным кокпитом, был Скорпиону незнаком, на втором сюда прилетели Малинин и Хоури. Только этот шаттл способен унести на орбиту всех — Васко, Хоури, Ауру и теней в резном скафандре, поэтому нельзя рисковать, садясь рядом с ним.

Но ровных мест на крыше собора хватало, а кроме того, опустив корабль не на главную площадку, Скорпион мог рассчитывать на внезапность. Регулируя тягу для удержания высоты, он облетел вокруг «Пресвятой Морвенны»; на ее корпусе трепетали *отсветы двигателей шаттла, словно молнии в летнюю грозу.* Вместе с корабликом смещались свет и тени, отчего казалось, что архитектурные детали собора догоняют друг дружку и сливаются; такое впечатление, что чудище из металла и камня зевает, пробуждаясь от крепчайшего сна. В эту иллюзию включились даже горгульи, их головы с разинутой пастью поворачивались вслед за шаттлом с грозной плавностью смазанных орудийных турелей.

Но это была не иллюзия.

Одна из горгулий вдруг осветилась на миг, и его кораблик тряхнуло, а в шлеме зазвенел аварийный сигнал. На консоли зажглись иконки тревоги.

И тут же собор вместе с ландшафтом опасно накренился, шаттл пошел на резкое, почти неуправляемое снижение. Двигатели заработали на полную мощность, они изо всех сил пытались выровнять полет корабля, но у Скорпиона не было шансов уйти из-под обстрела, не то что добраться до орбиты. Свинья давил на рычаг горизонтального хода, пытался заложить вираж и выскочить из зоны эффективного огня соборных горгулий. Страшно болела грудь; он застонал и закусил губу, сразу почувствовав вкус крови.

Вот и вторая уродливая башка исторгла в его направлении огонь. Корабль тряхнуло еще сильнее, его падение ускорилось. Скорпион напрягся, готовясь к падению, и оно не заставило себя ждать. При ударе шаттла о лед свинья не потерял сознания, но нечленораздельно завопил от боли, ярости и досады. Шаттл несколько раз перекувырнулся и замер на боку, изящно обрамляя проемом люка обнаженное сердце Халдоры.

Не меньше минуты Скорпион пролежал неподвижно, а потом решил действовать.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Выслушивая распоряжения Куэйхи, чье бормотание ни на миг не прекращалось в наушнике, Грилье покинул покои, но перед тем велел наряду соборной стражи охранять пленников. Вскоре он вернулся со скафандром в руках. Не с тем, в котором Рашмика добиралась до собора, но с подходящим по размеру, кроваво-красного цвета церкви Первых Адвентистов.

Врач положил скафандр у ее ног.

— Одевайся, — велел он, — да побыстрее. У нас нет времени. Я тоже хочу убраться отсюда, и, может, побольше тебя.

— Я не уйду без резного скафандра, — ответила Рашмика и взглянула на мать. — И без моих друзей.

— Нет! — отрезал Куэйхи. — Они останутся здесь, по крайней мере до тех пор, пока мы с тобой не окажемся в безопасности, на корабле.

— На каком корабле? — поинтересовался Васко.

— На вашем, естественно, — ответил Куэйхи, словно это было ясно с самого начала. — На «Ностальгии по бесконечности». Там много такого, о чем я еще не знаю. Похоже, корабль даже обладает собственным разумом или чем-то вроде. Тайны, всюду тайны... но не сомневаюсь, со временем мы разгадаем их все. Однако уже сейчас я могу сказать твердо: нельзя доверять этому кораблю, с него станется натворить глупостей — например, взорвать себя.

— Там на борту люди, — сказал Васко.

— Пока мы тут разговариваем, вооруженный до зубов отряд адвентистов поднимается по ложементу к субсветовику. У них мощное оружие и броня, чего не было у первой группы. Им не нужно рассчитывать на подкрепление. Уверяю вас, эти ребята вычистят корабль за несколько часов, какие бы сюрпризы он ни приготовил. Мне кажется, самый надежный способ помешать ему натворить глупостей — это обеспечить присутствие на его борту Рашмики... виноват, Ауры. Сей довод уже возымел действие — корабль послушно улегся в фиксатор, как только я изложил ему мои условия.

— Я вас не спасу, настоятель, — проговорила Рашмика. — Со мной или без меня вы покойник, если не отдадите теней.

— Тени останутся здесь, с вашими друзьями.

— Это убийство.

— Нет, предосторожность. — Настоятель поманил одного из стражников. — Хакен, охраняйте их до тех пор, пока не получите новое распоряжение или пока не узнаете, что я прибыл к фиксатору и со мной все в порядке. Я буду там через полчаса, а до тех пор без моего приказа ничего не предпринимать. Понятно?

Стражник кивнул:

— Настоятель, а если приказ не поступит?

— «Пресвятая Морвенна» достигнет западного склона Пропасти через четыре часа. Через три часа тридцать минут можете отпустить пленников и прибыть к фиксатору.

— А скафандр, сэр? — спросил Хакен.

— Останется на «Пресвятой Морвенне». Собор погибнет вместе со всеми бесами. — Куэйхи повернулся к Грилье, который помогал Рашмике забраться в скафандр. — Генерал-полковник, у вас, случайно, нет при себе чемоданчика?

Грилье оглянулся:

— Я без него шагу не сделаю.

— Тогда откройте его и поищите что-нибудь сильнодействующее, например деус-икс. Надеюсь, это послужит серьезным стимулом.

— Хотите контролировать девчонку — ищите свой собственный способ, а меня увольте, — отрезал Грилье. — Сдается мне, наши пути наконец расходятся.

— Об этом мы поговорим позже, — процедил Куэйхи, — а сегодня я нужен вам не меньше, чем вы мне. Я подозревал, что в наших отношениях назревает легкий кризис, поэтому попросил Хакена и его людей лишить ваш шаттл возможности передвигаться.

— Вы меня не остановите. Есть другой корабль.

— Ошибаетесь. Люди Хакена позаботились и о шаттле ультра.

— Значит, мы останемся в соборе? — спросил Грилье.

— Нет. Я же сказал, мы летим к фиксатору. Позвольте себе капельку веры, дорогой мой генерал-полковник.

— Сегодня не самый подходящий день, чтобы удариться в религию, — проворчал Грилье.

Еще не договорив, он открыл чемоданчик и принялся перебирать шприцы.

Рашмика управилась со скафандром. Шлема не было — Грилье решил его придержать. Она взглянула на мать, потом на Васко:

— Вы не можете оставить их здесь. Они должны лететь с нами.

— В свое время улетят и они, я же обещал, — ответил Куэйхи.

Рашмика почувствовала холодное прикосновение шприца к шее.

— Готовы к путешествию? — спросил Грилье.

— Я не уйду отсюда одна, — настойчиво повторила Рашмика.

— С нами ничего не случится, — пообещала Хоури. — Ступай и делай, что он скажет. Сейчас все зависит только от тебя.

Рашмика сделала глубокий вздох, принимая неизбежное.

— Что ж, пора заканчивать, — сказала она.

Прежде чем навсегда покинуть гудящее, мельтешащее царство механизмов, Глаур огляделся. Невольно он испытывал гордость: машинное отделение безупречно работало без помощи людей с той минуты, как Сейфарт и инженер провернули ключи в панели блокировки, переведя на автоматическое управление «Пресвятую Морвенну». То же чувство, наверное, испытывает учитель, подглядывая за прилежно занимающимися питомцами через щель между дверью и косяком. Но пройдет время, и отсутствие присмотра скажется — на реакторе засветятся аварийные лампы, турбины и соединенные с ними механизмы начнут перегреваться без чистки и смазки. Но это случится нескоро, а может, и вообще не случится, ведь, похоже, «Пресвятой Морвенне» остались считаные часы. Риск прохождения по мосту больше не беспокоил Глаура, приборы главного пульта давно сообщили о выходе из строя индукционного кабеля. Обрыв мог случиться и в ста километрах от собора, но чутье подсказало инженеру: моста больше нет. Можно было только догадываться, кто, с какой целью и каким образом разрушил мост. Возможно, это сделали конкуренты, готовые на все, лишь бы не допустить победы настоятеля в отчаянной погоне за славой. В любом случае на это стоило взглянуть. Эффектное, подумалось Глауру, будет зрелище, когда собор сорвется с края Пропасти и вдребезги разобьется о дно Рифта.

Инженер двинулся вверх по спиральной лестнице, ведущей на другой уровень собора. Он с трудом преодолевал ступеньку за ступенькой; аварийный скафандр, взятый им в ремонтной мастерской, превращал подъем в сущую пытку. Опустить визор шлема Глаур пока не мог, но рассчитывал вскоре покинуть собор, спуститься на грунт и пешком вернуться на Вечный Путь. Уже многие, кому жизнь дорога, ухитрились сбежать; если поспешить, можно догнать последнюю группу. И неплохо бы заглянуть на гаражный уровень: вдруг там найдется исправный вездеход?

Глаур добрался до верха. Плохо дело: выход, которым он обычно пользовался, закрыт, коридор перегорожен толстыми металлическими брусьями. Эту решетку опускали только шишки из Часовой Башни, причем в исключительно серьезных обстоятельствах.

Были и другие лестницы наверх, но Глаур не сомневался, что все они перекрыты. Что толку блокировать один выход, оставляя открытыми другие?

Сообразив, что в машинном отделении он как пойманная в западню мышь, инженер запаниковал. Он схватился за решетку, затряс. Та содрогалась, но было ясно, что ее не открыть без мощного режущего инструмента.

Глаур собрал волю в кулак и сосредоточился. Времени еще предостаточно. Скорее всего, его запер кто-то излишне бдительный, решив, что внизу никого нет и лучше обезопасить машинное отделение от проникновения потенциальных диверсантов.

Стало быть, нужен режущий инструмент. К счастью, здесь, в машинном отделении, такого добра хватает.

Заставляя себя думать логично и не спешить, Глаур спустился по лестнице. Мысленно он уже перебирал инструменты в ремонтной мастерской, решал, какой подойдет лучше.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

С баз, оборудованных на отвесных стенах выемки, соборная стража пошла на штурм опустившейся в ложемент «Ностальгии по бесконечности». На этот раз монахи подготовились основательно. Были проанализированы разведданные, полученные в предыдущей битве, и штурмовые группы теперь имели некоторое представление о том, что их ожидает. Они знали, что входят в активную враждебную среду, где встретят не только сопротивление ультра, но и куда более опасное противодействие корабля, умеющего давить и разрывать, топить и душить вакуумом. Объяснения страже не требовались, пусть чудесами и диковинами занимаются другие службы. Задача штурмовых групп — должным образом реагировать и преодолевать.

В этот раз монахи несли с собой тяжелые огнеметы и излучатели энергии, мощные пулевые ружья с высокой проникающей способностью и бурильные установки с наконечниками из гипералмаза. Были у солдат и гидравлические домкраты, чтобы не допустить убийственного сближения переборок и перекрытий. Захватили они и баллоны с мгновенно застывающим клеем, чтобы фиксировать форму подвижных структур. Хватало и взрывчатки, и нервно-паралитического газа, и продуктов запрещенных нанотехнологий.

Задача этим людям была поставлена та же, что и в прошлый раз: захватить корабль, причинив ему минимальный ущерб. Но при этом командирам разрешалось действовать с учетом обстановки. И нанесенные кораблю повреждения, даже серьезные, будут не столь опасны, как если бы «Ностальгия по бесконечности» находилась на орбите. Настоятель обещал вернуть ультра их собственность, но, если учесть все, что с ним случилось после первой попытки захвата, с трудом верилось, что «Ностальгия» когда-нибудь поднимется с поверхности Хелы. Вполне возможно, что это уже и кораблем нельзя назвать.

Вторжение соборной стражи произошло быстро. Штурмовые отряды продвигались по кораблю, безжалостно подавляя малейшее сопротивление. Они готовы были брать пленных, но ультра не сдавались.

Что ж, если минимальный ущерб означает гибель всех до единого членов команды, быть по сему.

Корабль стонал вокруг стражников, когда те проламывали, прорезали и прожигали себе путь. Он отвечал на удары и наносил противнику урон, но его действия были бессистемными и потому малоуспешными. По мере того как соборная стража докладывала, что все больше отсеков корабля переходит под их контроль, становилось ясно: корабль умирает. Но настоятеля это нисколько не смущало — ему нужны были только двигатели.

Он знал, что умирает. Есть место для отдыха всего сущего, и он, проживший века, преодолевший световые годы, претерпевший чудовищные трансформации, думал теперь, что завершил свой последний рейс. Он пришел к этому выводу еще до того, как увидел ложемент, наверное, даже раньше, чем распотрошил свое тело, чтобы спасти спящих, которых забрал с Йеллоустона и Арарата. Возможно, он знал об этом еще девять лет назад, когда приступил к торможению на подлете к этой планете чудес и паломников. Когда обитатели араратского океана невежливо нарушили его сон и он понял, что необходимо эвакуировать людей с планеты, в нем поселилась усталость. Подобно Клавэйну, вышагивающему в одиночестве по своему острову, капитан хотел только покоя и избавления от бремени неискупленных грехов. В той бухте он был готов простоять вечно, врастая корнями в историю, ржавея, превращаясь в деталь

рельефа, все реже появляясь на борту призраком, погружаясь в окончательный, бездумный сон о полете.

Насильственное продвижение соборных стражников поначалу было не болезненнее булавочных уколов, но постепенно причиняло все больше неприятных ощущений. Он не знал, сколько их, сотня или тысяча. Он не знал, что за оружие против него используют, какие повреждения причиняют. Враги обжигали его нервные окончания и слепили глаза. Там, где они проходили, исчезала боль, пропадали вообще всякие ощущения — и это было хуже всего. Монахи очищали бездушные механизмы машины корабля от его живого присутствия. То, чем он стал, напоминало приятный сон. Теперь этот сон завершался.

Когда он умрет, когда в его внутренностях зачистят все живое, главные функции тем не менее сохранятся. Даже если остановятся без его управляющей мысли двигатели, техники Куэйхи найдут способ их запустить. Они заставят труп служить им, заставят его дергаться, жалко пародируя жизнь. На синхронизацию вращения Хелы и Халдоры уйдут не считаные дни и даже не недели — может понадобиться срок, сравнимый со сроком возведения собора. А когда мертвый корабль выполнит свою задачу, возможно, его сакрализуют, возведут над ним мавзолей.

Стража продвигалась все глубже. Если раньше оставляемые монахами шлейфы бесчувственности совпадали с узкими извилистыми коридорами, то теперь они расширялись, захватывая большие участки анатомии Бреннигена. Такое же ощущение утраты он пережил, когда оставлял на орбите спящих. Но тогда он сам наносил себе повреждения, по собственной воле, и это был необходимый минимум ущерба. Теперь же уничтожалось все подряд, и расползающийся паралич внушал ужас. Совсем скоро — возможно, через несколько часов — эта пустота поглотит все. Он умрет, оставив после себя только автономные процессы.

Но еще есть время что-нибудь предпринять. Капитан уже почти ослеп, но он еще существует — внутри корабля мерцает крошечный шарик разума. Даже будучи стиснут ложементом, капитан получал данные от дронов, которых отправил на орбиту Хелы. Он воспринимал все, что происходило на планете; его разум обрабатывал поступающие с камер импрессионистские фрагменты и воссоздавал целостную картину.

В его чреве, там, куда еще не проникли стражники, хранились три гипометрических орудия, сложнейших, тончайших устройств. Применять такое оружие было нелегко даже в условиях полета с нормальным ускорением — а каково это делать, лежа в яме на боку? Невозможно предсказать, как поведут себя коварные машины, если сейчас пустить их в дело, и сколько выстрелов они успеют сделать, прежде чем сами разлетятся на куски и растерзают корабль. Но для одного залпа они сгодятся, подумал капитан. Нужно только найти для них достойную цель.

Он изменил ракурс наблюдения за Халдорой и усилием воли сосредоточился на обработке потоков данных, в первую очередь на экстраполированном изображении собора, рассматривая его под разными углами и с разных высот. Несколько секунд Бренниген собирал блеклые, неясные, мультиспектральные снимки в единую трехмерную картину и настолько увлекся этим, что забыл о стражниках, терзающих его нутро. А затем перед его внутренним зрением предстала с поразительной четкостью «Пресвятая Морвенна». Он ощущал постоянно меняющуюся пространственную связь с собором, словно их соединяла прочная железная цепь. Он знал, в каком направлении находится гигантская ходячая машина.

Очень высоко над землей, на плоской макушке одной из башен, словно заводные куклы, двигались крошечные фигурки.

Они вышли на посадочную площадку «Пресвятой Морвенны». Здесь стояли два корабля: шаттл, на котором прилетели ультра, и красный раковинообразный шаттл, принадлежавший, как было известно Рашмике, генерал-полковнику медицинской службы. Судя по обилию оплавленных отверстий в корпусе, главные узлы обоих кораблей были расстреляны в упор из энергетического оружия. Было бы время, суда смогли бы восстановиться и улететь с собора. Но как раз со временем дело обстояло хуже всего.

Грилье постоянно прижимал шприц к оболочке скафандра Рашмики. Девушка не знала, способна ли игла проткнуть этот материал и добраться до кожи, но проверять совершенно не хотелось. Она кое-что слышала о мерзких свойствах вируса деус-икс. Возможно, существуют лекарственные средства против него либо даже организм когда-нибудь выработает иммунитет. Но одно не вызывает сомнений: стоит индоктринаци-

онному вирусу очутиться в твоей крови, и ты уже никогда не станешь прежним.

— Вы только посмотрите, — воскликнул Грилье с воодушевлением туриста, увидевшего достопримечательность, — отсюда видны выбросы дюз! — Он указывал на две световые дольки — словно скоростное двухполосное шоссе пролегло в небе. — Что бы ни говорили о нашем настоятеле, но он всегда доводит задуманное до конца. Жаль, что Куэйхи не рискнул с самого начала посвятить меня в свой план.

— На вашем месте я бы не любовалась, а беспокоилась, — сказала Рашмика. — До «Ностальгии» отсюда рукой подать. Уверены, что вам нечего опасаться?

— Они даже не рыпнутся, — ответил Куэйхи. — Слишком велик риск задеть вас. Потому-то вы и с нами.

Настоятель, в отличие от Рашмики и Грилье, не надел скафандр. Он передвигался на своей койке, накрытой прозрачным колпаком с дополнительными функциями жизнеобеспечения. Голос настоятеля звучал в динамиках скафандров — все такой же слабый, похожий на шелест бумаги.

— В моем корабле всем места не хватит, — сказал Грилье. — А сам я не рискну убраться отсюда на шаттле ультра. Может, на борту мина?

— Все в порядке, — ответил ему Куэйхи. — Я и об этом подумал.

В глаза ударил свет. Хоть и крепко держал Грилье Рашмику, той удалось поднять голову. На край посадочной площадки опускался третий корабль — такого она прежде не видела. Он был узким и длинным, как стрела, и держался строго вертикально, балансируя на единственной струе пламени. Откуда он взялся? Рашмика была совершенно уверена, что заметила бы его приближение к собору с любой стороны.

— Он тут с самого начала, — проговорил Куэйхи, словно читая ее мысли. — Был встроен в архитектуру собора под нами. Я знал, что рано или поздно этот корабль мне понадобится.

На коленях у настоятеля Рашмика увидела переносной пульт управления. Куэйхи водил над ним сухонькими руками, как спирит над доской Уиджа.

— Это ваш? — спросила Рашмика.

— «Доминатрикс», — вмешался в разговор Грилье, словно это название должно было что-то значить для Рашмики. —

Давным-давно этот корабль доставил Куэйхи к Хеле. А потом спас его, когда он сунул нос не в свои дела и крепко влип.

— Да, это не просто корабль, а историческая достопримечательность, — сказал Куэйхи. — А сейчас прошу всех на борт. Некогда предаваться воспоминаниям. Я обещал Хакену быть у фиксатора через полчаса, как только стража доложит о выполнении задачи.

— «Ностальгию» вам не захватить, — прошептала Рашмика.

В борту «Доминатрикс» открылась дверь; комингс находился точно вровень с площадкой. Куэйхи направил к проему свою койку, явно намереваясь первым очутиться на борту персонального судна. Рашмика встревожилась: не решил ли настоятель улизнуть в одиночку, бросив остальных на соборе? Все эти разговоры о страховке и предосторожности запросто могут оказаться ложью. У себя в покоях настоятель заявил, что закончилась одна эпоха и началась другая. Что, если прежние договоренности уже не принимаются им в расчет, как и просто доводы здравого смысла?

— Подождите нас, — попросил Грилье.

— Конечно подожду! Кто еще позаботится, чтобы я не протянул ноги?

Корабль вдруг отпрянул от площадки; теперь между ее краем и люком зиял метр пустоты. Пальцы настоятеля панически заметались по пульту. Из корпуса «Доминатрикс» в разные стороны выстрелили стабилизирующие сопла; долю секунды из них торчали клинки пламени с фиолетовыми контурами.

Глаур добрался до мастерской. Здесь, как сокровища в сказочных каменных пещерах, хранились сотни инструментов. Все сверкало, разложенное на полках в идеальном порядке. С таким подспорьем можно выбраться из любой западни. Единственная сложность — как затащить на верх винтовой лестницы, к решетке. Да еще надо не пораниться при работе, а это тоже будет непросто в тамошней тесноте. Он осмотрел инструменты: ничего, будет неудобно, но он справится. Времени хватит.

Руками в перчатках он брал и возвращал на место один инструмент за другим. Не хотелось бы ошибиться в выборе, это вынудит снова спускаться в скафандре по винтовой лестнице.

Он посмотрел назад, в глубину машинного отделения. Задумавшись о том, как лучше прорезать выход, Глаур вдруг понял, что не нужно подниматься по лестнице. Следует выбраться с «Пресвятой Морвенны» самой короткой и легкой дорогой. У него нет ни пожитков, без которых нельзя обойтись, ни любимой женщины, которую нельзя не спасти. Стоило подумать о пожитках, и он вспомнил, что на гаражном уровне вряд ли найдется вездеход.

Он может покинуть машинное отделение в считаные минуты, прорезав путь наружу.

Выбрав резак, Глаур подошел к одной из прозрачных панелей в полу. Внизу скользила земля. Почти двенадцать метров высоты, но это гораздо меньше, чем если подниматься по винтовой лестнице, а оттуда спускаться на грунт. Разрезать стекло и защитную решетку под ним не составит труда. А вот как потом спуститься, избежав травм, — это задачка посложнее.

Глаур вернулся в мастерскую и взял бухту кабеля. Вроде где-то лежит и веревка, но искать ее некогда. Не так велика здешняя сила тяжести, чтобы от кабеля требовалась особая прочность.

Вернувшись к окошку, Глаур поискал глазами вокруг и увидел стойку мостка, наглухо привинченную к полу.

Один конец Глаур привязал к опоре, на другом сделал петлю и продел в нее инструментальный пояс, который затем застегнул поверх скафандра. Подергал кабель — вроде крепок. Похоже, трех-четырех метров до земли не хватит, но это не беда. Убогая, конечно, получилась снасть, оскорбляющая чувства инженера. Но Глаур не желал оставаться на борту обреченного собора ни одной лишней минуты.

Он опустил визор и убедился, что воздух в шлем поступает нормально. Потом сел на пол, так что окошко оказалось у него между ногами, и включил резак. Направив тонкий, как ланцет, луч на стекло, Глаур почти в ту же секунду заметил струйку вырывающегося наружу газа. Очень скоро из машинного отделения уйдет весь воздух. Аварийные перегородки герметизируют остальную часть собора, но что толку? Все, кто остался наверху, доживают последние часы. А может, Глаур уже последний человек на борту «Пресвятой Морвенны». Эта мысль взволновала его: вот уж не чаял стать исторической личностью!

Он резал стекло и придумывал подвиги, о которых потом будет рассказывать.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Зачистка внутренних помещений «Ностальгии по бесконечности» была закончена. Повсюду лежали мертвые ультра, их раны дымились. Попадали среди убитых и монахи, но потери соборной стражи были невелики. Бойцы переступали через поверженных врагов, не забывая тыкать в них раскаленными докрасна стволами автоматов или бозеров. В коридорах по стенам едва сияли лампы, мрачные красные отсветы падали на мертвецов. Странно, но эти враги не походили на ультра, в большинстве они выглядели как обычные базово-линейные люди. Возможно, при вскрытии у них обнаружатся имплантаты, но снаружи не заметно никаких протезов и модификаций. Единственное отличие от соборной стражи — среди убитых на удивление много гиперсвиней. Монахи толкали и переворачивали их с особым интересом: на Хеле не часто увидишь такое существо. Как свиньи оказались на этом корабле, почему они сражались на стороне людей, отчего на некоторых форменная одежда? Загадок набралась целая гора, но пусть ими занимаются другие.

— Интересно, а где Скорпион? — спросил один командир другого.

— Скорпион?

— Свинья, который всем тут заправлял, когда отряд Сейфарта проник на борт. Говорят, тому, кто вынесет с корабля его тело, положена награда. Скорпиона легко опознать: Сейфарт пригвоздил его к стене, проколов тут и тут. — И монах указал на свои плечи.

Его собеседник ногой перевернул очередную свинью, радуясь, что скафандр не пропускает запах тления.

— Тогда давай поищем.

Лампы на стенах погасли, соборные стражники ушли вперед, перешагивая через тела; во тьме виднелись только их нашлемные маячки. Остальной корабль будто вымер; было удивительно, что осветительные приборы продержались так долго.

Но они померцали и зажглись в полную силу, словно корабль давал понять: «Не спешите меня хоронить».

— Она не слушается, — растерянно сообщил Куэйхи. — Но этого просто не может быть.

Личный корабль настоятеля рывком приблизился к посадочной площадке. Промежуток уменьшился до нескольких сантиметров.

— Нет, — твердо произнес Грилье. — Не стоит рисковать. Корабль явно не в порядке...

Но Куэйхи решил, что момент настал. Он привел койку в движение и с ускорением устремился к люку. «Доминатрикс» не двигалась, словно покорно поджидала хозяина. Казалось, Куэйхи выполнит задуманное, преодолеет щель шириной в ладонь. Но вдруг корабль отпрянул, беспорядочно стреляя маневровыми дюзами. Зазор снова увеличился. Спохватившись, Куэйхи начал тормозить, его руки летали над пультом с нечеловеческим проворством. Но расстояние между кораблем и площадкой все увеличивалось, и было видно, что койка не успеет вовремя остановиться.

«Доминатрикс» болталась уже в шести или семи метрах, отчаянно пытаясь стабилизироваться. Вдруг ее крутануло, и люк оказался на стороне, противоположной площадке.

Но это уже ничего не значило. Куэйхи заверещал, достигнув края и опрокинувшись.

— Дурак, — буркнул Грилье, не дожидаясь, когда стихнет вопль.

Рашмика взглянула на «Доминатрикс». Люк снова был обращен к площадке. Девушка вдруг поняла, что корабль серьезно поврежден. На его корпусе виднелась цепочка странного вида пробоин: почти идеальной сферической формы выемки, блестящие свежими срезами металлических элементов конструкции. Словно в корабельном боку созрели и вытекли гнойники, оставив после себя геометрически правильные полости.

— Она побывала под обстрелом, — заключил Грилье.

Корабль уже опрокидывался и терял высоту, его маневровые двигатели выстреливали все чаще и бестолковей.

— Ложитесь! — Грилье рывком повалил Рашмику и сам распластался на площадке.

— В чем де...

— Закройте глаза. — Врач держал за руку девушку, не давая ей подняться.

Совет опоздал на секунду. Рашмика увидела начало вспышки, сопровождавшей удар корабля о поверхность Хелы.

Она почувствовала, как содрогнулась под ней вся конструкция собора.

Когда струйка утекающего воздуха пропала, Глаур решил: все, теперь можно выбираться без риска. В стекле и защитной решетке он вырезал отверстие подходящего для себя размера. Дальше был вакуум и бесконечно ползущая метрах в двенадцати от днища собора поверхность Хелы.

Глаур снова проверил прочность кабеля и спустил ноги в дыру. Стекло по ее краям оплавилось и скруглилось, порвать о них скафандр было невозможно. На секунду он замешкался: верхняя половина его тела оставалась в машинном отделении, а ноги висели в пустоте. Вот оно, последнее мгновение перед бегством. Потом инженер решительно отпустил опору и на целую секунду очутился в невесомости. Глаур падал, замечая только размытые очертания движущихся частей механизмов. Сильный рывок, и падение прекратилось. Пояс врезался в живот; инженер повис, согнувшись пополам, головой и ногами к земле.

До скользящего внизу льда оставалось четыре или пять метров. Все-таки он ошибся в расчете; падение с такой высоты способно оглушить. Но он поднимется, отряхнется и пойдет своей дорогой. Собор не причинит вреда, два ряда огромных ступней пройдут мимо него. Пусть один ряд ближе другого, все равно слишком далеко, чтобы стоило волноваться.

Висеть стало совсем неудобно. «Сейчас или никогда», — подумал Глаур.

Пряжка заупрямилась, пришлось с ней повозиться — и потому падение застигло его врасплох.

Удар получился сильным — инженер еще никогда не падал с такой высоты. Особенно досталось спине. Полежав с минуту, Глаур нашел в себе силы перевернуться и задуматься о том, как бы теперь подняться на ноги. Некоторое время над ним скользило густо усаженное механизмами брюхо «Пресвятой Морвенны», словно небо, затянутое угловатыми тучами.

Глаур встал. К его огромному облегчению, он не сломал ни рук, ни ног. Система жизнеобеспечения тоже не пострадала: все индикаторы в шлеме светились зеленым. Воздуха хватит еще на тридцать часов активных действий. А время — важный

фактор, ведь надо пешком добраться до Пути и разыскать там остальных беглецов или спасательный отряд, высланный другими соборами.

Это не так уж и далеко, подумал он, вдобавок дорогу скрасят радостные мысли о том, что удалось благополучно выбраться наружу, вместо того чтобы сходить с ума от ужаса в ожидании тошнотворного провала в невесомость.

Глаур уже готов был сделать первый шаг, когда из-за ближайшего валуна появился невысокий силуэт. Неизвестный в скафандре устремился навстречу инженеру, хотя назвать это бегом было нельзя, скорее сосредоточенным ковылянием. Вопреки всему Глаур рассмеялся — было что-то нелепое в движениях этой детской фигурки. Он быстро перебрал в памяти невысоких обитателей собора: что это за карлик и чего он может хотеть от техника из машинного отделения?

Потом Глаур заметил, как в необычной двухпалой перчатке блеснул нож — блеснул и превратился в пятно, словно клинок не знал, какую принять форму. И тотчас инженеру стало совсем не смешно.

— А ведь я ждал чего-то подобного, — проговорил Грилье. — Вы целы? Глаза видят?

— Вроде вижу, — ответила Рашмика.

Она почти ослепла при взрыве корабля настоятеля, но постепенно зрение возвращалось.

— Тогда поднимайтесь, у нас мало времени.

И снова Рашмика почувствовала, как к скафандру прижалась игла.

— Куэйхи ошибался, — сказала она. — Вам все равно не спастись.

— Идите и не болтайте.

Приближение генерал-полковника к кораблю в форме раковины не осталось незамеченным — замигали две зеленые лампы. В боку открылась маленькая дверь.

— Прошу, — пригласил Грилье.

— Ваш корабль неисправен, — ответила Рашмика. — Разве вы не слышали, как Куэйхи приказал своим людям расстрелять его?

— Нам лететь недалеко. Для начала убраться бы с собора.

— А потом куда направимся, если только шаттл вообще взлетит? Не к ложементу, уж точно.

— К ложементу — это был план Куэйхи, не мой.

— Ну и куда же вы хотите двинуть?

— Я что-нибудь придумаю, — ответил Грилье. — Знаю на этой планете много мест, где можно спрятаться.

— А я вам для чего?

— Вы весьма полезны, мисс Эльс, слишком полезны, чтобы просто взять и выкинуть вас. Уверен, вы прекрасно это понимаете.

— Отпустите меня. Я должна пойти назад и спасти мать. Вам я больше не нужна. — Рашмика кивнула на красный шаттл. — Улетайте, и они решат, что я с вами.

— Рискованно, — возразил врач.

— Прошу вас... позвольте мне спасти мать.

Грилье шагнул к поджидающему шаттлу, потом остановился с таким видом, будто вспомнил о чем-то забытом и решил вернуться внутрь собора.

Но вместо этого он таращился на Рашмику и издавал страшные звуки.

— Что с вами? — спросила Рашмика.

Игла больше не давила. Шприц бесшумно упал на площадку. Врач дернулся, а потом упал на колени. И снова прозвучало мучительное клокотание, которое Рашмика надеялась никогда больше не слышать.

Колени тряслись, но девушка устояла на ногах. Чем вызвана эта слабость — взрывом или страхом, которого она натерпелась, пока к ее шее прижимался шприц?

— Грилье? — тихо позвала она.

Но врач не ответил. Рашмика смотрела на лежащего и с ужасом осознавала: с ним случилось что-то очень скверное. Скафандр на животе глубоко вмялся, словно из тела был вырван большой кусок.

Рашмика опустилась на колени и торопливо отыскала среди вещей генерал-полковника ключ Часовой Башни. Потом встала и отступила от мертвеца, и тот внезапно исчез; его поглотила сфера небытия, оставив лишь жалкие клочки замороженных внутренностей.

— Спасибо, капитан, — прошептала девушка, даже не понимая, откуда взялись эти слова.

Потом оглянулась на разрушенный мост. Осталось совсем мало времени.

На лифте в «Пресвятую Морвенну» она возвращалась одна, закрыв глаза, чтобы не видеть яркой до боли мозаики витражей, и стараясь сосредоточиться. Одна за другой в голове проносились четкие и страшные мысли: Куэйхи мертв, Грилье погиб. Куэйхи приказал соборной страже никого не выпускать из мансарды, пока он не доберется до фиксатора или пока «Пресвятая Морвенна» не окажется в получасе ходьбы от Пропасти. Резной скафандр должен остаться на борту: настоятель придавал этому особое значение. Это очень тяжелая вещь, и унести ее будет трудно. Даже если стражники согласятся отдать скафандр, его эвакуацию в тридцать минут не уложить.

Возможно, наступил тот момент, когда необходимо заключить сделку с тенями. Здесь и сейчас... Наверняка они понимают, что другого выхода нет, что спасти переговорщиков она не в силах. Разве она не сделала все от нее зависящее? Если обитатели резного скафандра смогут объяснить Рашмике и ее союзникам, как организовать переход теней в эту брану, то их задача будет выполнена и они ничего не потеряют.

Лифт лязгнул и остановился, Рашмика торопливо раздвинула складные двери. Ей предстояло пройти через собор по тому же пути, каким Грилье и настоятель вели ее на посадочную площадку, а потом найти другой лифт и подняться в мансарду Куэйхи. И при этом ни в коем случае не попасться на глаза стражникам, которые наверняка еще оставались в «Пресвятой Морвенне».

Она вышла из лифта. Решив поберечь воздух в резервуаре скафандра, подняла визор шлема. Никогда еще в соборе не было так тихо. Рашмика слышала работу двигателей, но и та была как будто приглушена. Прекратилось хоровое пение и моление, не звучал топот мрачных процессий.

Ее сердце забилось быстрее. Собор пустовал; пока наверху, на посадочной площадке, творились страшные дела, его покинули стражники. Если эта догадка верна, Рашмике нужно только найти мать и Васко и уповать на то, чтобы резной скафандр сохранил способность разговаривать.

Она определила, в какой стороне находится Часовая Башня, ориентируясь по рисунку витражей. Но не успела сделать и пары шагов, как из темноты выступили два стражника, держа ее под прицелом. На обоих были шлемы с опущенными визорами, розовые перья спускались с гребней.

— Пожалуйста, пропустите, — первой заговорила Рашмика. — Мне нужно к друзьям.

— Ни с места! — рявкнул стражник, переместив прицел на мигающие огоньки ее системы жизнеобеспечения. — Обыщи ее, — велел он товарищу.

Второй стражник повесил ружье на плечо и снял что-то с пояса.

— Настоятель мертв, — сказала Рашмика. — Собор вот-вот рухнет в Пропасть. Лучше уходите, пока еще есть время.

— У нас приказ, — ответил стражник, пока второй поворачивал Рашмику лицом к отделанной камнем стене.

— Вы что, не понимаете? — спросила она. — Все кончено. Все теперь пойдет по-другому. Приказы больше не имеют смысла.

— Свяжи ей руки. Надо будет рот заткнуть — не церемонься.

Стражник поднял руку, чтобы опустить ее визор. Рашмика была готова протестовать, даже сопротивляться, хоть и знала, что это бесполезно.

Но не успела она дернуться, как увидела движение позади стражника с оружием на изготовку.

Боковым зрением она заметила блеск ножа. Стражник клокотнул горлом, его ружье упало на пол.

Второй успел отреагировать: отскочил от Рашмики и схватился за оружие. Рашмика пнула его и попала по колену. Монах не устоял и обрушился на стену; сорвать с плеча ружье ему так и не удалось. Облаченный в скафандр свинья рывком сократил дистанцию, вонзил в живот стражнику серебристый нож и описал им плавную дугу, разрезая внутренности.

Скорпион выключил и убрал нож в чехол. И бережно, но сильно втолкнул Рашмику в тень. Там оба опустились на корточки.

Девушка снова подняла визор, с удивлением услышав свое частое и затрудненное дыхание.

— Спасибо, Скорп.

— Ты помнишь меня? Столько времени прошло.

— Такого забудешь. — Рашмика дотронулась до его руки. — Здорово выручил.

— Пришлось вмешаться.

Рашмика помолчала несколько секунд, приводя дыхание в порядок.

— Скорп, мост — твоя работа?

— А что, заметен почерк? — Скорпион поднял щиток своего шлема и улыбнулся. — Конечно моя. Как еще можно было остановить эту штуковину?

— Ясно, — кивнула она. — Хорошая была идея. Мост жалко, но...

— Но что?

— Но собор не остановится, Скорп. Он упадет в Пропасть.

Казалось, свинье понадобилась лишь секунда, чтобы переварить услышанное.

— Тогда нам нужно поскорее отсюда убираться. Где остальные?

— Наверху, в Часовой Башне. Под охраной.

— Мы их вытащим, — ответил он. — Даже не сомневайся.

— А скафандр, Скорп? Это за ним мы прилетели в такую даль.

— Обсудим, — ответил он.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Они поднимались на лифте, и по лицам скользили цветные пятна — солнце висело низко.

Скорпион что-то достал из кармана скафандра:

— Это мне дал Ремонтуар.

Рашмика взяла кусок плавника с большой осторожностью — прожив много лет среди останков вертунов, она знала, что малейшая царапина способна как открыть важную истину, так и ввести в тяжелейшее заблуждение.

— Что это? — спросила она.

Свинья изложил то, о чем догадывался и в чем сомневался Ремонтуар.

— Мы не одни здесь, — наконец сказал он. — Рядом с нами все время кто-то находится. Но все, что у нас есть, — вот такие обломки, которые остаются после них.

— Этот фрагмент ты привез с Арарата?

— Его нашли на орбите Арарата, — уточнил Скорпион. — Если поищем, обнаружим такие и здесь, можешь не сомневаться. Кто бы ни были эти существа, во Вселенной они давно. И они умны, Аура. — Скорпион намеренно назвал ее прежним

именем. — Иначе бы не выжили рядом с ингибиторами за все эти века.

— Не понимаю, какое отношение они имеют к нам.

— Может быть, никакого, — ответил свинья. — А может быть, самое прямое. Зависит от того, что случилось с вертунами. И тут, полагаю, ты способна нам помочь.

Лишенным эмоций голосом она проговорила:

— Всем известно, что случилось с вертунами.

— И что же?

— Их уничтожили ингибиторы.

Скорпион смотрел, как сменяются на лице Ауры витражные краски. Казалось, от нее исходит грозный свет, как от ангела мщения из иллюстрированного еретического евангелия.

— А что ты сама об этом думаешь?

— Сама я думаю, что ингибиторы не имели никакого отношения к истреблению вертунов. Я с самого начала так считала, по крайней мере с тех пор, как стала размышлять над этим вопросом. Не стану утверждать, будто вертунов не стерли с лица планеты, но слишком уж много осталось от них следов. Ингибиторы не допускают такого брака в своей работе. — Рашмика сделала паузу, потупившись, словно в смущении. — Я хотела написать об этом книгу, когда жила на Равнине Вигрид. Собирала материалы, анализировала, записывала тезисы в тетрадь.

— Но никого судьба вертунов не интересовала, кроме тебя, — кивнул Скорпион. — Если тебе это послужит утешением: я считаю, что ты права. Вопрос в том, есть ли здесь какая-то связь с тенями.

— Не знаю.

— Когда мы прилетели сюда, ситуация казалась простой. Все свидетельствовало только об одном: что вертуны уничтожены ингибиторами.

— Вот и резной скафандр мне то же самое сказал, — подтвердила Рашмика. — Вертуны создали механизм, который мог принимать сигналы теней, но не решились на последний шаг — не позволили теням перейти из их мира в наш, хотя те обещали спасти вертунов от волков.

— И теперь у нас появилась возможность не повторить эту ошибку, — заключил Скорпион.

— Да, — настороженно произнесла Рашмика, чувствуя подвох. — Но ты все-таки не считаешь, что следует пустить их сюда?

— Я считаю, что главная ошибка вертунов — переговоры с тенями, — ответил Скорпион.

Рашмика потрясла головой:

— Но вертунов уничтожили не тени. Это же получается сущая чепуха. Нам известно, что тени, по крайней мере, не слабее ингибиторов. И если бы здесь поработали они, то не оставили бы никаких следов от аборигенов. Это во-первых, а во-вторых, побывав здесь, они бы уже просили о помощи для проникновения в нашу Вселенную.

— То-то и оно, — кивнул Скорпион.

— Ты о чем? — спросила Рашмика.

— Вертунов уничтожили не ингибиторы и не тени. А те неизвестные, что оставили вот этот обломок.

Рашмика вернула фрагмент Скорпиону так торопливо, словно боялась заразиться.

— Скорп, как насчет доказательств?

— Да никак. Но если мы пороемся на Хеле — я имею в виду настоящие раскопки, — то наверняка найдем что-нибудь похожее. И одного кусочка будет достаточно. Хотя есть и другой способ проверить мою версию.

Рашмика помотала головой, словно пыталась вытряхнуть из нее сумбур:

— Но чем провинились вертуны, почему их понадобилось уничтожать?

— Говорю же: они приняли ошибочное решение, — ответил Скорпион.

— Какое?

— Вступить в переговоры с тенями. Аура, это была проверка, под контролем создателей плавника. Те считали, что вертуны ни в коем случае не должны открыть теням проход. Нельзя для борьбы с врагом привлекать на свою сторону еще более опасного врага. И нам не следует наступать на те же грабли.

— Если ты прав, существа, оставившие этот обломок, ничуть не лучше теней или ингибиторов.

— Речь не о том, чтобы ложиться с ними в постель, а о том, чтобы учитывать риск. Они здесь, Аура, в этой системе. Сию минуту находятся рядом с нами. И то, что мы их не видим, не значит, что они не следят за каждым нашим шагом.

Несколько секунд лифт поднимался в тишине.

— Значит, ты шел сюда вовсе не за резным скафандром? — наконец спросила Рашмика.

— Я думал, что приму решение на месте, — ответил Скорпион.

— И как, принял?

— Да, с твоей помощью. Скафандр останется на «Пресвятой Морвенне».

— Выходит, настоятель Куэйхи был прав, — вздохнула Рашмика. — Он все твердил, что в скафандре сидят бесы.

Лифт замедлил ход. Скорпион убрал подарок Ремонтуара в поясной карман и снова достал нож.

— Жди здесь, — сказал он. — Если через две минуты не позову, садись в лифт и выбирайся наружу. А потом беги от собора со всех ног.

На льду они стояли вчетвером: Рашмика, ее мать, Васко и свинья. Выбравшись из «Пресвятой Морвенны», они так и шли за гигантской машиной — сначала по земле, потом по обрубку моста. И остановились лишь в километре от стены Рифта.

Казалось невероятным, что внутри собора мог остаться кто-то живой, но Скорпион решил убедиться в этом и обошел основные помещения. Но на борту могли быть десятки потайных герметичных отсеков, о существовании которых он не знал.

С такими ранами, как у него, вряд ли кто-то другой сумел бы сделать больше.

Внешне «Пресвятая Морвенна» нисколько не изменилась. Нижний уровень собора был разгерметизирован, это Скорпион обнаружил, поднявшись по тросу, сброшенному техником из машинного отделения. Но тамошняя механика с одинаковым успехом работала как в воздухе, так и в вакууме: целенаправленное движение собора не задержалось ни на секунду, электрогенераторы исправно давали ток. В мансарде Часовой Башни горел свет, но ни один силуэт не двигался в ее витражах, как и в других окнах шагающего собора.

— Сколько осталось до края? — спросил Скорпион.

— Метров двести, — ответил Васко.

— Пятнадцать минут, — пересчитала Рашмика. — Потом собор опрокинется, если только мост не рухнет раньше.

— Вряд ли рухнет, — сказал Скорпион. — Я вообще думаю, что собор мог пройти по мосту.

— Да, на это бы стоило посмотреть, — произнесла Хоури.

— Похоже, мы так никогда и не узнаем, кто построил мост, — сказал Васко.

Рядом с ним сложная механика, заключенная в огромный движущийся контрфорс, перенесла в воздухе огромную ступню и бесшумно опустила на лед.

Скорпион вспомнил о сообщении, принятом его скафандром.

— Пусть это останется одной из загадок Вселенной, — сказал он. — Но это не вертуны потрудились, точно.

— Да, не они, — согласилась Рашмика. — Этой постройке не миллионы лет, она относительно новая. Вертуны не оставили после себя ничего столь же красивого.

— Еще не поздно, — сказал Малинин.

Скорпион повернулся к нему, заметив, как в визоре шлема мелькнуло искаженное отражение его собственного лица.

— Не поздно для чего, сынок?

— Пятнадцати минут хватит, даже тринадцати. Я успею подняться в мансарду.

— И стащишь скафандр вниз по лестнице? — поинтересовалась Хоури. — В лифт он не влезет.

— Я разобью окно в покоях. Если буду не один, мы выбросим скафандр наружу.

— И с кем ты потом будешь разговаривать? — усмехнулся Скорпион.

— Падать на мост с башни — не то же самое, что с моста на дно Рифта, — сказала Рашмика.

— Двенадцать минут — минимум, — уточнила Хоури.

— Я готов, — сказал Васко. — Скорп, вы со мной?

— Да я бы пошел, если б не было других планов на остаток жизни.

— Значит, нет?

— Васко, мы уже все решили. Там, откуда я родом, отступаться в последний момент было не принято.

Васко запрокинул голову, чтобы увидеть вершину башни «Пресвятой Морвенны». Скорпион непроизвольно сделал то же самое, хотя от таких движений у него кружилась голова. Казалось, собор вообще не движется на фоне неподвижных звезд.

И среди этих звезд было два десятка новых, ярких, окруживших Хелу неровным ожерельем. Нельзя оставлять их там надолго, подумал Скорпион. Прежде чем опуститься на ложемент, капитан принял единственно верное решение, защитив своих спящих пассажиров от непредвиденных опасностей, — пусть даже этот поступок был сродни самоубийству. Но рано или поздно кто-то должен позаботиться об этих восемнадцати тысячах душ.

«А при чем тут я? — подумал Скорпион. — Найдутся другие...»

— Не думал, что все зайдет так далеко, — проговорил он чуть слышно.

— Скорп? — переспросила Хоури.

— Нет, ничего, — отозвался он, тряхнув головой. — Просто вдруг подумал: что этот пятидесятилетний свинья делает в такой дали от дома?

— Пытается что-то исправить, — сказала Хоури. — Разве не этим ты занимался всю жизнь?

— Она права, — подхватила Рашмика. — Спасибо тебе, Скорпион. Ты не обязан был делать все то, что сделал. И я никогда этого не забуду.

«А я никогда не забуду, как кричал мой друг, когда я резал его скальпелем», — подумал Скорпион.

Но разве тогда у него был выбор? Клавэйн ни словом не упрекнул своего палача; перед лицом ужасной смерти старик думал только о том, как избавить друга от переживаний. Почему же Скорпион не может почтить память Клавэйна, дав наконец выход накопившейся ненависти? Он оказался в неподходящем месте и в неподходящее время, но его вины в этом нет, как и вины старика. И уж точно ни в чем не виновата Аура.

— Скорп? — окликнула Аура.

— Я рад, что ты спасена, — сказал он.

Хоури положила руку ему на плечо:

— А я рада, что ты вернулся за нами, Скорпион. Спасибо, что спас.

— Свинячье дело нехитрое, — проворчал он.

Потом они молчали, глядя, как помаленьку сокращается расстояние между собором и краем разрушенного моста. Более столетия собор шел вперед, ни разу не проиграв в беско-

нечной гонке вокруг Хелы. Треть метра в секунду, и так день за днем, год за годом. И вот теперь это вечное и точное, как ход идеальных часов, движение должно оборваться. А вместе с ним и жизнь «Пресвятой Морвенны».

— Скорп, — нарушила девушка зачарованную тишину, — даже если будет уничтожен резной скафандр, как быть с Халдорой? Машина висит в небе, и, если ее включить, тени придут сюда.

— Если бы у нас осталось хоть одно орудие класса «Ад»... — сказала Хоури.

— Если бы да кабы, — перебил ее Скорпион. Он топал, чтобы согреться: либо с его скафандром что-то не в порядке, либо с ним самим. — Да придумаем мы, как уничтожить машину, в крайнем случае подбросим в нее гайку. Иначе они разберутся с нами.

— Они? — переспросила Хоури.

— Те, кого мы пока не встречали. Но они где-то рядом, можете не сомневаться. Следят и каждый наш поступок берут на карандаш.

— А что, если мы ошибаемся? — спросила Хоури. — Может, их интересует, хватит ли у нас ума договориться с тенями?

— Тогда наш список врагов пополнится, — ответил Скорпион. — Но даже если так...

— Что тогда?

— Это еще не конец света. Уж я-то знаю, о чем говорю. Я собираю врагов с того дня, когда сделал свой первый вдох.

Минуту все молчали. «Пресвятая Морвенна» продолжала с хрустом шагать к неминуемой кончине, а голубое пламя «Ностальгии по бесконечности» — гулять по небу, словно карандаш Творца, задумавшего новое созвездие.

— По-твоему, мы должны поступить так, как считаем нужным, даже если им это не понравится?

— Вроде того. И наш выбор запросто может оказаться правильным. Все зависит от того, что на самом деле случилось с вертунами.

— Наверняка они кого-то разозлили, — сказала Хоури.

— Молодцы ребята, — усмехнулся Скорпион. — Помирать, так с музыкой.

«Я ранен, — подумал он. — Да что там, я едва жив. Оставил кровавый след в соборе, прикончил каждого, кто встал у меня

на пути. Я в шаге от того, чтобы увидеть полную и необратимую гибель величайшего открытия в истории человечества, единственного средства, способного спасти нас от ингибиторов. И вот стою здесь и смеюсь, словно в кои-то веки выдалась достойная вечеринка».

«Типичное для свиньи поведение, — заключил он. — Мы живем сегодняшним днем, никакого чувства перспективы».

А может, это как раз единственное, за что свиньям следует благодарить судьбу?

— Скорп, — обратилась к нему Хоури, — хочу кое о чем спросить, пока мы не расстались снова. Ты не будешь против?

— Не знаю, Хоури, — ответил он. — Попробуй спросить.

— Зачем ты спас тот шаттл с «Дикого манула»? Там же были ингибиторы, что тебе помешало открыть огонь?

«Неужели она понимает?» — удивился Скорпион.

Он девять лет лежал в криокапсуле и многое пропустил. Возможно, она нашла подтверждение тому, о чем он только подозревал.

Он вспомнил прощание с Антуанеттой Бакс. Та спросила, встретятся ли они снова. Вселенная очень велика, ответил он, и в ней найдется место для пары-тройки совпадений. Может быть, сказала Антуанетта, для кого-то найдется, но не для таких, как они со Скорпионом.

Свинья улыбнулся своим мыслям: он очень хорошо тогда понял, что Бакс имела в виду. Он тоже не верил в чудеса. Но где провести границу? Ведь сейчас он стопроцентно уверен: Антуанетта была права не совсем. Для нее и Скорпиона чудес не бывает. А для других? Иногда необыкновенное просто берет и случается.

Он видел имена всех беженцев из системы Йеллоустона, которых они спасли. Одна фамилия бросилась ему в глаза. И сам человек произвел впечатление на свинью, когда тот следил за высадкой спасенных из шаттла. Скорпион помнил, с каким молчаливым достоинством держался этот человек. Наверное, его сразу же заморозили, как и остальных пассажиров шаттла. И теперь он где-то на орбите Хелы, среди восемнадцати тысяч момио.

— Надо бы придумать, как их спасти, — сказал он Хоури. — Я про замороженных.

— Вроде речь шла о шаттле...

— Да, шла.

Продолжать он не стал. Ана долго ждала ответа, пусть еще подождет.

Некоторое время все молчали. Глядя на собор, можно было подумать, что он простоит на мосту еще не одну тысячу лет.

По прикидкам Скорпиона, «Пресвятой Морвенне» оставалось еще минут пять.

— Я бы успел, — заговорил Васко.. — Если бы побежал... Если бы мы побежали...

— Пошли, — сказал Скорпион.

Остальные посмотрели на него, потом на собор. Передок «Пресвятой Морвенны» был в добрых семидесяти метрах от края моста; пройдет еще три или четыре минуты, прежде чем он повиснет над пустотой. А что потом? Еще самое меньшее минута, прежде чем громадина начнет опрокидываться.

— Куда, Скорп? — спросила Хоури.

— Я уже насмотрелся, — спокойно ответил он. — День сегодня был трудный, а впереди еще долгий путь. Чем раньше выступим, тем раньше доберемся.

— А собор... — начала Рашмика.

— Уверен, зрелище будет впечатляющее. Потом расскажете, если найдется время.

Скорпион пошел назад по обломку моста. Низко висящее солнце двигало перед ним до комизма маленькую и неуклюжую тень. Та колыхалась перед идущим враскачку свиньей, словно плохо управляемая марионетка. Он сильно замерз: это был особый внутренний холод; вроде живого существа, которому впору иметь имя. Может, это он и есть, конец, о котором столько раз предупреждали Скорпиона? Как ни крути, он всего лишь свинья; ему ли ждать от жизни приятных сюрпризов? Хорошо уже то, что он оставил в этом мире немало своих отметин, поглубже, чем у других.

Он прибавил шагу. Вскоре три длинные тени окружили его короткую. Все четверо ни о чем не говорили, лишь задумчиво шагали и думали о своем трудном пути. Еще через несколько минут земля содрогнулась — словно огромный кулак гневно ударил Хелу, — но и тогда они не замедлили поступь.

А потом самый маленький из идущих споткнулся, и трое других кинулись, чтобы его подхватить.

После этого Скорпион почти ничего не помнил.

ЭПИЛОГ

Она отдала новый приказ, механические бабочки разомкнули крылья, и образованный ими экран распался. Бабочки вернулись в трепещущее кружево рукавов и замерли. Взглянув в небо, она увидела лишь несколько звезд, самых ярких: их свет пробивался сквозь лунное сияние и сверкающую реку кольца. Зеленая звезда, которую показали ей бабочки, исчезла. Но она знала, что звезда по-прежнему там, просто светит слишком слабо.

Она также знала, что с этой звездой не случилось ничего плохого. Ядерные процессы не разбалансированы, и не было опасного вмешательства в атмосферную химию. Свет все так же ярок, как и век назад, а нейтринный поток из ядра не отражается на давлении, температуре и содержании нуклеотидов. Однако с планетами, которые обращались вокруг звезды, случилось что-то очень плохое. Они подверглись демонтажу, разложению на атомарный газ, который затем был собран и помещен в стеклянистые пузыри. Возникли бесчисленные обиталища с запасами воды и воздуха. Огромные зеркала, выплавленные в ходе все той же оргии разрушения и созидания, вылавливали каждый бродячий фотон и загоняли его в один из пузырей. Ничто не пропадало зря, все шло в дело. Внутри пузыря солнечный свет питал сложные, хрупкие биохимические сети замкнутого цикла. Там кишели растения и животные, и умные машины удовлетворяли все их потребности. Люди также были там желанны — собственно, для них и создавались изначально эти обиталища.

Но люди так и не получили приглашения.

Это солнце в зеленых тонах было не первым и не последним. Вокруг плавали сотни таких же. Машины создавали рои зеленых жилищ, перескакивая из системы в систему с бездумной методичностью саранчи. Машины появлялись, размножались копированием и принимались за демонтаж. Все попытки сдержать их распространение провалились. Достаточно было бы одной машины, чтобы начать процесс, а ведь они прибывали миллионами.

Их так и прозвали — саранча.

Неизвестно, откуда взялись эти машины и кто их придумал. Вот лучшая гипотеза: более тысячи лет назад, за века до

прихода ингибиторов, была создана эффективная технология терраформирования и она вышла из-под контроля. Но для технологии-призрака саранча была слишком сильна и проворна. Ее загадочный предок очень долго учился выживать, опираясь только на собственные ресурсы, и этот процесс превратил его в свирепого хищника. Из той хитрой породы, кто прячется в зарослях и терпеливо ждет своего часа.

«И вот теперь, — подумала она, — этот час настал — по нашей вине».

Если бы над человечеством не нависла тень ингибиторов, оно ни за что не совершило бы такой ошибки. Да и ингибиторы — тоже машинная самореплицирующаяся форма космической жизни — не потерпели бы соперников. Но ингибиторы ушли, их уже больше четырех столетий никто не видел. Сказать, что они были разгромлены, значит погрешить против истины; на самом деле всего лишь удалось отразить нашествие, оттеснить противника в ничейное пространство, установить границы и буферные зоны. Бóльшая часть Галактики предположительно оставалась под волками. Однако попытка искоренить людей провалилась.

Впрочем, победу нельзя было отнести на счет человеческого гения.

Причиной были удачное стечение обстоятельств и трусость. Как общность ингибиторы еще миллионы лет назад были обречены на поражение и гибель. Рано или поздно должна была появиться новая сильная раса, способная вырваться из-под их контроля. Но люди не стали бы такой расой даже при содействии Гадеса. Однако матрица задала им нужное направление. Она указала путь на Хелу, и там, на обледенелой планетке, было принято верное решение: отказаться от союза с тенями и обратиться за помощью к гнездостроителям. Именно эти существа уничтожили вертунов, когда те неблагоразумно вступили в сношения с тенями.

«А ведь мы едва не сделали то же самое».

Она похолодела от этой мысли — настолько близка тогда была гибель.

Бабочки сомкнули крылышки, образовав на хозяйке белую броню.

— Пора, — подал голос телохранитель с дальнего конца пристани.

— Ты дал мне час.

— А он уже прошел. Все это время вы смотрели на звезды.

Неужели он не преувеличивает и она целый час разглядывала зеленую звезду?

Иногда она невольно погружалась в задумчивые воспоминания, и тогда секунды сливались в часы, часы — в недели. Она была так стара, что иногда боялась даже думать об этом.

— Еще немного, — проговорила она.

Гнездостроители (она вспомнила прежнее, давно ушедшее из обихода название этих симбионтов: раковиностроители) еще в незапамятные времена довели до совершенства умение прятаться. Вместо того чтобы открыто противостоять ингибиторам, они предпочитали невидимками скользить между звездами, избегая малейшего контакта. Они были непревзойденными мастерами маскировки. Человечество же, получив от них знания и оружие, вступило в открытый бой с ингибиторами, и ближний космос был очищен от машин. Гнездостроителям это не понравилось, они предупреждали, что нарушать равновесие опасно. Как бы ни были ужасны некоторые явления, на смену им могут прийти другие, совсем уже чудовищные.

Но вовсе не такие слова хотело услышать человечество.

«Может быть, оно того стоило, — подумала она. — Четыреста лет мы живем во втором Золотом Веке. Научились творить настоящие чудеса, оставили блистательный след в истории Галактики. Мы совершили прорыв, забыли старые легенды и придумали лучшие — новые сказки для новых времен. Но все это время кто-то смотрел на нас из зарослей и ждал своего часа. Вычеркнув из уравнения ингибиторов, мы дали шанс саранче».

Это не было концом истории. Люди эвакуировались по мере того, как механическая саранча распространялась по их системам. Несколько первых эвакуаций прошли из рук вон плохо, даже трагично, но потом дело наладилось. Руководство не зря ело свой хлеб, ему были известны все тонкости управления толпой.

Она снова заглянула во тьму. Саранча распространяется медленно — в ближнем космосе есть миры, которые не позеленеют еще сто, а может быть, и тысячу лет. Времени впереди еще много — и для жизни, и для любви. Омоложение — заманчивая штука даже для старого полусочленителя. Говорят,

что в Плеядах появились заселенные планеты. Оттуда волна звездной плесени кажется далекой и почти безобидной.

Но к тому времени, как она доберется до Плеяд, ее будут отделять от момента рождения еще четыреста лет.

Как часто бывало, она подумала о тенях. Посланники теней утверждали, что их преследуют машины, окрашивающие звезды в зеленые тона. Вряд ли это совпадение, в который уже раз сказала она себе. Согласно теории бран, послание теней могло прийти только из настоящего, а не из далекого будущего или прошлого. Но что, если теория ошибается? Что, если все это — брана теней, балк, гравитационная связь — просто удобная выдумка для того, чтобы скрыть другую, еще более диковинную правду?

Она сомневалась, что когда-нибудь узнает эту правду.

Она даже не была уверена, что хочет узнать.

Она перевела взгляд с неба на океан. Здесь они умерли давным-давно, когда планета звалась Араратом. Это имя тоже было забыто в незапамятные времена. Забыто всеми, но не ею.

Она вспомнила, как вдребезги разлетелась здешняя луна, когда в ее сторону ингибиторы отклонили луч отстреливающейся из орудия класса «Ад» «Ностальгии по бесконечности».

Ингибиторы. Пушки класса «Ад» с тайного склада. «Ностальгия по бесконечности». Сегодня все это кажется названиями из детской игры, забытой еще в детстве. Названия чуточку смешные и странные, но при этом пробуждающие ощущение чего-то исключительно важного и жуткого.

Сказать по правде, сама она не видела гибель спутника. Это наблюдала ее мать. Но она почти никогда не пыталась отделить свои воспоминания от материнских. Она была свидетельницей многих событий, пусть даже смотрела на них чужими глазами.

Она вспомнила Антуанетту, Ксавьера, Кровь и других, всех, кто по воле обстоятельств или по собственному выбору остался на Арарате, когда корабль спасался бегством. Наверняка все они погибли. Гигантские волны, образовавшиеся при падении обломков луны в океан, прокатились по островам, утопив их обитателей.

Если только эти люди не утонули прежде, по собственному желанию. Быть может, их приняло море? Жонглеры образа-

ми помогли с отлетом «Ностальгии». Быть может, они спасли и оставшихся на планете колонистов?

Люди живут здесь уже четыреста лет, и среди них всегда хватало пловцов. В архивах можно найти упоминания о призраках, о контактах с древними разумами. Возможно, среди них и разумы островитян, живая память, сохранявшаяся в океане все эти годы.

Вокруг пристани успели вырасти светящиеся пятна биомассы. Она приняла решение еще до того, как спустилась сюда по крытому переходу: войти в воду, поплыть и открыть океану свой разум. Поведать обо всем, что ей известно, описать, во что превратится это место, когда сюда прибудут терраформеры. Невозможно предугадать, что произойдет, когда механическая саранча столкнется с коллективным разумом жонглеров образами, кто кого одолеет и поглотит. Если и проводились такие эксперименты, она не слышала о них. Быть может, океан невозмутимо растворит машины, как раньше поглощал все подряд. Быть может, возникнет патовая ситуация. Также нельзя исключать, что этот мир, как и сонмы других, будет растерзан и перестроен.

Как поведут себя ввиду непосредственной угрозы обитающие в океане разумы, она не знала. Где-то в глубине ее существа, на особом уровне, жила уверенность, что океан начеку. Без сомнения, он уловил нотки паники от обратившихся в бегство людей. Но вряд ли кто-то входил в эту воду с намерением объяснить цивилизации жонглеров образами, чего именно ей следует ожидать. Быть может, это попросту бесполезно.

Но также может быть, что это способно изменить судьбу Вселенной — в полном смысле этих слов.

Она считала, что для нее разговор с океаном — вопрос этики. Ведь она отвечает за все, что здесь происходит и произойдет.

Она дала новое распоряжение бабочкам. Распалась белая броня, механические насекомые разлетелись во все стороны. Она застыла на причале нагая, бабочки держались чуть поодаль.

Решившись, она оглянулась на своего охранника и увидела только его миниатюрный, как будто детский, силуэт на фоне звездного неба. Он стоял, опираясь на трость, и смотрел в сто-

рону, и нетерпеливо покачивал головой. Ему хотелось поскорее уйти с пристани. Вполне естественное желание.

Она села на край причала. Кругом вихрилась вода, океан предчувствовал встречу. В нем двигались живые существа и фантомы. Она окунется, проплывет немного и откроет свой разум. Сколько бы времени это ни заняло, она не повернет к берегу, пока не поймет, что задача выполнена. Едва ли телохранитель не выдержит и уйдет, но, если такое все же случится, она не поддастся панике.

Она скользнула в океан, в мерцающую зеленую память Арарата.

Литературно-художественное издание

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС
ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Маргарита Ахметова, Ирина Киселева

Подписано в печать 25.11.2014. Формат издания 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ № 5574/14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

HKNF1496301R

Увлекательное повествование,
богатый язык, запоминающиеся события.

Locus

Рейнольдс пишет жилистую, мускулистую прозу,
в которой напряженное развитие сюжета сочетается
с отточенным языком науки. Все это свойственно лучшим
образцам постмодернистской космической оперы.

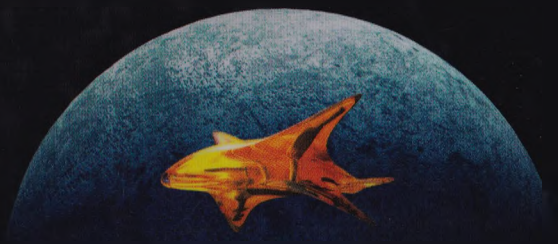
Science Fiction Weekly

Взяв медленный старт, сюжет Рейнольдса стремительно
набирает скорость — и несется к оглушительному финалу
благодаря кинематографическому воображению автора,
сильным характерам героев и великим научным идеям,
которых в книге как гальки на берегу…
Безусловно, этот роман — заметная веха в твердой
научной фантастике и космоопере.

Publishers Weekly

Автор «Пространства Откровения» сочетает НФ-нуар
с технотриллером, рисуя будущее в самых мрачных красках.

Library Journal

© Cover Art by Chris Moore

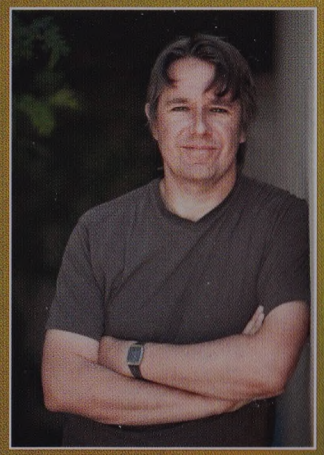
ISBN 978-5-389-06968-8 01
9 785389 069688
www.azbooka.ru

аластер рейнольдс

ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

АЗБУКА

Аластер Рейнольдс —

один из ведущих британских фантастов. Он несколько лет прожил в Голландии, сотрудничая с Европейским центром космических исследований и технологий. Подобно многим писателям, имеющим практический опыт работы в таких «сверхнаучных» областях науки, как астрономия и физика, он тяготеет к «твердой» фантастике. Но при этом его произведения всегда динамичны и насыщены психологизмом — это совершенно реальная борьба за выживание в беспощадной космической среде.

Увлекательное повествование,
богатый язык, запоминающиеся события.

Locus

Рейнольдс пишет жилистую, мускулистую прозу,
в которой напряженное развитие сюжета сочетается
с отточенным языком науки. Все это свойственно лучшим
образцам постмодернистской космической оперы.

Science Fiction Weekly

Взяв медленный старт, сюжет Рейнольдса стремительно
набирает скорость — и несется к оглушительному финалу
благодаря кинематографическому воображению автора,
сильным характерам героев и великим научным идеям,
которых в книге как гальки на берегу…
Безусловно, этот роман — заметная веха в твердой
научной фантастике и космоопере.

Publishers Weekly

Автор «Пространства Откровения» сочетает НФ-нуар
с технотриллером, рисуя будущее в самых мрачных красках.

Library Journal

© Cover Art by Chris Moore

ISBN 978-5-389-06968-8 01
9 785389 069688
www.azbooka.ru

аластер рейнольдс

ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

АЗБУКА